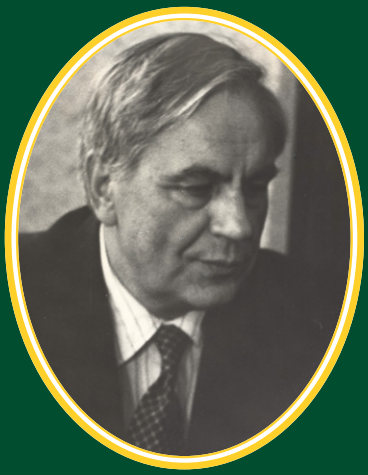
И. Р. ШАФАРЕВИЧ



ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ III

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В 6 ТОМАХ

Том III

РОССИЙСКИЙ КРИЗИС

РУССКИЙ НАРОД НА ПЕРЕЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Бег наперегонки со смертью

Часть первая

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭПОХА КОММУНИЗМА

Часть вторая

РУСОФОБИЯ У ВЛАСТИ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

ББК 66.2(2Рос)я44
УДК 32
Ш 30

Шафаревич И. Р.

Ш 30 Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. // Отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014 – 688 с.

Институт русской цивилизации публикует Полное собрание сочинений выдающегося русского ученого и публициста, одного из ведущих русских мыслителей XX века, академика РАН Игоря Ростиславовича Шафаревича. В его трудах вскрываются корни самых трагических событий современной истории России.

Шафаревич является классиком русской национальной мысли. Его книги вошли в золотой фонд русского национального наследия. Для миллионов русских мысли, высказанные в них, стали ориентиром в духовной и социальной жизни.

Том III включает: «Российский кризис», «Русский народ на переломе тысячелетий».

ISBN 978-5-4261-0112-8

© Шафаревич И. Р., 2014
© Институт русской цивилизации, 2014

РОССИЙСКИЙ КРИЗИС

СВОЙСТВО ХОРОШЕЙ КНИГИ – БУДИТЬ МЫСЛЬ ЧЕЛОВЕКА

– Игорь Ростиславович, с каким багажом пришло, на Ваш взгляд, наше книгоиздание к Съезду народных депутатов?

– Это интересный вопрос, но, я думаю, собственно со съездом его связывать не следует. Он шире – это вопрос издательской ситуации в наши дни.

В последние годы на читателей пролился водопад интереснейших публикаций. Сейчас уже трудно указать, что из написанного раньше хотелось бы видеть опубликованным. Я мог бы назвать несколько имен. Это, в первую очередь, Даниил Андреев – колоссальный поэт и мыслитель. К счастью, его уже начинают публиковать...

Вторая фамилия настолько общеизвестна, что тут не о чем и говорить. Это Солженицын. Кажется, проблема с публикацией его произведений решена, и в ближайшее время, по-видимому, они станут появляться. Еще один очень талантливый писатель, совершенно в наше время не опубликованный, – Владимир Максимов, эмигрировавший примерно тогда же, когда был выслан Солженицын. Даже ранняя, опубликованная у нас его «Повесть о Савве» – вещь, по-моему, очень яркая и глубокая. А написанный здесь, но опубликованный на Западе роман «Семь дней творения» – поразительное произведение. Я был совершенно оше-

ломлен им. Я вижу большой ущерб для читающей публики в том, что она не может познакомиться с этим произведением В. Максимова. Я понимаю сложность положения автора: он стал издавать на Западе журнал «Континент», который может с разных точек зрения у разных людей вызвать отрицательные эмоции. Но ведь у нас теперь все-таки начинают отделять действия, поступки писателей от их книг.

Так что проблема с художественной литературой, мне кажется, и состоит в том, что раньше издатели черпали из колоссального моря уже написанного, но не известного нашему читателю. Сейчас это море уже почти вычерпано. И создается странное положение: среди написанного у нас в последнее время ярких произведений гораздо меньше, чем хотелось бы. Из появившегося в последний год я запомнил как действительно крупную вещь только «Год великого перелома» В. Белова. Надеюсь, что причина не в нашей литературе, а в позиции издательств: у них ослабла золотоискательская жилка, помогающая искать, найти еще неизвестного автора, рискнув своей репутацией, опубликовать его. Поскольку происходит изменение ситуации – надо искать новые пути. Тогда могут появиться и новые имена писателей.

– Довольны ли Вы положением вещей в издании отечественного философского и исторического наследия?

– Здесь дело другое. Журнал «Вопросы философии» порадовал подписчиков объявлением подписки на издание трудов русских философов. Я также подписался, но покамест не получил ничего, кроме самого журнала. Хотя журнал интереснее, чем прежде, подписчики остались в проигрыше: обещанные издания до сих пор не вышли в свет.

То, что наше общество не знакомо с трудами громадной плеяды известных во всем мире русских мыслителей, – большой силы удар по нашей культуре, приведший к снижению уровня всех потенциальных сил нашего общества. Скажем, недавно вышел двухтомник В. С. Соловьева. Но ведь на Западе издано несколько его полных собраний сочинений. То, что в нашей стране он так мало публикуется, – наш позор. Впрочем, это относится ко всему направлению религиозной философии.

Особенно обидно, что, по существу, остается неизвестным читателям В. Розанов. Мне кажется, среди наших философов XX в. он самый нетривиальный. То немногое, что у нас печатается, – это поверхность, самые его доступные мысли. Он много раз сам себе противоречил, многие его произведения воспринимаются как кощунственные: одни – христианами, другие – иудаистами.

Но я в тех случаях, которые должны были бы меня шокировать, совершенно этого не ощутил. В трудах В. Розанова гораздо важнее сам процесс, методика мышления, отдельные промежуточные идеи, чем результат.

Сейчас у нас эпоха пересмотра многих взглядов. Но мне кажется, самое главное – это не опровергнуть тот или иной взгляд, а разбить упрощенную точку зрения на жизнь, на историю. Для этого очень важно направление философов истории, связанное с монархическими идеями. В первые годы советской власти отношение к ним носило определенный политический акцент: в то время за границей существовали сильные монархические организации и негативное отношение к этой группе философов имело политическое оправдание. Но сейчас трудно представить человека, который всерьез мог бы рассматривать монархию как политический выход для нашей страны. Поэтому публикация их работ

никакого политического оттенка в себе не несет и неиздание их происходит скорее в силу некоторой политической инерции. В то же время эти публикации важны и нужны, потому что в работах налицо глубокий, тонкий, выпуклый анализ политических структур, который заставляет смотреть на проблему их выбора более глубоко, неодномерно, не так, как все мы приучены: либо многопартийная система по типу США, либо так, как было при Сталине. В трудах этих мыслителей показывается многообразие, богатство подходов к истории. Я имею в виду такие работы, как «Монархическая государственность» Л. Тихомирова, «Монархия и республика» И. Ильина, «Народная монархия» И. Солоневича. У всех, кто читал эти книги, возникает одно чувство: они заставляют человека думать. А это самое главное свойство книги. Главное не в том, что книга может убедить человека в той или иной точке зрения, а в том, что она заставит его думать, будит человеческую мысль.

– Госкомпечатью принята перспективная программа издания как нашего, так и зарубежного философского и исторического наследия...

– Может быть, эти издания помогут читателям вспомнить о блестящей исторической школе, которая была в России и которая, к сожалению, мало известна непрофессионалам. Сейчас, к примеру, публикуют Н. Карамзина, С. Соловьева, В. Ключевского... А я хорошо помню, какую большую роль сыграло в моем детстве бывшее у нас дома дореволюционное издание трудов Н. Костомарова, написанных простым ярким языком. Или такой тонкий историк, как С. Платонов...

Нельзя забывать и о целой школе историков России, возникшей в эмиграции. Например, о Г. Вернадском. Смешно и горько читать его работы по русской истории

по-английски. Не менее интересен историк Г. Катков с его чрезвычайно глубокой и такой не сенсационно научной книгой о февральской революции. Целый кладезь сведений об этой эпохе содержится также и в исследованиях С. Мельгунова.

В нашу перестроечную, переломную эпоху особенно нужны книги, рассказывающие о столь же переломной эпохе февральской революции, а также книги о ранее предпринимавшихся реформах Александра II, П. Столыпина. Думается, многим было бы интересно прочесть собрание речей последнего.

И, наконец, еще одно замечательное имя – Н. Данилевский: книга «Россия и Европа». Книга эта не однозначна. В ней две части. Это первая критика «европоцентристской» концепции, она очень глубока и содержательна.

Так что у издательств есть широчайшая возможность публикации интересных для нашего общества произведений философов, социологов – из того, что написано, что разыскивать не надо, что вошло в научный оборот на Западе или у нас до революции, но неизвестно сейчас.

– Не настала ли пора издать сборник «Из-под глыб», проклятый лет пятнадцать назад со всех амвонов нашей печати?

– Я бы считал, что пора. По-моему, он даже чисто исторически интересен: можно будет сравнить, что думали пятнадцать лет назад. А кроме того, сборник, на удивление, не устарел.

– Поступали ли к Вам предложения о его издании?

– Поступали, но ничего определенного еще сказать не могу.

– Наши читатели не поняли бы нас, если бы мы не затронули в беседе с вами тему Съезда народных депутатов. Следили ли Вы за его работой?

– Естественно, и с большим интересом.

– Как Вы оцениваете выступления депутатов – писателей, публицистов, и вообще, кто из депутатов, по-Вашему, наиболее ярко и неожиданно выявил себя как личность?

– Мне не хотелось бы переходить на личные оценки: В. Распутина, например, оцениваю так-то, а Ю. Черниченко – так-то.

Поэтому я выскажу мнение в общем виде. И писатели, и публицисты так или иначе, но всегда активно высказывали свое отношение ко всем тенденциям, которые проявились на съезде. Это органически связано с той социально-политической ситуацией в стране, которая, как в зеркале, отразилась на съезде.

– Ваше впечатление от съезда в целом?

– Это было событие, наводящее на серьезные размышления. Мы сейчас переживаем эпоху реформ. Ситуация отнюдь не уникальная в истории. Реформы проводились и в нашей, и в других странах. И все-таки ситуация каждый раз бывает чрезвычайно опасной для каждой страны, которая проводит реформы. Это всегда некий кризис, перелом, переделка уже сложившихся структур и создание новых. Причем происходит это далеко неравномерно. Возникает кризисная ситуация, которая часто, как показывает история, может иметь самые тяжелые последствия и для того социального уклада, в недрах которого реформы начинаются. Поэтому для успешного проведения реформ необходимы два условия: во-первых, последовательное, системати-

ческое, планомерное осуществление изменений, доведение реформ до конца, а во-вторых, необходимость сильной и устойчивой власти, которая даст возможность скомпенсировать те дестабилизирующие тенденции, что порождены самим фактом перестройки социального организма. Поэтому и причин неудачи реформ бывает, как правило, две: одна – недостаточная планомерность в доведении их до конца (источник – сопротивление сил, связанных со старыми, устоявшимися структурами); вторая – радикализация, раскачивание государственного организма, его дестабилизация и вызываемый этим кризис. Именно такая неудача реформ вызвала Великую Французскую революцию. Начало царствования Людовика XVI было ознаменовано проведением цепи реформ. Для дальнейшего их осуществления были созваны Генеральные штаты. Но они пошли по пути все большей дестабилизации, резко изменили политическую структуру, и за три года страна перешла к якобинскому террору, гражданской войне, войне со всей Европой и т. д.

– *Не напрашиваются ли здесь аналогии?*

– Когда мы задумываемся о неудачах, которые могут ожидать нас, мы, как правило, говорим, что, мол, можем снова скатиться к режиму типа брежневского застоя, в котором, как мы уже знаем, существовать нельзя. Это может произойти в силу торможения реформ. Но есть опасность и другая – возврат к режиму типа сталинского. Это может произойти вследствие раскачки, увлечения «левыми» тенденциями, попыток непродуманно и поспешно копировать чужие пути развития, лозунгов типа «нам некогда ждать» и «пропасть нельзя преодолеть в два прыжка». Проведение реформ, делающих бедных беднее, а богатых богаче, да еще сопрово-

ждаемое муссированием этого неравенства средствами информации и демагогами, может привести к катастрофическим социальным катаклизмам. Прибавим межнациональные конфликты, способные распространяться, как пожар, представим, что власть удалось запугать угрозами еще больших беспорядков, парализовать ее – и реальна кровавая анархия, когда люди согласны уже на любую власть, лишь бы она была сильной. Отсюда и может родиться (как это много раз бывало в истории) какой-нибудь новый наследник Сталина.

Ситуация, близкая, с моей точки зрения, к сегодняшней, была в нашей Государственной Думе. Та же эпоха реформ, которые сначала сравнительно успешно проводил Столыпин. А потом Дума становилась все более радикальной, все более настраивала общество на конфликт с администрацией. На все это наложилась мировая война. Страна пришла к февральскому перевороту, в котором силы, действовавшие в Думе, оказались беспомощными. Следовало бы обратить внимание на тенденции, существующие в нашем первом опыте парламентаризма сейчас, и провести аналогию с теми давними тенденциями в Думе. Во многих отношениях они схожи, особенно если иметь в виду I и II Государственные Думы.

– *Что Вы имеете в виду?*

– Это прежде всего тенденция к нетерпимости. Поясню на примере. Черчилль перед войной своевременно предупреждал об опасности со стороны Гитлера. Но английские либералы только рисовали на него карикатуры: он своей сигарой поджигает земной шар. А началась война – и они же обратились именно к Черчиллю. Хорошо или плохо (вероятно, и с ошибками), но он вытянул войну (с английской стороны) на себе,

в результате своей колоссальной работоспособности. Но кончилась война – и Черчилля прокатывают на выборах. Стоит на балконе, смотрит на ликующую толпу и говорит Идену: ну что же, нас выпихнули вон, но мы за это и воевали!

Духа мудрого, спокойного отношения к явлениям жизни на нашем съезде я видел мало. Когда решение принималось «административным» путем, заявлялось, что это недемократично. Когда наоборот – большинством голосов, – оказывалось, что оно неприемлемо для какой-то группы, и следовали заявления о том, что победили сталинисты. Но ведь демократия требует признания демократических процедур, а не компрометирования их.

На съезде происходила гонка радикальности, очень похожая на ту, которая наблюдалась и в Думе. Произносится какое-то резкое высказывание, которое тут же обесценивается, поскольку следующий оратор говорит что-то более резкое. Происходит как бы инфляция радикальности. Конечно, все эти тенденции объяснить можно – люди натерпелись, им впервые предоставилась возможность высказаться о том, что накипело, да еще с избытком. Но объяснение не снимает болезненных результатов, которые могут произойти. С одной стороны, агрессивность по отношению к администрации, требование от нее точнейшего отчета, обсуждение вопроса о том, какие меры можно применить к администрации в случае ее промахов... И с другой стороны, большие послабления депутатов самим себе, позволение себе делать заявления, которые порой очень трудно подтвердить фактами.

На съезде гораздо меньше внимания, чем необходимо, было уделено самым центральным проблемам, той реальной опасности, которой подвергается страна. Уже четыре года идут реформы, но покамест для среднего

человека из народа условия жизни ухудшаются. Сколько же времени он будет с этим соглашаться? У него может сложиться впечатление, что перестройка – это всего лишь некий способ отвлечения внимания от того, что его жизненный уровень постепенно падает...

– Последние события в Кузбассе, Донбассе, Воркуте и т.д. явственно подтвердили справедливость Вашего замечания.

– Как-то я слышал едкую шутку: «Жить стало не лучше, но жить стало веселее». Спрашивается: кому стало веселее? Тому, кто любит читать Б. Пастернака или А. Платонова, у кого есть возможность ездить за границу?.. Может быть, им и стало веселее.

Если со стороны широких масс сложится скептическое отношение к перестройке, то вся система реформ будет проиграна, ибо ее успех основан только на сочувствии народа. Неудача реформ – первая опасность для нашей страны. Вторая – это экологический кризис. Ну, и третья опасность, не менее, а, может быть, более страшная, – то, о чем говорил по телевидению М. С. Горбачев: напряженность национальных отношений, которые в самом деле обладают взрывной силой. Это – как кипящий чайник, из носика которого выплескивается вода. Мы видим выплескивающиеся струйки, но совершенно не видим того, что бурлит внутри чайника...

– А все потому, что (если продолжить нашу метафору) семь десятилетий крышку с чайника не снимали и не заглядывали, что там происходит... Да еще и на носик надевали свисток, отчего бурление переходило в продолжительные овации...

– Сошлюсь на свою статью для того же сборника «Из-под глыб»: в ней еще пятнадцать лет назад я доказы-

вал, что основная опасность для нашей страны – в деформации межнациональных отношений.

– Ну, а как Вы смотрите на такие апокалипсические предсказания, как возможность раскалывания страны, отламывания от нее национальных регионов?

– Об этом и говорю. Такая опасность вполне реальна. Если начатый процесс реформ, планомерно направляемый и медленно и конструктивно идущий, прервется, то от наступившей катастрофы мы все одинаково пострадаем. Тут никто не убережется.

– Выступления каких депутатов вызвали у Вас негативное отношение?

– С этой точки зрения мне больше всего запомнилось выступление, в котором была предложена экономическая программа, куда в качестве элемента входило предложение вернуться к прежней системе продажи спиртных напитков для того, чтобы поправить финансовое положение.

– Вы имеете в виду выступление Н. Шмелева?

– Тут дело не в фамилии, а в концепции. Мне такая постановка вопроса показалась просто страшной. Назад повернуть нельзя – нельзя стереть память о том, что мы все сравнительно недавно узнали: цифры рождающихся дебилов, сокращение продолжительности жизни...

Если бы правительство стало проводить политику в условиях, когда народу известны ее последствия, это, помимо самих по себе ужасных биологических последствий, было бы огромной силы деморализующим фактором. Когда я читал выступление того депутата, вспомнил высказывание Ф. Достоевского, который говорил: «...если бы чуть-чуть “доказал” кто-нибудь из

людей “компетентных”, что содрать иногда с иной спины кожу выйдет даже и для общего дела полезно, то поверьте, тотчас же явились бы исполнители, да еще из самых веселых», и резюмирует: «Вот – интересы цивилизации, и – да будут они опять-таки прокляты».

Если говорить об общем впечатлении от Съезда, то оно такое: Съезд окончился в состоянии какого-то неустойчивого равновесия. Он как бы заявил возможные тенденции, и я думаю, что второй Съезд, наверное, более или менее определит, какие тенденции будут доминировать и что из этого реально получится.

– Как Вы относитесь к деятельности неформальных объединений?

– Прежде всего, я хотел бы привести пример идеальной, с моей точки зрения, группы «неформалов», хотя обычно ее к этой категории не причисляют. Я имею в виду тех, кто начал борьбу против проекта переброски северных рек и в этой борьбе победил. Это было светлое, прекрасное, чисто конструктивное течение, которое возникло неформально в самом точном смысле этого слова. Оно никем не было организовано, но сложилось в каком-то смысле вопреки административно-бюрократическим тенденциям. В нем не было никаких элементов демагогии, разрушительности. И оно действительно предотвратило национальную катастрофу и переориентировало сознание людей. Вот это идеальный пример неформального движения, каким бы мне хотелось его видеть.

Наименьшую симпатию вызывают у меня те «неформалы», которые наиболее политизированы, которые сами себя ощущают как партию, или заявляют, что они являются партией, или требуют создания другой партии.

– Вы имеете в виду Демократический союз, «Память»?..

– Я, к сожалению, мало знаю эти организации и буду говорить собирательно, абстрагируясь от названий: потому что могу ошибиться – одно назвать другим. Конечно, вопрос о том, будет ли она, вторая партия, не будет, довольно условен. Если у людей есть разные точки зрения, то они по принципу этих точек зрения каким-то образом объединены. И какая разница, будет это называться партией, фронтом или объединением?

Участие в любой партии, имея плюс на одном полюсе, ограничивает независимость человека, диапазон его мышления, диапазон концепций, которые он может продумать, – на другом. Человек оказывается подчиненным одной концепции... Отсюда – создание новых партий означает появление еще большего числа людей, которые в определенной мере будут менее духовно независимы, но уменьшает, а не увеличивает разнообразие мыслей и мнений. И мне кажется, что политизированность неформальных объединений, стремление ощущать себя партией не идут им на пользу.

– Конечно, не все наши ученые, философы, публицисты могут блеснуть такой широтой воззрений, как Шафаревич, статьи которого публикуются и «Московскими новостями», и «Новым миром»... Тем не менее, судя по высказанным Вами взглядам, и Вы, в общем-то, прибились к определенному берегу...

– Я представляю себе только один берег, одну партию или «фронт», к которому могу принадлежать – это наш народ, борющийся сейчас за свое выживание. Со всяким, для кого эта проблема стоит на первом месте в иерархии ценностей, мы, несомненно, найдем общий язык.

– Тогда как же Вы объясните, что Ваша подпись стоит под письмом в еженедельнике «Литературная Россия», авторы которого требуют просто-таки гражданской казни журнала «Октябрь» и его главного редактора А. Ананьева?

– Мне показалось парадоксальным, что глумление над Пушкиным (у Синявского), изображение России как полюса мирового зла (у Гроссмана) встретило поддержку в журнале, издаваемом Союзом как раз российских писателей. Реакция на такую ситуацию представляется мне естественной, как, например, естественной была в свое время реакция на опубликование статьи Нины Андреевой.

– Хотелось бы обратиться теперь к национальному вопросу, который поистине в наши дни обошел на полкорпуса все другие горячие проблемы жизни.

– Большинство национальных течений объединяет одно – их резкость, агрессивность. Это связано с остротой самих национальных проблем. При этом все они очень похожи друг на друга. Если взять высказывания какой-нибудь из прибалтийских организаций и, скажем, «Памяти» и заменить только название одной национальности на другую, то получится по сути одно и то же. Это как перевод с одного языка на другой. И мое отношение к национальным течениям смешанное. С одной стороны, они, как мне кажется, отражают реальную проблему, которая, может быть, является сейчас центральной в нашей стране. А с другой стороны, благодаря своей утрированности, нетерпимости эти течения начинают играть опасную разъединяющую роль. К тому же следует иметь в виду и очень разное отношение прессы – и нашей, и западной – к различным национальным движениям, например, к прибалтийским

или к «Памяти». Один советолог, приезжавший к нам, как-то сказал мне, что есть такая шутка: в Америке наиболее известны четыре русских слова: спутник, перестройка, гласность и «Память». Это – шутка, но она отражает полную нелепость, существующую в жизни. Я совершенно не представляю себе и не знаю, может ли кто-нибудь иметь реальную картину масштаба движения «Память»? По всем рассказам ясно, что оно очень невелико, митинги немноголюдны, прессы нет у него никакой. Движение не поддерживает ни одна газета – и одновременно ему придается искусственно такая большая роль! Мое объяснение этого феномена таково: мы имеем дело со стремлением искусственно создать своего рода «образ врага», разбудить страх по отношению к пробуждающимся русским национальным тенденциям, желание создать образ какого-то колоссального чудовища, которого должны бояться все. Даже европейский парламент принял призыв распустить общество «Память»! Его осудили десятки газет – наших и зарубежных...

– В памяти (не в «Памяти»! – простите за каламбур!) осталась Ваша полемика с Роем Медведевым о Сталине и сталинизме. Внесли ли публикации последнего времени, в частности предисловие Г. Водолазова к повести В. Гроссмана «Все течет», какие-либо коррективы в Вашу позицию?

– Собственно говоря, с Р. Медведевым у меня никакой полемики не было. Я сформулировал всего один вопрос, к которому хотел привлечь внимание. Формулировка моей точки зрения осталась за пределами той маленькой заметочки в «Московских новостях». Ее я изложил в своей статье в журнале «Новый мир» № 7 за этот год. Я пытаюсь выяснить, в чем, с моей точки

зрения, заключается причина увлечения Сталиным и сталинизмом, охватившего в 20-40-е годы левые либеральные круги на Западе. Что же касается предисловия Г. Водолазова к повести В. Гроссмана, то мне кажется, оно интересно, но его неправомерно рассматривать как решение вопроса о причинах сталинизма. Такое решение может быть изложено в книге или серии больших статей. В предисловии же обычно новый взгляд на историю не излагается. У нас появился сейчас какой-то феномен «фельетонного» отношения к истории, будто можно в интервью или небольшой статье изложить какую-либо концепцию. Но это несерьезно. Мне кажется, что и сам автор предисловия не ставил перед собой задачи сформулировать некую концепцию. Его публикацию надо воспринимать именно так, как он сам нам предлагает: это предисловие, которое должно в некотором смысле облегчить восприятие повести, в которой содержится резко отрицательное суждение о В. И. Ленине. С этой точки зрения о предисловии есть смысл поговорить. Здесь у меня два замечания. Первое такое: у нас сложилось по отношению к В. И. Ленину мышление, так сказать, «культового» характера, когда точка зрения человека, в данном случае – Ленина, рассматривалась не как предложение для обсуждения, обдумывания, а как некая абсолютная истина. Сплошь и рядом приводится цитата из Ленина – и дальше она не обсуждается. Считается, что, приведя цитату, автор доказал свой тезис...

– В беседе с Д. Волкогоновым, опубликованной в «КО», говорилось, что успех борьбы Сталина за власть заключался в том, что «корифей наук» взял на себя право единственного защитника, интерпретатора, толкователя учения В. И. Ленина.

– В качестве крайнего примера мне вспоминается такой случай: один публицист привел уже много раз цитированную фразу Бухарина из «Экономики переходного периода» о том, что насилие, в том числе расстрелы, является одной из форм переделки человеческого материала капитализма в социалистическое человечество. Процитировал ее с осуждением. А другой публицист выступает в газете и говорит: да как он посмел осуждать, когда известно, что на полях книги есть одобрительное замечание В. И. Ленина?!

Точка зрения второго публициста удивительна (и типична!) особенно в применении к В. И. Ленину, который поражает неподготовленного читателя, как мне кажется, выражениями такого типа: «Ошибки нашей партии очевидны», «Наделали массу ошибок» и т. д. Получается парадоксальный тезис, логический парадокс: Ленин был всегда прав. Даже в тех случаях, когда он сам говорил, что он не прав!..

Мне представляется полезным последовательное и планомерное включение и работ, и политики В. И. Ленина в нормальные рамки научного исторического исследования. Логично было бы, если бы это началось не с романа, повести, а с научных исследований. Ибо у В. Гроссмана концепция изложена, как это может быть только в художественном произведении – без доказательств, без какого-либо анализа, – как некое эссе, так сказать, стихотворение в прозе, написанное на тему: «Роль В. И. Ленина в истории».

В любом случае, мне кажется, преодоление культового отношения к В. И. Ленину очень важно, ибо такое мышление опасно. Оно смертельно опасно, когда связывается с человеком, в руках которого сосредоточена абсолютная власть. Но даже когда сам тип культового мышления закрепляется в обществе, внед-

ряется в общественное сознание, это уже таит в себе опасность. Наше мышление должно освобождаться от этого стереотипа.

Второе замечание, которое вызывает повесть В. Гроссмана и предисловие к ней, относится к тем двум, так сказать, персонажам, о которых рассуждает герой в самом конце. Персонажи эти очень разнородны, но мне кажется, что по одному параметру их можно сопоставить – по поводу обоих автор допускает резко отрицательные высказывания. Один из персонажей – В. И. Ленин, а второй – Россия.

В повести они неразрывно связаны: в чрезвычайно яркие, радикальные, отрицательные высказывания о России вкраплены и мысли о В. И. Ленине. Причем они относятся не к какому-то историческому периоду, социальному слою или тенденции. Нет, В. Гроссман пишет о России в целом. Он говорит о русской душе как о некоей квинтэссенции несвободы. Русская душа – это вечная раба, которую он даже противопоставляет всему человечеству. История человечества – это история развития свободы, а русская история – развитие несвободы. В другом месте он говорит, что это, пожалуй, свойство не одних только русских, мол, есть и другие несвободные народы. И из них – кто намного дальше, а кто ближе к русскому образцу. Русские же, Россия оказываются полюсом несвободы в человеческой истории вообще. Он так и говорит: тысячелетняя история несвободы.

Я не против обсуждения любых точек зрения. Но интересно сопоставить реакцию автора предисловия и редакции журнала (а может быть, и какой-то определенной части читателей) на отношение В. Гроссмана к этим двум персонажам – Ленина и России. В то время как отрицательные суждения о Ленине требуют объ-

яснений, смягчения, возражений – не менее резкие высказывания о России воспринимаются как нечто естественное. Это сопоставление представляет интерес, потому что объективно характеризует определенные настроения, существующие в нашем обществе...

– Обратимся снова к книге. Расскажите о своих литературных интересах.

– Что мне нравится?

– Можно о том, что и не нравится.

– Мои литературные вкусы весьма традиционны: от Гомера, Эсхила и Данте – до Пушкина, Толстого.

– Нечасто можно увидеть ученого-публициста, читающего в период перестройки... Гомера и Данте.

– Гомера я полюбил в детстве, тогда до перестройки было далеко!..

– А как в отношении современников?

– Я уже упоминал Д. Андреева. Из прозаиков – Солженицын, Белов, Распутин. Мне близка литература, которая исходит из каких-то глубоких национальных и культурных корней и как бы собирает урожай на громадном историческом поле.

– Читаете ли Вы «КО» и есть ли у Вас претензии к нашему изданию?

– Зачем же я буду о претензиях говорить? Наоборот, за вами навсегда останется заслуга того, что вы первыми подняли вопрос о возвращении Солженицына. А если и есть что-то, что мне не нравится, то зачем об этом вспоминать. Я подписался на ваш еженедельник именно тогда, когда вы написали о Солженицыне.

– *Значит, Вы наш молодой подписчик*?

– Я даже не знаю, давно ли выходит ваше издание.

– *Двадцать с лишним лет.*

– Ну, а я, как видите, сравнительно недавно обратил на вас внимание – в последние годы, когда вы стали широко известны.

– *Последний, традиционный вопрос рубрики: какой вопрос задал бы Игорь Шафареич ученому и публицисту Шафаревичу и как бы тот ответил на него?*

– Пожалуй, я бы задал себе такой вопрос: вы видите так много опасностей, стоящих перед страной и перед человечеством. Что же, значит, вы пессимист? Или у вас есть надежда на лучшее будущее? А ответил бы я так: считаю себя оптимистом, но оптимистом иррациональным, потому что действительно кажется, что момент, который мы сейчас переживаем, – момент, говоря условно, это может быть целый век! – это какой-то колоссальный кризис всего человечества. Он настолько глубокий, что, я думаю, никто сейчас не в состоянии указать какие-то конкретные пути выхода из него. Один экологический кризис чего стоит! А иррационально я верю в то, что выход существует, потому что верю в громадную силу памяти, в то, что и каждый народ, и человечество в целом, весь вид homo sapiens и даже все живые организмы – все они хранят в себе память о своем древнейшем прошлом. И если мы только не отбросим эту память и сумеем мобилизовать всю ту мудрость, которая у нас где-то хранится, то это будет такая сила, о размерах которой мы совершенно не подозреваем.

1989.

Беседу вели И. Филатова и А. Щуплов.

ФЕНОМЕН ЭМИГРАЦИИ

Наша страна, очевидно, переживает сейчас один из поворотных, роковых моментов своей истории. Ближайшие несколько лет решат, вероятно, ее будущее на многие годы, а может быть, и вопрос ее существования. Нет нужды перечислять зловещие явления, возникшие в экономике, экологии, отношениях между нациями. Они хорошо известны и привели ко всеобщему убеждению в неизбежности коренных изменений жизни, к идее «перестройки». Но к ним прибавляются не меньшие опасности, связанные с самим процессом перестройки. Любой организм в период радикальной перестройки становится менее устойчивым, резко понижается его сопротивляемость. Распадаются старые структуры, хоть и плохо, но еще функционировавшие, а новые на смену им создаются далеко не сразу. В подобный период разрушительный внешний импульс, в обычных ситуациях легко преодолимый, может оказаться роковым. Один такой фактор, не раз в критические моменты оказывавший разрушительное воздействие на жизненный уклад многих стран в различных исторических условиях, я и хочу обсудить в этой статье.

Речь идет о явлении эмиграции. Конечно, далеко не всегда эмиграция действует разрушительно. Например, этого нельзя сказать об эмиграции из Англии в колонии. В период социальных катаклизмов и революций эмиграция приверженцев свергнутого «старого режима», бегущих, как правило, чтобы спасти жизнь, не имеет уже возможности (каковы бы ни были ее желания) повернуть историю назад. Идеология этой «эмиграции беженцев» бессильна уже потому, что отмечена печатью поражения. Даже если такая эмиграция возвраща-

ется с победой (как во Франции после Наполеона), она вынуждена мириться с происшедшими изменениями, стремясь только выкроить кое-что себе (как правило, не надолго). Но существует еще одна разновидность эмиграции. Она возникает, когда в стране отнюдь не царит массовый террор. Люди уезжают не для того, чтобы спасти жизнь, а ради некоего дела, которому они себя посвятили. Это дело связано с подготовкой и осуществлением глубинных изменений в стране их первоначального проживания, но они считают, что делать его сейчас эффективнее вне ее. Такая эмиграция поддерживается обычно надеждой на скорое торжество дела. Эмиграция этого типа возникла в нашей стране в 70-е годы, она-то для нас и важна. Один из ее представителей, покойный А. Амальрик, назвал ее «эмиграцией надежды», сравнив, в этом отношении, с революционной эмиграцией, предшествовавшей 1917 г. Вот подобная «эмиграция надежды» и является часто признаком и инструментом радикальных, насильственных перемен – это можно проследить на многих исторических примерах.

Герцен, вся жизнь которого была связана с эмиграцией, особенно глубоко чувствовавший ее роль, писал: «Во всех странах, при начале переворота, когда мысль еще слаба, а материальная власть необуздана, люди преданные и деятельные отъезжали...», «Эмиграция – первый признак приближающегося переворота». Общеизвестно, например, какую роль в нашей истории играла эмиграция (еще с Бакунина и Герцена) в подготовке революции. После февральской революции сотни эмигрантов потоком полились в Россию: поездами из Швейцарии через Германию, специально зафрахтованными пароходами из Америки и т. д. Тогда их цель называлась «углубление революции», то есть радикализация ее. Этот поток принес десятки имен, без которых

революция, гражданская война, военный коммунизм кажутся нам немыслимыми.

Очень интересный пример представляет Английская революция 1640–1660-х годов. Она основывалась, как известно, на идеологии пуританизма – радикального течения протестантизма, – зарождение которой обычно связывают с эмиграцией из Англии в царствование Марии Тюдор, пытавшейся вернуть страну к католичеству. Спасаясь от преследований, протестанты бежали в Германию и Швейцарию, где и усвоили самые крайние принципы радикального протестантского учения – кальвинизма.

По-видимости, это была «эмиграция беженцев». Но недавнее доскональное исследование биографий всех 472 эмигрантов показало, что их отъезд был тщательно подготовлен и начался до всяких преследований. Эмиграция финансировалась группой крупных банкиров («Комитет 26-ти»), заранее посылались эмиссары для поиска удобных мест поселения, была налажена хорошо работающая связь с Англией. То есть это была на самом деле «эмиграция надежды»!

Как же функционирует механизм эмиграции? Ее цель – создание слоя людей, как можно более радикально порвавших духовно со всем жизненным укладом страны, из которой они уехали, для которых благодаря этому диапазон возможных проектов, действий, могущих определить будущее этой страны, бесконечно расширяется. Так, эмигрировавшие из Англии протестанты призывали к казни короля (тогда – королевы). В Англии того времени это звучало бы неслыханно – но было пророчеством о том, что произошло 100 лет спустя. И в нашем террористическом и революционном движении наиболее радикальные идеи и документы вырабатывались в эмиграции – например, у Бакунина и Нечаева. Точно так же

призывы во время войны к борьбе за поражение собственного правительства немыслимы вне эмиграции.

Процесс эмиграции начинается еще в стране «первоначального обитания» (термин, часто употребляемый новейшими эмигрантами). Достоевский писал: «Герцен не эмигрировал, не положил начало русской эмиграции; нет, он уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России». Действительно, существует «эмигрантское отношение к жизни», которое может окончиться, а может и не окончиться отъездом, – человек начинает смотреть на окружающую жизнь как бы со стороны. Это можно было ясно увидеть у некоторых писателей, уехавших в последние десятилетия (именно когда это были талантливые писатели): в их написанных еще здесь произведениях появлялись какие-то новые элементы, иногда менялся даже язык. Они (может быть, и бессознательно) ориентировались уже на других читателей, критиков. Еще в этой стране эмиграция производит отбор, создает фильтр: ее путь избирают как раз люди, менее укорененные в жизни. Отъезд еще усиливает их изоляцию. Жизнь без корней, в чужой стране создает совершенно особенную, болезненную атмосферу. Как правило, эмиграция разбивается на небольшие группы, враждующие друг с другом, в ней происходит «война всех против всех». При этом в ход идут самые мрачные обвинения, в первую очередь – в сотрудничестве с полицией той страны, откуда они уехали (потом история показывает, увы, как часто подобные обвинения были справедливы). Так было с французской, польской, немецкой, русской эмиграцией в XIX в. Похожая картина и в советской эмиграции 70-80-х годов. «Страшная вещь – эмиграция», – писал Герцен. Он прибавляет, однако, что ни на что бы ее не

променял, так как она дает необыкновенное ощущение свободы. Но свободы – от чего? Скорее всего – от укорененности, ответственности за судьбу своей страны, от опасения повредить ей своими делами. Неудачи этой страны эмигрантов радуют – они оправдывают их отъезд... Успехи же – деморализуют, воспринимаются как их собственная неудача (так болезненно переживал, например, Герцен начало реформ 60-х годов). Создается тип человека, все более оторванного от своей бывшей родины, раздраженного текущей там жизнью, видящего весь смысл своего существования в ее переделке и постоянно готового к вторжению в эту жизнь.

Этот процесс, в результате которого создается совершенно новый человеческий тип, напоминает выращивание чистой культуры бактерий в искусственной среде. Потом бактерии проникают в организм, инвазируют его ткани и вводят в них свои токсины. Точно так же эмигранты, возвращаясь в страну «первоначального обитания», становятся орудием переворота и взрыва – столь радикальным и эффективным, что создать его внутренними средствами, без механизма эмиграции, было бы невозможно.

Наша страна уже в XX в. породила несколько волн эмиграции. Обычно насчитывают три «волны»: 1-я – после гражданской войны, 2-я – после конца войны в 1945 г. и 3-я – в 70-80-е годы. К ним надо бы прибавить и самую раннюю – еще дореволюционную. Из них 1-я и 2-я «волны» были типичными «эмиграциями беженцев», а дореволюционная эмиграция и 3-я эмиграция – типичной «эмиграцией надежды»[1]. Эта «3-я эмиграция» и может

[1] Эмиграция 70–80-х годов была в подавляющей части еврейской, в США и Израиль, с проблемами нашей страны она была связана слабо, в основном лишь через борьбу за разрешение отъезда. Но на ее гребне возникла другая, численно гораздо меньшая, но громко о себе заявившая эмиграция, которую обычно и называют 3-й волной.

повлиять, да уже и влияет весомо на нашу жизнь. Собственно, о ней-то и эта статья.

В согласии с общей схемой, и эта эмиграция сформировалась еще внутри страны, среди людей, наименее укорененных в ее жизни. Такие люди зачастую легче других рвут с рутиной, традицией жизни: среди них нашлись и смело заявившие о себе в период, когда послышались первые голоса протеста против лжи и жестокости эпохи 60–70-х годов. Сначала они были неотличимы в небольшом слое людей, вдохновленных тогда единым порывом, еще не обдуманным конкретно чувством: разогнуться, вздохнуть свободно! И я помню ощущение шока, когда выяснилось, что наши товарищи, о которых мы думали, что до последнего будем вместе переносить все гонения, вдруг складывают чемоданы и внезапно исчезают из нашей среды и нашей страны. Более того, часто уехавшие, оказавшись на Западе, провозглашали такое, что заставляло усомниться: да были ли они когда-либо близки этой стране, этому народу? Кажется, я был тогда первым из того круга, рискнувшим вслух выразить сомнение в том, что эмиграция – это подвиг, за который вся страна должна быть эмигрантам благодарна. Почти историческая давность события, быть может, извинит длинную самоцитату. Дело было 15 лет назад на пресс-конференции по поводу выхода в Самиздате сборника «Из-под глыб»[1]. Я сказал тогда: «И поэт, писавший стихи о том, как он не уедет, и мыслитель, создавший эссе о том, почему уезжать не надо, – все они уехали добровольно. И если теперь одни говорят, что их выслали, другие – что почти выслали, третьи возмущаются тем, что их лишили гражданства, то значит, и первые, и вторые, и третьи сами чувствуют, что поступили не так, как должны

[1] См. это выступление в т. 2.

были. Добровольно уехавшие деятели русской культуры просто не выдержали давления, которое десятилетиями выдерживали, например, миллионы верующих. Иными словами, у них не оказалось достаточно духовных ценностей, которые могли бы перевесить угрозу испытаний – конечно, тяжелых, но вполне допустимых человеческим силам, как показали многочисленные примеры. А если так, то о каком же значительном их вкладе в культуру может идти речь? Люди, лишенные этих ценностей, не могут внести вклада в культуру, независимо от того, по какую сторону границы они находятся. Это можно заметить и на многих конкретных примерах. Человек, например, способный написать: "Россия – Сука! Ты ответишь и за это..." – был тысячу раз прав, уехав – и ему бессмысленно переносить неудобства ради этой страны, и ей он ничего дать не может». В ответ я услышал целый поток возражений и попреков, в том числе и предельно грубых – показывающих, как болезненна эта проблема.

Но более того, вскоре эмиграция превратилась в метод делания некоей карьеры. Громким, резким заявлением, созданием «комиссии», «комитета» или «группы» человек добивался известности на Западе и возможности, эмигрировав, занять там престижное положение. Ф. Г. Светов, одно время известный критик «Нового мира», а потом автор нескольких романов (у нас до сих пор не изданных), напечатал в парижской газете «Русская мысль» статью, содержащую яркое описание этой ситуации. По его мнению, речь идет о «продукте», который можно добыть только здесь, а реализовать – только на Западе. «Продуктом» может быть протест, создание «комитета», лагерный срок или просто очень смачный плевок в Россию. А реализуется, продается он на Западе, этот торг и есть дело эмигра-

ции. (Он подразумевает, конечно, именно ту «эмиграцию надежды», о которой мы говорим.) И вот какой произошел результат: люди, раньше безоговорочно считавшие друг друга единомышленниками, стали с опасением поглядывать на своих соратников, жертвенный товарищеский порыв пошел на убыль.

Еще более деструктивное действие оказала эмиграция другим своим аспектом. Поскольку власть ей препятствовала, то за эмиграцию надо было бороться. И вот как-то получилось так, что борьба за право эмиграции оказалась сверхважной, первейшей задачей и заслонила собой все остальные проблемы страны. Был даже сформулирован тезис, что среди всех «прав человека» право на эмиграцию – «первое среди равных». Можно себе представить, какое впечатление это произвело на подавляющее большинство народа, для которого вопрос об эмиграции не стоял и не мог стоять, на тех, кто о такой возможности даже не задумывался! Какой нелепо оскорбительный взгляд на жизнь страны: в ней важнее всего то, как из нее уехать! И ведь начиналось все это, еще когда колхозники не имели паспортов, не могли уехать не только в Америку или Израиль – а в соседний район. Когда бесправное положение колхозников, поездки на автобусах в Москву за продуктами, полное отсутствие врачебной помощи в деревне – все это признавалось второстепенным по сравнению с правом на отъезд тонкого слоя людей, то здесь было не только пренебрежение интересами народа в целом, здесь чувствовалось отношение к народу как чему-то мало значительному, почти не существующему. Какой же широкой поддержки или хотя бы понимания можно было ожидать? Полная изоляция, даже внутри интеллигенции, была неизбежна. Так эмиграция, исказив естественную иерархию жизненных ценностей, привела к тому, что был, может

быть, упущен шанс «перестройки» на 20 лет раньше теперешней – в стране, гораздо менее разрушенной духовно, экономически, экологически.

Но вот переезд совершился, и эмиграция начинает вызревать в новой среде, в искусственной изоляции от своей страны. Первое, что многих тогда поразило, – это взрыв озлобленных выпадов новых эмигрантов по адресу прежней «страны обитания». Например, эмигрировавший сатирик А. Зиновьев на вопрос: «Осталось ли в русском народе что-то сугубо национальное?» – ответил утвердительно и привел много примеров: «Веками отработанная способность унижаться и унижать других, способность приспосабляться к мнению других, способность угождать и требовать того же от других» – и в этом духе на $^1/_2$ страницы! А. Синявский обвинил русских огульно в антисемитизме… А. Янов разъяснил, что единственное содержание «русской идеи» – это фашизм, Б. Шаргин сообщил, что у русских не было истории, а было лишь «бытие вне истории» и т. д. и т. д.

Мы видели своими глазами, как в эмиграции творится какой-то «новый человек», и механизм его создания отчасти становился понятен. Прибыв на Запад, новые эмигранты оказывались в щекотливой ситуации. Весь их статус, уважение других, даже самоуважение, да и более тривиальные стороны бытия: работа в журнале, на радио, в университете – все это определялось тем, что они прибыли как Борцы, Герои Сопротивления. И в то же время создавалось какое-то фальшивое положение: Сопротивление происходит в одной стране, а его Герои находятся в другой.

Ситуация очень походила на бегство:

Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,

Бежал, нечестно бросив щит,
Творя обеты и молитвы!
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам внезапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал...

(По-видимому, в Америку или Париж).

Для преодоления этой трудности и возникла концепция безнадежной, от начала веков обреченной на рабство страны, в которой порядочный человек не может дышать. Но эту схему надо было еще заполнить содержанием – так возникла целая литература, обосновывавшая рабский характер русской души и ущербность русской истории.

На эту деятельность ушло добрых 15 лет, а тем временем у нас подоспела «перестройка» и начался третий фазис в эволюции эмиграции – ее возвращение в страну «первоначального обитания». История учит, что особенно сейчас, в период резких и трудных изменений, – это далеко не безопасный процесс. Как бы ни оценивать ту или иную прошлую революцию, вряд ли найдется у нас много людей, желающих революции сейчас. Очень сомнительно, что в теперешнем состоянии страна могла бы такой катаклизм пережить. А ведь когда Герцен называл эмиграцию признаком «приближающегося переворота», то явно имел в виду революцию. Поэтому, казалось бы, своевременно нам к возвращению эмиграции присмотреться и приготовиться.

Правда, сейчас возвращаются они чаще всего не телами своими (которые прибывают разве что для краткого визита) – а произведениями, публикуемыми у нас в популярных изданиях. Но ведь именно их произведения – это сейчас средство их воздействия, их токсины. Читателей – в первую очередь молодежь, – намаяв-

шихся под бременем тошнотворной пропаганды, лживой литературы, оглушает и захватывает эта крайняя раскованность, агрессивная смелость в ниспровержении обрыдлых истуканов. А основной заряд, которым начинена эта литература, они воспринимают даже не задумавшись. Звонкая пощечина Сталину отвлекает, например, внимание от главного содержания произведения – глумления над Россией и всей ее историей. Да разве это первый раз, когда застой жизни делает сладким уже любое ниспровержение, независимо оттого, что же именно ниспровергается?

Ярким примером такого эмигрантского произведения является книга А. Синявского «Прогулки с Пушкиным» (фрагмент из которой опубликован в журнале «Октябрь»). Ей мы и посвятим оставшуюся часть статьи. Произведение это содержит множество характеристик, «раскрытий» Пушкина: он вбежал в поэзию на тонких эротических ножках; образ, более всего раскрывающий Пушкина, – это мертвец, утопленник: собственно, это он, Пушкин, «стучится под окном и у ворот»; но Пушкин и упырь, и Самозванец, и Хлестаков, и даже кудрявая (баки!) вертящаяся вокруг дам болонка... Все это написано в духе ёрнического похохатывания, напоминая стиль хулиганящей шпаны, которая может и шапку сорвать, и в карман залезть, похлопывая по плечу: «Да ты что, старик, шуток не понимаешь?» А кто «понимает шутку», должен увидеть здесь захватывающе смелую попытку раскрыть нам Пушкина с его непарадной, нелакированной стороны – «живого, а не мумию».

Зачем это написано и зачем здесь издается? Существует распространенный прием, который, вероятно, многие могли наблюдать, когда сплоченная группа, «мафия», захватывает руководство в какой-то сфере

жизни. Интересного для них человека они «проверяют», «прощупывают», заставляя сделать нечто для него неприятное. Если он покорится, значит, его можно сгибать дальше, можно и совсем подчинить, в противном случае – надо повременить, он еще не созрел. Таким «проверкам» подвергаются, в событиях большего масштаба, целые социальные слои и народы.

Этим приемом прекрасно владел, например, Сталин. Так, во время войны он сделал с головы до ног измазанного кровью прокурора процессов 30-х годов Вышинского – замнаркомом иностранных дел и поручил ему переговоры с западными союзниками. Они могли бы и отказаться иметь с ним дело, но слишком трепетно желали выиграть войну нашей кровью. А после этого, как они могли возражать против того, что сталинский прокурор заседал в Нюрнбергском трибунале рядом с самыми почтенными их юристами? А после этого как они вообще могли осудить процессы 30-х годов?

Как надо было бы наиболее эффективно «проверить» русских? Кощунство, оскорбление Православия? – но теперь это было бы болезненно лишь для меньшинства. Еще раз испачкать грязью русскую историю? – но это мы уже переносим спокойно. А вот, пожалуй, Пушкин – это то, что ближе большинству русских, укол в это место почувствует большинство их. Да и в журнале «Синтаксис», издаваемом Синявским, появилась же статья, где автор раздраженно недоумевает: почему это в России без конца издают и раскупают Пушкина? Вот одной из проверок жизненности нашего народа, его способности дать отпор и является эта публикация. (Не надо видеть в таком объяснении веру в «мировой заговор» – думаю, что любая блатная компания, прибирающая к рукам какое-нибудь пред-

приятие, применяет этот прием очень четко, не формулируя его и не сговариваясь.)

Недавно аналогичная ситуация прогремела по всему свету. Знаменитые «Сатанинские суры» Соломона Рушди – это, по-видимому, нечто вроде исламского варианта «Прогулок с Пушкиным». И надо сказать, что исламский мир своей реакцией на это «прощупывание» еще раз доказал свою большую жизненную силу, а тем самым, вероятно, заметно ослабил давление, которому мог бы подвергнуться в ближайшее время. Я говорю, конечно, не о призыве покойного Аятоллы убить автора – они оказались как раз очень удобным предлогом, чтобы под видом защиты Рушди (который еще, наверное, заработает на этом шуме не один миллион) замазать то кощунственное оскорбление, которое было нанесено целой цивилизации – многим сотням миллионов человек. Реальным ответом были грандиозные демонстрации, то, что в столкновениях с полицией сотни людей отдали свои жизни, – и в результате удалось добиться запрета книги во многих странах.

Но наш-то ответ еще впереди. Как это случилось, что грязное хихиканье по адресу одного из самых светлых имен русской культуры публикует журнал, являющийся органом Союза писателей России? Неужели в своей жизни (и в самой смерти) Пушкин принял не достаточно гонений – нужно еще приложить руку и потомкам? Неужели травли Ахматовой, Пастернака, Солженицына нам недостаточно? Пойдут ли теперь гонения в глубь истории, пока не охватят всю русскую литературу? Это зависит от того, каков будет наш ответ на предложенную нам «проверку». Говоря о «нас», я имею в виду не только русских, но всех, принадлежащих той культуре, одним из источников которой был Пушкин.

1989.

ШЕСТАЯ МОНАРХИЯ

«После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею.

А четвертое царство будет крепко как железо...

И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу...»

Так пророк Даниил объяснил сон царя Навуходоносора (Дан 2 : 39–40, 44). Согласно стандартному истолкованию здесь подразумеваются: вавилонская монархия Навуходоносора, персидская монархия, македонская и римская. Пятая же монархия, по иудаистскому толкованию, – грядущее царство Мессии, а согласно одной старой христианской традиции – царство Иисуса Христа.

На Западе иногда говорят, что там теперь все эти пять монархий сменила шестая – господство прессы. Поэтому прессу и вообще средства массовой информации называют шестой монархией[1].

Но если на Западе средства информации действительно властвуют, как Навуходоносор, над «сынами человеческими, зверями земными и птицами небесными», то у нас-то, до самого последнего времени, они были полностью подчинены всевластному аппарату, журналисты и редакторы назначались как чиновники и ответственны были лишь перед начальством, ради которого, собственно, и писали.

Однако за последние несколько лет все кардинально изменилось, роль средств информации стала совершен-

[1] По другой версии, этот термин принадлежит Наполеону, сказавшему, что, кроме пяти великих держав, есть шестая – пресса.

но иной, даже и противоположной прежней. Что же ими двигает теперь, каков механизм их функционирования?

Никто, следящий за нашей прессой, радио, телевидением, я думаю, не разделяет идеалистического взгляда, что они просто «изображают что есть» или «плюралистически отражают все мнения». Из одного единственного номера газеты можно узнать, как телевидение отказало в выступлении кандидату в депутаты «чтобы не обижать других кандидатов», но передало выступление его соперника; как «Литературная газета» отказалась напечатать программу кандидата-писательницы: один пункт программы газету не устраивал. И если ленинградская «Смена» опубликовала интервью, где участников VI Пленума Союза писателей РСФСР называют «подонками», то можно быть уверенным, что об организации «Апрель» она отзывается с величайшим уважением.

Легко заметить, что подавляющее большинство наших средств информации выражает один и тот же комплекс взглядов, чем-то тесно связанных. По широко разбросанным вопросам: нужно ли изымать доходы теневой экономики? продавать ли свободно землю? И т. д. и т. д. вплоть до отношения к сексу в кино или до оценки стихов Бродского – можно услышать, как правило, очень похожие мнения с небольшим разбросом. И никто не может объяснить: как и кем решается, что именно этот комплекс идей внушается народу, причем на средства народа? Нельзя ведь всерьез поверить, что дело здесь решает «честная конкуренция», тираж. Надо сначала получить ставки, типографию, бумагу, только тогда возникает тираж – не наоборот! В телевидении это еще яснее. Вопрос о направлении, которого придерживаются средства информации, не решается ни голосованием, ни каким-то органом, который можно было бы

критиковать. Ни даже органом, который запрещено критиковать (как было когда-то). Даже это было бы понятно, хотя и неприятно. У нас же все решается внутри какого-то слоя «информаторов» – специалистов по работе со средствами информации, – который не только не несет никакой моральной ответственности, но даже не может быть точно очерчен. Теперь, когда пролилось столько крови в Закавказье и в Средней Азии, уже и не вспомнишь: кто морально отвечает за разжигание духа сепаратизма, за внушение штампов «мигранта», «оккупанта», «диктата центра»? Ищи концов этих безликих агитаторов!

Все чувствуют, какая это колоссальная сила – средства информации. Особенно – телевидение. Оно охватывает людей любого уровня – даже грамотность не нужна. И показывает как будто «саму жизнь». Прямо в квартиру приходит собеседник, но собеседник какой-то особый: ему не возразишь, не задашь вопроса. В книге можно хоть перечесть предшествующую страницу – здесь не проверишь, что он говорил неделю назад. Здесь возможен диалог – но особый, на экране: будут задаваться лишь вопросы, санкционированные редактором. А детская передача образами, ритмами песенок с малолетства приучает к определенному стилю жизни. По существу телевидение создает искусственный мир, который люди принимают за наш, настоящий.

Представим себе, что существовала бы практика впаивать человеку электроды в череп и, раздражая определенные участки мозга, влиять на его поведение. Как все сплотились бы в требованиях скрупулезного, ответственного контроля такой практики! А ведь влияние средств массовой информации не меньше. И у нас уже социальный слой, связанный с ними, болезненно и агрессивно реагирует на любые попытки общественно-

сти их контролировать. (Пример – реакция на попытку Союза писателей РСФСР влиять на отбор редакторов газет и журналов – органов этого Союза.) «Желание поставить под контроль средства информации» и «отказ поставить под контроль общественности КГБ» (или армию) – в устах одних и тех же людей звучит как одинаково тяжкое обвинение. А ведь ситуации родственные! Мы, видимо, только-только столкнулись с важнейшей для нашего общества проблемой. Недаром в народе говорят: «В чьих руках ящик (теле-), у того власть».

Но в чьих же он руках? Для того чтобы в этом разобраться, нужны были бы детальные социологические исследования, анализ функционирования средств массовой информации в новых условиях. Такие исследования мне не известны, и я подозреваю, что их и нет (во всяком случае опубликованных). Но вот что здесь может помочь. Проблема эта не специфически наша: мы лишь попали за последние годы в положение, в котором Запад находится в течение многих десятилетий. И там-то есть интересные социологические исследования, накоплен большой запас фактов. Пользуясь ими, можно, по аналогии, несколько прояснить нашу ситуацию. Этим приемом я хочу воспользоваться. Дальше будут рассмотрены две модели, два примера функционирования средств массовой информации.

Модель первая: средства информации США в конце 60-х — первой половине 70-х годов

На парадоксальную роль западных средств информации обратили внимание давно. Вся политическая система основана там, казалось бы, на пристальном контроле общественностью всех сторон жизни. Свои решения общественность принимает на основе тех фак-

тов и идей, которые ей сообщают средства информации, а вот эта основная направляющая сила никак не контролируется: ни выборами, ни ответственностью перед общественными организациями. Иногда говорят, что это просто «свободный рынок информации». Но ведь «свободного рынка лекарств» не существует – их производство и продажа строго регулируется. Дин Раек, государственный секретарь в администрации президентов Кеннеди и Джонсона, говорил: «Американский народ не имеет голоса в том, кто становится издателями, редакторами, обозревателями».

Как сказал один западный социолог, средства массовой информации внушают человеку, кто он – дают ему индивидуальность; чего он хочет – дают цель; что для этого надо делать – указывают пути успеха и дают почувствовать, что он имеет успех, – доставляют вознаграждение. Если сравнить современное общество с организмом, то средства информации играют роль нервной системы: они передают сигналы от органов чувств, интегрируют их в «центральной нервной системе» и передают потом другие сигналы, заставляющие отдельные «клетки» – человеческие индивидуумы – действовать «целенаправленно», т. е. согласованно в направлении выполнения определенной программы. Но как и кем вырабатывается эта программа? – остается для нас тайной.

На Западе иногда средства информации называют «четвертой властью». Имеется в виду аналогия с концепцией (Локка, Монтескье) «разделения властей» на три независимые власти: законодательную, исполнительную и судебную. Но эта аналогия только подчеркивает уникальное и парадоксальное положение средств массовой информации: законодательная власть контролируется через выборы, исполнительная – на-

значением или ответственностью перед парламентом, судебная – одним из этих двух механизмов, а средства информации – никак. Обращаясь к ним, Дин Раек говорил: «В нашей конституционной системе не может быть места "четвертой власти", не опирающейся на демократическую основу». «Вы лишь обращаетесь к народу, а не говорите от его имени».

Яркий анализ западных средств массовой информации содержится в книге Эдит Эфрон «Извратители новостей»[1]. Анализ проведен на примере американского телевидения в критический период истории США: волнения студентов и черных, вьетнамская война в конце 60-х годов. Автор, в частности, проанализировал за двухмесячный период в 1968 г. наиболее популярные передачи трех основных американских телевизионных компаний: Эй-Би-Си, Си-Би-Эс и Эн-Би-Эс. Это было время предвыборной президентской кампании Хемфри – Никсон. Надо иметь в виду, что Хемфри имел репутацию «левого», а Никсон – «правого» (он подчеркивал свою консервативность, стоял за увеличение военной помощи Южному Вьетнаму, способствовал разоблачению А. Хисса, ближайшего советника Ф. Рузвельта, оказавшегося советским тайным агентом). По подсчетам Э. Эфрон, за исследуемый период число произнесенных слов за Никсона было в 10 раз меньше, чем слов против него, и в 2 раза меньше, чем слов за Хемфри. Число слов за американскую политику во Вьетнаме было примерно в 2 раза меньше, чем число слов против нее. Число слов в поддержку насильственных действий черных было более чем в два раза больше, чем число слов против. Высказываний против насильственных действий белых радикалов фактически не было. Так же пристрастно было освещение программ,

[1] *Edith Efron.* The News Twisters. Los Angeles, 1971.

обликов, поведения кандидатов. Президентом же был избран Никсон: т. е. мнение большинства населения оказалось прямо противоположным взглядам средств информации, несмотря даже на оказываемое ими давление. Это показывает, что средства информации не просто отражают точку зрения большинства населения, а навязывают ему свои взгляды («играют воспитательную роль», как говорилось у нас еще недавно).

В книге Брюса Гершензона «Боги антенны»[1] показана такая же необъективность в освещении вьетнамской войны. Он пишет, например, что в 1972–1973 гг. в передачах одной из крупнейших! американских телекомпаний Си-Би-Эс было 13 % положительных и 61 % отрицательных отзывов об американской политике во Вьетнаме. 83 % сообщений из Южного Вьетнама были критическими по отношению к правительству этой страны, а 57 % сообщений из Северного Вьетнама – благоприятны его правительству. Сообщения часто давались в формулировках радио Северного Вьетнама. Средства информации подняли яростную кампанию против американских бомбардировок Северного Вьетнама: говорили, что «Никсон обезумел», «ведет себя, как сумасшедший тиран», «США вернулись к массовым убийствам». Корреспонденты телевидения вели передачи прямо из Северного Вьетнама, показывая почти исключительно невоенные разбомбленные объекты. Они интервьюировали американских военнопленных, передавали их протесты против «позорной войны», «позорных бомбежек мирного населения», рассказы о том, как с ними хорошо обращаются в плену. Администрация Никсона пыталась противостоять средствам информации. В 1962 г. вице-президент Агню произнес речь, в которой обвинил их в необъектив-

[1] *Bruce Hershenson.* «The Gods of Antenna». New Rochelle, 1976.

ности, манипулировании общественным мнением. Он сказал: «Люди в Америке не должны терпеть такой концентрации власти. Надо поставить под вопрос правомерность этой концентрации власти в руках узкого привилегированного слоя, никак не избранного и обладающего монополией, признаваемой правительством». Он высказал убеждение, что администрацию Никсона поддерживает «молчаливое большинство».

Реакция средств информации была взрывообразной. Мало того, что, как и следовало ожидать, Агню обвинили в нападении на свободу слова и основы американской конституции. В его речи увидели «начало нашего конца как нации». Его назвали «фашистом» и обвинили в «репрессивных намерениях», в «расизме». Но случилось неожиданное: посыпались письма и телефонные звонки, в подавляющем большинстве – поддерживавшие Агню! То же показали опросы общественного мнения. Э. Эфрон считает, что Агню поддержали все мыслящие консервативно, большинство республиканцев и треть демократов. Но это не заставило представителей средств информации сложить оружие. Наоборот, стало появляться все больше статей и передач, в которых средние американцы обвинялись в «агрессивности», в том, что это «расисты из среднего класса». Наконец, появилось и последнее оружие: «явный антисемитизм» («Тайм»), злоба... упоминание принадлежащих евреям или контролируемых ими средств информации» (Президент американского общества издателей газет, Исааке), «антисемитизм», «расизм» и «антикоммунизм» – все вместе (Рестон, «Нью Йорк Таймс»). На Агню пошла атака со всех сторон. Он был обвинен в нарушении законов о финансировании избирательной кампании и был вынужден уйти в отставку. Как уверяет Гершензон, Агню не совершил ничего, выходящего

за рамки принятого в политической жизни США (например, Голдуотер позже в телеинтервью открыто заявил, что совершал подобные же действия).

Но на этом драма не кончилась. Отчасти под давлением средств информации, Никсон заключил мирное соглашение с Северным Вьетнамом. Оно, в частности, предусматривало возвращение американских военнопленных. Вернувшись, они начали рассказывать нечто совсем отличное от того, что говорили американским телеинтервьюерам, когда были в плену: что, по их мнению, только американские бомбардировки Северного Вьетнама обеспечили их возвращение; о том, какими способами добывались тогда их заявления. К тому же хлынул поток беженцев из Вьетнама. Слой влиятельных деятелей средств массовой информации явно оказался в трудном положении. Тут-то и возникло спасительное «Вотергейтское дело».

Никсон, несомненно, был виновен в нарушении ряда принципов, провозглашенных в американской политической жизни. Но Гершензон, например, уверяет, что он не вышел за рамки считавшегося практически допустимым. В книге Гершензона приведен ряд аналогичных поступков или слухов о них, не вызвавших никакого интереса, расследования, осуждения (подслушивание Голдуотера, Мартина Лютера Кинга и Агню в период президентства Джонсона; слухи о подтасовке результатов выборов в штате Иллинойс в пользу Кеннеди, когда он стал президентом, имея ничтожное преимущество над Никсоном, и т. д.). Да ведь в последнее время мы видели, как президент Рейган был уличен в нарушении принципов, не меньшем, чем Никсон («Ирангейт») – даже без существенного ущерба для своей репутации. Видимо, Никсон не захотел усвоить урок, преподанный ему отставкой Агню. Да и его основное

утверждение: его-де поддерживает «молчаливое большинство» – было вызовом средствам информации. Это было еретическое утверждение, оспаривающее их основной догмат: что они говорят от имени народа, являясь поэтому – не четвертой, а абсолютной властью.

Под угрозой «импичмента» Никсон должен был уйти в отставку, хотя он совсем недавно был переизбран со значительным перевесом над своим противником. И весь этот переворот, включавший и капитуляцию США во вьетнамской войне, был осуществлен, в основном, средствами массовой информации.

Ситуация, иллюстрируемая приведенными фактами, так и ложится ярким примером к концепции «малого народа», предложенной мною ранее («Русофобия» // «Наш современник», № 6, 1989). Как и во всех других исторических прецедентах, «малый народ» противопоставляет себя остальной нации – «большому народу». Деятелей средств информации обвиняли (Агню и другие) в высокомерном третировании всего остального населения, в том, что они ощущают себя элитой. Агню назвал это «северо-западным интеллектуально – университетски – журналистским комплексом» (имеются в виду выпускники фешенебельных университетов на северо-западе США).

Один обозреватель воскликнул: «Мы, по-видимому, много знаем о черном меньшинстве. Надо изучать белое большинство. Это мы не делали. Мы даже не заметили, что оно есть!» Другой говорил: «Журналисты гордятся тем, что средний класс враждебен им. Они гордятся тем, что у них нет контактов со средним классом». Сами они называли себя «либеральными интеллектуалами».

Журнал «Уол Стрит Джорнел» (консервативного направления) писал: «В нашем народе появился класс людей, которые считают себя единственно компетент-

ными («думающие люди») и любят пренебрежительно третировать обычных американцев с величайшим презрением». Эти обычные американцы и составляют «большой народ», другие термины, применявшиеся для его обозначения: «белый средний класс», «белая Америка». Э. Эфрон пишет: по тому, как эта гибкая концепция применяется в телевизионных передачах, совершенно ясно, что она символизирует Америку – молчаливо исключая либералов, левых и черных.

Но стоило «большому народу» проявить непокорность по отношению к средствам массовой информации, как появились другие эпитеты: «белая расистская Америка», «расистские (или неонацистские) тупицы». Пошли в ход обвинения в «маккартизме», «репрессивности», «фашизме». «Большой народ» обвинялся в том, что он неинтеллигентен, состоит из расистов, ненавидящих черных и молодежь, враждебен интеллектуальным ценностям, умственно ограничен. Ему приписывалась врожденная агрессивность. Э. Эфрон говорит, что среди проанализированных ею программ телевидения встретилось только одно выступление, благожелательное к «белому среднему классу» – а именно, Никсона. Она пишет: «Модный стереотип “подонка-фашиста” глубоко укоренился в телевидении, а потом был использован “либеральными интеллектуалами” и “сторонниками реформ” как средство для интерпретации возмущенных откликов на стиль их передач». «В получаемой ими почте они открывали тот самый тип “безмозглого фашиста”, который мы видим в передачах о “белом большинстве из среднего класса”, “белой Америке” и “американской публике”».

То есть когда «большой народ» пытался высказать свое мнение, то «малый народ» и направляемые им средства массовой информации не только не спешили объ-

ективно донести это мнение до слушателей и читателей, но решительно подавляли его. Причем далеко не только «воспитательными» средствами. Большинство телепередач того времени оправдывало и популяризировало акты насилия во время кампании протестов черных и молодежи. В проанализированных Э. Эфрон передачах о насильственных действиях, совершенных черными, говорилось, что это не их вина и не должно рассматриваться как преступление. Акты насилия, совершенные левыми по отношению к личностям, собственности или американским учреждениям, санкционировались на основании того, что они были направлены на социальную несправедливость и войну. В телепередачах умалчивались или затушевывались слишком тоталитарные, недемократические высказывания радикалов, что вызывало даже их протесты. Точку зрения анализируемых ею телепередач Эфрон резюмирует так: «Насилие, совершенное левыми или черными по отношению к Америке и большинству граждан, морально оправдано, т. к. направлено на социальное зло. Благородные цели оправдывают террористические средства».

В цитированных выше книгах приводится анализ тех приемов, которыми пользуются западные средства информации. Часть из них нам давно известна из нашего опыта: элементарная недобросовестность; умалчивание неприятных фактов; дискредитация противников любыми средствами; двойной стандарт в освещении «своих» и «чужих». Более тонкие приемы: наводящие вопросы в интервью, практически предопределяющие ответ; ссылки на неизвестные источники – «говорят», «здесь считают»; утверждение о том, что испытывала толпа или человек, с которым репортер не был в контакте, и т. д.

Широкий спектр таких приемов приводит Гершензон при описании того, как освещалось «Вотергейтское

дело». Если Никсон жил в Белом Доме, то говорили, что он боится встречи с народом, а если уезжал в какой-то штат – что он чувствует себя явно неуютно. По поводу любой его речи замечали, что он «ничего не сказал о Вотергейтском деле», чему бы ни была речь посвящена. Телеэкран фиксировал любые нервные жесты, которые были характерны для Никсона, когда он уставал, – создавался образ неуверенного в себе, чувствующего свою вину человека. Наконец, когда бы ни заходила речь о Никсоне, на экране появлялась заставка, изображающая отель «Вотергейт». Зритель буквально гипнотизировался, и виновность Никсона (даже не важно, в чем именно) становилась ему очевидной и без особенных доказательств.

Вот еще один важный и широко применяемый прием, описанный Гершензоном. По аналогии с тем, как в «Лондоне 1984» Орвела говорится о нелипах (репрессированные, которых нельзя упоминать), он называет это явление – «неновость». Речь идет о новости, факте, который вдруг из всех (или почти всех) средств информации исчезает. Например, «исчез» вопрос о финансировании кампании за «импичмент» Никсона. Неновостью оказался законопроект сенатора Тауэра о предъявлении всеми конгрессменами декларации о доходах в специальную комиссию Конгресса. Неновость – многочисленные слухи о связях конгрессменов с корпорациями (в результате которых налоги корпораций уменьшились, как и доходы государства, на сотни миллионов долларов); сообщения о крупном увеличении сумм, выплачиваемых Конгрессом каждому конгрессмену, и множество других фактов. Но самая большая «неновость» (о которой, возможно, и Гершензон не знал) – это операция «Жертв Ялты», когда (по ялтинскому соглашению) сотни тысяч бежавших на Запад советских граждан были

насильственно возвращены западными союзниками советским властям. Как бы ни оценивать степень виновности этих беженцев (там было много женщин, детей), но по стандартам западной прессы это была колоссальная сенсация: сотни тысяч (может быть, миллион) людей насильственно транспортировались, большинство было обречено на лагеря, многие – на расстрел. Было много случаев самоубийств. И вся эта сенсация была дисциплинированно замолчана западной прессой – превращена в неновость. Только лет 30 спустя история постепенно стала всплывать (главным образом, благодаря «Архипелагу ГУЛАГ» А. И. Солженицына).

И, в заключение, эффективным приемом является месть – противникам, но особенно тем, кого считают «изменником». Примеры Агню и Никсона уже упоминались. Много примеров наказания «перебежчиков» упоминается в книге Эфрон. Так, либеральный публицист Теодор Уайт в своей книге указал на явление «нового авангарда, господствующего на вершинах национальных средств информации» и «презирающего свою страну и традиции». Далее о нем говорится: «Наказание м-ра Уайта было скорым и безжалостным». Его книги, ранее встречавшие восторженный прием, были злобно атакованы почти всеми нью-йоркскими рецензентами. Его, старого либерала, называли «поджигателем войны», «антиинтеллектуалом», «врагом студентов» и «врагом черных». Эфрон приводит список авторов, «практически изгнанных из среды либеральных интеллектуалов», когда они решились осудить насильственные акции радикалов. Она говорит о «царстве террора» в университетах против несогласных с радикалами.

Оба автора, работы которых мы использовали – Э. Эфрон и Б. Гершензон, – задаются, конечно, вопросом: как же объяснить функционирование этого

удивительного объекта – западных средств массовой информации? Интересно, что оба ставят и очень острый вопрос: можно ли говорить здесь о заговоре? Оба дают на него отрицательный ответ. Гершензон называет это «заразой», «эпидемией» или «политическим и философским джентльменским соглашением». Он пишет: «Инстинкты не приводят к заговору, а именно инстинкт создал этот либеральный уклон». Эфрон говорит, что обвинение в «политическом заговоре» не удивительно, но тем не менее – не верно. «Не существует заговора в студиях телевидения. То, что мы видим, – стремление к власти».

В одной самиздатской работе я встретил (по совершенно другому поводу) неожиданный термин: «неформализованный заговор». Может быть, в связи с рассматриваемым здесь вопросом этот термин и применим, его можно наполнить конкретным содержанием? Представим себе группу людей, действующих целенаправленно, тесно, согласованно, но не потому, что они об этом договорились, без единого штаба или центра, а на основании каких-то других координирующих механизмов. Функционирование средств информации выглядит именно так.

Для оценки их нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, речь все время идет о либеральной левой ориентации средств информации. Сейчас, 25 лет спустя, может быть, это и не так, возможно, они имеют другую ориентацию (деления на левое – правое очень грубо). Но важно, что речь идет об «ориентированности», «партийности», т. е. формировании общественного мнения в одном, четко очерченном направлении, – вот это явление и было зафиксировано рядом независимых наблюдателей. Во-вторых, не все деятели средств информации были охвачены такой ориента-

цией. Но цитированные выше авторы относят эту черту ко всем трем крупнейшим американским телекомпаниям и к крупнейшим газетам и журналам: «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Тайм», «Ньюсуик» – а вес остальных, как пишет Гершензон, не сопоставим с суммарным весом этих средств информации.

Ряд авторов рисует картину очень сплоченного идейно-однородного слоя, руководящего американскими средствами информации и занимающего в американской жизни совершенно особое положение. Вице-президент Агню в уже цитировавшейся речи утверждал, что он не призывает к какой-либо форме государственной цензуры, но спрашивал – не осуществляется ли уже в телекомпаниях такая цензура «небольшой и неизбранной элитой»? Он говорил: «Народ должен защитить себя». Бывший сотрудник Никсона, Раймонд Прайс, утверждал, что средства информации занимают в американском обществе положение «священных коров, неприкосновенных для критики, по самой простой причине – последнее слово всегда остается за ними. Они безжалостно мстят любому должностному лицу, которое неосторожно попытается упрекнуть их». («Пресса как кривое зеркало». В брошюре «Пресса и американская политика»[1]). А сенатор Фулбрайт отмечает их «инквизиционный стиль», выработавшуюся «психологию инквизитора» по отношению к администрации («заносчивость прессы», там же).

В средствах информации господствует суровая дисциплина. Об этом свидетельствует то, как быстро единым фронтом меняется их позиция. Э. Эфрон приводит яркий факт. В период, предшествовавший речи Агню, когда атмосфера вокруг средств информации была менее напряженной, несколько обозревателей телевиде-

[1] The Press and American Politics. Georgetown University, 1978

ния выступили в прессе с предупреждениями, отчасти напоминавшими тезисы Агню. Но всего несколько месяцев спустя, когда после его речи накал страстей поднялся, все они промолчали. «Они молчаливо согласились с официальными заявлениями, которые, как они прекрасно знали, были неправдой». Гершензон уверяет, что эта дисциплинированность быстро усваивается журналистами. «Молодой новичок в национальных органах информации быстро понимает, что допустимо, а что – нет... Что подымает его в глазах коллег и начальства, а что – понижает. Если его политические инстинкты были еще не абсолютными при поступлении, то, за небольшим числом исключений, они становятся абсолютными очень скоро». Эфрон пишет, что направление передач полностью определяется в редакциях.

Эту железную направленность западных журналистов я испытал и сам и был ею поражен, когда общался с ними лет 15–20 тому назад. Они приезжали сюда точно зная все, что им надо написать, работа их состояла только в подборке примеров, иллюстрирующих заранее известную им концепцию. Обычный их вопрос был: «Поясните, пожалуйста, примерами, что современный Советский Союз сохранил основные черты дореволюционной России под другим обличьем». И какие бы я им аргументы ни приводил: сопоставление экономической или политической структуры, положение религии, отношение к идеологии или отдельные яркие примеры – ничто не производило ни малейшего впечатления. Они улыбались: «Да, некоторые внешние различия есть, но – в глубине?» – и эта часть выпадала из напечатанного интервью.

Но с заговором всегда ассоциируется тайна, а средства информации работают открыто! Однако это не совсем так. Они всячески стремятся затушевать свою

роль создателей идеологии, направленность своей деятельности. Мощная дымовая завеса имеет целью скрыть эту сторону явления. Многократно повторяется, что средства информации лишь сообщают факты. «Мы репортеры и сообщаем (report) новости». Много таких высказываний собрано в книге Эфрон. Но она приводит высказывание одного телекомментатора: «Из всех мифов журнализма объективность – самый большой». Представители средств информации всячески сопротивляются попыткам выявить их политическую ориентацию. В той же книге приведено интервью, которое давал один из влиятельнейших обозревателей телевидения. На вопросы – либерал ли он, давался спектр уклончивых ответов: «Я не знаю, что это такое», «Вы слишком упрощаете». Также на вопрос о господстве либералов на телевидении: «А кто их считал?», «А кого считать либералом?». А три дня спустя в журнале «Ньюсуик» появились его резкие протесты против «травли либералов в средствах информации». Тут ему было ясно – что это такое.

Б. Гершензон пишет, что «анонимность» жизненно необходима для дела средств информации. Они должны прятаться за события, создавать впечатление, что являются лишь информаторами. «Их вечерний визит происходит под чужой маской, под маской нейтральности, беспристрастности, объективности». Когда по телевидению выступает президент, говорит он, мы видим его как президента, в кабинете Белого Дома, главу определенной партии, человека, отстаивающего свою, известную нам точку зрения. Но сразу за ним появляются его политические противники, не объявляющие нам своих принципов, маскирующие их под «объективную истину» или «силу фактов». Если только президент не придерживается их позиции, он всегда будет в проигрыше.

«И мы оказываемся перед лицом силы, появляющейся ежедневно в самое выигрышное время и возвышающейся над любыми избранными нацией властями».

С другой стороны, никто никогда не слышал о каком-то центре, из которого управляются средства массовой информации США (или хотя бы их большая часть). Безусловно, там есть люди и группы более и менее влиятельные, но они резко не очерчены и состав их переменный. Именно такой безличный характер делает средства информации совершенно безответственными. Например, капитуляция США во вьетнамскую войну была в очень значительной степени обусловлена позицией средств информации. Несомненно, чисто материальных сил у США было достаточно, чтобы противостоять и партизанам Вьет-Конга, и Северному Вьетнаму (даже учитывая всю помощь, оказывавшуюся ему СССР и Китаем). Тогда возобладало чувство, что война эта не стоит потерь, которые она приносит, да и вообще несправедлива. Теперь, кажется, общественное мнение США в этом вопросе резко изменилось. Для оценки обсуждаемого нами явления не существенно, на чьей стороне правда. Важно, однако, что ни о какой ответственности средств массовой информации речь не идет, да и идти не может. Роль каждого отдельного деятеля слишком незначительна, чтобы говорить об его ответственности, а руководящего центра (хоть в каком-то смысле) они не имеют. Так и получается, что если общество признает ошибочными меры, проведенные политическим деятелем, то страдает его карьера; если военачальник проиграет сражение – страдает его слава; если ученый опубликует неверную работу – страдает его репутация; а если общество отрицательно оценивает какие-то действия средств массовой информации, то никто никак не страдает.

Если привлекать биологические аналогии, то средства массовой информации можно сравнить с кишечнополостными, например, с гидрой, которая осуществляет сложные действия: выбрасывает яд, парализующий жертву, захватывает ее щупальцами, проталкивает в рот, переваривает. Они имеют сеть нервных клеток, но не имеют никакого нервного центра типа головного или спинного мозга. Аналогичная форма организации групп людей и координации их действий часто встречается в современном обществе и играет в нем очень большую роль. Ее можно было бы описать термином вроде «неформализованный союз».

Роль средств массовой информации на Западе можно лучше показать, если сопоставить их с близкой областью деятельности – рекламой. В обеих сферах применяются близкие приемы и в некоторых случаях они почти сливаются (средства информации – реклама идей). Реклама играет жизненно важную роль в экономике современного западного индустриального общества, которое может функционировать только непрерывно расширяясь. Если бы американцы сегодня ограничились приобретением того, что им необходимо для удовлетворения их потребностей (хотя бы очень широко понимаемых), – завтра вся страна была бы потрясена экономическим кризисом. Поэтому необходима реклама, стимулирующая американцев покупать новые дома, часто менять автомобили, покупать все новые приборы, компьютеры. В 1955 г. в рекламу было вложено 9 млрд. долларов, сейчас, я думаю, – во много раз больше.

Техника (или бизнес) рекламы достигла принципиально нового уровня в 50-е годы, когда там стали систематически и все шире применяться исследования профессионалов-психологов. Этот поворот описан

в книге В. Паккарда «Тайные увещеватели»[1]. Слово «тайные» указывает на то, что исследования, определявшие развитие рекламы, были связаны с анализом подсознательных слоев человеческой психики. При помощи групповых бесед (по темам вначале и не связанным с объектами рекламы), анализа внезапных ассоциаций, применения гипноза, всевозможных тестов выяснялась подсознательная реакция возможного покупателя на предлагаемый товар. Были созданы научные институты, объединяющие социологов, психологов, психиаторов, обслуживающие бизнес. Возникла новая область, и в нее были инвестированы многие миллионы долларов. Президент Американского Общества Рекламного дела назвал эту область «фабрикой мозгов». Проведенные исследования показали, что в товаре покупатель ищет некоторый «образ» – в большей степени, чем просто «потребительную стоимость». Например, автомобиль есть символ успеха, статуса, и его чисто технические качества отходят на второй план. «Машина говорит нам, кем мы являемся и кем хотим стать... Это транспортабельный символ нашей личности и положения». Вскрывая эти подсознательные мотивы, новые методы рекламы помогают найти более эффективные пути воздействия на психику покупателя. Например, 85 % алкоголя потребляют 22 % всех покупателей – сильно пьющие. Как удержать и расширить этот рынок? Раньше реклама делала упор на удовольствии, которое принесет «рюмочка». Ошибка! Как раз у алкоголиков такая мысль будит угрызения совести. Надо их подавить: рекламировать сурового, усталого мужчину, который имеет право на рюмку после трудного, успешного дня. Стиральную машину рекламировали, подчеркивая, что она освобождает женщине больше времени для отдыха

[1] *Vance Paccard*. The Hidden Persuaders. London, 1957.

и развлечений. Опять ошибка! Американская домашняя хозяйка хотела бы потрудиться и сэкономить для семьи. Именно этот импульс надо подавить, подчеркивая, что освободившееся время можно потратить, например, на воспитание детей. Аналогичными методами удается увеличить число пьющих женщин или парализовать у курильщиков опасения, вызванные предупреждениями врачей. Анализ поведения покупательниц в больших магазинах (использовано наблюдение скрытой камерой) показало, что они не возбуждаются, как можно было бы ожидать, но наоборот, впадают в такое же полусонное состояние, как гипнотизируемые перед засыпанием. Значит, реклама, упаковка должны гипнотизировать покупательниц – цветом, формой – как вспышка света перед глазами. Колоссальные возможности скрыты в использовании детей: в детские передачи как действующие лица вводятся рекламируемые игрушки или сладости, детям обещают подарки, если они приведут родителей в магазин. Множество таких приемов апробировано, принесло значительное увеличение выручки. Соответственно скачкообразно возросли вложения капитала в «рекламный бизнес».

В конце 50-х годов техника «психологической» рекламы стала систематически применяться в политической борьбе. Ведь собственно предвыборная кампания – это «продажа» сенатора или президента. В книге Паккарда приводится пример агентства в Калифорнии, которое провело 75 избирательных кампаний и выиграло из них 70. На вопрос журналиста, были бы они так же успешны, поддерживая противную сторону, представитель агентства ответил: «Думаю, что мы все равно выиграли бы почти все». Успех все меньше зависит от программы кандидата, а все больше от его «образа». Методы, разработанные в рекламе, прекрасно подходят

для того, чтобы гипнотизировать избирателя, как раньше – покупателя. Фирма, руководившая одним собранием в предвыборной кампании Эйзенхауэра, разработала, например, сценарий на 32 с. Были даже предусмотрены «шумы в зале». Выступления кандидата занимали меньшую часть времени. Но, например, в телепередаче была разыграна сцена, когда таксист гуляет после работы вечером со своей собакой, смотрит на светящееся окно Белого Дома и говорит с почтением: «Ты нужен нам!». Высказывалось мнение, что Эйзенхауер лучше вписывался в режиссуру и этим был обязан победе. Его противник – Стивенсон – сказал: «Сама идея, что можно продавать кандидатов на высший пост как кукурузные хлопья, является оскорблением демократического процесса».

Та же психологическая техника все шире применяется фирмами для решения их кадровых вопросов. Паккард пишет: «Значительное и все растущее количество наших индустриальных концернов (включая крупнейшие) стремятся просеивать и формировать по шаблону свой персонал, используя психиатрическую и психологическую технику». Сотрудники проходят проверку тестами, групповыми дискуссиями, их просят разыграть определенную роль. На вечере, устроенном фирмой, милый собеседник за коктейлем может оказаться специально приглашенным психологом (а не идти на вечер – «не социабельно»). Внимание обращают и на жен, семью. Цель – выяснить способность «сотрудничать в группе», признание авторитета вышестоящих. «Ответственный сотрудник должен быть полностью сосредоточен на своем деле, даже его сексуальная активность должна отойти на второе место». Полученные данные определяют продвижение по работе: человек может и не подозревать, а в его досье уже лежит заключение «никакое повышение невозможно».

Вся подобная деятельность называется «социальной инженерией». Один эксперт определил ее цель как «постепенную перестройку человеческого сознания, одной части за другой, одной его структуры за другой». «Речь идет об изменении поведения людей не путем рациональных рассуждений и не через законы, но путем манипулирования их сознанием», – пишет другой специалист. Эти принципы имеют далеко идущие последствия. На Конференции по электронике в Чикаго в 1956 г. один докладчик сказал: «Самолетами, ракетами и механизмами мы уже умеем управлять при помощи электронных приборов. Это возможно и по отношению к человеческому мозгу... Через несколько месяцев после рождения хирург может вложить в череп каждого ребенка электроды... Восприятия и мускульная активность ребенка могут быть видоизменены или полностью контролируемы биоэлектрическими сигналами».

Эти примеры показывают, что средства массовой информации современного общества являются частью гораздо большей сферы жизни, включающей также рекламу, политическую жизнь, психологический контроль. Это – манипулирование сознанием в самом широком смысле. Иногда высказывается, а чаще невысказанно принимается следующая концепция. Образ жизни современного западного общества является тем естественным состоянием, при котором желания и жизненные цели различных людей приходят в равновесие, если только их не подвергать внешнему давлению, – подобно тому как горошины, насыпанные в банку, сами примут наиболее экономное расположение, если банку потрясти. По-видимому, это совершенно неверно. Для функционирования современного индустриального общества его граждане необходимо должны все время находиться под действием ряда мощных сил, поддер-

живающих структуры этого общества: экономических, психологических, социальных. Одной из таких сил являются и средства массовой информации.

Модель вторая: западное вещание на СССР («Голоса»)

Выше говорилось о поразительном явлении: необыкновенно единообразной ориентации наших средств массовой информации, в этом отношении уже вполне освоивших западные образцы.

И тем не менее не все наши средства информации вполне единомысленны. Хотя и ничтожно меньшая их часть, но все же высказывает иную систему взглядов – правда, также весьма единообразную. Такая поляризация – несчастье наших средств информации: взгляды обеих групп огрубляются, они ввязываются в полемику, которая под конец ничего не проясняет, становится самоцелью. Но все-таки этот болезненный «плюрализм» отражает, хоть и искаженно, принципиальные различия взглядов. «Противники» не могут совсем игнорировать того, что находятся в одной сильно расшатанной лодке, из которой бежать некуда (по крайней мере большинству). Как ни отталкивают от себя в полемике аргументы оппонента, какая-то часть их все же воспринимается и корректирует собственные взгляды. Все же это лучше полного единогласия. Однако в средствах массовой информации, влияющих на нашу жизнь, есть одна мощная группа, полностью исключенная даже из этого «плюрализма», не обсуждаемая и не критикуемая. О ней и будет дальше речь.

Я имею в виду иностранные радиостанции, вещающие на СССР. Теперь, после отмены глушения, они проникают в самые далекие медвежьи углы и стали одним

из наиболее влиятельных «средств» среди всех средств массовой информации. В период глушения в нашей прессе иногда появлялось какое-то нечленораздельное и никого не убеждавшее бормотание об «идеологической диверсии». Теперь же вообще настало гробовое молчание. Почему сейчас так пассивны в этом вопросе наши средства информации, обычно столь склонные к полемике? Одна из причин, несомненно, в том, что основные точки зрения русскоязычных западных передач и подавляющей части советских средств массовой информации совпадают – почвы для полемики нет.

Еще лет 10 назад, прорываясь сквозь глушение, русские передачи западного радио приносили несомненную большую пользу. Они несли другие точки зрения, факты, другую пропаганду. Например, только из них многие могли узнать о произведениях А. Солженицына. Да и просто наличие другой позиции уже давало пищу мысли. И сейчас ценны их религиозные передачи, особенно для областей, где очень мало (или совсем нет) храмов. Я сам видел на Карпатах, как крестьяне-униаты включали приемник и отстаивали на коленях службу, передаваемую из Ватикана. Раньше полезны были передачи о нашей послереволюционной истории, хотя они были всегда очень осторожны, оставляя в тени более острые события – вроде расстрелов в Новочеркасске. Теперь же они и по полноте, и по яркости далеко отстают от нашей прессы.

Штампы, свойственные западным средствам информации (такие как «СССР – старая Россия в новом обличье»), проявляются здесь во всей широте. Самые примитивные лозунги внедряются гипнотически – путем повторения, без аргументов. Например, «СССР – последняя колониальная империя» (и конечно, с торжеством: «распад», «дезинтеграция», «конец» империи).

И при всем прокламируемом плюрализме ни разу не слышал, чтобы кто-то – не оспорил – а хоть попросил объяснить: а) почему колониальная? б) почему последняя? Поскольку «империя» многократно, постоянно соединяется с «русификацией», «русским великодержавным шовинизмом», то ясно, что «колониальная империя» – русская. Но что за странная империя, где ежегодно из «метрополии» в «колонии» перекачиваются десятки миллиардов рублей и «метрополия» обескровлена до обнищания! Где при поступлении на работу русский не имеет никаких преимуществ перед грузином, армянином или таджиком, где смешанные браки никем не осуждаются! И, наконец, «империя», создававшаяся под непрерывные окрики по адресу «великодержавного русского шовинизма». Ну хорошо, пусть «империя» – но почему последняя? Почему не является тогда «колониальной империей» – Китай или Индия (где, например, представители бунтующего нацменьшинства недавно убили премьера), наконец, даже – Грузия? И такими, не выдерживающими элементарного логического анализа штампами перегружены передачи западных радиостанций.

Конечно, интересны и передачи в самом стандартном, неполитизированном стиле о жизни, культуре других стран, тем более что сведения о них были (да и остаются) неполными и односторонними. Но вот здесь положение несколько странное. Каждый был бы рад узнать о новых произведениях западных писателей, композиторов – да и о классиках – побольше! И, например, «Голос Америки» не сомневается в нашем интересе к западной культуре – только эту культуру он понимает как-то неожиданно и специфически. Например: «Советская молодежь страстно стремится к западной культуре, во всем диапазоне – от поп-музыки

до джинсов». Я уверен, что это всего лишь диапазон культуры редакции радиостанции, а не всего Запада – и тем более не интересов нашей молодежи. Но мы слышим, например, о пьесе, имеющей колоссальный успех на Бродвее, «где удалось соединить легенду о докторе Фаусте с любимой американской игрой бейсбол», или о балете в воде «XX век», где каждое десятилетие представлено модными тогда танцами и костюмами, причем особенной удачей оказались 20-е годы с «чарльстоном в воде». Подобная дремучая дикость идет под названием «Культурная (!) жизнь Нью-Йорка» и передается в тоне нескрываемого превосходства «сверху – вниз» – для России!

Передачи о западной культуре, которые должны бы стать самыми ценными, – за редкими исключениями вызывают тоскливое недоумение. Как и вообще в западных средствах информации, никакое течение не подвергается полному запрету, но плюрализм соблюдается по известному рецепту паштета из рябчиков с добавлением конины: «одна лошадь – один рябчик». И лучшие, тогда неизвестные у нас произведения советских или эмигрировавших авторов тонули в массе серой, но принадлежащей «своему» направлению эмигрантской продукции.

В чем же дело? Ведь в США, Англии, ФРГ, несомненно, есть множество квалифицированных журналистов, славистов, советологов, они могли бы работать на совсем другом уровне! Одну из причин можно видеть в том, что русские редакции западного радио пополняются в значительной степени не коренными жителями западных стран, а эмигрантами из СССР. Например, фамилии многих деятелей русской редакции Би-би-си лет 20 назад я слышал здесь, как жителей СССР – причем речь идет не о дикторах, а о тех, о ком говорят:

«передачу подготовил» (или «подготовила»). С этим, вероятно, связано и то, что западное вещание, охотно (и часто справедливо) обвиняющее наши средства информации в обезличенности, казенности, не стремится внести личного, человеческого элемента в свои передачи: было бы так естественно рассказать, из кого состоит редакция, сообщить биографии ее сотрудников... А эмигрантам – действительно откуда хорошо узнать, тонко почувствовать культуру страны, в которую они сравнительно недавно прибыли? И их отношение к стране, которую они покинули, обычно весьма специфично и связано с глубокими эмоциональными пластами психики. Редко из страны уезжают, когда довольны своей жизнью там, а чувство неудовлетворенности этой жизнью часто вызывает и особую оценку страны, даже всего народа, его истории. В результате оказывается, что вещающие по-русски западные радиостанции отражают не точки зрения, наиболее распространенные в их странах, даже не типичные взгляды средств информации этих стран, а, в значительной степени, взгляды и психологию эмиграции.

Непропорциональное влияние эмигрантов сильно искажает работу вещающих по-русски западных радиостанций. Но есть одна особенная радиостанция, деятельность которой полностью направляется эмигрантами, – она носит многообещающее название «Свобода». В начале передач сообщается, что радиостанция финансируется Конгрессом США. Это можно заметить и по ее передачам: если по «Голосу Америки» можно услышать о каких-то существующих в США трудностях: в образовании, в связи с преступностью или наркоманией, то по «Свободе» США предстает абсолютным идеалом (даже и неправдоподобным) – обществом всеобщего счастья.

Но не в ее утрированной проамериканской ориентированности главная особенность станции «Свобода». А в том, что о нашей стране она говорит: «у нас», обращается как бы от имени какой-то группы людей, связанных со страной. Так что это и не совсем радиостанция эмигрантов, они-то в своем большинстве стремятся ассимилироваться в стране, куда прибыли, жить ее интересами. А скорее радиостанция беженцев с оттенком «правительства в изгнании», как не раз бывало во время войны. И дух ее передач вполне соответствует такой интерпретации.

В свое время в газете «Литературная Россия» (№ 42, 20 окт. 1989 г.) работе радиостанции «Свобода» была посвящена яркая статья одно время сотрудничавшего с ней публициста из ФРГ М. Назарова. Вопрос кажется мне очень важным, и я хочу продолжить здесь его обсуждение. Все двадцать четыре часа суток вещает по-русски радиостанция «Свобода» и слышна по всей стране. Передачи ее предельно политизированы (вне сравнения с другими западными радиостанциями). Я много ее слушал, записывал наиболее поразившие высказывания, и у меня сложилось убеждение, что главное содержание передач – подборка фактов, внедрение настроений, так или иначе способствующих развалу, распаду нашей страны. Как сверхмощный усилитель такая радиостанция превращает единичный факт в грандиозное массовое явление. Например, человек в Иркутске или Томске звонит по телефону в Мюнхен («наш корреспондент из Томска сообщает»): «Масло вывозят из Сибири, не отдадим наше масло!» А люди в Красноярске или Омске, у которых и правда дети не видят масла, наливаются злобой – ведь не поедут же они проверять, что в Вологде нет масла – ни «вологодского», ни какого другого.

Не удивительно, что дух агрессивного сепаратизма, разжигания противорусских страстей клубится над передачами. Так, в передаче о митинге в Киеве, посвященном памяти жертв сталинизма (5 марта 1989 г.), подробно изложена речь одного из участников, утверждавшего, что одна из сил «запустивших машину террора» – «это эгоистическая национальная сила русского великодержавного шовинизма». В другой передаче П. Вайль излагает такую точку зрения: голод 32-го – 33-го годов был «актом геноцида против украинского народа», «не только следствием политики коллективизации». (Как объяснить тогда голод тех же лет в Поволжье?) В интервью с В. Коротичем рассказывается о советах последнего по «украинизации» в таком духе: «на данном этапе элемент директивности неизбежен». В сообщении о митинге в Киеве говорится лишь о выступлениях с призывами к отделению Украины. После протестов киевской газеты радиостанция оправдывается: действительное положение вещей было не извращено, а «лишь представлено не во всей полноте».

Поэт Н. Коржавин призывает население Прибалтики к сдержанности и осторожности в своих требованиях: «если после того, как вы добьетесь своего, все рухнет и всех задавит»... «пахнет кровью и хаосом». (Теперь мы видим эту кровь в Закавказье.) Но В. Белоцерковский его обрывает: это «плач по империи». «Но – перефразируя слова Коржавина – главное, чтобы империя стояла, а там хоть трава не расти. Так получается». (Открыт новый плодотворный прием: «перефразируя», «так получается» – очень широкий спектр выводов можно сделать.) Да и удивительна ли такая позиция, если Малинкович, ведущий на «Свободе» программу «Советский Союз и национальный вопрос», в то же время – главный редактор журнала «Форум», фи-

нансируемого группой украинских сепаратистов, и сам отражает в журнале такие же взгляды?

Когда в Эстонии бастовали русскоязычные, а на самом деле украинские и белорусские рабочие, протестуя против дискриминирующего их избирательного закона, «Свобода» объясняла эти забастовки происками Москвы. Ну совершенно как в свое время в наших газетах А. Солженицына и А. Сахарова называли агентами ЦРУ.

Много есть темных сторон в нашей жизни. Но если составить себе представление о ней по передачам «Свободы», то окажется, что в ней вообще нет ничего другого. Возникает фантастический образ народа, живущего жизнью без единого светлого проблеска: в условиях бесправия, угнетения, нищеты, недоедания, дикости, озлобления, жестокости. Не понятно только, почему все жители этой страны не удавились? Одним словом, точная копия той картины западной жизни, которую еще недавно можно было получить из нашей прессы.

В разрушительном порыве, вдохновляющем руководителей радиостанции «Свобода», чувствуется глубокая эмоциональная вовлеченность, нечто, давно выраженное словами:

> Как сладостно Отчизну ненавидеть
> И жадно ждать ее уничтоженья.

Официальная позиция редакции «Свободы» – что они идейные противники коммунистического однопартийного режима в нашей стране. Но в накале их чувств проглядывает ненависть, как говорил Достоевский, «натуральная, физическая» – «за климат, за поля, за леса...». Это подтверждается и тем, что есть объект их неприязни, который не встречает снисхождения совершенно независимо от общественного строя: ни до,

ни после 1917 года, – русский народ, Россия. Мы видели, например, как вину за террор, коллективизацию, голод стремятся переложить на русских. Под суд попадает даже вся русская культура. В серии передач «Русская идея» лектор-философ ставит вопрос смело, глобально: «Можно ли считать русскую культуру высокоразвитой, если она насквозь литературоцентрична?» Конечно, ответ – отрицательный. Эта культура «ориентирует жизнь на литературный миф». «Что проповедовали славянофилы, а за ними и классики русской литературы? антиисторизм» (от «Войны и мира» до «Красного колеса»?); «нелюбовь к политике, к формально легалистическим определениям общественной жизни» – а классики какой литературы их любили? – Бальзак, Диккенс? И последний гвоздь в гроб: «Пренебрежение к отдельной личности, вырванной из контекста вот этой хоровой жизни, – отрицание за личностью самого права искать истину». Вот этим «пренебрежением к отдельной личности», очевидно, и рождены Акакий Акакиевич, Мармеладов, Анна Каренина, Иван Денисович и Иван Африканыч... А Пьер, Левин, Раскольников, Иван Карамазов – действительно, какая другая литература убедительнее «отрицала само право искать истину»? И какие эмоции должны так застилать глаза, чтобы подобное выговорить? Но автор идет и дальше вглубь, литература для него лишь проявление сознания народа: «русское сознание в принципе (!) идеалистично и утопично».

Не удивительно, что «русский великодержавный шовинизм» – враг, с которым постоянно борется радиостанция. Но если вспомнить, как с ним боролся Сталин (в его докладах с X по XVI партсъезд), как Зиновьев и Яковлев призывали «подрезать его головку», «прижигать каленым железом», то возникает сомнение в том,

что антисталинизм или даже антикоммунизм является основной позицией редакции. Тем более что этот «шовинизм» они обнаруживают при всех политических режимах в нашей стране. Например, А. Синявский прочел цикл из трех (!) докладов об этом опаснейшем явлении и для начала познакомил слушателей с ним на примере событий, относящихся к 1885 г. Дальше, каким-то загадочным образом, одновременно с уничтожением русской деревни и Православной Церкви, с унижением национальной истории и культуры – «национальное русское чувство приобрело характер русского мессианства». «Возникает чувство своего невероятного национального превосходства, подчас основанное, как это ни странно, на неосознанном чувстве собственной неполноценности». Тут нельзя не согласиться – действительно, очень странно! Опять это – глубинное свойство русского характера: «Одна из особенностей русского национального характера – это способность удовлетворяться единственно тем, что он русский (значит – хороший!). И, соответственно, его подозрительность к другим народам, которая находит выход в национальной нетерпимости, вплоть до ксенофобии». «К этому прибавляется еще одно чувство – зависть». Поразительно, что корень зла чисто расовый: «глубинная черта русского национального характера» – не временные исторические причины, особенности политического уклада, экономика... Тут нет надежд на изменение к лучшему. И дальше (далеко не у одного Синявского) на все лады – излюбленный сейчас прием: кто смеет говорить о судьбе русских, тот фашист. Тут и любимый Синявским «православный фашизм», и «обретающая все более явственные фашистские очертания “новая русская правая”» (Янов-Матусевич), и «смрадные черносотенные издания и авторы, воинствующий шовинизм, наро-

доненавистническое подстрекательство» (Матусевич). Как уверяет Синявский, «идея русского национального превосходства не имеет никаких ограничений. Носители ее пользуются почти что дипломатическим иммунитетом и поощряема во всех формах общественной жизни». Это можно легко проверить, например, по основным телевизионным программам: «Взгляд», «5-е колесо» и т. д. Неужели это «фашисты» пользуются там «дипломатическим иммунитетом»? Одна радиостанция «Свобода» жертвенно сражается и с православным, и с русским фашизмом. Там мы можем услышать, что «русским быть трудно», как, впрочем, трудно быть и взрослым. «А пора бы» (Хенкина) – т. е. русские не взрослые. И изложение совершенно бредовой английской статьи, с сочувствием цитирующей М. Н. Покровского – «Мы, русские, были величайшими разбойниками на земле», апеллирующей к его концепции, о которой, казалось бы, уже давно все стыдятся всерьез говорить. Но более того, «празднества по поводу 1000-летия крещения Руси – возврат к сталинизму», «традиционный русский национализм опять вошел в моду».

После этого уже естественно услышать заявление главы русской редакции В. Матусевича, что «половина населения этой страны нерусские и говорить о патриотизме русском в такой стране просто бессовестно, безнравственно». (Нравственно ли говорить о патриотизме грузинском или латышском? – остается неясным.) Но и более того, в письме сотрудницы радиостанции в газету «Русская жизнь» (Сан-Франциско) сообщается, что на одном совещании Матусевич указал: «Наши передачи ведутся не для русского народа, а для советского – на русском языке».

Отношение к русским как бы персонифицируется в отношении к русским писателям. Для радиостанции

«Свобода» писатели-«деревенщики» – видимое воплощение их противника: того «русского патриотизма», о котором «говорить бессовестно». Матусевич говорит об опасном влиянии Астафьева, Белова, Распутина на Михаила Горбачева – «тревожном росте влияния реакционно-шовинистической группы российских литераторов». Коротич в интервью – что Астафьев и Распутин «перестали заниматься писательством и начали заниматься говорительством». Опять Матусевич о Распутине: «Куда как знакомые аргументы! Насквозь протухшие! Отменно низменные».

В. Солоухину не прекращают напоминать (главным образом Матусевич), как он виноват тем, что некогда участвовал в кампании против Пастернака. Но в то же время «неучастие в пропагандных кампаниях застойной поры не делает нынешнее мракобесие распутиных и куняевых более привлекательным, более нравственным» (тот же Матусевич). Белоцерковский слова Белова: «Надо работать с ответственностью» – перетолковывает: «то бишь с бдительностью». Сообщает, о чем хотел бы (по его мнению) сказать Белов, но не посмел – причем это целая программа! И подводит итог: «Чудовищные и в то же время жалкие потуги!» – Притом, что Белов ни одного слова из того, что так возмущает Белоцерковского, не говорил.

В специальной передаче, посвященной Белову, Матусевич осуждает (вернее проклинает) его за взгляды его героев – прием прокурора на процессе Даниэля и Синявского. «Василий Иванович Белов лжет постоянно, настойчиво, расчетливо». Это, по-видимому, из-за очевидной оговорки: раз в 100 преувеличенном числе больных СПИДом детей в США (когда президент Рейган оговорился, спутав на пресс-конференции Вьетнам с Таиландом, все только посмеялись). И под

конец просто уж завывание: «лад –ложь, ложь – лад». Откуда такая ненависть к деревенскому, крестьянскому «Ладу»? Ведь Матусевич, наверно, той деревенской жизни и не видел, и узнать ее не мог, а вот почему-то возненавидел.

Дух агрессивной нетерпимости, господствующий в передачах радиостанции «Свобода», виден и в тех сообщениях о ее работе, которые встречаются в западной русскоязычной прессе. Любые намеки на антирусскую линию редакции сразу – ответным ударом – превращаются в «антисемитизм» или «фашизм». В. Белоцерковский докладывает американскому начальству: «венец разгула нацистских настроений на Р.С.», «погромная листовка», «антисемитская кампания». (По газете «Наша страна».) «Опасно клеветнические документы», «явно антисемитские высказывания г. Оганесяна». Оформлено это так, как в свое время, вероятно, оформлялись «сигналы бдительных граждан»: «Кому – Г. Рональдсу. От: Рахиль Федосеевой». (В эфире тот же персонаж представляется иначе: «Ведет передачу Аля Федосеева». Можно понять, зачем нужны псевдонимы и клички в подпольной партии, уголовной шайке. Но зачем они на радиостанции «Свобода»?) Целое следствие было налажено в связи с передачей Л. Лосева «Заметки при чтении “Августа 1914” Александра Солженицына» (описано в журнале «Литературный курьер»). Авторы (передачи и романа) не скрыли того, что убийца Столыпина – еврей, и этого было достаточно для «докладных записок» с обвинениями в «пропаганде расовой ненависти», «крайнего антисемитизма» (Лев Ройтман, Вадим Белоцерковский). Автор передачи упоминает «Протоколы сионских мудрецов», называя их гнусной антисемитской фальшивкой. Но, по мнению Белоцерковского, – это лишь «циничная улов-

ка». Оправдываясь, Лосев должен был доказывать, что он сам – еврей, приводить свидетельства других евреев, что передача – не антисемитская. Так обстоит дело со свободой на «Свободе».

Вся работа радиостанции «Свобода» направлена на то, чтобы внушить жителям нашей страны чувства безнадежности и обреченности, способствовать ее развалу. Такая работа имела бы смысл лишь по отношению к вражеской стране во время войны или хотя бы в преддверии войны. Это и есть война, которую некоторый слой 3-й эмиграции ведет против нашей страны мощными современными средствами воздействия на массовое сознание. Уже не раз на это странное явление обращали внимание. В письме нескольких авторов из СССР, опубликованном в парижской газете «Русская мысль», говорится о тенденциях в программах радиостанции «Свобода», которые «объективно способствуют разжиганию национальной розни». Один из руководящих редакторов радиостанции «Свобода» – В. Белоцерковский – цитирует интервью А. И. Солженицына: «Работа русской секции “Свободы” уже доведена до вырождения, настолько плоха, что если еще продолжать в том же направлении, то лучше ее вообще упразднить». Именно в том же направлении редакция и продолжала, так что совет сохраняет актуальность. Мне представляется, что это и есть единственный разумный выход.

Передачи радиостанции «Свобода», финансируемые (как это ежедневно повторяется) Конгрессом США, создают у советских слушателей представление, что американская администрация занимает позицию врага, почти воюющей стороны по отношению к нашей стране. А в последнее время – что она пользуется трудностями, вызываемыми реформами, чтобы разрушить страну, что это ее стратегия в «холодной войне».

Такое представление может вызвать опасения по поводу разумности проведения реформ в столь опасной международной обстановке, затормозить весь процесс. Может создать представление о США и американском народе – как враге. Война, которую ведет радиостанция «Свобода», может быть понята как война американского народа. В этом не заинтересованы ни советский, ни американский народ, на деньги которого вся эта деятельность осуществляется.

Ряд советских граждан, будучи за границей, пользуются приглашением радиостанции «Свобода» и выступают в ее передачах. Как мне кажется, по большей части это связано с недостаточной осведомленностью о работе этой радиостанции. Я призываю своих соотечественников познакомиться с работой радиостанции «Свобода» поближе и составить себе представление: является ли она «рукопожатной» радиостанцией, можно ли с ней сотрудничать? Или логичнее использовать все возможности (например, пребывание в США), чтобы разъяснить американской общественности, какой вред приносит эта станция, создавая искусственный раскол между нашими народами?

Из рассмотренных примеров случай радиостанции «Свобода» – самый понятный, здесь механизм функционирования ясно виден. Это вещание возникло от приложения двух сил: дитя, зачатое Конгрессом США в лоне 3-й волны эмиграции. Финансовые возможности США соединились с бурными эмоциями той части «малого народа» нашей страны, которая оказалась в эмиграции, – а таким образом получила и работу. «Свобода» вещала и до 3-й эмиграции, но характер ее передач был иной. Новые эмигранты, принятые на работу сначала в небольшом количестве, повели атаку на старых сотрудников. Пошли в ход обвинения в «фашизме», «антисе-

митизме», по последнему пункту были даже возбуждены дела в суде. Дела в суде не выиграли, но провести «чистку» редакции удалось.

С тех пор передачи приняли строго идеологизированный характер, о котором можно судить по приведенным выше отрывкам. Слушая их, я задумывался – что же это за радиостанция? Есть «немецкая волна», «Голос Америки», «Голос Израиля» – а это чей голос? И вдруг понял, что ответ очевиден – это «Голос малого народа», нашего «малого народа», но вещающий из Мюнхена. Сейчас это особенно ясно видно. Например, в связи с выборами радиостанция выступает как орган вполне определенной партии (вот и говори тут о «равных возможностях для кандидатов»). Она пропагандирует программу этой партии, ее кандидатов, сообщает с торжеством об их успехах на выборах, ругает их соперников. Иногда об исходе выборов раньше можно узнать из передачи «Свобода», чем из нашей прессы. Да и сотрудниками, видимо, являются представители нашего «малого народа», пасшиеся до эмиграции на нивах идеологии. И нет поэтому ничего удивительного в том, что передачи продолжают стиль кампаний против Пастернака, Сахарова, Солженицына, воспроизводят дух процесса над Даниэлем и Синявским. В те годы, когда все это писалось в наших газетах, ряд будущих руководящих сотрудников «Свободы» сотрудничал еще в них: главный редактор В. Матусевич – в «Комсомольской правде», В. Белоцерковский – в «Литературной газете». Некоторые их высказывания – красочны даже для того времени. У радиостанции «Свобода» есть серия передач: «Поверх барьеров». Кажется, что именно так, поверх всех барьеров, распространяется одна идеология и даже один стиль языка: от казенных агитаторов брежневских времен – до редакторов «Свободы».

Отсюда же идет и нутряная ненависть к деревне, мужику, отразившаяся, например, в проклятиях «Ладу», переходящих в истерику. И это течет «поверх барьеров»: сразу же после публикации «Лада» автор журнала «Коммунист» обвинил его в «антиисторизме», «патриархальщине». Правда, здесь же осуждается и опасная «реакционность бердяевых». (Это еще не успевший перестроиться Ю. Афанасьев.)

Передачи «Свободы» ценны тем, что в концентрированном, часто утрированном виде передают эмоции и импульсы, которые в разжиженной, ослабленной форме рассеяны тут и там по нашим средствам информации. Маячит идеал: унизить, втоптать в грязь культуру и национальное самосознание народа; расчленить страну по возможности на мелкие части; подчинить ее иноземному контролю – чтобы ни народ этот, ни страна уже никогда не поднялись. Мягко добиться того, что не удалось грубому Гитлеру.

Западные же средства массовой информации указывают то направление, в котором с очень большой скоростью движутся наши. Это один из вариантов нашего будущего, весьма вероятный – и тем для нас драгоценный, как урок. Сейчас уже те и другие чрезвычайно похожи. Например, нападки американских радикалов (через средства информации) на администрацию во время вьетнамского кризиса явно выходили за пределы осуждения этой конкретной войны: возмущение вызывало то, что американцы смеют считать себя великой нацией, имеющей миссию в мире, – вариант окрика об «имперском мышлении», столь популярного сейчас у нас. Гершензон писал: «Посмотрите на фильмы, высмеивающие правительство. Их много. А фильмы, оценивающие его положительно? Их мало или совсем нет. Посмотрите на фильмы, высмеивающие полицию.

Их много. А фильмы, оценивающие ее положительно? Их мало или совсем нет. Посмотрите на фильмы, осуждающие американское общество. Их много. А фильмы, оценивающие его положительно? Их мало или совсем нет... Соединенные Штаты были отрицательно изображены в серьезных фильмах 70-х годов». Эфрон приводит слова нескольких обозревателей: «Серьезные, работающие, не стремящиеся к беспорядкам люди – это "забытые люди" телевидения. На экране вы их не увидите». «На телевидении мы даем публике полностью негативную картину жизни – и столь яркую, что она уродует их мораль, подавляя их отчаянием». «Я знаю, что это искажение травмировало людей. Оно травмирует и пугает меня. Часто я задумываюсь: неужели все, что я люблю, умирает?» Кажется, что им не хватает одного, найденного у нас термина – «чернуха», – чтобы выразить свою мысль коротко.

Средства информации, указывая людям, что важно, а чем следует пренебречь; что хорошо, а что плохо, оказывают влияние того же масштаба, что некогда – Церковь. Но совершенно иное по духу. В Православной Церкви до XVII в. даже церковная проповедь считалась слишком безличной, принималось лишь воздействие от сердца к сердцу: от духовного отца – к сыну. Сила же средств информации справедливо называется массовой: каждое ее проявление имеет целью охватить как можно больше людей, в идеале – всех. Поэтому она обращается к сторонам психики, общим всем людям, стимулирует эти свойства и подавляет индивидуальность, своеобразие людей. На Западе не раз сравнивали действие средств массовой информации с манипулированием павловской собакой, желудочный сок которой выделяется по звонку. Такое принижение индивидуальности называют ментицидом – убийством мысли, по анало-

гии с геноцидом – убийством нации. Для человечества здесь возникает угроза не меньшая, чем атомная война или экологический кризис.

С такой опасностью сталкивается сейчас наше общество. И она спрятана глубже, таит в себе потенциально больше губительных возможностей, чем было в подконтрольной, монотонной, неумной пропаганде прошлых лет, – тонкое проникновение в глубины сознания, на которое способны современные средства массовой информации, можно из нашего прошлого опыта сравнить разве лишь со злоупотреблениями психиатрией в репрессивных целях. Но эта внезапно возникшая опасность есть плата за неожиданный дар судьбы: за то, что упали внешние путы, связывавшие нашу мысль. Задача в том и заключается, чтобы, не утратив это благо, избежать опасностей, которые оно несет и которые, на примере Запада, отчетливо видны.

В руках нашего общества неожиданно оказалась колоссальная сила. Те, кто могут бесконтрольно оперировать ею, становятся истинными хозяевами жизни. Что нам за радость – менять один идеологический контроль на другой, менять хозяев наших мозгов и душ? Разве обязательно нам становиться подданными – рабами этой «шестой монархии»? Как раз сейчас, когда жизнь сдвинулась с места, еще пластична и не отлилась в четкие формы, есть шанс найти выход: соединить свободу выражения мысли со свободой от информационного манипулирования.

С гениальной прозорливостью мучительный для нашего века вопрос был предугадан, когда еще все «средства массовой информации» сводились лишь к типографскому станку и тиражи измерялись не миллионами, а тысячами:

«Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографского снаряда... Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом».

Какие же условия налагает сейчас общество на средства массовой информации? Как добиться их соблюдения? На эти вопросы мы должны найти ответы. Как, впрочем, и все современное человечество.

1990.

МОЖНО ЛИ ЕЩЕ СПАСТИ РОССИЮ?

В 60-е годы многим из нас казалось, что стоит лишь добиться права говорить, что хочешь, да выдвигать на выборах любых кандидатов, – и все беды страны будут позади. Мы совершенно недооценили масштаб разрушений – духовных и материальных, – свершившихся у нас. Надо было предвидеть, что распад тоталитарного строя неизбежно будет связан с новой катастрофой.

Теперь эта катастрофа разразилась, и не ясно, как ее остановить. Магазины пусты, урожай собрать не удается, нависает угроза забастовок, могущих превратить экономику в груду развалин, гибель надвигается на страну, всюду вспыхивают предгрозовые молнии межнациональных столкновений, число беженцев приближается к миллиону.

Но самый страшный признак – распад страны. Многие республики объявили о своем суверенитете, об отка-

зе подчиняться законам, принятым в центре. В 60-е годы прошлого века попытка отделения южных штатов в США была пресечена кровопролитной войной, и борьбу с сепаратистами возглавил Авраам Линкольн – прославленный идеолог демократии.

Нет, в таком виде, как сейчас, мы уже не образуем одну страну. Какие отношения сложатся между странами, возникшими на обломках этого крушения? Смогут ли они создать союз, вроде Европейского сообщества, или хотя бы сохранить дружеские отношения? Дай-то Бог, но надежд немного. Конфликты уже начались и пока сдерживаются войсками из центра. Встают вопросы о границах. Многие ли согласятся с границами, проведенными по непонятным сейчас соображениям ленинским, сталинским или хрущевским пальцем? Эстония уже выдвигает претензии к Ленинградской и Псковской областям. А в самой Эстонии есть районы, почти сплошь населенные русскими. Новые государства не будут национально однородными, почвы для национальных распрей не убавится.

Наши предки в течение тысячелетия создали уникальную страну, объединившую больше ста народов, где путь в правящий класс был открыт русским, украинцам, грузинам, армянам, евреям, татарам, мордвинам и где благодаря этому возникла прекрасная, ценимая всем человечеством культура. При всей жестокости, свойственной вообще человеческой истории, эта страна не уничтожала национальной индивидуальности населявших ее народов. Даже все теперешние всплески национальных страстей – это признание достоинств того, прежнего, государства. Вот в США нет «проблемы североамериканских индейцев» – многомиллионного когда-то народа. Это, пожалуй, самый эффективный пример «окончательного решения» национального вопроса. На

грани гибели народы нашей страны оказались лишь после семнадцатого года, что коснулось почти всех. Нам нет причин стыдиться того государства, которое наши предки начали строить в X в. и окончили в XIX в. Но сейчас, как кажется, до предела ослаблены силы, его поддерживающие, и верх взяли силы распада. Надо признать эту реальность.

Однако распад страны не останавливается на границах 15 республик, идет в глубь их. В Грузии независимой объявила себя Абхазия, в Молдавии – гагаузы и русско-украинское Приднестровье.

Драматичнее всего этот процесс в собственно России – РСФСР. О независимости объявили Башкирия, Татария, Карелия, Удмуртия, Ханты-Манси, Коми. О независимости объявляют даже области и районы, ведут речь об особых деньгах для одного города, начинают экономические войны между соседними областями. Удастся ли отстоять целостность России? – вот это и есть сейчас самый насущный вопрос. От того, как он решится, зависит не только судьба России, но и судьба других республик: это отзовется во всем мире.

Общая причина процесса распада не в подъеме национальных чувств. Например, в республике Коми большинство населения – русские. А ведь говорят серьезно о независимости Сибири, а там – Дальнего Востока: этого уже не объяснить национальным сепаратизмом. Нет, мы переживаем болезнь. Распадение организма – признак упадка сил, а не подъема. Видимо, здесь смешалась и ненависть к «центру» как источнику всякого зла, и страх грядущей катастрофы, надежда пережить ее «отдельно».

Что произойдет, если процесс распада России остановить не удастся? Надо будет рвать связи, складывающиеся иногда многими веками, резать по живому.

Множество маленьких, раздираемых спорами, скорее враждебных друг другу, чем сплоченных, образований будет беззащитно перед любым давлением: экономическим, военным. Дешевая рабочая сила, выкачивание богатых недр, перевод опасных производств, недопустимых у себя, захоронение вредных отходов – будет непреодолимым соблазном для иностранных компаний. Начнется дележ сфер влияния США, Японии, Германии, Китая. «Балканизация» России нарушит полностью мировое равновесие сил, будет величайшей опасностью для всего мира.

Поэтому мне представляется, что все, желающие спасти нашу страну от полного крушения, должны объединиться вокруг одной цели: предотвратить окончательный распад России. Есть ли сила, способная это осуществить? Если такая сила есть, то только одна – русский народ. Ни экономические, ни геополитические интересы не создадут здорового государства. В основе должно лежать национальное единство, скрепленное общей культурой, верой отцов и общей исторической судьбой. А ведь именно русские составляют подавляющую часть населения РСФСР. Да ведь если когда-то в будущем народы, составляющие нашу страну, сблизятся опять, то возможным это будет только вокруг русского ствола.

Но реальна ли эта сила? Дух русского народа покалечен, подавлен непрерывными гонениями. Они начались с самого 17-го года, когда слово «патриот» и «контрреволюционер» стали синонимами. Ленин, Сталин, Зиновьев, Бухарин были единодушны в борьбе с «русским великодержавным шовинизмом». Вражда и подозрительность к русским национальным чувствам вколачивались в головы и часто усваивались бессознательно. И сейчас приходится читать про «русский фашизм» (кто же спас мир от фашизма?). Даже А. Д. Саха-

ров упрекал Солженицына, что его призыв к русскому патриотизму – «из арсенала официозной пропаганды». Слово «русский» стало восприниматься с опаской, как будто оно политически скомпрометировано.

Сколько за последнее время возникло организаций, осторожно называющих себя «российскими» (избегая опасного слова «русские»). Так никакой народ существовать не может! А русский народ еще существует и имеет право обсуждать свое будущее, говорить о своих интересах, защищать русских, живущих в других странах. И говорить о России –русской стране, населенной в основном русскими, объединяемой этой своей русской частью, на плечи которой ложится поэтому главная тяжесть исторической ответственности. Говорят же об Эстонии как стране эстонцев, хотя оснований для этого меньше, – их доля в населении их республики гораздо меньше, чем русских – в России. Разумеется, эта особая ответственность русских должна соединяться с полным сознанием значительности судьбы других населяющих Россию народов, с сердцем, открытым их проблемам, с обязательством полного обеспечения их прав.

Ослабление русского сознания приводит часто к его искажению. Одно из самых опасных искажений – то, что русские иногда надеются найти союзника в партийном и государственном аппарате. Это трагическая ошибка! Аппарат, какой он сейчас, никогда не придет на помощь русским, попытается использовать их в своих целях да еще скомпрометирует связью с ним и многих оттолкнет.

Такое же искажение – использование терминологии интернационализма, безнадежно скомпрометированной в Афганистане. Обычно она выглядит как объятия, распростертые к нации, которая (во всяком случае в лице своих вождей) решительно не хочет с нами обниматься.

Русские оказываются в недостойном, нелепом положении. Но мы достаточно сильны, чтобы отстоять свои, русские (а не «интернациональные») интересы, и имеем на это полное моральное право.

В отношение к партии должна быть внесена особая ясность. На вопрос об исторической ответственности партии вряд ли возможны два ответа. Партия, действовавшая с 1898 г. до наших дней, пришедшая к власти через революцию и гражданскую войну, никогда не допускавшая свободного волеизъявления народа, – несомненно, ответственна за то, что произошло в результате ее правления. Но что из этого следует практически? Большинство теперешних членов партии не имеют отношения к трагическим эпизодам ее правления (неся лишь моральную ответственность – ведь они добровольно в нее вступили). 20 миллионов членов партии из жизни не выкинешь, тем более когда среди них – многие из наших лучших инженеров, ученых, артистов, писателей. Партия должна найти какое-то разумное место в новом укладе жизни. Найти его – конечно, дело самой партии. Но мне представляется, что необходимы два условия, чтобы русские силы могли рассматривать вопрос о каком-либо сотрудничестве с партией. Первое – открытое признание ею своей исторической вины. Второе – провозглашение ею новой иерархии ценностей. Необходимо недвусмысленно заявить, что у партии одна основная цель: спасение страны, народа. Все должно быть подчинено этой цели. Так поступили в Болгарии: сменив название, партия выдвинула лозунг «Интересы Болгарии прежде всего» – и победила на выборах. У нас, к сожалению, таких заявлений не слышно.

Какой уклад выбрать сейчас России – социалистический или капиталистический? Вот вопрос, который своей фальшивой постановкой затуманивает головы и

создает почву для раздоров. Когда-то идеи «социализма» и «коммунизма» означали призыв зажечь весь мир огнем пролетарской революции. Сейчас об этом, кажется, никто не думает. Какая же реальность скрывается за выражением «социалистический выбор»? Только грандиозное, централизованное, управляемое из центра хозяйство, которое функционирует все хуже и с которым мы не знаем, что делать. В наших условиях альтернатива «социализм» – «капитализм» схоластична. Перед нами не идеологическая, а хозяйственная проблема. Частная собственность существовала всегда – вплоть до самых примитивных обществ, наблюдавшихся этнографами. Она дает человеку право выбора, решения на свою ответственность – делает хозяйственную жизнь интересной, творческой. С другой стороны, сейчас, кажется, нет страны, где право собственности не было бы ограничено государством: правительственными заказами, налогами, антитрестовскими законами, пошлинами, экономическими запретами и т. д. А в наших условиях отсутствие таких ограничений вызовет безработицу, обнищание, массовые забастовки, хаос.

Так что реальна не проблема выбора между социализмом и капитализмом, а определение границы – насколько частную собственность допустить и как ее ограничить. Прекрасно, что крестьяне могут получить землю в собственность. Но много ли крестьян, готовых к этому? В деревне так долго выбивались все сильные и инициативные слои, что сейчас, может быть, очень многие предпочтут защиту колхоза и совхоза. Надо и колхозы защищать от государственного диктата и грабежа (продажи сверхдорогой, часто ненужной техники). Все это вопросы не выбора одного принципа, а умения найти жизненные границы применения разных. И успех здесь определяется не идеологией, а тем, какие люди

будут руководить. Нужны не теоретики, выдвинувшиеся работами о развитом социализме, тем более такие, которые уже доказали свои способности планированием БАМа или ликвидацией неперспективных деревень. Ведь есть же люди дела, как таковые себя проявившие: директора заводов, работающих лучше других, председатели успешно функционирующих колхозов или директора таких совхозов. Вот им и можно доверять руководство экономикой.

Чтобы выжить и опять стать жизнеспособной, России надо найти ответы на ряд нелегких вопросов. Вот некоторые из них.

Первый: Народ должен взять власть в свои руки. Сейчас он как раз отдает ее на выборах, причем совершенно неизвестным ему людям. Теперешняя система выборов показала свою полную непригодность. Люди стояли на улицах перед программами кандидатов, и я слышал одни и те же слова: «Мы никого из них не знаем!» Кто же победил? Те, кто умел сочинить более привлекательную программу, кто мог добиться большего времени на телевидении, мог поставить больше агитаторов в подземных переходах, найти больше людей, чтобы срывать листовки конкурентов. То есть отбор происходил по качествам, отнюдь не гарантирующим квалифицированное решение государственных вопросов. В результате мы получили руководство России, не только равнодушное, но очень благожелательно наблюдающее ее распад. Одни ездят по стране, обещая любым областям любую независимость, – хотя решать такой вопрос мог бы только Верховный Совет или даже плебисцит всей страны. Другие заключают с соседней уже независимой республикой договор, по которому добытые в России нефть и газ продаются по ценам в десятки раз ниже мировых. Создается впечатление, что они

увлечены этим порывом развала, с охотой ему содействуют, об интересах же России просто забыли, точно так же, как забывал и правивший раньше аппарат.

Мы должны найти другой путь выявления воли народа. Надо, чтобы мы выбирали человека, уже известного своими делами, – на основе его дел, а не обещаний. Конкретную форму выборов и надо искать, начиная лучше с выборов самой низшей власти – районных Советов. Здесь существует множество возможностей. Ведь выборы – это, собственно, один из видов изучения общественного мнения, и приемов такого изучения придумано очень много.

Второй: Мы должны получить власть над своими мозгами. Мозг человека работает на основе поступающей в него информации. А какую информацию нам сообщать – решают средства массовой информации, никак не контролируемые народом. Там все решают люди, которых мы не выбирали, которые перед нами не отчитываются. Нелепо говорить, что здесь действуют рыночные отношения, – на радио и телевидении это просто невозможно (да и при самом свободном рынке существуют законы против монополий). Пора признать, что, как и армия, средства информации – слишком большая сила, чтобы целиком доверить ее одним специалистам. Их часто называют «четвертой властью» – наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Тогда их и надо контролировать так же, как и другие три власти. Например, наряду с судьями выбирать комитеты контроля средств массовой информации, цель которых будет – обеспечить объективность их работы, справедливое освещение всех сторон жизни.

Третий: Мы должны определить, в каком же государстве мы живем. Сейчас РСФСР, судя по букве Ф, является федерацией – но чего? Югославия есть феде-

рация шести республик, ФРГ (до объединения) – десяти земель. В теперешней же Конституции указано лишь, какие автономные республики, области и края входят в состав РСФСР. А остальная территория, населенная русскими, обойдена молчанием как нечто, о чем приличнее не говорить. Это очень типично для положения русских в СССР. Россия может вообще не быть федерацией – тогда должен быть разработан механизм защиты и развития входящих в нее народов. Или она может быть федерацией примерно равных по населению и экономическому потенциалу штатов (областей, губерний) с широкими, но четко определенными правами местных властей.

И таких вопросов перед нами стоит немало. XX век оказался для русских веком поражения, таким же, как XIII. Связи, соединяющие отдельных людей в народ, ослабели. Русские как будто разучились объединяться для общего дела. Сколько есть прекрасных, жертвенных молодых людей, готовых трудиться для защиты старых зданий, восстановления храмов, создания воскресных школ. Но большинство из возникавших русских организаций быстро распадались из-за неделовитости и столкновения самолюбий. Мы должны заново учиться тому, что так хорошо умели наши предки: жертвовать ради общего дела личными интересами и самолюбием, кропотливо, хоть и малыми шагами, не пугаясь неудач, создавать русское движение, взаимопонимание и единодушие, вновь взращивать русскую силу. Преодолели же мы когда-то монгольское иго, сможем и сейчас повторить дело Ивана Калиты.

Булгаков сказал, что «рукописи не горят». Тем более не исчезает готовность к самопожертвованию, государствостроительный дар, любовь к Родине. Русские умели подыматься и после Смуты, и после сожжения Москвы,

и когда враг доходил до Волги. Народ Пушкина, Достоевского и Толстого, народ, победивший Наполеона и Гитлера, способен найти в себе силы, чтобы преодолеть и беды, обрушившиеся на него теперь, – хотя бы для этого ему и потребовалось несколько поколений.

1990.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

(Встреча редакции и авторского коллектива журнала «Слово» с читателями в феврале 1990 г.)

Перед выступлением И. Р. Шафаревича Л. И. Бородин рассказал: «Маленькая деталь. В 1983 г. следователь, который вел мое дело, в заключительном своем слове при подписании 201 статьи говорил мне, что еще не поздно раскаяться, и прочее, и прочее... И добавил: имейте в виду, все кончено, либерализм кончен. Будем сажать. Я могу вам сказать, кто следующий – Шафаревич».

– В нескольких записках задается один вопрос: что я думаю о том, что происходит сейчас, о сегодняшнем дне?

Коротко говоря, – впечатление такое, как будто встречаешься в жизни с увиденным во сне в виде кошмара. Еще лет двадцать назад многие люди, не я один, начали ощущать возможность этого кошмара. Стало ясно, что сложившаяся у нас в стране система перспектив не имеет. Она окаменела, омертвела, не может отвечать на запросы жизни, разве только иррациональными актами вроде войны в Афганистане. Речь идет не о ее конце, он предрешен. Вопрос о том, что будет после этого. У разных людей, не только у меня, начал вырастать образ Февральской революции. Как писал уже в изгнании Солже-

ницын об одном течении – «разгрохают страну в новом Феврале». И вот сейчас эта опасность реализуется. Такое впечатление о сегодняшнем дне.

Что я под этим подразумеваю? Февраль, мне кажется, это не какой-то даже период нашей истории, а некий элемент, который присутствует почти в каждом громадном историческом кризисе. Особенность его вот в чем – опасность не в том, что какие-то люди рвутся к власти, это было бы полбеды... Особенность этого явления заключается в том, что к власти рвутся люди, по биографиям, по программам которых видно, что они никакого представления о том, что такое власть, что такое жизненные реальные проблемы, не имеют. В этом сценарии кризиса их роль, может быть, субъективно людей либо честолюбивых, либо думающих со своей точки зрения принести пользу, но объективно их роль в том, чтобы уничтожить те структуры, которые каким-то образом сцепляют страну, благодаря которым народ может действовать как одно целое, хотя это может происходить по-разному – и во зло, и к добру... Но во всех случаях остается громадная сила народа, который действует как одно целое. Когда уничтожается то, что скрепляет народ, он парализуется и становится жертвой таких мелких групп, о которых потом недоумевают историки, как несколько тысяч человек могли оперировать судьбой грандиозного народа. Решает вопрос – какая группа склонна на более радикальные действия, как говорят, на насилие, не ограниченное никаким законом...

Мне кажется, что мы попали в какую-то ловушку, нам предписаны какие-то законы, правила игры, которые мы никак не выбирали, которые не наши, в которых наш проигрыш более или менее предрешен...

Еще год назад на других выборах никто не обсуждал, никто нас не спрашивал, как эти выборы должны

быть организованы... а теперь нам в рамках этой игры предоставлена полная свобода, но правила таковы, что победа наша, по-моему, просто не предусмотрена. Например – получаю я на квартиру письмо. Три абсолютно неизвестные фамилии... Подписано – товарищи Ельцин, Попов рекомендуют голосовать за этих товарищей... То есть это тот же самый «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», только там списки составлялись в обкомах, райкомах, а здесь они создаются в каких-то кабинетах, которые нам неизвестны... Мы здесь столкнулись с еще одним уроком – что-то разрушить – самая еще маленькая задача. Несравненно более сложная задача – чем же это заменить...

Возможность найти выход есть. Есть наука социология, есть методы исследования общественного мнения, есть варианты выделять маленькие коллективы хорошо знающих друг друга людей, которые могут выбрать человека по знаниям, или выбирать всенародно людей, которых можно хорошо узнать по их делам, а не по программам... Трагедия в том, что распад страны идет гораздо более быстрым темпом, тут происходит гонка, и вот успеем ли мы или не успеем, это и есть тот кошмар, который меня преследует.

– *Ваше отношение к академику Сахарову?*

– Это был очень русский человек. У Андрея Дмитриевича было какое-то больное сердце, оно реагировало прежде всего на то, что ему казалось насилием над человеком. Он мог в этом не разобраться, его могли неправильно ориентировать, он мог защищать тех, кто страдал гораздо меньше, забывая о тех, кто больше. Но в основе было, что несправедливость касается лично его. В то время было очень мало людей, которые так поступали. Те, кто близок к моему возрасту, меня пой-

мут, а тем, кто моложе, – я хочу сказать – надо быть снисходительнее к нашему поколению. По нам прошел такой невероятный каток, что, конечно, все мы в какой-то степени потерянное поколение.

Сахаров был далеко не один. Причем он был только сослан в Горький, а генерал Григоренко годами сидел в психиатрической больнице, одно время с агрессивным больным, который на почве психоза ревности убил свою жену. Раз в полгода Григоренко проходил «переосвидетельствование», каждый раз отвечая: «Мои убеждения не перчатки, чтобы их менять».

В ту эпоху мы все были разъединены, друг о друге ничего не знали, знали лишь о маленьком кружке людей вокруг и содержание прессы. Возникало страшное подозрение – может быть, действительно, эти страшные годы в народе истребили все, что было честное, индивидуальное, всех тех, кто был, как Аввакум, как наши предки... В этом смысле эти люди, не их платформы (платформа Григоренко казалась мне в высшей степени наивной и неубедительной), но их наличие было большой опорой.

Конечно, в последнее время происходит какая-то и для меня печальная иконизация Сахарова, которая на самом деле принижает его индивидуальность. То же самое происходит и с Пастернаком, поэтом, который написал «Быть знаменитым некрасиво»... Это не невинная безвкусица, а продолжение того же самого – людям нужно встать перед кем-то на колени. Это культовое мировоззрение, которое осуществляют те люди, которые тогда, в те же годы, прониклись им (к ним нужно иметь снисхождение). А хуже, что они приучают уже к этому и молодежь.

– Низкая культура, узость интересов, отсутствие интеллигентности, как много упущено, зажато

и уничтожено, ответом часто являются либо глухота, либо взрывы антисемитизма. Мне кажется бесплодным, ненужным разговор о русофобии. Кому и что мы хотим этим доказать?

– В какой-то мере, конечно, основной задачей русской мысли должно быть понимание, осмысление того, что с нами происходит и смысла нашей истории, невероятных уроков, которые в нашей истории заложены, чтобы использовать этот опыт в будущем.

А что касается русофобии – вот еще записка, в ней излагается содержание статьи академика В. И. Гольданского в «Вашингтон пост» об угрозе перестройке и миру русского «монархонацизма». Я много думал на эту тему, когда писал статью «Русофобия»... О ком я думал? Прежде всего о нашей молодежи, которая растет в твердом убеждении, что русская история есть сплошной мрак. И есть некая светлая, прямая, единственно возможная линия, которую нашел Запад, от которой русские либо до бесконечности удалились, либо просто по национальным качествам она для них невозможна и они обречены на безысходность. С такой психологией жить нельзя, а она распространяется все больше и больше... Если на это не возражать, молчание принимается за знак согласия. А такое мировоззрение является духовной смертью народа. Если бы это были обвинения во вред лично мне, я мог бы перетерпеть, но когда это касается народа, то ведь жалко же нам его, мы чувствуем, что он нас создал, но ведь и мы же чем-то ему обязаны...

Чудом является не наша бездуховность и некультурность, а то, что мы вообще существуем духовно, потому что мы находились под таким прессом, который по всем материальным расчетам не должен был оставить ничего от нас, и то, что у нас в стране под этим прессом творил великий композитор Шостакович,

который описал в музыке тот апокалипсис, который мы тогда переживали, то, что после этого писал Солженицын, необычайной, нежной красотой пронизаны произведения Белова, что создана высочайшего трагизма «Матера» Распутина, которая, по моему мнению, стоит на уровне греческих трагедий по своей красоте, – вот это было чудом, чудом, которое в каком-то смысле опровергает материалистический взгляд на историю, потому что по всем материальным расчетам этого существовать не могло...

– *Как Вы относитесь к идее русского коммунизма?*
– Так же, как к идее горячего снега!

– *Порой все-таки кажется, что все безнадежно и лозунг «Россия без русских» возьмет верх. Уже сейчас многие считают, что нам не дадут открыть рта, что никакого возрождения России не надо, что России – нет.*

– Я уже говорил, я – оптимист, но знаете, я не хочу скрывать того страха и того ощущения какого-то рокового момента, который мы переживаем. По-моему, только понимание этого может дать сверхсилы для решения сверхзадачи, которая перед нами стоит. И вот тут я разрешу себе поспорить с Вячеславом Михайловичем Клыковым. Может ли Россия погибнуть? Есть ли у России будущее? Но вот была прекрасная православная Византийская империя, откуда мы заимствовали Православие и два раза в каком-то смысле, второй раз – силы для нового возрождения, из прекрасного, глубочайшего течения исихазма возникло у нас и течение Сергия Радонежского, и заволжских старцев... И верили там в единую Троицу, но погибли под турецкими ударами, перестали существовать. Увы, народы

рождаются, и народы живут, и народы умирают. Это относится и к России. И как этот новый момент переживет Россия, зависит от нас, и ощущение страшности этого момента должно у каждого быть, оно должно быть направляющим в жизни каждого из нас.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯТСЯ ДВАЖДЫ?

Гегель сказал, что история повторяется дважды – один раз в виде трагедии, другой раз в виде фарса. Мне кажется, что это совершенно неверно. Если история повторяется дважды, то значит народ не смог сделать выводы из своей истории, понять свой исторический опыт – это не фарс, а вторая, более глубокая трагедия. Многие признаки указывают на то, что подобная участь грозит нашей стране.

В феврале 1917 г. рухнула существовавшая структура власти и стали быстро распадаться связи, позволяющие народу действовать как единому целому. Через несколько месяцев народ был парализован. Кто возьмет власть в свои руки: большевики, левые эсеры или анархисты – это решалось соревнованием между ними, тем, какая группа идеологически и организационно готова к более радикальным действиям.

Страшно наблюдать, как подобная ситуация все более отчетливо складывается сейчас. Двоевластию Временного правительства и Петроградского совета у нас соответствует двоевластие руководства СССР и РСФСР. Те же призывы к армии отказаться от безусловного выполнения приказов (тогда – «Приказ № 1», сейчас – призыв руководителя РСФСР). Тот же стремительный рост

«автономий» и «суверенитетов». Один радикальный оратор поторопился уже провозгласить «февральскую революцию 1990 года».

Февральской революции предшествовала генеральная репетиция – очень важная для развития революционного процесса, хотя и не полностью удавшаяся революция 1905 г. В те революционные годы возникла Государственная Дума – первый опыт российского парламентаризма. Сейчас мы вынуждены снова начинать с начала этот путь, и поэтому особенно поучительно сопоставление с тогдашним первым шагом. Сразу после роспуска Государственной Думы, по свежим следам, один из умнейших русских историков, В. Герье, опубликовал небольшую книжку, содержащую анализ ее деятельности: «Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов» (Москва, 1906 г.). Ниже приводятся небольшие выдержки из нее.

Мы встречаем атмосферу, во многом напоминающую дух заседаний некоторых теперешних Верховных советов. Это революционность, оттесняющая на задний план повседневную деловую работу. Борьба за захват власти, требования отставки правительства, военная терминология для характеристики отношения к исполнительной власти: «бой, уничтожение». Тенденция каждой группы отождествлять себя с народом, говорить от имени народа. Намеки на то, что если правительство не будет покорно депутатам, то народ с ним расправится. Игнорирование (а иногда и незнание) тех законов, на основании которых были избраны депутаты. Очень строгие требования к исполнительной власти (также угрозы на случай их невыполнения) – и столь же либеральная оценка действий самих депутатов, их ответственности за свои слова (один депутат I Думы утверждал даже, что слово депутата вообще не

требует подтверждения, что в нем никто не имеет права сомневаться). Пожалуй, наиболее ярко дух I Думы, когда революционность ставилась выше всех других ценностей, выразился в потрясающем по его символичности эпизоде, когда Дума отказалась утвердить меры, предложенные правительством для помощи голодающим в нескольких пораженных недородом губерниях! Единственное объяснение было: пусть сначала правительство уйдет в отставку!

I Дума оказалась орудием революции, а не инструментом деловой работы, которая совершенно не интересовала группы, захватившие в ней верх. В результате Дума была распущена.

II Дума была такой же, и только после изменения выборной системы Столыпину удалось создать Думу, способную к систематической работе. Наступил 8-летний период стабилизации, оборванный войной. Но дух, фразеология, тактика революционного нигилизма, созданная в первых двух Думах, не исчезли. Это течение вспыхнуло с новой силой в Думе последних предреволюционных лет, а потом, еще более радикально – в политической жизни послефевральского периода.

С той эпохи начался исторический цикл, принесший с собой катастрофу, размеры которой сейчас видны всем. И снова нас возвращают в исходную точку того же цикла, видна опасность того, что мы второй раз пойдем по тому же кругу. Но если учесть, насколько наши материальные и духовные возможности ниже тех, которыми обладала дореволюционная Россия, то видно, что этого пути наша страна не выдержит.

Исторический опыт и, в частности, как он отражен в книге Герье, показывает нам: «Смотрите, вот как это начинается. Вы сами свидетели того, как это кончается». Но сможем ли мы воспользоваться эти уроком?

Видимо, смутные опасения или предчувствия того, что произошло, и заставили Герье написать свою книгу. Его критика работы I Думы написана не с позиций авторитарного строя. Герье был убежденным сторонником и пропагандистом конституционной формы правления. Он именно в том и обвинял I Думу, что ее деятельность основывалась на идеологии не конституционализма, а левой революционности. Позже, когда III Дума провела большую часть реформ Столыпина, Герье написал такую же книжку с обзором ее работы, где давал ей диаметрально противоположную оценку. Далее следуют цитаты из книги Герье.

Несомненно то, что Дума выражала собою современное общественное настроение в его крайних направлениях. В общественном брожении всегда всплывают вверх и получают преобладание наиболее революционные партии. Поэтому и в России первая Дума стала ареной революционных партий. Самой многочисленной и влиятельной из них была партия конституционно-демократическая (кадетская), называющая себя также партией народной свободы...

Резко революционный характер к.-д. партии вполне обнаруживался в программе, выработанной учредительным съездом партии 12–14 окт. ...

Было постановлено, что партия будет стремиться к достижению своих целей, «не останавливаясь перед возможностью открытого разрыва с правительством», – и что «никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложены на них народом (?)»...

Первым плодом усвоенной к.-д. партией тактики был «ответный адрес Государственной Думы на тронную речь Государя Императора»...

Не довольствуясь законодательной ролью, отведенной Государственной Думе основными законами, адрес требовал, чтобы «никакие особые узаконения не полагали предела законодательной компетенции представительства», и уничтожения Государственного Совета…

А так как этому препятствовали «основные законы», то адрес заговорил о пересмотре их. «Не может быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народного представительства в единении с монархом». Под этим «евфемизмом» скрывалось притязание на учредительную власть, т. е. затаенное желание превратить Думу в Учредительное Собрание...

Эта же нота еще сильнее прозвучала в одной из следующих речей.

«Кто же нам враг и кто нам друг? Ведь мы собрались здесь от всей России, чтобы решать свою судьбу, мы доведены до отчаяния, и дальше так жить нельзя и значит нам, народу, в силу необходимости нужно взять всю судьбу в свои руки и самим ее решать. Я коротко скажу: “Если жизнь народу, то не жизнь, а смерть старому правительству”. А наше дело, – заключил депутат, – бороться, бороться, бороться».

Всякий факт, всякий запрос и всякое сообщение кого-либо из министров служили поводом к оскорблениям министерства. Но среди этих оскорблений не забывалась реальная цель их – добиться ухода министров. Так, в заседании 9 июня один из депутатов начал свою речь со слов: «Народные представители и народный враг вчера встретились лицом к лицу»...

«Пусть они уходят, пусть эти господа ускорят свою гибель! История обрекла их на гибель, не спастись им, и они скоро сойдут со сцены»...

«От имени русского народа говорю, чтобы они сейчас ушли со своих мест и дали возможность занять эти места людям, избранным самим народом, людям более способным, более честным, неподкупным».

«Только немедленная отставка настоящего министерства и передача власти кабинету, пользующемуся доверием Государственной Думы, в состоянии вывести страну из тяжелых и быстро возрастающих затруднений»...

Особенно горячился один оратор. «Знает ли господин министр, что он совершил? Знает ли, что он бросил эту угрозу в лицо всему русскому народу? Знает ли он то чувство гнева, которое охватит весь русский народ? И вот почему я говорю: не нужно ослаблять, а нужно усиливать до тех пор, пока и здесь станет ясно, что единственный выход для министерства – уйти немедленно» (*Бурные аплодисменты, крики: довольно*).

Говорившиеся по поводу этого случая речи побудили одного из депутатов воскликнуть:

«Господа народные представители! Что же это такое? Я слышал такую здесь фразу: пока министерство не уйдет в отставку, до тех пор Дума не ассигнует ни одной копейки в пользу голодающего населения»!

Вожди как главного отряда, так и союзников поспешили воспользоваться случаем для новой резолюции по ниспровержению министерства, гласившей, что помощь голодающему населению будет тормозиться, пока останется у власти нынешнее безответственное перед народом министерство.

Один из ораторов провозгласил себя единственным распорядителем думской трибуны и объявил, что, «кто не удовлетворит минимуму честности, минимуму порядочности» и т. д., «никогда – ни сегодня, ни зав-

тра, ни послезавтра – не будут иметь какой-либо возможности говорить с этой трибуны». Далее он заявил от имени своей группы, что явившийся представитель военного министерства «с этой трибуны ни одного слова более не произнесет» (аплодисменты).

Интересно и то, что против этого простейшего способа разрешить вопрос о министерской ответственности протестовал не председатель Государственной Думы или кто-либо из руководившей Думою партии, а один из членов малочисленной группы умеренных, заявивший, что если тот минимум требований, который должен удовлетворить всякий говорящий на этой кафедре, будет зависеть от усмотрения лиц, сидящих там (налево) или каких бы то ни было групп или даже всей Думы, а не закона, то Дума будет неработоспособна – «а вместо порядка, для которого мы созваны, вы зальете страну такой кровью, какой еще она не видала. Я глубоко протестую против этого».

Но шум был ответом на этот призыв к парламентской свободе слова. По газетным же отчетам этот депутат испытал на себе самом прием, против которого протестовал, – шум заглушил его слова.

Уверенность в близком торжестве была так велика, что один из депутатов заявил в последнем думском заседании, что сохраняет за собой свободу требовать от будущего министерства предания суду министра внутренних дел Столыпина. Оратор не предчувствовал, какая ирония судьбы была в его словах![1] Заканчивая свою речь, этот депутат взял рекорд над союзниками в разгромлении министерства: «…министр Столыпин, – сказал он, – вступает открыто на путь борьбы с свободою, со всем освободительным движением, и мы шлем

[1] Будущим премьером стал П. А. Столыпин. – *И. Ш.*

пожелания Столыпину в этой борьбе всяких неудач, поражений и гибели, шлем ему свое народное проклятие» (*левые шумно аплодируют*).

Сам председатель Государственной Думы был принужден однажды воскликнуть: «Зачем постоянно употреблять оскорбительные выражения?» Но еще резче отступала русская Государственная Дума от других конституционных палат по существу. Борьба в ней велась не только против министерства, но и против самой конституции; борьба велась не только из-за министерских портфелей, но ради захвата верховной власти, т. е. борьба была не конституционная, а революционная.

«Конституционный принцип, – заявил один из членов Думы, – таков, что слово депутата является словом, в котором сомневаться никто не может и не имеет права». Другой депутат на основании того же конституционного принципа объявил: «Горе тем министрам, которые когда-нибудь посмеют сомневаться в слове депутата». Немало было таких, которые пришли в Думу, чтобы спасать родину, и были возмущены тем, что им говорят о каких-то пределах власти. Сильно содействовал самоуверенности и уверенности в великом призвании Государственной Думы крайний оптимизм многих ее членов. Им казалось, что достаточно одного полновластия Думы, чтобы разрушить все проблемы и устранить все препятствия к благополучию страны.

С одной стороны, мы видим, что многие ораторы отождествляют себя с народом, чтобы придать себе больше веса и авторитета... «Две недели прошло с тех пор, как нас сюда прислал стомиллионный народ». – «Две недели мы здесь с мучительной тревогой взвешиваем каждое наше слово (??) в сознании великой ответственности, которую на нас возложил народ». – «Требования, нами поставленные, несомненно требования всего народа... если хотят,

чтобы мы и далее были носителями и выразителями той великой веры, которую народ вложил в нас... нам нужно, чтобы здесь была исполнительная власть, послушная велениям народа, пользующаяся его доверием».

Напрасно трезвый голос, который так часто раздавался в критические минуты думских прений, и здесь предостерегал членов Думы: «Я думаю, что здесь слишком злоупотребляют именем русского народа и неверно утверждают, что каждый говорящий говорит за весь русский народ. Я думаю, что русский народ также распадается на разные группы и партии, как и мы распадаемся здесь. Едва ли кому-нибудь из нас принадлежит право говорить за весь русский народ и утверждать, чего он ждет, чего он требует»...

Но особенно злоупотребляли именем народа те, кто угрожал его именем, взывал к его гневу. «Мы здесь все заявили, чтобы правительство ушло долой, и оно должно уйти, быть под народным судом. Народ должен спросить его: кто ему позволил это делать?» Через месяц послышалось то же самое: «А мы должны сказать, что мы смотрим на них (министров) как на преступников и будем надеяться, что их позорному царству настанет конец и что если не мы, то народ справится с ними». (*Аплодисменты, шиканье справа*). Или же такая бравая речь: «Если понимание того, что у нас есть реальная сила, не дойдет до голов тех, до которых должно дойти, тогда, конечно, наша роль кончится и наступит момент, когда народ выйдет из своего спокойствия и тогда уже заговорит с министрами не тем языком, каким мы говорили до сих пор»...

«У нас нет веры и мы верим только в силу народа». – «Дальше так жить нельзя, – сказал тот же оратор: и значит нам, народу, в силу необходимости, нужно взять всю судьбу в свои руки и самим ее решить»...

Не менее ясно высказал свою мысль нижеследующий оратор: «Мы думаем, что Дума не является учреждением, в достаточной степени уполномоченным, которое в состоянии продиктовать правительству и тем силам, которые стоят против русского народа, свое собственное слово. Мы думаем, что Дума является фокусом, который сумеет собрать народ воедино, сумеет сгруппировать за собою достаточные силы, чтобы эти силы в тот момент, когда столкновение сделается неизбежным, как удар парового молота, разнесли все, что перед ними находится, что мешает народу достигнуть счастья и благополучия, как он его понимает. Так понимали Думу мы до сих пор и от этого понимания и теперь не отказываемся».

Но... подражательность ведет всегда только к заимствованию форм без внимания к условиям, придающим этим формам смысл. Это обнаружилось и в данном случае. Когда думская комиссия 33-х внесла свой законопроект о свободе собраний, левая осталась им очень недовольна, находя, что он, лишь условно разрешая собрания на площадях и улицах и вовсе воспрещая их на полотне железных дорог, нарушает права державного народа собираться, где ему угодно. Ораторы кадетов защищали проект. Один из них отстаивал своих товарищей против упрека, «что мы не доверяем народу, что мы его боимся, что мы не желаем народовластия, что мы над народом хотим поставить другую какую-то власть», но все-таки поддерживал законопроект против союзников. Вдруг на выручку последних выступил специалист по английскому праву. С помощью этого права он разрешил очень просто вопрос, можно ли свободно собираться на улицах и на полотне железных дорог.

«В Англии и Америке, – сказал он, – в течение 200 лет вопрос о праве собраний решается положитель-

но в том же смысле, в каком нам предлагали решить его члены недавно образовавшейся у нас партии социал-демократической. В Англии не существует даже особого права собраний, а считается, что это право присуще каждому гражданину, так как оно составляется из двух прав, права свободного перемещения и права свободы речи. Соедините эти два права – и вы получите право собраний». Хотя специалисту можно было бы поверить и на слово, он все-таки сослался и на книгу Дайси, «английского профессора об английской конституции, переведенную русским, ныне также Оксфордским профессором: вы найдете там, что известно всякому, кто занимался государственным правом»...

На следующий день, по справкам, посыпались поправки! Один из депутатов к.-д. партии сообщил, что в книге Дайси сказано: «Думают, будто сады, улицы и дороги, которыми каждый имеет законное право пользоваться, во всяком случае могут служить местом собраний. Это мнение совершенно неверно». Другой депутат той же партии объявил, что он был повергнут в величайшее изумление словами, сказанными в предшествующем заседании. «Как объяснить эту странную ошибку знаменитого ученого?»…

Но гораздо важнее, чем эта библиографическая справка, общее поучение, заключавшееся в речи первого из упомянутых выше критиков, специалиста по английскому праву: «В Англии нет закона о собраниях потому, что в Англии все законы вообще, все свободы зиждутся не на письменном законе. Там нет также закона писаного в области гражданского и уголовного кодекса, а между тем там не совершается преступлений больше, чем в других странах, и там честнее рассчитываются по гражданским сделкам. Это дело культуры, дело обычая. Если бы профессор дал бы рецепт для того, чтобы мы

сейчас проделали эту тысячелетнюю культуру, то я бы согласился, но нам некогда ждать!»

Прекрасные слова, совершенно верно утверждающие, что законы в зависимости от культуры и должны соответствовать степени культурности народа. Слова, подрывающие в корне слепую подражательность... Но они были бы еще прекраснее, если бы оратор, высказавший их, обобщил их смысл и обратился с ними к членам своей собственной партии. В эпоху, когда детей в школах научают понятию эволюции, когда им говорят, что мир произошел эволюционным образом, что все живое подчинено законам эволюции, они захотели, чтобы Империя, созданная вековым абсолютизмом, сразу бухнулась в чистейший английский парламентаризм, да еще опирающийся на союз с трудовиками и социал-демократами! Но им некогда ждать!..

1989.

УДАР МИЛОСЕРДИЯ

Когда добивали раненого рыцаря, это называлось «удар милосердия»: надо же было прекратить его страдания! Сейчас «удар милосердия» готовится нашей стране – в виде представленного проекта Союзного Договора. В духе всей политики последнего времени в договоре говорится о чем угодно, о главном же умалчивается. Главное же: что это за суверенные государства, образующие Союз? Казалось бы, с их перечисления и должен начинаться Договор. Не зная этого, что же обсуждать? Но об этом в нем вообще не упоминается, хотя разбросаны разные намеки. Может быть, это «девятка» – девять союзных республик, согласившихся обсуждать Договор? Но там говорится, что одни

государства могут входить в Союз в составе других, а это вряд ли относится к кому-либо из «девяти». Да еще кинут намек: государствами могут стать «республики и национально-территориальные образования». Тогда, может быть, в духе полной свободы – любая национально-территориальная группа, какая захочет: казачество РСФСР или Казахстана, юг Украины «новороссы» и т. д.? Но и здесь есть зашифрованный подвох: число мест у новых государств в Совете Республик будет такое же, как сейчас в Совете Национальностей. Вот отсюда и можно вытянуть запрятанный план: новые государства – это все, кто представлен сейчас в Совете Национальностей, причем в их теперешних границах.

То есть авторы проекта, то ли сами, как страус пряча голову под крыло, то ли сознательно, отводя нам глаза, не хотят сказать главное: предлагается разделение страны на 53 части! По крайней мере, такая возможность предусматривается. И трудно себе представить, чтобы она не реализовалась.

Согласно Договору, входить в новый Союз будут независимые государства, имеющие право приостанавливать действие союзных законов, вести собственную внешнюю политику, определять свое национально-государственное и административно-территориальное устройство. Предполагается, что Союз ведает обороной, но нигде не сказано, что республики не должны иметь своих воинских формирований – а значит, они будут. Противоречия будут разрешаться через Конституционный суд и какие-то «согласительные процедуры». На примере Нагорного Карабаха, Южной Осетии или Тувы можно видеть, как это соглашение будет происходить.

А как смотрят составители проекта на простое равенство: 15 – 9 = 6? Какое отношение Договор предполагает к 6 республикам, не пожелавшим его обсуж-

дать? Не будет ли его подписание молчаливым признанием их отделения, даже без обсуждения условий: гарантий будущего наций, оказавшихся там в меньшинстве (иногда близком к большинству), границ, раздела собственности, гарантий безопасности других республик? Это так похоже на укоренившийся стиль нашей политики: пошумев о пустяках, втихомолку принимать судьбоносные решения, делая вид, что ничего особенного не происходит.

Какова же правовая основа этого раздробления страны? Ответ: ленинско-сталинская национальная политика, которую сейчас, кажется, никто не возьмется защищать, да аннулированный тайный договор Молотова – Риббентропа. Иначе как обосновать границы большинства новых республик? А отказавшись от Молотово – Риббентроповского соглашения, надо было бы отдать Клайпеду – Германии, Вильнюс – Белоруссии, Западную Белоруссию и Украину – Польше, Закарпатскую Украину – Венгрии, Бессарабию – Румынии, а оставшуюся часть Молдавии вернуть в Украину. Неужели апелляция к такой основе заставит уважать новые границы?

Принцип действия атомной бомбы основывается на том, что цепная реакция распада ядра урана начинается, когда его масса превышает определенную величину – «критмассу». Две заготовки, содержащие каждая немного более половины «критмассы», держатся порознь, в нужный момент они соединяются – это и есть атомный взрыв. Для нашей страны заряды, соединение которых даст атомный взрыв, – это кризисы: экономический и национальный. Вместе они ввергнут нас в Чернобыль, несущий гибель шестой части суши земного шара. Единственный шанс на спасение – попытаться их разделить. И так как самый неотложный кризис – экономический, грозящий голодом и полной

разрухой, то, пока не наметилась хоть надежда на экономическую стабилизацию, надо было бы наложить мораторий на все планы геополитической перекройки страны. Но политика – вопрос не желаемого, а возможного, наиболее разумный выход может быть сейчас нереален. Однако не начинать же сразу с декларации о развале страны! По крайней мере нужно не ускорять, а тормозить процесс ее распада. Каждую проблему обсуждать и решать отдельно, учитывая национальные, экономические, правовые и геополитические особенности. А предлагаемый проект разом разбивает страну на мелкие осколки, которые станут наперебой, отталкивая локтями друг друга, предлагать богатым странам свои недра, рабсилу и независимость.

Крошечные швейцарские кантоны – и те веками пришлифовывались друг к другу, вырабатывали свою форму сосуществования. Превратить же за один день предельно централизованную страну в конгломерат нескольких десятков государств, не имеющих никакого опыта самостоятельного существования, да еще сделать это в условиях тяжелейшего экономического кризиса – можно представить себе, в какую пучину хаоса они все будут ввергнуты.

Сталин сначала как наркомнац, а потом – просто как «лучший друг всех народов», одарил их – кого союзной, кого автономной республикой, кого автономной областью, кого округом. Лишь одному народу при этом ничего не досталось (кроме, разве, почетного звания «старшего брата») – русским. Поэтому и в предлагаемом Договоре им не остается места. Об этом прекрасно сказал в прошлом номере газеты народный депутат С. Васильев. Но речь идет не только о трагедии русских. Народ, составляющий более половины населения страны, очевидно, образует ее костяк. Недаром председатель

объединенного комитета начальников штабов США ген. Тейлор, выйдя в отставку, заявил, что в случае войны атомной бомбардировке надо подвергнуть основные районы, заселенные русскими, – остаток страны развалится сам. Вот такой удар, уничтожающий русских как действующую в стране политическую силу и тем разваливающий страну, наносит предлагаемый Договор.

В этом веке наша страна несколько раз была на грани уничтожения внешним врагом. В Первую мировую войну немецкий генштаб и министерство иностранных дел финансировали левые партии и любых сепаратистов, чтобы вызвать социальную революцию и распад России. Эти планы и реализовались в Брестском мире. Разделение нашей страны на части планировал Гитлер. Но никто, кажется, не предлагал столь радикального плана раздела, как обсуждаемый сейчас Договор. Такого не пришло в голову совершить с Германией ни по Версальскому договору, ни после Второй мировой войны. Это не просто поражение, хотя бы и самое тяжелое, – это запланированный конец страны, той истории, которая более 1000 лет назад началась на берегах Днепра и Волхова.

Проект лукаво апеллирует к естественному чувству исторической ответственности, даже просто жалости к терзаемой родине: создается иллюзия, что нечто, называемое государством, все же остается. А на деле он легализует его конец, наносит тот удар, от которого оно уже не подымется. Даже раздробление страны на 15 независимых государств с сильной Россией среди них оставляло бы некоторую надежду – если не нам, то хоть нашим потомкам. Это был бы кризис трагический, но не обрывающий нить исторической традиции.

Казалось бы, предложенный Договор невозможно ни обсуждать, ни «взять за основу», ни дополнять.

Возможен лишь один ответ: нет оснований предлагать подобное будущее стране, которая еще не завоевана, не оккупирована. Но в наши дни самые страшные войны невидимы и бесшумны и, быть может, мы близки к тому, чтобы проиграть свою последнюю войну. Уже раздаются загадочные слова: «Сейчас отказаться от подписания нового договора практически невозможно». (Что это, собственно, значит: практически невозможно?) Высказываются робкие надежды: «А нельзя ли осуществить новую структуру палат, предусмотренную заявлением «9 + 1» на базе существующего Съезда, без дополнительных выборов?» (т. е. чтобы депутаты остались в креслах).

Который раз к нам применяют прием, старый как мир: так шустрый управляющий подсовывал на подпись состарившемуся барину разоряющий его документ в ворохе пустяшных бумаг. В США предвыборная президентская кампания по существу занимает год, у нас – на размышления перед выбором президента РСФСР было отпущено 2 недели. Теперь на принятие решения, от которого зависит судьба всей страны, отпускается всего несколько дней. Обращение Горбачева к Верховному Совету СССР подписано 18 июня и кончается предложением: «Просьба обсудить проект в июне этого года!». Этак однажды мы найдем сообщение о разделе нашей страны между Китаем и Германией в рубрике «события дня», петитом, в конце газет.

Если мы хотим выжить, то должны положить конец подобной «демократии». Для этого необходимо прежде всего, чтобы Верховный Совет выразил публичное порицание Президенту, пытающемуся устранить народ от решения своей судьбы, и предупредить, что повторение подобной попытки поставит под сомнение конституционность его действий.

Если же найдутся лица, рискующие при свете дня выступить авторами подобного проекта Договора, то они должны изложить его безо всяких умолчаний, указав, в частности: кто подразумевается под «суверенными республиками» (какие национально-территориальные образования могут на это претендовать)? Будут ли в их ведении военные формирования и какие? Какова будет политика относительно республик, не желающих обсуждать договор? и т. д. Такой документ должен быть предоставлен на обсуждение народу и на обсуждение дано много месяцев: вопрос о существовании страны поважнее выборов президента США на 4 года! Именно по конкретному проекту и должен быть проведен плебисцит: «за» или «против» проекта, а не по скользкой формулировке, предложенной нам недавно, когда неясно было, за что же мы голосуем: за сохранение Союза, сохранение социализма или за права народа? Вот тогда и посмотрим, готов ли народ к тому, чтобы безропотно принять этот «удар милосердия».

1991.

В НАС – ДУХ СЛАВЯНОФИЛОВ

– Игорь Ростиславович, одна из ваших последних октябрьских статей вышла под пессимистическим заголовком: «Удастся ли спасти Россию?». С тех пор произошло немало событий: Прибалтика, приход товарища Кравченко на радио и ЦТ, снижение популярности у Моссовета и Ленсовета… Теперь вы смотрите в будущее оптимистичнее?

– Ситуация, конечно, изменяется, но вряд ли становится более оптимистической. Действительно, меняется отношение к двум столичным Советам, к некоторым

другим представителям левого радикализма. Выходит, что мы сначала надеялись на приход к власти людей, радикально мыслящих (я и сам голосовал за Ельцина, за Сахарова), а теперь пытаемся искать надежду в том, что доверие к ним уменьшается? Это еще слабое основание для надежды. Хотя, конечно, какой-то опыт приобретается, и, конечно, очень важно осознать, что испробованная модель власти совершенно не приспособлена к нашей стране. Люди должны выбирать тех, кого по-настоящему хорошо знают, в ком уверены. Для этого, очевидно, необходимо как-то сильно менять избирательную систему. Но к этому мы еще даже близко не подходим.

Второй момент, боюсь, представляющий трагическую особенность этого периода, заключается в том, что прослойка людей, имеющая возможность реально принимать и проводить решения, – депутаты Советов, влиятельные обозреватели телевидения и печати – очень мало отличается по своему внутреннему составу от той, что существовала до перестройки. Большинство этих людей, если брать вождей, либо бывшие секретари обкомов, либо (что еще хуже) чистые идеологи застойного времени: историки-фальсификаторы, экономисты, доказывавшие преимущества зрелого социализма, и так далее, то есть люди, которые, по сути, жили обманом. Люди в большинстве своем уже не молодые. Психология у них уже сложилась. Эта психология не приспособлена к решению реальных проблем вне командной системы. И лучший вариант в том, чтобы каким-то образом все-таки найти и привлечь людей со стороны. Худший – дожидаться следующего поколения, но при этом, заметьте, ожидание будет проходить в условиях все нарастающей катастрофы.

Что касается Прибалтики, то я ведь не специалист, который эту ситуацию тщательно изучал. Но,

по-видимому, там сталкивается очень много течений и факторов. Один в том, например, что власть всегда крепче удерживается, если базируется на каких-то крайних экстремистских лозунгах. Есть такая категория политиков, которые, дабы за власть ухватиться поосновательнее, сразу стараются зайти как можно дальше, завлечь в крайность так, чтобы пути назад уже не было, чтобы люди вынуждены были как-то держаться за эту власть, разделять с нею ответственность. Во-вторых, межнациональные отношения в нашей стране вообще обострены чрезвычайно. В-третьих, в Прибалтике живут русские, украинцы. С одной стороны, в Латвии и Эстонии они составляют почти половину населения. С другой стороны, они действительно не чувствуют себя коренными жителями. А это ощущение, по-видимому, самое главное для человека. (Например, в молдавском Приднестровье положение русского и украинского населения гораздо устойчивее, люди помнят, что отцы их и деды жили на этой земле, и это дает им дополнительный сильный моральный стимул.) В Прибалтике у русских не существует какого-то мощного национального движения, не оказывается им поддержки и из России. Люди чувствуют собственную слабость и в этой слабости находят трагический исход: в поисках хоть какой-то поддержки обращаются к КПСС, к коммунистической фразе. Ходят под красным флагом, говорят: «Не дадим скатиться на капиталистический путь развития!» (хотя вроде бы не их дело решать за всю республику), декларируют интернационализм, братство народов, в то время как другая сторона братских чувств проявлять не торопится. И в этом трагизм положения. Мне кажется, до тех пор, пока они не переболеют комплексом «красного флага» и «социалистического выбора», ситуация не улучшится.

– Ваше отношение к точке зрения о спасительности для страны установление тандема Горбачев – Ельцин?

– Я отчасти уже вам ответил на это, говоря о том, что не будет в стране эффективного руководства до тех пор, пока у власти те, кто сформирован минувшей системой. Психология человека, способного дойти от должности инженера, только что окончившего институт, до кандидата в члены Политбюро и первого секретаря МК, складывалась под влиянием определенных факторов. Например, наличие вышестоящего начальника, от умения угадывать желания которого зависел успех. Точно так же обязан был быть кто-то внимательный и услужливый снизу. В этой ситуации у человека ослабляется воля, способность самостоятельно что-то решать, противостоять давлению – то есть все то, что должно составлять основу всякого крупного политического деятеля именно в бурные периоды. Я недавно перечитывал стенограмму того заседания пленума ЦК в 1987 г., когда Ельцин впервые выступил со своими критическими замечаниями. Против него выступало много людей, в том числе, кстати, те, кто теперь считается очень либерально мыслящими: Яковлев, Шеварднадзе, Арбатов. Они обвиняли его в «упоении собственной личностью», в том, что он подрывает авторитет Михаила Сергеевича и не понимает, сколь многим обязаны мы Егору Кузьмичу. Это поразительный документ, а прошло ведь всего лишь три года. Но самое печальное – собственная позиция Ельцина. Он в конце заседания сказал, что согласен с оценкой своего выступления, что подвел ЦК и Политбюро, что это была ошибка. Точно так же, когда его снимали с поста первого секретаря МК, он говорил, что его подвели амбиции. То есть это в миниатюре поведение Бухарина. Но я не рассматриваю все это (включая и дифирамбы Брежневу и Политбюро на XXVI партсъезде)

даже как его личную черту. Это типичная черта аппаратного человека. Мне представляется, что с такими исходными данными нельзя браться за решение стоящих сейчас перед государством проблем.

– А Горбачев, он, по-Вашему, исчерпал уже весь свой потенциал?

– Вы знаете, создается такое загадочное впечатление, будто первое лицо государства взяло отпуск по состоянию здоровья, оставило бланки, на которых можно печатать указы, какому-то секретарю и уехало.

– Как бы Вы отнеслись к установлению в СССР на какое-то время диктатуры по типу пиночетовской?

– Что ж, вообще говоря, эта тема продумана. Был такой замечательный русский философ Иван Александрович Ильин; он писал в эмиграции и уже даже после войны много задумывался над тем, что же будет с Россией, когда разрушится в ней большевистская власть. Он выдвинул идею строя, который называл «просвещенной диктатурой». Ильин очень подробно разрабатывал эту концепцию, но считал, что диктатура такая возможна лишь при наличии мощного слоя людей патриотически, государственно настроенных и способных, не вступая в амбициозные склоки, работать совместно и составить основу для такой диктатуры. Диктатура в этом смысле, вероятно, могла бы быть полезна, но у нас, к сожалению, нет подобного слоя людей. Я, собственно, подразумеваю под ними просто тех, кому жалко вот эту страну, для кого всякий самый привлекательный политический принцип вторичен, а на первом месте стоит вопрос: а не может ли он погубить страну? Пиночет, похоже, сделал для Чили немало, но, я думаю, потому главным образом, что там очень сильна была религиозная основа, Церковь.

– Некоторые люди, в том числе, очевидно, и Ваши союзники, возлагают некие смутные надежды на армию как на последнюю непорушенную государственную структуру.

– Вы, наверное, попросту хотите спросить, буду ли я приветствовать военный переворот? Но что значит военный переворот? Будь у нас сейчас, скажем, Наполеон и его маршалы, возможно, это и было бы не худшим еще выходом. Наполеон все-таки сумел вывести Францию из мясорубки революции. Но у нас опять-таки не видать на горизонте Наполеона. А ведь главный вопрос: что делать после переворота? Я могу здесь сказать еще вот о чем. Существует опасная тенденция максимально скомпрометировать армию, обвинить в подготовке переворота, создать параллельные армии в разных республиках, и ведет это к увеличению хаоса. Наиболее здесь мне тревожным представляются недавние призывы председателя российского парламента к военным в некоторых случаях не выполнять приказов. Ведь именно с этого, со знаменитого приказа № 1, начался тот хаос Февральской революции, в результате которого любая маленькая радикальная группа могла делать уже со страной что угодно. Вопрос о том, подчиняться ли военному приказу, – глубокий вопрос. Но в любом случае для военного это всегда должен быть чисто личный вопрос, и никто здесь его призывать к чему-либо не может. Когда наша армия в 1968 г. оккупировала Чехословакию, рассказывали, что какой-то молодой офицер вылез из своего танка и застрелился. Вот это я понимаю, но ведь Ельцин сам стреляться не будет, он солдат подстрекает к трагическим для них решениям.

Но здесь есть и еще одна противоположная сторона. По-видимому, существуют какие-то мощные силы внутри самой армии, которые считают, что армию во-

обще трогать нельзя, что она идеальна. Это военные люди или близкие к ним, скажем, те, кто группируется вокруг «военно-исторического журнала». То есть те, кто, казалось бы, должен быть заинтересован в том, чтобы армия избавлялась от своих пороков, всячески этому препятствуют. Вот такие два крайних полярных течения разрывают нам армию. То же самое можно сказать и не только про армию, но вообще о всей жизни в стране.

– В своих работах Вы часто цитируете либо упоминаете Солженицына, Вас что-то связывает с ним?

– Мы вместе издали такой сборник: «Из-под глыб». Это было его последнее дело здесь, в России, до высылки. Я был у него дома, мы как раз обсуждали этот сборник, когда его пришли арестовывать. Сборник состоял из статей о принципиальных, важных для России духовных вопросах. Он вышел, когда Солженицын уже был в Швейцарии, а первая пресс-конференция о нем, разумеется перед иностранными корреспондентами, состоялась вот здесь, в этой комнате. Следующая такая же пресс-конференция была у Солженицына через день. С тех пор мы изредка переписываемся, что, конечно, никак не заменит личного общения. Все-таки семнадцать лет прошло.

– Как Вы относитесь к плану Солженицына «Как нам обустроить Россию?», где он предлагает как можно скорее отпустить от себя, хотя бы и насильно, все республики за исключением Белоруссии и Украины?

– По-видимому, работа эта готовилась давно и уровень катастрофичности нашего кризиса стал сейчас иным. Существует ли шанс удержать Украину и Белоруссию? Мне кажется, сегодня стоит проблема:

можно ли Россию-то сохранить в какой-то целостности, останется ли вообще на месте прежних России и Советского Союза какое-нибудь достаточно мощное государство? Наиболее же интересной частью статьи Солженицына мне представляется та, где он призывает отказаться от штампов – тоталитарных или демократических, – говорит о том, что существует много видов избирательных систем, о том, что экономику строить нужно применительно к конкретному государству, его истории и даже к размерам его территории.

– Может быть, Солженицыну, если он хочет по-настоящему влиять на события здесь, стоило бы поторопиться на Родину? Он пользуется авторитетом во всех слоях и противоборствующих лагерях нашего общества. Его слово могло бы в чем-то оказаться решающим.

– Возможно. Но мы ведь не можем решать за него или советовать. Конечно, влияние его очень велико, может быть, издалека оно даже еще больше. Если бы он хотел, то мог бы и теперь, даже издалека, очень сильно влиять на события.

– Читая Ваши работы, столкнулся с неожиданным для меня утверждением о том, что в мире наряду с антисемитизмом достаточно широко распространены и антирусские настроения. Но даже если это и так, то разве сейчас с переменами в нашей стране они не должны будут сойти на нет?

– Нет, мне кажется, они по-прежнему очень распространены. Бесцензурные средства массовой информации все больше увеличивают влияние этих идей. Благодаря этому продолжается и литература в духе повести Гроссмана «Все течет», повести, в которой

целые страницы посвящены каким-то чудовищным обвинениям в адрес России, в том, что русская душа в течение всего тысячелетия своего существования неизменно служила одной лишь идее – идее рабства, и все ограничения свободы в других странах так или иначе совершались под русским влиянием. Самое печальное, что сегодня, в период кризиса и упадка, это очень прилипчивая точка зрения, и я часто слышу теперь ее просто в быту. Мальчик влез с ногами на сиденье в поезде метро, и уже вдруг откуда-то голос: «Ну вот, конечно, всегда так. Все мы, русские, свиньи». Ведь стоит народу увериться в таком мнении – пропадает какой бы то ни было стимул бороться. А сейчас нужно бороться, собрав все силы, чтобы спасти эту страну. Мне сегодняшнее положение представляется более тяжелым, чем в годы войны. А если бы в войну наш народ сделал вывод, что он несет в мир одно только зло и рабство, – это ведь подорвало бы всякую возможность перенести выпавшие на его долю тяготы.

– Кажется, теперь в странах – бывших союзницах по соцлагерю – антисоветские настроения начинают переплетаться с антирусскими. Может быть, мы опять обречены на враждебное окружение с Запада?

– Это трудно сказать. Может быть, люди в этих странах со временем разберутся, станут четко делить эти две линии? Кому-то, очевидно, выгодно эти линии спутывать. В разных странах дело обстоит по-разному. Когда-то в Югославии и Чехословакии, например, я видел поражавшие меня чувства симпатии к русским, и проявлялось это почти в каждом разговоре. Потом в Чехословакии все это закончилось, конечно, с шестьдесят восьмым годом. И символом оккупации там стал вот тот самый танк на площади в Праге, который недавно соби-

рались демонтировать, и это, кстати, было бы справедливо потому еще, что освобождали Прагу вовсе не советские войска, а власовские…

– Игорь Ростиславович, Вы много анализируете современную западную демократию. В «Русофобии», написанной в начале 80-х годов, Ваша точка зрения близка позиции Солженицына, изложенной им в нобелевской лекции. Вы говорили тогда, что демократии просто слабы, и они год от года теряют позиции, в то время как тоталитарные режимы, напротив, постоянно прирастают территорией и населением. Но, теперь, когда случился поворот в Восточной Европе, Вы критикуете западные общества уже как чересчур техницистские, убивающие в человеке природную естественность и независимость. Означает ли это, что Вы пересмотрели мнение о слабости демократий? Кстати, еще одним доводом в пользу такого пресмотра, наверное, может служить и пример обуздания Саддама Хусейна в Персидском заливе.

– Современный западный мир кажется нам идеальным. Но он прямой дорогой ведет человечество к гибели, потому что основан на непрерывном расширении производства. Затормозить стремительный рост производства они не могут – разразится глубочайший кризис. А материальные ресурсы Земли ограничены и близки к исчерпанию. Совершенно ясно, что в ближайшие годы мировой уклад, формировавшийся с XVII века, должен быть как-то решительно изменен. Нужна какая-то глобальная перестройка, если она вообще возможна, ведь проблема и в том еще, что западное общество ставит человека в условия крайнего подчинения, делает его конформистом.

Для функционирования грандиозного механизма западной экономики необходимо заранее планировать

спрос. Нельзя же строить, скажем, завод, нанимать людей, завозить оборудование, не будучи более или менее уверенным в спросе на продукцию. Поэтому спрос должен фабриковаться. Фабрикуется он рекламой, прессой. Аналогичным же образом должно фабриковаться и сознание людей, чтобы они жили, работали, мыслили в унисон этому грандиозному механизму. Эта зависимость более тонкая, сложная, чем, скажем, зависимость человека от коммунистического государства, но она точно так же противна природе человека. Не случайно раз в двадцать-тридцать лет происходят на Западе мощные социальные взрывы, как, например, в шестидесятые годы, когда молодежь протестовала неистово, не умея даже четко сформулировать, что же ей мешает.

Что касается слабости демократии, то, мне кажется, все осталось по-прежнему. Не произошло ведь какого-то усиления западных демократий, а произошло крушение по каким-то загадочным, непонятным причинам именно советского коммунизма. Совершенно не ясно, почему мощная коммунистическая власть сдалась без всякого серьезного сопротивления, без мощных побудительных стимулов – восстаний, забастовок, голода – и пошла на то, на что, мне казалось, она никогда не пойдет – на отмену цензуры, изменение избирательной системы, многопартийность.

– Но, по-моему, здесь ничего нет загадочного. Наиболее умным коммунистическим деятелям стало ясно, что они неизбежно провалятся – не могут больше противостоять США в военном отношении, не могут остановить надвигающиеся экономические трудности.

– Надо предположить их всех, всю правящую верхушку, уже очень дальновидными. Я согласен с вами, что исторически коммунизм проиграл и, быть может, еще в

тот момент, когда пришел к власти. Но состояние нашей экономики в 1985 г. все же не было еще столь плачевным, и лет двадцать этот строй еще мог существовать, а это столько, сколько спокойно мог править Горбачев и те люди, которые привели его к власти.

Возвращаясь же к ситуации в Персидском заливе, замечу, что и здесь силы демократии я не вижу. Вернее, есть сила, но в том смысле, что «молодец против овец». Весь западный мир стоит против слабо развитой страны. Это больше похоже не на силу, а на то, что в девятнадцатом веке называли «политикой канонерок». Африканцы вдруг возьмут да и съедят какого-то миссионера. Тогда приплывает канонерка, расстреливает все селение, чтобы помнили и понимали, как себя надо вести, это, скорее, возвращение к позициям классического империализма.

Страна или человек, выступающий с позиции силы, обычно испытывают соблазн выбирать самое примитивное решение. Пример – брежневское решение ввести танки в Чехословакию в 1968 г. В таком же положении сейчас находятся США. И мне кажется, что способности их руководства оказались на уровне советников Брежнева. Исламский мир, переживающий сейчас мощный взрыв активности, вряд ли забудет это унижение, эту бойню. США сплачивают против себя единый исламский фронт – от Ташкента до Марокко, а своих союзников в этом районе дискредитируют как предателей.

Принципы прекрасны, если они применяются во всех случаях. Но оккупация Панамы Соединенными Штатами или Ливана Израилем и Сирией почему-то этих принципов не затронула. А тогда это более похоже на традиционное англосаксонское фарисейство.

– В работах своих Вы призываете соотечественников не зашориваться только моделями западной

демократии и сталинского тоталитаризма, а искать третий путь. А может, вообще об этом не стоит задумываться. Наше государство уже не в первый раз пытается копировать Запад, и все равно всякий раз в силу национальных особенностей получается что-то свое, совершенно особенное. Может быть, и теперь, думая, что устремляемся в капитализм, обретем в итоге этот самый, третий путь?

– Да, я с вами согласен. Тут вопрос только в том, двигаться ли все-таки более или менее сознательно или отдаться воле провидения. Идти через страшные ломки – подавления стрелецких восстаний, уничтожение монастырей, крепостное право, а потом уже, может быть, получить Пушкина. Или все-таки попытаться двигаться более осознанно и избежать катастроф.

– Вы советуете поискать какие-то основы альтернативного пути в мире русской деревни, в ее прошлом. Вы говорите о нем как о социальной, экономической, экологической гармонии. Не идеализируете ли Вы этот мир, ведь в экономическом смысле он знал периодически повторяющийся голод, а в социальном – большие и малые бунты?

– Нет, я никак не предлагаю вернуться к деревне. В истории возвращения назад вообще невозможны. Вернуться в русскую дореволюционную деревню это то же, что, скажем, вернуться в русскую православную монархию. Я привел деревню как пример системы стабильного существования, хотя там тоже были свои локальные кризисы. Мне кажется, наряду с этим нужно смотреть все варианты. На Западе, например, распространен интерес к экономике и психологии третьего мира.

Мир деревни, и не только в России, – это был тяжелый мир, связанный с бедностью, с частым голодом, и,

казалось бы, для человека естественно искать путь, как от этих тягот избавиться. И история каким-то образом предложила ему выход. Да, пожалуйста, не будет голода, холода в избе, детской смертности, но совсем не на тех условиях, на которых ты бы хотел. У тебя не будет работы, смысл которой тебе понятен, и жизни в контакте с природой, а поедешь ты в город и жить будешь в коробках из бетона, жизнь будешь воспринимать не из личного опыта, а из телевизора, а дети твои будут отравлены химией.

– Некоторые люди из Вашего лагеря тепло отзываются о крестьянской общине. В то же время тепло отзываются и о Столыпине. Но Столыпин известен как разрушитель общины. В чем тут загвоздка?

– Конечно, реформы Столыпина не только в отношении общины, но и вообще в отношении деревни носили трагический характер. Они вносили страшный разлад. Представьте, люди в течение поколений вместе тянули хозяйство. И вдруг те из них, которые были посильнее, говорят: «Ну ладно, вы теперь тяните сами, а мы будем существовать отдельно и помогать вам больше не будем». Это вызвало очень большое озлобление, и к этим хуторянам в годы гражданской войны относились с большей враждебностью, чем к помещикам. Кроме того, это разрушало духовную жизнь, хуторяне отрывались от церквей. Но, с другой стороны, во времена Столыпина не было альтернативной идеи, кроме, разумеется, идеи мировой революции. Столыпин говорил, что ему нужно двадцать лет. Может быть, за этот срок деревня и сумела бы переболеть и восстановить единство. Столыпин ведь не разрушал общину безоговорочно. Кто хотел жить общиной, тот общиной и жил, большинство деревень и осталось в общине. Но случи-

лось так, что именно в период самого острого раскола в деревне произошла революция, и раскол деревни в то же время явился, конечно, одним из ее побудительных факторов.

– В «Русофобии» Вы вводите понятие «малого народа». «Малый народ» – это слой интеллигенции, высокоинтеллектуальный и образованный, внутри которого в силу общности целей, увлечений и интересов устанавливается нечто вроде гармонии, духовного комфорта. В то же время слой этот все больше и больше отрывается от основной массы народа, начинает испытывать к ней враждебность и страх. «Малый народ» – спутник государственных катаклизмов. «Малым народом» Вы называли пуритан в Англии, сливки третьего сословия во Франции накануне английской и французской революций. Говоря о России, Вы отмечаете, что у нас «малый народ» находится под сильным влиянием еврейского национального самосознания. Правильно ли понял я Вашу теорию?

– В общем да, за исключением только того, что эти люди не высокоинтеллектуальные и глубокодумающие, а, напротив, довольно узкие, вроде нашей разночинной интеллигенции. Великая русская культура происходила не из этой среды. Чернышевский и Писарев верили, например, что Пушкин писал только о женских ножках, что он жалкий подражатель Байрона. Эти люди с примитивным партийным мышлением очень быстро умеют захватывать внимание людей. И, мне кажется, это сословие и сейчас существует.

– Теперь, когда еврейская эмиграция принимает лавинный характер, Вас не так уже беспокоит такое явление, как «малый народ»?

– Евреи – очень динамичный народ, и в нем много различных течений. Есть космополиты, есть сионисты, есть прагматики, а есть и те, кто характеризует себя словами вроде того, что, «заполнив вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией», т. е. проповедуют что-то вроде права на руководящее положение, и я уверен: уезжают в основном как раз не они. Мы и дальше будем жить вместе, а совместное равноправное существование предполагает взаимное указание на то, от чего кому больно, и последующую тактичность в подобных вопросах. И потом, если уж говорим мы о «малом народе», то сформировался он прежде всего в среде русской, а не еврейской интеллигенции.

– Вы трубите тревогу из-за распада Союза и даже России на части. Но, может быть, на этот процесс можно взглянуть философски. Скажем, вот как. Все мы знаем и все восхищаемся древнегреческой цивилизацией. Ей удалось достичь необыкновенных высот искусства, культуры, права и человеческого духа, своего рода гармонии. А между тем Греция состояла из суверенных городов-государств, которые иногда даже и воевали друг с другом.

– Точно так же, добавлю, расцвет культуры был и в Германии в период сильной раздробленности. Знаете, тут я ответил бы притчей. Однажды Бисмарк спросил у Лассаля: «Что же такое ваш социализм? Можете мне объяснить попросту?» Выслушав его, Бисмарк ответил: «Знаете что, это очень интересная идея. Хорошо бы ее проверить на каком-нибудь народе, который не жалко, например, на русских». Вот и эта ваша концепция о раздробленности, она тоже интересная, но хорошо бы ее проверить, например, на Соединенных Штатах.

Фраза Бисмарка очень емкая. Для меня сейчас общественные деятели делятся не на «левых» и «правых», а на тех, кто, примеривая свои проекты, исходит из того, что ему наш народ «жалко», – и тех, кому «не жалко».

– Расскажите, пожалуйста, о Вашем решении войти в редколлегию журнала «Наш современник».

– С «Нашим современником» я более или менее связан с начала этого года, когда новый главный редактор предложил мне войти в состав редколлегии, и я согласился. Но журнал этот и раньше вызывал у меня симпатии. Он впервые у нас поднял алкогольную и экологическую темы в период, когда это было не модно и, я бы сказал, антимодно, постоянно печатал произведения писателей-«деревенщиков», которые представляются мне вершиной русской литературы. Тем не менее два года назад я бы еще не вступил в редколлегию, так как в журнале чувствовалась некоторая «национал-большевистская» ориентация.

– Ну а как Вы относитесь к периодически повторяющейся в журнале концепции жидо-масонского заговора?

– Вообще о заговорах говорят очень много. Еврейский заговор, большевистский, масонский, вот и общество «Память» объявляется заговором. Представьте, Шеварднадзе в качестве одной из причин своего ухода с поста министра иностранных дел называет тот факт, что его преследует организация «Память». А у этой организации нет ни одного печатного органа, и на митинги ее ходит сто человек. Видимо, это чрезвычайно тайный, хорошо законспирированный заговор. Я могу попытаться объяснить, почему люди так охотно прибегают к концепции заговора, но это вовсе не означает, что я разделяю такие концепции. Напротив, я совершенно убежден, что

если бы существовал какой-то заговор в том смысле, что есть центр, отдающий приказания, и есть исполнительные ячейки, – то такой заговор был бы быстро раскрыт.

– Считаете ли Вы себя продолжателем идей и традиции славянофильства?

– Сохраняется какой-то дух. Хотя сама славянская идея сейчас полностью выветрилась. Никто не говорит уже о создании славянской общности. Ясно, что, к примеру, у тех же поляков судьба в сильной степени отличная от нашей. А вообще ведь то, что у нас называется славянофильством, распространено во всем мире. Это концепция органического отношения к нации как к отдельному организму, к личности, которая не должна копировать другую личность, а идти своим путем.

– В «Русофобии» Вы говорите о Высоцком как о проводнике в массы взглядов «малого народа». Вы не считаете Высоцкого народным поэтом?

– Конечно, если кто-то кого не любит, то он, может быть, и не замечает в нем каких-то положительных сторон. Мне всегда казалось, что Высоцкий очень стандартен. Один и тот же голос, одни и те же интонации – это как штампованное изделие. И потом мне как-то всегда подозрительны люди, которых все хвалят: и левые, и правые. Радиостанция «Свобода», «Голос Америки» объявили Высоцкого идеологом советского диссидентского движения, человеком, бросившим перчатку тоталитарному строю. А в то же время – гастроли за границей, постоянный паспорт для поездок туда в любое время. Был такой тонкий слой тогдашней элиты: баловни режима, подкрашенные едва заметным фрондированием. И успех Высоцкого был недолговечен, сейчас у молодежи иные кумиры: Цой, например.

– *Вы продолжаете заниматься математикой?*
– Да.

– *Вы религиозный человек?*
– Да, я верующий.

– *Религиозен ли, по-Вашему, русский народ?*
– Какой русский народ? Если говорить о сегодняшнем дне, то выросло уже несколько поколений людей, абсолютно отчужденных от религии. Сейчас можно говорить не о религиозности, а скорее о смутной тяге к ней. Сохранились какие-то очень сильные группы людей, которые все несчастья переносили вместе с Церковью. Сохранилась катакомбная подпольная Церковь, которая и своего митрополита всегда имела, и сейчас имеет, и до сих пор находится в катакомбах. А основная масса отдалилась от религии на максимально возможное для человека расстояние. Но Толстой говорил, что религия есть у каждого человека. Он может ее формулировать или не формулировать. Если человек идет, значит, он куда-то идет, и это направление – и есть религия. Сейчас открывается очень много церквей, и эти церкви все полные, но что из этого получится – трудно судить, кажется, что создается какая-то новая религиозная ситуация, вроде нового крещения Руси.

– *Вы как-то написали о том, что тон выступлений радиостанции «Свобода» очень похож на тон официозной прессы застойного периода, в которой и работали до эмиграции некоторые из теперешних сотрудников радиостанции. И в этом я с Вами отчасти согласен. Но вот Вам недавнее открытое письмо российских писателей, видим среди прочих Вашу подпись и читаем такое, например: «...объективный, правдоподобный,*

вывод: та идеологическая, широко финансируемая и технически оснащенная антирусская кампания, что развернута в средствах массовой информации СССР, может иметь единственно логический практический итог – установление в России в целом бескомпромиссного "режима Претории"».

– Я, даже не анализируя именно этот отрывок, заранее соглашусь, что стиль этого письма – это не тот стиль, которым я бы стал писать свою работу. Но это и не моя работа (хотя мне удалось внести в какие-то части письма изменения), а коллективное письмо, и тут важно, согласен ли я с основной идеей. А она в том, что в средствах массовой информации, функционирующих на средства русского народа, идет сейчас совершенно чудовищный поток русофобии. Тут и концепция «русского фашизма». Но ведь этот народ спас весь мир от фашизма! Почему мы, скажите, пожалуйста, так восприимчивы к слухам, каждый раз оказывающимся «уткой», о еврейских погромах, так темпераментно обсуждаем – не следует ли ввести специальный закон против антисемитизма, и забыли, что, если бы не были потеряны миллионы русских жизней, ни одного еврея вообще бы здесь в живых не осталось... Всякое коллективное действие предполагает компромисс, и это письмо было компромиссом. Без компромиссов никакое сотрудничество невозможно. Да вот, пожалуйста, я могу пример привести.

(Тут Игорь Ростиславович извлек из письменного стола газету «Смена» годичной давности с письмом-обращением в ней ряда деятелей ленинградской культуры, озаглавленным «Сознательная акция», и стал цитировать в свою очередь.)

Вот здесь, например, говорится о приезде в Ленинград вашего покорного слуги, Белова, Распутина, Ко-

жинова и других и что эти люди, одержимые черносотенными чувствами, разжигающие ненависть к другим нациям. Задается вопрос, готовы ли силы порядка. Есть ли возможность сохранить жизнь людей от всего того, что возникает в результате приезда этой вот компании. Хотя я лично, например, не ездил и не собирался туда ездить. Ну, что вы после этого скажете, что я с газетой «Смена» дела не должен иметь? Напротив, мне очень интересно общаться с ее читателями, но, я надеюсь, в то же время меня не сочтут ответственным за подобные публикации «Смены».

1991.

Беседу вел Владлен Чертинов.

РОССИЯ НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Распалась на части страна, которую наши предки создавали больше тысячи лет. В этом общем деле десятков поколений было много и героического, и святого, и ошибок, и грехов. Строение все же оказалось прочным – на разрушение его понадобился почти целый век (может, и поболее). Очень сомневаюсь, чтобы распад страны хотя бы для одного из населявших ее народов обернулся скорым и несомненным благом. Но для русских он – очевидное несчастье. Думаю, что большинство из нас, хоть совсем бессознательно, хоть каким-то уголком души ощущали свое соучастие в грандиозном тысячелетнем процессе, вырываясь тем из бессмыслицы и тривиальности жизни. Теперь эта духовная поддержка ослабла. 25 миллионов русских оказались вне России. Родные братья, родители и дети

разделены государственными границами. Порваны многовековые экономические связи. Редкий народ способен пережить такой удар.

1. Распад страны

Раздаются требования и дальнейшего расчленения России. Строгие голоса по-сталински призывают не поддаваться «головокружению от успехов». И в урезанном виде Россия для них еще слишком сильна, она может еще ощутить себя «великой Россией». Ей нельзя этого позволить: «Карфаген должен быть разрушен!» И такой исход вполне реален – столь мощные силы подталкивают к нему, и так слабо сопротивление им. Но предположим, что удастся все же сохранить Россию в размере прежнего РСФСР (надеюсь, этого-то названия не останется!). Как нам жить, когда СССР распался и Россия осталась наедине с собой?

Солженицын писал, что, настигнутый несчастьем, он находил неожиданную поддержку в русских пословицах: «Мы с печалью, а Бог с милостью», «Один со страху помер, а другой ожил», «Пришла беда – не брезгуй и ею». Похоже, что и наше «худо» не совсем без «добра». Отношения наций в СССР сплелись, кажется, в клубок, распутать который человеческому разуму сейчас не под силу. Тем, кто духовно связан с этой страной, было мучительно тяжело перестать бороться за ее сохранение, даже когда распад был почти неизбежен: осознание трагических последствий распада соединялось со стыдом перед историей и предками за предательство их дела. Теперь же этот клубок рассекла судьба. А оглядевшись после первого шока, мы видим, что Россия в своих новых пределах может оказаться вполне жизнеспособной, куда крепче стоять на ногах, нежели быв-

ший СССР. Во-первых, это все еще громадная страна, хоть отчасти сохранившая свои богатейшие природные ресурсы. Страна с большим и культурным населением: большим, чем в Японии, чем во Франции и объединенной Германии, вместе взятых; большим, чем в Бразилии с Аргентиной. Но что всего поразительнее – это страна на редкость однородная национально. Из всех пятнадцати республик бывшего СССР Россия занимает третье место (после Армении и Азербайджана) по доле коренной нации во всем населении: 81 % русских и 86 % считающих русский родным языком. Для сравнения: коренное население Литвы составляет 79 %, Украины – 71 %, Грузии – 70 %, Киргизии – 52 %, Латвии – 52 %, Казахстана – меньше 40 % (по переписи 1989 г.). Россия теперь этнически более однородна, чем Чехословакия, Бельгия, Испания или Великобритания. Конечно, в России кроме русских живет еще более 100 народов, и русские при таком численном перевесе несут особую ответственность за то, чтобы их культурная и духовная жизнь развивалась свободно. Но уж во всяком случае мы приобрели, наконец, полное право говорить и о своих русских национальных интересах (как правило, совпадающих с интересами других народов России) и добиваться проведения политики, основанной на этих интересах. Мы освободились от ярма «интернационализма» и вернулись к нормальному существованию национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств.

Другое несомненное благо происшедшего раскола в том, что он поможет окончательно стряхнуть мороку коммунизма. Еще с начала 70-х годов я начал писать о социализме и коммунизме как о пути к смерти (конечно, в самиздате, с переизданием на Западе). И всего труднее мне было оспаривать возражения тех, кто лю-

бил эту страну и страшился ее гибели. Они говорили: как ни плоха коммунистическая партия, но это единственная скрепа, держащая такую многонациональную громадину. Нельзя разрушать ее, пока не создано других объединяющих сил. Сейчас, к счастью, уже не нужно об этом спорить. СССР распался, здесь сейчас соединять нечего, а для России и русских партия всегда играла роль главного губителя, жертвовавшего русскими интересами ради разжигания мировой революции, построения социализма, помощи коммунистическому Китаю или интернационального долга в Афганистане.

Но и в новых границах Россия по-прежнему находится в глубоком кризисе, даже в нескольких, охватывающих важнейшие области жизни. Самыми зловещими представляются мне: стремительное расхождение, даже взаимоотталкивание (после первых надежд) народа и структур власти и признаки того, что распад СССР может перейти в такой же распад России.

2. Народ оказался среди побежденных

Я вспоминаю войну, и мне кажется, что хоть тогда жизнь была тяжелее, народ не был так раздражен. Тогда жили – одни под тяжестью известий о гибели близких, другие в ежедневном и еженощном страхе за них. В большем голоде и тесноте, чем сейчас, тяжелейших условиях работы. И все же, в таких же очередях и переполненных автобусах не ощущалось такого, как сейчас, прилива темных вод иррационального озлобления, готового излиться на кого угодно – от соседа до Президента. Тогда виделась цель, ради которой переносятся все лишения, и эта цель приподнимала, прибавляла сил. Теперь же народ все более ощущает себя оттесненным на задворки жизни. Хотя бы, когда сооб-

щается интересная новость, что зарегистрирован клуб молодых миллионеров, – в то время как картошка вздорожала в 20 раз и впору регистрировать клубы нищих. Прогрессивная пресса с народом не церемонится, предупреждая о необходимости «шоковой терапии», нового повышения цен, появления десятков миллионов безработных. В академическом тоне, точно предстоящее лунное затмение, обсуждается перспектива быстрого роста смертности. Средства массовой информации внедряют образ «героя нашего времени» – играющего на бирже бизнесмена или парламентария, занятого зарубежными поездками, владельца счетов в западных банках. Сегодня – это победители, а большинство народа оказалось в лагере побежденных, и им сурово повторяют римское – «горе побежденным!». Такую картину телевизор приносит в каждый дом, а драчливый, ругательский, пошло-хлесткий стиль средств информации еще больше разжигает горечь и раздражение.

«Зато народ получил свободу, и ее он теперь не променяет ни на какие блага», – возразят нам. Но, во-первых, свобода опустить кусок сахара в стакан чая как раз исчезла. А во-вторых, нет оснований так низко ценить народ при всей нашей политической неподготовленности, чтобы приписывать ему понимание свободы как возможности любоваться в газете непотребной фотографией или упиваться хлесткой руганью в адрес высоко стоящих лиц. Свобода – это возможность влиять на свою судьбу, а ее-то народ лишен, как и раньше.

«Общественная активность» в форме митингов и демонстраций не помогает обрести свободу – это показала история всего мира, включая и новейший опыт нашей страны. У нас в них участвует – хорошо, если 1 % населения крупнейших городов, а по всей стране куда меньше. Для усиления их воздействия употребля-

ется хорошо известная техника, когда небольшой митинг в телепередаче выглядит как необъятная толпа или по громкоговорителям транслируются заранее записанные крики одобрения. На митинге не ищут лучшего решения, не выслушивают разных мнений. Он существует для сплочения вокруг заранее известной программы и как инструмент для психологического воздействия на остальное население. На митинге народ преобразуется в толпу. Психологии толпы посвящена обширная литература. Авторы сходятся на том, что люди, объединенные в толпу, приобретают новые качества: а) настроение становится повышенно заразительным, теряется независимость суждения, б) резко возрастает чувство своей силы, падает сознание индивидуальной ответственности, в) растет внушаемость, падает критическая способность, г) толпа легко подчиняется «вожакам». Еще две с половиной тысячи лет назад Платон писал, что демос (толпа) – это особое животное, а демагог («вожак») – дрессировщик, умеющий им управлять. Инструментом для превращения народа в толпу и являются митинги и демонстрации. Свобода там не обретается и не реализуется, а, наоборот, теряется.

Мы столкнулись и со старой проблемой: как при помощи голосования осуществить реальную свободу выбора. Для выбора нужна информированность и, значит, вместо нас выбирают те, кто снабжает нас информацией. Конкретно мы увидели: чтобы быть избранным, нужно уметь добиться большего времени на телевидении, отпечатать много листовок, мобилизовать агитаторов, написать заманчивую программу. И все это отнюдь не гарантирует государственной мудрости, опыта, а часто даже элементарной честности. Не столько логическим анализом, сколько чувством народ вобрал в себя этот опыт. Интерес к выборам

стал быстро падать. Дошло до того, что ряд депутатских мест так и остался незанятым. Ввиду повторной неявки к урнам необходимого минимума избирателей от дальнейших попыток отказались. Так была утрачена еще одна иллюзия – вера в чудодейственную силу свободных выборов. А ведь эта вера как-то скрашивала жизнь. Как и в других случаях, мы убедились, что социальные институты, выработанные иными народами, не могут быть механически перенесены на нашу почву: они должны быть к ней привиты долгими трудами.

Остается еще – в основном у части молодежи – смутная, иррациональная надежда, что какие-то непонятные силы: «рыночные отношения» или «включение в мировую экономическую систему», подарят нам сладкую западную жизнь, которую показывает кино и телевизор и о которой рассказывают вернувшиеся путешественники. Вдруг появятся хорошие квартиры, даже свои дома, машины, магнитофоны, цветные телики и видаки. Но довольно скоро с безжалостной убедительностью станет ясно, что такой жизни не увидит ни это поколение, ни следующее (в подавляющей своей массе). Что в лучшем случае тяжелыми трудами и лишениями мы через одно-два поколения сможем добиться стабильного, хотя и очень скромного жизненного уровня в условиях довольно суровой жизни. И момент такого осознания будет тяжелым испытанием для нашей социальной структуры, и без того очень неустойчивой.

3. Правители все те же

Реальная политическая жизнь последних лет сводится к тому, что властью распоряжается довольно узкий круг лиц, состав которого точно нам неизвестен. Конституция, всеобщие выборы, советы играют

роль средств, а иногда и просто декорацией. Структура власти все время перекраивается, возникают не предусмотренные Конституцией органы, новые советы: президентский, безопасности, государственный. Работа съездов часто загадочна: они меняют свою позицию за 1–2 дня под влиянием невидимых нам аргументов и давлений. Яркий пример – внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР, который был созван с целью потребовать отчета Ельцина и даже поставить вопрос о доверии ему, а кончился тем, что дал ему новые полномочия. Так в Библии Валаам, призванный проклясть Израиль, благословил его. Но на пути Валаама стал ангел с огненным мечом. Какой же посланец высших сил изменил волю депутатов?

Решения принимаются путем странных плебисцитов. Например: желаем ли мы ввести пост Президента РСФСР или мэра Москвы? Хотя полномочия их в этот момент не определены, так о чем голосование: нравится ли нам само слово? А когда дело идет о реальном вопросе, например, выборах президента, на предвыборную кампанию дают смехотворный срок в несколько недель (в США – год). Кульминацией была подготовка Союзного договора, предполагавшего распад страны на 53 независимых государства с разной государственной системой, внешней политикой, финансами, своими вооруженными силами – т. е. полный хаос и скорую гибель. И к этому судьбоносному решению народ не был допущен никаким путем – ни через плебисцит, ни через выбранные Советы. Подписать договор должны были несколько человек, не правомочных принимать решения, меняющие конституцию. Да и сам текст предполагаемого договора был рассекречен всего за 5 дней до предполагаемого подписания! На этом фоне августовский «путч» выглядит

лишь одним звеном в цепи волевых решений народной судьбы. (Я оставлю в стороне целый океан фактов, приведенных левой прессой и свидетельствующих, что путч вообще был инсценировкой.) Да и последующие события, «удавшийся путч» – когда, например, Президент РСФСР переподчинял войска, снимал и назначал руководителя Всесоюзного телевидения, происходила новая перекройка структур власти, – все это звенья той же цепи. Сейчас, как и 20, 50 или 70 лет назад, нами правит какой-то узкий, замкнутый слой, сегодня более анонимный, чем прежде – раньше мы могли судить о нем хоть по списку Политбюро.

Что же это за правящий слой? Как ни странно, все тот же: высшие партийные функционеры. Почти все они – месяц, три месяца или год назад – заявили о выходе из КПСС. Но ведь эти слова их-то самих не изменили. Человек, с первых юношеских шажков в комсомоле, за десятки лет дойдя до верхов партаппарата, подвергался такой чудовищной обработке, что теперь не в его власти изменить свою психику. Например, одна из немногих газет (единственная?), сохранившая дух самиздатских диссидентских изданий – «Экспресс-Хроника», – сообщает по крайней мере о семи политических процессах за то время, пока Ельцин был первым секретарем в Свердловске. Судили за записи на магнитофон передач западного радио, за попытку встретиться с Сахаровым в Горьком... Как утверждает газета, приговоры тогда согласовывались с первым секретарем. И это не в особый укор Ельцину – так, вероятно, происходило во всех обкомах и никому из секретарей не приходило в голову, что тут есть о чем задуматься. Такова сейчас правящая верхушка – бывшие:

Генсек, главный идеолог, первые секретари республик, обкомов.

Они распускают сейчас низовой аппарат, как раз менее коммунистически идеологизированный, хоть как-то связанный с жизнью. Есть в этой партии какой-то закон периодического самопоедания: большевики – меньшевиков, Сталин – часть большевиков. Но жизненность (и смертельная опасность для жизни народа) сохраняется в руководящем ядре. Они вырастят себе новую партию (уже создают), и новый аппарат, как раковая опухоль, пускает новые метастазы вместо вырезанных.

Сразу после революции Ленин указал на роль партии пролетариата как узды для крестьянской стихии (80 % народа!); потом признал, что настоящего, описанного Марксом пролетариата у нас нет, хотя есть пролетарская партия, а потом заметил, что линия партии определяется «тончайшим слоем» руководителей. Вот этот слой и сохранился до сих пор и по-прежнему правит страной. И он, как и всегда, мыслит «интернационально», т. е. рассматривает народ лишь как средство для достижения своих целей. Все более обнаженно, даже без попыток обмана, до сознания народа доводится, что он и не может претендовать на иную роль. Конечно, народ это все яснее понимает. Но долго ли так может продолжаться?

4. Единая, неделимая?..

Силы, боровшиеся в РСФСР за власть с руководством СССР, использовали как оружие сепаратистские течения других республик. Как мы знаем, успех здесь был полный. Но наивно было надеяться, что такой процесс остановится на границах РСФСР. Он и пошел дальше, вглубь: все новые территории объявляют о своем суверенитете, «повышении статуса». Такой мощный, лавинный процесс, охвативший всю страну, должен

иметь какую-то причину – хотя, конечно, в разных случаях примешиваются и специфические влияния. Это – не углубление национального самосознания: мы не слышим о взлете национальных литератур, подъеме интереса к истории отдельных народов. Акад. Лихачев связывает усобицы Киевско-Суздальской Руси с внезапным появлением множества новых культурных, экономических и политических центров. Наши же усобицы разыгрываются на фоне растущей нищеты и упадка культуры. Причина даже не в примитивном экономическом эгоизме: если Якутия может надеяться обогатиться за счет алмазов, а Ханты-Мансийская республика за счет нефти, то на что рассчитывают Белоруссия, Эстония или Мордовия? Вряд ли убедительно и расхожее мнение: угнетенные нации разбегаются из русской колониальной империи, «тюрьмы народов». Ведь о своем суверенитете объявила Коми, где русские составляют $^{3}/_{4}$ населения, или Карелия, где их $^{9}/_{10}$!

Скорее всего, мы имеем дело с болезнью государственного организма, дошедшего до стадии распада. Болезнь же заключается в том, что государство было коммунистическим. От его мертвого духа и бегут все, включая русских. Боюсь, что при этом происходит трагическая ошибка: растаскивая на части коммунистическое государство, мы получаем лишь множество нежизнеспособных коммунистических государств. Ведь в подавляющей их части у власти остаются выходцы из высшей партийной бюрократии.

Весь болезненный процесс распада России, да и всего СССР – результат коммунистического правления, ленинско-сталинской национальной политики. Для закрепления господства идеологии, враждебной каждому народу, самый сильный народ был вообще лишен своей государственности, а другие, наоборот, формально при-

обрели статус максимальной независимости. В результате была создана столь неустойчивая конструкция, что существование страны как единого государства обеспечивалось лишь господством коммунистической партии. Логически такой же принцип встречается в верованиях некоторых негритянских культов на Гаити. Там верят, что колдун может убить человека и вернуть из могилы в виде особого полуживого существа, зомби, действующего лишь по воле колдуна. Вот таким зомби и был СССР, созданный из убитой России.

Если говорить последовательно о преодолении господства коммунистической идеологии, то несерьезно останавливаться на запрете партии (при немедленном создании ее наследницы, претендующей на украденные у народа деньги). Тем более утешаться переименованием улиц и свержением памятников (как оно ни приятно). Необходим пересмотр принципов и, прежде всего, отказ от ленинско-сталинской национальной политики. На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства – такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира.

Но надо отдать себе отчет, что здоровое государство не может допустить право на «независимость вплоть до отделения» своих частей. Этот принцип, а вернее, лозунг эпохи надежд на скорую мировую революцию лишь потому не приводил к распаду СССР, что применить его в жизнь не давала коммунистическая диктатура. Но ни у какого нормального государства мира никакая его часть не обладает конституционным правом на отделение. Сейчас ясно, что таким государством СССР быть перестал. Процесс его распада необратим – по крайней мере, на ближайшее время. Но распад идет и в глубь России, и реальный вопрос, как мне представля-

ется, стоит так: сохранится ли она в виде государства, основанного не на принципах ленинско-сталинской национальной политики, а на нормальной основе. Атомизация России на образования масштаба Хакассии с полумиллионным населением (из них хакассов – 12 %) создаст хаос и катастрофу на грандиозной территории и совершенно непрогнозируемого масштаба.

В общем виде проблема, подымаемая каскадом «сепаратизаций», такова: возможно ли вообще существование национальных меньшинств? Заявляющие о своей независимости нации исходят из невозможности, нетерпимости для себя такого существования. Как ни парадоксально, декларации о независимости проблему только резко обостряют. Если в России национальные меньшинства составляют менее 20 %, то в Татарстане – 50 %, Коми – 75 %, Карелии – 90 % и т. д.

Большую часть этих меньшинств составляют русские. Национальное сознание русских все послереволюционные годы находилось под столь жестким давлением, что сейчас проявляется чуть ли не слабее, чем у всех других народов СССР. Поэтому можно было бы рассчитывать, что государства со значительным русским национальным меньшинством окажутся устойчивее. Но даже оставляя в стороне соображения справедливости, надо же видеть недальновидность таких надежд. Почему сепаратизм не пойдет внутрь этих новых формирований? В их основу закладывается такая же бомба, как была заложена в фундамент всей нашей страны еще в 1918 г.

Современная цивилизация, ориентированная на массовое производство, болезненно воспринимает все индивидуальное: в частности, индивидуальный характер наций. Но как есть люди добрые, сильные, музыкальные, храбрые и т. д. – так есть нации более и менее многочисленные, живущие отдельно или в окружении

другой, большей нации. Мне кажется, что от понятия национального меньшинства никуда убежать нельзя и в принципе в нем нет ничего ни ущербного, ни болезненного. Если они не угнетаемы, то их представители обладают многогранной, двойной культурой. Для многих народов России вхождение также в русскую культуру было путем в мировую цивилизацию. Например, некоторые известные писатели этих народов пишут по-русски, произведения других переводят на русский – и именно таким путем они становятся знаменитыми во всем мире. История показывает, что обитание в России не угрожает национальному существованию народов (конечно, лишь сравнительно с другими государствами: в истории любой страны было много жестокости и несправедливостей). Ведь и теперешняя волна суверенитетов возможна лишь потому, что многие народы сохранили свое национальное самосознание, находясь веками в русском государстве. А ведь некоторые из них упоминаются в наших древнейших летописях – например, мордва. В качестве контраста, вся территория Восточной Германии, теперь воссоединившейся с Западной, была некогда населена славянами. И хотя некоторые их остатки сохранились, никому не придет в голову говорить о суверенитете сербов. Еще драматичнее результат англо-саксонской колонизации: в Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии. Там действительно нет национальных проблем – это была не «тюрьма народов», а плаха народов.

5. Русская политика

Две силы: все углубляющееся распадение страны и усиливающееся убеждение, что властям нет дела до бед народа, конечно, приведут нас к скорой катастрофе, вероятно окончательной.

Единственный путь, выбрав который возможно надеяться на спасение, – выработка и проведение последовательной национальной политики России и даже, как это ни звучит непривычно, – русской политики. Первым необходимым шагом должно быть освобождение страны от власти партийных функционеров. Речь идет, конечно, не о 18 миллионах, недавно состоявших в партии, или 15 миллионах, там еще состоящих, – для очень многих партийность оборачивалась только взносами и скукой собраний. Что можно увидеть «партийного» в таком писателе, как Шукшин? Но слой высших функционеров несет в себе неизменный «генетический код» всей структуры. Предположим (как это ни фантастично), что все они вдруг искренне прозрели. Но, значит, они дожили до руководящих кресел и седых волос, не поняв того, что было ясно многим подросткам или колхозникам из глухих деревень. Как же тогда можно допускать до власти таких недоумков?

Скажите, кто поверил бы в денацификацию Германии, если бы ее президент, премьеры, министры (республики и земель) все недавно состояли бы в верхушке нацистской партии, в СС, а потом лишь заявили о своем выходе оттуда?

Солженицын подсчитал, что в ФРГ на процессах по денацификации осуждено 86 тысяч человек, а если перевести на нас по пропорции, то получится четверть миллиона! Нам не нужно сейчас уже ни судить, ни преследовать наших бывших коммунистических вождей, но избавиться от их власти – необходимо.

Есть у нас Антифашистский комитет. В Италии или Германии он был бы, наверно, нужен. Для нас – кажется затеей довольно академической. Вот Антикоммунистический комитет действительно необходим, но это труднее и опаснее, здесь затрагиваются реальные

силы. А ведь последствия 74-летнего господства коммунистической идеологии не могут быть ликвидированы никакими административными мерами. Мы должны продумать, прочувствовать все это прошлое и в принципе отказаться от ленинско-сталинской национальной политики, от большевистской политики в отношении к деревне и от многого другого. И как один из результатов такого переосмысления – заменить в руководстве представителей коммунистической элиты на слой государственно и национально мыслящих руководителей.

Только новое руководство способно перейти к действительно национальной политике. И одним из первых действий должен быть выход России из (несуществующего) СССР. Это не означает полного разрыва с другими республиками. Мы только должны занять равное с ними положение и не тащить на себе наследство грязи и грехов СССР.

Россия может считать себя преемником русской дореволюционной истории, но уж никак – не преемником СССР, построенного на заклании русского народа. Иначе тот ужас, который внушает коммунистический монстр, будет переноситься на Россию. Оставаться в составе России – будет казаться – все равно что оставаться в СССР. Думаю, отчасти так сейчас дело и обстоит, сепаратизмы внутри России – частично, это бегство из СССР. Эту иллюзию надо прервать.

И в ряде вопросов выход России из СССР создаст здоровую основу для их решения. Только этот шаг позволит обсудить на справедливой основе вопрос о разделе долгов СССР между его наследниками. И только тогда со всей очевидностью встанет вопрос о защите русских в других странах, о планомерной поддержке русских беженцев, которых, увы, будет становиться все больше. Национальная позиция сделает очевидными

и бессмысленность, и преступность участия русских войск в чужих национальных конфликтах. Нет оправдания для гибели русских солдат, например, в Карабахе. Сейчас чем это принципиально лучше афганской войны? В обтекаемой форме похожие слова и произносились, но дела-то творятся старые – ведь «интернационалистское» мышление лежит в основе психологии теперешних вершителей нашей судьбы.

Зато армия, необходимая для защиты России, должна быть сохранена, включая ракетно-ядерный кулак. Когда «прогрессивное мировое сообщество» будет уверено, что оно если и способно победить Россию, то лишь ценой тяжелейших потерь, тогда оно на это не пойдет: к жертвам их общество не склонно.

Надо, чтобы туманная формула «единого экономического пространства» не превратилась в новый способ выколачивания средств из уже и так обескровленной России. «Правда» сообщает, что с нового года Литва будет платить России за нефть, газ и уголь в СТО РАЗ больше. А до того? Кто, как допустил, чтобы наша продукция уходила практически даром? Материалист, конечно, скажет, что ответ прост – взятка.

Но мне кажется, что очень простые решения редко бывают исчерпывающими. И если искать глубже, то за стимулирование распада страны не жалко было заплатить и последний русский рубль. Это сообщение появилось сразу после того, как Невзоров рассказал о подобных поставках. Появилось ли бы оно без того? А тогда вопрос: что и через какие границы утекает еще из нашего и так пустого кармана?[1]

Чем больше связей сохранится между республиками бывшего СССР, тем всем нам будет легче. Но все

[1] Программа «Время» сообщила, что убытки России от торговли с «бывшими субъектами СССР» к концу года составят 50 миллионов долларов.

республики равно заинтересованы в их сохранении: оно не должно происходить за наш счет. Преступно дальше нагружать страну займами, по которым расплачиваться (скорее всего последними ископаемыми или уже территориями) придется нашим потомкам.

Мы должны запомнить политических деятелей, пренебрежительно и враждебно третирующих утесняемых русских в Молдавии и Прибалтике, легко предлагающих отдать Курилы или часть Псковщины, пристегивающих нас к американской коляске и ссорящих с исламским миром. Запомнить их имена и сделать их широко известными.

Только власть, опирающаяся на уверенность народа в том, что она защищает его интересы, может сейчас позволить себе быть сильной. А без сильной власти обречены на провал любые наши экономические реформы.

Все мы видим пример «рыночных отношений», приводящих лишь к самым плачевным для потребителя результатам, – это любой обыкновенный продовольственный рынок. Всем известна причина: то, что на рынках возникает монополия, препятствующая снижению цен. И в масштабе страны только сильный государственный контроль может на современном этапе обеспечить, чтобы рыночные отношения привели к увеличению продукции и подъему жизненного уровня, а не обогащению мафий и международных спекулянтов.

С того момента, когда мы можем проследить мысль наших предков – когда они стали выражать ее письменно, – мы видим, что они осознавали себя не древлянами, полянами или вятичами, а Русью. Объем этого понятия был им так ясен, что они не трудились его пояснять (отчего возникли впоследствии интересные дискуссии между историками). Размеры Руси менялись – то расширяясь до крупнейшего государства средневековой Европы, то сжи-

маясь под ударами монголов, то опять расширяясь на юг и за Урал. Но преемственность этого понятия сохранилась.

В XIII и XIV вв., после монгольских набегов, наши предки – кто оставался в живых – выходили из лесов и начинали заново отстраивать сожженные села, города, храмы. Русь Ярослава Мудрого сократилась до небольшого северо-восточного осколка, теснимого к тому же шведами, Ливонским орденом и Литвой. Оснований, чтобы опустить руки, у русских было в то время, пожалуй, не меньше, чем сейчас. Им могло показаться, что Русь погибла, ведь было же создано «Слово о погибели Русской земли». Но они отстояли столь сократившуюся тогда «Русь» и положили начало многим векам истории, о которой Пушкин потом сказал, что ни за что на свете не хотел бы иметь другую.

Для народа – катастрофа, если он сдается, пока его дело еще не проиграно. Но катастрофой может стать и решимость биться до последнего за нечто, чего уже не существует. Как кажется, несуществующим является на данный момент СССР – «Руси» в таком объеме сейчас уже нет. Но после всех ударов и поражений, понесенных русскими в этом веке, история предлагает нам задачу более ограниченную, зато реальную: отстоять «Русь» в тех размерах, в которых она еще сохранилась. Может быть, на это у нас хватит сил?

1992.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПЕРЕДАЧЕ «ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, МОСКВА»

(4 января 1992 г.)

– (Ведущий) Игорь Ростиславович, когда Россия в том понимании, как раньше, больше не существует и мы

стоим у порога нового, еще во многом непонятного будущего, я хотел бы вспомнить Бунина, «Окаянные дни»: «Из дерева и дубина, и икона». Так, может быть, – сами виноваты, за что и расплачиваемся?

– Вы знаете, Бунин, кроме того, что был замечательным писателем, был еще очень злым человеком, а «Окаянные дни» – самое злое его произведение.

Конечно, с какой-то высшей, самой глубокой точки зрения, если смотреть, как говорят «из перспективы бесконечности», тогда род человеческий страдает по грехам своим и все мы «сами виноваты». Но сейчас, мне кажется, русским как раз важно понять, что они, сравнительно с другими народами, никак не более виноваты. Нельзя нам относить на свой счет то, что произошло, нельзя ведь относить истребление североамериканских индейцев английскими колонистами на счет индейцев или истребление евреев в нацистских лагерях – на счет евреев.

Но вот у России среди ее качеств есть одно опасное: то, что она грандиозна. И не только размерами и населением, но и духовной глубиной. И благодаря этому велика ее инерция. Ее трудно сбить со своего курса, но она медленно осознает надвигающуюся опасность, до последнего предела: когда горит уже Москва или враг стоит на Волге. И вот сейчас, я думаю, народ должен почувствовать, что мы стоим на последнем рубеже, и собрать силы так, как он собирал всякий раз, когда над ним нависала такая опасность.

Вот из последних дней. Два дня назад на Украине было объявлено, что вся армия переходит под власть Украины и со вчерашнего дня все военные должны приносить присягу Украинскому государству или уезжать в другую страну. А что они слышат из России? – гробовое молчание. Где наши парламентарии, наши пре-

мьеры, вице-премьеры, президенты, вице-президенты? «Иных здесь нет, а те далече»! Как будто все происходит по какому-то плану, который всех устраивает. А Россия лишилась колоссальной армии и всего Черноморского флота, как будто проиграла войну.

Да, я согласен, что будущие поколения станут восстанавливать Россию не из размеров СССР, не из размеров Славянского союза и даже не из размеров РСФСР, а, может быть, лишь ее осколков. Но мы не имеем права предать ИДЕЮ Великой России. Она такой задумана Богом и создана такой за тысячу лет нашими предками. И я уверен, что если не мы, то наши потомки ее такой и восстановят.

– Игорь Ростиславович, о российской духовности, о ее возрождении сказано немало слов. Но всегда создается впечатление, что эти дискуссии – лишь своего рода ристалище для интеллектуальных группировок, отстаивающих свои позиции или обличающих друг друга в тех или иных грехах. В то время как основная масса народа, там где, по Вашим словам, должна складываться некая позитивная общность, в этом не участвует. Это не затрагивает народ. Вот как Вы относитесь к этому?

– Я думаю, что народ проявляет себя какими-то великими, драматическими решениями и эти решения еще впереди. Сейчас мы видим поразительное явление, которое много раз встречается, несмотря на свою поразительность. Люди не хотят слышать того, что им говорят, и много раз повторяют. Как не хотели слышать Маркса, называли его фантазером, как про Ленина Уэллс сказал, что он «Кремлевский мечтатель». Как не хотели слушать то, что говорит Гитлер, считали, что у него такая риторика. Также и мы не хотим слушать, что нам говорят: что нас интегрируют в мировое экономи-

ческое сообщество. То есть западные страны чувствуют, что тот порядок, который они навязали большей части мира, он неустойчив, пока в него не «интегрирована» Россия. Она должна быть включена как часть и эффективно действовать, подчиняясь кнопочным сигналам. А она держится за свою национальную индивидуальность, свою самобытность.

Действительно, в начале века Россия была еще глубоко православной страной, монархической, на 80 % крестьянской. И в то же время входила в пятерку наиболее индустриально развитых стран. Какой-то свой, особенный, индивидуальный путь! И в 17-м году ее с этого пути столкнули. И вот такая загадка, что революцию финансировали миллионеры: русские миллионеры, еврейские миллионеры, американские миллионеры. А дельцы из дома Моргана или Рокфеллера давили на американские и европейские правительства, чтобы не помогали белым, признали новую власть. В России же была запущена такая машина террора, которая должна была лишить народ всех национальных черт. Как говорил Достоевский: «Они хотят приучить русский народ, чтобы он смог бить по щекам свою мать – Россию». Тогда его можно будет пустить на некое «общечеловеческое дело».

Вот теперь материал для этого дела, как надеются, готов. Но ведь в нашем народе 1000 лет христианской культуры и до того еще тысячелетиями накапливались свои нравственные принципы, своя система ценностей, свой, может быть, неосознанный, но глубокий взгляд на жизнь. Приняв чужую систему ценностей, мы не сможем быть эффективным, успешным элементом этой экономической машины, построенной на Западе. А из России можно сделать только ее самый низ, и вот сейчас происходит громадное геополитическое действие:

опускание России на дно современного экономического сообщества. Дно в смысле нищеты и бесправия. Каждый знает, как за год цены – даже не в абсолютном измерении, а по сравнению со средней зарплатой – возросли по крайней мере в 10 раз. Без войны, моровой язвы или холеры. Такова скорость нашего падения в это общество.

Когда народ почувствует, что спасение его и спасение России – это одна и та же задача, тогда он сможет понять, что альтернативы у него нет, кроме того, чтобы отстоять свою независимость, свои духовные ценности. Нет разделения нашей задачи на спасение в материальном плане и спасение в духовном плане. Для сверхзадачи, которая перед нами стоит, как раз необходим высочайший духовный порыв. Тогда я уверен, что народ найдет в себе силы, как находил раньше, как нашел в смутное время. Найдет нового Минина и нового Пожарского. И как тогда прогнал Тушинского вора, освободил Троице-Сергиеву лавру, а поляков, засевших в Кремле, прогнал в Польшу, – так поступит и сейчас. Только я боюсь, этого уже не увижу.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ

– Игорь Ростиславович, в этом году исполняется 50 лет, как началась Великая Отечественная война, оставившая глубокий след в жизни нашей страны. Какие мысли возникают у Вас в связи с этой датой?

– Война эта оставила глубокий след не только в нашей стране, но и у всего человечества. Это, мне кажется, один из роковых моментов истории, когда прекращается

обыденное, понятное течение истории, в котором простые причины определяют простые следствия, и вторгаются в нее какие-то нам неясные силы, поворачивают резко историю в сторону и потом возникает некая волна, которая бежит по историческому пространству и еще столетиями после этого сказывается.

Война эта поразительная, она состоит из цепи необычных явлений, первым из которых является удивительная германская сила, проявленная в эту войну, как распрямившаяся пружина необычайной мощности, когда немцы захватили огромную территорию от Полярного круга до Египта, от Пиренеев до Волги. Сила, загадочно ориентированная на зло и смерть, что символизировалось, например, в идеологии, мистике СС, солдаты которого считали себя как бы живыми покойниками, имеющими право на жизнь, потому что они уже отдали себя смерти, в этой мертвой голове, вышитой на рукавах их мундиров, во всей их идеологии, в журналах, которые они издавали...

Итак, первая загадка этой войны для меня, что это один из поразительных, редких элементов истории, когда сконцентрированное зло может оказаться такой грандиозной и в каком-то смысле действенной – для войны хотя бы, для захватов – силой. Мне кажется, что это сравнимо только с нашествием монголов, власть которых, правда, длилась многие столетия, значительно дольше, чем захваты немцев.

Вторая поразительная загадка – это распад Запада, прежде всего центра тогдашнего Запада, Франции, которая казалась величайшей державой, центром западного мира и которая распалась без сопротивления. Она не воевала, она распалась как карточный домик.

Очень хорошо помню, что, когда 50 лет назад началась война, была речь Черчилля – тогда была такая

растерянность в СССР, что эта речь была полностью воспроизведена – и говорилось там, ни много ни мало, как то, что нападение на Россию Германии «дает нам несколько месяцев передышки».

И вот, последняя загадка – это необыкновенная сила сопротивления, которой никто не ожидал – ни немцы, ни Черчилль, ни Сталин сам, – проявленная русскими. Так что – это было какое-то поразительное стечение необычайных явлений, никем не предсказуемых, не ожидавшихся, которые в один момент сказались...

– Кажется, теперь уже и в Советском Союзе признают, что в этой войне народ, армия защищали не мифические завоевания социализма, не тоталитарный сталинский режим и ненавистную коммунистическую власть, а – свою землю, родину, Отечество, почему и справедливо именовать ее Отечественной. Вместе с тем известно, что уже перед войной Сталин начал разыгрывать карту русского национализма, которая оказалась решающей в столкновении с германским национал-социализмом. Естественно, это был очередной обманный ход интернациональной, то есть антинациональной и антинародной по своей сути власти, истреблявшей под корень все русское с первых же дней своего утверждения на нашей земле. Но дьявольский расчет оказался точным – только таким путем стало возможным добиться истинно патриотического воодушевления значительной части народа (хотя и далеко не всех...). Война была выиграна, как признал Сталин в известной речи, прежде всего – благодаря русскому народу.

Как сейчас, в атмосфере ожесточенной полемики и усиливающейся русофобии, рассматривают у нас на родине комплекс этих проблем?

– По последней части вопроса ответ простой – здесь имеются 77 разных ответов разных людей... Я могу сказать, как мне представляется.

Я хочу подчеркнуть свое несогласие с Вами в одном пункте: ситуация была глубже, чем то, что Сталин обманул народ, что Сталин выдвинул заманчивый лозунг. Сталин был крошечная лодочка, которая присоединилась к грандиозному, мощному кораблю. Корабль был – кораблем русской истории, и Сталин почувствовал, что это есть сила, которая может его спасти. И как всю жизнь он хватался сначала за ленинские идеи уничтожения России и крестьянства, потом временно он прилепился к русской идее защиты отечества. Это была вовсе не его выдумка, это был с его стороны элемент какого-то политического нюха.

Сама же война, конечно, представляется одним из ключевых элементов русской истории и одним из основных факторов, определяющих наше будущее, и в то же время, в настоящий момент – это колоссальная загадка, которая даже еще не осознана, в каком-то смысле еще не поставленная проблема.

Загадка заключается вот в чем. Мы выиграли грандиозную войну, имеющую полное право называться мировой, больше чем Первая мировая война, решившая судьбу мира на какое-то время. А с другой стороны, народ усугубил этим свое собственное рабство. Были спасены русский, украинский, белорусский народы, спасены от судьбы унтерменшей, которая была вполне четко им предопределена, была спасена жизнь всех евреев, которые жили в Советском Союзе. И в то же время русские и украинцы после войны оказались первыми жертвами спасенного государства.

Люди, которые сидели в лагерях после войны, говорят, что основным пополнением были гудевшие бабьим

воем эшелоны, наполненные колхозницами, арестованными за колоски – за то, что они собирали колоски с уже убранных полей, – то, о чем в Библии говорится, что этого нельзя запрещать. И евреи, которые были спасены, оказались потом в деле врачей и так далее...

Была освобождена Восточная Европа от немецкого террора, когда было объявлено, что чешская, польская государственность окончены, больше не существуют, и в то же время им были навязаны деспотические, душившие их коммунистические режимы.

Для нашего современного сознания эта загадка является не просто исторически важным вопросом осмысления всей истории, а сегодняшним вопросом, потому что одним из важнейших вопросов продолжает оставаться в России вопрос об оценке сталинизма. Есть так называемые сталинисты. И в том или ином смысле трактуя этот термин, это широкий слой – это люди, у которых что-то с этим связано, большей частью, это люди, которые пережили войну, у которых близкие люди погибли на войне, для которых, может быть, война была величайшей жертвой их жизни и которые ощущают, что, отказываясь от симпатий к Сталину, от Сталина как своего символа, они, может быть, отказываются от самого высокого... от величайших часов своей жизни и, может быть, отказываются от истории нашей. Они всегда говорят: «А ведь мы выиграли войну под руководством Сталина». А им обычно противопоставляют аргумент такой, очень простой: «Нет, это было не благодаря ему, а вопреки». Но мне лично кажется, что это поверхностный аргумент. Он как-то легковат.

Речь идет не о том, что Сталин руководил, а о том, что в войне действовала вся созданная им машина сверху донизу. Нужно было воевать, будучи частью этой самой машины. И каким образом, оставаясь этой частью, уда-

лось совершить этот вот акт народного героизма, это является какой-то невероятной загадкой.

Ну, можно, конечно, повторить тривиальные объяснения, которые даются. Одно такое, что это просто рабский народ, что если была мощная сила, которая его гнала на врага, то он и шел. Но это не согласуется с тем, как шла война. В первые месяцы войны та же самая сила была, и за первые полгода войны, до конца 41-го года, в плен сдалось 3.800.000 человек. То есть – это армия, в значительной мере, отказывалась воевать...

Второй аргумент, что это результат политики Гитлера, что Гитлер вел безумную политику враждебности к русскому народу, с декларацией того, что Россия превращается в управляемую немцами территорию, что государственность русская кончается. Потому, что он не создал какого-то русского национального центра, правительства, хотя бы какого-то органа. Но на самом деле я могу сказать, что это неубедительный аргумент, я переживал это время. Это могло быть убедительным или неубедительным для людей, которые жили на оккупированной территории, мы, которые жили на другой территории, мы все знали из той же только пропаганды, мы же не встречались с людьми, которые там были. Мы все знали из той же газетной или из радиопропаганды, к которой мы привыкли, и те, кто ей верил раньше, продолжали ей верить, а кто не верил, вроде меня, они с таким же сомнением относились ко всему тому, что мы тогда слышали.

И мне кажется, что аргумент единственный – вот какой. Есть нечто в русском духе такое, что когда враг находится у Москвы и на Волге, меняется психология народа и в нем возникает грандиозный порыв жертвенности. В связи с этим я часто перечитываю «Войну и мир». Я всю жизнь перечитываю ее, раз в несколько лет.

И заметил такое явление – чем я старше становлюсь, с тем с большим интересом я перечитываю исторические главы Толстого. В мальчишестве, когда я его читал, мне казалось, что это причуды гения – ну он имеет право, написав великую вещь, там почудить. А сейчас мне кажется, что он говорит какие-то поразительные вещи, которые мы просто из-за новизны, несогласованности с нашей стандартной психологией, мировоззрением не воспринимаем. Он говорит: как велась война? Народ почувствовал, что это его война. Взял себе вождя – Кутузова, выбрал вождем человека, которого государь не любил, который не имел связей, не пользовался популярностью в придворных сферах. Поставил его во главе войска, и выиграл эту войну. Вождь понял, что когда он выиграл войну, на которую был поставлен, он больше не нужен. И он тут же умер.

Это, ведь, какая-то мистика, с нашей точки зрения. Каким образом народ мог поставить в то время во главе армии Кутузова? А по-видимому, это приоткрывает какие-то элементы жизни и истории, о которых мы еще не догадываемся, а может быть разучились их понимать. Может быть, наши предки, которые обращались к Священному Писанию, или еще раньше, к каким-нибудь мифам, могли бы эту ситуацию понять.

Вот такого масштаба загадочный элемент заключается в этой войне, и мы не можем этой сейчас понять, вероятно, не начали даже понимать. Это должна сделать целая литература, для прояснения этого вопроса нужны какие-то громадные романы, масштаба «Войны и мира», исторические исследования и тогда это будет постепенно детализироваться...

У меня такое впечатление, что в народе было тогда чувство, что один раз мы свою мать продали, как говорит Волошин: «прогалдели ее на митингах», а второй раз

уже мы этого не можем сделать. И тогда уже перестали думать: за Сталина, не за Сталина, а действовало вот это чувство, и Сталин к этому чувству прицепился, он пошел за ним и только и всего. Он старался не ставить самому себе палки в колеса. Он немножко убрал антирусскую пропаганду, которая была поношение русского, чуть-чуть разрешил Церковь в страшно ограниченных размерах. После войны уступки брались назад.

И, наконец, вопрос о войне, мне кажется, сейчас в России необыкновенно актуален из-за того, что так или иначе, в той или иной постановке все мы задаем себе один вопрос: «Жива ли Россия реально, есть ли в ней еще жизненные силы или это уже просто мертвое тело, которое по инерции доходит свои последние шаги?» – вот, как тот же Толстой описывал наполеоновскую армию. Он говорил, что она была смертельно ранена под Бородиным, но как бывает такой силы зверь, который, получив смертельный удар, еще долго бежит, так и армия наполеоновская еще несколько шагов могла бежать, будучи смертельно ранена. Может быть, Россия могла бежать 70 лет, получив смертельный удар?

Я часто об этом думаю. Существуют ужасные аргументы в пользу того, что так оно и есть. Но есть ряд аргументов и противоположных. И один из них – война. Потому что такой силы жертвенный народный порыв показывает существование грандиозных, почти бесконечных жизненных сил. Если сравнить с периодом, когда мы видим умирание какой-нибудь великой цивилизации, скажем, с концом Римской империи, то ничего похожего мы не встречаем. Римские войска того времени состояли из варваров, римляне воевать не хотели, и когда вандалы разграбили Рим, то римляне не бросились их догонять, смывать это поражение в новом сражении, а стали обсуждать вопрос, как им устроить

по этому поводу игры! Порыв такого рода, – он, конечно, один из аргументов в пользу того, что у жизненного организма еще имеются грандиозные силы. Поэтому война и для оценки нашего будущего является колоссальной важности аргументом.

– Факты свидетельствуют, что призывами к патриотизму, для спасения коммунистического режима, удалось обмануть далеко не всех русских людей. Многие из тех, кто понял провокационный характер лозунгов типа «за Родину, за Сталина», – оказались в рядах Русской Освободительной Армии генерала Власова. Сейчас об этом – после десятилетий молчания и лжи – начали говорить и писать открыто, и, надо сказать, одним из первых здесь был А. И. Солженицын. Что Вы можете сказать по этой теме?

– Я хотел бы Вас только предупредить, чтобы Вы не воспринимали слишком оптимистично и легко то, что Вы сейчас слышите из России. Мне кажется, что русские, которые стреляли в русских, остались страшной занозой в сердцах тех русских, в которых стреляли. Может быть, «власовцы» и не нуждаются в прощении, может быть, те – другие, нуждаются в прощении, но примириться, по-братски к ним относиться – это преодоление какого-то чрезвычайного рубежа. Долгое время еще должно пройти, чтобы большинство русских смогло воспринять солдат РОА как своих еще более несчастных братьев. Всем, кто был на фронте, кто тогда был взрослым, врезался в душу образ «власовцев» как людей, стрелявших в «наших». Для русского сознания вообще очень болезненным является представление о русских, сражающихся на стороне врага, да еще в судьбоносной, великой войне.

Когда Вы много сейчас, может быть, слышите с большой симпатией написанного о «власовцах», очень

возможно, это пишут люди, которые хотят показать, что вообще это предрассудок: все рассуждения – «за родину», «против родины», – какая ерунда... Это место обитания, также место стреляния – одни стреляют в одну сторону, другие – в другую сторону. Многие явления, которые, казалось бы, должны восприниматься как глубокое преодоление каких-то травм прошлого, они на самом деле суть признаки нигилизма, того, что некоторым людям это все равно, и они пытаются внушить другим людям, что все равно, что на все наплевать. Я лично, действительно, плохо представляю себе историю власовской армии, сколько там было людей, которые в чем-то сумели увидеть правду, а сколько других.

А Солженицын описывает в общем-то другую картину. Он приводит пословицу: «От корма кони не рыщут». Он говорит, что власовская армия, «власовцы», представляли собой, по его представлению, не людей, которые что-то поняли, а мальчишек, брошенных на фронт, не имеющих никакой идеологии, кроме того, что «ничего нет прекраснее жизни», и брошенных после этого на произвол. И они, как он это красочно пишет, метались, как кони при пожаре, который охватил поле. Это другая картина. Какая тут была истина, я тут не берусь разобраться...

Мне кажется, многое надо еще передумать и перечувствовать, чтобы сложилось взвешенное, мудрое отношение к этому болезненному эпизоду нашей истории.

– В военные годы патриотические чувства русского народа эксплуатировались в духе идеологического прагматизма, среди тогдашних «вождей Советского Союза» не нашлось ни одного – как не было их никогда с самого начала – кто бы думал о благе России, русского народа; т. е. в «использовании» русской темы была пря-

мая ложь, как у политиков, так и у публицистов типа И. Эренбурга или В. Гроссмана. Но даже и при таком, вызывающе лживом, провокационном использовании «выиграшной» темы – она «сработала»: видимо, в силу устойчивости тысячелетней традиции, которую не удалось уничтожить. В наши дни, в нынешней катастрофической ситуации, которая чем-то напоминает обстановку первых военных месяцев, – если бы нашелся мудрый, национально мыслящий политик, который бы всерьез и честно обратился к живому патриотическому инстинкту нашего народа, – встретил бы он отклик? И, как Вы считаете, можно ожидать именно такого политика в сегодняшней России?

– В начальной фразе я как-то по-другому расставил бы ударения или, может быть, причины и следствия. Я уже говорил об этом. Мне не представляется, что удался какой-то хитро задуманный Сталиным, Эренбургом или Гроссманом план и им что-то удалось сделать. Ничего не удалось сделать! Они были все в полной растерянности. Сталин, прежде всего, ожидал краха, как всем сейчас уже известно, и постепенно, неделя за неделей, с удивлением узнавал, что растут какие-то силы, ему непонятные, от которых он в то же время зависит. Он пытался как-то за их плечи спрятаться, каким-то образом к этому колоссальному кораблю прицепиться, чтобы выплыть.

Мне кажется, тут картина другая. Сталин гораздо мельче здесь был, вовсе не какой-то фатальный заговорщик мирового масштаба, который смог такую сеть сплести, в которую попались русские.

Что касается того, может ли быть какой-то национальный лидер сейчас, мне кажется, что у народа бывают периоды здорового развития. Они связаны с тем, что численность его не сокращается и он не теряет интереса

к своей истории. И таким же, каким-то биологическим элементом жизни является тогда появление достаточного количества на разных уровнях крупных личностей. Это все связано одно с другим. Поэтому так же трудно было бы гадать, что было бы, если бы численность русских не сокращалась, а увеличивалась. Если вернется достаточно здоровое состояние, то и лидеры появятся.

Я скорее скажу, что сравнение с войной для меня может быть таким аргументом, которым можно возразить против слишком пессимистических суждений. Не только в эту войну, но и многократно замечалась такая закономерность: у русских просыпаются силы в момент, когда они находятся перед пропастью, когда катастрофа кажется почти неизбежной. И в этот момент они находят в себе новые силы, именно из-за сознания этой катастрофы. По-видимому, к такому моменту мы уже близки, на это свойство наша надежда и может опираться.

– Игорь Ростиславович, сердечно благодарю Вас за интересную беседу.

1991.

Беседу вел член Редакционного Совета «Вече» Е. А. Вагин.

ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ МОЖЕМ ИЗБРАТЬ

– Игорь Ростиславович, я с Вами хотела поговорить о каких-то, как бы сказать, общих вопросах бытия. Но невольно разговор, мне кажется, должен начаться с проблем, которые сейчас волнуют всех. Вот Вы очень много писали на тему будущности России, русского само-

сознания. Россия как преемница Союза, – вот то, что сейчас вообще обсуждается... То, что сейчас произошло с Россией, Ваше мнение, Ваш взгляд на это? Есть положительные и есть отрицательные стороны, так ведь?

– Вот действительно серьезный вопрос – является ли Россия преемницей Союза? Но на большинство вопросов нельзя ответить «да» или «нет». Если вопрос касается реальной жизни, а не какой-нибудь абстракции... Мне кажется, что Россия – это преемница России, того, что называлось Россией. Пусть это Российская империя, или Московское царство, или Великое княжество Московское, или Киевско-Суздальская Русь... А вот в отношении к Советскому Союзу положение гораздо сложнее. Потому что Советский Союз или РСФСР, как называлась эта страна сначала, или Советская Россия – она создавалась как государство, в принципе абсолютно отличное от того, что было, полностью рвущее все связи с тем, что было, отрицающее его, как проклятое прошлое, как нечто себе враждебное. И все люди моего поколения помнят – это концепция, на которой мы воспитывались в школе. Россия – орудие мировой революции, Россия – это есть головня, при помощи которой можно поджечь мировую революцию. Таков был замысел, а вот удалось ли осуществить этот замысел? В чем-то удалось, а в чем-то не удалось. И в том, что не удалось, в нем сохранилось то, что через советский период все же передалось. Какая-то традиция России. Это та литература, которая была – Булгаков, Ахматова, которая писала «Реквием», Абрамов, Солженицын, Шукшин, Астафьев, Белов, Распутин, – это основной ствол русской литературы, и он шел от России дореволюционной через Россию послереволюционную, и сейчас мы духовно этим можем питаться.

Или, например, война, которая, конечно, сохранится как, так сказать, «священное предание» народа, как источник сил, на которые он может опираться. Это, конечно, очень много. Но, если говорить о политической концепции, о государстве, то здесь ситуация прямо противоположная. Потому что это был очень интересный замысел, сформулированный четко уже в 18-м году, построение нового государства: сначала РСФСР, потом СССР. Говорят, что сохранился текст, набросанный Сталиным на двух страничках: Сталин был наркомнацем. Так что это действительно то, что называлось «ленинско-сталинская национальная политика», сначала с положительным, потом с отрицательным акцентом. Идея была следующая: это должно быть государство, которое подчиняется диктатуре коммунистической партии. Внутренние, органические силы должны быть отключены. Благодаря этому народы, населявшие его, были наделены по конституции правом крайней независимости, независимости вплоть до отделения, чего ни в каком государстве не существует, такое государство существовать не может. Почему же это государство существовало? Потому что это право было декларировано – и в то же время подавлено. И это подавление осуществлялось коммунистической диктатурой. С другой стороны, самый многочисленный народ, ну и сыгравший наибольшую роль в создании этого государства – русский, – был лишен всякой государственности. Не имели ни своей республики, ни своей автономной республики, ни национального округа – ничего совершенно.

И вот такая искусственная система, которая обречена, казалось бы, на несуществование, на гибель, она существовала только потому, что осуществлялась, контролировалась мощной и жестокой диктатурой. Только в рамках этой диктатуры она могла существовать. Так,

что человек, который был озабочен существованием этого государства, перед ним ставилась такая дилемма: ну, что ж ты хочешь? Развал государства? – Нет. Тогда поддерживай большевиков. Ты против большевиков? Тогда ты развалишь это историческое государство. И это была ситуация, при которой, действительно, гибли люди, например, в эмиграции «сменовеховцы»: они переламывали в себе, болезненно подавляли свое отношение к большевизму, возвращались сюда, садились в лагеря и гибли.

– *Но сейчас такая же дилемма стоит перед многими. Ну не то, что она стоит, потому что за них все решили, но в принципе... Скажем, выступая за Союз, опять-таки защищая развалленный Союз, ты таким образом защищаем, получается, коммунистическую диктатуру. Более того, выступая за Союз, человек в значительной мере выступает, например, за такую концепцию государства, которая построена на заклании России, принесении России в новую жертву, превращении ее в тот энергетический источник, который перерабатывается силой вот этого государства.*

– Это государство, вся концепция Союза, она построена была, и остается, на непрерывном выкачивании средств из совершенно обескровленной России и впрыскивании их в другие, уже теперь независимые государства. Я думаю, что сейчас наше положение может быть даже немножко легче. Потому что: ну, что же спорить на эту тему, как спорили люди еще в 20-е годы, или в 60-е, или в 70-е? Или даже в начале 80-х годов? Реально, действительно, сейчас этого Союза нет, так что реальностью являются создание в данный момент на базе этого Союза государств на принципах, на которых построены все государства. Что все части этой страны в это государство

входят навеки, что они объединены единым законодательством. Нельзя совершить преступление в одной части, которое не будет наказуемо в другой части. Что оно имеет единую армию, единую экономическую систему и так далее. В структуру этого государства – Союза – была заложена бомба, которая взрывается, все время непрерывно взрывается, и мы должны пережить, по-видимому, очень тяжелый период возвращения к структуре нормального государства, которую выработала вся мудрость человечества. И только после этого реальным будет вопрос об объеме этого государства: примерно в масштабах бывшего СССР или РСФСР?

– Между прочим, первый идею независимости России предложил (тогда ее все со смехом восприняли) – Распутин: «Давайте, говорит, Россия выйдет». А потом вдруг выяснилось, что и в данном случае наши писатели опять-таки выступили как пророки. Вроде бы, так сказать, положительный факт, но тем не менее ведь Россия лишилась стольких своих исконных территорий, она так сузилась, я уже не говорю о том, что стоит на повестке дня вопрос дальнейшего какого-то членения.

– Вот это как раз самый страшный вопрос. Вопрос о существовании уже России в узком смысле, не в том смысле, как в XIX в. понимали Россию, России – РСФСР, даже в этих искусственных границах. Конечно, границы такой России – это граница Брестского мира. Но почему пакт Молотова-Риббентропа считается совершенно недопустимым, мы должны от него с возмущением отказаться, а Брестский мир, который установил границы между Россией и Украиной, Россией и Белоруссией, Россией и Прибалтикой или на основе которого они потом устанавливались, оказывается чем-то неприкасаемым, даже необсуждаемым?

То, что он так воспринимается теми странами, которые получили эту территорию, это понятно, но когда он воспринимается как нечто абсолютно незыблемое руководителями России, то мы находимся в трагическом положении. Когда мы видим, что руководители России исходят из интересов не России, а каких-то других интересов. И нам нужно понять: каких в конце концов?

– Да. Вот понимаете, вот это как раз самый такой вопрос, печальный... Получилось, что во всех государствах-новообразованиях, чтобы ни руководствовало этими людьми – этими руководителями государств, но все-таки они защищают интересы своей нации, интересы своего народа. Будь то прибалты, литовцы, или украинцы, или армяне. Но только в России какое-то непонятное правительство, которое защищает интересы кого угодно, только не русских.

– Да, потому что состав этого правительства – это все так называемые первые. Это бывшие первые: генсек, или первые секретари республик, или первые секретари обкомов. Это люди, которые всю свою жизнь прошли в этой коммунистической системе, которая и была построена на том принципе, что должна быть некая сила, которая должна подчинить себе Россию. Человек, который 20, 30, 40 лет, может быть, с маленького какого-то поста в комсомольской ячейке, рос и созревал в этой системе, он не может изменить свое мировоззрение, написав заявление, что я выхожу из этой партии. Такова психология этого слоя. Коммунистическая власть считается у нас отмененной, а она осталась. Она осталась в том верху, который всегда и определял ее. Еще с самого начала Ленин говорил Горькому, что роль коммунистической партии заключается в том, «чтобы укротить эту крестьянскую стихию, мужика с винтовкой», то

есть 80 % населения. «Это может сделать пролетариат и наша партия». Уже выступая на съезде, он говорил, когда к нему обращались представители «рабочей оппозиции»: «Не знаю, может и есть такой пролетариат, который Маркс описывал, но у нас в стране его сейчас нету». И тогда кто-то из оппозиционеров крикнул: «Мы поздравляем Владимира Ильича, лидера партии несуществующего класса». А потом в одном из последних своих документов он говорит, что и в партии-то все определяется «тончайшим слоем» руководителей, и вот этот тончайший слой сохраняется до сих пор. Сталин мог уничтожить большую часть партии, а тончайший слой он сохранил. И сейчас опять сохраняется этот тончайший слой под другим названием. Может быть, он будет себе выращивать другую партию, но сохранит ту же самую идеологию манипулирования живой страной ради своих совершенно чуждых ей целей.

– *Ну а парламентаризм, который сейчас у нас так расцвел и пропагандируется, он разве тоже не подразумевает вот такое, так сказать, манипулирование?*

– Видите, парламентаризм, конечно, это чрезвычайно сложная система, потому что она предполагает, что вопросы кардинальные выносятся на решение каждого человека и каждый человек имеет один голос в решении этого вопроса. Но это, конечно, понятно и убедительно, когда касается тех вопросов, в которых человек компетентен. Ну, например, когда в сельской общине решали на сходе какой-то вопрос, касающийся этого села, то все были в нем одинаково компетентны. Когда же возникает вопрос, требующий совершенно другого порядка информации, то в конце концов решается вопрос тем, какую информацию люди получают. И в каком-то смысле решают те, кто находятся примерно в том месте, где мы

с вами сейчас разговариваем, в ряде таких мест, то есть те, кто владеют информацией. А люди действуют на основании этой информации, и это в конце концов совершенно не является их свободным выбором. Мы видели это на своих глазах. Ну разве, когда мы шли голосовать, нам кто-то говорил, что вот голосуйте за нашу программу и у вас будут пустые прилавки, в магазине будет полная пустота, цены возрастут в 30–40, в 100 раз, вам будет угрожать голод, начнется смертность в родильных домах от переохлаждения детей, начнутся межнациональные конфликты, столкновения и кровь прольется? Нам же говорили совершенно другое. Вот за это мы голосовали, за другое. Какой же это выбор? То есть эта система совершенно не сработала, она не дала того результата, ради которого люди шли голосовать. На Западе она существует уже 200 лет, 300 лет, и при всей ее сложности и при всех недостатках ее люди каким-то образом к ней приспособились. А мы? На нас она свалилась мгновенно, так, как, скажем, водка свалилась на аборигенов каких-нибудь островов: ее привозили европейцы, которые в течение столетий уже приучились к этому, а население этих островов спивалось за одно поколение.

В этом смысле существующая сейчас демократическая система, она, конечно, не работает. И люди это поняли, в конце концов: резко падает интерес к выборам и просто активность избирателей. Сколько есть уже районов в Москве, где просто нет депутатов, потому что каждый раз объявлялись выборы и люди не приходили и они оставались без депутатов. То есть почувствовали, что это не есть выборы на самом деле. Нужно искать какой-то другой способ реального решения проблем. Чтобы человек действительно решал ту проблему, которую он хочет, а не ту, которую в результате каких-то правил игры ему предлагают.

– Игорь Ростиславович, вот как раз о демократии. Очень часто говорят, что традиции демократии в нашей стране совершенно не были развиты. И вот, мол, из-за этого у нас всякие эксцессы, несчастья. Вы сказали, что на нас многое свалилось. Я в «Дневнике писателя» у Достоевского тоже с этим выражением сталкивалась. Он говорил так о реформах, скажем, Александра II...

– Да, это была его любимая мысль: «реформы на неподготовленную почву...».

– Да, а вот сейчас говорят, что у нас нет традиций демократии, в нашем народе. И наш народ такой недемократичный. Ну, идут дальше, говорят, что это рабская страна и так далее. Вот как вы смотрите на этот вопрос?

– Демократия впервые человечеством была выработана как прямая демократия, как демократия маленьких городов-государств ну, скажем, Греции, где все граждане приходили на площадь, на рынок в Афинах и решали вместе все вопросы. Это одна концепция, а представительная демократия, которая охватывает большие массы людей, – это совершенно другого типа явление, и она не является, мне кажется, идеальным методом решения вопроса. Я сказал, что люди при этом вынуждены решать вопросы, в которых они не компетентны. Их как бы искусственно делают компетентными, накачивая их определенной информацией, и предлагают решать на основании этого. Это не решение.

Но Запад по крайней мере, действительно, к этой во многих отношениях недостаточной системе в значительной мере приспособился и какие-то коррективы в нее вносит. А что касается России, то я думаю, что демократия, которая существовала в общине или в артелях, – это была вполне глубинная и глубокая демо-

кратия. И такая реальная демократия, действительно, работала как здоровый организм, а сейчас мы в ряде других вопросов опять оказались в положении в каком-то смысле, так сказать, «передового отряда» человечества. То есть и для всего человечества является трудным вопросом – как быть с этой демократией? Для нас он гораздо более остро стоит, чем для других. И вот мы вынуждены – хотим мы или не хотим – решать: либо мы полностью погибнем на этих попытках решения, либо мы, может быть, что-то выработаем, что и для других будет полезно.

– Вот вы сейчас сказали, что мы «передовой отряд»... Но как-то в последние сто или там двести лет России очень часто приходится играть эту роль «передового отряда», во многих случаях...

– Россия находится в каком-то особом историческом положении. Многие болезненные переломы истории, они в России отражаются наиболее остро. Это свойство, которое я не знаю, как объяснить... Нет, я думаю, что оно имеет какие-то объяснения, но нужно думать, чтобы понять, в чем здесь причина. А вот отметить это свойство можно уже сейчас. И действительно, когда в истории происходит какая-то катастрофа, то она отзывается каким-то особенно мощным взрывом в России, это верно...

– Или даже наоборот, часто бывает, что в России это начинается, что-то, а потом расходится кругами по всему миру...

– Нет, я этого не вижу. Мне кажется, что, наоборот, то, что мы видели, – революция, или то, чем мы страдаем, скажем, экологический кризис – ничем не ограниченное развитие промышленности, городов – все

это, и марксизм, все ведь это продукты Запада, которые пришли в Россию и на которых пришлось России – хочешь не хочешь – с ним столкнувшись, выработать свой ответ. И они себя проявили особенно драматично на русской почве.

Все это западные явления. Вот, скажем, революция. Революция же началась не в России, она началась сначала в Англии. Такие специалисты по делу революции как Маркс и Энгельс – они говорили, что нет английской, французской революции – она единая, она то затухает, то вспыхивает...

– *Перманентная революция...*

– Да, это термин Маркса. Ну вот она дошла и до России через двести лет.

– *Игорь Ростиславович, а вот часто говорят о какой-то особой миссии России. Вот есть она? Существует или, может быть, уже кончилась? Если была?*

– Это очень трудно сказать... Миссия России... Это подразумевает, вероятно, понимание русскими чего-то такого, что они расскажут другим, что они что-то несут новое для человечества. Роль России в жизни человечества, если смотреть на нее так, то можно сказать, что уже русская миссия, безусловно, состоялась. Она состоялась, например, через великую русскую литературу, которую из духовного мира человечества изъять никаким образом невозможно.

Но мне кажется, для России сейчас стоит такой вопрос, который может быть близок к этому. Это вопрос о смысле существования, о том, зачем люди живут... Сейчас часто говорят, что же нам обсуждать вопрос: зачем человек живет, зачем существует Россия? Зачем каждый из нас существует? Перед нами стоят такие мрачные

проблемы. Вот голод начнется через несколько месяцев, от холода начнут люди умирать, кровь прольется, не об этом нужно думать, не о «высоких материях». Мне кажется, это неверно. Именно в тех случаях, когда жизнь очень благополучна, можно без «высоких материй» обойтись, а в очень тяжелых положениях (это всегда так было в человечестве), их перенести можно тогда, когда имеется какая-то высшая, приподымающая сила, которая дает возможность пройти через тяжелую полосу, найти нужный выход, преодолеть кризис. Сейчас все, весь мир, проходит какой-то период как бы помутнения представления о том, зачем люди существуют. Но на Западе это, может быть, отзывается более мягко, потому что менее заметно или как бы затушевывается, отодвигается все дальше и дальше. Можно терпеть такое состояние, потому что люди включены в гонку материального благополучия. Жизнь все время ставит перед ними новые цели: купить машину новой марки, построить новый дом, разбогатеть, купив какие-нибудь новые акции, возможность дешевых путешествий в экзотические страны и так далее. И люди должны выкладывать все для достижения этих целей. И в какой-то мере эти цели жизнь им дает, и они этим временно хотя бы успокаиваются.

Хотя и там это вызывает какую-то внутреннюю напряженность, которая сказывается, например, в том, что в сверхблагополучных странах чрезвычайно распространен терроризм.

– *А самоубийства...*

– Да, рост самоубийств там неизмеримо выше, чем в бедных странах. А вот для такой страны, находящейся в состоянии кризиса как Россия, мне кажется, эти вопросы неизбежны для того, чтобы каким-то образом пережить этот кризис, в который мы попали. Они являются как бы

орудием его преодоления, как и экономические реформы, и должны даже идти впереди. Мне представляется, что это цель того периода, который сейчас наступает. Все человечество вступило в него. Христианские или какие-то иные концепции, например концепция прогресса, которые были, они все постепенно стали тускнеть, перестали восприниматься как представления о какой-то определяющей цели жизни, о какой-то высшей цели, ради которой люди готовы идти на жертвы. И человечество заново должно сформулировать свои цели, найти высшие идеалы, ради которых оно существует.

И, как всегда, для России этот вопрос оказывается наиболее злободневным. То есть если там, на Западе, это можно куда-то отодвигать, то в России это в каком-то смысле вопрос жизни и смерти.

Мне кажется, что смыслом существования человека в данный момент у нас может быть само существование России. Это не есть высший, скажем, религиозный принцип. Но, по крайней мере, принцип, который даст возможность более высокого взгляда, возможность собрать свои силы и войти в сферы высоких понятий. Представление о том, что мы не просто живем ради того, чтобы прожить эту жизнь, а что нам из поколения в поколение передан колоссальный дар России, которая строилась тысячу лет письменной истории и, вероятно, несколько тысяч лет до того, которая создала совершенно необычную, ни на что не похожую культуру, которую ничем другим заменить нельзя, которая создала совершенно свое, собственное мировоззрение. ...Вот нам на какой-то период нашей жизни она дана на сохранение, пока мы живем. И это не вопрос нашей только жизни, это не вопрос прав человека: что я имею право этим заниматься или не заниматься, это мой долг по отношению как к моим предкам, так и к моим потомкам.

– В общем, Вы считаете, что вот именно такая идея, идея сохранения России, может объединить самые разные силы у нас в стране?

– Да, мне кажется, что сейчас те движения, которые исходят из каких-то государственных, патриотических позиций до последнего времени находились в ничтожном меньшинстве. Сейчас же чувствуется, кажется, изменение отношения к ним. К ним приглядываются как к чему-то более привлекательному. Но они все равно еще крайне раздроблены. И это можно понять, потому что само даже представление о России, о русской истории, оно вытеснялось, подавлялось, преследовалось как преступление в течение нескольких поколений, в то время, которое я еще застал и очень хорошо помню. Была разрушена масса памятников, храмов, разворочен сам уклад жизни...

Ну, возьмем хотя бы такую вещь как религия. Не с точки зрения ее высших функций, связи между человеком и какими-то высшими для него сферами существования, с Богом. А с чисто социологической точки зрения. Люди все ходили в один и тот же храм, справляли одни и те же праздники, они читали одну и ту же молитву перед едой, они одинаково крестились. Это все создавало некую концепцию общности. А сейчас? Это преследовалось из поколения поколение как нечто враждебное, глупое, бессмысленное. Многократно прокламировалось, что самая главная опасность вообще, которая существует, – это русский великодержавный шовинизм, под которым подразумевалось вот именно это сохранение какого-то национального лица. И в результате этого, конечно, русским гораздо труднее объединяться, почувствовать себя заново народом. Этот процесс несравненно более медленный, чем в других народах. Вот, и Вы сказали, что даже, может быть,

бывшие коммунистические лидеры, приходя к власти в небольшом государстве типа Молдавии или Литвы, вынуждены провозглашать какие-то национальные лозунги. А в России этого нет. Но этот процесс, я думаю, просто более медленный. Ведь не может быть, чтобы эти силы, которые накапливались в течение тысячи лет или нескольких тысячелетий, они даже под самыми чудовищными ударами 74 лет могли быть уничтожены.

– Да, да. Вы знаете, вот по телевидению недавно выступал Дмитрий Балашов, писатель, и вот он сказал, что путем долгих размышлений, видно к нему не сразу пришло, он все больше склоняется к тому, что России нужна монархия. Что это та форма, которая объединит, соединит и примирит разные слои и классы. Сейчас принято смеяться вроде бы над этим, кажется, что это несерьезно...

– Трудно сказать... С одной стороны, сейчас идея монархии чрезвычайно модна, существует масса монархических организаций, монархических изданий... У меня такое впечатление, что речь идет не о самой идеи монархии, а о реальной перспективе этого стремления к монархизму у нас. Я уверен в мудрости человечества и совершенно не верю в то, что человечество было глупым всю свою историю и вдруг поумнело, скажем, последние двести лет, и обязательно именно вот на этом пятачке Западной Европы и Северной Америки. Человечество большую часть своей истории жило при монархиях, многие страны и до сих пор живут, и потому, безусловно, уже из этого можно заключить, что это какая-то глубокая концепция. Чисто парламентаристский подход сводится к тому, что мы переводим все на числа. Каждому человеку – один голос, эти голоса подсчитываются и вот по количеству, по балансу этих чисел и выверяют поли-

тическую жизнь. Это, мне кажется, очень примитивный подход. Это в естественных науках все имеет вес, электрический заряд или на рынках – цену.

Мышление такими естественнонаучными категориями заполонило сейчас человечество, оно покорило себе человечество. И его пытаются применить или насильственно даже применяют в сферах несравненно более тонких, где ничего этими числами не измеришь. Не измеришь разницы между человеком, имеющим колоссальный опыт, и молодым человеком, который только входит в жизнь, молодым человеком, который полон сил, и стариком, который много понимает, но у которого нет сил, и так далее.

Монархия же основана на идее внесения индивидуального элемента. Народ существует как некое существо. Это не просто рассеянное по определенной территории количество, скажем, трехсот миллионов совершенно идентичных каких-то элементарных атомов, а это некое цельное существо, и оно отражается тоже в едином существе – в монархе. Но такая точка зрения основана на совершенно особом мировоззрении. Можно воспринимать этого монарха просто как диктатора, тогда это превращается в обычную диктатуру, либо нужно верить, что это есть действительно монарх милостью Божьей, он помазанник Божий. Он суммирует в себе мысли всего народа. Он является фокусом, в который они собираются. Благодаря этому граждане страны должны быть ему преданы, лично ему. Это не есть преданность какому-то вождю шайки или тирану. Это как бы олицетворенная преданность своей стране.

– *Как отцу, да?*

– Это совершенно особое мировоззрение, которое у нас, конечно, разрушалось. Оно начало разрушаться

еще до революции. Можно заметить, как ослабели в России монархические чувства. Еще, например, в семидесятые годы прошлого века, когда народники шли в народ, то стоило им заговорить против царя, их начинали бить. Были случаи, что они должны были бежать до соседней железнодорожной станции, где есть жандарм, который мог их защитить от крестьян, которые хотели их бить.

А вот уже после революции 1905 года началось заметное ослабление этих чувств. А потом они просто уничтожались. И монархист – это был часто пункт из смертного приговора. И возрождение этого чувства не может быть только из-за того, что мы понимаем, как красива эта идея. До тех пор пока эта идея не превратилась, так сказать, в народное мироощущение...

– *Не овладела массами, как говорил Ленин, да?*

– Потому мне кажется, что до сих пор все такие движения в сторону монархизма, они носят какой-то декоративный, что ли, характер. Люди чувствуют красоту этой идеи, в чем с ними можно вполне согласиться. Вот был один из самых, мне кажется, умных философов, Иван Ильин, и он, глубоко убежденный монархист, говорил, что монархическое мировоззрение должно возродиться, а до этого должен быть какой-то другой переходный строй, который основан частично на выборах, частично, он считал, на режиме, как он говорил, «просвещенной диктатуры», который даст возможность сформироваться этому мировоззрению.

– *Вы знаете, мы, говоря о будущем устройстве России: у Вас, кстати, статья так и называлась «Имеет ли Россия будущее?»*

– Да.

– То есть даже вот такой вопрос трагический может возникнуть. Но, кстати, такие мысли ведь возникли у людей, переживших революцию. Ведь у многих тогда было ощущение, что погибла Россия.

– Собственно говоря, мы видим, что этот процесс не окончился на революции. Хотелось, особенно моему поколению, считать, что предки наши, частично мы, отмучились, а дальше какой-то выход. Мы как бы яму, самую низшую точку, прошли. Вот у Солженицына – очень в этом смысле яркое было высказывание, уже после высылки за границу. Спрашивали: что бы вы хотели для России? Я бы хотел для нее, говорит он, выздоровления. Ну, выздоровление подразумевает, что кризис уже миновал. А мы сейчас видим, что, к сожалению, этот кризис, он еще продолжается. Начиная с 17-го года, мы должны сквозь него еще долго проходить. Еще, может быть, и сейчас не дошло до самой низшей точки.

В этом смысле те взгляды, которые приходили в голову во время революции, они в каком-то смысле есть те же взгляды, которые естественно и сейчас обсуждать. Конечно, великие цивилизации гибли и исчезали народы... Была великая Византийская империя, например, от которой мы получили и свое Православие, и многие элементы своей культуры и которая исчезла.

И это, конечно, вопрос, который в каком-то смысле главный. Он очень многих мучил. Я вот даже старался вырваться из такого чисто субъективного отношения, отобрать какие-то объективные признаки. Ну, например, когда античная цивилизация явно шла к гибели. К ужасу своему, я увидел страшно похожие черты. Например, сокращение населения. Государство вело широкую политику поддержки рождаемости, как и сейчас пытается, а рождаемость все равно падала.

– *Это где было?*

– В Риме. Или, например, сейчас происходит – как это называют – планирование семьи. Тогда оно происходило самым простым способом – при помощи детоубийства. Или бегство из деревни, запустение земель, настолько, что крупные землевладельцы предлагали земли не за какую-то минимальную плату, а совершенно бесплатно, чтобы ее обрабатывали, лишь бы только она не зарастала, в пустошь не превращалась. И все равно людей не находилось. Все пытались бежать в город, становились там пролетариями, жили на какие-то подачки, выдачи хлеба...

Но есть какие-то другие стороны, которые совершенно отличают современную Россию от того времени. Прежде всего, это, по-моему, чрезвычайно яркое и глубочайшее искусство, которое в нашу эпоху существует. Какой-нибудь пятый век в Римской империи – это полная пустота в смысле художественном. А у нас: вот только в предшествующем поколении были и замечательные композиторы – и Прокофьев, и Шостакович, и только что в этой передаче я перечислял изумительных писателей. Народ, который создает такую яркую культуру, он тем самым очень живой народ. Потом другой признак. Это та война, которая прошла, Отечественная война. Римляне не хотели воевать, легионы были какие угодно: германские, африканские, испанские и так далее... А римляне сами не воевали, боевого духа в них совершенно не было. А вот тот невероятно жертвенный порыв, который проявился в этой войне, когда крупнейшие европейские государства, Франция, например, рассыпались просто как песочная куча от удара ноги перед немцами, а мы эту войну выиграли, переломили ее ход и определили победу. И это было сделано колоссальным жертвенным порывом народа. Это, конечно, свидетель-

ствует о какой-то очень живой силе, которая имеется. Поэтому вопрос, с одной стороны, далеко не праздный, не пустой, а с другой стороны, вопрос, в котором видно, что и нет обреченности. В каком-то смысле в истории никогда ничего не предопределено заранее. Значит, выход еще не определен, он зависит от того, как будут действовать следующие поколения, как они поступят...

– Вообще говорят, что Россию может спасти только чудо.

– А в истории может быть это не так даже и парадоксально звучит. Я думаю, что чудо в истории случается довольно часто. Вы знаете, в христианском мировоззрении существует такая концепция, что мученики – это та сила, которой живет Церковь. Мне кажется, что это более широкая точка зрения, чем относящаяся к Церкви. Это колоссальное количество жертв, принесенных в прошедшую войну, отчасти было принесено из-за того, что руководство вело ее совершенно бездарно и было равнодушно к этим жертвам. А отчасти даже вопреки руководству... Ведь шли же раскулаченные и коллективизированные крестьяне. То, что они смогли поставить защиту страны выше своих расчетов с этой властью, я думаю, что это еще надолго скажется в стране. Я чувствую, что страна, которая смогла такое совершить, это живая страна. Это мне дает силы для того, чтобы жить.

1992.

Ведущий Н. Ярцева.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В будущих учебниках русской истории день 23 февраля 1992 г., несомненно, будет отмечен как поворотный.

Произошло то, что явно должно было случиться. Как было сразу понять народу – что обозначается столь туманными словами: цивилизованное общество, демократия, всенародное покаяние, права человека? Но постепенно слова стали превращаться в дела, а туман – рассеиваться. За ними скрывалось немало: предложение пожертвовать жизнями. Сначала жизнями стариков, которые не перенесут надвигающегося голода и разрухи. Потом жизнями детей. Так же и жизнью страны, заветами истории. А все это предполагало прежде всего, что надо пожертвовать совестью.

Сначала, по инерции, оставалось чувство: это же наша страна, мы заявим, что такого не допустим и такого не произойдет. Но в этот знаменательный день народу было наглядно показано, что он ошибался: это не его страна, есть другая сила, она уже правит и готова на все средства, чтобы добиться своего. Да, собственно, и раньше, например, мэр Москвы предупреждал, что автоматы, артиллерия и авиация наготове и проблема «в принципе всегда разрешима». Но как-то не верилось, хотелось думать, что это красноречие – хоть и дурного сорта. На улицах Москвы 23 февраля народ убедился, что тут красноречием и не пахнет, он взглянул в лицо этой силе.

День, когда решено было показать народу, кто же хозяин, был выбран глубоко символичный. Тут был не «марш голодных очередей». Речь шла о дне поминовения жертв, принесенных в Великой войне. От этого священного воспоминания и надо было отсечь народ. И не случайно, что к тому же дню орган тех же московских властей («Столица», № 7) украсил свою обложку гербом страны, той звездочкой, которую носили солдаты Великой Отечественной войны, изображенной на срамном месте женской фигуры. Все сходится – это попытка выгнать народ из дома своей истории да еще пустить вдогонку грязное ругательство. Это день переломный, так как сей-

час предстоит выбрать путь. Либо подчиниться: забыть о своей стране и истории, похоронить дорогих мертвецов в надежде выжить в роли третьесортного рабочего материала в третьесортной стране «третьего мира». Или принять вызов. Но отдавая себе отчет, что столкнемся с силой, не знающей снисхождения. Когда составляются миллиардные состояния, когда приманкой являются целые районы города или отрасли промышленности, за это борьбу ведут не в белых перчатках. И когда кажется уже почти осуществившейся многовековая мечта русоненавистников Запада, когда уже можно получать тайны нашей разведки, инспектировать наши секретные объекты, открыто торговать нашей территорией. То есть когда почти достигнуто то, что не удалось ни Карлу XII, ни Наполеону, ни Гитлеру, то от этого легко не откажутся. Но и Россия – не Панама и не Кувейт. До сих пор у ее врагов далеко не хватало сил одолеть ее. Попросту – они в душе своей слабаки. И чем решительнее будет им отпор, тем с меньшими жертвами удастся отбить их наскок.

1992.

ПРАВДА ОКАЗАЛАСЬ НУЖНЕЕ ХЛЕБА

Сейчас мы видим мир не таким, каков он есть, а каким его показывает телевидение, – это определяет и наши поступки. Власть над телевидением – уже большая часть власти над народом. Так было 10 лет назад, когда нас «воспитывала партия». Так же и сейчас телевидение «воспитывает» нас и управляет нами. Да и главные его руководители прошли хорошую школу в партпропаганде и аппарате ЦК.

Свою унылую однопартийность ЦТ приобрело к началу этого года, когда там даже появился «политический директор». Почти исчезли объективные репортажи или честное сопоставление двух точек зрения: их место заменило внушение. Все, кто не нравится власти, изображаются физически отталкивающими, интеллектуально ущербными и опасными для общества. Это «люмпены», «красно-коричневые», «большевики». Даже дикторы не сообщают новости, а поучают нас, как мы их должны понимать. Иногда допускается 5 процентов «инакомыслия», уже не воспринимаемого в унисонном хоре, но создающего иллюзию плюрализма.

После избиения демонстрации 23 февраля элементарная добросовестность требовала пригласить в студию представителей обеих сторон: и организаторов избиения, и тех, кто был с избиваемыми. Но мы видели и слышали только одну сторону. Лозунги, которые несли в Останкино, требовали равномерного национального представительства среди сотрудников ЦТ. Чего бы проще: пригласить людей, несших эти лозунги, в студию, передать по телевидению беседу с ними, дать им высказать свои взгляды. А может быть, переубедить их? Вместо этого проблему решили так, что проправительственная пресса окрестила этих людей «антисемитами», и вообще весь митинг в Останкино – «борьбой с евреями». То есть шуму было много, но точку зрения «людей с лозунгами» мы так и не узнали. «Народу это не нужно» – решили хозяева голубого экрана.

Полный спектр грубопропагандистских приемов был продемонстрирован при освещении событий 12 июня. Собрание Русского Национального Собора было показано на фоне митинга в Останкино, так что нельзя было понять, какой персонаж куда относится. В качестве выступлений В. Анпилова был дан текст,

произнесенный им много лет назад! Страшно подумать, до чего мы так можем дойти! Ведь этак при встрече главы нашего государства с президентом Бушем мы можем вдруг вместо дежурных слов о торжестве демократии услышать что-нибудь насчет «мудрости коллективного разума... Политбюро во главе с Леонидом Ильичей Брежневым» (из выступления на XXVI съезде КПСС).

Вот это чувство, что вместо честной информации к нам опять вернулась опротивевшая идеологическая жвачка, что от телебашни к нашим мозгам тянутся невидимые нити и кто-то, держа за эти нитки, подсовывает свои мысли вместо наших собственных, что нашими мозгами опять манипулируют, – и погнало погруженных в голод и нищету людей в Останкино. Правда оказалась нужнее хлеба.

Говорят, некоторые демонстранты оскорбляли проходящих сотрудников ЦТ. Конечно, это не допустимо. Если тут не действовали засланные провокаторы, то это показывает, как ожесточен народ. Но ведь избиение ногами и дубинками ожесточения не снижает. Удар по голове никакой проблемы не решает, а только усиливает напряженность.

Унифицированное телевидение возможно, но только когда все общество станет тоталитарным: вернутся Беломорканал, аресты инакомыслящих и т. д. В обществе, основанном на свободе выражать свое мнение, митинги, пикеты, демонстрации, дискуссии нужны самой власти. Это один из видов обратной связи, способ найти приемлемый для большинства выход, не допустить до взрыва. Но, похоже, что наша власть решила все туже завинчивать гайки.

Как это объяснить? Боюсь, что объяснение может быть одно. В июне власть определилась. Она окончательно поняла, что ее политику нужно проводить лишь во-

преки воле подавляющей части народа, – и сознательно встала на этот путь. Растущая нищета, голод, безработица могут смести сегодняшнюю власть уже через несколько месяцев. Референдум, чрезвычайный съезд народных депутатов – механизм смены не предскажешь. И они видят надежду сохраниться только в силе, которую надо успеть применить в последние истекающие минуты.

Некогда Г. Попов, тогдашний мэр Москвы, утешался тем, что народа не следует бояться: против него найдутся и танки, и авиация. Тогда это могло показаться неумной бестактностью. Сегодня это выглядит как наглядная программа. Теперь, например, мы видим воочию и танки, и авиацию в Приднестровье – ведь оно тоже на совести наших теперешних правителей!

1992.

ТРЕТЬЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

(Выступление на съезде Русского Национального Собора, 12 июня 1992 г., в «День Независимости»)

Много лет назад мне довелось посетить Восточную Германию, тогда называвшуюся Германской Демократической Республикой. Выйдя из поезда, я увидел развевающиеся в городе флаги и спросил моих коллег, что сегодня за праздник? «День победы», – ответили мне. Когда же я поинтересовался, кого они в этот день победили? – они несколько смущенно ответили, что это «день победы над фашизмом». При всех ужасах фашизма мне не поверилось, что немцы настолько перековались, чтобы их сердца радостно бились при созерцании своей расчлененной страны. Конечно, флаги были вывешены в назидание немцам, в память их поражения.

Это был праздник не их, а победителей – оккупирующей державы и, может быть, немецких властей, служивших механизмом ее управления.

Сегодня в нашем городе тоже развеваются флаги и так же трудно понять – в честь чего? Нам говорят, что в этот день был провозглашен суверенитет России, что это «День независимости». Независимой от кого стала Россия? От той страны, которая более 1000 лет называлась Русью и Россией, создание которой было историческим делом русского народа? И это не было признанием горькой истины, констатацией факта. Советский Союз еще не распался, тогда по его монолиту пробежали лишь первые трещинки. А вот акт «суверенитета России» был одним из первых и самых сильных ударов, породившим процесс распада нашей страны, который сейчас зашел так далеко, но боюсь, еще далеко не кончился. Нам, жителям распадающейся, идущей к катастрофе страны, тут праздновать нечего. Это не наш праздник, а праздник победителей и властей, служащих им.

Что же произошло, откуда взялось разделение на победителей и побежденных, когда и войны-то не было? Мне кажется, причина в том, что все мы – и не только наша страна, но и весь мир – стали жертвами колоссальной мистификации, может быть, величайшей мистификации человеческой истории – не только «мистификации века», но и «мистификации Истории». Нас всех убедили, мы поверили, что происходящее у нас в стране за последние несколько лет является – реформой, перестройкой, радикальными реформами. На самом же деле это был распад и разграбление страны. А от того, к какому типу явлений мы относим происходящее, очень зависит наше отношение к конкретным вопросам. На-

пример, продажа в частные руки большей части экономики оценивается по-одному, если мы верим, что речь идет об экономической реформе, и по-другому, если это – разрушение хозяйства и переход его в собственность иностранных компаний.

> *Не может быть такой реформы, которая проводится уже год или даже больше и приносит пока только разрушение экономики и катастрофическое падение жизненного уровня. Реформа должна иметь общую идею, но осуществление ее должно все время корректироваться ощутимыми результатами. То есть должна существовать обратная связь, позволяющая найти правильную реализацию общей идеи. Если же ее нет, то происходит попытка подчинить жизнь схоластической утопии, что возможно лишь насилием над жизнью. Это так знакомое нам утопическое мышление, когда Томас Мор, Карл Маркс или Фридрих Энгельс выдумывают абстрактную схему, а последователи подгоняют под нее неподатливую жизнь – и чем жизнь меньше поддается, тем круче приходится на нее давить. А ведь мы с вами – часть этой жизни.*

Так кто же те победители, праздник которых отмечен сегодня флагами, кто диктует действия, испытываемые на нас? Адрес нам сообщают часто. В то время, как решается судьба урожая, цены на горючее несколько раз повышаются, да еще каждый раз многократно; недавно предсказывалось еще одно повышение в 25 раз! Даже лондонская «Таймс» называет это безумием. Грабят деревню, которая могла бы обеспечить нам хоть полуголодное существование: это запланированный голод. Но так хочет Международный Валютный Фонд. Все у нас подорожало в десятки раз. Кроме основных фондов, они подорожали не более чем

в 2 раза: видимо, их надо держать дешевыми до массовой распродажи. Таково желание МВФ. У нас растет смертность, разваливается медицинское обеспечение, сотнями закрываются заводы, нас ожидает массовая безработица. Но МВФ настаивает, чтобы этот процесс шел побыстрее.

Международный Валютный Фонд – это, конечно, только вывеска. Речь идет о западной экономике и о традиции в истории Запада. Западный мир сам находится в смертельном кризисе. Он не сумел построить стабильную экономику, которая бы брала у Природы лишь столько, сколько та способна воспроизвести. С возрастающей скоростью западный мир исчерпывает ресурсы Земли и разрушает биосферу. Сейчас Запад существует за счет выжимания соков третьего мира. Но из него он выжимает последние капли. Если в этот пресс бросить богатейшую страну мира, то конец, окончательную расплату по векселям можно будет оттянуть на одно-два поколения.

Уже три века Запад рвется в Россию. В XVIII веке, после 30-летней войны, Швеция была сильнейшей военной державой Северо-Восточой Европы. Ее попытка покорения России закончилась под Полтавой. В XIX в. ту же попытку повторил Наполеон, в XX в. – Гитлер. История показала, что у Запада просто недостаточно сил для военной победы над Россией. И вдруг то, чего не удалось достигнуть кровопролитными войнами, само падает в руки – причем не погиб ни один американский солдат, не потрачена ни одна дорогая ракета.

Сейчас мы переживаем такую же Отечественную войну, как в 1812 г., – такое же «нашествие двунадесяти языков», войну за существование нашей страны. Это уже Третья Отечественная война. Но это стран-

ная война, где не происходят танковые сражения и не взрываются атомные бомбы. И мы умудрились не заметить этой войны, пока не проиграли несколько крупнейших сражений. Только сейчас мы начинаем осознавать смысл и масштаб происходящего. Я, например, заметил, что сегодня уже третий раз за полгода как я участвую в работе создаваемого движения, стоящего на государственных и патриотических позициях: РОС, Конгресс Гражданских и Патриотических Сил и сегодняшний съезд Русского Национального Собора. Это один из признаков того, как ширится понимание и собираются силы.

Движение, представители которого собрались здесь, – особенное. Хотя бы потому, что в его название входит слово «русский». Чтобы только произнести сейчас это слово, уже нужно мужество. Но это и возлагает тяжелую ответственность: вспомнив о русском народе, мы соприкасаемся с одной из самых болезненных проблем нашей страны. Всего несколько лет назад стали широко известны цифры, характеризующие трагедию русских, стоящих между жизнью и небытием: падение рождаемости, уровня жизни и образования, отсутствие медицинской помощи, гибель русской «неперспективной» деревни. Но даже если каким-то чудом удалось бы немного подкормить русских и создать им минимальные условия для жизни, это нас не спасло бы. Народ, особенно такой, как русский, не может существовать, не ощущая смысла своего бытия. Это ощущение черпается не только из чтения и писания статей, а – гораздо чаще – из самой жизни. А мы видим, что сейчас нас особенно изощренно пытаются лишить нашей истории, превратить ее в бессмыслицу, представить кровавым абсурдом. Таков был смысл

избиения ветеранов, собравшихся 23 февраля вспомнить павших в последней войне: память об этом великом подвиге надо было вычеркнуть из сознания народа. Таков смысл и недавнего чудовищного объявления санкций против Сербии. Ведь только для того, чтобы защитить Сербию, Россия вступила в Первую мировую войну. Решила бы Россия тогда предать Сербию – и не было бы для нас ни мировой войны, ни революции, ни коллективизации, ни перестройки, ни распада страны. А теперь Россия все-таки предает Сербию, превращая в бессмыслицу всю эту цепь трагедий. И то, что это действие произведено сразу после того, как с фанфарами отпразднована неделя славянского единства, придает ему характер сознательного глумления.

В сегодняшней Третьей Отечественной войне русский народ борется не только за территорию той страны, которую он 1000 лет строил вместе с другими народами, но и за саму идею этой страны – Великой России. Сколько сил было потрачено, чтобы запачкать эту идею, заставить ее стыдиться: появились «тюрьма народов», «русская колониальная империя», «последняя колониальная империя», дескать, последнее прибежище варварства на Земле. Россию можно назвать и империей – но совершенно уникальной. Многие века многие десятки народов жили в ней, не теряя своей национальной индивидуальности, развивая свою культуру и вместе создав новую цивилизацию. Например, многие народы, перечисленные в начале «Повести временных лет», прожив в этой «империи» века, может быть, 1000 лет, не только не утратили свою национальность, но недавно прокламировали суверенитет. Такая империя не имеет ничего общего с колониальными империями Британии, Испании или

Голландии. Единственный сопоставимый исторический феномен – это Римская империя.

В Третьей Отечественной войне, как и в предшествующих ей, начали с тяжелого отступления. Мы отступили от линии обороны по границе Советского Союза на границы Российской Федерации. Это крепкая позиция: громадная, богатейшая страна с преобладающим русским населением. Но ведь прочность позиции определяется не крепостью бастионов, а силой духа защитников. Может быть, нам не удастся удержаться и здесь, мы отступим дальше: на Юг или в Сибирь. Важно лишь усвоить принцип римлян: «Рим проигрывает сражения, но выигрывает войны». Первая Отечественная война продлилась $^1/_2$ года, Вторая – 4 года. Возможно, что Третья будет делом целого поколения. Но если мы не сдадимся духовно, то мы победим. Победим в том смысле, как это понимали наши предки в 1812 г.: «Ни одного вражеского солдата не должно остаться на нашей священной земле». В нашей ситуации это означает, что Великая Россия будет восстановлена. Не важно, в границах какого года, но будет восстановлена страна, являющаяся законной преемницей исторической традиции России. Каждый может понять этот путь, это задание по-своему. Один – как судьбу своих потомков, которые все равно не выживут, если нам суждено поражение: через 1 или 2 поколения они вымрут от радиации, вредных производств и голода. Другой – как долг перед предками, строившими нашу страну более 1000 лет, передававшими ее из рук одного поколения в руки следующего, пока она не дошла до нас. Третий – так, что Россия – один из замыслов Божиих о человечестве. Но как бы ее ни выражать, если мы не предадим в своих душах идею Великой России, то с нею, я думаю, мы спасемся.

СУДЬБА РОССИИ ЗАВИСИТ ОТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ УСИЛИЙ КАЖДОГО ИЗ НАС

– Игорь Ростиславович, в своей статье «Есть ли у России будущее?» Вы утверждаете, что «судьба России находится в наших руках, зависит от индивидуальных усилий каждого из нас». Много ли от нас зависит? Мы бедствуем, хором клянем новые власти, а они непоколебимо идут своим путем. Не преувеличиваете ли Вы наши возможности?

– Конечно, есть какие-то стихийные исторические силы, с которыми человеку приходится считаться. Но колоссально много зависит от каждого из нас. Я уверен: если человек решит жизни своей не пожалеть ради чего-то, то он может сделать очень много. У человека нет представления о данном ему запасе сил. Я встречался с людьми, которые делали что-то поразительное в той или иной области. И я видел: какую цель человек поставит, настолько его сил и хватает.

Люди могут и страшно много зла причинить. Революции, разрушения. В нашей стране это нередко приводило к катастрофическим последствиям, неожиданным для всех. Взять ту же перестройку. Как правило, все делается небольшой группой людей – энергичных, как бы вкладывающих в дело все силы, одержимых.

То же самое происходит и при защите страны. Появляются свои Минин и Пожарский. И это тоже всегда очень небольшое число лиц, которые оказывают на других огромное воздействие. Мой сравнительно недавний жизненный опыт подсказывает пример. Лет

5–7 назад нам угрожала страшная катастрофа. Вы, наверное, помните, был составлен план переброски рек. Европейские реки, впадающие в Белое море, и великие сибирские реки планировалось повернуть вспять. Европейские – в Волгу и Каспийское море, сибирские – в Среднюю Азию. Это грозило превращением Севера России в гниющую заболоченную местность, потерей центра российской государственности. А вода сибирских рек, пройдя через пустыню, могла оказаться засоленной и непригодной. Последствия – разрушительные. И, казалось, катастрофа неотвратима, потому что это решение было записано в Директивах XXVI съезда КПСС. На эту идею работали институты, сотни тысяч людей. И кто же в конце концов все повернул? Горстка людей. Самые известные из них – писатели Сергей Залыгин и Валентин Распутин. Фамилии многих так и остались неизвестными обществу. Ни на какие золотые доски они не занесены. Но эти люди отвели смертельную опасность от страны. Поэтому я верю – все в человеческих руках. Мы воспитаны на материалистическом представлении, что есть определенные законы истории, из которых человек выйти не может. Мне кажется, это чистый обман. История состоит из воли отдельных людей.

– Почему же эти отдельные воли не объединятся сейчас, когда нам грозит катастрофа, посерьезнее той, что была связана с переброской рек?

– Думаю, это происходит. Сегодняшнее состояние – это катастрофа не отдельных людей. Это катастрофа народа. И победит ее только народ как единое целое. У него, конечно, должны быть вожди, которые это единство выражают. Но в целом все должен сделать народ.

– Народ поднимается, но очень уж медленно, словно не верит в собственные силы.

– А что вы хотите, если силы, которые, собственно, и создают народ, искореняли самым жестоким образом. Расстрелами, лагерями в течение 70 лет. И более всего в том народе, который единственно и может спасти страну, – в русском народе. И до сих пор народ этот травят. Думают, какую бы кличку пообиднее подобрать: имперские амбиции, шовинизм.

Эта сила ослаблялась под действием каких-то идейных течений еще до революции. Ослабление было одной из причин того, что произошла революция. Была уничтожена масса механизмов, с помощью которых единство народа осуществлялось. Мне всегда на ум приходит религия. Причем не главная ее функция – обращение к Богу, а чисто побочная, социальная. Все-таки и самый богатый помещик, и самый бедный крестьянин ходили в одну и ту же церковь. Они одинаково крестились, одну и ту же молитву читали перед едой. Одинаково посты соблюдали. И вот это-то все оказалось враждебным. Гениальное словцо нашел Невзоров. Люди перестали чувствовать, что другие для них «наши». И мы действительно видим дикую вещь – в Прибалтике русские подвергаются страшным гонениям. Рассказы очевидцев и письма, которые я получаю, производят чудовищное впечатление. А в то же время другие русские этого не чувствуют.

– Так и само слово «наши» подвергли столь яростной атаке, что звучит оно сегодня как оскорбление, ярлык.

– Чувство единения исчезло. Исчезли пути, по которым это чувство распространялось, которыми оно как бы входило в жизнь, укреплялось в человеке. Но

мне кажется, сама катастрофа будет это чувство возрождать. Под ее влиянием люди будут все больше осознавать свое положение. Они сейчас с поразительной скоростью умнеют. Может быть, это трагедия России – она велика не только по территории, она в духовном смысле велика. У нее большая инерция. Поэтому ощущение смертельной опасности до нее доходит поздно. В русской истории это непрерывно встречалось. И в Смутное время и в Отечественную войну. Русские на пороге катастрофы осознавали размеры беды, собирались с силами...

– И давали недругам сокрушительный отпор. Хотелось бы верить в Вашу теорию. А вот Вы где-то сказали, что спасение возможно на единственном пути – через жертву. Как это понимать? По-моему, наш народ только и делает, что приносит себя в бесконечную жертву, а спасения что-то не видно.

– Если уж заглянуть совсем в историческую даль, то в христианской вере, как вы знаете, Бог принес себя в жертву. Дал себя распять. Этот образ повторяется в массе первобытных религий. Там обязательно есть божество, которое принесло себя в жертву, и с этого момента пошла какая-то новая история. Это общее, очень глубокое ощущение людьми того чувства, что даром ничего не дается, что за преодоление чего-то приходится платить чем-то существенным.

Когда человек готов на такую плату, у него появляются колоссальные силы. Это странное чувство: кажется, что жертва должна отталкивать, на самом же деле – это что-то вроде инстинкта самосохранения. Политики знают, как призыв к жертве действует на людей. Когда Черчилль стал премьер-министром, он произнес свою знаменитую речь. Я не обещаю вам скорой победы, ска-

зал он, я зову вас на жертву, я обещаю вам кровь, смерть и страдания, но мы спасем свою страну.

Когда появляется группа людей, которая ради спасения страны готова на жертву, и когда эта жертва воспринимается как нечто возвышенное, появляется та самая сила, которая в истории что-то совершает.

– Вы автор нашумевшей статьи «Русофобия». Наверное, Вам удалось глубже других проникнуть в суть этого явления. Вы готовы ответить на вопрос: почему любое проявление русского национального сознания рассматривается как великодержавный шовинизм?

– Атака на русский фактор идет колоссальным фронтом по всему миру, не минуя нашей страны. Это, я думаю, связано вот с чем. На Западе сложилась жесткая, своеобразная цивилизация такого западноевропейского типа. Она очень агрессивна и нетерпима. Цивилизации другого типа стремится захватить и переломить на свой лад. Она терпима внутри себя в каком-то пределе мнений, не разрушающих эту цивилизацию. И только. А параллельно существует громадная часть мира, очень активная, сильная, в том или ином виде в западную цивилизацию не включенная. И в первую очередь Россия, она всегда оказывалась другим не по зубам. Карты путала. Сейчас, когда западная цивилизация исчерпывает свои ресурсы, Россия – ее последний шанс, дающий возможность продержаться еще несколько десятилетий. С другой стороны, и внутри у нас имеются силы, которые стремятся оперировать нашей страной, быть ее хозяевами. Так сказать, строить жизнь по своей воле, своим принципам, привычкам и интересам, противоречащим традиционному мировоззрению этой страны. Для этих сил наличие единого русского чувства является препятствием номер один. Яркий пример тому – большевистская

партия, захватившая власть в 1917-м. Это была маленькая партия, вожди которой не раз заявляли: мы победили и мы будем править. А управлять страной, если в ней есть такое сильное чувство собственного единства, своих жизненных принципов, с которыми она не может расстаться, безумно трудно. Поэтому с самого начала и была взята за основу политика подавления русского народа как основного фактора. Потом последовало разделение по национальному признаку, когда формально дается право на максимальную независимость, но в виде декларации. Если бы провели эту декларацию в жизнь, государство тут же рассыпалось бы. Это государство, которое может существовать только при наличии диктатуры.

И сейчас активизировались именно те силы, которым необходимо, чтобы русское ядро выпадало. Это определенный слой в нашем обществе, который связан со спекулятивной экономикой, западными средствами массовой информации, западной идеологией и который хочет нашей страной править. А чтобы править, нужно чтобы мощного русского чувства не было. Ведь даже слабое чувство в виду мощи русского народа является серьезным фактором. Вот этот фактор и стремятся подавить.

– *В очерченном Вами слое есть русские?*

– Конечно. Это не кровью определяется. Во всяком случае, далеко не кровью.

– *После «Русофобии» Вас объявили величайшим грешником и зачислили в антисемиты. Но почему-то никто не вспоминает, что знаменитый поэт Андрей Белый в начале века писал почти о том же. Я имею в виду его статью «Штемпелеванная культура». Он задавался вопросом: «Кто стремится интернациональной куль-*

турой и модернистским искусством отделить плоть нации от ее духа?». И отвечал в унисон с Вами: «Это пришлые люди, обыкновенно оторванные от той нации, в недрах которой они живут».

– Я думаю, всегда положение было одно и то же. Был этот слой людей, который хотел властвовать над страной по своему произволу, не руководствуясь желаниями и традициями народа. И, конечно, он должен быть оторванным от этой страны. Но оторванным можно быть по-разному. В еврействе, например, есть такая традиция, которая связана с многовековой изоляцией, поэтому там легче появиться людям, не связанным с окружающим обществом. Их с детства учили: мы преследуемы, но мы высокоталантливы. Народ кругом серый, нам за наши таланты завидующий.

Такая идеология может возникнуть и в каком-то сословии, каком-то кружке интеллигенции. И даже Белый в своей статье не сводит все исключительно к еврейскому влиянию.

– Но в целом Вы согласны с ним?

– Этому и посвящена моя «Русофобия». Она вызвала бурю возражений именно потому, что я указывал на имеющийся в этой тенденции элемент, связанный с еврейской традицией. Но там же я говорил, что это не есть сведение всего к такой постановке вопроса. Вот, пожалуйста, пример. Одним из ярких идеологов этого направления в области культуры является А. Синявский – типичный русак с большой бородой. И корней вполне русских, а чего он только не написал о России. Чего стоят одни «Прогулки с Пушкиным».

– А чем Вы объясняете эти оскорбительные выпады? Бравадой? Сведением каких-то своих счетов?

Я спрашивала об этом Эдуарда Лимонова, который хорошо знает Синявского: он считает, что ничего страшного не произошло. Просто Синявский посмотрел на некоторые вещи с непривычной для нас стороны, и это вызвало шок.

– Это не точка зрения. Это идеология, причем очень соблазнительная. Когда люди начинают считать себя элитой, солью земли. Это идеология избранного народа, избранного класса, избранной партии и чего хотите.

– Вы, наверное, получили на свою «Русофобию» много откликов. Каких больше – положительных или отрицательных?

– Должен сказать, что письма идут до сих пор. Сначала встречались враждебные, а сейчас – только положительные.

– Вы считаете, эти вопросы нужно поднимать? Или в силу их известной деликатности лучше обходить молчанием?

– Мне кажется, сама реакция на статью показывает, что вопрос важный. Мы все время что-то замалчиваем. Замалчивали в свое время проблемы наркомании, экологии, и это всегда приводило к ухудшению. Поэтому единственный здоровый способ – обсуждать наболевшее. Я был поражен, когда один мой знакомый эмигрант, живущий в Америке, написал мне: «У нас это так же невозможно напечатать, как и у вас». Только тогда я понял, до чего эта проблема остра.

– Но все-таки впервые книгу опубликовали на Западе?

– Да, на русском языке. Есть итальянский и английский переводы. Сейчас готовится французский.

– Вы много внимания уделяли национальному вопросу. Я помню, в одной из статей, датированных 1974 годом, Вы писали: «В смутную эпоху классовая ненависть, вероятно, не сможет стать той спичкой, которая подожжет наш дом. Но национальная – вполне может». Вы оказались пророком. Тогда уж предскажите: можно ли вернуть национальные отношения в прежнее благополучное состояние?

– Начнем с того, что они в таком состоянии никогда не пребывали. Они были в подавленном состоянии. Может быть, в такое состояние их и можно вернуть, но не нужно. Вот до революции они, если не считать польского и еврейского вопросов, действительно не имели какой бы то ни было остроты.

– Уж не хотите ли Вы сказать, что царизм успешнее решал национальные вопросы?

– Какое же может быть сравнение? Конечно. Представьте себе: малочисленные народы Сибири за XIX век увеличили свою численность в 4 раза. А сейчас вымирают. И русские в том числе. Еще пример. Возьмите Нестора-летописца. В «Повести временных лет» он перечисляет народы, населявшие нашу землю в те древние времена. Они все существуют и сейчас, через тысячу лет, претендуют на суверенитет. В мире нет другого государства, которое бы с такой бережностью сохраняло национальные чувства народа.

– Был какой-то особый механизм?

– Трудно объяснить. Это складывалось веками. Я думаю, тут сыграли свою роль особый национальный характер русских, их способность уживаться с другими народами, отсутствие у них чувства превосходства.

– Но политика государства влияла как-то на эти процессы?

– Она здесь скорее всего не могла ничего поделать. Но она по крайней мере и не слишком мешала. Как раз в государственной политике случались ошибки и жестокости, которые приводили к восстаниям. Однако если сравнивать, например, с тем, как англичане переселялись в Америку, Австралию или Новую Зеландию, – все померкнет. В Тасмании вообще не осталось ни одного коренного жителя. Все население крупного острова исчезло полностью.

Конечно, русский эксперимент – дело очень трудное, тонкое, тут сложно разложить по полочкам – где же секрет? Но это одна из удач. И, может быть, из всего, чем русские могут гордиться, рядом с великой литературой можно поставить эксперимент в области национальной политики.

– Следовательно, большевикам не нужно было ничего изобретать. Перенести на новую почву старый опыт и все?

– Знаете, когда сегодня приходится говорить о большевизме, коммунизме, ощущение такое, что бьешь лежачего. Но история должна давать объективную картину. Я думаю, большевистская национальная политика была гениальной с точки зрения большевиков. Они пришли небольшой группой в чуждую им страну. Пришли на немецкие деньги. Сейчас опубликованы документы немецкого генерального штаба о том, что большевики получили от немцев 50 миллионов марок. Поэтому они создавали такую национальную политику, которая бы помогла им удержаться у власти.

– *Выберемся ли мы когда-нибудь из беды? Или нас так и будет носить от одного лихолетья к другому?*

– Мы стоим на грани... Видимо, крестьяне на треть сократят посевные площади. Можно посчитать, сколько мы недополучим зерна. Никакая зарубежная помощь тут не поможет. Она – как крупинка в море. Мы также стоим на пороге топливного кризиса. Зимой начнут вымерзать целые города. Надо как-то пережить этот год. Я удивляюсь многочисленным конгрессам, где обсуждается, как проводить реформы. Надо же, чтобы сохранились люди, которые будут эти реформы проводить.

Я не теряю надежды единственно из-за свойства русских людей мобилизовывать свои силы в последний момент. Я уже говорил: у нашего народа затягивается ощущение опасности. Зато, когда оно приходит, силы мобилизуются с колоссальной отдачей и жертвенностью.

– *Вы верите, что беда нас снова сплотит?*

– Я так себе представляю: беда – это учитель, у которого мы должны получить урок. Первый раз мы провалились на экзамене в 1917 г. Были оставлены на второй год. Сейчас сдаем экзамен второй раз.

– *Как Вы оцениваете то, что у нас называют переходом к рынку?*

– Это катастрофа. Конечно, хорошо вырваться из общества такого общего контроля, дать людям инициативу, а тем, кто хочет, – свою собственность. Все это прекрасно. Но то, что мы видим сейчас, производит впечатление чего-то безумного. Приватизация происходит в условиях огромной массы бумажных денег, которые скопились в руках людей, заработавших их либо преступлением, либо спекуляцией. Эти люди не могут стать Генри Фордами. У них совсем другая психология. Психология

подпольщиков и мафиози. Не нужно быть экономистом, чтобы видеть это. Сейчас открыты границы, и наше национальное богатство хлещет просто рекой. Наконец раздача этих богатств производится здесь – совершенно непонятно кому. В Москве прошел слух, что продан Ленинский проспект. Кто имеет право его продавать? Может, и меня уже продали. Не знаю.

– Игорь Ростиславович, судя по всему, у Вас немало претензий накопилось и к нашему брату – журналисту. В статье «Шестая монархия» Вы заметили, что плюрализм у нас соблюдается по известному рецепту паштета из рябчиков с добавлением конины: одна лошадь – один рябчик.

– То, что происходит сегодня, не вписывается даже в этот рецепт. Это ярчайший пример еще одного несчастья, которое случилось в стране. Средства массовой информации оказались в руках узкого слоя правителей, которые так же монопольно ими пользуются, как и в брежневские времена. Это все равно, что если бы какая-то небольшая политическая группа держала в своих руках власть над раздачей лекарств, выделяла бы их тем, кто ее поддерживает. Вот примерно и тут так. У нас любят тыкать носом в практику цивилизованных государств. Но как раз в этих государствах разработана система контроля. Там все партии должны быть равно представлены, скажем, на телевидении. Существует комитет в парламенте. То есть какая-то политика по поддержанию равновесия есть. А то, что у нас происходит, – это просто преступление с точки зрения добросовестной публицистики.

– Я в феврале была в Москве, когда состоялись эти два митинга – у Белого дома и на Манежной площади. По рассказам очевидцев, у Белого дома собралось

тысяч 17–20 сторонников Б. Н. Ельцина. На Манежной, по официальным милицейским данным, – 120 тысяч. Я была на том митинге и видела своими глазами море людей, скандирующих: «Ельцин – иуда». Прилетаю утром в Омск и слышу по радио: на Манежной собралась жалкая кучка красно-коричневых. Какая кучка? Какие красно-коричневые? Шел обманутый, преданный, обездоленный народ. Старики, молодежь, люди среднего возраста. Рядом со мной в колонне определял дорогу тросточкой совершенно слепой человек. Что он от хорошей жизни вышел на улицу? А вечером посмотрела, как это «мероприятие» отразило наше телевидение. В какой-то подворотне сняли кучку жмущихся к стенам людей. И сопроводили это все тем же истеричным криком об опасности красно-коричневого цвета.

– В Москве было несколько иначе. Митинг у Белого дома транслировался полностью. Мы имели возможность три часа лицезреть каждого оратора. А о том, что было на Манежной, телезрителям рассказали с ухмылочками. «Митинг с участием небезызвестного Анпилова» и т. д. Я уже не говорю о том, что накануне по телевидению выступили Заславский, еще кто-то, доказывая необходимость всем вместе идти к Белому дому.

– Но простой-то народ предпочел Манежную площадь...

– Да. Вопреки призывам. Но я вот о чем думаю. Ну хорошо, вы видели своими глазами, как это было на самом деле. Кто-то еще оказался в этот момент в Москве и сможет отличить правду от лжи. Но ведь у большинства людей в других городах будет совершенно превратное представление о происходящем. Вот это я и называю преступлением. Представьте себе эпидемию, во время которой антибиотики раздают по принципу: скажи, что

ты за Бориса Николаевича, – дадим, а нет... Вы хоть в Омске в своей газете напишите об этом побольше, чтобы компенсировать грандиозную ложь.

– У народа, по-моему, произошла переоценка ценностей. И сегодня он Ельцина клянет ничуть не меньше, чем раньше – Горбачева.

– Вы знаете, чего я боюсь? Бывает так: создается некое лицо, на котором концентрируются отрицательные эмоции. Его держат до поры до времени, а потом в последний момент списывают на него все грехи и выгоняют. Сейчас похоже, что Ельцин – это человек на заклание. И очень опасно, если на нем одном сконцентрируется вся ответственность за содеянное, а не на всем этом слое, его окружающем.

– Вы в свое время подробно проанализировали феномен нашей эмиграции. Если я не ошибаюсь, то и термин «эмигрантское отношение к жизни» принадлежит Вам?

– Эмиграция совершенно необязательно связана с самим актом эмиграции. Я видел многих людей, которые становились эмигрантами за несколько лет до выезда. Менялось отношение к жизни. Все, что происходило в стране, вызывало одно только отталкивание, презрение. Что здесь будет, их не волновало. По этому поводу лучше всего сказал Герцен: человек в своей стране может всю жизнь прожить эмигрантом.

– А у Вас не возникает чувства, что все это очень похоже на людей, стоящих сегодня у власти?

– В этом нет ничего удивительного. Если посмотреть, то лидеры «Демократической России», а раньше

межрегиональной депутатской группы – это же люди, которые непрерывно ездят за границу. Ну чего, спрашивается, ездить сейчас, в наших условиях? Но им платит наше государство, там платят. Хотя это противоречит всем выработанным на Западе правилам...

– Я прочитала все Ваши статьи, относящиеся к началу 70-х годов. Чтобы в 1973-м году публично назвать Сахарова «одной из самых светлых личностей в современном человечестве», нужна была немалая смелость. Ваши коллеги по Академии наук СССР в это же самое время квалифицировали действия Андрея Дмитриевича как «глубоко чуждые интересам прогрессивных людей». А Ваше заявление 1974 г. по поводу изгнания А. И. Солженицына я рассматриваю просто как призыв к неповиновению властям. На литературу, писали Вы, «сыплются удар за ударом уже которое десятилетие, от расстрела Гумилева до депортации Солженицына. И мы молчим и рождаем детей, которых воспитываем, чтобы и они молчали. Пора ужаснуться и опомниться!». Это сейчас у нас развелось множество храбрецов, весьма гораздых на запоздалую защиту, а тогда... Не боялись, что Вас постигнет участь тех, за кого Вы вступались?

– Во-первых, я к тому времени прожил довольно большую жизнь. Мне было за сорок. Что мне такое могло угрожать? Ну арест, лагерь... Знаете, когда я был молодым человеком, то любил путешествовать. Занимался альпинизмом, горным туризмом. Сплошь да рядом бывало: день, два под проливным дождем. Я представил, что тюрьму или лагерь можно рассматривать как затянувшееся горное путешествие. Ничего страшного. Тем более что и время было уже другое. Я не уверен, что меня хватило бы на такой протест

году в 1937-м. А тут пытки, избиения уже были исключены. Чего бояться?

– Но ведь Ваши коллеги чего-то боялись, коли подписали то печально знаменитое письмо с осуждением. И что же из любви к искусству мои коллеги по перу устроили ту массированную травлю и Сахарова, и Солженицына?

– А вот это показывает весь ужас того, насколько люди управляемы. Это, знаете ли, такая пластичность души. Никакого сопротивления. Причем нельзя сказать, что это последствия нашего воспитания. На Западе я наблюдал то же самое.

– Наверное, это все-таки природой в нас закладывается...

– По-видимому, да. А может, современное общество изобрело такой изощренный метод воздействия на человека, который поглощает его целиком?

– Тогда порадуемся, что есть люди, не поддающиеся этому воздействию. Спасибо.

Июнь 1992 г.
Беседу вела Г. Кускова.

РЕФОРМА ИЛИ КАТАСТРОФА?

(Выступление на встрече с общественностью 4 июня 1992 г. в Москве)

К какому типу экономической реформы можно отнести то, что с нами происходит? Мне кажется, что

сегодня происходит вообще не реформа, а катастрофа. Мы завалены разной информацией. Но самые простые, необходимые данные, которые нужно знать каждому человеку, – узнаешь с трудом из разных источников. Однако похоже, что посевная кампания закончена, а треть площадей не засеяна. И произведено совершенно фантастическое действие, наподобие выстрела в работающего человека, – поднятие цен на горючее как раз в момент посевной кампании, хотя, казалось бы, нужно было бы снизить их... Только дикий барин у Щедрина не понимал, что нельзя крестьянина ободрать до тех пор, пока он не посеет. Это все грозит нам потерей примерно половины урожая, а это, безусловно, массовый голод такого масштаба, что никакая помощь нам не поможет. Такое же напряженное положение с топливом – нас, по всей видимости, ожидает топливный кризис.

Но если даже отвлечься от конкретных цифр и данных и посмотреть на дело чисто логически, то ясно: не может быть такой реформы, при которой в течение года положение во всех областях только ухудшается. В Германии то, что было после войны, называлось немецким чудом, и чудом это было именно потому, что все происходило почти мгновенно. Положение начало улучшаться сразу же с момента начала реформ Эрхарда. Я помню людей возраста моих родителей, которые пережили такую же примерно вещь. Они пережили НЭП. Они употребляли то же слово «чудо». Они рассказывали, что при полной нищете военного коммунизма, при том, что деньги уже потеряли всякую цену, вдруг стали появляться лавочки, где можно было перешить старое платье, или купить обувь, или починить старую обувь, появились булочные... С другой стороны, я помню, прочитал в мемуарах Крупской, что самым тяжелым для старых большевиков было то, что

люди по городу шли и просто чавкали, ели хлеб, – для них это было невыносимо.

Это чудо, которое происходит, – есть результат любых более или менее правильных реформ. Реформа должна иметь результатом постоянное улучшение жизни, рост промышленности, экономическое выздоровление. Хозяйство нашей громадной страны столь сложная система, что никакое НИИ не способно рассчитать ее стратегию. Можно только выработать общую идею, осуществление которой должно непрерывно корректироваться жизнью. Эта корректировка и состоит в постоянном улучшении экономики – это «обратная связь». Без нее «реформа» превращается в осуществление Утопии – так нам знакомое.

У нас же происходит упадок экономики, и это, следовательно, не реформа, а распад, катастрофа. У нынешних реформаторов психология революционеров – «до основанья мы разрушим»... Большевики тоже верили: необходимо все уничтожить, а затем с нуля строить все заново. Многие нынешние реформаторы прямо по крови потомки большевиков, участников гражданской войны, либо академики, которые сделали карьеру на изучении экономики «научного социализма». Конечно, в этом крахе, который мы переживаем, действует целый клубок сил.

Прежде всего, криминальная экономика, которая совершенно вышла из-под контроля, и даже Попов говорит, что взятка есть некая форма социального контакта... Но каждая форма деятельности вырабатывает свою психологию человека. Человек, который привык обходить закон, общаться с убийцами и рэкетирами, ассимилироваться в здоровую экономику не может, это ему и невыгодно. Кроме того, то обстоятельство, что у нас уже год постоянно все ухудшается, вырабатывает определенный тип

людей. У Золя в одном романе описаны игроки на бирже двух типов: игроки на понижение и игроки на повышение. Сегодняшняя команда правительства – это игроки на понижение. Такие люди не способны будут действовать в позитивном направлении.

Вторая сила – партийные собственники. Они стремятся перевести свои привилегии, которыми они обладали ранее по должности, в личную собственность и стать богатыми предпринимателями и управленцами уже вполне легитимно. Не случайно, что нынешние власти – в основном все те же партийные функционеры.

Третья сила – это, конечно, Запад. Запад сам находится в катастрофическом положении, в состоянии экологического кризиса. Есть разные программы, например, Римского клуба, которые показывают, что западное производство в принципе самоубийственно. Они не могут стабилизировать производство, установить его на одном и том же уровне, а его нужно, наоборот, даже сейчас понижать. Такая попытка вызвала бы у них спад производства и жестокий кризис. Эта экономическая система построена на гонке, на все большей интенсификации производства, что приводит к истощению ископаемых и загрязнению всей Земли, воздуха и т. д. Запад стоит перед жестоким кризисом. Но есть наша страна, еще очень богатая ископаемыми и другими энергетическими ресурсами. И если индустриальное общество бросить на Россию, это, конечно, на какое-то время отдалит кризис. Они как бы продали душу черту, ввязавшись в стиль производства, который дает им комфортабельную жизнь, но за который придется в конце концов расплачиваться. Но конец можно отдалить. И это для них колоссальный стимул.

И, наконец, имеется еще один фактор, колоссальная историческая константа, вектор захвата Западом земель на Востоке. Западное общество не терпит рядом

с собой обществ другого типа, оно старается всюду навязывать свой стандарт. Западный принцип расширения государства коренным образом отличается от того, как расширялась Россия. Когда Россия расширялась, она не уничтожала коренные народы. В древнем нашем памятнике «Повесть временных лет» в разделе «Откуда есть пошла Русская земля» упоминается множество народов, существующих по сей день: мордва, черемисы (марийцы) и другие. В прошлом веке численность коренных народов Сибири увеличилась в четыре раза и примерно за это же время громадный народ американских индейцев (более одного миллиона) практически был европейцами уничтожен.

Эта же сила много раз пробовала поглотить Россию: шведы, Наполеон, Гитлер. Итог был всегда один: у Запада не хватает сил одолеть Россию. Не потому, что он слабее, а потому, что Россия способна нести большие жертвы. Сегодня вековая мечта Запада может сбыться.

Особенность ситуации состоит еще и в том, что власть сегодня действует так, как нужно действовать в режиме катастрофы, хотя она говорит, что проводит реформы. Власть с возмущением воспринимает любую оппозицию, митинги, демонстрации. Если уже пользоваться новым жаргоном, то в так называемых цивилизованных странах демонстрации являются обычной формой выражения социального протеста. Ельцин, его сторонники наклеивают ярлыки типа «красно-коричневые», то есть вызывают в сознании образ фашиста, конструируют образ врага. Я был поражен, когда в одной газете прочитал заявление Попова о том, что в случае массового недовольства можно использовать войска, авиацию, артиллерию. Я сначала не поверил и через газету нашел журналиста, который прокрутил мне магнитофонную запись. Конфронтационность вла-

сти показывает, что власть мыслит категориями гражданской войны, катастрофы.

Но катастрофа имеет и духовный характер, нацелена на изменение психологического уклада народа. Западный уклад основан на представлении о жесткой конкурентной борьбе, конкуренция – это экзаменатор. В России есть представление о справедливости. Эту психологию понимала даже большевистская власть. Она уверяла, что у нас справедливое общество. Сейчас же идет массовое давление, чтобы убедить нас, что справедливость – устаревшее понятие. Подавление устойчивого психологического фактора – очень страшное явление. В каком-то смысле геноцид, так как дело идет об уничтожении народа как народа. То есть какая-то часть населения сохранится, но это будет не тот народ, который создал нашу культуру, государство.

Есть два типа мышления. В сознании русского народа богатство не является злом само по себе, но представляет довольно опасное состояние, в котором человек должен быть всегда начеку – богатому всегда труднее душу свою сохранить. Это традиционная мораль, основанная на Православии.

Западное представление о конкуренции сложилось под влиянием протестантизма и, в частности, кальвинизма. Бог предопределил часть людей к избранию, часть – к погибели. Это произошло до сотворения мира, и никто не в силах этого изменить. Но человек может узнать, что он избран, по тому, что он является эффективным орудием Бога; то есть если он имеет успех в том деле, которым занимается, то это и означает, что он изначально избран и предопределен к спасению души.

И вот когда в нашей нищей стране, стране, где нищие старушки и магазины, где сюрреалистические

цены, мы видим по телевидению приемы, презентации, шикарные наряды, нас тем самым приучают – вот это правильно, это и есть новые хозяева, нечего роптать, нужно привыкать к этому. Это входит в противоречие с психологией русского человека, не только русского, но и, в широком смысле, российского. Изменить нас, наш уклад нельзя безболезненно – это будут люди с разрушенной психикой. Это опускание народа на дно, а может быть, и вымирание.

В результате меня могут спросить: «А что же, нам не нужны реформы?» Но у нас нет реформ, у нас есть катастрофа. И эту катастрофу нужно остановить, а не продолжать.

Только реформы с обратной связью, имеющие понимание в народе, каждый шаг которых приводит к улучшению, могут пойти. Конечно, остановка катастрофы будет сопровождаться какими-то срочными мерами самого примитивного характера. Распределение с помощью карточек не означает, скажем, отказа от частной собственности. Нужно обдумывать способы введения карточек, предусмотреть ночлежки, так как будет много бездомных, и тому подобное. Самой страшной проблемой будет голод и топливный кризис.

ЖИЗНЬ – ЭТО И ЕСТЬ УМЕНИЕ СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ

Наш политический обозреватель, доктор исторических наук, профессор Николай Васецкий представляет собеседника.

Во все времена, при любом общественном строе и правительстве более всего современниками и потомками ценилась в людях духовность, умение подняться

над бренностью бытия, охватить мыслью происходящее, постичь душою прошлое, чтобы суметь прорваться в грядущее. Редкий не приобретаемый упражнением дар. Это от Бога: либо он есть, либо его нет.

Мне повезло. Я, кажется, встретил такого одаренного человека. Математик с мировым именем, действительный член-корреспондент отечественной Академии наук, удивительно скромный и чуткий к Мысли (непременно с большой буквы) – Игорь Ростиславович Шафаревич. Чтобы сразу отмести чьи-либо подозрения, мол, журналистский прием – набивает цену своему собеседнику, сошлюсь на суждения о нем другого нашего соотечественника, также не один десяток лет привлекающего к себе внимание думающего человечества – А. И. Солженицына.

В горьком эссе-воспоминании «Бодался теленок с дубом» Солженицын пишет: **«Две тысячи у нас в России людей с мировой знаменитостью, и у многих она была куда шумней, чем у Шафаревича (математики витают на Земле в бледном малочислии), но граждански – все нули, по своей трусости, и от этого нуля всего с десяток взял да поднялся, взял – да вырос в дерево, и средь них Шафаревич».** И еще: **«Глыбность, основательность этого человека не только в фигуре, но и во всем жизненном образе, заметны были сразу, располагали»** (Новый мир, № 8, 1991, с. 69, 70).

Когда я сказал об этом Шафаревичу, тот, явно смутившись, ответил: «Да нет, что Вы, Николай Александрович. Не было такого. Давайте справимся с оригиналом...». Оказывается, было и есть. И не сказать об этом я просто не мог, как бы к моей «бестактности» ни отнесся сам Шафаревич.

– Тема нашего разговора «Россия и власть». Вы не являетесь по своей базовой специальности общество-

ведом. Но, может быть, и слава Богу, что именно от математики Вы перешли к обществоведению. Судя по Вашим публикациям, похоже, другой, более волновавшей бы Вас темы, чем указанная, нет. Практически все Вами написанное, а это не только «Социализм как явление мировой истории», «Русофобия», «Шестая монархия», «Две дороги – к одному обрыву», «Русофобия: десять лет спустя», но и многие другие публикации, составившие бы увесистый том, так или иначе разрабатывают именно тему России и власти. Что в русской истории волнует Вас более всего?

– Вопрос не из легких. Естественно, ответ может быть лишь весьма приблизительным. В русской истории произошло поразительное явление, какого не было в известной мне истории любой другой страны, нации, народности. Здесь слились в единый поток три колоссальные линии человеческого развития. Это прежде всего древнеславянские корни, восходящие к арийскому единству, те корни, из которых выросли и другие культуры, но в русской они сохранились куда более цельными и первозданными. Во-вторых, Православие. И в-третьих, влияние западной постренессансной культуры.

Благодаря этому триединству русская культура несет необычайный, особый характер красоты, который в других культурах вы не встретите. С одной стороны – влияние древних славянских земледельческих культов, идущих через деревню, деревенские празднества и быт. С другой – Православие, которое привилось на этих корнях. Я бы сравнил это с воплощением. Как по христианской вере Бог воплотился в человека, так христианство воплотилось в эту древнеславянскую культуру. И, наконец, влияние европейской цивилизации. Она была воспринята на Руси внутренним образом, по сути

по-своему переделана. Благодаря этому в русской культуре и психологии русского человека соединились: ощущение единства с Природой, с Космосом, идущее от древней земледельческой религии славян; принесенное Православием чувство близости к Богу, небесному свету, озаряющему мир, видимое в иконах Андрея Рублева и в «светлости» русской литературы (А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский) вплоть до наших дней; наконец, открытость к судьбе и личности индивидуального человека, усиленная влиянием Запада. Все это взятое вместе и служит для меня образом России.

– *Своего рода синтетический образ.*

– Синтез самых глубоких течений, которые были в человечестве. Дух России, то, чем она дышит, связан, конечно, и с ее колоссальными размерами, и с восприятием красоты русской природы. Это универсальное, космическое мировосприятие.

– *Вы сказали: крестьянские корни русской культуры. По-моему, очень точно. Но в период сплошной коллективизации в 30-е годы эти корни были вытоптаны. Как же уцелела русская культура? Я не думаю, что только за счет русского зарубежья.*

– Нет, конечно. При моей индивидуальной симпатии к некоторым представителям эмиграции я считаю, что она бессильна влиять на происходящее внутри России. Все, что реально происходит, происходит только благодаря ее саморазвитию. Корни русской культуры гораздо глубже, чем только те, какие оставались к 30-м годам. Они усваиваются людьми непредсказуемыми, наукой необъяснимыми путями. Вытаптывание в течение одного-двух поколений не в силах их уничтожить.

Видимо, в нас есть некий код, основа жизни. Собственно, жизнь – это и есть умение сохранить память. Это умение напрочь ускользает от рационального мышления.

– Но сколько бы мы ни рассуждали о прошлом, современности не миновать. Ситуация не только не стабилизируется, но становится хуже.

– Вы правы. Сейчас наша история, как мне кажется, обретает характер катастрофы... Распад уходит в глубь России. Наше состояние сопоставимо с Батыевым погромом в XIII в. Тогда Россия сжалась до крошечной части на ее северо-востоке, которая была теснима монголами, с другой стороны – немцами, шведами, Литвой. Ведь тогда действительно и появилось «Слово о погибели Русской земли» – таким виделось положение современникам.

– Тем не менее Россия воспряла. И в XIX в. после крестьянской реформы наметился стремительный рост производства.

– Быстрый рост народонаселения начался почти сразу после освобождения крестьян. Так, чисто биологически, страна отреагировала на это выдающееся событие нашей истории.

– За последующие два-три десятилетия доходы крестьян, рабочих, служащих в своей массе увеличились почти в 20 раз, государственный бюджет – в 3 раза. Протяженность железных дорог за двадцатилетие перед началом Первой мировой войны – в 2 раза. На Дальнем Востоке русские товары теснили японские и американские из-за большой дешевизны и лучшего качества. А сегодня наши горе-политики ведут речь о продаже японцам за бесценок Южных Курил. Это называется «новое

политическое мышление». Хотя любому здравомыслящему человеку понятно, что не может быть ничего нового в распродаже отечественных земель. Благо не ими наживались. Может, потому и цены им не знают?

Между тем при Александре III, которого в марксистской историографии иначе как «супостатом» и «реакционером» не называли, страна, не ведя ни одной внешней войны, вышла на передовые рубежи в мире. В стране сложилась могучая финансовая система, которая не снилась ни большевикам, ни их современным бедолагам-последователям. Прогнозы показывали, что в 30-е годы Россия могла стать доминирующей страной над всей Европой. Вот и разбирайся после этого, что такое «застой», а что «прогресс».

– Действительно, не просто.

– В «Заветных мыслях» Д. И. Менделеев отмечал, что сила страны определяется числом ее жителей. Чтобы страна считалась великой державой, прирост ее населения должен составлять ежегодно не менее двух процентов. К 50-м годам XX в. численность населения в нашей стране составила бы по расчетам ученого 350 миллионов. Сегодня нас всех 290 млн. Русских на 1 января 1913 г. было 135 миллионов. Сегодня – едва 150.

– В 1913 году к русским относили всех православных. То есть в названную цифру помимо русских входили украинцы и белорусы. Поэтому, мне кажется, эти подсчеты нуждаются в уточнении. Кроме того, процесс урбанизации, создания больших городов замедляет рост населения. Если бы оно росло в такой динамике, как до 1913 г., то был бы демографический кризис, который человечество вряд ли смогло бы преодолеть. Население растет, главным образом, в деревнях. Поэтому при сопоставлении с современностью расчеты Менделеева

следовало бы скорректировать. Но даже при любой их коррекции видно, какой удар обрушился на русских.

– *Что имеется в виду?*

– После Октябрьской революции для властей самая главная опасность была со стороны русского народа. Он был наиболее многочисленным, с сильно развитым чувством государственности. Словом, становой хребет всей страны. Чтобы ее контролировать небольшой группе лиц, необходимо было взнуздать именно русский народ. Не трудно понять, почему тогда главным (как, между прочим, и сегодня) оставался лозунг о том, что наибольшая угроза Советскому государству исходила от «великодержавного русского шовинизма».

– *Какой там шовинизм!*

– Вот именно. Опасностью считалось просто сохранение национального самосознания русских. Антирусский подход властей проявлялся буквально во всем – и к культуре, и чисто экономически.

Ленин не раз об этом говорил. В частности, уже будучи больным, направил на XII съезд партии свои соображения, что «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывалось в нации фактически». Это «возмещение» и осуществляется уже 70 лет.

– Тут я с Вами не совсем согласен. Вспомним хотя бы статью «О национальной гордости великороссов» к которым Ленин причислял и себя самого. Она

появилась в 1915 году в пору дикого разгула русофобии в Европе. Ленин защитил русских.

Не исключаю, что сегодня Ленин совсем иначе отнесся бы к русской нации. Но уверен – вряд ли он стал бы отстаивать развитие других наций за счет, а тем более в ущерб нации русской. О его соратниках, в частности Троцком, я бы этого не сказал.

– Я же не могу обнаружить никакого различия в позиции Ленина и его ближайших сотрудников: Троцкого, Зиновьева, Радека или Бухарина. В частности, у Ленина характеристики русских всегда презрительно-враждебны. *«Мы – люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того, как полудикие», «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы». «Русский умник – или еврей, или с примесью еврейской крови».*

Во время Первой мировой войны, унесшей миллионы русских жизней, Ленин писал, что истинный патриотизм – это желать поражения своему правительству, превратить мировую войну в беспощадную гражданскую, положить капитализму «конец с ужасом».

Вы называете статью «О национальной гордости великороссов». Но там Ленин говорит, собственно, о «революционной национальной гордости». И чем предлагает гордиться? Тем, что русские, как и другие нации, сумели создать революционный класс. И кем? – Радищевым, декабристами и народовольцами. Тут нет Пушкина, Ломоносова, Чайковского, Дмитрия Донского, не говоря уже о Сергии Радонежском. Сталин говорил, что русский великодержавный шовинизм – величайшая опасность. С ним солидаризировались Зиновьев, Бухарин, Яковлев...

– *Яковлев-Эпштейн?*

– Он самый. Бухарин говорил даже, что мы должны поставить себя, т. е. русских, в более низкое положение

в сравнении с другими нациями. Сталин же просто отчитывался, какие предприятия переводятся в Среднюю Азию, какие – в Закавказье. Эта была программа развития страны с длительной перспективой.

Он продолжается и поныне. Причем в отношении уже не «равноправных» членов бывшего Союза, а ставших суверенными, независимыми государств. Вот информационная телепрограмма не так давно сообщила, что на торговле с бывшими субъектами СССР до конца 1991 г. Россия потеряла около 50 миллиардов долларов. А ведь это фактически весь ее внешний долг.

– *Отчего же это происходит?*

– Во главе России стоит тот же самый слой функционеров, которые были воспитаны на указанной мной выше идеологии антирусскости. Для них она – естественный способ мышления и стиль деятельности.

Это отразилось на массе явлений. Если взять какой-то один элемент, характеризующий уровень развития, – скажем, охват населения медицинской помощью, то всегда найдется несколько наций, оказывающихся в наихудшем положении. И вот какой бы показатель ни взять, в этом «клубе неудачников» находятся русские...

– *Обращусь к В. И. Ключевскому. Он вывел одну закономерность, точнее две. Первая. До середины XIX в. внешнее территориальное расширение России шло обратно пропорционально развитию внутренней свободы ее народов. Политическое положение трудящихся классов устанавливается в обратно пропорциональном отношении к экономической производительности их труда. То есть этот труд становится тем менее свободным, чем более делается производительным. Историк проиллюстрировал это на многих примерах, в частности*

царствования Алексея Михайловича, Бориса Годунова, Смутного времени, а затем и Петра.

– Думаю, что замечание Ключевского вряд ли указывает на общий закон. Вы сами приводили факты о стремительном экономическом росте России после реформ Александра II – а ведь это было время освобождения.

Сейчас, безусловно, наш труд становится все менее производительным. По Ключевскому, это должно бы свидетельствовать о крайней нашей свободе. Но так ли мы свободны? Ведь свобода – это возможность сознательно влиять на свою будущность, выбирать ее. А этого мы сейчас лишены, как и раньше.

Разве через недавние выборы в различные властные структуры и Советы мы осуществили свои желания? Те, кого мы выбрали, ничего нам не говорили о безудержном росте цен, обнищании, распродаже экономики, о Сумгаите, Карабахе, о распаде страны. Хорошо бы опубликовать подборку их предвыборных программ!

Недавно группа дельцов из московской мэрии запродала большой район Москвы под «острова будущего» с переселением жителей за город. Нечто подобное было сделано в Санкт-Петербурге. От такой «приватизации» мы были свободны даже при Брежневе.

– Неужели свобода – это удовольствие читать или смотреть, как газеты или телевидение жестоко ругают власти? Но ведь такое удовольствие очень поверхностно, слишком дорого платить за него полным развалом страны.

– Тем не менее мне кажется, что вы затронули очень важный вопрос: как связать материальный труд общества с его духовным багажом – представлениями

о свободе, справедливости и проч.? Теперь, кажется, все яснее, что марксистская схема соотношения между ними: базис-надстройка – совершенно ложная. Скорее наоборот: общество будет устойчивым и труд в нем – хоть сколько-нибудь производительным, если вся жизнь опирается на некоторые принципы, идеологию, принимаемую всем народом. Эти принципы, как правило, не фиксируются в документах. Но именно жизнь в согласии с ними воспринимается как правильная, имеющая смысл. При их отсутствии труд приобретает характер бессмысленного, каторжного, от него стараются всеми силами уклониться.

– *Нечто похожее происходит с нами сейчас.*

– России навязываются совершенно не свойственные ей понятия и принципы. А ведь идеология народа создается веками и сменить ее по произволу невозможно. Никакие известные нам по русской классике литературные герои – тургеневский Кирсанов, толстовские Николай Ростов или Левин – никогда не смогли бы стать американскими бизнесменами, равно как солженицынский Иван Денисович или Матрена, беловский Иван Африканович или распутинская Настена.

– *В нас внедряют совершенно чуждую нам психологию.*

– Вызревшую в далеких местах, где-то в США или Англии. К тому же зревшую там в течение веков, имевшую совершенно другие корни и не связанную с нашим строем жизни. Это психология финансового, денежного, предпринимательского успеха как главного критерия оценки жизни. Кто богат, тот тем самым и прав. Кто беден, тот этого заслужил.

– Но такой склад мышления и мироощущения напрочь не приемлем для России. Во всяком случае, ее народного самосознания.

– Именно об этом я и толкую. Возьмите русские пословицы. О чем они говорят? От трудов праведных не наживешь палат каменных. Нужда научит Богу молиться. Бедность учит, богатство пучит. Нищий, что святой, нужды не боится. Бедность – дело святое.

С русской точки зрения, богатство, успех – не грешны сами по себе, но очень опасны как состояние человека, особенно его души. Бедность же, наоборот, может многому научить. Главный принцип, с которым надо, по русским представлениям, сверять жизнь, – это справедливость. Нас же теперь хотят переучить на обратное.

Это равносильно тому, как если бы убить человека, а затем оживить труп, сделав его чисто механическим существом.

– Причем обучают «новому» не только государственные «мужи», но и «девы».

– Да, это особенно интересно отметить в вашей газете, адресованной женщинам. Недавно Г. Старовойтова, советница президента, согласилась, что приватизация идет хищнически, на нечестные деньги. Но заявила, что, по ее мнению, это неизбежно. Тут же и указала, что возможным препятствием этому разграблению народного достояния могут оказаться «национальные традиции». Она же оставляет нам в качестве утешения надежду на то, что каждый будет иметь право на бесплатную миску горячего супа и кусок хлеба.

Советник мэра Москвы Пияшева, заявив о потребности радикального перехода к приватизации, отметила возможность возникновения трудных психологи-

ческих проблем. Скажем, богатому человеку придется решать вопрос, либо строить новый дом, либо покупать бриллианты.

– *Не отстает от прессы и телевидение.*

– Оно со вкусом и умело показывает банкеты, где столы ломятся от яств, про которые большинство людей и думать забыли. На таком банкете как-то одна дама прощебетала в телекамеру, что она не верит, будто кто-то в стране недоедает.

Я не допускаю, чтобы это были лишь проявления душевного огрубления, чтобы эти люди просто не чувствовали бестактности подобных заявлений в голодной и разрушающейся стране. Это именно внедрение новых жизненных принципов. Надо, чтобы простые люди уяснили, что хозяева жизни – те, у кого деньги, для кого проблема не в том, как прокормиться, а что купить – новый дом или очередные бриллианты.

– *Это отказ от основной психологии русских: жизнь должна быть справедливой.*

– Жизнь, конечно, никогда полностью не соответствует идеалу. Но без идеала, укорененного в душах большинства народа, она просто не может функционировать.

Этот идеал не смогли сломать и большевики. Они вынуждены были обманывать народ, уверяя, что их государство самое справедливое в мире.

– *Допустим, не все из большевиков были мерзавцы. Немало среди них и таких, кто следовал своему идеалу искренне, от души. Может, оттого их трагедия приобрела поистине шекспировский размах.*

– Под «большевиками» я подразумеваю не каждого члена ВКП(б) – КПСС, а ту власть, которая прави-

ла нами с 1917 г. По существу, правит и сейчас. А эта власть, провозгласив «землю – крестьянам», не только отняла у крестьян ту землю, что обещала дать, но и уничтожила само крестьянство – «раскрестьянила» деревню, погубила миллионы крестьян на Беломорканале и в северных ссылках, послала сотни тысяч в лагеря «за колоски» – сбор несжатых колосков на уже убранном поле, а под конец загубила и большую часть самой земли, когда-то обещанной крестьянам.

Но поразительно не это, а то, что власть большевистская все же пыталась эксплуатировать глубинное мировоззрение народа, стремление к справедливости. Теперь же в народ честно внедряется убеждение, что справедливость и вообще-то не нужна. Но, лишившись духовной основы жизни, народ не сможет и не захочет работать. С ним может произойти то, что уже произошло с американскими индейцами. Они не смогли включиться в образ жизни янки и попросту вымерли.

– *По-моему, и сегодня речь уже пошла на выживание.*

– Несомненно.

– *Мне представляется, что именно такая стремительная, бездумная капитализация страны и ее народов, как в начале XX в., так и сейчас, чревата катастрофами похлеще революционных. Кстати, три русских революции – 1905-го, февральская и октябрьская 1917-го – результат именно капитализации.*

– В какой-то мере согласен, хотя «капитализм» – очень расплывчатый термин.

– *Православных тогда мало волновало, что едят-пьют Романовы. Зато вытравление общинности, ду-*

ховных стимулов и средств жизни чрезвычайно задела крестьянина, рабочего, служащего. И совершенно не устроила их. Может, потому так легко и поверили большевикам, Ленину, что те говорили вроде бы о том же. Как в одном из бесчисленных фильмов 30-х годов разудалый матрос-революционер убеждал братву, что Ленин «нашенский в доску».

– И Запад, и либеральная русская интеллигенция говорили, что крестьянская жизнь с ее глубоко укоренившейся моралью, эстетикой, этическими представлениями должна быть сломана. Мое мнение о революции состоит в том, что большевистское течение как бы использовало ситуацию ломки национальной традиции и вызываемого ею в народе стресса. Но оно не освободило народ от этой ломки. Наоборот. Путем насилия большевики произвели ее особенно радикально.

– Теперь, похоже, пошли по второму кругу.

– Включения уже как работающей составной части в «мировое экономическое сообщество».

– И все-таки это еще не беспредел. Скорее всего случилось то, что неминуемо должно было случиться. Я имею в виду невозможность жить в соответствии с противоестественной и во многом искусственной, как всякая теория, идущая не от ума и практики, а от выдумки и желания немногих, схемой жизни, какой мы жили до сих пор. Назовите эту схему «социализмом», «переходным обществом» и как угодно еще. Эту невозможность показал и доказал наш выдающийся самобытный мыслитель, сидевший в 30-е годы по лагерям и чудом избежавший расправы, перебравшись за рубеж, И. Л. Солоневич в книге «Народная монархия».

Большевики не первые и не последние, кто хотел и еще захочет устроить действительность по априорно заданным параметрам. Аналогичная судьба постигла идеологов нового порядка в Германии. Не удаются попытки американским и западноевропейским космополитам расписать жизнь человечества по стандартам мондиализма, т. е. принципам надмирового правительства. Провал теории и практики «нового политического мышления» – тому порука.

Видимо, выход может быть только один – возврат к тому, от чего всячески хотели уйти все 70 лет – самобытному пути развития, опирающемся на национальные традиции. Ленин любил повторять, что социализм – это живое творчество масс. Вот этого творчества пока что не было и нет. Оно остается невостребованным, сколько бы нас ни убеждали в обратном.

– Сегодня всячески рекламируется идея о нашем освобождении от пут КПСС. Это не так. Мы не освободились от ее власти. Носителями идей и психологии КПСС являются нынешние власть имущие.

Это все представители высшей партийной номенклатуры. И пока Россия не избавится от этого наследия, она не сможет найти свой собственный путь – и даже начать его искать.

Я надеюсь на появление нового слоя политических и государственных деятелей. Тех, кто близок к практике, живет не абстракциями, вроде бывших идеологов КПСС и его генсека, а реальной жизнью, связан с ней тысячами нитей, кто национально-государственно способен мыслить и действовать. Пока не появится такой слой, пока не будет у него широкой поддержки, России не выпутаться из кризиса. Время убыстряется. Люди учатся на собственном опыте лучше, чем раньше их обучали в университетах марксизма-ленинизма.

– *Похоже, что так.*

– И наконец, с учетом профиля «Москвички». Я полагаю, что мнение о женщинах как слабом поле неверно. Да, может быть лишь отчасти, с точки зрения физической. Но нравственно, духовно женщины, по-моему, часто превосходят мужчин. Они способны на яркие действия, связанные с большой концентрацией воли и духовным подъемом.

Недавно, выступая на вечере, мой приятель сказал: не дай Бог, чтобы женщины занимались политикой. Заметьте, мол, 6 мужиков пытались убить Александра II. Ничего не получилось. Взялась за дело баба – Софья Перовская – и убила. А я подумал – кто же спас Францию? Жанна д'Арк. Кто поднял народ в Приднестровье? Женщины, причем в основном пожилые. Они сели на рельсы и тем освободили арестованных мужчин.

Возьмите мой собственный опыт диссидента. Мне надо было перепечатывать рукописи и прятать материалы для них от возможного обыска, добывать книги из-за границы и переправлять туда готовые рукописи. Конечно, мне помогали и мои друзья – мужчины. Но больше всего среди помогавших было женщин. И многие из них рисковали больше меня. Арест автора лишний раз привлекал внимание к его взглядам – тут власти могли решать так и эдак. А машинистка, перепечатывавшая рукописи, ничем не была защищена. Этот жертвенный элемент диссидентской структуры был чрезвычайно уязвим. Да и сейчас, в нашей пьяной, разрушающейся жизни ценой невероятных собственных жертв именно женщина чаще всего поддерживает семью.

Так что я глубоко уверен: как только женщины ощутят, что на их плечах лежит ответственность не только за семью, но и шире – государство, народ,

страну, они проявят присущую им страсть, веру в успех и жертвенность.

1992.

«ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО, ИЛИ РАВНОДУШИЕ...»

– Игорь Ростиславович, в нашей редакционной почте то и дело встречаются письма, в которых читатели интересуются Вашим мнением о тех или иных событиях. Вот и хочется начать беседу с того, что волнует, что больше всего тревожит. Недавно Вы побывали в Приднестровье. Такая поездка для Вас, человека академического, кабинетного труда, была, видимо, не случайной?..

– Да и по возрасту разъезжать мне уже не очень-то легко... Конечно, я поехал в Приднестровье не случайно, но и не предполагал, что пребывание там, возможность посмотреть своими глазами может так много дать.

Ситуация мне представляется так: страна наша больна, она распадается, распадается буквально на куски – это то, что называется «болезнью сепаратизма». Каковы же этому причины? Нам говорят, что была «тюрьма народов», так сказать, решетки разломали и пленники разбегаются. То есть, говоря другим языком, причины чисто национальные.

– Говорят даже о национально-освободительном движении...

– Легко показать, что это не так. Конечно, факторы национальные, безусловно, играют некоторую роль. Но ведь суверенитет провозгласила и Карельская республика, где русские составляют девять десятых на-

селения, и Хакасия, где хакасов 11 % населения, и даже толкуют об Иркутской республике. Значит, общая причина – не та. Это какая-то болезнь распада. Такое же страна переживала и в 1917 г. И вот Приднестровье, мне кажется, в нашем больном организме оказалось единственной здоровой точкой. Это выглядит парадоксально. На первый взгляд кажется, что это тот же самый процесс распада – от всего государства, от Союза, откололась Молдавия, превратилась в Молдову; от Молдовы откалывается Приднестровье. Но на самом деле смысл-то совсем другой: Приднестровье борется именно за то, чтобы не отрываться, хотя бы духовно, от этой большой страны. Общее настроение там: «Мы чувствуем себя жителями ну чего хотите – Союза, или империи, или Великой России, но мы хотим быть вот с этим громадным народом, мы не хотим, чтобы нас тянули от него в Румынию». И на этом чувстве у них какой-то невероятный духовный подъем, которого я не мог себе представить. Все они на улице говорят такие слова, которые привык слышать не от простого человека, а от какого-нибудь политического оратора. А это говорит просто официантка в столовой, наливая тебе суп в тарелку. Необычайный порыв жертвенности – у них ведь каждый день происходят похороны, хоронят молодых людей. И это не просто похороны. Все время через Днестр переправляются террористические отряды, которые или здесь убивают, пытают, или захватывают и перевозят на ту сторону, и после долгих переговоров иногда удается добыть тело в жутко изуродованном состоянии. Тем не менее там даже не чувствуется хотя бы оттенка того, что они могут сдаться.

С другой стороны, побывав там, видишь, что приднестровцы являются жертвой какой-то серии, какой-то цепи предательства, самый центр которого все-таки

находится, к сожалению, у нас в Москве. Ведь это же заранее продуманная была система: сначала как будто дипломатические переговоры в академическом стиле: решается, что каждая республика на базе Советской Армии может формировать свои воинские соединения. Но по отношению к Молдове это ведь уже происходило после того, как был расстрел в Дубоссарах, как русского юношу Диму Матюшина убили в Кишиневе только за то, что он говорил по-русски. После того как были демонстрации: «Русские чушки! Чемодан, вокзал, Россия». Когда Приднестровье объявило у себя мобилизацию и выяснился вот этот уровень сопротивления, 14-я армия была передана в юрисдикцию России. Что же произошло? Туда к ним приехали какие-то спецназовцы; всех офицеров и солдат заперли в казармах, держали их там под прицелом снайперов и заминировали все это вооружение, чтобы ни один автомат не попал в руки приднестровцев.

Но все же 14-я армия стоит там давно, уже десятки лет, офицеры переженились, их корни там. Они говорят: «В случае, если польется большая кровь, если будет танковая атака, мы разминируем все эти вооружения, мы будем защищать народ, да ведь тут наши семьи». Как же можно давать распоряжение о том, чтобы эту армию заменить, отвести ее в другие места, а туда послать воинскую часть, которая будет там совершенно чужой для всех, которая не сразу поймет, что там происходит, кто прав, кто виноват. Это все та же цепь предательства.

Мы были свидетелями, что там происходило после приезда Руцкого. Он говорил громкие слова: вы с нами, мы всегда будем с вами!

Фотографировался на фоне танка – памятника в честь победы над немецко-румынскими захватчиками. Это был восторг, эйфория – слезы, рыдания... И сразу же

после этого происходят переговоры, в которых приднестровцев даже не допускают участвовать, но зато в них участвует Румыния, единственное отношение которой к Приднестровью то, что она в течение четырех лет его оккупировала. Это для приднестровцев как удар в спину. Значит, все слова Руцкого в каком-то смысле были только прикрытием, для того чтобы на VI съезде российских депутатов эта тема не звучала так остро.

Вот такая страшная там ситуация. И в то же время она важна не просто потому, что Приднестровье – некое место, где совершается такая трагедия, но еще и потому, что это какое-то особенное место... Я уверен, история идет не равномерно, а какими-то всплесками; в какой-то исторический момент весы как бы начинают колебаться, и уже от нашего решения зависит повернуть события туда или сюда. И места такие бывают, где в данный момент концентрируется, может быть, решение. Вспомним, как было с Россией, когда происходили с ней такие же периоды смуты. Так, во время ордынского ига все силы России собирались на северо-востоке, в годы Смутного времени – на востоке, на Волге. А сейчас такое впечатление, что силы России концентрируются на юге, и прежде всего в Приднестровье. И Крым борется за свои права, не так пассивен, как все остальные. И казаки едут помогать Приднестровью. И появляется надежда, что вот там-то этот процесс болезни, который, кажется, ведет к неминуемой смерти, может повернуться и привести к излечению. А у нас реакция – или прямое предательство, или полное равнодушие. Ведь сколько всяких патриотических организаций, во главе которых стоят даже генералы. Сколько у нас патриотов, которые любят ходить в форме, поиграть мускулами, показать, какие они здоровые парни, а почему-то ни один из них не сражается в Приднестровье. Там в больницах кончились анестезирующие средства,

они не могут уже делать операции. Не хватает лекарств... Да мало ли чем можно помочь... А кроме того, конечно, у нас остается и давление на российское правительство, можно требовать признания независимой Приднестровской республики, прекращения переговоров без ее участия и исключения из них Румынии. Полное молчание здесь, в Москве, производит страшное впечатление; мы как бы упускаем шанс. Потом, может быть, пройдет десять лет, когда он еще появится. Вот что я вынес из приднестровских впечатлений: мы теряем, может быть, момент, когда мы могли бы начать выходить из кризиса.

– Вы говорите «мы» – как будто здесь действуют единомышленники. Но в том-то, видимо, и беда, что сейчас правящая верхушка и, скажем так, мы с Вами – совершенно разные полюса. Не будем сейчас охватывать весь политический спектр, но разница позиций очевидна. Как Вы оцениваете сегодняшнюю расстановку политических сил? И как Вы думаете, почему те или иные, казалось бы, ясные для всех вопросы – по тому же Приднестровью, по Крыму – превращаются в неразрешимые проблемы?

– Здесь, полагаю, две стороны. Одна та, о которой вы уже сказали: наша верхушка и мы – то есть правящие и народ – это две совершенно разные вещи. Когда я говорю «мы», то это – страна, распадающаяся страна, которая катится к хаосу, которая находится еще, может быть, только на первых стадиях его и которую ожидает Бог знает что, если ее в ближайшие дни, в ближайшие месяцы не спасти. Что касается верхушки, которая нами правит, то, к сожалению, это какой-то слой людей, которые исходят явно не из интересов нашей страны. Я не политолог, не берусь тут анализировать, но это же видно, что центр их интересов находится где-то вне «этой

страны» и советы они получают не от нас, а откуда-то из-за рубежа, и отчеты по телефону о любых переговорах немедленно даются туда.

Конечно, когда я говорю о спасении, то в значительной мере речь идет о спасении от них, от правящих, – нам каким-то образом нужно солидаризировать свои силы для того, чтобы спастись от этого управления людьми, которые на самом деле не заинтересованы в сохранении России. Заинтересованы ли они прямо в ее распаде или просто в каких-то экономических экспериментах: легкомысленные ли, злонамеренные ли это люди? Думаю, там, «наверху», люди разные, но есть и такие, которые сознательно ведут Россию к гибели, – это для меня совершенно несомненно.

Мы тоже безумно разрознены. Например, я уже говорил, что ситуация с Приднестровьем схожа с той, какая была при Минине и Пожарском. Где же сегодня тот князь Пожарский, где тот воин, который поедет в Приднестровье? Я уверен, что где-то в Приднестровье, в Крыму, вообще на юге он мог бы сейчас встретить своего Минина, найти те силы, которые его поддержали бы. Но таких героев что-то не видно. Тут уже мы не можем валить на то, что вот прошляпили, на выборах выбрали не того. В каком-то смысле тут каждый из нас должен подумать, что он может сделать – один больше, другой меньше. И кажется, в самые последние дни какие-то сдвиги наметились: начат сбор средств, медикаментов для Приднестровья, не забывает про него патриотическая печать, едут туда добровольцы, можно увидеть там сегодня и патриотически настроенных военных с генеральскими звездами.

– Но разногласия вокруг Приднестровья или вокруг Крыма перешли уже на межгосударственный

уровень, и общественные организации тут вряд ли что могут сделать.

– Нет, я думаю, все зависит от размеров той или иной общественной организации, от силы ее воздействия. Какой был межгосударственный уровень, когда Минин и Пожарский собирали свое ополчение? В Москве сидел польский царь, Новгород был оккупирован шведами... Тем не менее создалась национальная сила. И сейчас, кажется, начинается осознание того, что движется катастрофа, и это не есть какая-то личная, моя, твоя беда, а катастрофа каждого из нас: от нее не увернуться. Мы должны все вместе противостоять ей, иначе она обернется непоправимым несчастьем для нас, для наших детей, для внуков. Если спасительное патриотическое движение пойдет вширь, то любые аргументы дипломатического, юридического характера будут приведены в соответствие с тем, что есть.

– Вы же сами, Игорь Ростиславович, являетесь членом Центрального совета Российского народного собрания – той организации, которую возглавил народный депутат В. Аксючиц. Помню, с какой помпой все это проходило. Выступал тот же Руцкой. Но, честно говоря, кроме митинга, состоявшегося в апреле, перед началом работы VI съезда народных депутатов Российской Федерации, больше что-то не слышно и не видно этой организации. Да и других – тоже. С другой стороны, удивляет это странное стремление объявить ту или иную кампанию, объединяющую от силы сто человек, как «общенародную», «общероссийскую». Претензий на миллион, а дел-то на копейку.

– Да, организаций возникает очень много. Мне кажется, есть среди них такие, которые стараются делать что-то. Например, на последнем съезде. Оценивать их

еще рано. Что касается РНС, то я, собственно, просто выступил на конгрессе и даже не был в тот момент, когда происходило избрание совета.

– *Но Вы согласились войти в него?*

– Моего согласия никто не спрашивал. Я вообще решил для себя раз и навсегда, что я ни в каких политических организациях участвовать не буду, – настолько я к этому не способен, что от этого, как говорится, никакой пользы, кроме вреда. Но я им вполне сочувствую, я считаю, что и РНС, и РОС, и Русский Национальный Собор, и Дума, которая была избрана на Манежной площади, – все они имеют еще шанс что-то сделать.

– *Незадолго до конгресса, на котором Вы выступали, в «Литературной России» был опубликован материал под заголовком «Нам нужна великая идея». Суть этой публикации: разобщенность, разрозненность патриотических сил оттого, что нет какой-то большой, объединяющей всех идеи. Вы с этим согласны?*

– И да, и нет. Мне кажется, идея-то такая есть, но люди вокруг нее еще мало объединяются. Эта идея, по-моему, заключается в спасении страны. Это действительно великая идея, ведь страна – это не просто место обитания людей, где мы живем и на работу ходим, – она имеет тысячу лет письменной истории и, вероятно, тысячелетиями уходит корнями в глубь истории человечества; она впитала в себя глубочайшие течения – и арийскую мифологию, и древнеславянский эпос, и Православие, и европейское просвещение. Создана совершенно уникальная культура и совершенно особый тип человека и человеческих отношений – в морали, нравственности. Это колоссальная ценность для всего человечества – она составляет нечто уникальное, дру-

гого такого нет. Она – ценность для каждого из нас, потому что за исключением ничтожного меньшинства все мы такими выросли в этой духовной среде, только в ней и можем жить. Да, при всех зверствах, которые над ней производились, основные компоненты все-таки остались, и мы как рыба, которая может жить только в этой воде. Все это вместе и дает основание поставить сохранение этой страны как великую, центральную задачу. И для меня люди сейчас и делятся на два лагеря: одни – для которых эта страна стоит на первом месте, и другие – которые себя с этой страной не считают связанными; может быть, они ее или просто ненавидят по какой-нибудь причине, или равнодушны к ней. Но есть, мне кажется, грандиозная часть людей, которые могли бы объединиться вот на этом: нужно сейчас отбросить все свои другие пристрастия, политические, экономические убеждения, соединиться на том, что на первом месте стоит спасение страны, что речь идет о ее жизни и смерти, а уже на втором месте – какие у тебя взгляды: коммунистические, монархические, демократические, патриотические...

– Честно сказать, не представляю, как можно спасать страну, отказавшись от каких-то своих политических убеждений. Ведь это и есть воззрения человека на то, как ему действовать в данной ситуации и как ему спасать-то Отечество. Коммунист видит один путь, монархист – другой, демократ, в нынешнем понимании этого слова, – третий... В этом-то, думается, и проблема. Послушаешь – вроде бы все за спасение России, а на деле каждый тянет в свою сторону, как лебедь, рак и щука.

– Я опять обращаюсь к аналогии со Смутным временем. Тогда одни стояли за Шуйского, другие – за Вла-

дислава, третьи – за «Тушинского вора». Но Минин и Пожарский выступили не за «своего» царя, а за спасение России. А потом уже, когда верх взяли силы в основном конструктивные, удалось договориться и по поводу царя. И сейчас можно сказать так: давайте нашу страну спасать! Что ей угрожает? Например: голод. Значит, будем бороться за урожай этого года и смотреть, какие конкретные задачи нужно в первую очередь решить. Скажем, снабдить деревню горючим для тракторов. Это ж не зависит от того, монархист я или ленинист. А вот если я стою на такой точке зрения, что я буду за то, чтобы восторжествовали идеи Ленина или там идеи свободного рынка, чтобы потом ни произошло с этим урожаем, – вот такой человек для нашего союза не подходит.

– Мне кажется, Ваше имя, Игорь Ростиславович, на многих власть имущих действует, как красная тряпка на быка. Ваша концепция «малого народа», выдвинутая и развитая в «Русофобии», попадает в «десятку», в самое «яблочко».

– Главное, она, к моему сожалению, все больше подтверждается. Я хотел бы оказаться неправым в этой ситуации, но мы видим, что, действительно, у власти находятся люди, которые «этой страной» оперируют как чем-то совершенно им чужим, так, будто это не живое, а какой-то механизм, который можно развинтить, свинтить по-другому, какую-то часть вынуть, привинтить что-то новое...

– Если уж прямо говорить, то и «еврейский фактор» дает тут о себе знать. Только слепому не видно, кто двигает рычагами российской политики, реально определяет ход экономических реформ. Опять мы сталкиваемся с ситуацией, хорошо известной нам по нашей

истории. Опять мы имеем дело с монолитной, многоопытной в манипулировании общественным сознанием кастой властителей. Поневоле порой возникает отчаяние: неужели наша судьба, судьба русских, быть в кабале у «малого народа»?!

– К обозначенному «еврейском фактору» я хочу сделать такое замечание. Действительно, опять появилось большое количество влиятельных людей, выходцев из еврейской среды, продолжающих старую традицию: с одной стороны, отношение к «этой стране» как к чему-то чужому, мало симпатичному, а с другой – очень решительное воздействие на нее. Но при этом я все яснее вижу, что ни в коей мере этих властолюбцев нельзя считать представителями еврейского народа. Это отнюдь не еврейские патриоты, не те, кто особенно болеет за свой еврейский народ. Например, какой здесь у нас стоит невероятный крик относительно антисемитизма! Кажется, что люди так этим больны, что у них, как говорят, все тело превратилось в одно большое сердце – к какой точке не прикоснись, оно болит. Был какой-то пошлый скандал в ЦДЛ, почти что на уровне ресторанной склоки. Чего только об этом не было! И газеты писали, и телевидение гудело целый год. А вот там, в Приднестровье, в Кишиневе, были митинги, на которых лозунги были такие: «Утопим русских в еврейской крови!». Я еще в Москве слышал о них, но думал: может, это, как бывает, мифы создаются. Начал там расспрашивать. И встретил людей, которые мне говорили: «Да, я сам видел такой лозунг. Еще и другой: “Евреев – в Днестр, русских – за Днестр!”». И хоть бы один человек здесь, в столице России, выступил с протестом против этого, назвал бы это антисемитизмом! Это ж действительно уже не скандал в ЦДЛ. Это ужасно, это призыв к кровопролитию, массовым убийствам.

Но, как видно, когда речь идет о расчленении и распаде страны, то оказывается, что самые кровожадные призывы можно простить. То есть реального страха за будущность еврейских масс тут абсолютно нет. Лозунг антисемитизма воспринимается просто как «рабочий лозунг» в партийной борьбе.

– Тем не менее Ваши оппоненты не унимаются. В конце апреля в «Независимой газете» появилось «Открытое письмо И. Р. Шафаревичу». Подписали его, как явствует из редакционного комментария, более 450 американских математиков, в том числе бывшие и нынешние президенты Американского математического общества, 14 членов Национальной академии наук США. Начинается это послание так: «Мы удручены многочисленными антисемитскими высказываниями в Вашей книге "Русофобия" и в Ваших публичных заявлениях по поводу текущей политической ситуации...» Письмо это, как было уточнено, получено от Ирвина Кра, декана физических и математических наук университета штата Нью-Йорк. Вы сами получили этот текст?

– Я надеюсь, вы меня не подозреваете в том, что я читаю «Независимую газету», поэтому, что там написано, я знать не могу. Но почти год назад я получил письмо, подписанное примерно 160 американскими математиками, в котором встречаются некоторые фразы из тех, что вы привели. Возможно, это тот же текст. К письму, которое я получил, была приложена, как у нас говорят, «сопроводиловка», где указывалось, что авторы собираются опубликовать его в западных и советских изданиях. Поскольку это американские математики, я ждал, когда оно будет опубликовано где-то на Западе, чтобы там же им и ответить. Не отвечать же через «Независимую газету». Но до сих пор я этого

не нашел в известных мне журналах. Как только найду, я им, конечно, подробно отвечу.

Письмо же это произвело на меня тяжелое впечатление. Но вот вам, пожалуйста, другое письмо, которое я получил в середине 70-х, – оно коротенькое. «Мы, нижеподписавшиеся математики, присутствующие на годичном собрании Американского математического общества в Сан-Франциско, шлем Вам выражение своего восхищения и уважения. Не только Ваш большой вклад в математику, но и Ваша стойкая, мужественная защита прав всех искать и высказывать истину заставляет нас гордиться тем, что мы являемся Вашими коллегами». Как видите, здесь – раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь страниц убористым шрифтом одних подписей. Таких писем я получил тогда много.

– Интересно, нет ли под этим восторженным письмом и подписей тех, кто «отметился» под посланием, попавшим в «Независимую газету»?

– Наверно, есть... Как видите, математиков, подписавших это письмо, теперь отнюдь не восхищают мои попытки искать истину. Видимо, на Западе существуют свои «табуированные» области, и в них поиски истины не поощряются. Так велико ли здесь отличие от нашего общества «застойного» времени? Ведь о многих вопросах – например, о неравноправном положении негров в США – и у нас тогда можно было писать совершенно свободно.

– Обратимся к другой теме. В нашей газете ведется дискуссия по поводу идейных разногласий в патриотическом движении. Так, в 20-м номере «ЛР» со статьей выступил хорошо знакомый вам Михаил Федорович Антонов. В частности, он пишет: «Академик

И. Р. Шафаревич – один из крупнейших ученых и мыслителей мира конца XX в., но могут ли принять его понимание социализма как стремление к смерти миллионы наших соотечественников, отдавших делу построения светлого будущего лучшие годы своей жизни, да и до сих пор верящих в этот идеал?». По мнению М. Антонова, статья томского профессора В. Чешева при всех ее недостатках перевесит «целую гору страстной и стилистически прекрасной патриотической публицистики». Далее он цитирует В. Чешева: «Патриотические силы, впавшие в голый антикоммунизм, обречены. У них нет и не может быть никакой практически пригодной социальной программы, им некуда звать народ». Впрочем, Вы и сами все это читали...

– Я совершенно не понимаю, почему, отказавшись от коммунизма, будет некуда «звать народ»? Наша страна не раз проходила через тяжелые кризисы – во время ордынского ига, в Смутное время, во время войн Петра или во время нашествия Наполеона – и находила же силы все эти неимоверные трудности преодолеть, хотя К. Маркс тогда еще не родился и идеями коммунизма наши предки не вдохновлялись. Да и за семьдесят пять послереволюционных лет народ наш совершил много героического, создал много прекрасного – но разве на основе коммунистических идеалов? Можно ли считать, что в Великую Отечественную войну народ воевал за коммунизм? Тогда надо считать, что и в Отечественную войну 1812 г. он воевал... за крепостное право? Нет же, конечно. В обоих случаях был жертвенный порыв патриотизма. За эти же годы возникло прекрасное искусство – но разве оно было коммунистическим? Есенин, Замятин, Булгаков, Ахматова, Солженицын, Астафьев, Белов, Распутин – кого туда зачислишь? И «Тихий Дон» не по-

дойдет. В музыке Шостаковича видится Апокалипсис, который вершился тогда на нашей земле.

С другой стороны, коммунизм в нашей истории прочно связан с теми явлениями, о которых теперь все знают. И прежде всего с тем, о чем говорят меньше всего и что оказало, быть может, самое разрушительное воздействие, – с жесточайшими преследованиями религии, не прекращавшимися попытками уничтожить ее. Поэтому, независимо от моей принципиальной оценки коммунизма, даже чисто прагматически если бы патриотическое движение написало на своих знаменах коммунистические лозунги, оно безнадежно бы проиграло. И, кстати, в Приднестровье патриотические силы одержали верх в значительной мере благодаря тому, что быстро переболели болезнью коммунистической фразеологии, да и аппаратчиков от руководства оттеснили. В остальной же России эта болезнь затянулась и дала в руки противников патриотического движения очень действенное оружие: утверждение, что «патриот = коммунист». А статьи вроде тех, о которых вы упомянули, это утверждение подкрепляют.

Я думаю, что те, кто говорит сейчас о «социалистическом идеале», в большинстве случаев подразумевают вовсе не коммунизм, не классовую борьбу или диктатуру пролетариата, а желание, чтобы справедливость не приносилась в жертву рынку, требование социальной защищенности и так далее. Так почему же не пользоваться старым и понятным словом «справедливость»?

– По-моему, споры о «преимуществах социализма» или капитализма сейчас уже отошли. Копья ломаются по поводу вполне конкретных трудностей. В то же время на «красных» митингах мы слышим страстные речи в защиту гэкачепистов – они стали как бы олице-

творением социалистического строя, того могущества, каким отличался бывший СССР; олицетворением всего того, что разрушено «брестскими соглашениями». Ваше отношение к узникам «Матросской тишины»?

– Мне кажется, что действительно очевидна широкая симпатия к узникам «Матросской тишины», а вот причины ее не так очевидны. Тут даже напрашивается строго логическое заключение: дескать, раз теперешние правители держат в тюрьме этих людей, значит, что-то хорошее в них есть. Даже и по своим знакомым знаю, что далеко не все им сочувствующие видят в них «олицетворение социалистического строя», как вы говорите, хотя, конечно, есть и такие. Тут играет роль и возмущение несправедливостью: ведь были в одной команде с Горбачевым, делали одно дело, а теперь – ему дают иностранные премии, он разъезжает по свету, получая, как пишут газеты, по 300 000 долларов за выступление; они же в тюрьме. Есть и смутное ощущение, что «путч» был попыткой предотвратить теперешний развал и катастрофу.

Хотя многие из этих чувств можно понять, однако меня беспокоит та форма, которую они постепенно принимают. Протест против несправедливости, сочувствие ее жертвам перерастает в провозглашение их народными героями, как бы нашим истинным правительством. Но нельзя же забывать, что большинство из них были ближайшими сотрудниками Горбачева, которых он продвигал, преодолевая часто большое сопротивление, например, в Верховном Совете.

Все современные болезненные процессы начались, когда именно эти люди стояли на верхах власти. Ведь это были, казалось бы, мужчины – некоторые и военные. Но они не подумали о том, чтобы уйти в отставку, обратиться к народу. Партийная или клановая дисциплина оказалась сильнее. Поэтому они полностью раз-

деляют с Горбачевым ответственность за происшедшее. Да ведь и «путч» остается до сих пор загадкой: истинное распределение ролей – Ельцина ли, Горбачева или Крючкова – мы, может быть, никогда не узнаем. И, наконец, если кто-то из них и «попал как кур в ощип», то это не оправдывает возведения его на пьедестал народного героя, тем более возможного вождя.

Мы уже пострадали, дав увлечь себя в политике русскому чувству жалостливости или «слабосердости», о котором писал еще Достоевский. Ведь подавляющая часть тех, кто сейчас так клянет Ельцина, сами избрали его именно под влиянием таких эмоций. Я и сам голосовал за него в первый раз – на выборах народных депутатов СССР – именно из чувства раздражения: что его так грубо оттолкнули за его столь робкий «неконформизм», в котором он, правда, сразу же и раскаялся. Мне кажется, единственное утешение в том, как катастрофически неудачен был наш политический опыт последних лет, заключается в надежде, что мы наконец-то извлечем из него уроки. И, в частности, приобретем нелегкое умение облекать доверием политических деятелей не под влиянием эмоций, а на основе того, что им уже реально удалось сделать.

1992.

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

(Отрывок)

– Сейчас есть течение людей, которых можно было бы назвать государственниками. Как Вы его оцениваете? Ну, хотя бы то, что, если монархия остается идеалом, сейчас могло бы многих устроить – идея государственности.

– Я думаю, что сейчас мы живем в состоянии катастрофы, когда страна находится на грани гибели, безвозвратной гибели. И идея государственности имеет сейчас совсем другой смысл, чем в другие, более благоприятные периоды. Это просто идея спасения, на которой могут объединиться люди любых взглядов: демократы, монархисты или коммунисты. Все те, кто любят эту страну и считают, что в их иерархии ценностей существование ее стоит выше других ценностей – политических или идеологических. В этом смысле я думаю, государственниками является большинство народа, более или менее осознанно. Только люди часто неправильно друг друга понимают, говорят на разных языках – хотя в принципе одно и то же.

– Игорь Ростиславович! Мне, честно говоря, както удивительно слышать, как Вы говорите сейчас о едином союзе, даже с коммунистами. Вы ведь известны всему миру как автор работ совершенно непримиримых. Вот Антонов, недавно я читал, говорит, что он совершенно не согласен с Вашей формулой, что социализм – стремление к смерти и т. д. И вдруг Вы как бы в одних рядах с «красными» – так, условно говоря, используя уже сложившиеся штампы. Как Вы это объясните мне и нашим телезрителям?

– Вы знаете, это вопрос очень важный для всей страны, гораздо более глубокий, чем вопрос моей личной позиции. Но мне легче начать именно с личной точки зрения. Я остаюсь на прежней точке зрения: я считаю, что социализм, коммунизм, марксизм-ленинизм – это есть болезненная линия развития общества. Если общество – организм, то это какая-то тяжелейшая болезнь вроде рака или шизофрении. И общество, которое попадает во власть этой болезни, оно обыкновенно претер-

певает страшную катастрофу, стоит на грани смерти. Это мы сами испытали и это проверено множество раз. Это научный факт, если угодно. Это было у нас. И почти в то же время, как у нас началась революция, очень похожее происходило в коммунистической Венгрии, хотя и на маленьком промежутке времени. Потом культурная революция в Китае, Куба, Вьетнам – где хотите. Уже после того, как я написал эту книгу, подоспело еще одно подтверждение: три года коммунистической власти красных кхмеров в Камбодже. Эта страна была превращена в бойню – из взрослых мужчин уцелело меньше половины.

И надо сказать, что всегда, во всех вариантах инструментом являлась партия. Коммунистическое правление никогда не существовало без коммунистической партии. И все эти ужасные для нашей страны явления, конечно, дело рук партии. Начиная с самого начала, когда во время Первой мировой войны народ нес миллионные жертвы, а она работала на поражение своего правительства и, получив на это более 50 миллионов золотом от немецкого генерального штаба, этим обеспечила себе захват власти. Или последнее ее преступление, которое мы все на себе испытали, – преступление под кодовым названием «Перестройка». Когда всеобщее стремление народа к обновлению жизни удалось столкнуть в развал, раздробление, разграбление и, дай Бог, если не гибель страны. Ведь это точно тот же почерк, как в свое время с лозунгом «земля крестьянам»! Это же все решалось партией, на 27-м съезде, 28-м, да еще была партийная конференция и непрерывные пленумы ЦК, и варилась эта кухня в кабинетах на Старой площади – ведь там все разрабатывалось.

Хорошо, это одна сторона. Но если высказана только одна сторона – это будет ложь. Есть еще другая сто-

рона, без которой истины не может быть. Другая сторона заключается в том, что партия, в максимуме своем, вместе с кандидатами, составляла чуть ли не 20 миллионов. Так неужели эти 20 миллионов были людьми, которые не любили свой народ, готовы были приносить его в жертву каким-то своим корыстным интересам. Это где-то на верху так было. Не говоря о том, что в партии были такие чистые люди, которые могли бы быть примером для каждого из нас, – вроде Шукшина. И ничего они не имели от того, что были членами партии. Да и сейчас, когда люди ходят с красными флагами и портретами Ленина, то среди них многие никогда в партии не состояли. Я получаю такие письма: «В партии я никогда не был, но хожу на митинги Трудовой Москвы...».

Причина, по-моему, вот в чем: все мы, сейчас живущие, воспитаны при коммунистическом режиме и, кроме идеологии, восприняли от него некоторые термины, обороты, символы, т. е. язык, на котором выражаем свои мысли. И от этого языка труднее отвыкнуть, чем от самой сущности идеологии. И люди этим языком говорят что-то совсем другое. Ну какие они ленинцы (за ничтожным, может быть, исключением)? Разве они стоят на точке зрения Ленина, что во время войны великорусский патриотизм заключается в том, чтобы работать на поражение своего правительства? Неужели они за мировую революцию? Или за диктатуру пролетариата? Или за то, чтобы вернуться к тому времени, когда у колхозника не было паспорта и он не мог уехать из своей деревни, а рабочий не мог по своему желанию поменять работу и за опоздание на 20 минут на работу полагался лагерь? Да ничто это им в голову не приходит! Что они хотят сказать? Красный флаг для них – это флаг страны, где они родились и под которым воевали или был убит отец. Этот красный флаг для них означает, что развал страны

для них – личная трагедия, чем больше страна раздробится, тем страшнее будущее каждого осколка и каждого отдельного человека. А когда они говорят о «социалистическом идеале», то хотят сказать о минимальной социальной защищенности, о социальной справедливости. И мне кажется, что наша задача сейчас заключается в том, чтобы найти общий язык, на котором мы все могли бы точнее сформулировать, чего же мы хотим от жизни, каковы наши цели? И это, я уверен, окажется сейчас общим и у тех, кто называет себя антикоммунистами, и у тех, кто ходит под красными флагами и с портретами Ленина. И вот это, я думаю, было бы настоящим окончанием гражданской войны и революции. В общем деле спасения России можно было бы изжить яд гражданской войны, который все еще бродит по нашим жилам.

– Вы знаете, а я вот слышал такое мнение, оно достаточно резкое, именно от молодых политиков. Оно как бы адресовано отчасти Вам, но и типично. Ну что, дескать, Шафаревич, он принадлежит к поколению, как Вы сами выразились, «мы все были воспитаны под коммунистическим влиянием», значит, он принадлежит к этому поколению. А за нами будущее, мы не хотим с коммунистами иметь ничего общего, мы молоды и будущее будет за нами. А им ничего и не остается, как сотрудничать с теми, кто считает сейчас себя красными. Они считают, что у коммунистов не было другой лексики. И массы не делают политику. Политику делают те, кто руководит массами. А они воспользуются этим для того, чтобы снова кристаллизовать тот режим, который уже был.

– Я понимаю. Ну, во-первых, эти люди, которые так говорят, они обычно говорят: «я – антикоммунист, я за белую идею». Я не принимаю такую точку зрения.

Это ментальность гражданской войны, попытка вернуть ее назад, в наше время. Предположим, они победят. Тогда «красные» будут лелеять мечту о реванше. Пока мы из этого порочного круга не выскочим, страна вечно будет находиться в состоянии духовного конфликта. Мне кажется, что большинство людей, которых называют «красными», на самом деле никакими настоящими коммунистами не являются, хотят чего-то другого. Может быть, есть какие-то махинаторы. Я готов с ними бороться. Если временно они придут к власти, готов сидеть в лагере. Я уже был к этому готов при предшествующем режиме. Но оттолкнуть людей только потому, что кто-то из них воевал под красным флагом, и сказать, что я не могу иметь с ними ничего общего, – это значит оттолкнуть своего соотечественника только потому, что считаешь, что разобрался в ситуации лучше его. Ну, объясни ему, но обращайся к нему как к единомышленнику (в главном), а не как к последователю сатанинского учения! Ведь у нас отношение к коммунизму изменилось на 180 градусов прямо в 24 часа и людей, чуть ли не пинком под зад, вытолкнули из идеологии, над которой они не очень задумывались. Вы знаете, если бы я оказался в такой ситуации, то сказал бы, что не хочу так по команде перевертываться. Дайте мне подумать, может, через год я и изменю взгляды. У меня же это взяло 10 лет, чтобы изменить отношение к Марксу, к Ленину. Я и читал, и передумывал... А сейчас, может быть, те люди, которые более независимы, они больше и упираются. Так что же – лучше иметь дело с перевертышами, которым все равно, что бы ни повторять?

– Игорь Ростиславович, к сожалению, время наше подходит к концу, а мне хотелось бы Вам задать еще один вопрос, достаточно острый. Вот Вы все-таки на-

ходитесь сейчас в том лагере, который, условно говоря, называют оппозицией. Позвольте мне высказать маленький политический прогноз, и он кажется мне реальным. Мне кажется, что в том раскладе политических сил, который сейчас наличествует, выиграют не те, кто считает себя оппозицией, а те, кто находится у власти, но пожелает взять на вооружение лозунги оппозиции.

– Конечно, у власти стоят люди ловкие и уже сейчас некоторые из выступавших под сверхдемократически интернационалистскими лозунгами быстро перекрашиваются в патриотов. Происходят поразительные метаморфозы. Но мне кажется, что Ваш прогноз может и не реализоваться, это не обязательно. Катастрофа идет такими темпами, что народ быстро учится, его теперь не так легко обмануть. Есть масса горячих вопросов: безработица, выкачка товаров из страны за границу, распродажа страны, отношение к Приднестровью и т. д. Нужно предлагать реальное решение, а это показывает действительное отношение к жизни. Тут обмануть не так просто.

16 июля 1992 г.
Ведущий – П. Горелов.

РУССКИЙ НАРОД НА ПЕРЕЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Бег наперегонки со смертью

СТАРАЮСЬ ПОНЯТЬ, ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ

– Игорь Ростиславович, что Вас привело к участию в сборнике «Из-под глыб»?

– Сборник был эпизодом, но поворотным эпизодом в моей жизни. Гораздо раньше, в 1950–1960-е годы, возникло ощущение, что жизнь меняется и от участия людей зависит, как она будет меняться дальше. Что устраниться от этих процессов – значит проявить безответственность, безучастность к своей стране и народу. А что я-то, собственно, мог делать? У меня была единственная возможность – стараться понять, что с нами происходит. Я довольно много тогда писал на темы, которые могли бы это прояснить. Тогда это называлось – для «Самиздата», изготовлялось в нескольких десятках экземпляров и распространялось дальше перепечаткой.

В некотором смысле это была очень здоровая ситуация – ни рекламы, ни денег, есть интерес – люди сидят и перепечатывают ночью (ведь и ксероксов тогда практически не было)...

– Ваша работа «Социализм как явление мировой истории» показала, что Шафаревич не только математик, но и серьезный философ, обществовед. Она не потеряла своего значения и ныне. Но после того как рухнула социалистическая система в нашей стране и

странах Восточной Европы, как Вы смотрите на нее с позиций сегодняшнего дня?

– Я не могу сказать, что происшедшее изменило мои взгляды в этой области. Мне всегда казалось, что концепция социализма противоречит каким-то основным принципам человеческого существования. И, приходя с ними в противоречие, подтачивает само государство и общество, толкает его к катастрофе. Конечно, характер такой катастрофы тогда не виделся; свержение коммунистического режима, которое произведут сами коммунисты, – это была совершенно фантастическая вещь! Тогда и я, и другие думали о том, как подготовиться к возможным переменам. И в качестве одного из факторов я рассматривал национальные отношения в Советском Союзе. Этот вопрос был под запретом, всегда говорилось о «нерушимой дружбе народов», а я чувствовал, что здесь какой-то котел, готовый взорваться. Вот и в сборнике «Из-под глыб» в одной из своих статей я старался опровергнуть господствовавшую среди интеллигенции в нашей стране и за рубежом точку зрения, что Советский Союз – это русская колониальная империя, а республики – колонии. И каким-то образом заставить понять, что если у нас было единое прошлое, то, значит, у нас и единое будущее, что, разрушив единство, мы все пострадаем. И в конце концов все это оправдалось. С какой яростью откалывалась Украина! Я был в Крыму и сам видел листовки: «Москали съели твое сало!», «Москали выпили твою горилку!» и т. д. А теперь они ездят сюда, чтобы продать свое сало и как-то подзаработать...

– Кстати, еще до развала Советского Союза в журнале «Наш современник» в 1989 г. появилось Ваше исследование «Русофобия», где прямо указывалось

на пагубные последствия распространения антирусских настроений.

– А написана она была в начале 80-х годов. В 1983 г. я начал раздавать эту работу знакомым с правом перепечатывать, распространять ее. Вы представьте: много лет я над этим думал, много раз переписывал – наверное, не меньше десяти! Я был уверен в том, что «Русофобия» никогда не будет напечатана – ни здесь, ни за рубежом, потому что она задевала такие вопросы, которые были под запретом и по ту, и по другую стороны. Тут даже есть положительный фактор: никто тебя не торопит. И вот я все-таки решил поделиться своими размышлениями. Много лет спустя «Русофобия» попала в руки Валентину Григорьевичу Распутину, с которым мы тогда еще не были знакомы. Он вывез ее в Италию и передал подельнику Л. И. Бородина по ВСХСОН Вагину, который напечатал ее в русском журнале «Вече», выходившем в Германии.

– Собственно, именно «Русофобия» и расколола интеллигенцию по отношению к Вам. Часть из них не поняла или не захотела понять Вашу идею развенчания «малого народа», присвоившего себе право говорить от имени всего народа и навязывать ему свои представления, свою волю. Ее истолковали превратно, и, поскольку Вы откровенно высказались об отношениях русских и евреев в нашей истории, Вас просто-напросто зачислили в «антисемиты»...

– Даже давнишний сборник «Из-под глыб» был принят неоднозначно, хотя и читался, и перепечатывался. Кого-то коробило то, что вообще говорилось о России, русском народе, Православии. И уж тем более в «Русофобии» вызывал неприятие разговор об отношении русских и евреев. Вот если бы речь шла о рус-

ских и украинцах или латышах – пожалуйста. А я нарушил «табу», которое существует и у нас, и во всем мире. Президент американской Академии наук даже прислал мне письмо, не рассмотрю ли я вопрос о прекращении своего почетного членства в их Академии. Ругательные статьи появились почти во всех толстых демократических журналах. С другой стороны, когда работа появилась в «Нашем современнике», я получал еженедельно целую пачку очень сердечных, трогательных писем от самых разных людей. Всегда ведь важно, нужно ли то, что ты делаешь, людям знать.

– Последние события в Москве, шествие азербайджанцев по Комсомольскому проспекту, взрыв возле синагоги в Марьиной роще, серия публикаций о «русском фашизме» показали, что начинается новый виток раскручивания межнациональной истерии. Прошедшее после публикации «Русофобии» время что-то изменило в межнациональном вопросе?

– Жизнь так переменилась, что и тут не обошлось без изменений. Они двояки. Положение как бы обострилось. В «Русофобии» говорилось о слое людей, которые болезненно воспринимают вообще наличие русского национального самосознания, им несимпатична русская история, сам русский человек. Позже Вадим Валерьянович Кожинов рассказывал, как известный пушкинист Бонди читал им, студентам, незавершенное стихотворение Пушкина (оно есть в собраниях сочинений):

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел,
И нежно чуждые народы полюбил,
И мудро свой возненавидел.

Написано оно было в 1831 г., и «чуждый народ» были поляки. В 1989 г. – литовцы. А в наше время мы это видели во время войны в Чечне, когда российская пресса и телевидение с нескрываемой симпатией показывали нам «благородных чеченских Робин Гудов» (которые почему-то стреляют из-за спин беременных русских женщин).

А с другой стороны, идет и обратный процесс. Со стороны русских можно заметить сопротивление этим настроениям. И политические деятели, улавливая общественную атмосферу, начинают играть на этом. Самым шустрым оказался Жириновский, который собрал на русском патриотизме миллионы голосов. Потом и другие увидели, что народ не хочет, чтобы его обзывали «совками», считали за нечто среднее между людьми и животными, как это писалось в «Московском комсомольце». Жириновский потерял свою монополию, другие бросились этот фактор эксплуатировать.

– Значит, есть что эксплуатировать. То есть в общественном сознании произошли какие-то перемены?

– Произошли. Но, к несчастью, они идут медленно. И то, что происходит в стране, мне напоминает бег наперегонки со смертью. Сложится ли зрелое русское самосознание, наконец, чувство национального самосохранения? Страна столкнулась с проблемами, которые только и может решить весь народ в целом, собрав воедино всю свою волю. До тех пор, пока люди не ощущают себя единым народом, они и сделать ничего не могут. Сейчас перестали замалчивать, как ужасно положение русских в Латвии. Я был там, говорил с ними. И правильно пишут сейчас газеты, что положение русских там, как у негров во времена апартеида в ЮАР. Между тем, когда проходил плебисцит о независимости

Латвии, добрая половина русских голосовала за нее. Теперь они жалуются, что их обманули...

– То же происходило и на Украине, где населенный русскими Донбасс голосовал за «незалежность».

– Выходит, что 12 миллионов русских за призрачную надежду получить больше сала и горилки могли бросить Россию? Это показывает упадок национального самосознания русских, которое и есть, в общем-то, причина всех несчастий. Каждая страна сталкивается с трудностями, но преодолевает их, собирая все силы. Болезненный период – это когда не хватает сил. Мне кажется, что нам не хватает сил именно поэтому.

– В Вашей работе «Россия и мировая катастрофа», опубликованной в 1993 г. в «Нашем современнике», Вы пишете, что западная технологическая цивилизация завела человечество в тупик. Выход видите в обращении к духовным ориентирам русского пути. Что Вы имеете в виду? И есть ли надежда, что общество сможет вступить на этот русский путь?

– Судьба России, которую я определил на нынешнем этапе как бег наперегонки со смертью, в очень драматичной форме отражает то, что происходит со всем миром. Цивилизация, основанная на вытеснении всего живого машиной, управлении человеком как роботом (сначала исследуют реакции крысы, потом на основании этого вырабатывают принципы управления человеком), содержит в себе мощные противоречия, которые проявляются и в экологическом кризисе, во всплесках терроризма в благополучных странах, во всестороннем духовном кризисе. Не может развиваться одна пятая часть человечества за счет остальных четырех. Рано или поздно сила окажется на стороне последних, и они

это все опрокинут. Надо посмотреть, в чем же порочность принципов этой цивилизации, модель которой стараются навязать всему миру.

Но есть иные цивилизации, в которых не доход определяет уровень успеха человека, где несчастья воспринимаются как составная часть жизни, и терпение – один из способов их преодоления. Такие цивилизации существуют и в Азии, и в Латинской Америке. Подобной цивилизацией является и русская. И если говорить о наследнике обреченной западноевропейской и американской цивилизации, то при благоприятных обстоятельствах наследником могли бы быть русские. Может быть, в этом и причина неприязни Запада к России.

Но вопрос заключается в том, удастся ли наследнику собрать свои силы, а всему миру осознать опасность, или технологическая цивилизация раньше приведет человечество к общей катастрофе.

– Наблюдая происходящее, к каким выводам Вы приходите? Есть ли надежда?

– Смотря, о каком времени идет речь. Если говорить о нескольких десятилетиях, то можно себе представить, что и в России, и во всем мире произойдет поворот. Но я в своей жизни не надеюсь его увидеть. Мне кажется, что идут очень драматические процессы, связанные не только с Россией, но со всем развитием человечества, и в год-два ничего повернуться не может.

– То есть такие мощные, глобальные силы действуют, что инерция огромна?

– Да. Нам, например, грозит социальная катастрофа. Сейчас говорят о том, что в России назревает социальный взрыв. Я считаю, что в особой форме он уже происходит. Народ болезненно воспринимает насилие и путь

через насилие. Люди боятся его. Мне кажется, я никогда не слышал о такой форме протеста, как голодовки...

– *Больше того, самоубийства офицеров, ученых, руководителей крупных коллективов как форма протеста!*

Да, даже офицеры, вместо того чтобы взять оружие и направить его в того, кого считают своим врагом, а уж последняя пуля себе, и те убивают себя. Офицер, стреляющийся в знак протеста, – нечто беспрецедентное. Это свидетельствует, что социальный протест осуществляется, только в особой форме. И когда видишь нынешних вершителей судьбы нашей страны, понимаешь, что никаких идей, чтобы изменить ситуацию, остановить нарастающий снежный ком, у них нет. Боюсь, что впереди какие-то очень тяжелые потрясения. Хотелось бы надеяться, что они не погубят страну окончательно.

– *Говорят о вялотекущей катастрофе, о проигранной Россией Третьей мировой войне...*

– И сам я когда-то сказал «третья Отечественная война». Даже фильм такой с режиссером Антоном Васильевым мы сделали. Сейчас эта война, конечно, проиграна. Перед народом стоит задача собрать все силы для сопротивления, спасения страны. Потому что тот путь, который мы наблюдаем в течение восьми лет, бесперспективен даже с точки зрения тех, кто на нем выигрывает.

– *Если мы попытаемся посмотреть с их точки зрения, то в чем причины провала декларируемых в России реформ?*

– Думаю, что с чьей-то точки зрения провала и нет. Примерно 50 миллиардов долларов (по оценкам

экспертов) ежегодно утекают за границу. Для тех, кто переводит эти средства, провала нет. Конечно, за ними стоит и более многочисленный слой – те, кто не имеет миллионов, не имеет счета в банках, торгует оптом или ездит челноками. Они спасаются таким путем от ужаса безработицы. Под влиянием СМИ, радикальной интеллигенции они поверили, что надо думать только о том, как самому заработать больше денег, а обо всем остальном бесполезно и задумываться. На таком пути о будущем страны в целом не может быть и речи.

– В Вашей работе «Россия и мировая катастрофа» говорится, что сама нынешняя жизнь толкает людей к осознанию их положения.

– Да, но опять-таки тут идут два процесса, и дело в сравнении их скоростей. Когда-то Солженицына спросили: «Чего бы вы хотели для России?» Он ответил: «Вы-здо-ров-ления». Представляется, будто в светлой палате под наблюдением внимательных врачей больной лежит и выздоравливает. Но для России картина оказалась иной: в горло человеку вцепился какой-то вурдалак. И вопрос в том, что произойдет раньше: человек умрет или пропоет петух и вурдалак исчезнет? Серьезный поворот в развитии событий может быть только результатом изменения человеческих установок. А такая вещь за год не происходит.

– И последний вопрос: Ваши отношения с оппозицией. Помнится 1992 г., Фронт национального спасения, в политсовет которого вы входили. Это была попытка объединения «красной» и «белой» идеи. Приходится признать, что она не удалась. И что сейчас?

– Действительно, это признак какой-то болезни национального самосознания, когда люди не умеют

сотрудничать, не умеют объединиться, даже осознав, что противник у них общий. Вот пример: сколько выходит мелких оппозиционных газет с тиражом 1–3 тысячи экземпляров! Нет, чтобы объединиться и выпускать одну, имеющую влияние в обществе. Потеряно умение сотрудничать, поступаться амбициями. Когда я входил в ФНС, казалось, это единственный выход. Но и эта попытка не удалась, все разбрелись, а точку поставили события 1993 г. Боюсь, весь ужас заключается в том, что реально и нет никакой оппозиции. И то, что на выборах воспринимается как официальная оппозиция, скорее является чем-то вроде второй партии в Англии или Соединенных Штатах, которая признает общие принципы того, что произошло: передела собственности, границ и т. д. Хоть не на словах, а в реальности. Но это не та оппозиция, которая может вывести из принципиального тупика, куда попала страна.

1997.

Интервью вела Светлана Виноградова.

ТРЕТЬЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

– Игорь Ростиславович, вот Вы являетесь как бы свидетелем эпохи, одним из героев этой «документальной ленты» нашего века. Как Вы относитесь к этой цепи событий? Есть ли в них какая-то логическая связь?

– Этот вопрос встает сейчас, вероятно, перед многими: какова причина несчастий, обрушившихся на нашу страну в XX веке? Россию сотрясает не одна катастрофа, а цепь их: революция, гражданская война, коллективизация, Отечественная война и, наконец, «перестройка» – может быть, самая сокрушительная из ка-

тастроф. Должны же они быть как-то связаны, укладываться в логическую картину! И какая-то логика здесь сразу бросается в глаза. Например, видно, что революция – это лишь подготовительный этап «перестройки». Сначала надо было разрушить традиционный духовный строй и уклад жизни, а уже только потом стало возможным пустить страну под нож, превратить ее в питательный материал западного мира.

Как стала возможной социалистическая революция в монархической, православной стране, на $^{4}/_{5}$ – крестьянской, вопреки ожиданиям здравомыслящих людей и наперекор догмам марксизма? Положение станет понятнее, если вспомнить, что это был не внутреннерусский, а мировой кризис, эпицентр которого оказался в России. Одновременно с нашей революцией возникли и красная Венгрия, и красная Бавария, а позже – красный Китай, Вьетнам, Камбоджа, Куба. Россия стала надеждой всего левого нигилистического течения в мире, сюда были обращены его силы. Недаром тогда такую роль играл у нас слой людей, именовавшихся «интернационалистами». И дело было не только в еврейских комиссарах и латышских стрелках. Большинство тогдашних вождей всех уровней были здесь инородцами – от выходца из Австро-Венгрии Радека до Ленина, проведшего лучшие годы в эмиграции. Но в Россию были брошены не только партийные кадры и военные силы. Духовные вожди Запада наперебой расписывали «зарю нового мира», оправдывая и голод, и лагеря: Анатоль Франс, Ромен Роллан, Бернард Шоу, Лион Фейхтвангер и многие, многие другие.

Какие духовные силы совершали этот переворот? Враги большевиков часто говорили об их «одержимости»: бешеной энергии, соединенной с безжалостностью и полным аморализмом.

Совершенно особенная идеология, или дух, двигавший теми, кого Сталин назвал «орденом меченосцев», редко обсуждался публично. Я знаю лишь один случай, когда эта идеология была высказана, записана и опубликована: знаменитый рассказ Пятакова. Это документ потрясающей силы, приоткрывающий ту эзотерическую идеологию, которая давала сверхчеловеческие силы большевистским вождям всех уровней и которой в противном лагере просто нечего было противопоставить. Уже поверженный, но еще не арестованный Пятаков отправлен в командировку во Францию и там раскрывает свои (и, очевидно, далеко не только свои) взгляды старому товарищу по партии Валентинову. Он исходит из ленинского постулата диктатуры пролетариата как «насилия, не связанного никакими законами, ограничениями, препятствиями». Кто проникся этим духом, говорит он, для того «область невозможного сжимается до нуля». Большевизм – это и есть партия, претворяющая в жизнь то, что считалось невозможным, неосуществимым. Но! – ради счастья принадлежать к этой партии надо уметь обращать насилие прежде всего и против себя, по воле партии мгновенно отбрасывая свои самые заветные убеждения и искренне воспринимая их теперь уже как враждебные. Надо искренне «признать черным то, что тебе кажется белым», как говорит Пятаков. Сравнительно с этим, говорит он, «выстрел в себя из револьвера – сущие пустяки». Перед нами уже полумистическая идеология полной отдачи своей личности всемогущей высшей силе в обмен на власть над судьбами людей и страны. И вскоре почти все они подтвердили свою верность этой идеологии, признав на показательных процессах «черное – белым», то есть объявив себя по воле партии шпионами и диверсантами.

Но, конечно, был и другой духовный импульс, толкавший в революцию уже не ее руководителей, а сотни тысяч, может быть, миллионы из народа: тех, кто шел на фронт и в продотряды, срывал колокола и осквернял мощи, а позже ехал раскулачивать деревню. Корни этого мироощущения тянутся в прошлое далеко до революции и связаны с основами русского мировоззрения. Укрепилось чувство, что расчетливая, техничная, бесчеловечная цивилизация, надвигавшаяся с Запада, разрушает фундаментальные русские представления о правде жизни. О справедливости, понимаемой по-русски не как равенство состояний или формальных прав, а как согласие, что каждый слой общества добросовестно несет свои тяготы как свое послушание. Русское сознание всегда очень болезненно воспринимало нарушение этого основного принципа. Например, пугачевщина, по-видимому, была вызвана не ухудшением экономического положения крестьян Поволжья, а объявлением «дворянских вольностей». Раз дворяне были «освобождены» от своих тягот, крестьяне стали ждать и для себя отмены крепостного права, а когда не дождались – тут и вспыхнул «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». И перед революцией в народе возникло убеждение, что верхний слой общества освободился от своей доли тягот и предал общий завет справедливости. Мир казался столь несправедливым, что был достоин истребления целиком. Это какая-то полурелигиозная «черная вера» двигала революцию – ведь распевали же: «как один умрем в борьбе за это», мир призывали «разрушить до основания» и т. д. Порыв ненависти был направлен против всего мира. Это было нечто вроде «бунта» Ивана Карамазова: «Я мира Божьего не приемлю». Андрей Платонов этим чувством сам переболел. В ранних статьях

он писал: «Ненависть – душа революции» – ненависть, направленная не только на «эксплуататоров», но и на весь мир. Первым, по его словам, человек подверг гневу и уничтожению «Бога, царей и богатых... за ними подвергнется истреблению от человеческой руки природа». Того же зелья отведал тогда и Сергей Есенин. Обращаясь к «Матери-родине», он говорил:

Ради вселенского счастья людей
Радуюсь песнею смерти твоей.

Этот огонь «черной веры» был, вероятно, самой мощной силой революции.

– Игорь Ростиславович, но перед этим Вы же говорили, что революция как раз подготовила подчинение России Западу с его капиталистическим духом.

– Да, это не раз встречавшееся в истории явление, когда мощный импульс удается направить на цели, противоположные тем, которые его вызвали. Например, совершенно «антибуржазная» по духу Реформация привела к созданию совершенного капиталистического общества. Так и большевики использовали антикапиталистический протест для захвата власти, а власть использовали, чтобы проделать обычную подготовительную работу, которая всегда нужна для утверждения капитализма: согнать большинство крестьян с земли в города, разрушить традиционные духовные ценности.

Но двигавшим революцию силам противостояли другие. Революция победила в борьбе не на жизнь, а на смерть. Какое разительное отличие от Германии, где национал-социализм пришел к власти конституционным путем, его победа стоила нескольких десятков жизней! У нас были четыре года ожесточенной граж-

данской войны. И целое море крестьянских восстаний, захлестнувших страну от Украины до Сибири. В них участвовали и женщины, и дети. Крестьяне, вооруженные винтовками – по одной на десятерых, вилами и кольями, боролись, несмотря на то, что в отместку артиллерийским огнем уничтожались деревни, вершились массовые расстрелы, семьи сражавшихся объявлялись заложниками. Только в первом приказе о борьбе с антоновщиной учреждалось 10 концлагерей на 25 тысяч человек.

Но еще значительнее для России было духовное сопротивление – прежде всего сопротивление православного народа и Церкви гонениям на веру, начавшимся с первых дней революции. Непрерывной чередой шли расстрелы епископов, священников и мирян. В церквах изымали священные предметы, срывали колокола. Оскверняли мощи святых с таким неистовством, как будто и с ними шла война. Власти воевали не только с православным народом на земле, но и с его святыми предстателями на небесах. Во время голода 1920 г. Ленин писал в секретном письме членам ЦК: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей, а на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов... мы должны дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». А одновременно, находясь полностью во власти гонителей, патриарх Тихон, обращаясь к ним, писал: «...анафемствуем вас, если только вы носите хоть имена христианские». Он пророчествовал, что, подняв меч, они от этого же меча погибнут – как это в точности и исполнилось. В первые двадцать лет после революции были арестованы практически все епископы, оставшиеся в России. Свя-

щенники наполняли Соловки, а потом и другие лагеря. Но православный народ не был сломлен. Возникла катакомбная Церковь. Священников прятали по чердакам и подвалам, и так они годами окормляли свою паству. Так начиналось духовное сопротивление коммунизму.

– Но почему же это сопротивление, эти восстания на Тамбовщине, на Вятке, на Урале, в Сибири, кронштадтское восстание потерпели поражение? Почему сопротивление не захватило всю страну, а интернациональные бригады из латышей или китайцев сыграли решающую роль?

– Россия была подготовлена... По словам Розанова, «целым рядом знаменитых писателей Россию указывалось понимать в существе своем как ошибку истории, пережиток, суеверие, то – чего нет». Процессом разрушения национального сознания была и Французская революция. Власть захватили люди, чуждые стране и враждебные ее традиции. Они разрушали саму структуру власти. Уничтожались связи, соединяющие народ в целое, позволяющие ему действовать как единому организму. Это религия, престиж власти, монархические чувства, ощущение общей исторической судьбы. Народ как бы парализуется, ему как бы впрыскивается какой-то парализующий яд. А над этим парализованным телом творят, что хотят, любые организованные меньшинства – и чем они радикальнее, тем их действия эффективнее. Так и было в России от гражданской войны до коллективизации.

– А как Вы оцениваете созданную Сталиным структуру власти, период построения социализма под его руководством, коллективизацию? Как, на Ваш взгляд, эти процессы отразились на духовной жизни народа?

– Под руководством Сталина страна приступила к строительству социализма – для начала «в одной отдельно взятой стране». Но это построение социализма подозрительно и вплоть до деталей напоминало то, что происходило раньше на Западе в период возникновения капитализма. Крестьян массами сгоняли с земли. Быстро росли крупные города, где в нищенских условиях теснились наскоро переделанные в рабочих крестьяне. Покорность рабочих гарантировалась их полным бесправием и прямым террором. Так, в Англии XVIII в. «бродяг», то есть попросту тех, кто потерял работу, заключали в «работные дома», где жизнь мало отличалась от существования наших зэков. Общими были и варварская индустриализация, и безжалостное разрушение природы. Но, пожалуй, глубже всего калечила народную душу ожесточенная борьба с традиционной идеологией, как тогда у нас говорили, «создание нового человека» – деловитого, безжалостного и дисциплинированного (иначе говоря, послушного).

Кульминацией этого процесса были коллективизация и раскулачивание. Обезземеливание крестьян, в западных странах растянувшееся на века, у нас было сжато в несколько лет. Этот кризис произвел в стране глубинные и необратимые изменения. Крестьянство исчезло из жизни как социальная сила. Некогда крестьянин решал сам – когда и что ему сеять, когда косить, когда свозить... То есть труд его был творческим, он был как бы помощником Бога. И крестьянство, составлявшее $^{4}/_{5}$ русского народа, и породило этот тип человека – жертвенный и мужественный, для которого высшей добродетелью было терпение. Теперь крестьяне, согнанные с земли, наполняли Беломорстрой и другие лагеря, ехали рабочими на «стройки социализма». А оставшиеся в деревне вынуждены были трудиться

по команде, когда, например, начало посевной назначалось в ЦК. И труд их становился бессмысленным, подобно труду каторжников, перетаскивающих груду камней из одного угла двора в другой, а потом – обратно. Истреблялся тот тип человека, которым веками держалась Россия, так что теперь, в наше время, представляется, видимо, возможным произвести над ней, так сказать, финальную операцию.

Этот процесс построения то ли социализма, то ли западного типа капитализма шел своим путем, пока в него не вмешался совершенно новый фактор – война. Война такого масштаба – это всегда в своей основе духовное противоборство. Поэтому она обнажает картину духовной жизни народа. И вот здесь с полной ясностью оказалось, что те силы, которые дали возможность выиграть гражданскую войну, уже ослабли, на них опереться нельзя. В то же время проявилась другая, гораздо более мощная сила – самоотверженный порыв народа на защиту Отечества. Величие этого подвига заключается в том, что война выиграна крестьянами в солдатских шинелях, только что прошедшими через коллективизацию и раскулачивание. Но когда вопрос встал о самом существовании народа, они поставили свое отношение к стране выше своих счетов с господствовавшим в ней режимом. Они пошли не по «ленинскому пути»: «превратить войну империалистическую в беспощадную гражданскую войну».

Возник новый расклад духовных сил: упадок коммунистически-революционного порыва и взлет русского патриотизма. Сталин ухватился за предоставляющуюся возможность спасения. Если Ленин говорил, что русская нация «велика только своими насилиями, велика так, как велик держиморда», если еще за несколько лет до войны Сталин видел главную опасность в «русском великодер-

жавном шовинизме», то теперь он вспомнил и Минина, и Пожарского, и даже святого князя Александра Невского, чьи мощи раньше вышвырнули из Лавры.

Конечно, этот поворот был лишь тактическим ходом, подобным нэпу. Это был идеологический нэп. Сталин и войну вел, и потом экономику восстанавливал на русских костях. Как в 1932–1933 гг. голод на Украине и в Поволжье совпал с большим экспортом зерна, так и в 1946 г. широко вывозили хлеб (скорее в пропагандистских, чем экономических целях), несмотря на голод, когда на улицах лежали трупы. В пропаганду был введен очень официальный, строго дозированный элемент патриотизма, иногда даже с оттенком русского. Но ведь тогда у нас была и «самая демократическая в мире конституция», Советы и выборы с избирательными комиссиями и агитаторами. Таким же декоративным, как тогдашняя демократия, был и тогдашний патриотизм. Сохранилась основная ставка на насильственное распространение коммунизма. Но если в 1920–1930-е годы главным орудием мыслились Интернационал и иностранные компартии, хотя не упускалась возможность военной поддержки (вроде военного прорыва через Польшу на смычку с революционной Германией), то после войны основные надежды возлагались на военную силу, хотя важным орудием оставались компартии других стран, рабски подчиненные КПСС. И все же сдвиг в пропаганде, выразившийся в появлении в ней державно-патриотического элемента, был весьма знаменательным явлением. Он указывал на новый расклад духовных сил, которыми пытались манипулировать. Тот импульс «черной веры», который обеспечил победу в революции и гражданской войне, уходил из жизни. Так величайшая война, выигранная, казалось бы, коммунизмом, несла в себе признаки его упадка.

– *Каковы, на Ваш взгляд, основные причины, приведшие к краху социалистической системы нашей страны?*

– Те трещины в коммунистическом монолите, которые проявились во время войны и в последние годы жизни Сталина, при его наследниках расширились, умножились и под конец привели к распаду монолита. Коммунизм лишился своей духовной основы. Выгорел огонь «черной веры», двигавший активистов гражданской войны и раскулачивания. В брежневскую эпоху уже невозможно было себе представить человека, приносящего жертву ради коммунистических идеалов или способного видеть черное белым по воле партии. Но такое радикальное изменение духовного строя страны не могло произойти само собой, оно, очевидно, было результатом длительного духовного сопротивления. И мы действительно можем это сопротивление увидеть. Прежде всего в непоколебимой стойкости того «малого стада», которое сплотилось вокруг Церкви. То же сопротивление мы видим и на поле культуры. Мы сталкиваемся здесь с удивительным явлением: время идеологического диктата и жестоких гонений совпало с одним из самых ярких периодов в истории русской культуры. В эмиграции талантливые художники засыхали, а у нас в то же время был расцвет Ахматовой, Есенина, Пастернака. Тогда Ахматова написала свой «Реквием». В музыке Шостаковича отражался тот Апокалипсис, который вершился тогда на нашей земле. Шостакович писал позже, что его симфонии – это такой же «Реквием» по погибшим, как и ахматовский. И великая картина Корина была названа (по указанию Горького) «Русь уходящая» лишь с целью конспирации – настоящее ее название было тоже «Реквием». В романе «Мы» Замятин впервые показал социализму его лицо в зеркале искусства, создав жанр «антиутопии». Это было

время Булгакова и Платонова, «Тихого Дона», Шукшина, Солженицына и изумительного направления «деревенской литературы». Прокофьев и Шостакович были тогда вершиной мировой музыкальной культуры. Тогда танцевала великая Уланова и слава Большого театра гремела по всему миру. Творили такие мыслители, как Флоренский, Бахтин и Лосев.

Это парадоксальное явление может стать понятнее, если взглянуть на его духовную ориентацию. Почти целиком эта культура противостояла официальной идеологии и делам тогдашней жизни. Здесь можно видеть духовное сопротивление, в котором народ собрал свои силы, когда физическое сопротивление стало невозможным. В этом сопротивлении русский народ духовно победил коммунизм. Это такая же его «всемирно-историческая победа», как и победа над Гитлером. Речь идет, как и в революции, о всемирном явлении. Призрак, о котором писали Маркс и Энгельс, больше не «бродит по Европе». И нашел он свой конец там же, где и армия Гитлера, – на безбрежных русских просторах.

Представим теперь себе положение, в котором оказался правящий страной слой – партийно-советская номенклатура. До их сознания стало постепенно доходить, что их строй лишен внутренней духовной поддержки. А опираясь лишь на физическую силу, ни один строй долго существовать не может. От народа они отдалялись все больше. Я еще тогда обратил внимание на их речи: «За 50 лет существования нашего государства», «За нашу 60-летнюю историю» и т. д. Короче – «мы вышли из Октября». А все, что было раньше того, – было, значит, не «их» страной, не «их» государством и т. д. Это было нечто чуждое, к чему непонятно как относиться, и как все непонятное – было пугающим и враждебным.

И в материальном отношении тогдашний строй их уже не удовлетворял. Они распоряжались неизмеримыми богатствами страны, сладко жили – но все это принадлежало им лишь по должности. Большинство из того, чем они владели, они не могли передать детям, да и сами теряли, если ломалась карьера. Все эти богатства были как будто их – и в то же время не их! Духовный багаж их свелся к мечтам о все более сладкой жизни – в точности по западному образцу. В такой ситуации что могло быть более естественным, чем план отказаться от своей идеологии, но постараться прибрать к рукам богатства страны, превратив их в свои индивидуальные богатства. Говоря очень схематично, разделить страну на части и по частям продать на Запад. Этот план и был осуществлен в операции под названием «перестройка».

Конечно, он созревал очень долго, осознавался полуинтуитивно, прояснялся постепенно – на весь процесс ушло добрых тридцать лет. Нашлись мощные союзники: вызревшая под крылом номенклатуры криминальная экономика и западный мир. Для Запада этот переворот и последовавший распад России был ошеломляющим даром. Технологической гонкой цивилизация Запада обречена на гибель в ближайшие 40–50 лет от экономического кризиса. Он исчерпал ресурсы не только свои, но и «третьего мира», силами которого он питается. А тут Россия: как говорят геологи, богатейшая страна мира. Если бросить ее богатства в эту топку технического прогресса, то расплату по векселям Запад сможет отложить на одно-два поколения. С другой стороны, Россия в течение столетий была главной силой, которая препятствовала диктату западной технологической цивилизации, стремившейся к полному подчинению мира. И вдруг эта сила,

которую не могли сломить ни Наполеон, ни Гитлер, рассыпается!

Вот этот союз наиболее оборотистой части партийной номенклатуры, криминальной экономики и Запада – он и совершил то разрушение страны, которое называется «перестройкой». Семьдесят лет страна к этому подготавливалась: разрушением деревни, гонениями на веру, подавлением национального самосознания. Сейчас показалось, что момент настал, страна «готова». И действительно, первый этап операции осуществить удалось.

– Многие наши современники ищут здесь некие тайные действия тайного правительства, которым наши вожди в разной степени, но все подчинялись. И возникает вопрос: были ли эти вожди – вождями, а не марионетками каких-то других сил?

– Это естественная реакция на разговоры о том, что история течет по законам диалектики или даже вообще сама собой. Это рывок фантазии, желающей увидеть в человеческой истории какой-то личностный элемент. Но, как мне кажется, здесь недостаточно смелая фантазия. Почему ищут центр мирового заговора в этом мире? Ведь считаем же мы, что «центр Добра» находится вне материального мира. Почему же не предположить то же самое о «центре Зла» ? Вот этому-то «центру» и отдавали деятели революции свою волю и свою личность – как ярко описал Пятаков. И по отношению к нему все вожди действительно являются марионетками. То же заметил Жозеф де Местр, современник Французской революции, – он отметил, что ее вожди ведут себя как марионетки и, когда их роль сыграна, спокойно идут на гильотину. Очевидец же наших трагедий Даниил Андреев писал: «Я работаю, чтобы услышали потомки шаг огромнее и могущественнее, чем людской».

– Как Вы относитесь к такому утверждению: все происшедшее говорит о том, что история подошла к своему завершению, что близок конец света, и это подтверждают и экологическая катастрофа, и многие пророчества?

– Я, пожалуй, согласен, что конец света близок, вопрос только в том, в каком масштабе мерить это «близко». Масштабы таких явлений могут отличаться от наших, человеческих. Есть книга – «Россия перед вторым пришествием»; там собраны пророчества на эту тему, и первое относится к XV в.! Если согласиться мерить таким масштабом (что и XV в., и XX одинаково близки), то это правдоподобно. Но я бы сказал и более осторожно: человечество стоит перед кризисом такого масштаба, что я не знаю сопоставимого в его письменной истории. Это кризис концепции прогресса – непрерывного неограниченного роста и увеличения, – которая столкнулась с ограниченностью мира, природных ресурсов, способности природы восстанавливать наносимый ей ущерб, наконец, ограниченностью психологических возможностей человека. Кризис может оказаться смертельным, но может быть и преодолен – это невозможно предсказать.

И то же относится к кризису России, столь же драматическому. Многое могло бы навести на мысль, что это конец если не света, то России. Но ведь есть и противоположные признаки. Смотрите, как многое, казалось бы, уничтоженное, воскресает на наших глазах. Сколько народа тянется к храмам, сколько трудится, восстанавливая их. Монархические чувства, казалось бы, были истреблены с корнем и заплеваны. Но и они пробуждаются, и особенно среди молодежи. Ведь сколько героев породил народ в самые тяжелые моменты своей истории! Неведомое множество мучеников-священников,

шедших в лагеря. Миряне, защищавшие свои храмы. Солдаты, сложившие головы в Отечественную войну. Ведь они все с нами, стоят за нашими спинами и готовы дать нам свои силы. Только мы должны быть готовы эту помощь принять, осознав свое место, свою включенность в трагический исторический путь России.

Столыпин писал: «Россия выстоит и одержит победу только в народной войне». То есть только тогда, когда русские почувствуют, что под угрозой существование народа. Происходящее сейчас у нас вполне можно сравнить с жестокой истребительной войной: по падению производства, по убыли населения, по возможным последствиям. Мы переживаем сейчас третью Отечественную войну. Если народ осознает эту войну как Отечественную, то найдутся силы, чтобы преодолеть и нынешнюю смуту.

1994.

Беседу вел режиссер Антон Васильев.
Текст совпадает с авторским текстом фильма «Третья Отечественная» (режиссер А. Васильев).

Часть I

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭПОХА КОММУНИЗМА

РУССКИЕ В ЭПОХУ КОММУНИЗМА

Три идеи

Обсуждая возможности спасения нашей страны и народа в теперешнем гибельном положении, часто видят главную беду в том, что у нас нет для этого «положительной программы». Строго говоря, это неверно. Многие авторы и партии предлагали ряд конкретных мер, причем часто эти меры группировались и располагались в порядке очередности, как это и полагается в «положительной программе». Например: непримиримая война коррупции, прекращение утечки валюты за границу, «пересмотр приватизации», контроль над экспортом и импортом с целью стимулировать производство, ограниченная инфляция, национализация или закрытие большинства банков, законодательное введение больших сроков заключения за неуплату налогов в крупных размерах (как в США), обязательное указание источника денег при крупных покупках,

введение карточек, непризнание разделения русского народа и т. д. и т. д.

Да и странно было бы, если бы таких мер не существовало, ведь выходили же другие страны из тяжелого кризиса: США при президентстве Рузвельта, Германия в начале власти Гитлера, Германия и Япония после окончания Второй мировой войны – причем в разных условиях. Редактор журнала «Москва» Л. И. Бородин даже сетует, что такими предложениями редакция завалена; они приходят «ежемесячно, если не еженедельно». Он пишет: «Ради справедливости скажем, что читать некоторые из подобных материалов было интересно, как вообще интересно любое развитие мысли, тем более если оно продиктовано добрыми намерениями. Представьте себе, к примеру, трактат об освоении марсианских пустынь, в котором все логично, научно и убедительно и отсутствует лишь одна маленькая деталь – как попасть на Марс» («Москва», 1998, № 1). То есть, как Л. И. Бородин пояснил в другом месте, такие проекты содержат выглядящие разумными планы, но без указания того, какими силами эти планы можно было бы воплотить в жизнь.

Из этого следует, что обсуждение нашей сегодняшней ситуации надо было бы начинать не с построения конкретных «положительных программ», а с обзора того, какие вообще силы действуют сейчас в историческом поле и на какую (или на какие) из них мы, русские, могли бы опереться. Наиболее четко положение сформулировал, мне кажется, С. Г. Кара-Мурза: «Если бы дело было в том, что к нынешнему положению нас привела политика Ельцина, – было бы полбеды. Народ каким-то образом сделал бы усилие и сменил режим. Беда в том, что режим имеет согласие слишком большой части народа. Согласие не на частности – тут большин-

ство кряхтит и проклинает, – а на главное, на чем стоит этот режим. На идею масштаба религиозного: жить, наслаждаясь малыми радостями, даже если народ в целом умирает. И режим создал узаконенные «зоны наслаждения» буквально для всех: для пьяниц и спортсменов, для христиан и сатанистов, для демократов и коммунистов. Множество маленьких мирков, которые обособились в свои капсулы, приобрели статус и небольшую подпитку – при условии, что не мешают народу в целом умирать» («Наш современник», 1998, № 11–12).

Значит, противопоставить этому положению можно только ценности, более привлекательные для человека, чем «малые радости» в «зонах наслаждения», ценности, ради которых этими «радостями» можно жертвовать, потому что такая жертва возвышает и приносит удовлетворение. И прежде всего необходимо дать себе отчет в том, какие вообще сейчас существуют духовные концепции или течения «религиозного масштаба», то есть способные объединить народ и вести его на борьбу и жертвы. Так, например, пытался Достоевский осмыслить современную ему жизнь более ста лет назад. Он пытался выделить основные идеологические силы, движущие человечеством. Он называл их «идеями». Одна статья в «Дневнике писателя» называется «Три идеи». И действительно, весь XX век оказался полем борьбы (и взаимодействия) именно *трех* «идей». Мне трудно соотнести их с теми «идеями», о которых писал сам Достоевский, но основные концепции XX века видны отчетливо. Это:

1. Либерально-демократическая идея.

Основные ее положения:

– крайний индивидуализм, каждый (юридически) свободен делать свой выбор, но и не имеет основания рассчитывать на поддержку других;

– полная свобода и даже культ конкуренции; рынок как основной регулятор экономики;

– всеобщее и равное избирательное право; политическая власть как бы делится на миллионы формально одинаковых кусочков, и каждый полноправный гражданин получает свой кусочек – голос на выборах; потом они объединяются вокруг партий, воздействующих на общество через СМИ.

2. Коммунистическо-социалистическая идея.

Ее принципы:

– жизнь определяется не как составляющая множества индивидуальных воль и решений, а на основе единого, строго рационально разработанного плана, которому эти воли должны подчиняться;

– в самом конкретном виде это экономический план страны на несколько лет, а в самом общем – план развития всего человечества; такой глобальный план (предвидение или пророчество) является единственно допустимой и обязательной идеологией общества, а экономические планы монопольно определяют его экономику.

3. Национальная идея.

Сравнительно с двумя другими течениями явление ее в XX веке было внезапно и нежданно. К концу XIX века национальный фактор казался в истории преодоленным, каким-то пережитком – причем по мнению как либералов, так и социалистов. Но уже мировая война 1914 года показала, насколько это было неверно, вызвав шок целых слоев интеллигенции («потерянное поколение»). Именно национальные силы превратили Первую мировую войну из обычной войны за определенные территории в войну на уничтожение. Потом в германском национал-социализме национализм оказался силой, вырвавшейся из-под

всякого человеческого контроля. И после Второй мировой войны национальные расколы сотрясают мир на всех континентах. Но, с другой стороны, национальное единение дало силы подняться поверженным Германии и Японии.

И сейчас на ближайшее будущее не видно других сил, на которые мы сможем опереться, поднимаясь из теперешнего падения. Так что на предвидимое будущее наша судьба будет, очевидно, складываться из этих трех составляющих – как вектор в трехмерном пространстве с этими осями координат. Обсуждению этих сил и их влияния на судьбу русского народа (или некоторых аспектов этой проблемы) и посвящена настоящая работа.

Дальше я полностью исключаю из рассмотрения вопрос о влиянии либерально-демократической идеи. Он потребовал бы отдельного исследования. Особенно когда речь идет о влиянии этой идеи на судьбу России. Здесь возникает громадная трудность, сущность которой в следующем.

Попытка внедрения либеральной концепции привела за последние десять лет к тому трагическому состоянию нашей страны, которое всем уже хорошо известно. А тем самым и концепция глубоко скомпрометирована, она вызывает омерзение и ненависть. Хочется все это проклясть целиком и от всего отрешиться – и не только от того, что хлынуло к нам за последние годы, но и более принципиально: от всего «европейничанья», начиная с Петра. И в такой реакции есть здравое зерно: этот «западный прогресс» в тех формах, в которых он стал выкристаллизовываться с XVII века, уже по всему миру показал свою болезненную, даже смертельную сущность. Он губит не только другие, традиционные цивилизации, но и

деревню, и вообще природу, всюду убивает живое и заменяет его техникой.

Но, с другой стороны, это громадная сила, не владея которой хоть в какой-то степени народ не имеет надежды выжить. Эта сила связана с интеллектуальным переворотом, происшедшим на Западе одновременно с установлением там либерально-демократического уклада общества: с так называемой научно-технической революцией XVII–XX веков. Причем весь дух, весь идеологический базис научно-технической революции неразрывно связан с основными принципами либерально-демократического уклада общества. Благодаря научно-технической революции возможность западных стран производить определенные материальные ценности увеличилась в сотни, тысячи и миллионы раз. Когда мы часто пишем, что высокий жизненный уровень Западной Европы и Северной Америки происходит из-за того, что одна пятая человечества живет за счет других четырех пятых, то это правда, но не вся правда: производительные возможности Запада колоссально возросли в результате переворота научно-технической революции. Да этот же переворот дал в руки Запада и громадные силы, при помощи которых он подчинил себе почти все остальное человечество, орудуя в случае необходимости так, как мы это сейчас видим на примерах Ирака и Сербии.

Вопрос о том, как России относиться к происшедшему на Западе перевороту, встал уже давно. Один раз Россия выбрала свой ответ: в эпоху Петра I. Несмотря на все недостатки этого ответа, он дал России двести лет устойчивого развития, избавил ее от судьбы Индии и Китая. За это время страна достигла своих естественных пределов, была создана великая русская культура XIX века.

Сейчас тот же вопрос возникает вновь. И опять полный отказ, полное отрицание представляется невозможным: очевиднее всего, из соображений безопасности страны. Но есть и более глубокая причина: мы слишком многое приняли в себя от Запада – во всей культуре, в самом типе мышления. Наконец, такое решение не соответствовало бы духу русской традиции. Россия, как заметил В. В. Кожинов, легко воспринимает культурные импульсы, и это дает толчок ее самостоятельному развитию. Так мы восприняли вместе с принятием христианства глубокую византийско-греческую традицию, в эпоху петровских реформ – традиции постренессансной Западной Европы.

Здесь возникает важнейшая и очень трудная задача для русского национального сознания: что (и как) из продуктов либерально-демократического развития Запада (включая научно-техническую революцию) можно усвоить и использовать, не разрушая страну и ее национальную традицию. Я только отметил эту громадную проблему, чтобы подчеркнуть, что не собираюсь ее здесь обсуждать.

Работа посвящена двум другим движущим идеям XX века: национальной и социалистическо-коммунистической. Но начать надо с обсуждения этих двух исторических явлений: нации и социализма (или коммунизма). При этом мне придется иногда повторять некоторые соображения, высказывавшиеся в моих более ранних работах, – это делается для удобства читателя.

Дальнейшее содержание работы: общее изложение тех основных (в моем понимании) двух концепций, о которых сказано выше, их реализация в нашей новейшей истории и, наконец, обсуждение того, как

эти вопросы преломляются в нашей сегодняшней жизни и влияют на наше будущее.

Нация

Практически во все известные нам времена люди живут, объединяясь в группы, бóльшие, чем семья, и меньшие, чем все человечество. В известной нам письменной истории действующими лицами являются нации, формирующие государства. В более древний период и в современных догосударственных обществах такую же роль играет племя. Оба понятия объединяются в одно – этнос.

По какому принципу происходит объединение в этнос? Громадную роль играет родственность, единство происхождения, как в семье. Аристотель говорил, что государство произошло из семьи, а он имел в виду национальное государство. Во многих обществах распространен миф, согласно которому все их члены рождены, как растения, родной землей (автохтоны), и поэтому все в некотором смысле братья друг другу. С другой стороны, в жизни каждой нации играет роль большое число людей иного происхождения, как бы «усыновленных» нацией, благодаря усвоению ее культуры и других духовных ценностей. Таким образом, нация – это сложное материально-духовное единство, и эти две стороны в ней не разорвать. Таковым же является и человек, как его, например, описывает Державин в оде «Бог»:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,

Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Таково же положение этноса, соединяющего в себе и материальные (происхождение, «кровь»), и духовные элементы (мифы, религия, культура, общая история). Он, аналогично человеку, связывает «цепь существ».

Роль этносов, видимо, связана с тем, что, объединяясь в эти группы, люди приобретают возможность находить ответ на вопросы жизни, абсолютно непосильные индивидуальному человеческому уму. При этом то, как находится ответ, остается совершенно непонятным индивидуальному уму: ответ объясняют тем, что «так повелось исстари», или что так указал мифический предок, или что делать иначе – грех, табу. Это совершенно другой путь контакта человечества с окружающей средой, чем индивидуальное рациональное мышление.

Один из самых поразительных примеров таков. При небольшом размере племен в известных нам примитивных обществах (а в палеолите и неолите они, вероятно, были еще меньше) очень велика, казалось бы, вероятность браков между близкими родственниками. Мы знаем, что такие браки часто дают неполноценное потомство, и кажется, что человечество с самого начала было обречено на вырождение. Однако оно существует уже миллионы лет в значительной мере благодаря действующей во всех известных обществах системе брачных запретов, называемой *экзогамией*. Простейший из них заключается в том, что племя разделяется на два клана и запрещается брать жену из своего клана (видимо, эта ситуация отразилась во многих сказках, когда герой отправляется куда-то «в тридесятое цар-

ство» добывать себе невесту). При этом дети зачисляются в клан матери. Уже этот запрет исключает браки между матерью и сыном, братом и сестрой. Но система запретов гораздо сложнее и исключает браки между близкими родственниками в далеком колене. Иногда молодые люди влюбляются вопреки экзогамным запретам («Ромео и Джульетта» первобытного общества). О таких драматических случаях рассказывают песни. Обычным выходом является совместное самоубийство. «Убей себя, убей себя!» – кричала мне мать», – говорится в одной песне нивхов. Конечно, члены этих племен не имеют представления о вредных генетических последствиях кровнородственных браков. Для них экзогамные запреты – типичное табу. Да и наше отталкивание от идеи кровосмешения никак не сводится к заботе о здоровье возможного потомства.

Чтобы не создалось впечатления, что решение жизненной проблемы глобально, целым этносом, является особенностью первобытного общества, приведу пример из сравнительно недавней истории. Речь идет о происхождении современных капитализма и демократии – «либерально-демократической идеи». Они возникли в результате Реформации – грандиозного переворота, совершившегося в Западной Европе в XVI–XVII веках. Но сама Реформация не выдвигала ни капиталистических, ни демократических принципов. Ее основоположник Лютер даже торговцев и тех приравнивал к ворам и никогда не покушался на авторитет и власть германских князей. Центральной идеей Реформации была *идея спасения:* спасения человеческой души в преддверии грядущего Страшного Суда, которого ждали со дня на день. Основное богословское положение Лютера заключалось в том, что «спасение дается только верой», то есть *никакие* совершенные в

этой жизни поступки не могут перевесить первородного греха человека. Очевидно, что это было учение, уводящее от всякой мирской деятельности.

Во времена английской революции 1640–1660 годов революционерами тоже двигали религиозные идеи. Они ожидали «пятую монархию» – монархию Иисуса Христа (это течение называлось квинтомонархизмом). Один из созванных Кромвелем парламентов назывался «парламентом святых». Каждому разумному человеку в то время должно было бы быть ясно, что «прогрессивным строем» является абсолютная монархия – такая, как испанская, французская, оттоманская, а парламенты – это атавизм, пережиток Средневековья. И тем не менее на этом пути сначала в Англии, а потом в Западной Европе и Северной Америке была достроена система промышленного капитализма, общества, основанного на всеобщем избирательном праве, произошла научно-техническая революция. И только несколько столетий спустя Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1)[1] показал, почему же для создания столь практичного и мирского капиталистического демократического общества был необходим религиозный переворот Реформации. Несомненно, существует много других примеров такого решения задачи «групповым разумом» племени или нации (хотя бы открытие земледелия и приручение животных).

Конечно, совершенно непонятно, как этот «групповой разум» находит решение, недоступное индивидуальному человеческому разуму. Но ведь точно так же непонятно, как десять миллиардов клеток челове-

[1] Здесь и далее цифры в скобках обозначают порядковый номер цитируемого издания в списке использованной литературы, который приводится в конце работы.

ческого головного мозга вместе сочиняют стихи или доказывают теоремы.

Этот путь выбора народом правильного ответа, основанный не на рациональном, логическом мышлении, хорошо чувствовал Лев Толстой.

В «Войне и мире» он не раз возвращается к этому вопросу: «В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания». О Кутузове говорится: «Против воли государя и по воле народа он был избран главнокомандующим». Что за непонятный механизм «избрания»? Основа его – национальная. Князь Андрей думает: «А главное, почему веришь ему, это то, что он русский». «На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова главнокомандующим». «Только признание в нем этого чувства (национально-русского) заставило народ такими странными путями, из в немилости находящегося старика, выбрать его, против воли царя, в представителя народной войны». Принадлежность к нации дает человеку более высокие жизненные цели, помогает оторваться от «малых радостей» или, наоборот, совсем безрадостных трудностей жизни, способных полностью его поглотить, особенно в периоды, когда привычная жизнь резко ломается. Ведь вся известная нам история есть история не отдельных людей, а народов. И только через принадлежность к народу человек может ощутить себя участником грандиозного процесса истории. Его жизнь приобретает некоторую высшую осмысленность и ценность, ради которой он способен многим жертвовать. Недаром в войнах, как правило, руководители государств апеллируют к на-

циональным чувствам народа, призывая его к жертвам – и обычно с успехом.

Коммунизм

Я не буду вдаваться в тонкости, различающие понятия коммунизма и социализма, мне и самому они не очень ясны. Напротив, я постараюсь охарактеризовать в общих чертах «социалистически-коммунистическую идею», пользуясь терминами «социализм» и «коммунизм» как синонимами.

Очень важно иметь в виду, что идея эта (как бы она ни называлась) вовсе не продукт последних веков, не идеология пролетариата, возникшего в результате промышленного переворота в Западной Европе. Наоборот, она очень древнего происхождения, то есть относится к числу основных концепций, «архетипов» цивилизованного человечества. Ее законченное, глубоко продуманное изложение известно нам уже из сочинений Платона в IV веке до Рождества Христова.

Платон обсуждает вопрос: как *построить* идеальное государство? Это очень характерно: и всюду впоследствии социалистическая концепция возникает как результат индивидуального рационального мышления, как социальное «изобретение», подобное паровозу или телевизору. Ее можно назвать идеей религиозного масштаба – но лишь в смысле масштаба ее воздействия на людей, способности увлекать их. Возникает же она принципиально другим путем, чем религия или национальное чувство. Двумя тысячелетиями позже Платона Бухарин пишет: «Капитализм не строили, а он строился». Наоборот, «процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным».

Платон начинает с утверждения, что величайшее благо для государства – это единство среди его граждан, «когда чуть ли не все граждане одинаково радуются или печалятся». А главное препятствие для этого то, что «невпопад раздаются возгласы: «Это – мое!» или «Это – не мое!». И то же самое насчет чужого». То есть, говоря современным языком, – частная собственность. И Платон решительно заявляет, что ради блага государства частная собственность должна быть упразднена. Но вопрос не такой простой. Надо решить, *какая именно* частная собственность отрицательно действует на общество. Отношение *к чему именно* («Это мое») препятствует единству государства: к моей руке, моему дому или к моим акциям, полученным по наследству от родителей? И центральным тут является вопрос: обладает ли человек частной собственностью на себя или он сам должен рассматриваться как собственность общества? А остальные аспекты частной собственности либо подкрепляют и реализуют то положение, что человек ничьей собственностью не является, либо, наоборот, являются болезненными искажениями такой установки.

Платон занимает самую крайнюю позицию: человеку не принадлежит *ничего,* а сам он *целиком принадлежит* государству (надо отметить, что он подробно говорит лишь об элите описываемого им общества – о тех, кого он называет «стражами»). Стражи живут и столуются вместе. Платон пишет: «...у них не будет никакой собственности, кроме своего тела». Но он идет и дальше. Ведь «моя жена», «мой муж», «мой ребенок» – это тоже «мое». С характерным для него интеллектуальным бесстрашием Платон планирует изгнать из общества и эти отношения. Определенным мужчинам и женщинам разрешается на время соеди-

няться, чтобы произвести детей по решению лиц, стоящих выше в иерархии общества. Дети воспитываются все вместе и не знают своих родителей, а те – своих детей. Религия, мифы, искусство подвергаются жесткой корректировке и цензуре с целью воспитания качеств, необходимых государству.

Более чем за две тысячи лет, прошедших со времен Платона, никто к этой идеологии ничего принципиально нового не прибавил. Она многократно переизлагалась, в чем-то смягчалась ее отпугивающая прямолинейность, она приспосабливалась к особенностям других времен. Но основная идея была та же. Зато много разных мыслей было высказано о том, *каким путем* можно воплотить в жизнь этот идеально сконструированный общественный строй. Сам Платон надеялся, что это произойдет, когда на троне окажется «царь-философ». Но в результате двухтысячелетней эволюции этой идеологии доминировать стала точка зрения, что она будет претворена в жизнь массовым восстанием, которое подготовит и возглавит меньшинство наиболее преданных и последовательных сторонников идеологии (как бы те же «стражи» Платона). Вехами этих поисков являются «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, учения Сен-Симона, Фурье, Бакунина, Маркса и Ленина и много других вариантов. Но ядро учения, привлекавшее к нему, было одно: это ощущение человека как элемента грандиозной государственной или партийной машины, построенной из человеческих компонент, многомиллионной *мегамашины*. Чтобы стать таким элементом, человек должен от многого отказаться, но зато, идеально вписавшись в ритм машины, слившись с нею, он получает сверхчеловеческие возможности, власть над людьми и способность вершить историю. Наибо-

лее яркое изложение этой «социалистической идеи» принадлежит, по-моему, Г. Пятакову. Исключенный из партии как троцкист, он потом был принят обратно, временно занимал довольно высокие посты и, в частности, возглавлял советскую торговую делегацию в Париже. Там он встретился со своим бывшим товарищем по партии Н. Валентиновым. Валентинов записал их разговор и много лет спустя опубликовал его. Нервно ходя по кабинету и зажигая одну папиросу за другой, Пятаков изложил ему такие мысли. Напомнив ленинское определение диктатуры пролетариата как «власти, опирающейся на насилие», он разъясняет, что здесь насилие, осуществляемое над другими, – самая тривиальная сторона. Суть дела – в насилии, осуществляемом над собой. «Мы должны пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим», «мы выбрасываем из головы все ею (партией) осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, находясь в оппозиции». «Категория обыкновенных людей не может сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений» – «легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считать ложным? Разумеется, нет. Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера – сущие пустяки перед другим проявлением воли, именно тем, о котором я говорил».

Люди, усвоившие эту психологию насилия над собой, оказываются тем более способными применить насилие к другим людям в масштабах, казавшихся ранее невозможными. Тут вступает в силу другая часть ленинского определения диктатуры пролетариата: «...власть, осуществляемая партией, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами». Вот

в последних словах Пятаков и видит основной смысл этой формулировки. «Закон есть ограничение, есть запрещение, установление одного явления возможным, другого невозможным». От этого-то и следует отказаться. Так возникает партия, «несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым». «Для нее область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Ради чести и счастья быть в ее рядах люди идут на те жертвы, которые описаны выше.

Я уверен, что это идеология не одного только Пятакова, а той партийной элиты, к которой он принадлежал. Недаром и Сталин однажды назвал партию «своеобразным орденом меченосцев», хотя такая поэтическая фразеология была ему совершенно не свойственна. И Бухарин называет партию «революционным орденом». Эта концепция обычно подкреплялась взглядом на всю Вселенную как на механизм, функционирующий, как и общество, по механическим «законам прогресса, подтвержденным новейшими достижениями науки», или по «законам диалектического материализма». Возникал взгляд, претендующий на истолкование с единой точки зрения всего бытия – в этом смысле претендующий занять место религии. Но в буквальном смысле эта идеология религией не является, так как абсолютно «посюсторонняя».

Эта «социалистическая идея» обладает необычайной притягательностью для проникшихся ею людей. История показывает нам многочисленные примеры революционеров, идущих на смерть или каторгу, коммунистов, осуществляющих вооруженной рукой продразверстку с риском быть растерзанными крестьянами, и т. д. Да это же видно в цитированном монологе

Пятакова. В другой его части он говорит: «Я слышал следующего вида рассуждения... Она (партия) может жестоко ошибаться – например, считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое... Всем, кто подсовывает мне этот пример, я скажу: да, я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней...» Многие из того слоя партийной элиты, к которому принадлежал Пятаков, подтвердили делом его слова. Они проявили бешеную энергию на фронтах Гражданской войны, но безропотно пошли на гибель, когда так решила партия. И многие из них действительно заявили, что «считали черным то, что казалось белым», признав на показательных процессах обвинения, иногда, бесспорно, выдуманные. (При самой крайней подозрительности по поводу бывших революционеров – «революцию не делают в белых перчатках» – многие самообвинения были фактически опровергнуты или просто бессмысленны.)

XX век отличается тем, что в это время во многих странах осуществляется попытка построить государство на основе социалистической идеи. Само по себе это в истории – не новость. Государства, построенные по такому принципу, существовали в разное время в Месопотамии, Древнем Египте, Древнем Китае, в Перу до испанского завоевания, в государстве, организованном иезуитами в Парагвае, и т. д. Это было многократно описано историками, о чем говорят хотя бы названия книг: «Государственный социализм в XV веке до Р. Х.», «Коммунистическая христианская республика Гуарани» и др. Но в XX веке социалистические революции потрясли весь мир. Конечно, центральным событием была революция в России. Но одновременно были социалистические революции в Баварии и Венгрии, позже – в

Китае, на Кубе, во Вьетнаме и в Камбодже. Это был мировой кризис, эпицентр которого находился в России.

Признаком всемирного характера социалистического движения в XX веке была и та моральная поддержка, которую большая часть западной интеллигенции оказывала Советскому Союзу (а позже – маоистскому Китаю и Кубе).

В грандиозных переворотах, связанных с социалистическими революциями XX века, с той «социалистической идеей», которую я попытался сформулировать выше, смешивались и к ней присоединялись внешне схожие, но принципиально отличные элементы жизни – такие, как навыки коллективных форм труда, требования социальной справедливости и т. д. Например, в русской общине земля время от времени подвергалась переделу. Однако на земле, выделенной ему, крестьянин хозяйствовал самостоятельно, решая, где и что ему сеять, когда убирать, когда свозить... То есть труд его носил творческий характер в сотрудничестве с природой. Это была форма хозяйствования, по духу противоположная «трудовым коммунам» времен «военного коммунизма» и колхозам более позднего времени. Или, в другом случае, когда английское лейбористское правительство после Второй мировой войны, опираясь на высокие налоги на капитал, развернуло широкую программу социального обеспечения, включая бесплатную медицинскую помощь и бесплатное снабжение лекарствами, – то основой все же оставался капитал, прибыли которого облагались высокими налогами. Наоборот, партии ортодоксально-социалистического толка, например коммунистические, всегда относились подозрительно к такой борьбе за улучшение социальных условий трудящихся, называя ее «тред-юнионизмом», «борьбой за пятачок», «экономизмом» или «подкупом верхушки рабочего класса».

Во всех известных попытках осуществления коммунистического идеала вслед за эпохой радикальных преобразований следует период компромиссов и отказа от крайних принципов. В одной статье В. Г. Распутина о коммунизме, его роли в истории России говорится: «Призванный погубить страну, он постепенно стал державником, на свой, разумеется, твердолобый и непререкаемый манер, которому не близко до желаемого блага». Мне кажется, что здесь намечается и более широкая, и очень плодотворная мысль. Если говорить о наших «трех идеях», то и «коммунистическая идея», и русская «национальная идея» существовали в XX веке не в каких-то разных пространствах и даже, большую часть времени, не разделенные фронтом. Власть в России была коммунистической. Но национальная русская традиция имела за плечами тысячу или тысячи лет и не могла внезапно исчезнуть. Обе «идеи» влияли друг на друга и видоизменяли друг друга.

Собственно, я думаю, прививший термин «советская власть» подразумевает, конечно, не «власть Советов» – они были подчинены партии, – а ту именно реальную форму, которую «коммунистическая идея» приняла в России под влиянием многообразных воздействий жизни, и в частности русской национальной традиции. Вот именно протекавший в реальной жизни процесс взаимодействия этих двух фундаментальных идей и важно рассмотреть. Следующая часть работы содержит некоторые соображения на эту тему.

Революция и гражданская война

Конечно, вопрос не новый. Разные точки зрения можно найти, например, в «круглом столе» («Наш со-

временник», 1997, № 11), состоявшемся в связи с 80-летием Октябрьской революции.

Один из ответов, предлагавшихся на сформулированный выше вопрос, заключается в том, что как раз в XX веке «коммунистическая идея» и «национальная русская идея» практически совпали. Согласно этому взгляду, коммунистическая революция реализовала чаяния подавляющего большинства русского народа. Буржуазно-масонская Февральская революция развалила Россию. Гражданская война была навязана контрреволюционными генералами и Антантой, но она была одновременно процессом «собирания России» новой властью.

Мне кажется, что в этой точке зрения фактами подтверждается только то, что относится к Февральской революции. Она действительно разрушительно подействовала на страну. Но как только вслед за революцией активизировалась большевистская партия, она включилась именно в эту разрушительную деятельность и играла в ней наиболее активную роль. Октябрьская революция логически предполагала гражданскую войну. Партия, совершающая революцию, берет тем самым на себя ответственность за возникающую потом гражданскую войну, если речь идет не о смене одного монарха другим, а об изменении всего экономического и политического уклада. Но в данном случае положение еще более ясное. Едва прошел один месяц с начала Первой мировой войны, как Ленин уже сформулировал свой лозунг о превращении войны империалистической «в беспощадную гражданскую войну». Он и дальше его постоянно пропагандировал. И в этом он был принципиален и последователен как марксист. Маркс писал: «Мы говорим рабочим: вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и

международных битв, и не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». То есть гражданская война рассматривалась как метод создания «нового человека».

Еще в январе 1918 года, когда гражданской войны не было, Крыленко говорил на III съезде Советов: «Красная Армия в первую очередь предназначена для войн внутренних». Бухарин писал: «Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира – это есть гражданская война (...), в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш». Он негодует, что Каутский ужасается по поводу «самой страшной» гражданской войны, называя это «чудовищным ренегатством». Или Свердлов на заседании ВЦИКа четвертого созыва ставит задачу: «...расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря (...), разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах (...), только в том случае сможем мы сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов».

Таким образом, идея гражданской войны принадлежит к числу основных концепций, принятых руководством большевистской партии, – это, собственно, была та форма, которую классовая борьба принимала в эпоху пролетарской революции.

Еще до Октябрьской революции параллельно разработке и внедрению идеи гражданской войны развивалась идея борьбы за поражение своего правительства в идущей мировой войне. Ленин писал: «Русские социал-демократы были правы, говоря, что для них меньшее зло – поражение царизма, что *их* непосредственный враг – больше всего великорусский шовинизм»; «Революционный класс в реакционной войне

не может не желать поражения своему правительству. Это – аксиома». Он имеет в виду явно не одни «желания», призывая к политике, которая «несовместима, по большей части, с законами о государственной измене». «Пролетариат не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей «с нами» страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистической «великой» державы». Эта программа и реализовалась.

Финансирование германским генеральным штабом большевистской партии в период между Февральской и Октябрьской революциями подтверждено столькими свидетельствами, как редко какой исторический факт. Тут и опубликованные в 1950-е годы документы германского генерального штаба, и свидетельства современников. Однако все это было лишь продолжением старой традиции. Так, в 1904 году на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме Плеханов заявил, что он считал бы победу царизма в войне с Японией поражением русского народа, и под гром аплодисментов обнялся с японским делегатом Катаямой. Аналогичные заявления делались немецкими и французскими делегатами на различных конгрессах II Интернационала перед Первой мировой войной. Но когда дело дошло до реальной войны, их марксистские убеждения оказались недостаточно последовательными. А ведь еще Маркс писал Энгельсу: «Я вполне согласен с тобой относительно Рейнской провинции. Заглядывая в будущее, я вижу нечто, что будет сильно отдавать «изменой отечеству»; вот это для нас фатально. От поворота, который примут дела в Берлине, будет зависеть, не будем ли мы вынуждены

занять такую же позицию, какую в старой революции заняли майнцские клубисты». («Майнцские клубисты» – группа немецких иллюминатов, способствовавших во время войны с революционной Францией сдаче Майнца французам, а потом агитировавших за присоединение Рейнской области к Франции.)

Выше уже приводилась мысль Ленина, что в число мер, способствующих поражению «своего» правительства, необходимо включить развал «своей» державы. И более конкретно: «Кто пишет против «распада России», тот стоит на буржуазной точке зрения». Этот вопрос обсуждался на VII партконференции в апреле 1917 года. Там Ленин говорил: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ (? – *И. Ш.),* должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии... Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист». И это в то время, когда, например, самое крайнее украинское движение, Рада, добивалось только автономии в пределах России.

Логическим следствием этой политики был Брестский мир, после которого границы Советской России на Западе в основном совпали с границами теперешней, постперестроечной Российской Федерации, – оттуда они и происходят. Трудно предположить, что большевистское руководство или лично Ленин заранее рассчитывали на поражение Германии на Западном фронте, позже освободившее их от пут Брестского мира. Они скорее преувеличивали силы Германии, обычно приводя ее как пример наиболее организованного, самого передового капиталистического государства в Европе. Их истинная надежда была – так и несостоявшаяся мировая пролетарская революция.

После поражения Германии на Западном фронте и в результате Гражданской войны размеры Советской России стали быстро расширяться. Именно этот процесс, по-видимому, и дает пищу концепции «собирания Российского государства» коммунистической властью. Подобные мысли высказывались и тогда, во время Гражданской войны, но, как правило, людьми, жизнь которых была разбита разразившейся катастрофой, готовых хвататься за соломинку, принимать любую утешающую мысль (сейчас, когда наша страна переживает такого же масштаба катастрофу, мы можем очень хорошо понять подобную психологию).

Такими были, например, герои романа Булгакова «Белая гвардия». В романе Савинкова «Конь бледный» описывается белый офицер, проникший в Советскую Россию с целью убить Дзержинского. Для этого он становится командиром Красной Армии и против своей воли начинает ей сочувствовать – видит, что это настоящая армия, спаянная дисциплиной. Позже, после окончания Гражданской войны, подобные взгляды высказывало целое направление – «сменовеховцы». Но это направление выросло уже на ядовитой почве эмиграции (эмиграция – страшная вещь, говорил Герцен, испытавший ее на себе). Даже Пуришкевич писал: «Советская власть – это твердая власть, – увы, не с того лишь боку, с которого я хотел видеть твердую власть над Россией».

В качестве показателя подобных настроений иногда приводят цифры, указывающие на значительное число дореволюционных офицеров, воевавших в Гражданскую войну в Красной Армии, рассматривая это как признание ими «государственнического» характера новой власти. Но при этом нельзя, например, забывать, что была объявлена мобилизация офицеров

и что Троцкий сообщил на заседании ЦИКа в июле 1918 года: «Каждый военный специалист (так назывались тогда дореволюционные офицеры. – *И. Ш.*) должен иметь и слева и справа по комиссару с револьвером в руке». Троцкий утверждает, что сообщил Ленину про мобилизованных бывших офицеров – они должны выбирать: «...с одной стороны – концлагерь, а с другой – служба на Восточном фронте». У многих из мобилизованных в качестве заложников оставались семьи. Только учитывая все эти факторы, можно было бы попытаться оценить участие бывших офицеров в Гражданской войне на стороне Красной Армии как признак их сочувствия (хоть в какой-то степени) одной из сторон.

Но кто определенно таких мыслей не высказывал – это вожди большевистской партии (когда Ленин говорил, что «мы оборонцы с 25 октября 1917 года», то тут же оговаривался: «...та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм как отечество, за Советскую Республику как *отряд* всемирной армии социализма»). Традиция исторической, национальной России была им глубоко антипатична, их цель была – мировая революция. Одну свою речь (после Февральской революции) Троцкий закончил лозунгом: «Будь проклят патриотизм!» Один близкий Ленину человек, впоследствии эмигрировавший, уверял, что Ленин ему сказал: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции». Но подобные высказывания можно встретить и в Собрании сочинений Ленина, например: «...интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» (как аргумент в пользу Брестского мира).

Еще в 1919 году перед войсками Украинского фронта ставилась задача прорыва на помощь советской Венгрии. Был сформирован венгерский «Отряд Фекете». Но тогда рассчитали, что сил не хватает.

Типичным примером была война с Польшей в 1920 году. Целью ее было не нанесение удара польской армии, чтобы вернуть Польшу как часть Российской империи или отстоять Западную Украину и Западную Белоруссию. Цель была – прорваться в Германию на помощь немецкому пролетариату. Приказ Тухачевского гласил: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару... Вперед на Запад!» Именно эта установка стала одной из причин поражения. В результате 130 тысяч красноармейцев попали в польский плен. В первые же два года 60 тысяч из них умерли от бесчеловечных условий в польских концлагерях (2). Это была плата русской кровью за попытку разжечь мировую революцию.

Тогда же, в разгар удара по Польше, Тухачевский написал статью в форме обращения ко II конгрессу Коминтерна. Он пишет: «Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата (...). Государство, находящееся под властью рабочего класса (...), должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира». Для этого, «учитывая неизбежность мировой гражданской войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб III Коммунистического интернационала». «Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический интернационал». Эта статья включена в книгу, само название которой красноречиво: «Война классов» (3). В ней говорится: «Захват государственной власти в буржуазной стране может идти

двумя путями: во-первых, путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства». Согласование этих двух направлений революции, изнутри и извне, и должно, по мнению автора, быть функцией Коминтерна.

Такие взгляды были широко распространены. Бухарин, например, пишет, об империалистической войне, национально-сепаратистских восстаниях, гражданской войне внутри страны и, наконец, классовой войне «между государственно организованной буржуазией и государственно организованным пролетариатом». «Начавшаяся *эпоха революций* (...) есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в *классовые войны».* Декрет, изданный в январе 1918 года, характеризует Красную Армию как «поддержку для грядущей социалистической революции в Европе».

Приписывать большевикам эпохи Октябрьской революции стремление к «собиранию России» значит ошибочно переносить на них чувства, испытываемые многими сейчас. Им-то русская историческая традиция была чужда и враждебна, виделась, по словам Ленина, как «великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями и капиталистами». Цель большевистского руководства была – мировая пролетарская революция. Как писал Ленин, «мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию».

Верно ли, что Октябрьская революция реализовала основные чаяния народа? В 1917 году народ, прежде всего, был глубоко травмирован войной. Действительно, представим себе тогдашнее положение: приносятся колоссальные жертвы (1 миллион 650 тысяч убитых и умерших от ран). Как это понять рядовому солдату?

Ради чего эти жертвы? Война идет среди населения, говорящего не по-русски, часто настроенного недружественно к русским (в Польше, Литве, Галиции, Румынии). Народом она не воспринималась как «защита Отечества», не апеллировала к исторически сложившимся чувствам. Вероятно, именно это имел в виду Столыпин, когда в письме Извольскому писал (в 1911 году): «Война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели непонятны народу, станет фатальной для России и династии»; «Россия выстоит и одержит победу только в народной войне». Изо всех партий большевики одни призывали к немедленному прекращению войны («воткнуть штык в землю»). Это соответствовало чаяниям определенной, вероятно большой, части народа.

Но в результате Октябрьской революции вместо мира народ получил еще три года Гражданской войны. Эта война, вызванные ею эпидемии и голод унесли, по подсчетам разных историков, 13–17 миллионов человек. То есть по масштабу катастрофа далеко превосходила даже «перестройку» (если не гадать о будущем). В то же время за три года предшествовавшей мировой войны потери России (по всем причинам) составили 5 миллионов человек (включая население оккупированных территорий). И эта Гражданская война была заранее запланирована (как писал Ленин), специально разжигалась в деревне (как говорил Свердлов), ее всеми силами стремились превратить в мировую (как об этом писали Бухарин и Тухачевский).

Крестьянская война

Другим вопросом, игравшим драматическую роль в революции, был вопрос о земле. Россия была крестьянской страной: $^4/_5$ населения были крестьянами.

Крестьяне страдали от безземелья. Поэтому неурожайный год сразу оборачивался голодом. На почве безземелья все время возникали крестьянские восстания, цель которых была – захват помещичьих земель. В XX веке первый взрыв крестьянских волнений был в 1902 году в Левобережной Украине. Боевой лозунг, что от безземелья крестьян спасет раздел помещичьих земель, распространяли все левые партии: кадеты и все, кто левее их. Так что после Февральской революции власть оказалась полностью в руках партий, стоящих за отчуждение помещичьих земель. Но одни партии считали, что для этого необходим декрет Учредительного собрания, другие предлагали создать комиссии для справедливого раздела. Одни большевики предлагали немедленный раздел. Это и обеспечило им широкую поддержку (иногда активную, чаще – пассивную) во время Гражданской войны.

Встает основной вопрос: в какой мере крестьянское безземелье было преодолено в результате этой политики? В современном учебнике для студентов исторических факультетов (31) говорится: «Что касается общего количества перешедшей к крестьянам земли, то историки до сих пор затрудняются назвать более или менее правдоподобную цифру». Действительно, оценки очень различны. Так, в отчете Наркомзема, изданном в 1920 году, сообщается: «Специальная анкета центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу» (39).

Прежде всего необходимо оценить степень и причины крестьянского безземелья. Вот что писал Н. Д. Кондратьев:

«По данным переписи 1916 года, по 47 европейским губерниям на долю крестьянских посевов приходилось

89,2% всех посевов. Крестьянам принадлежало 93,9% всех рабочих лошадей, 94,2% крупного рогатого скота, 94,3% всех свиней. В рыночном обороте хлеба на долю крестьянского хлеба приходилось 78,4%» (4). Те же цифры приводят и другие экономисты, например Челинцев. Но, видимо, в «крестьянские посевы» включаются и посевы крестьян на арендуемой у помещиков земле, а плата за аренду ложилась тяжелым грузом на бюджет крестьянина. С другой стороны, говорит Кондратьев, «десятина земли дает пшеницы: в Англии – 138 пудов, в Германии – 121 пуд, во Франции – 79 пудов, в России – 42 пуда. Чем же это объясняется? Этого нельзя объяснить плохой природой России, плохим климатом и плохой почвой. Климат значительной и самой плодородной части Южной России не хуже климата Германии, Франции и Англии. Тепла и влаги у нас не менее, чем там. То же самое нужно сказать о нашей почве. Наш южный чернозем даже превосходит почву Западной Европы. Объяснение нужно искать в плохой обработке земли, в отсталости крестьянского хозяйства» (5). (Кондратьев происходил из малозажиточной крестьянской семьи, был старшим из десяти детей. Окончил церковноприходскую школу и церковно-учительскую семинарию. Сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в университет. Впоследствии стал крупнейшим ученым с мировым именем, открытые им «кондратьевские циклы» стали общепризнанным в мире законом экономики. Принадлежал к партии эсеров, хотя и не был политически активным. Таким образом, его высказывания – это суждения исключительно компетентного специалиста, смотрящего на вопрос именно с «крестьянской», отнюдь не с «буржуазно-помещичьей» точки зрения.)

В цитированной статье Кондратьев считает, что имеется 56–60 миллионов десятин пригодной для зем-

леделия помещичьей, казенной, монастырской земли, которую можно было бы разделить между крестьянами. Он считает, что если передел произвести так, чтобы обеспечить землей самых малоземельных, то можно добиться того, чтобы каждое крестьянское хозяйство имело не менее 10 десятин земли. Кондратьев считает, что это утолит немедленный земельный голод, и выступает за такой передел. С другой стороны, он подчеркивает очень тяжелое положение сельского хозяйства. Например, 36% хозяйств – безлошадные; что они будут делать со своими десятью десятинами, если их получат?

Но вот в результате революции вся земля была поделена «по-черному». В другом месте Кондратьев говорит, что в 1916 году по 24 обследованным губерниям Европейской России на хозяйство в среднем приходилось 4,97 десятины пашни (5). А в статье, написанной В. П. Даниловым и Н. А. Ивницким (6; введение), то есть двумя наиболее компетентными в этой области современными специалистами, утверждается, что к 1927 году среднее крестьянское хозяйство в СССР обладало 4–5 десятинами пашни. То есть после революции размер пашни на одно хозяйство сначала (к 1919 году, согласно данным Кондратьева) упал вдвое, а за десять лет вернулся к прежним размерам. И за это было уплачено миллионами человеческих жизней и духовной травмой, сказывавшейся еще в течение десятилетий!

По-видимому, представление о необъятных помещичьих землях, раздел которых надолго сможет решить крестьянские проблемы, было пропагандистским мифом, очень умело внушенным левыми партиями (кадетами и всеми левее их). (Мы все были свидетелями аналогичного явления, когда в начале «перестройки» средства информации начали массированную атаку на «привилегии». Помню обошедшую тогда многие газеты фото-

графию дачи какого-то маршала, довольно потрепанной. А в то же время можно было видеть своими глазами возникающие как грибы мини-дворцы дельцов, под прикрытием этих криков делящих богатства страны.)

Но самое существенное заключается в том, что помещичьи земли были крестьянами вовсе не «получены», а отвоеваны (и то меньше чем на десять лет) в ожесточенной трехлетней войне против новой власти.

Конфликт, возникший между новой коммунистической властью и деревней, имеет две стороны: идеологически-юридическую и практически-жизненную. *Идеологически большевики всегда были решительными противниками передачи земли крестьянам: они требовали национализации земли, передачи ее в распоряжение государства.* Еще в резолюции VII партконференции РСДРП(б) в апреле 1917 года говорится: «...означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжаться землей в руки местных демократических учреждений». Но прямое провозглашение и проведение такой программы вызвало бы сопротивление всей крестьянской России. Из тактических соображений Ленин соглашался пойти на временный отказ от нее: «Мы становимся таким образом – в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств – защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от «старого режима».

После прихода большевиков к власти эти взгляды нашли отражение в нескольких декретах и постановлениях. Первым и наиболее известным был Декрет о земле от 26 октября 1917 года. В нем декларировалась безвозмездная передача помещичьих земель крестьянам. К декрету был приложен наказ для руководства, составленный из 242 местных крестьянских наказов.

В этом наказе говорится, что земля, перешедшая к крестьянам, поступает в «уравнительное землепользование» (этот принцип лежал в основе дореволюционной общины). Этим большевистское правительство временно отказалось от исполнения своей программы и приняло эсеровскую программу. Да и Ленин говорил на III конгрессе Коминтерна: «Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка». Но дело не было столь однозначно. Слова об отмене частной собственности на землю, содержащиеся в наказе, могли (как и было впоследствии) служить оправданием перехода ее под контроль государства.

Вскоре после Декрета о земле, 19 февраля 1918 года, был опубликован «Основной закон» о земле, где подтверждалась отмена «всякой собственности» на землю, недра, воды и леса. Все они передавались «трудовому народу». При этом земля для занятия сельским хозяйством отводится: в первую очередь сельскохозяйственным коммунам, во вторую – сельскохозяйственным товариществам, в третью – сельским обществам и лишь в четвертую – отдельным семьям и лицам.

А еще через год – 14 февраля 1919 года – издается положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». В нем говорится, что «вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом и находится в распоряжении соответственных народных комиссариатов»; «Необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящее и отживающее. В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое

производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику». Таким образом, идея национализации, создания единого общегосударственного земледельческого хозяйства была не оставлена, а со временем формулировалась все более четко.

Конечно, средний крестьянин вряд ли следил за резолюциями партконференций, декретами и законами. Реально деревня и новая власть столкнулись в вопросе о хлебе, а конкретнее – в связи с продразверсткой. Продразверстка, то есть обязательство крестьян *продавать* определенную часть урожая, была как мера военного времени введена еще до Февральской революции, а монополия государства на торговлю хлебом была установлена Временным правительством. Особенность же продразверстки, проводившейся после Октябрьской революции, заключалась в том, что власть пыталась конфисковать практически весь хлеб, *ничего* не давая взамен. Более того, уже в мае 1918 года Свердлов огласил план внесения Гражданской войны в деревню, цитированный выше, была объявлена продовольственная диктатура, создана продовольственная армия, издан декрет о комбедах. В Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1922 года «кулаки» были объявлены «лишенцами». В этих условиях продразверстка приняла формы, на которые крестьяне ответили непрекращающейся чередой восстаний – крестьянской войной. Теперь, когда многие архивы рассекречены, по этому вопросу изданы сборники документов (7, 8, 9), систематические обзоры (10, 11). Из них возникает картина «забытой войны», помнить которую было не нужно ни белым, ни (тем более) красным. Но которая тем не менее на какое-то время определила ход истории.

Вот несколько примеров (взятых из этих публикаций), как проводилась продразверстка. Из доклада пар-

тии эсеров в Тамбовской губернии в 1920 году: «Так как хлеба в губернии все-таки мало, то в некоторых волостях крестьяне оказываются не в состоянии даже покупкою покрыть причитающуюся с них «норму», отдают семена, отдают оставленную для собственного потребления «норму», а когда и этого не хватает, отказываются наотрез и молчаливо ждут наказания: «И так и так умирать, пусть стреляют». Случаи массовых расстрелов крестьян уже были в 3–4-х местах губернии... Зарегистрировано также несколько случаев самоубийств крестьян; в одном из сел Тамбовского уезда покончил самоубийством даже местный «комиссар»-большевик, которому постановлено, под угрозой расстрела, невыполнимое требование – взять с деревни еще по 5 пудов хлеба, когда перед тем мужики уже дважды внесли эту норму».

Из сводки ВЧК: «Продотряды, согласно заявлению крестьян, безжалостно выметают все до зерна, и даже бывают случаи, где берут заложниками уже выполнивших разверстку» (в сводке это относится к «недоразумениям»). Из другой сводки: «Путем ареста, принудительных работ я заставляю их («кулаков». – *И. Ш.*) подчиняться необходимым распоряжениям». Вот картина того, как осуществлялась продразверстка «приехавшим в уезд (Борисоглебский) гражданином Марголиным»: «В ход была пущена порка... Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что был арестован Ревтрибуналом, но по приказу из Тамбова ныне выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей. Продовольственную разверстку гражданин Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: “Я вам, мерзавцам, принес смерть. Смотрите, у каждого моего красно-

армейца по сто двадцать свинцовых смертей на вас, негодяев". Затем начинается требование выполнить продразверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. п.». Из заявления Никольского волостного совета крестьянских депутатов: «...отряд с пулеметом, во главе с Пузиковым, каковой арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен был быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что муж ее был расстрелян». Сверх того, множество жалоб на то, что продразверстка накладывается совершенно произвольно, не пропорционально возможностям, а отобранные продукты расхищаются или не вывозятся и гниют.

Другой причиной резкого отпора крестьян была мобилизация в Красную Армию. Если судить по результатам мобилизации, то крестьянство определенно не желало воевать за большевиков: целые области отказывались подчиниться приказу о мобилизации. Например, когда в 1918 году была объявлена мобилизация в Красную Армию в Поволжье и восточнее, вплоть до Сибири, то явилось менее 20%. Такие же цифры приводятся по областям Центральной России в 1919 году. В некоторых областях число дезертиров доходило до 90%. По разным губерниям приводятся цифры в сотни тысяч дезертиров. Общее число дезертиров в Европейской России только во вторую половину 1919 года превышало 1,5 миллиона человек. Еще одной причиной были репрессии против Церкви.

Эти причины вызвали цепь крестьянских восстаний, а по существу Крестьянскую войну 1918–1921 го-

дов по всей территории, контролировавшейся властью РКП(б). Мы сделаем очень короткий обзор ее по опубликованным в последнее время документам (7–11).

1918 год

Массовые восстания начались с лета 1918 года. В Центральной России их было не менее 300: в Смоленской, Воронежской, Новгородской, Псковской, Костромской, Петроградской губерниях. Одно было под Москвой – в Дмитровском уезде. Особенно массовым было пензенское восстание. В связи с его подавлением Ленин телеграфировал: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении». «Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от Вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены Вами. Бездеятельность Ваша преступна. Надо все силы направлять на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба». «Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно – сначала против одной волости, доводя дело до конца». Ленин завизировал телеграмму Цюрупы, в которой требовалось назначить по каждой волости заложников, на которых возложить обязанность собрать все излишки хлеба и вывезти его на ссыпные пункты.

Впрочем, захват заложников практиковался и безо всяких указаний. Из донесения ВЧК: «В уезде убит организатор комитета бедноты. В ответ на это в г. Череповце расстреляны заложники: кирилловский епископ Варсонофий, игуменья Ферапонтиевского

монастыря Серафима...» (всего 10 человек). Из другого донесения ВЧК: «Чрезвычайные комиссии уже заблаговременно забирают заложников... в ответ на покушение на члена ЧК приговорены к расстрелу 50 заложников...» По поводу подавления восстаний сводка ЧК сообщает: «Невельская чрезвычайная комиссия совершила массу расстрелов... произвела массу арестов заложников – городской буржуазии и деревенских кулаков». Те же меры применялись и к дезертирам. Лишь в одном уезде Симбирской губернии было расстреляно до 1000 крестьян, не явившихся по мобилизации. В 40 волостях Тамбовской губернии против крестьян применялись броневики.

К концу 1918 года восстаниями было охвачено более половины территории, контролировавшейся большевистской властью. О потерях крестьян встречаются лишь данные по отдельным районам: расстреляно 600 человек, 750, 1200... Все эти меры не достигли своей главной цели – было собрано лишь несколько процентов намеченной продразверстки.

1919 год

Разгоревшись в 1918 году, крестьянская война развернулась в полную силу в 1919-м. К этому времени положение центральной власти заметно улучшилось. Была разгромлена власть «Комуча» в Поволжье вплоть до Урала. В конце 1918 года капитулировала на Западе Германия и началось продвижение в глубь Украины частей Красной Армии. Но государственное давление на деревню только увеличилось. Сохранилась продразверстка в столь же крайних формах. Монополия государства была распространена на всю продукцию сельского хозяйства, вплоть до грибов и ягод. Увеличились повинности: гужевая, трудовая, по расчистке

железнодорожных путей от снега – и, как всегда, с расстрелами за невыполнение приказов. Увеличился объем мобилизации в Красную Армию.

Расширялась и крестьянская война. Восстания с участием десятков и сотен тысяч крестьян охватили всю территорию, контролировавшуюся большевистской властью. За первую половину года сведения о них имеются по 124 уездам Европейской России. Одним из самых массовых была «чапанная война» (от слова «чапан» – крестьянская одежда) – от Поволжья до Урала. В ней участвовало несколько десятков тысяч крестьян, выдвигались командиры из числа крестьян, имевших военный опыт, создавались штабы. Был избран свой совет, издавался свой печатный орган. Причины: мобилизация, реквизиции, порки плетьми, уничтожение икон. Подавлением руководил Фрунзе. В военных действиях убито более 1000 повстанцев, из них более 600 расстреляно ЧК и трибуналами.

Но самым драматическим эпизодом этого года был террор против донских казаков («расказачивание») и их ответное восстание. О нем скажем подробнее.

После революции в донском казачестве взяла верх позиция нейтралитета в борьбе между белыми и красными. Но вскоре Гражданская война проникла и к ним: борьба между войсками Краснова и Миронова. Миронов не только воевал с войсками Краснова, но и помогал Красной Армии в обороне Царицына. Однако в руководстве большевиков было укоренено априорное отношение к казакам как к врагам. Например, по поводу терского казачества в обращении Народного комиссариата по делам национальностей (наркомнацем был Сталин) в 1918 году говорилось: «Первое место по заслугам перед советской властью следует отдать чеченцам и ингушам, они почти поголовно вооружены

и наносят казацким бандам непоправимые удары (...), горцы борются с контрреволюционным казачеством...» По поводу донских казаков Сталин писал Ленину, что «целыми полками переходили на сторону Миронова казаки для того, чтобы, получив оружие, на месте познакомиться с расположением наших частей и потом увести за собой в сторону Краснова целые полки». На самом деле в значительной степени именно войска Миронова помогли разбить Краснова и открыли путь Красной Армии на Дон.

С этого времени (январь 1919 года) и начинается «расказачивание». Основные принципы были сформулированы в Директиве Оргбюро ЦК РКП(б) (точнее – в циркулярном письме) от 24 января. Положения этого документа были выработаны в начале января в переписке между Свердловым и Донбюро (председатель Сырцов, обычный корреспондент Свердлова – Френкель). В Директиве предлагается:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. (...)

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. (...)

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка» (то есть оккупация).

Еще 15 января Френкель писал в ЦК РКП: «Предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению... кулацкого казачества как сословия, составляющего ядро контрреволюции». Свердлов дал указание никакой местной власти на Дону не допускать, «руководство должно пока остаться за Реввоенсоветом фронта». Инструкция Реввоенсовета «О борьбе с контрреволюцией на Дону» рекомендует: «...обнаруживать

и немедленно расстреливать: а) всех без исключения, занимавших служебные должности (...), е) всех без исключения богатых казаков (...), и лица и целые группы казачества, которые активного в борьбе с советской властью участия не принимали, но которые внушают большие опасения, подлежат усиленному надзору и, в случае необходимости, аресту» (подписи: Реввоенсовет Южфронта И. Ходорковский, В. Гиттис, А. Колегаев, управделами В. Плятт). В другой раз Реввоенсовет пишет: «Необходимы концентрационные лагеря с полным изъятием казачьего элемента из пределов Донской области». Донбюро предписывало: «1. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовывать всех видных представителей данной станицы (...), хотя и не замеченных в контрреволюционных действиях, и отправлять как заложников в районный революционный трибунал (уличенные, согласно Директиве ЦК, должны быть расстреляны). 2. (...)В случае обнаружения у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия, но и члены его семьи».

Инструкции воплощались в жизнь. Из письма в казачий отдел ВЦИК: «Трибунал разбирал дел по 50 в день. Смертные приговоры сыпались пачками, часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети. Расстрелы производились часто днем, на глазах у всей станицы, по 30 – 40 человек сразу». Из письма Шолохова Горькому: «...бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской (...) в течение 6 дней число расстрелянных достигло (...) 400 с лишним человек». Военком Особого экспедиционного корпуса В. А. Трифонов (уже в июле, после начала восстания): «...в Вешенском районе были расстреляны 600 человек (...) в помещении Морозовского ревкома

были обнаружены 65 изуродованных казачьих трупов». Командированный из Москвы пишет: «Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60–80 человек. Принцип был такой: чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону (...). Во главе продовольственного отряда стоял некто Гольдин. Его взгляд на казачество был таков: казаки – его враги, нагаечники, зажиточные, а посему до тех пор, пока казаков не вырежем и не заселим пришлым элементом Донскую область, до тех пор советской власти не будет». Обнаружены постановления трибуналов о расстрелах: в станице Казанской – 87 казаков, Мигулинской – 64, Вешенской – 46, Еланской – 12.

Результатом было вешенское, или верхнедонское, восстание в марте 1919 года. Восставшими была проведена мобилизация мужчин от 19 до 45 лет и создана армия в 30 тысяч штыков. Из воззвания восставших: «Восстание поднято не против Советов или Советской России, а только против партии коммунистов». Реакция коммунистических властей была такой: «Все казаки, поднявшие оружие в тылу красных войск, должны быть поголовно уничтожены, уничтожены должны быть и все те, кто имеет какое-либо отношение к восстанию и противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц, сжечь хутора и станицы, поднявшие оружие против нас в тылу» (из Директивы Реввоенсовета 8-й армии; подписи: Якир, Вестник). Другие директивы: массовое взятие заложников, примерное проведение карательных мер и т. д.

В апреле Донбюро писало: «Существование донского казачества (...) стоит перед пролетарской властью

угрозой контрреволюционных выступлений (...). Все это ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы».

Такая политика, конечно, только усиливала сопротивление казачества. К нему присоединились крестьяне Воронежской губернии и некоторые части Красной Армии. Восставшие распространяли Директиву Оргбюро как свои агитационные материалы. Были и среди большевистского руководства голоса, указывавшие на эту связь. Но они плохо воспринимались. Еще 20 апреля Ленин писал Сокольникову: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось». Он же ему 24 апреля: «Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгость, но если Вы абсолютно уверены, что нет силы для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно». Но 5 мая опять Сокольникову: «Промедление с подавлением восстания прямо-таки возмутительно (...), необходимо (...) вырвать с корнем медлительность. Не послать ли еще добавочные силы чекистов?» 15 мая – Троцкому: «Очень рад энергичным мерам подавления восстания». Но было уже поздно. Восстание разлилось так широко, что разгромило весь тыл Южного фронта Красной Армии, и уже в мае Добровольческая армия прорвала фронт.

Другим проявлением настроения казачества был бунт корпуса Миронова, окончившийся, в отличие от вешенского восстания, быстрой неудачей.

Летние восстания не ограничились Югом: например, тогда же были восстания в Костромской и Ярославской губерниях. Здесь из дезертиров организовалась целая армия «зеленых». 600 дезертиров, поддержанные 1500 крестьянами, вступили в бой с отрядом под командованием Френкеля. При подавле-

нии восстания было убито 300 крестьян, расстреляно 60 руководителей, взяты заложники. За два дня боев сожжено пять селений. При подавлении восстания в Петропавловской волости тем же Френкелем было убито в бою и расстреляно 200 крестьян.

Разгром Красной Армией Добровольческой армии Деникина не ослабил давления на деревню, что и вызвало множество восстаний во второй половине года: в Пермской, Вятской, Воронежской, Костромской, Нижегородской, Ярославской губерниях. На сторону восставших крестьян переходили и части Красной Армии, состоявшей из таких же мобилизованных крестьян. Например, подняла мятеж дивизия Григорьева. Возникшее восстание охватило Херсонскую и Екатеринославскую губернии.

1920–1921 годы

Победа центральной власти в Гражданской войне была уже обеспечена. Ее противники остались только на периферии: Врангель в Крыму, Польша и Дальний Восток. Но война с деревней продолжалась. В начале года военное положение сохраняется в 36 губерниях: там шла крестьянская война. В феврале – марте вспыхивает крупнейшее восстание в Поволжье и Уфимской губернии – «вилочное восстание». Как и другие восстания, оно было вызвано проведением продразверстки – когда выгребался весь хлеб до остатка и крестьяне обрекались на голодную смерть. В восстании участвовали русские, татары, башкиры. Их армия насчитывала 35 тысяч человек (а по некоторым донесениям ЧК – 400 тысяч). При подавлении восстания применялись артиллерия, бронепоезда. По официальным данным, потери восставших – 3 тысячи человек убитыми и ранеными.

За первую половину года число дезертиров превысило 1 миллион человек. Они смешивались с крестьянскими повстанцами. Все эти формы крестьянского сопротивления назывались властью «бандитизмом». В постановлении Совнаркома «О мерах борьбы с бандитизмом» были введены «ревтрибуналы» вне фронтовой полосы: «Приговоры ревтрибуналов безапелляционны, окончательны и никакому обжалованию не подлежат». Была создана Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом, председателем которой был назначен Склянский (одновременно заместитель Троцкого по Реввоенсовету).

В июле крестьянская война опять вспыхнула в Заволжье и на Урале. На этот раз ее вождем стал популярный командир Красной Армии, награжденный орденом Красного Знамени, Сапожков. Движение получило название «сапожковщина». Оно охватило Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Уральскую, Оренбургскую губернии. Сапожковцы заняли Бузулук. Из сводки ЧК: «Была объявлена запись добровольцев, проходившая с большим наплывом крестьян. На подавление были брошены все наличные силы этого района». Ленин требовал: «...от селений, лежащих на путях следования отрядов сапожковцев, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия». К сентябрю основные силы движения были разгромлены.

Самый известный эпизод крестьянской войны – антоновское (то есть под руководством Антонова) восстание в Тамбовской губернии. Собственно, крестьянская война шла в этой области с 1918 года. Особенно гибельным стало положение крестьян в связи с неурожаем 1920 года. Зимой начался голод. В докладе Антонова-Овсеенко, составленном уже после подавления восстания, говорится: «Уже к январю половина

крестьянства голодала. В Усманском, частью Липецком, Козловском уездах голод достиг крайних пределов (жевали древесную кору, умирали голодной смертью)». В то же время в донесении ЧК констатируется: «...взимание продразверстки, доходившее в некоторых местах Тамбовской губернии до геркулесовых столпов и своими методами не уступая методам инквизиции». На продовольственном совещании председатель губисполкома Шлихтер сказал: «Деревня поймет, что время, когда она могла не подчиняться этой власти, прошло. И как бы ни были тяжелы веления этой власти, предъявляемые деревне, она должна их выполнять». Естественно, крестьянские восстания вспыхнули по всей области. Ленин требовал (в записке Дзержинскому и Корневу): «Скорейшая и примерная ликвидация (антоновского движения. – *И. Ш.*) безусловно необходима (...). Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил». Но антоновская армия насчитывала уже 10 тысяч штыков. Велась активная агитация, распространялось много листовок. К началу 1921 года число повстанцев дошло до 40 тысяч. Власти пошли на отмену продразверстки в Тамбовской губернии. Одновременно предписывалось: «В случае повторных вспышек восстания все здоровое мужское население от 17 до 50 лет арестовывать и заключать в концентрационные лагеря».

В апреле 1921 года командовать войсками, брошенными на подавление восстания, был назначен Тухачевский – один из известнейших военачальников Красной Армии. На Тамбовщину были направлены также Уборевич, Котовский, от ЧК – Ягода, Ульрих. Была сконцентрирована армия более чем в 100 тысяч штыков. Применявшаяся тактика в документах Красной Армии и властей называется «оккупационной системой». Она включала: занятие определенной территории, контрибуции, раз-

рушение домов как повстанцев, так и их родственников, взятие заложников (иногда целыми семьями), создание концлагерей. Из приказов Тухачевского:

«Переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов. Имущество этих семей конфисковывать»; «...бандиты, участвовавшие с оружием в руках не менее месяца, и все бандиты полков особого назначения (...) подлежат расстрелу».

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда».

«Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами».

Имеется документ, детально описывающий одну такую операцию.

В ряде документов обсуждаются детали функционирования концлагерей: сообщается количество нетрудоспособных, женщин, беременных женщин, детей, грудных детей, опасность возникновения эпидемий. Вот доклад комиссии ВЦИК об исполнении этих приказов: «В Паревке (...) первые заложники в количестве 80 человек категорически отказались дать какие бы то ни было сведения. Все они были расстреляны, и взята

вторая партия заложников. Эта партия уже безо всякого принуждения дала все сведения о бандитах, оружии, бандитских семействах (...). В Иноковке, куда уполномоченный поехал из Паревки для проведения аналогичной операции и куда слух о паревской операции дошел раньше, даже не пришлось брать заложников. Население добровольно само пошло навстречу комиссии. Один старик привел своего сына и сказал: "Нате еще одного бандита"...»

Разгром «антоновщины» в основном был завершен к концу 1921 года. О масштабах репрессий говорит один пример. В селе Никольском с 8 тысячами жителей в русско-японскую войну погиб один солдат, в германскую – 50, а за 1920–1921 годы – 500 крестьян. По-видимому, это движение произвело сильное впечатление на большевистское руководство – например, в документах для внутреннего пользования стандартный термин «бандитизм» в этом случае заменяется на «крестьянское повстанческое движение».

Другое восстание, даже большего масштаба и приблизительно в то же время, происходило в Западной Сибири: в Тюменской губернии и в частях Челябинской, Екатеринбургской, Омской губерний. Восстание началось в январе 1921 года. Была проведена мобилизация и создана армия численностью около 100 тысяч человек. Повстанцы захватили многие крупные города, в частности Тобольск, где выпускали свою газету. Против них были брошены крупные части. В основном восстание было подавлено к апрелю 1921 года. Террор против участников восстания имел все типичные для того времени черты. Сохранились дела по обвинению несовершеннолетних (15–17 лет) в «службе у бандитов» (например, как сестры милосердия). Историк, работавший в архивах Тобольска, видел надписи, сделанные детским

почерком на больших листах: «Не убивайте нас!» Такие листы вывешивались в деревнях, когда в них вступали коммунистические карательные отряды.

Мы пытались лишь пунктирно очертить контуры крестьянской войны. Не упомянуты здесь махновское крестьянское движение, длившееся три года на Украине, громадное крестьянское восстание в Карелии в 1921 году и многое другое. Главное – крестьянская война шла по всей России все три года после Октябрьской революции. Ленин признал, что «крестьянские восстания (...) представляют общее явление для России». В результате Ленин вынужден был констатировать, что продолжение политики «военного коммунизма» «означало бы наверняка крах советской власти и диктатуры пролетариата». Ленин, писавший раньше: «...мы скорее ляжем все костьми», чем разрешим свободную торговлю хлебом, вынужден был провозгласить «отступление» – нэп. Крестьянство не «выиграло» крестьянскую войну, не установило своей власти, но «отбилось» от противника.

Выиграть войну в тех условиях крестьянство и не могло. На это рассчитывал и Ленин. Он говорил Г. Уэллсу: «...Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед... Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко». Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать» (12).

Но почему это безумие продолжалось три года? Почему Ленин, умевший просчитывать на столько ходов вперед, придумывать такие нетривиальные ходы, не увидел самую простейшую истину: что физически невозможно обирать крестьянство, обрекая его

на голодную смерть, когда крестьянство составляет $^{4}/_{5}$ населения страны? Да и то, что с крестьянством погибнет от голода оставшаяся $^{1}/_{5}$ населения. Почему этого не увидело окружение Ленина, состоявшее из далеко не глупых людей (хотя некоторые, осторожные, предупреждения были)? Почему вместо ленинских телеграмм, призывающих к строгости, свирепости, беспощадности, не слались другие, напоминающие, что, если мужики перемрут, есть всем будет нечего? Ведь неправильно представлять себе крестьян того времени как анархическую стихию, вышедшую из берегов, которую любыми средствами надо было ограничить, чтобы спасти страну. Такую точку зрения высказал, например, Ленин Горькому: «Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка могла бы справиться с их анархизмом? Вы, который так много – и так правильно – шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу».

Но факты этого не подтверждают, как видно из опубликованных теперь документов. Крестьяне шли на безнадежное (в каждом отдельном случае) сопротивление вовсе не потому, что не хотели вообще давать хлеб государству. Прежде всего это была оборонительная война, борьба за свое существование. Яркий пример – верхнедонское восстание 1919 года. Ведь в руках казаков оказался текст директивы, по своей свирепости превосходившей немецкий план «Ост» последней войны. Власти просто не оставляли казакам свободы выбора. Так обстояло дело и во многих других случаях. Как в тылу Колчака крестьянские восстания были вызваны новой мобилизацией, в тылу Деникина – попытками отобрать назад помещичьи земли, так и в тылу Красной Армии каждый раз – вполне конкретными причинами.

Вот причины восстаний, согласно сводкам ЧК. В 1918 году это была борьба против насильственного введения «коммун». Позже – против повинностей, полностью разрушающих хозяйственную жизнь: продразверстки, «чрезвычайного налога», гужевой повинности и т. д. Они ассоциировались с образом «коммуниста» или «коммуны». Например (в Поволжье): «Долой коммунистов и коммуну! Долой жидов!» Конкретные требования были: отмена продразверстки, хлебной монополии, свободная торговля, сдача хлеба «по известной норме с души». Крестьяне протестовали против закрытия церквей, уничтожения икон. Лозунг: «Долой войну! Не давать солдат в Красную Армию!» – тоже легко понять: против войны только что именно большевики громче всех агитировали. А если выступающий на митинге спрашивал: «Почему Ленин приехал к нам из Германии?» – то это свидетельствовало не об «анархизме», а скорее о некоторой политической любознательности. Наконец, программа Союза трудового крестьянства, действовавшего во время антоновского восстания, является довольно стандартной для того времени программой партии левого направления.

Произошло столкновение двух несовместимых жизненных установок. С одной стороны – марксистской, социалистически-коммунистической, видящей идеал в обществе, построенном как грандиозная машина из человеческих элементов. Бухарин описал его как «трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени». Ленин планировал труд рабочего: «отбытие 8-часового “урока” производительной работы» при условии «беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса». А с другой стороны, этому противостояло восприятие жизни крестьяни-

на, выросшее из глубокой древности, основанное на индивидуально-творческом труде в единстве с Космосом. Ненависть к крестьянству заложена в марксизме, начиная с самых его истоков. Маркс и Энгельс называли крестьян «варварской расой», «варварством среди цивилизации», писали об «идиотизме деревенской жизни». В «Коммунистическом манифесте» говорится: «Общество все более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса – буржуазию и пролетариат». Наличие крестьянства было бьющим в глаза противоречием этой концепции. Недаром Маркс назвал крестьян «неудобным» (или «неправильным») классом. Ленин называл крестьян «реакционным классом», классом «с сохраняющимся, а равно возрождающимся на его основе капитализмом».

На IX съезде партии в 1920 году Троцкий предложил широкий план «милитаризации» экономики. Доклад был представлен от ЦК, и к тексту имеется ряд одобрительных заметок Ленина. Идея заключалась в организации «рабочей силы» по военному образцу, в виде «трудармий». По поводу «милитаризации» на съезде развернулась оживленная дискуссия. Противником плана Троцкого выступил В. Смирнов. Но оказывается, вся дискуссия шла лишь о том, можно ли эту форму организации «рабочей силы» применять в промышленности, к пролетариату. Троцкий говорит: «Мы мобилизуем крестьянскую силу. (...) Здесь слово “милитаризация” уместно, но, говорит т. Смирнов, если мы перейдем в область промышленности...» Вот только здесь и возникали разногласия, а по поводу крестьян все были единодушны. Да Троцкий и прямо называл крепостное право «при известных условиях прогрессивным».

Горький, в этом полностью солидарный с большевизмом, всю жизнь ненавидел мужика. Он писал: «...полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – почти страшные люди». Он сказал Воронскому: «Если бы крестьянин исчез с его хлебом – горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории». Чуковскому: «Я... недавно был на съезде деревенской бедноты – десять тысяч морд – деревня и город должны непременно столкнуться (...), здесь как бы две расы». Чуковский пишет: «Я спросил его, о чем будет читать он. Он сказал: о русском мужике. «Ну и достанется же мужику!» – сказал я. «Не без того, – ответил он. – Я затем и читаю, чтоб наложить ему как следует. Ничего не поделать. Наш враг... Наш враг».

Бухарин уже в период нэпа называл крестьян «курицей, которая должна превратиться в человека». Пропитанные этой идеологией партийные вожди, руководители продотрядов и военных частей и набросились на крестьян как на самых заклятых врагов, как на нелюдей. Крестьянская война была войной за существование крестьянства. Речь шла о «ликвидации крестьянства как класса». И понадобилось три года, чтобы через этот порыв ярости, сознание чуждости и даже несовместимости крестьянства и новой власти (трудно назвать ее советской властью, так как большинство ее противников в крестьянской войне тоже выступали под лозунгом Советов) пробилось понимание, что победить в тот момент вряд ли можно, а победа означала бы общую гибель. Тогда и был введен нэп, идеи которого циркулировали уже несколько лет до того. На время землю, а точнее, свое существование крестьяне защитили.

Если же говорить об «осуществлении народных чаяний», то следует вспомнить еще об одной народной

нужде. Февральская революция началась из-за перебоев со снабжением хлебом. Ленин писал, что политика Временного правительства несет «гибель, немедленную и безусловную гибель от голода». Предотвратить ее может только «социализм, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу». «Хлеб есть и может быть получен, но не иначе как путем мер, не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения».

Через пять месяцев после Октябрьской революции Кондратьев писал: «Вся страна хорошо помнит, что большевики, стараясь привлечь к себе народные массы, выдали им один весьма серьезный вексель: они обещали дать народу хлеб. Прошло уже пять месяцев, как они стоят у власти, и мы вправе спросить: как обстоит дело с платежом по векселю?» Он рассказывает, что сразу же после переворота «Всероссийский продовольственный съезд выделил из своего состава Совет десяти и поручил ему предложить Совету народных комиссаров оставить дело продовольствия вне политической борьбы, сохранить в этот трудный момент уже налаженный аппарат продовольственных организаций (...). 27 ноября в здании Министерства продовольствия Совет десяти вместе с двумя товарищами министра был арестован», «а затем, когда всякая система продовольствия уже была смята, когда население сплошь и рядом совершенно не получало хлеба, вынуждено было само доставать хлеб, большевики в лице продовольственного диктатора на час – Л. Троцкого (такого знатока в этой области!) издают жестокий приказ о расстреле на месте неподчиняющихся мешочников, которые виноваты разве только в том, что хотят есть, а им не дают».

Кондратьев резюмирует: «Своим переворотом большевики хлеба не дали, а приблизили голод». Его

предсказания сбылись. К хлебу стали подмешивать опилки, глину. Голод начался в 1921 году. Ему сопутствовали массовое вымирание, самоубийства, людоедство, протесты (в том числе протесты женщин), подавляемые оружием. К концу года голодало более 23 миллионов человек. По данным Прокоповича (одного из организаторов Комитета помощи голодающим), от голода умерло 5 миллионов человек, беженцев было 21 миллион человек. Есть и оценки числа погибших в 2,5 миллиона человек.

Но если судить деятелей той эпохи мерками нашей, то это никак не объяснит их действий. Они совсем не были похожи на современных политиков, и прежде всего тем, что поставили на кон свои головы. Я случайно имел возможность почувствовать атмосферу, в которой они жили. Мой учитель, известный математик Б. Н. Делоне, учился в Киевском университете на курс старше О. Ю. Шмидта, известного позже как организатора полярных экспедиций. Но по образованию Шмидт был математик. После Октябрьской революции он вступил в РКП(б) и был в ленинском правительстве замнаркомфина. После окончания Гражданской войны Делоне и Шмидт встретились и проговорили целую ночь. Как мне рассказывал Делоне, Шмидт сказал ему: «Вы не представляете себе, Борис Николаевич, что значит жить три года, постоянно чувствуя веревку на шее!» А ведь это относилось ко всей большевистской верхушке. Их психология была совершенно отлична от теперешних политиков, обещающих (искренне или нет) добиться выплаты пенсий и зарплаты, приостановить инфляцию. Их же такие мелочи не интересовали. Они, как говорил Маркс, «штурмовали небо». Они считали, что на их глазах родится новый человек и новый мир. А ведь эти слова не ими были

выдуманы: «И увидел я новое небо и новую землю» (Апок 21:1). Такого масштаба видения открывались и им, конечно, в их материалистическом и классовом восприятии. И ради них кровь могла течь реками, а люди – гибнуть миллионами.

Сталин и оппозиция

Мы рассмотрели самую радикальную точку зрения: что русская национальная идея после 1917 года совпала с коммунистической идеей и осуществлялась через нее. Существует другая точка зрения на этот вопрос, близкая к этой, но менее радикальная. Именно она сейчас кажется многим убедительной. Она сложнее: признает, что Ленин собрал вокруг себя много людей без роду и племени, чуждых России и даже враждебных русской национальной традиции. Они смотрели на Россию лишь как на материал, как на «спичку», при помощи которой можно разжечь пожар мировой революции. Но после революции в партию вступило много людей, духовно связанных с Россией. Опираясь на этот слой, Сталин победил «ленинскую гвардию» во время столкновений с различными «оппозициями». Физически он их уничтожил в 1937 году. Избавившись от них, он смог восстановить могущество России. Это он делал жестокими методами, но другого пути тогда просто не было. В Великую Отечественную войну и после нее Сталин повернул развитие страны опять в русло русской исторической традиции. Частично это была «контрреволюция», или «реставрация» исторической России, а некоторые говорят, что по духу – даже монархии.

Такая концепция имеет гораздо больше опоры в фактах. Во-первых, она не отрицает очевидного: вне-

национального и даже антирусского духа большевистского движения перед революцией и во время Гражданской войны, ориентации на мировую революцию, до которой надо только «продержаться», а там все проблемы решатся сами. Во-вторых, в ее поддержку можно привести такие факты, как изменение фразеологии сталинских речей во время войны; введение старых воинских званий, золотых погон; прекращение – во время войны – гонений на Православную Церковь (возобновленных при Хрущеве) и другие. Вот эту точку зрения и интересно разобрать.

Прежде всего напомним историю борьбы Сталина с «ленинской гвардией». Такая борьба, конечно, происходила, и в 1937 году весь этот слой был уничтожен. История этой борьбы распадается на этапы: борьба «генеральной линии партии», которую провозглашал Сталин, с различными «оппозициями» на XIII, XIV, XV и XVI съездах. На XIII съезде оппозиция была троцкистской, а ЦК представлял «триумвират» – Зиновьев, Каменев и Сталин. На XIV съезде оппозицию возглавляли Зиновьев и Каменев, а от ЦК выступали Сталин, Бухарин, Угланов и другие. На XV съезде выступала «объединенная оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым и Каменевым, а от ЦК выступали Сталин, Рыков, Угланов, Каганович и другие. На XVI съезде положение было сложнее. Определенные разногласия и раньше проявлялись на Политбюро и пленумах ЦК. Но на съезде некоторой группе, названной «бухаринской», было предъявлено обвинение в «правом уклоне». Никакого столкновения двух точек зрения на съезде не было. Обвиненные в «правом уклоне» признавали свои ошибки (Рыков, Томский, Угланов; Бухарин на съезде не присутствовал). При этом выступавшие часто называли свою прошлую деятельность «оппозиционной».

Противоположную позицию – «от ЦК» – занимали Сталин, Киров, Куйбышев и другие. Таким образом, личности, занимавшие позицию то «оппозиции», то «генеральной линии партии», сильно менялись.

Каков же был тот идеологический барьер, который их разделял, за что шла борьба? Легко убедиться, что на XIII, XIV и XV съездах «оппозиции», хотя состоявшие из разных лиц, высказывали примерно одну и ту же систему взглядов.

Их требования были таковы. Прежде всего, ускорение темпов индустриализации («сверхиндустриализация», по Троцкому). Но где взять для этого капитал? Ответ был: индустриализация должна быть проведена за счет крестьянства. Близкий единомышленник Троцкого Преображенский построил даже по этому поводу стройную теорию «социалистического первоначального накопления». Он напоминает «основные методы капиталистического первоначального накопления»: «грабеж некапиталистических форм хозяйства», одной из форм которого является «колониальная политика». «Сюда же относятся все методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий. Наиболее типичными методами являются: грабеж крепостных крестьян сеньорами (...) и налоговое обложение крестьян государством». В заключение этого экскурса приводится цитата из Маркса: «Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии» вплоть до знаменитого восхваления насилия как «повивальной бабки всякого старого общества, когда оно беременно новым». После такого обзора автор переходит к положению «в период первоначального социалистического накопления». Он сразу отметает «колониальный грабеж» как недопустимый для социалистического государства. (Интересно было бы понять – почему? Люди

были решительные, убежденные материалисты, сторонники «классовой морали». Почему для них ограбление деревни было «допустимым», а «колоний» – нет?) «Совсем иначе обстоит дело с отчуждением в пользу социализма части прибавочного продукта из всех досоциалистических форм. Обложение досоциалистических форм (...) неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз», – формулирует Преображенский. Более того, «страна должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства» (13).

Так как программа апеллировала к «повивальной бабке истории» – насилию, а опыт крестьянской войны был еще свеж, то заранее готовилась новая атака на деревню. Так же как крестьянская война называлась войной «против кулаков и бандитов», так и возбуждаемая «оппозициями» агрессивность по отношению к крестьянству формально адресовалась «кулакам». Если не понимать этой логики «переадресованной агрессии», то есть попросту замены слова «крестьянство» на «кулак», то ситуация кажется совершенно нелепой. Вожди государства заинтересованы в индустриализации. Капитал для нее получается продажей хлеба за границу. Подавляющую часть товарного хлеба дают зажиточные крестьянские хозяйства (те, кто в более узком смысле назывался «кулаками»). Казалось бы, их-то и надо поддерживать. Но государство, наоборот, с ними борется, а оппозиция понукает его бороться еще энергичнее. Всеми мерами – и экономическими, и политическими – зажиточные крестьяне выталкиваются из жизни. В результате деревня, очевидно, должна обеднеть и давать меньше хлеба и, значит, капитала для индустриализации. При этом никакой политиче-

ской опасности для власти ни зажиточные крестьяне («кулаки»), ни крестьяне вообще не представляли: тогда не было ни малейших следов какой-либо попытки их организации.

Зато вполне логичным является проект использовать все крестьянство как замену колоний, за счет чего можно осуществить индустриализацию.

Опять возникает идея «внесения Гражданской войны в деревню». «Мы должны дать знать бедноте, что мы не позволим кулаку раздевать и грабить ее» (Зиновьев на XIV съезде, то есть в оппозиции). «Кулак обнаглел» (Крупская на XIV съезде, в оппозиции). «Дело идет к использованию нэпа некоторыми слоями крестьянства в очень сильной мере в направлении сопротивления нашим планам» (Каменев на XIV съезде, в оппозиции). Зиновьев (на XIV съезде, в оппозиции) цитирует письмо из деревни, где «сказаны самые серьезные слова: у нас подумывают о том, что это не чуть ли опять восстановление монархии, опять кулак поднимает голову»; «Злобой дня как раз и является усиление политической и экономической активности кулака». Но вдруг он забывает о «кулаке»: «Мы получили настроение недовольства в бедняцких массах против нас»; «Нельзя же не видеть этой основной опасности, нельзя не видеть, что десятки миллионов крестьянской бедноты тоже имеют вождей, нельзя не видеть, что демобилизованные красноармейцы, связанные с беднотой, поддерживают эти настроения». Это уже без иносказаний.

Линия ЦК объявляется отходом от ленинизма, «термидорианским уклоном». «Складывающаяся теперь в партии теория, школа, линия, не находящая теперь должного отпора, гибельна для партии»; «Речь идет о судьбах нашей революции»; «Крестьянин держит нас

за руки в деле расширения и восстановления нашей промышленности» (Каменев, в оппозиции). Руководство обвиняется в недостаточно жестком администрировании. На XIV партконференции была отвергнута поправка Пятакова к резолюции: «Управление всем государственным хозяйством как объединенной системой (...). Задача проведения планового начала в нашем хозяйстве должна быть поставлена во главу угла всей нашей экономической политики».

Естественно, такое резкое противостояние («Дело идет о судьбах нашей революции») означало атаку на верховное руководство ЦК. Оно обвинялось в бюрократизме, «перерождении», и намекалось, что места наверху могут быть заняты новыми, по большей части молодыми партийцами. Перед XIII съездом Троцкий издал книжку «Новый курс», в которой он писал: «Партия живет на два этажа: в верхнем – решают, в нижнем – только узнают о решениях». «Главная опасность этого курса (...) в том, что он обнаруживает все большую тенденцию к противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, остальной партийной массе как объекту воздействия». Это отсутствие демократии в партии, говорили они, направлено против «молодняка» (такой термин был тогда принят). В «Новом курсе» молодежь названа «барометром нашей партии».

Сторонники «генеральной линии» приняли бой, нигде не делая уступок. «В деревне власть скорее поддерживают зажиточные кулаки»; «Мы должны были держать курс на мужика – исправного хозяина. Эта задача остается» (Зиновьев на XIII съезде, еще против оппозиции). Оппозицию обвиняли: «Уклон в сторону переоценки кулацкой опасности»; «На деле этот уклон ведет к разжиганию классовой борьбы в дерев-

не, к возврату к комбедовской политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране» (Сталин, XIV съезд). Сталин, объединяя идеи Ларина с положениями Зиновьева (то есть оппозиции), называет его сторонником «второй революции» в деревне (на XIV съезде). «Крестьянин, сдающий сегодня землю в аренду, превращается завтра в самостоятельного хозяина (...). Облегчение найма и аренды развязывает производительные силы деревни» (Яковлев, будущий организатор коллективизации, на XIV съезде – против оппозиции).

На обвинения в отсутствии демократии, в капитулянтстве отвечали: «Тов. Троцкий вместо реформ попытался сделать в партии революцию» (Рудзутак, XIII съезд, против оппозиции); «Когда они хотят взбудоражить партию против ЦК, в труднейший момент, позвольте им дать сдачи втрое. И мы будем это делать, руководствуясь всей страстью революционеров, а не любовью к ближнему» (Зиновьев, XIII съезд, против оппозиции). Оппозиции предъявляются обвинения: «срыв партийного единства», «пытается сорвать главные решения нашей партии», «противопоставляет себя съезду». «На X съезде Троцкий стоял за перетряхивание ленинских кадров сверху, в области профсоюзов, а теперь он перетряхивает те же ленинские кадры снизу, в области партии. И тогда, и теперь он стоял за перетряхивание ленинских кадров» (Сталин, XIII съезд).

На XV партсъезде борьбы с оппозицией не было: ее избивали. Из числа ее вождей Троцкий и Зиновьев уже были исключены из ЦК и на съезде не выступали. Нескольких других, пытавшихся выступать, прерывали, освистывали, сгоняли с трибуны. Но и сквозь улюлюканье съезда ораторы оппозиции пытались донести крик своей ненависти к крестьянству, облеченной, конечно, в

форму предупреждения о «кулацкой опасности». «Разве нынешнее хозяйственное положение не подтверждает, что кулацкая верхушка деревни срывает наши государственные планы, план экспорта, а следовательно, и капитальных затрат?» (Каменев, в оппозиции). «Я должен констатировать, что в докладе т. Сталина нет и намека на лозунг о "форсированном наступлении на кулака"...» (Бакаев, оппозиция). Бакаев не вполне прав. В докладе Сталина говорится о том, что кулак растет и это – «минус в балансе нашего хозяйства». Но обсуждается этот вопрос действительно очень мирно и звучит предупреждение, что «не правы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ».

Резолюция XV съезда оставляла общую цель «перехода к коллективной обработке земли», подчеркивая слабую реализацию этого положения в ближайшем будущем: констатировалось, что существуют лишь «ростки обобществленного сельскохозяйственного труда».

С оппозицией на XV съезде было покончено. Победителем вышла группа, возглавляемая Сталиным, Бухариным, Рыковым и Томским. Но тут начались трения в победившей группе. Они долгое время не имели характера открытой формулировки расходящихся точек зрения, открытого противостояния. Это была «драка бульдогов под ковром». Реальная борьба происходила на пленумах ЦК, материалы которых не публиковались, и о ней только сейчас, после открытия многих архивов, можно составить представление (14–16). Суть конфликта заключалась в том, что Сталин стал, в принципе, шаг за шагом реализовывать основные положения «левых оппозиций», с которыми он до того вместе с Бухариным, Рыковым и другими боролся. Этот сдвиг, как сейчас можно заметить, начался втихомолку даже до XV съез-

да. Через Политбюро, где он располагал большинством, через Секретариат и ГПУ (фактически возглавлявшееся его сторонником Ягодой) Сталин начал проводить ряд конкретных мер, которые только позже стал оформлять в виде цельной программы.

Первым шагом было «овладение информацией», столь понятное теперь, в «информационный век». Это выразилось тогда в разгоне верхушки ЦСУ (Центрального статистического управления). Еще в 1925 году новое руководство ЦСУ дало новые, значительно большие цифры имеющегося у крестьян хлеба («невидимые запасы»), который, следовательно, было возможно у них изъять. Второй шаг заключался в подключении ГПУ к проведению хлебозаготовок, на первых порах – для сбора информации о «причинах, задерживающих выпуск хлеба на рынок его держателями». Это был 1926 год. Еще один шаг – создание в стране атмосферы страха, нависшей «интервенции». Были использованы незначительные столкновения с Китаем, убийство советского полпреда в Польше Войкова и взрыв бомбы в Ленинграде. Ответственность возлагалась на «консервативные круги Англии» и «белогвардейское подполье». Сталин рекомендовал взять заложников и «расстрелять пять или десять монархистов (...), дать ОГПУ директиву о повальных обысках», произвести «повальные аресты», провести «показательные процессы». Это было еще лето 1927 года, и Бухарин и Рыков вошли в комиссию по борьбе с «белогвардейщиной и ролью в этом иностранных правительств». Это все были подготовительные меры. Более реальные действия начались после XV съезда, в связи с хлебозаготовками. Они прокламированы в постановлении Политбюро, Наркомторга и ОГПУ, где «всем губотделам» предлагалось действовать «твердо, жестко, не

смущаясь никакими другими соображениями» (декабрь 1927 г.). ГПУ предписывало своим органам аресты по статье 107 УК (против спекуляций). Ряд высших партийных руководителей (включая Сталина) отправились на места для проведения хлебозаготовок. Молотов, например, был на Урале. Он сказал там: «Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк». Сталин был в Сибири. Он говорил, например: «Можно наверстать потерянное при зверском нажиме и умении руководить». ГПУ произвело аресты, по тем временам массовые – около 3000 человек. Производились обыски, искали хлеб. При этом, кроме хлеба, отбирали скот, постройки. Из Курской губернии: «...на 12 человек семьи оставили одну корову и старую лошадь. Сеять нечем». Из Актюбинской: на вопрос «подсудимого» – «За что же?» – судья ответил: «У нас цель раскулачить вас». Секретарь ВЦИК сообщал: «Хлеб забирался и у середняков, и у бедняков». (...) Имелись такие примеры, когда заставляли вывозить и остаток, имеющийся лишь на прокормление семьи, и посев.

Начал раскручиваться громадный маховик, который, все набирая скорость, через несколько лет привел к «сплошной коллективизации», «раскулачиванию» и голоду 1932–1933 годов. Сейчас об этом периоде издано несколько сборников документов (6, 15), имеются подробные документированные обзоры (14, 16).

Некоторое время никакие разногласия в Политбюро не проникали наружу. Бухарин даже высказывался за дальнейшее ограничение прав «кулаков». Разногласия вышли наружу на пленуме ЦК в апреле 1928 года. Сталин говорил о «кризисе хлебозаготовок», который объяснял «выступлением окрепшего при нэпе кулачества». «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту».

Бухарин же считал, что «кулак представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует наши ошибки». Однако на пленуме ЦК в июле 1928 года подтверждалось сохранение нэпа и установка на подъем мелких и средних крестьянских хозяйств. Но потом Бухарин писал, что эти резолюции остались «лишь литературным произведением».

На пленуме ЦК в июле 1928 года Сталин сформулировал новый в тот момент подход. Он объявил законной ситуацию, когда крестьянство «переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности. Это есть нечто вроде дани, нечто вроде сверхналога». В начале 1929 года Бухарин, Рыков, Томский в ряде заявлений ухватились за эту излишне откровенную формулировку, назвав примененный Сталиным термин «дань» «категорией эксплуататорского хозяйства».

Но на том же пленуме ЦК Сталин высказал и другое положение, на десятилетия повлиявшее на судьбу нашей страны: «По мере нашего продвижения вперед... классовая борьба будет обостряться». Продолжение «чрезвычайных мер», несмотря на постановления пленума ЦК в июле 1928 года, привело к более явным столкновениям. Бухарин, Рыков и Томский грозили уйти в отставку. Ряд их заявлений в конце 1928-го и в начале 1929 года оказались такими же «литературными произведениями», как резолюции пленума ЦК в июле 1928 года. Усиление «чрезвычайных мер» предписывалось директивой СНК и ЦК, подписанной Рыковым (!) и Сталиным: «Обеспечить этими методами во что бы то ни стало выполнение намеченного годового плана хлебозаготовок». Рассылались циркуляры о проявлении «непоколебимой твердости по отношению к дезорганизующим хлебный рынок скупщикам и спекулянтам, с применением мер, вытекающих из закона».

«Чрезвычайные меры» предполагали действия, напоминающие продразверстку: определить «точный размер задания каждого села», создать «особую комиссию» из бедняцко-середняцкого актива для распределения заданий по отдельным хозяйствам, штрафы, «не судебный, а административный характер наложения штрафов», «пятикратный размер штрафа при отказе от выполнения задания», при вторичном отказе – арест.

В постановлении ЦК от марта 1929 года «О весенней посевной кампании» «расширение посевов» связывается с «коллективизацией крестьянских хозяйств». Циркуляр Наркомюста РСФСР предлагал: «Применяйте те же методы выявления преступной небрежности и разгильдяйства советских органов и антисоветской работы кулачества». В ноябре 1929 года появилась статья Сталина «Год великого перелома», где он утверждал, что началось «массовое колхозное движение», удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства» в пользу колхозов. Тем не менее весной 1928 года Наркомзем РСФСР составил пятилетний план коллективизации, по которому в конце пятилетки (1933 г.) в колхозах будет лишь 4% крестьян. Летом 1928 года Союз союзов сельскохозяйственной кооперации поднял эту цифру до 12%, а в утвержденном весной 1929 года пятилетнем плане она выросла до 16 – 18%. По данным ЦСУ на 1 октября 1929 года, в колхозах состояло 7,6% крестьянских хозяйств. Но утверждение Сталина стало приказом на ближайшие годы.

Наступление на деревню, естественно, вызвало сопротивление. По данным ОГПУ, в 1928 году было 709 крестьянских выступлений, в 1929-м – 1027, в 1928 году 1307 террористических актов, в 1929-м – 2391. В 1930-м крупные крестьянские выступления (включавшие до 1000 человек) были в Поволжье,

на Украине, в Сибири, на Северном Кавказе, в Казахстане. Против них применялись войска. В сводке ГПУ, присланной Сталину, указываются «сильно пораженные районы»: ЦЧО, Украина, Московская область, Узбекистан, Белоруссия, Грузия, Дагестан, Северо-Кавказский край, Киргизия. Просто «пораженные» районы: Нижняя Волга, Западная область, Армения. Только за январь – март 1930 года было 2700 массовых выступлений (не считая Украины), в которых участвовало около 1 миллиона человек. Начиная с февраля 1930 года всем членам Политбюро рассылались сводки ОГПУ.

Как всегда, партийное руководство прежде всего постаралось смягчить положение в нерусских районах. Так, Политбюро принимает в феврале 1930 года постановление, осуждающее «попытки механического перенесения методов и темпов коллективизации районов сплошной коллективизации на национальные районы». Тогда же ЦК принимает постановление против «административных мер коллективизации» в Узбекистане и Чечне.

Но, наконец, в марте по поручению ЦК выступил Сталин со знаменитой статьей «Головокружение от успехов». Основную вину за «перегибы» он возлагал на «местных работников», их «головотяпство». Тем не менее он писал, что «огромнейшим достижением» является коллективизация 50% крестьянских хозяйств. В закрытом письме ЦК от 2 апреля 1930 года признавались повстанческое движение на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане, массовые выступления крестьян в ЦЧО, Московской области, Сибири, Закавказье и Средней Азии, «перерастающие в антисоветское движение». Виноваты опять были «местные работники», но все это ставило под угрозу «дело коллективизации и социалистического строительства в целом». Был смягчен режим

в деревне, что привело к массовому выходу из колхозов. Уровень коллективизации снизился в 2,5 раза. Процент крестьянских хозяйств, коллективизированных в 1930 году, таков: 20 января – 21,6%, 1 февраля – 32,5%, 20 февраля – 52,7%, 1 марта – 56%. К лету 1930 года из-за смягчения политики по отношению к деревне этот процент опять упал до 23,6%. Таково было положение страны перед XVI партсъездом.

На XVI съезде реально никакая оппозиция представлена не была. «Группа Бухарина» обвинялась в «правом уклоне», и ее представители приносили покаяние, но никаких своих оппозиционных взглядов не высказывали. Зато взгляды Сталина и его сторонников были развиты четко, программно сформулированы. Это:

1. Ускорение индустриализации: «Только дальнейшее ускорение темпа индустриализации нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны».

2. Всеобщая коллективизация как путь получения средств из деревни для индустриализации: принятые уже меры позволили «от лозунга ограничения и вытеснения кулачества перейти к лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации». Вспомним также тезис Сталина о «дани», которую платит крестьянство.

3. Усиление «насильственных мер»: «...вопрос о чрезвычайных мерах против кулаков. Помните, какую истерику закатывали нам по этому случаю... А теперь мы проводим политику ликвидации кулачества как класса, политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры представляются пустяшными. И ничего – живем».

4. Социальный раскол: «За нашими трудностями скрываются наши враги»; «Наша работа по социалисти-

ческой реконструкции народного хозяйства, опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно»; «Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне»; «Необходимо прежде всего отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление».

Таким образом, *Сталин изложил и принял к исполнению основные пункты программы левой оппозиции,* с которой он боролся на предшествующих трех съездах. Ее содержание, как мы помним, было: 1) усиленная индустриализация; 2) проведение ее за счет деревни; 3) подавление сопротивления деревни («кулака»). Был и еще один пункт: 4) для проведения этой программы смена верхнего слоя партии новыми, в основном молодыми, партийцами. Только последний пункт не был четко артикулирован на XVI съезде, хотя намек на него можно увидеть в утверждениях об усиливающемся сопротивлении классовых врагов. Как известно, позже Сталин и этот пункт очень радикально выполнил, о чем будет немного дальше рассказано.

Говоря все это, я вовсе не хочу обвинить Сталина в каком-то необычном двуличии или беспринципности. Радикальная смена позиции – дело далеко не редкое в карьере политика. Черчилль начал как либерал и, только будучи избранным в парламент, перешел в ряды консерваторов. Вероятно, есть основание в высказываниях Сталина на XVI съезде, что требования левой оппозиции были просто нереальны в то время: «Что было бы, если бы мы послушались “левых” оппортунистов из группы Троцкого – Зиновьева и открыли бы наступление в 1926–1927 годах... Мы наверняка

сорвались бы на этом деле». И сама программа оппозиций, переходя из одних рук в другие, оттачивалась и продумывалась. Троцкий, например, намекал на то, что «верхи» партии «перерождаются», что их можно заменить «молодняком». Но куда девать «стариков»? На это у него не было ответа. Сталин провел их через чистки, а в конце концов расстрелял. На XIV съезде Каменев, нагнетая страх перед «мелкобуржуазной стихией», перед «мужичком», все же заявил: «И весь мой опыт, вся практика моей хозяйственной работы приводят меня к тому, что я не предложу: давайте устроим раскулачивание деревни». Сталин этот последний оставшийся шаг сделал. И т. д.

Гораздо важнее другое: оказалось, что у партии как целого и была-то *только одна программа,* лишь переходившая из одних рук в другие. Если Троцкого обвиняли в том, что он хочет устроить «революцию в партии», то Сталин позже сам назвал коллективизацию «революцией сверху» (причем не только в партии, а во всей стране). Если перед XIV съездом Зиновьев опирался на тезис Ленина, что «нэп введен всерьез и надолго, но, конечно, не навсегда», то на XVI съезде эту цитату взял на вооружение уже Сталин. На XIV съезде Сталин, предупреждая, что переоценка кулацкой опасности может привести к «гражданской войне в нашей стране», в то же время признавал: «Я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что больше всего партия подготовлена к лозунгу: “Бей кулака!” Дай только – и мигом разденут кулака». Сформулировав эту мысль, Сталин, несомненно, сделал для себя из нее вывод.

Это была все та же программа времен «военного коммунизма» и крестьянской войны. Ленин писал: «Мы живем в мелкокрестьянской стране, и, пока мы корней капитализма не вырвем и фундамент, основу

у внутреннего врага не подорвем, для капитализма в России есть более прочная внутренняя экономическая база, чем для коммунизма». Этим внутренним врагом, очевидно, был крестьянин. На VIII партсъезде Рыков говорил: «Мы боремся с буржуазией, которая нарождается у нас потому, что крестьянское хозяйство пока еще не исчезло, а это хозяйство порождает буржуазию и капитализм». А в 1927 году Сталин подтверждал: «Союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянина как класса, а для его преобразования и переделки в направлении, соответствующем интересам победы социалистического строительства».

Крестьянство представлялось опасностью не только потому, что «рождало капитализм». Оно по своему духу являлось антитезой социалистической идеи. И сначала Маркс, а потом его последователи (включая Ленина) неоднократно утверждали, что причина неудач всех попыток социалистической революции в Западной Европе была «деревенская буржуазия» (то есть «кулак», то есть деревня). Это была та же программа «милитаризации» крестьянства и создания «трудовых армий» – и «внесения гражданской войны в деревню». Но основные положения имели более давнее происхождение. Какие первые меры предлагает «Коммунистический манифест» Маркса – Энгельса после пролетарской революции? «Введение всеобщей трудовой повинности, учреждение трудовых армий, в особенности в сельском хозяйстве». Согласно тому же «Коммунистическому манифесту», проблему крестьянства должен решить капитализм: «Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день». Но в

России это положение «Манифеста» оказалось невыполненным, и работа досталась партии и государству.

Ленин и Сталин были великими тактиками, они умели остановиться у края пропасти, совершать «отступления», добиваться «передышки». Так произошли эсеровская формулировка о «социализации земли» в Декрете 1917 года, отмена комбедов в 1918 году, нэп, заявления об отмене «чрезвычайных мер», статья «Головокружение от успехов». Но, учитывая это, можно сказать, что вся государственная политика, начиная с 1917 года, была планомерной политикой уничтожения крестьянства как класса, и, хотя вначале она казалась безнадежно утопичной, судя по сегодняшнему положению, ее такой уже не назвать.

Из-за чего же шла тогда ожесточенная борьба на съездах? Это не было столкновение двух принципиально разных позиций. У партии была одна программа, а борьба шла за то, кто ее будет выполнять. Но это и не была просто беспринципная борьба за власть нескольких личностей. Партия искала своего лидера. Говоря современным языком, это были выборы лидера «на конкурсной основе». Правда, в условия конкурса входило и то, что проигравший платит головой. В этой борьбе Сталин показал себя наиболее способным к проведению той программы, которую вынашивала партия. Он стал лидером и действительно осуществил эту программу самым последовательным образом.

Великий перелом

«Сплошная коллективизация» и «раскулачивание» вместе составляли второй этап войны против деревни, отделенный от первого промежутком всего в 7–8 лет. Но теперь баланс сил был совершенно иным.

Во-первых, власть не имела соперников в виде белых армий, отвлекавших ее от крестьянской войны. Во-вторых, власть сильно укрепилась, за время нэпа были накоплены большие материальные запасы, укрепились партия, армия, ОГПУ. Поэтому вторая война против деревни и была выиграна, причем за сравнительно короткий промежуток – в три года.

В основном коллективизация была проведена за 1930–1931 годы. Данные о начале коллективизации до 1930 года были приведены выше. Новый штурм деревни начался к осени 1930 года. Пленум ЦК в декабре 1930 года постановил довести долю коллективизированных хозяйств за 1931 год по стране до 50%, а в основных зерновых районах – до 80%. Действительно, к лету 1931 года эта доля составляла уже 52% по всей стране. К концу 1931 года она была 62%, к концу 1932-го составляла более $^{2}/_{3}$ всех крестьянских хозяйств и $^{4}/_{5}$ посевных площадей. На пленуме ЦК в январе 1933 года было объявлено, что решена «историческая задача перевода мелкого индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия». К 1937 году было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств.

«Раскулачивание» было лишь террористической стороной коллективизации. Зажиточные крестьяне чувствовали себя более независимо, они часто пользовались большим авторитетом, были более образованны. Очевидно, что они были потенциальными руководителями сопротивления деревни и их надо было подавить в первую очередь. Впрочем, в ряде официальных постановлений признавалось, что кампания «раскулачивания» направлялась и на крестьян, которые ни в каком смысле «кулаками» не были. Например, в конце 1933 года, когда коллективизация была

в основном завершена, была разослана инструкция, подписанная Сталиным и Молотовым от имени ЦК и СНК, в которой говорилось:

> *«В результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы не нуждаемся в массовых репрессиях, задевавших, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».*

Решающим толчком в деле раскулачивания была секретная директива ЦК от 30 января 1930 года. В ней подлежащие раскулачиванию делились на три категории: «контрреволюционный актив», «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации», и «остальные».

Первых предлагалось арестовывать и репрессировать, то есть отправлять в лагеря или расстреливать. Их семьи, а также все, относящиеся ко второй категории, подлежали высылке на поселение в отдаленные районы. Остальных предлагалось расселить в пределах краев их прежнего проживания. Общее число «кулаков» устанавливалось в 3–5% крестьянских хозяйств. По основным сельскохозяйственным районам страны для первой категории устанавливалась цифра в 60 тысяч, для второй – 150 тысяч хозяйств.

Сохранилась директива ОГПУ по «ударному проведению следствия, чтобы добиться разгрузки аппарата и мест заключения». В сообщении из Сибири для Сталина говорится:

> *«Работа по конфискации (...) у кулаков развернулась и идет на всех парах. Сейчас мы ее развернули так, что аж душа радуется; мы с кулаком расправляемся по всем правилам современной политики, забираем у кула-*

ков не только скот, мясо, инвентарь, но и семена, продовольствие и остальное имущество. Оставляем их в чем мать родила».

Председатель ГПУ Украины писал Орджоникидзе, что выселяли «и глубоких стариков, и старух, беременных женщин, инвалидов на костылях». Сохранился дневник учителя из Центральной России:

«В соседней комнате находились арестованные кулаки. Посмотрел на них: обыкновенные русские крестьяне и крестьянки, в зипунах, в полушубках, в поддевках. Многие в лаптях. Тут же копошились всех возрастов дети. (...) Кричали навзрыд, как по покойнику». Из дневника крестьянина-духобора: «В конце мая приехали солдаты, атаковали село ночью совместно с нашими партийными и выгоняли из домов стариков и больных, не было пощады никому. Было раскулачено около 26 дворов, и их угнали (...). Убит один Егор Медведев и увезен незнатно куда солдатами, и одна была ранена женщина – Настя Арищенкова, и еще угоняли других, брали по одному из семьи».

Вся эта грандиозная акция искусно дирижировалась властью, которая то рассылала членов высшего руководства для подхлестывания коллективизации и раскулачивания (Калинина, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева), то издавала постановления, осуждающие «перегибы», чтобы стихия антикрестьянского насилия не вышла из-под контроля и не выплеснулась из берегов.

Но существенно, что акция была запланирована в общегосударственном масштабе. Инструкция ЦК от 20 февраля 1931 года предлагала ОГПУ в течение шести месяцев подготовить районы для расселения раскулаченных семей на 200–300 тысяч семей (чтобы

оценить число людей, надо умножить по крайней мере на пять) под управлением специальных комендантов. Впоследствии к этому добавлялись дополнительные категории выселяемых.

Абсолютные цифры, как мне кажется, мало помогают понять такие события. Да и установить их точно, вероятно, невозможно. Все же приведем некоторые.

Из докладной записки Ягоды Сталину от 16 октября 1931 года следует, что за два года раскулачивания на север и в отдаленные районы страны выселено 1 158 986 человек. В их числе 459 916 детей. Всего же выселено и переселено 1 637 740 человек. Здесь не учитываются те, кто был в это время в лагерях и тюрьмах. В первые годы депортаций (1930–1931 годы) умерло 350–400 тысяч человек. В 1932–1933 годах из числа спецпереселенцев умерло 240 тысяч человек, а родилось 35 тысяч. Смертность детей была в 5–6 раз выше, чем у окружающего населения.

Большое количество детей среди спецпереселенцев понятно. В начале акции раскулачивания разрешалось оставлять на месте у родственников детей до 14 лет, но вскоре этот возраст был понижен до 10 лет.

Дух эпохи отражают скорее не абсолютные цифры, а то, как их воспринимали современники. Например, выступая на пленуме ЦК в январе 1933 года, нарком юстиции СССР Крыленко сказал:

> *«Если мы возьмем общее количество дел и лиц, осужденных по закону 7 августа (его содержание см. ниже. – И. Ш.), то на первый взгляд мы имеем как будто достаточно внушительную цифру – 54 645 человек... Но как только вы поставите вопрос, какого рода репрессии здесь применялись, вы увидите следующую картину: (...) применение высшей меры, которая была од-*

ним из основных мероприятий для того, чтобы ударить по прихлебателям этого классового врага; по тем, кто идет за ним, – она была применена судом первой инстанции всего на сегодняшний день в 2110 случаях. Реализована же в гораздо меньшем количестве – едва ли в 1000 случаях».

Горькие сожаления о недостаточном числе расстрелянных больше передают дух времени, чем абсолютные цифры.

Конечно, наступление на деревню вызвало ее сопротивление. Из сводок ОГПУ известно, что в 1930 году было 13 754 массовых выступления. Из них женских восстаний («с преобладанием женщин», согласно сводкам) – 3712. Точная информация по следующим годам, видимо, отсутствует. В сводках говорится об «усилении антисоветских настроений», о «массовых выступлениях», но число их не приводится. В любом случае силы были слишком неравны.

Одной из форм крестьянского протеста можно считать падение собранного урожая. В 1930 году было собрано 835 млн. ц., в 1931 году – 695 млн. ц., в 1932 году – 699 млн. ц. Это нельзя объяснить лишь погодными условиями. В сводках ГПУ руководители колхозов и совхозов часто обвиняются в «сокрытии» и «разбазаривании» собранного хлеба, то есть в раздаче его крестьянам в оплату труда. Появились «парикмахеры» – в основном женщины, ножницами срезавшие колосья на кашу, – и «несуны», уносившие зерно с токов за пазухой, в карманах. Против них был направлен закон от 7 августа 1932 года, определивший «в качестве меры репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру наказания – расстрел с конфискацией всего имущества» и только

при «смягчающих обстоятельствах лишение свободы не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества».

Интересно, что в Собрании сочинений Сталина, издававшемся уже в послевоенное время, но еще при его жизни и явно под его присмотром, указывается, что этот закон был написан лично им, и отмечается, в какой именно день он это сделал. Речь шла, конечно, о крохах. Недаром этот закон стал известен под именем «закона о колосках» или даже «закона о пяти колосках».

Падение хлебных сборов отнюдь не означало, что колхозники потребляют много хлеба. Об этом свидетельствует страшный голод 1932–1933 годов (16). Он был прежде всего следствием нового уровня выжимания хлеба из деревни, который стал возможным в результате коллективизации. Как велись хлебозаготовки, можно судить по многим сообщениям. Так, на Кубани были обвинены в «саботаже» и занесены на «черную доску» ряд станиц. В них прекращался завоз всех товаров, прекращалось кредитование и досрочно взыскивались все кредиты. Наконец, предлагалось провести проверку и чистку «всякого рода чуждых элементов», а ОГПУ поручалось «изъятие контрреволюционных элементов». Ответственный за хлебозаготовки на Северном Кавказе запросил у Политбюро разрешение на дополнительную высылку 5 тысяч семей и чистку колхозов от кулацких элементов (2–3%). 14 декабря 1932 года была осуществлена акция по выселению жителей станицы Полтавской. Согласно сообщению Ягоды Сталину, все население станицы – 9187 человек – погрузили в пять эшелонов и отправили на Урал. Часть была отправлена в лагеря. Косиор сообщает Сталину, что за один месяц в конце 1932 года ГПУ арестовало на Украине в связи с хлебозаготовками 1830 человек, в том числе 340 председателей колхозов.

Сейчас хорошо известно письмо Шолохова Сталину (апрель 1933 года) о хлебозаготовках в станице Вешенской, так что напомним только отдельные места. Приводятся слова местного парторга Шарапова:

> *«Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломаем».*

Шолохов пишет:

> *«...за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода»; «...выселенные стали замерзать (...), выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери»; «Число замерзших не установлено (...) точно так же, как никто не интересуется числом умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из жизни вместе с последним снегом, а те, которые останутся живы, будут полукалеками». Вот перечисление способов, при помощи которых добыли 593 тонны хлеба: «...сажание в холодную (...). В Вещаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили (...). В Наполовском колхозе уполномоченный РК, кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежан-*

ку (...). В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов, подобрав 8 человек демобилизованных (...), после короткого допроса (подозреваемого в краже. – И. Ш.) выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если устрашенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь и били по дороге прикладами винтовок, а вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу».

Сталин ответил Шолохову, что для разбора дела посылается Шкирятов и направляется необходимая помощь голодающим, но одновременно отчитал Шолохова за то, что он не видит политической стороны вопроса: «тихой» войны «хлеборобов» против советской власти.

С другой стороны, когда в одном районе Днепропетровской области крестьянам было разрешено оставить зерно на посев, Сталин направил всем партийным органам циркуляр, в котором объявлял руководителей этого района «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую линию», и потребовал их «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому». Просьбу смягчить план хлебозаготовок для Сибири Сталин отклонил и добавил: «Ответственность возлагаем на Эйхе, Грядинского и уполномочиваем их принять все меры репрессий, какие найдут нужным применить». Поразительна эта уверенность, что из репрессий может родиться хлеб!

Видимо, причиной голода были эти истребительные хлебозаготовки, бегство крестьян из деревни (за четыре года, к 1932 году, население городов вырос-

ло на 12,5 миллиона, за время коллективизации деревня потеряла 25 миллионов), а также засуха и другие природные факторы.

Голод начался еще в 1932 году, особенно широко он проявился к весне 1933 года. Сводки ГПУ сообщают о голодающих, опухших, умерших. Добавляется: «...приведенные цифры значительно уменьшены, поскольку райаппараты ГПУ учета количества голодающих и опухших не ведут, а настоящее количество умерших нередко неизвестно и сельсоветам». Секретарь Винницкого обкома сообщает: «В последнее время увеличилось число смертей и не прекращаются факты людоедства и трупоедства. В некоторых наиболее пораженных голодом селах ежедневно до 10 случаев смерти. В этих селах большое количество хат заколоченных, а в большинстве хат крестьяне лежат пластом и ни к какому труду по своему физическому состоянию не пригодны». Еще летом 1932 года Молотов, вернувшись с Украины, на заседании Политбюро сказал: «Мы стоим действительно перед призраком голода, и к тому же в богатых хлебных районах». Тем не менее Политбюро постановило:

> *«...во что бы то ни стало выполнить утвержденный план хлебозаготовок».*

Голод охватил Северный Кавказ, Урал, Нижнюю и Среднюю Волгу, Украину, Казахстан. Сотни тысяч крестьян бросились спасаться от голода в более благополучные области. За подписью Сталина и Молотова директива партийным, советским органам и ОГПУ утверждает, что «этот выезд крестьян» «организован врагами советской власти, эсерами и агентами Польши», предписывается «не допускать массового

выезда крестьян в другие районы» и «немедля арестовывать пробравшихся».

Количество погибших в результате голода до сих пор не установлено. Население СССР с осени 1932 года по апрель 1933-го сократилось на 7,7 миллиона человек. Некоторые авторы оценивают число жертв голода в 7–8 миллионов человек. Как всегда, когда об этом стало можно писать, приводились большие цифры, теперь склоняются к несколько меньшим. Но порядок остается тем же.

Впрочем, хотя смертный голод прекратился, деревня продолжала голодать (во многих местностях, например, ели хлеб с примесями) вплоть до смерти Сталина в 1953 году. В памяти крестьян благодетелем, при котором жизнь стала смягчаться, остался Маленков.

В результате коллективизации крестьянство было лишено жизненных возможностей и прав (не очень, впрочем, обширных), которыми обладало тогда городское население. Крестьяне оказались в неравноправном положении, стали низшим слоем населения. Если реформы Столыпина юридически уничтожили последние остатки неравноправного положения крестьянства, сохранявшиеся со времен крепостного права, то теперь это неравноправное положение было восстановлено в гораздо большей степени. Так, указ от 5 октября 1906 года давал крестьянам право свободного получения паспортов и выбора места жительства. Колхозники же не являлись держателями паспортов (вновь введенных в 1932 году) и не имели права покинуть деревню, за исключением нескольких строго очерченных обстоятельств (призыв в армию, по спецнабору на стройки и выезд на учебу). Колхоз превратился в государственное предприятие. При этом, однако, над колхозником нависала угроза репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам,

за невыработку нужного числа трудодней и т. д. – и он же нес бремя риска в случае неурожая.

Еще важнее, что изменился характер труда. Исчез творческий элемент, связанный с самостоятельным принятием решения крестьянином, с чувством ответственности. Что, где, когда сеять или жать – все определялось указаниями сверху, которые усиливались газетными кампаниями. Часто замечали, что главной причиной упадка советского сельского хозяйства была незаинтересованность колхозника. При этом подразумевается обычно его материальная незаинтересованность в результатах его труда. Но гораздо существеннее – потеря интереса к самому *процессу* труда. Он превратился в тот «урок», о котором писал Ленин по поводу рабочих. В этом важнейшем вопросе их жизни колхозники были в худшем положении, чем крепостные, сохранявшие на своих надельных землях возможность трудиться по своему собственному выбору. Из-за этого крестьяне, которые раньше готовы были голодать и отдавать все силы, лишь бы не расстаться со своим крестьянским образом жизни, стали бежать из деревни. Сначала (в предвоенные годы) еще сохранялась инерция прежнего отношения, память о крестьянском труде на тех же полях. В следующем поколении и она стала выветриваться. К тому же деревня всегда оставалась дискриминированной. Например, после войны я часто разговаривал с одним жителем колхоза, еще молодым, но вернувшимся совершенно израненным с войны. От него я узнал, что он, как и все инвалиды войны из сельской местности, не получает никакого пособия или пенсии: их, считалось, должен был содержать колхоз.

И позже, при Хрущеве, при Брежневе, колхозников как будто нарочно приучали к тому, что они только поденщики, по чужим замыслам работающие

на земле: у них то отбирали коров в колхозное стадо, то раздавали их обратно, то опять отбирали, чтобы привязанность к скотине не укреплялась в душе. Да и с их судьбами делали то же: то задумывали сселять в «агрогорода», то укрупняли колхозы, то измельчали. Одним росчерком пера колхоз мог быть превращен в совхоз, и наоборот. Об их жизни все знают по теперь уже классическим произведениям Ф. А. Абрамова, В. И. Белова, В. Г. Распутина.

Коллективизация была полной победой социалистической идеи над крестьянством. Еще в резолюции I Интернационала в 1869 году говорилось, что капитализм, наука, течение событий и интересы общества «приговаривают мелкое крестьянское хозяйство к постепенному исчезновению, без права апелляции и без снисхождения». Это у нас и произошло, только не «постепенно». Если установление первого крепостного права потребовало 200 лет, то новое закрепощение было осуществлено за 3 года. «Реакционный класс» был уничтожен, а отдельные его представители либо тоже были уничтожены, либо превращены в пролетариев.

Труд крестьянина нисколько не менее глубок и содержателен, чем труд ученого или писателя. Он имеет осмысленный, творческий характер, связан с природой, отражает ее цикличность. Представим себе, что математикам или поэтам «спускали бы сверху» «установки» для их работы, организовали «теоремозаготовки» или «стихозаготовки» с переселением на Север, расстрелами и вообще в том духе, который описан выше, а потом объединили бы их в коллективы и, отобрав паспорта, заставили коллективно создавать продукцию в предписанном стиле и количестве. Ясно, что это был бы конец и математике, и поэзии. Точно так же пришел конец крестьянству. С той разницей, что из-за древ-

ности и живучести этого уклада «раскрестьянивание» все же растянулось на десятилетия.

В работе, появившейся более десяти лет назад, К. Г. Мяло предложила рассматривать коллективизацию как явление цивилизационного слома («Новый мир», 1988, № 8). К сожалению, эта точка зрения не была потом нигде детально развита, хотя, по-моему, обращает внимание на суть ситуации. Сейчас во всем мире большое признание получила роль крестьянства, даже возникла такая наука (или область знания) – «крестьяноведение» (17, 18). Стало проясняться, что крестьянство так же, как, например, семья, не связано с какой-либо «формацией» – феодализмом или капитализмом. Это особая форма цивилизации, существующая на протяжении нескольких тысячелетий. Началось изучение ее этических принципов, хозяйствования, искусства. Вот эта цивилизация и была разрушена коллективизацией и последовавшим раскрестьяниванием. Для России это означало и большее – разрушение традиционной русской цивилизации, основой которой была деревня.

Эта связь особенно ярко проявилась в литературном течении 20-х годов – как бы идеологической подготовке коллективизации. С поражающей яростью авторы обрушивались на своего врага, который представал то в виде «темной» деревни, то «Расеи». Например, очень известный тогда поэт Безымянский спрашивал:

О, скоро ли рукой жестокой
Расеюшку с пути столкнут?

А малоизвестный Александровский писал:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.

Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.

И не в литературе, а в реальности эпоха коллективизации была временем слома духовных основ жизни народа. Например, создание колхоза и раскулачивание часто сопровождалось закрытием церкви, снятием колоколов. Была даже директива ЦК о закрытии церквей и молитвенных домов. Из сводок ГПУ известно о 1487 восстаниях, вызванных подобными действиями. (Через месяц после выхода в свет такой директивы Сталин в статье «Головокружение от успехов» осудил эти действия.)

Ломке подверглись и семейные, родственные связи. В наиболее радикальных социалистических программах, начиная с Платона, планировалось уничтожение семьи, брака и общественное воспитание детей. В СССР такие меры никогда не осуществлялись. Но в 1930-е годы в газетах многократно появлялись *отречения* от арестованных родственников: отца, сына, брата. Тем самым внушалось, что подчиненность человека государству должна быть сильнее любых родственных связей, голоса крови. Именно за это и был так прославлен Павлик Морозов. О нем не просто скорбели как об убитом ребенке. Он прославлялся как герой, потому что поплатился своей только еще начинавшейся жизнью за подвиг, утверждавший новые моральные нормы: донос на отца-«вредителя».

Коллективизация для крестьянства была более радикальным переломом, чем революция 1917 года. Она разрушила многотысячелетнюю культуру и бесконечно уменьшила возможности выбора разных путей в будущее для народа. С этой точки зрения Сталин очень точно применил к ней термин «великий перелом». Так

ее воспринял, например, и Н. Клюев. Он был арестован в 1934 году и на допросе показал: «Окончательно рушит основы и красоту той русской народной жизни, певцом которой я был, проводимая коммунистической партией коллективизация. Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение». В его деле сохранилось стихотворение «Песня Гамаюна», в котором говорится:

К нам вести горькие пришли,
Что больше нет родной земли.
И Север – лебедь ледяной
Истек бездомною волной,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!

С другой стороны, и Сталин, по-видимому, осознавал какой-то роковой, поворотный характер коллективизации. В воспоминаниях о Второй мировой войне Черчилль рассказывает, что во время визита в Москву в августе 1942 года между ним и Сталиным произошел такой разговор. Черчилль: «Скажите, напряжение, вызванное войной, было столь же тяжелым для вас, как при проведении коллективизации?» Сталин: «Политика коллективизации – это была чудовищная борьба». Черчилль: «Я думаю, вам было тяжело, так как вы имели дело не с тысячью помещиков или аристократов, а с миллионами маленьких людей». Сталин: «Десять миллионов (он показал на пальцах, подняв руки). Это было страшно. Это продолжалось четыре года (...). Это было очень тяжело и трудно, но абсолютно необходимо». Черчилль: «Что же произошло?» (С «кулаками».) Сталин: «Многие согласились вступить в колхозы, некоторым была предоставлена своя земля в провинции

Томск или провинции Иркутск и даже севернее, но большинство оказалось очень непопулярными и были убиты своими батраками».

То есть коллективизация представлялась Сталину более трудной и опасной, чем война с Гитлером, когда немцы прорвались уже к Волге.

В этой работе, в связи с крестьянскими восстаниями эпохи Гражданской войны, коллективизацией и раскулачиванием, мы ссылались на сборники документов и обзоры архивных данных, составленные квалифицированными учеными, много лет (иногда – десятилетий) занимавшимися историей крестьянства советского периода. Это работы историков-профессионалов, не имевшие целью подтверждение каких-то политических взглядов (хотя авторы, вероятно, такие взгляды имели). Но за последние десять лет появилось много гораздо более легковесных публикаций, мотивировка которых была чисто политической: они использовали трагедию деревни, чтобы оправдать происшедший в последние годы перелом жизни. Это в принципе обреченная на неудачу попытка. Каждый своими глазами видит, как жизнь изменилась катастрофически к худшему – и для страны в целом, и для подавляющего большинства ее жителей.

Но такой прием фальшив и по более глубокой причине. Бессмысленно «выставлять оценку» общественному укладу на основании того, что происходило до или после того, как этот уклад имел место. Причем в обоих вариантах: ставить «положительную оценку» либо «перестройке» – апеллируя к трагедиям коммунистического периода, либо коммунизму – на основании катастрофы «перестройки». Действительно, предположим, в порядке «мысленного эксперимента», что в следующее десятилетие распад России примет

масштаб распада СССР, тепловой и энергетический кризис с Севера и Дальнего Востока придет в Центр, наступит голод, как в 1921-м или 1933 году. (Многие признавали такое развитие вероятным.) Будет ли тогда оправдана точка зрения: «Мы виноваты, что не ценили положительных сторон политики Ельцина, реформ Гайдара и Чубайса; при них, по крайней мере, не было сплошного голодного мора»?

Да и вообще, сопоставление современности с периодом коммунистического строя не имеет смысла, так как сам этот период был очень неоднороден. Он распадался на резко различающиеся эпохи.

1. *Гражданская война и «военный коммунизм».* Тогда человеческая жизнь не стоила и полушки. Человека могли расстрелять как заложника или просто убить за сапоги. Свирепствовал сыпной тиф. Сначала голодал город, потом страшный голод пришел в деревню.

2. *Нэп.* Для партии это был период «отступления и перегруппировки сил», для всей страны – поиска новых возможностей развития.

3. *«Сталинский период».* Это было время крайней бедности, недоедания, а иногда и голода. Почти все жили в «коммуналках». Я, например, могу по пальцам одной руки пересчитать своих знакомых, имевших отдельные квартиры. Но постоянно слышны были сообщения о поразительных успехах, строительстве нового, небывалого в истории государства.

4. *«Хрущевско-брежневский период».* Тогда стали покупать хлеб за границей и торговать нефтью. Появился комфорт: массовым явлением стали отдельные квартиры, пенсии, на которые вполне можно было прожить, частные автомашины.

Бессмысленно соединять в единый образ черты разных эпох: нельзя «к дородности Ивана Павловича

прибавить развязность Балтазара Балтазарыча». Аргументы «зато мы строили великую державу» и «тогда наши квартиры были почти бесплатными» – относятся к разным эпохам.

Мне кажется, единственный способ понять нечто в нашей новейшей истории – это рассматривать весь XX век как единый кризис – начиная по крайней мере с войны 1914 года (или революции 1905 года) и кончая современностью.

Упущенная возможность: концепция Чаянова

Был ли «великий перелом» – раскрестьянивание России – неизбежен, предопределялся ли он железно предшествующей историей? Иначе говоря, существовала ли ему альтернатива тогда, в конце 1920-х годов (даже исходя из революции и Гражданской войны как уже свершившегося)? Хотя историю мы изменить не можем, но обсуждение ее и, в частности, подобных вопросов может способствовать ее уяснению.

Поскольку принятие курса на «сплошную коллективизацию» и «уничтожение кулака как класса» происходило параллельно борьбе с «группой Бухарина», то, естественно, возникает предположение, что линия этой группы как раз и представляла подобную альтернативу. Но чем больше я знакомился с произведениями Бухарина, материалами съездов тех времен и впервые сейчас рассекреченными материалами пленумов ЦК, тем более сомнительным мне казалось, что Бухарин и его единомышленники были способны предложить какую-то реальную альтернативную концепцию или план действий.

Говоря суммарно, причина видится мне в следующем. История всей партийной борьбы после смерти Ленина, да и история Гражданской войны, и даже вся марксистская идеология предполагали единственную программу – уничтожение крестьянства. Недаром Сталин, когда еще он с этой программой боролся, признавал, что ее исповедуют 99 членов партии из 100 (в принятой у них терминологии: «Бей кулака!»). Бухарин же и вся его группа были слишком тесно связаны с партией, чтобы противопоставить ей какую-то независимую точку зрения. Конкретно это можно подтвердить следующими соображениями.

1. Бухарин *никогда* не признавал за крестьянством права на самостоятельное существование, со своими собственными целями. Во время «военного коммунизма» оно для него явно подпадало под категорию «материала», который при помощи насилия и расстрелов перерабатывается в «коммунистическое человечество». Но и во время нэпа он считал, что оно еще должно «превратиться в людей» (а пока – всего лишь «курица»). Провозглашая и «блок», и «союз» пролетариата с крестьянством, он всегда понимал его так, что «руководящая роль должна принадлежать рабочему классу», а «в самом рабочем классе руководящая роль, в свою очередь, должна принадлежать коммунистической партии». Крестьянство то «переделывается» рабочим классом, то «втаскивается» в социализм «при помощи наших командных высот» и т. д. и т. д.

2. Как следствие, ни Бухарин, ни его группа *в принципе* никогда не могли отказаться от насилия по отношению к крестьянству. Если не расстрелами, то политикой цен. Бухарин предлагал еще в 1927 году производить «изъятие средств от населения (...) на дело индустриализации», соблюдая «необходимую меру и

необходимую степень революционной законности в деревне». В принципе он не возражал против «чрезвычайных мер», которые, по его словам, «получили свое историческое оправдание», и, хотя он выступал против их постоянного применения, подчеркивал все же, что в случае необходимости «не откажемся от экстраординарных мер».

3. Бухарин и его группа *в принципе* не могли отказаться от идеи классовой борьбы в деревне. Бухарин писал о «мелкобуржуазных рыцарях крепкого хозяина, которые скорбят и хнычут по поводу форсированного наступления на кулачество». Он говорил на пленуме ЦК в апреле 1929 года: «Сколько раз нужно говорить, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестать возводить против нас поклепы?» (19)

4. Бухарин и его группа вечно боялись обвинения во «фракционности», а значит, не могли выдвинуть свою, независимую программу и сплотить вокруг нее своих сторонников. На том же пленуме ЦК Бухарин говорил: «Вы новой оппозиции *не получите*. И ни один из нас никакой «новой» или «новейшей» оппозиции возглавлять *не будет».* А тогда их борьба теряла принципиальный смысл. Например, из письма, направленного Бухариным, Рыковым и Томским пленуму ЦК в ноябре 1929 года, вообще трудно понять, в чем же были разногласия. Это в основном жалоба на несправедливое отношение к трем авторам.

Переломить линию, назревавшую в партии с XIII съезда (а вернее, с эпохи «военного коммунизма»), можно было только очень радикальными мерами: обращением к той (уже значительной) части партии, которая чувствовала себя связанной с деревней,

к красноармейцам – в основном выходцам из деревни. Да и ко всему народу. В деревне распространялось движение за создание «крестьянских союзов» (сводки ГПУ часто сообщают об «агитации за крестсоюзы»). Можно было опереться на него. Но об этом Бухарин и никто из его последователей в принципе не были способны и помыслить.

К этому присоединяется и личный фактор: Бухарин не был «харизматическим лидером». Он был, например, очень ценим в партии за то, что умел открыто признавать свои ошибки. Но «вождь» не может признавать ошибок! Он зовет за собой единомышленников на бой, на жертвы. Что же будет, если они погибнут, а он честно признает, что ошибался? Сталин никогда не признавал никаких своих конкретных ошибок. Один раз он признал, что он груб (в чем Ленин обвинял его в своем «завещании»), но добавил: «С врагами партии». Ленин часто говорил: «Мы наделали массу глупостей» и т. д., но если он хотел взять назад свои конкретные тезисы в дискуссии с Троцким или Бухариным, то это делалось так, что Надежда Константиновна при личной встрече говорила: «Ильич считает, что разногласий больше нет». А Бухарин охотно открыто признавался в ошибках, а после объявления его «правым оппозиционером» не раз каялся и даже возносил славословия Сталину. И кто знает, может быть, и искренне? Психологию людей, способных по велению партии видеть черное белым, нам уже не понять.

Очень показательно и письмо, составленное Бухариным в ожидании ареста и гибели, которое он дал заучить жене. Прежде всего обращение: «К будущим вождям партии». Не к народу той страны, в управлении которой он так решительно участвовал, и не (как интернационалист) к человечеству или мировому про-

летариату. Он чувствовал себя только членом партии! И поразительно заявление: «...вот уже седьмой год, как у меня нет и тени разногласий с партией». В такие моменты не лукавят. Ведь это значит, что его разногласия со Сталиным сводились к тому, что он опасался, как бы сталинский план не провалился. А когда он удался, разногласия отпали. Ведь и Сталин на XVI съезде обвинял бухаринскую группу лишь в «паникерстве», сравнивал с чеховским «человеком в футляре».

Если и была в 1920-е годы выработана альтернатива политике индустриализации за счет уничтожения деревни, то искать ее надо не в области марксистской мысли. Как раз в то время в России произошел мощный взрыв новых идей в области экономики деревни. Конечно, этот «взрыв» был подготовлен десятилетиями напряженной и многогранной работы, шедшей еще с начала XX века. Пример и русской и французской революций указывает на то, что революции происходят не в период упадка страны, а, наоборот, в эпоху подъема – экономического, культурного. Они связаны с каким-то накоплением духовной энергии, которая иногда находит себе выход в разрушительном направлении. В истории России это ясно видно, и в частности в интересующей нас области.

В начале XX века в России возникло поразительно яркое течение в области изучения сельского хозяйства. Это были такие выдающиеся ученые, как Чаянов, Кондратьев, Челинцев, Минин, Макаров, Бруцкус, С. Булгаков, Литошенко, Студенский. К тому же поколению (и в близкой области исследований) относятся Н. И. Вавилов (учившийся на одном курсе с Чаяновым в Петровской сельскохозяйственной академии) и Питирим Сорокин (учившийся вместе с Кондратьевым в церковно-учительской семинарии). Каковы бы ни были

их политические взгляды (по большей части, видимо, скорее «народнического», чем эсеровского направления), но явно для них гораздо важнее были их исследования и самый объект их – русская деревня. Поэтому несколько человек из них эмигрировали во время Гражданской войны, а потом вернулись, два-три эмигрировали насовсем, а подавляющая часть работала здесь и была уничтожена в 1930-е годы, выжили из них один-два человека. Для них явно важнее была возможность что-то делать, чем то, какое правительство у власти. Они работали и при царском правительстве, и при Временном, пытались (в основном безуспешно) работать во время «военного коммунизма», во время нэпа был расцвет их деятельности, а в 1930-е годы оборвалась и она, и (в большинстве случаев) их жизнь.

Общим для всего этого направления можно считать убеждение, что основой экономики России является сельское хозяйство. Так, Чаянов писал:

> *«...всем известно, что основным фактом нашего народного хозяйства является то обстоятельство, что республика наша является земледельческой страной (...). Сообразно этому наше сельское хозяйство представляет собой мощный народно-хозяйственный фактор, во многом определяющий собою народное хозяйство СССР» (20).*

Кондратьев:

> *«Нужно вспомнить старую истину, провозглашенную еще физиократами и Адамом Смитом, что внеземледельческие отрасли страны не могут быть развиты больше, чем позволяют естественные ресурсы, которые дает ей сельское хозяйство».*

На III Всероссийском агрономическом съезде 1922 года сельское хозяйство было названо «основной отраслью приложения труда и развития производительных сил».

Вторым общим для всего этого направления положением было признание *семейно-трудового индивидуального хозяйства* основой земледелия. Чаянов считал необходимым опираться на мелкого производителя, «не разрушая его индивидуальности», имея в виду использование всех возможностей, заложенных в крестьянской экономике, а не ее разрушение. Он подчеркивал:

> *«Крестьянские хозяйства проявили исключительную сопротивляемость и живучесть. Часто голодая в тяжелые годы, напрягая через силу свою рабочую энергию (...), они почти повсеместно стойко держались» (21).*

Он считал, что положение (в частности, Маркса) о преимуществах крупного производства перед мелким не распространяется на сельское хозяйство. Напомним, что сейчас ряд экономистов утверждает, что и в промышленности роль мелких (иногда семейных) фирм не исчерпана, что именно они способствуют техническому прогрессу.

В 1927 году Молотов обратился к Кондратьеву с просьбой изложить свое мнение о развитии сельского хозяйства в связи с подготовкой X партсъезда. В представленном тексте Кондратьев писал:

> *«На ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше (с точки зрения удельного веса), прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств...»*

Бруцкус, явно оспаривая марксистскую концепцию, писал:

> *«...при данных исторических условиях крестьянское хозяйство есть единственная прочная основа русского сельского хозяйства, а не какой-то пережиток».*

Наконец, третьим общим для всех положением было признание *кооперации* как пути для повышения товарности русского сельского хозяйства, выхода его на мировой рынок. Эта идея была сформулирована в русской экономической науке еще в начале XX века. Так, еще в «Заветных мыслях» Менделеев писал: «Желательно, чтобы начинающимся, и особенно кооперативным (артельным) предприятиям было оказано исключительное внимание и всякие с них налоги уменьшены ради их усиленного возникновения». Чупров еще в 1904 году высказал мысль, что именно кооперация спасет мелкое крестьянское хозяйство в его конкуренции с крупным. По его словам, идея кооперации являлась не менее важным открытием в области сельского хозяйства, чем достижения техники в промышленности.

Жизнь, казалось бы, подтверждала эту идею. С начала века до 1917 года количество разного рода сельскохозяйственных кооперативов в России увеличилось в 3 раза. В них состояло 14 миллионов человек, а с членами семей – 84 миллиона – более половины населения страны. Туган-Барановский писал в начале века, что по числу кооперативов и их членов предреволюционная Россия занимала «безусловно первое место во всем мире». Как писал Чаянов: «Вот именно на этот-то процесс кооперирования нашей деревни мы и хотели бы указать (...) как на начальную фазу того пути, кото-

рый один может привести сельское хозяйство крестьянских стран к полной решительной переорганизации на началах самых крупных организационных мероприятий» (21). Точка зрения Кондратьева: «Лучшей формой развития самодеятельности населения, как показала практика всех стран, является организация и развитие сельскохозяйственной кооперации» (5).

Здесь можно было бы даже видеть некоторое сближение с марксистской мыслью: сразу приходит на ум статья Ленина «О кооперации», да даже и колхозы. Но практически никакого контакта всего этого направления «аграрников» с политикой власти не произошло. Состоявшиеся в 1918 году переговоры группы кооператоров (в нее входил и Чаянов) с Лениным закончились ничем. Ленин настаивал тогда на своих принципах кооперации, включавших обязательный поголовный охват кооперацией всего населения. Был национализирован Московский (кооперативный) банк. Ленин считал, что кооперация – «небольшой привесок к механизму буржуазного строя», «и какие угодно изменения, усовершенствования, реформы не изменят того, что это лавочка». Его цель была – «превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива». Наметившееся в какой-то момент сближение точек зрения не осуществилось.

Чаянов писал:

> *«Власть в пылу социалистического строительства наносит тягостные, часто губительные удары нашему движению (...), нельзя усилиями государственного пресса волу придать форму верблюда и требовать при этом, чтобы он остался жив. Крестьянская кооперация мертва есть, и конвульсии, ее сотрясающие, нельзя принимать за жизнь».*

Лишь после перехода к нэпу Ленин заметил, что кооперация находится в «состоянии чрезмерного задушения». В период нэпа «аграрники» получили возможность развивать свои идеи, и их творчество испытало новый подъем. Но с концепциями власти (Ленина или Бухарина) их идеи не состыковывались. Одни считали переходными и временными все формы кооперации, кроме «производственной» (как в колхозах), другие смотрели на кооперацию как на средство сохранить самое, с их точки зрения, ценное – семейно-трудовое хозяйство. Это отразилось и в жизни. К середине 1920-х годов, когда деревня была меньше всего подчинена государственному контролю, кооперация охватывала всего 3 миллиона членов против 14 миллионов в довоенное время.

Но все же с началом нэпа и до середины 1920-х годов между экономистами-аграрниками немарксистского направления и властями установился режим «мирного сосуществования». (Тем более что экономисты, о которых идет речь, были очень слабо вовлечены в политику, они готовы были сотрудничать с любой властью, если она позволяла им работать.) Так, Чаянов сотрудничал с Наркомземом. В 1920 году доклад «Генеральный план Наркомзема на 1921–1922 годы» был сделан им на президиуме Госплана. Он возглавлял две кафедры в Тимирязевской (бывшей Петровской) сельскохозяйственной академии: организации сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации, руководил Институтом сельскохозяйственной экономики и за период 1923–1927 годов опубликовал много статей и книг.

Кондратьев также сотрудничал с Наркомземом – был начальником управления сельскохозяйственной экономии. Он был основателем и директором Института по изучению народно-хозяйственных конъюнктур.

Занимался разработкой перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства на 1923–1928 годы. Этот «план Кондратьева» был рассмотрен в 1925 году президиумом Госплана СССР с резолюцией: «Общие основы плана правильны». На это время также приходится большое число его публикаций.

Столь же интенсивна была в этот период работа других экономистов-аграрников немарксистского направления. Можно сказать, что интеллектуальный взлет, начавшийся в предреволюционные годы, пережил эпоху «военного коммунизма» и, может быть, достиг как раз своего пика к середине 1920-х годов.

Тогда был создан грандиозный массив, целый океан конкретных исследований, новых идей и концепций в области экономики и социологии земледелия, который только в последние годы начинает осваиваться.

В частности, национализация большой части экономики сделала первоочередной проблему планирования и тем стимулировала давний интерес Кондратьева к вопросам планирования и прогнозирования. Он различал две тенденции в планировании, которые называл «телеологической» и «генетической». В первой была задана некоторая цель, и план должен был разработать пути ее достижения, а иногда просто подобрать аргументы, доказывающие ее достижимость. Так, Калинин писал: «Большевики думают, что это можно сделать, а специалисты должны подвести теоретическую базу и технически обосновать это». Генетическая тенденция предполагала, что план исходит из анализа объективных тенденций развития, соединяя директиву с предвидением. Поэтому Кондратьев рассматривал многолетний план как общую установку, не доводя его до точных цифр: «Контрольные цифры могут быть директивными не в отношении точности

их реализации, но в смысле нашего отношения к ним, вкладываемых в них волевых импульсов». На базе их составляются по мере развития хозяйства более точные краткосрочные планы.

В своем программном докладе Кондратьев говорил:

> *«Первое положение сводится к принципу свободы сельскохозяйственной инициативы и деятельности. Этот принцип вполне ясен. Россия страна земледельческая, земледельчески-крестьянская. Крестьянское хозяйство по самой своей природе живет частно-хозяйственной инициативой и интересом (...).*
>
> *Государство должно поэтому отказаться чертить полный план поведения отдельного крестьянина как хозяина и затем теми или иными средствами принуждения осуществлять этот план. Необходимо предоставить хозяйству свободу приспособления к условиям существования и рыночным конъюнктурам. Но государство должно влиять на самые эти конъюнктуры, если оно хочет, чтобы направление сельскохозяйственной деятельности шло в желательном русле».*

Если использовать современные термины, Кондратьев разработал теорию планирования в регулируемой рыночной экономике.

Созданный Кондратьевым институт и был предназначен для того, чтобы изучать те конъюнктуры, которые влияют на направление развития хозяйств, развивающихся на принципах свободы своей трудовой деятельности. Причем конъюнктуры эти были элементами не только общенационального, но и мирового хозяйства. Здесь Кондратьев открыл основоположный закон периодических колебаний мирового хозяйства с периодом приблизительно в полвека – «длинные волны», как он их назвал. Он подробно описал харак-

тер этих колебаний, социальные и экономические явления, сопровождающие периоды подъема и упадка. Его теория вскоре нашла очень точное подтверждение в мировом кризисе конца 1920-х – начала 1930-х годов. Сейчас «длинные волны» называются обычно «циклами Кондратьева». По этому вопросу возникла целая литература.

Главным же результатом работы всей этой группы исследователей на протяжении более чем двух десятилетий было, как мне кажется, создание стройной и конкретно обоснованной концепции развития семейно-трудового крестьянского хозяйства, при котором сохранялся бы творческий характер труда в индивидуальном крестьянском хозяйстве, и в то же время оно становилось конкурентоспособным на национальном и даже мировом рынке и приобретало возможность быстрого экономического роста. Разработанная концепция новой народнохозяйственной системы опиралась на труды целого поколения экономистов-аграрников, да и на их предшественников и учителей. Но индивидуальным автором концепции был Чаянов, и построение ее было основным делом его недолгой жизни.

Основные положения теории Чаянова таковы (21). Он анализирует то, что он называет «организационным планом» крестьянского хозяйства, и разбивает его на ряд «звеньев». Некоторые из них непосредственно связаны с индивидуальностью крестьянского хозяйства, которая была бы разрушена их обобществлением. О них он говорит: «Деятельность сельского хозяина носит настолько индивидуальный местный характер, настолько обусловлена особенностями каждого клочка эксплуатируемой поверхности, что никакая руководящая извне воля не сможет вести хозяйства, если оно сколько-нибудь интенсивно. Можно сказать, что все

искусство сельского хозяина заключается в умении использовать частности. Только сам хозяин, за долгие годы практики изучивший свое хозяйство, может успешно вести его, а тем более реформировать».

Но это не значит, что сельское хозяйство не способно использовать преимущества крупного хозяйства. От организационного плана можно «отщепить» целый ряд звеньев, которые только выигрывают от объединения. Такое объединение создается кооперацией. Кооперация плодотворна для таких, например, звеньев земледельческого производства, как молотьба, сливкоотделение, приготовление масла, трепка льна, продажа сельскохозяйственной продукции, покупка продуктов промышленности, получение кредитов и других.

Для большого числа этих форм деятельности Чаянов исследовал «дифференциальный оптимум», то есть размер охваченных кооперацией хозяйств, при котором она может быть максимально эффективна. Главный вывод заключается в том, что оптимум очень резко различается для разных видов деятельности. Например, «молочные товарищества работают на радиусах в 3–5 верст, свеклосахарные и картофельные – около 10, а остальные – закупочные, кредитные и страховые – на радиусах часто еще больших, не говоря уже о союзах сельскохозяйственных товариществ». Как следствие, чтобы их работа была эффективнее, крестьяне должны объединяться во *множество* кооперативов разных размеров по тому или другому профилю их деятельности.

Такую кооперацию Чаянов называет «вертикальной», в отличие от «горизонтальной», когда одна и та же группа крестьян объединяет все свои хозяйства, все звенья своего организационного плана и при этом для большинства из них не достигается оптимума. Типичный пример «горизонтальной» кооперации – колхоз.

Как считает Чаянов, «вертикальная» кооперация соединяет мелкое хозяйство, не теряющее своей индивидуальности, с общегосударственным и даже мировым рынком. Он пишет:

«Что, в самом деле, замечательного на вид в том, что крестьянка, отдоив свою корову, чисто моет свой бидон и относит в нем молоко в соседнюю деревню в молочное товарищество, или в том, что сычевский крестьянин-льновод свое волокно вывез не на базар, а на приемный пункт своего кооператива? А на самом деле эта крестьянка со своим ничтожным бидоном молока соединяется с двумя миллионами таких же крестьянок и крестьян и образует свою кооперативную систему Маслоцентра, являющуюся крупнейшей в мире молочной фирмой и уже заметно реорганизующей ныне весь строй крестьянских хозяйств молочных районов. А сычевский льновод, обладающий уже достаточной кооперативной выдержкой, является частицей кооперативной системы Льноцентра, являющейся одним из крупнейших факторов, слагающих мировой рынок льна».

И эта концепция не являлась рациональной конструкцией, вышедшей непосредственно из головы ее автора – как «Государство» Платона, «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и т. д. Она опиралась на громадный массив практических работ, произведенных на протяжении нескольких десятилетий русскими, а также зарубежными кооператорами. Так, экспортное маслоделие в крупном масштабе возникло в конце XIX века в Западной Сибири на базе обильных кормовых угодий и в связи с созданием великого сибирского железнодорожного пути. Созданные там кооперативные заводы давали продукцию, по качеству лучшую, чем частновладельческие, и получили под-

держку датских и английских экспортных фирм. Вскоре они вообще вытеснили частного предпринимателя. Потом Сибирский союз маслобойческих артелей сам вышел на лондонский рынок и освободился от всякого влияния других экспортных фирм.

Что касается кооперации льноводства, то это была область многолетних трудов Чаянова. С 1911 года, еще будучи (по теперешней терминологии) аспирантом, он начинает заниматься этим вопросом, а уже в 1915 году при создании Центрального товарищества льноводов (ЦТЛ) он избирается председателем правления. ЦТЛ быстро завоевало русский, а потом и мировой рынок для типично русской культуры, единственным конкурентом которой мог быть хлопок. ЦТЛ объединяло 500 тысяч крестьянских хозяйств. В 1916 году был заключен договор, согласно которому Льноцентр должен был поставить только в Швецию льна на сумму 3 089 644 рубля. Большие поставки производились и Франко-Британскому льняному комитету. Успех Льноцентра объяснялся тем, что кооперативный лен по качеству превосходил лен частных фирм.

Кооперацию Чаянов считал очень широко применимой при организации просвещения, в культурной работе, издательском деле, организации музеев и т. д. И эти идеи тоже были им практически опробованы. Он участвует в работе Первого Всероссийского съезда по вопросам культурно-просветительской деятельности кооперации, сотрудничает в сборнике «Кооперация и искусство».

Чаянов считает кооперацию некапиталистическим путем развития сельского хозяйства и даже полагает, что она может способствовать вытеснению капиталистических элементов хозяйства. Например, он говорит, что крестьянин, живущий в нескольких верстах от го-

рода, вынужден обращаться к деревенскому ростовщическому кредиту, дающему деньги под 50 и более процентов в год. В то время как кооперативное кредитное товарищество дает возможность крестьянину получить кредит в местном банке под 6–8%.

Свою теорию Чаянов рассматривает как развитие многовековой русской традиции. Опору на семейно-трудовое хозяйство он видит еще в «Домострое» Сильвестра (XVI в.) – руководстве по деятельности большой семьи, двора.

Согласно Чаянову, семейно-трудовое сельское хозяйство – это совершенно особый тип экономики, к которому не применимы основные понятия классической политической экономии. Так как крестьянин – одновременно и владелец земли, и работник, то теряют смысл понятия заработной платы и земельной ренты. В его основе лежат «иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгодности». В частности, кооператив не может иметь собственных интересов, лежащих вне интересов создавших его членов, он лишь обслуживает своих клиентов и подчиняется только им. «Кооператив будет весьма полезен, если даже вовсе не будет приносить никакой прибыли как предприятие, но зато увеличит доходы своих членов». Любопытно сравнить это положение с точкой зрения Зомбарта, согласно которой при современной форме «высокоразвитого капитализма» главными участниками становятся объединения, не имеющие никаких человеческих целей: банки, тресты и т. д. Мерой их успеха (то есть целью их деятельности) является их доход. Это как бы новые нечеловеческие «личности», которым подчиняется экономика.

Концепцию Чаянова помогает понять очень «нестандартное» ее освещение в написанной им фантасти-

ческой повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (22). Действие начинается в 1921 году, и герой, при буржуазном строе называвшийся Алексей Васильевич Кремнев, а теперь – обладатель трудовой книжки № 37413, идет по Москве, вспоминая фразы, только что слышанные на митинге: «Разрушая семейный очаг, мы тем самым наносим последний удар буржуазному строю!», «Семейный уют порождает собственнические желания, радость хозяйчика скрывает в себе семена капитализма» и т. д. Потом он загадочным путем переносится в будущее – как ни странно, в 1984 год, так что книга вполне могла бы называться «Москва-1984». Но, в отличие от оруэлловской антиутопии, она изображает картину радостной, яркой жизни, построенной по принципам чаяновской концепции. Упоминается, что в прошлом был принят «декрет об уничтожении городов» и теперь существуют города с населением не больше 100 000 человек. Большая часть населения – крестьяне. «В сущности, нам были не нужны какие-либо новые начала, наша задача состояла в утверждении старых вековечных начал, искони веков бывших основою крестьянского хозяйства». «В основе нашего хозяйственного строя, так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник – творец, каждое проявление его индивидуальности – искусство труда».

Вспоминая время, когда «крестьянское хозяйство почитали за нечто низшее, за ту праматерию, из которой должны были выкристаллизоваться высшие фор-

мы крупного коллективного хозяйства, отсюда старая идея о «фабриках хлеба и мяса», рассказчик добавляет: «Социализм был зачат как антитеза капитализма: рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией подневольной работы городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружавшего его». Это глубокое замечание. Маркс и Энгельс охотно даже преувеличивали тяжелое положение современного им рабочего: он не имеет собственности, он не имеет отечества, у него фактически нет семьи, его дети вынуждены работать. Но удивительным образом они именно в этом видели зародыш будущего социалистического общества: там тоже не будет ни собственности, ни семьи («буржуазной»), ни отечества и дети будут работать начиная с восьмилетнего возраста. То есть будущее общество оказывалось зеркальным отражением «проклятого прошлого».

По-видимому, в XX веке Россия оказалась в эпицентре столкновения двух всемирно-исторических стратегий развития. Одна стратегия связана с наступлением города на деревню. Это индустриализация за счет экспроприации деревни, превращение крестьян в пролетариат, рост городского населения за счет притока бегущих из деревни крестьян, постепенное обезлюдение деревни и концентрация горожан в многомиллионных городах-мегаполисах. Другая стратегия – это то, что Кондратьев называл «двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства». Он предполагает устойчивое равновесие между городом и деревней как двумя необходимыми частями народного хозяйства и культуры. Так складывалась, например, жизнь античной Греции. Подавляющая часть граждан

Афинской республики были крестьянами, и только по особым случаям они собирались в городе. Для этих крестьян строился Парфенон и создавались статуи Праксителя. Это они смотрели драмы Эсхила, Софокла и Еврипида, которые редкий современный интеллигент способен прочесть. Да так было и во всем мире, и только в Новое время в Западной Европе город начал наступление на деревню, пожирая ее, наподобие раковой опухоли.

В России за последний век, или даже больше, мы видим драматическую борьбу за сохранение деревни: то через общину, то через кооперацию. Ведь какие бы ни были различия взглядов Чаянова и Кондратьева, Столыпина и его предшественников, например Витте (историк В. П. Данилов обращает внимание на министра Александра III Бунге), или деятелей эпохи крестьянской реформы, всех их объединяло одно: желание предотвратить пролетаризацию деревни, сохранить тот драгоценный элемент индивидуального творчества, содержащийся в крестьянском хозяйстве, о котором говорит Чаянов. В борьбе этих двух путей развития путь, ориентирующийся на сохранение деревни, имел два героических достижения: отражение атаки на деревню в крестьянской войне 1918–1921 годов и создание Чаяновым и «организационно-производственной школой» плана развития экономики России. Это была программа, альтернативная коллективизации и раскрестьяниванию. Но в ней реально не находилось места партии. В случае ее принятия роль партии в жизни страны постепенно ослабевала бы. Можно, следовательно, сказать, что для России существовала альтернатива коллективизации, но для партии ее не было.

В результате победила установка на раскрестьянивание и ускоренную индустриализацию. То есть в прин-

ципе Россия приняла западный «проект», отказавшись от реализации собственного «проекта». Странным образом те, кто называл себя революционерами, приняли план развития, в интеллектуальном смысле отнюдь не революционный, основанный на чужих принципах. А те, кто себя ни в коем случае революционером не считал, предлагали действительно революционный план, основанный на совершенно оригинальных идеях.

Лишение крестьян собственности на землю, бегство их в города и пролетаризация, нищета и законы о бедных, лишающие их права выбора места жительства и работы, жесточайшие кары за преступления против собственности, а с другой стороны, быстрый рост промышленности, рост городов, государственной мощи и влияния во всем мире – все эти черты истории Англии XVIII–XIX веков как будто копируются в советской жизни после «великого перелома». Марксизм был радикальным вариантом западного, чисто индустриального пути развития, предполагающего уничтожение деревни. Для осуществления технологической утопии, построения общества-машины были опробованы два пути: социалистический и либерально-демократический. В их конкуренции определялось, какой из них эффективнее.

Но Россия вступила на западный путь с опозданием на несколько веков. В результате возникло то, что называют «догоняющей экономикой». Да тогда и повторялся все время лозунг «Догнать!», рассчитывали, на сколько лет «отстали» и за сколько лет надо «догнать». Выпускались даже станки со штампом «ДИП» («Догнать и перегнать»). Однако в интеллектуальной, культурной области «догнать» вообще невозможно – в этом философский смысл парадокса об Ахиллесе и черепахе. Тот, кто впереди, всегда идейно сильнее, побе-

дить в соревновании можно, только исходя из своих собственных идей. Наиболее глубокий, трагический для нашей страны смысл «великого перелома» видится мне именно в том, что он столкнул Россию на движение «по чужим рельсам».

Однако русские – «идеологический» народ. Мы должны осознавать некоторый «смысл жизни» и согласно ему строить жизнь. Просто «догнать» кого-то таким «смыслом» быть не может. Тем самым главная составляющая жизни – ее мотивация – ушла. Как всякий исторический процесс, это выкристаллизовывалось в течение нескольких десятилетий – да тут еще вклинился такой посторонний процесс, как война. Но именно такова, как мне представляется, основа теперешнего распада нашей жизни. Подражание Европе, насильственно внедренное при Петре, то, что Данилевский называл «европейничаньем», хотя и было очень болезненным для страны, задело только верхушку общества. «Перелом» 1930-х годов поразил его корни. Отказ от своего пути, потеря духовной независимости через полвека привели к потере независимости экономической и политической.

Новое наступление на деревню решило не только ее судьбу, но и личную судьбу аграрников немарксистского направления. Атака на них велась непрерывно – Крицманом, Мендельсоном и другими. Но с 1927 года в нее включились лица гораздо более высокого уровня. В 1927 году появилась статья Зиновьева «Манифест кулацкой партии». Эта «партия» характеризуется так: «Н. Д. Кондратьев – «теоретический» глава целой школы. «Столпами» этой школы являются: Чаянов, Челинцев, Макаров, Студенский, Литошенко и др.».

В то же время появились статьи Е. Ярославского, Ежова, Милютина, Деборина. Ситуация стала совершенно ясной, когда на Всесоюзной конференции аграрников-

марксистов в 1929 году Сталин сказал: «Непонятно только, почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чаяновых должны иметь хождение в нашей печати?..» На процессе «Промпартии» и на пленуме ЦК в декабре 1930 года упоминаются Кондратьев, Макаров, Чаянов, Литошенко и ряд «буржуазных профессоров», вредителей. Они были арестованы ОГПУ в 1930 году и обвинялись в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии», в попытке свержения советской власти и восстановления буржуазно-помещичьего строя.

Сталин писал Молотову (2 августа 1930 года):

«Вячеслав! Ты, должно быть, уже получил новые показания Громана, Кондратьева, Макарова. Ягода привез их показать мне (...). Это документы первостепенной важности. Жму руку».

6 августа (о «деле» Кондратьева):

«Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев надо обязательно расстрелять».

2 сентября:

«Между прочим: не думают ли господа обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность советской власти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно».

Но вдруг 22 сентября – новый мотив:

«Подождите с делом передачи в суд кондратьевского “дела”. Это не совсем безопасно (...). У меня есть некоторые соображения против» (23).

Причина такого изменения планов непонятна. Но открытого суда не было. Приговором коллегии ОГПУ 12 подследственных были приговорены к тюремному заключению на разные сроки. Кондратьев и Чаянов отбывают срок в Суздале, в монастыре, превращенном в тюрьму. Кондратьев болен, под конец с трудом передвигается. В 1938 году его судят опять, приговаривают к расстрелу и в тот же день расстреливают. Чаянов тоже тяжело болеет в тюрьме. В 1934 году тюремное заключение заменено ему ссылкой в Алма-Ату. В 1937 году его там арестовывают, судят и приговаривают к расстрелу. Приговор приводится в исполнение немедленно. К моменту казни Кондратьеву было 46 лет, Чаянову – 49.

Тридцать седьмой год

Об этом эпизоде нашей истории так много писали и говорили, что обойти его молчанием нельзя. Тем более что он имеет непосредственное отношение к обсуждаемому нами вопросу: сейчас широко распространено мнение, что это был переломный момент послереволюционной истории России, что именно тогда Сталин уничтожил «ленинскую гвардию», «интернационалистов» и тем самым обеспечил переход к «государственнической», «державной» политике, постепенно восстанавливая русскую национальную традицию.

Тут объединено несколько утверждений, среди которых есть и бесспорно справедливые. Несомненно, что в 1937 году (понимая под этим условным названием несколько ближайших к нему лет) были или уничтожены или полностью вытеснены из жизни почти все «старые большевики», «ленинская гвардия». Однако главный вопрос заключается в том, насколько значительным для тогдашней жизни и для будущего было это собы-

тие, есть ли основания видеть в нем основной смысл того, что в эти годы происходило?

Для ответа на этот вопрос прежде всего желательно оценить численные размеры «ленинской гвардии» и ту роль, которую она к тому времени играла. Для этого можно обратиться к самому Ленину: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Это было сказано в 1922 году. А еще раньше, на VIII партсъезде, он говорил: «Слой рабочих (? – *И. Ш.),* которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составили нашу силу, – этот слой в России неимоверно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствовали на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы управляли эти 18 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе неизмеримую тяжесть управления страной, – никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил».

Но об этом говорили и другие. Например, Зиновьев на XIV съезде утверждал, что в партии осталось «со стажем до 1905 года – 2000, из них половина инвалиды. До 1917 года – 8,5 тысячи». На том же съезде Молотов в организационном отчете докладывает, что «в низовых органах процент старых коммунистов убывает. По Московской области за время между съездами (то есть за год. – *И. Ш.)* увеличение в бюро ячеек процента коммунистов со стажем после января 1922 года – с 4 до 23%, для всех ячеек – с 29 до 61%».

Очевидно, на самом верху еще оставалось несколько тысяч человек из этого «тончайшего слоя». Но они

многие годы усердно истребляли друг друга по собственной инициативе: сторонники Зиновьева и Каменева – сторонников Троцкого, сторонники Бухарина и Рыкова – сторонников Зиновьева и Каменева. Этот процесс происходил не без участия Сталина, но отнюдь не по его инициативе. Он типичен для всех революций. Так, во Французской революции переворот 1789–1790 годов (включая крестьянские восстания) сменился якобинским террором 1793 года, при котором погибло большинство деятелей первого периода, а в 1794 году после термидорианского переворота погибла большая часть якобинцев. Аналогичную роль играла «культурная революция» в Китае. Но в СССР уже в начале 1930-х годов слой «старых революционеров» был политически уничтожен. О его весе (или, вернее, отсутствии веса) говорил столь компетентный человек, как Сталин (в отчетном докладе на XVII съезде): «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде – и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого».

XVII съезд проходил в 1934 году, он назывался «съездом победителей» и состоял исключительно из сторонников Сталина (о чем также говорит и приведенная цитата). И вот из 1956 делегатов этого съезда 1108 были арестованы, из 139 членов и кандидатов ЦК, избранных на нем, арестовано было 98 человек. То, что «террор 37-го года» имел целью уничтожение «ленинской гвардии», – стандартная концепция западных советологов. Для доказательства обычно приводят ряд цифр – вроде того, что среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий в 1930 году 69% были с дореволюционным стажем, а в 1939-м –

80% вступили в партию после 1917 года. Но ведь при этом речь идет о немногих тысячах. Зачем же, чтобы их убрать, расстреливать многие сотни тысяч (согласно рассекреченным теперь сводкам НКВД–МВД)? На 1 апреля 1924 года партия имела 446 тысяч членов, к 1934 году – 3 миллиона 555 тысяч, то есть это как раз была партия людей, вступивших в нее после революции и Гражданской войны. И в этой партии к 1938 году осталось 1 миллион 400 тысяч человек. Если даже говорить только о членах партии, то репрессии были скорее направлены против «сталинской гвардии», чем против «ленинской гвардии».

Но в том-то и дело, что репрессии отнюдь не были ограничены членами партии. Прежде всего, как обычно, забывают деревню. Тогда был принят следующий документ:

Строго секретно.
Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
Центральный Комитет.
№ П 51/94. *3 июля 1937 года.*
Тов. Ежову,
секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий.
Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК.
Решение от 2.VII.37 г.

(...) 94). Об антисоветских элементах. Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, потом по истечении срока вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некото-

рых областях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет возвратившихся кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке.

Секретарь ЦК И. Сталин» (7, 24).

В приказе наркомвнудела Ежова была установлена разнарядка по первой категории (расстрел) – 72 тысячи, по второй (заключение на 8–10 лет в лагере) – 186 500, а всего 259 450 человек. Разобранные архивные материалы показывают, что эти задания были перевыполнены по крайней мере в 3 раза, а по расстрелам – в 5 раз (7, 24).

Ту же картину – арест и расстрелы – можно видеть во многих социальных группах, не имеющих ничего общего не только с «ленинской гвардией», но и с партией вообще. Например, жестокие гонения обрушились на Церковь. Число жертв до сих пор не сосчитано. Иеромонах Дамаскин сообщает, что в 1937 году было арестовано, согласно архиву ФСБ, и расстреляно более 210 священников в Тверской (Калининской) области. Принимая Тверскую область как типичную славянскую область СССР, мы получим для всей страны цифру порядка 20 000 расстрелянных православных священников. Во всяком случае, ясно, что речь идет о десятках тысячах погибших (25). Из 25 000 церквей,

действовавших в 1935 году, к 1939 году осталось 1277 (не считая оказавшихся на территории СССР после присоединения Западной Украины и Белоруссии). В 1937 году было арестовано около 50 епископов Русской православной церкви. Через год их оставалось 5, так что арестованы были почти все.

В этот же период были арестованы 34 члена Академии наук СССР, из них более половины расстреляны или умерли в тюрьме. Только трое – Бухарин, Осинский и Рязанов – были политическими фигурами (26).

Рассмотрим еще один, совсем другой слой – элиту советского авиастроения. Как и в области кооперации, взлет научных и технических разработок в области аэродинамики начался в России до революции, но продолжался и после нее. Центральной фигурой здесь был Жуковский, основоположник современной аэродинамики. Благодаря его влиянию самолетостроение в России и позже в СССР находилось на очень высоком научном уровне. После Первой мировой войны стала очевидной громадная военная роль самолетостроения. В своих воспоминаниях маршал Жуков пишет:

> *«Можно сказать, что авиация была даже в какой-то степени увлечением И. В. Сталина».*

И вот загадочным образом в период репрессий 1937 года разрушается верхний слой специалистов, обеспечивавших рост авиации.

Например, тогда наша страна вырвалась вперед в ракетной технике. В организованной в 1930 году Газодинамической лаборатории были разработаны так называемые «эрэсы» – реактивные снаряды, во время войны получившие название «катюши». Из трех человек, руководивших их разработкой, один – Петро-

павловский – скоропостижно умер, не дожив до 37-го года, а два других – Лангемак и Клейменов – были арестованы в 37-м и тут же расстреляны. В той же лаборатории работал и А. П. Королев – он тоже был арестован. О его судьбе рассказывает В. П. Глушко – один из создателей нашей космической техники. Он тоже был арестован, но не был расстрелян и попал не в лагерь, а в «шарашку»: официально – в КБ двойного подчинения (НКВД и НКАП).

Глушко пишет:

> *«События в 1938 году развивались так, что я с 1939 года получил возможность в КБ двойного подчинения (НКВД и НКАП) продолжить разработки по своей ракетной тематике – по ракетным двигателям на жидком топливе в применении к авиации (...). В Омске находилось тогда КБ Туполева – тоже двойного подчинения. А Туполев обращался в свое время с просьбой о том, что когда будут переводить заключенных авиационных специалистов, то [чтобы] их ему направляли. Вот Королев и попал в КБ Туполева и несколько месяцев провел в Омске, но после моего вторичного обращения его тут же прислали ко мне» (27).*

Из этого же рассказа видно, что Королев пробыл полтора года на Колыме. Туполев (как видно и из этого рассказа) тоже был арестован. Он просидел полтора года в одной камере с уголовниками, четыре раза ему сообщали, что он приговорен к расстрелу, и водили якобы на расстрел. Бывшее КБ Туполева было разбито на несколько частей. Среди них были три «шарашки»: самого Туполева, Мясищева и Петлякова. Другой ведущий авиаконструктор – Калинин (создатель «летающего крыла») сошел с ума в тюрьме и был расстрелян. Бартини проси-

дел 10 лет. Таубин, создатель первой авиационной пушки, был расстрелян в 1939 году. Был арестован, но выжил, стал лауреатом Сталинской премии и академиком один из создателей ЦАГИ Б. С. Стечкин. Арестован был заместитель начальника ЦАГИ Некрасов, был арестован и вскоре погиб изобретатель реактивно-динамических пушек Курчевский. Уцелевшие конструкторы работали в «шарашках», но они были отрезаны от *планирования* стратегии самолетостроения, да и творческие их возможности были сильно снижены.

Весь этот разгром санкционировался на самом высшем уровне. Так, на XVIII партсъезде М. М. Каганович (брат Л. М. Кагановича, позже расстрелянный) говорил:

> *«Товарищ Сталин лично занимается вопросами оборонной промышленности. От него мы получаем конкретные указания в деле очищения нашей авиации от всяческих вредителей, мерзавцев... То, что делает товарищ Сталин, есть гарантия побед нашей авиационной промышленности».*

Да я могу, наконец, привлечь и собственные воспоминания. В 1937 году мне было 14 лет, и эту эпоху я отчетливо помню. Например, мы жили тогда в большой коммунальной квартире, где помещалось семь семейств. И в одном из них был арест. На входной двери было семь звонков с фамилиями жильцов, и арестовывавшие обычно звонили не тем, кого шли арестовывать, – чтобы застать врасплох. В тот раз позвонили нам, мне четко врезалась в память атмосфера обреченности, созданная звонком... Была у нас дальняя родственница, троюродная сестра матери. Молодая женщина, замужем за молодым, но занимавшим сравнительно высокий пост (кажется, директора заво-

да) человеком. Тогда таких называли «выдвиженцами». Они были еще молоды в 1937 году, значит, никакими «старыми революционерами» быть не могли. Он был арестован и осужден на «10 лет без права переписки», что означало – расстрел. Вскоре была арестована и она и пробыла в лагере 10 лет. Летом 1938 года я оказался с родителями в одном маленьком городке. Там нам рассказали, что в школах прекратились занятия немецким языком: арестовали всех учительниц немецкого языка. Пришло указание разоблачать немецких шпионов, а никого более похожего не оказалось... В классе, в котором я учился, у двоих моих товарищей были арестованы отцы. Потом я перешел в другой класс – и там в таком же положении был один из моих товарищей. Помню, как в то время нас собрала наша пионервожатая, очень славная девушка, ненамного нас и старше, почти наш товарищ. Она сказала нам, что существует предрассудок, будто нехорошо сообщать об антисоветских высказываниях своих родителей, – наоборот, так поступать правильно, это наш долг.

Позже давались неправдоподобно преувеличенные оценки репрессий того времени – по причинам, о которых речь пойдет позже. Например, Конквест в известной книге «Большой террор» утверждает, что число расстрелянных было 10–12 миллионов – больше, чем убитых на всех фронтах Великой Отечественной войны. Говорилось, что пострадала каждая семья и т. д. По моим воспоминаниям, масштаб арестов был таков, что каждый близко соприкасался с несколькими случаями ареста.

Как и во многих других случаях, мне кажется, что абсолютные цифры мало что проясняют. Что считать «много» – 10 миллионов, 1 миллион, полмиллиона? Важно то, какое влияние то или иное событие оказало

на жизнь. Вот пример. Громадные человеческие жертвы в Первой мировой войне произвели колоссальное впечатление на сознание западного мира. Оно было травмировано тем, что жизни миллионов людей, в большинстве своем – молодых, были принесены в жертву чьим-то интересам. Возникла целая литература «потерянного поколения». Но после окончания войны по Европе прошла эпидемия гриппа «испанки», которая унесла больше жизней, чем война. И это не оставило никакого следа в общественном сознании. Также и по поводу «37-го года» было бы желательно понять, каково было воздействие той эпохи на жизнь.

Каков был смысл этой акции? Ее нельзя свести к ликвидации «ленинской гвардии», с таким же основанием ее целью можно объявить истребление крестьян, уничтожение священников или уничтожение лучших авиаконструкторов и т. д. Я не берусь утверждать, что у нее вообще была кем-то (например, Сталиным) заранее задуманная цель. Но результат, несомненно, был. Это был террор в буквальном переводе этого слова: страх. Страх стал постоянным фактором управления жизнью. Существенно было, что определенный процент жителей подвергался репрессиям, так сказать, «наугад» – безо всяких реальных оснований. Но поведение человека могло увеличивать или уменьшать вероятность его попадания в этот процент.

Если отказаться от моральных оценок, а попытаться оценить использование фактора страха (террор) лишь с точки зрения эффективности управления обществом, то можно указать и «отрицательные», и «положительные» стороны такой системы. Недаром страх (наказание) всегда связывается с законом и с воинской дисциплиной. «Положительной» стороной является упрощение управления обществом. Чтобы

добиться какой-то цели, часто нет необходимости учитывать сложный баланс интересов различных его слоев, достаточно отдавать определенные приказы. Это, пользуясь терминологией Кондратьева, полная победа телеологического принципа планирования над генетическим. «Отрицательной» стороной является то, что очень трудно провести черту, отделяющую правящий слой от основного народа, чтобы освободить правящий слой от давления страха. В истории это удавалось крайне редко – например, в Спарте, но там разделению спартанцев и илотов способствовало этническое различие. Как правило, господствующий слой оказывается даже под большим давлением, так как неподчинение его членов грозит всему режиму большей опасностью. Но правящий слой может дать согласие на «дань кровью» в критической ситуации, когда и ему и всему режиму грозит гибель. Когда же режим укрепляется, такая ситуация становится для него тягостной. Возникает кризис, когда сам правящий слой приходит в состояние конфликта с режимом, его создавшим. Различные фазы такого кризиса мы видели в нашей стране после смерти Сталина в 1953 году.

Я очень ясно помню этот фактор страха, присутствовавший в жизни. Некоторые игнорировали его сигналы – из чувства гордости, собственного достоинства или по легкомыслию. Как правило, они были очень недолговечны. Но большинство учитывало его в своем поведении. Даже в моем окружении – подростков, позже студентов – оценивалось, с кем о каких-то вопросах можно говорить, а с кем – не следует. Но был и еще один слой людей, реагировавших тем, что *изменяли* свое сознание, как бы ампутировали те мысли, высказывание (или иное проявление) которых могло быть опасным. Например, в своих воспоминаниях

К. Симонов пишет, что плакал, узнав о смерти Сталина. Думаю, что в какой-то части сознания он был искренен: не изменив его соответствующим образом, он просто не смог бы выжить в той среде, к которой принадлежал.

Позже, в период «перестройки», чтобы оправдать ту «шоковую хирургию», которой подвергался народ, часто утверждали, что сознание всего народа претерпело именно такое изменение: стало «рабским» (правда, другие уверяли, что таким оно было всегда). Уж не говоря о том, что обвинение исходило, как правило, от тех, кто раньше сам именно такую психику выработал (из того же слоя, что, например, К. Симонов), поэтому оно чисто фактически неверно. Тогда нужно было несравненно большее мужество для того, чтобы не перестать дружить с семьей арестованного, чем сейчас для поступка, считающегося самым смелым. А ведь так вело себя подавляющее большинство. И позже я не раз сталкивался с тем, что жители Запада вели себя как самые запуганные люди сталинских времен, причем под угрозой неприятностей, несопоставимых с тогдашними трагедиями. Жизнь в стране продолжалась на основе гораздо более древних традиций. В ней оставалось место и любви, и самопожертвованию, и энтузиазму творчества, и патриотизму. Но ощущение постоянно находящейся рядом опасности стало одним из ее элементов.

Странную трансформацию претерпела оценка событий 1937 года! Впервые открыто о них стало возможно говорить у нас после речи Хрущева на XX съезде. Он именно и формулировал «преступления культа личности Сталина» как «репрессии против ответственных партийных и советских работников». Тогда было даже постановление воздвигнуть памятник именно этим «жертвам» (в эмиграции Троцкий, конеч-

но, гораздо раньше писал, что Сталин уничтожает «ленинскую гвардию»). После этого появился и Самиздат на эту тему, и с такой же ориентацией: например, воспоминания Е. Гинзбург. Тогда многих шокировала эта точка зрения: считать достойными внимания только испытания, выпавшие на долю узкого и весьма сомнительного круга. Как будто все другие просто не существовали! Их логика была: «Все шло так хорошо, мы действовали так успешно, готовы были и дальше послушно действовать – за что же?»

В ряде произведений постепенно вырабатывалась более взвешенная и справедливая точка зрения на нашу историю: что жертвы среди «руководящих работников партии и правительства» – это было далеко не самое страшное. Было рассказано о несравненно больших жертвах в эпоху Гражданской войны и коллективизации. Хотя бы в романе М. Н. Алексеева «Драчуны», где описан голод 30-х годов, и в статье М. П. Лобанова «Освобождение», донесшей эту тему до широкого круга читателей, в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына, в романах В. И. Белова «Кануны» и «Год великого перелома», в статьях В. А. Солоухина и В. В. Кожинова в «Нашем современнике» и т. д.

Но в последнее время стрелка как будто повернулась на 360 градусов и вернулась в прежнее положение. Опять стал популярен тот взгляд, что 37-й год в основном сводился к уничтожению «старых революционеров» – лишь с противоположной оценкой: «Так им и надо!» Это как бы было наказание им за то, что они творили во время революции. Или суровое напоминание нынешним врагам России. Я видел даже в одной газете статью «Да здравствует 1937 год!» (хотя заглавие, может быть, иронично?). Но в хрущевские времена и позже, когда главной трагедией сталинской эпохи

провозглашали «избиение руководящих партийных кадров» как раз эти самые «кадры» или их потомки (физические или духовные), в то время это было хоть как-то понятно (хотя безжалостно, эгоистично). А сейчас авторы прямо противоположных – почвеннических, русских – взглядов предлагают считать расстрел Ягоды или Зиновьева событием, своим значением заслоняющим расстрел десятков тысяч «кулаков и уголовников» (то есть крестьян), вернувшихся из сибирской ссылки, расстрел десятков тысяч священников, расстрел Кондратьева, Чаянова, Флоренского, Клюева. Вот это представляется мне парадоксальным.

Война

Война вломилась в общество строящегося коммунизма как нечто нежданное и чуждое. Это кажется странным: по всей стране пели песни о том, что будет, «если завтра война», эта тема играла основную мобилизующую роль в государственных средствах информации, расстрел Кондратьева, Чаянова, Флоренского обосновывался тем, что они готовили «интервенцию». Но дело в том, что ожидалась совсем не та война – это должна была быть «война классов», о которой писали Тухачевский и Бухарин, где нашим союзником будет пролетариат всех стран, а наши армии понесут знамена мировой революции. Вместо этого оказалась война не классов, а народов – Отечественная война.

То, что страна столкнется именно с такой перспективой, постепенно стало проникать в сознание партийных верхов после прихода Гитлера к власти в Германии – уж слишком громогласно он об этом заявлял. Поэтому предпринимались некоторые меры, чтобы учесть коренное изменение ситуации. Я помню, какое

странное впечатление диссонанса производил тогда фильм «Александр Невский», героем которого был князь, а войско выступало с хоругвями. Но известно, что идеология – наиболее консервативная сторона человеческой жизни. Например, есть теория, что первым прирученным ездовым животным был, видимо, северный олень. Позже приручили лошадь, но, чтобы не порывать с традицией, некоторое время ей на голову привязывали рога оленя (такие скелеты найдены в захоронениях). Такое впечатление лошадиной головы с оленьими рогами производили и идеологические изменения, происходившие в предвоенные годы (подробнее об этом будет сказано позже).

Вот в этом состоянии «устаревшего» сознания, не соответствующего новой реальности, и застала война руководство СССР. В этом, по-видимому, и заключается одна из основных причин трагической ситуации, сложившейся в первые полтора года войны. Это видно хотя бы по воспоминаниям маршала Жукова. (Литература о войне огромна. Дальше я буду в основном ссылаться на воспоминания маршала Жукова – общепризнанного крупнейшего полководца этой войны.) К войне готовились, но как-то не в полную силу. Не предпринимался ряд мер, необходимых в условиях очевидной подготовки Германии к скорому нападению. Концентрация 3,5 миллиона человек в приграничных районах никак не может быть секретом. Да и я сам помню, как радиостанции всего мира наперебой сообщали о немецких эшелонах, идущих к Польше.

Но руководство – в первую очередь Сталин и Молотов – какой-то частью сознания все же жило надеждой на то, что войны с Германией удастся избежать (или хоть оттянуть ее). Это подтверждают многие, часто цитировавшиеся свидетельства (например, воспоминания

маршала Жукова), да это и понятно. Центром капиталистического мира для них были «англо-французские империалисты». От них, согласно марксистскому взгляду, и следовало в первую очередь ожидать главной опасности для социалистического государства. Надо сказать, что были и факты, подтверждавшие такой взгляд. Например, Мюнхенское соглашение. Во время советско-финской войны обсуждался вопрос об отправке англо-французского экспедиционного корпуса в Финляндию и о бомбардировках бакинских нефтепромыслов – вопрос отпал сам собой в результате поражения Финляндии и заключения мирного договора.

С другой стороны, имеется ряд свидетельств о разработке планов вторжения советских войск в Иран и Афганистан. В феврале 1941 года в несколько раз были увеличены штаты редакций газет Среднеазиатского военного округа, выходивших на языках фарси, урду, афганском, английском, и созданы редакции газет на языке пенджаби. Были массово изданы плакаты, изображавшие дехканина, благодарно обнимающего солдата Красной Армии, – в точности аналогичные плакатам, изданным в 1939 году при вступлении советских войск в Западную Украину и Белоруссию, на маневрах Среднеазиатского военного округа отрабатывалось освобождение народов близлежащих стран (40) (документы имеются в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске). В одной работе (28) сообщается интересный факт: до начала войны советской промышленностью массово выпускался истребитель «МиГ-3» – перехватчик, предназначенный для действий на высоте 7–9 тысяч метров, в то время как высота полета основной массы немецких бомбардировщиков была ниже 5700 метров (и это было хорошо известно). Естественной целью для такого самолета были

«летающие крепости» и «либерейторы», поставляемые Соединенными Штатами Англии. Создается впечатление, что руководство страны не могло решить: к какой войне готовиться?

Трагически звучит рассказ Жукова о том, что, когда они с наркомом обороны Тимошенко утром 22 июня вошли в кабинет Сталина и доложили о начале военных действий, тот спросил: «Не провокация ли это немецких генералов?» «Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация?» – удивился Тимошенко. «Гитлер, наверное, не знает об этом», – настаивал Сталин. Трагична здесь полная неадекватность реакции, обернувшаяся миллионными жертвами. Сталин отказался даже разрешить войскам вести ответный огонь, пока Молотов не подтвердил, что германский посол сообщил об объявлении войны.

По тогдашним временам поразительно было молчание Сталина в течение 10 дней после начала войны. Надо представить себе жизнь тех лет, когда каждое важное действие или исходило от Сталина, или скреплялось его решением (по крайней мере, так внушалось, и многие этому верили). Все время говорилось о готовности к войне, о ней пели песни – и вот она началась. В сводках назывались все новые города, все дальше в глубь страны. Появилось «Минское направление» – все понимали это так, что немцами уже взят Минск. А Сталин все молчит – это было загадочным.

И речь Сталина 3 июля производит нецельное, иногда совсем странное впечатление. Например, он пугал слушателей тем, что «враг (...) ставит своей целью восстановление царизма», – а для большинства народа такая угроза была весьма абстрактной (молодые знали только по слухам, а для старших «до войны» означало

время, о котором вспоминали со вздохом, как сейчас – до «перестройки»). В речи Сталин называет «великого Ленина», предлагает «сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина», хотя каждый, кто учился в школе, знал, что в предшествующую войну с немцами Ленин (и вся партия) был за поражение «своего» отечества.

Хрущев, с его явно прорывающейся ненавистью к Сталину, рисует его в первые дни войны перепуганным, растерявшимся. Жуков говорит, что Сталин был растерян лишь в первый день войны, а вообще был «не трусливого десятка». Мне кажется, что личное поведение одного человека, хотя бы и обладающего абсолютной властью, не столь существенно для такого события, как начавшаяся война. Гораздо важнее то, что весь правящий слой оказался в ситуации, которая не вмещалась в их идеологию (а идеология-то и была фундаментом всей их деятельности). Им всем – и Сталину в первую очередь – приходилось приспосабливаться к новой ситуации, причем приспосабливаться очень быстро, когда существование страны, а тем самым и их власть не раз висели на волоске.

В войне так причудливо все сплелось, что победа стала условием выживания и России, и русского народа, и коммунистической партии, и, в каком-то смысле, самого Сталина. *В этой точке* их фундаментальные интересы совпали.

В войне более приемлемыми, более обоснованными оказались многие черты того стиля жизни, который был создан в 1930-е годы, да и личности самого Сталина. Это и всегда были методы «военного типа»: мобилизации, штурма и т. д. Теперь они (хотя бы отчасти) оказались оправданными логикой войны, когда вопрос шел о существовании страны. Нашли применение типичные черты сложившегося режима и стиля сталинского руко-

водства: военно-диктаторского. Ведь в любой стране во время войны увеличивается вес подобных мер – хотя и не до такой степени, как это было у нас.

На время войны Сталин даже переступил через себя: он терпел рядом с собой ярких, талантливых людей, молчаливо признавая их превосходство в их сфере деятельности. Например, Жукова, да и целую группу полководцев, доказавших свое военное мастерство. Это видно, например, по мемуарам маршала Жукова. Так, до войны Сталин не информировал его (начальника Генерального штаба!) о поступающих разведывательных данных. На просьбу о получении этой информации Сталин ответил Жукову: «То, что вам следует знать, вам будет сообщено». А уже во время войны Сталин обращался к Жукову и его заместителю Ватутину совсем по-другому, например: «Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке?» – и потом тотчас же утверждал их предложения. В экономике такое же положение занимал, видимо, талантливейший организатор-экономист Н. А. Вознесенский. (После войны Сталин услал Жукова в дальний военный округ, а Вознесенского расстрелял.)

Война потребовала громадных жертв. Они были вызваны несколькими причинами. Во-первых, к началу войны германская армия имела уже большой опыт боев (правда, только с несравненно слабейшим противником). Поэтому остановить немцев можно было, только идя на большие жертвы, чем те, на которые они были способны. Во-вторых, особое отношение немецких властей к жителям нашей страны как к существам низшего сорта – «унтерменшам» – было причиной колоссальной смертности в лагерях военнопленных и среди населения оккупированной территории. И наконец, потому, что воевали, конечно, так же, как действовали до того:

не жалея людей. Жуков рассказывает, что Сталин обрывал военных, указывавших на то, что иногда людьми жертвуют без всякой пользы: «Нечего хныкать, на то и война». Да как иначе и могла руководить войной партия, недавно подавившая крестьянскую войну, совершившая коллективизацию и раскулачивание, сама только что прошедшая чистки и репрессии?

И все же упреки в слишком больших потерях кажутся мне наименее обоснованными из всех, которые можно сделать тогдашнему руководству (или лично Сталину). Очень трудно определить границу «разумных» жертв. Вот французы попробовали другой крайний путь: они настолько боялись потерь, что практически не воевали и войну проиграли без единого сражения. А главное, за жалобами на «чрезмерные потери» чувствуется некоторый подтекст. Для военного историка критический разбор какой-то операции имеет один смысл, для публициста – другой. Какой? Это часто явно высказывается: «просто завалили трупами», «никакой победы не было». То есть это попытка *дегероизации победы,* превращения ее даже в *постыдный* эпизод нашей истории. Еще Достоевский заметил этот прием тогдашнего «малого народа»: «Кто застыдится своего прошлого – тот уже наш».

А ведь мечта вбить народу в голову, что «никакой победы не было», казалась реально достижимой, почти достигнутой. Но сейчас видно, что не получилось, легче уничтожить народ весь целиком, чем вытравить эту память. Недавно по телевизору выступал один из тех активистов, которые в свое время наградили нас «перестройкой». Теперь он посвятил себя трудам на ниве образования, в меру сил стараясь и там совершить «перестройку». Он с неподдельной горечью жаловался на то, как въелись «стереотипы»: поступающие в ин-

ститут будущие историки не хотят на вступительном экзамене рассказывать, что Советский Союз был «поджигателем войны», а у преподавателей не поднимается рука ставить им за это заслуженную двойку. Но это уже зубр, из реликтовых. А вся их братия почувствовала, сообразила, что этого народу не навязать. И забубнили о «Великой победе», стали «склонять головы» и открывать монументы.

Как обычно, такой пропагандистский прием рассыпается, если попытаться его логически осознать. Почему, собственно, даже очень большие потери делают победу менее героической? Ведь, например, в римской истории больше всего на Великую Отечественную войну была похожа Вторая Пуническая война. Она тоже началась с ряда разгромных поражений, враг стоял у ворот Рима, война продолжалась 17 лет, население Римского государства сократилось в два раза! И тем не менее она всегда считалась самым героическим эпизодом римской истории, никто из римских историков иначе ее не оценивал.

Точно так же память о Великой Отечественной войне останется героическим преданием нашего народа, доколе он будет существовать.

Война имеет непосредственное отношение к теме этой работы. Когда обсуждается «великий перелом» – раскрестьянивание и гибель русской деревни, – то русские, как правило, душой на стороне деревни; условно говоря, они спрашивают себя: «Как пережил бы эти события Есенин?» Единственный (хоть как-то понятный) аргумент на противоположной чаше весов связан с войной. Он заключается в том, что, мол, как бы ни был жесток и пагубен для будущего переворот 1930-х годов, без него не удалось бы выиграть войну; что иным путем нельзя было создать промышленность, при

помощи которой была выиграна война. Собственно, это аргумент самого Сталина: коллективизация была необходима для индустриализации (при этом подразумевается, что индустриализация могла осуществляться только тем путем, которым тогда пошла). К этому иногда добавляют, что в 1930-е годы было достигнуто морально-политическое единство советского народа. Вот эти аргументы важно обсудить.

Могла ли индустриализация быть осуществлена без уничтожения традиционного индивидуального трудового крестьянского хозяйства – основы русской деревни? На этот вопрос ответ частично был дан жизнью. Индустриализация не только могла быть осуществлена, но уже осуществлялась в середине 1920-х годов с большой скоростью (29). Уже в 1927 году объем промышленной продукции превысил довоенный на 23,7%, в том числе по тяжелой индустрии – на 33,6%. В 1926–1927 годах начинается строительство 16 крупных электростанций, в том числе Днепрогэса. В 1926-м закладываются 7 новых угольных шахт, в 1927-м – 16. Строятся Керченский металлургический завод, несколько медеплавильных заводов, Риддеровский (будущий Лениногорский) полиметаллический комбинат, Мариупольский трубный завод, Ростовский завод сельскохозяйственных машин и т. д. Были заложены Сталинградский тракторный завод и Кузнецкий металлургический.

Все это делалось на основе экспорта хлеба, который давала деревня, несмотря на постоянное вторжение в ее жизнь власти, находившейся под воздействием идеологических догм. Ведь возникало парадоксальное положение, на которое указывал, например, Кондратьев. Власть многократно заявляла, что ее опора в деревне – беднота. Какая же власть будет стремиться сокращать свою социальную опору? Конечно, сознательная

политика «обеднения» деревни не могла проводиться, но возникала «ориентация на бедноту», которая препятствовала быстрому развитию сельского хозяйства. В результате в 1925–1929 годах производство зерна колебалось около уровня, немного более высокого, чем довоенный. Во всяком случае, утверждения о том, что «мужичок регульнул власть», являлись пугалом, отражая настроения тех «99 из 100 коммунистов», о которых говорил Сталин на XIV съезде, которых надо было сдерживать, чтобы они «вмиг» не «раздели кулака». Это пугало применял Каменев на XIV съезде в связи с тем, что в 1925 году хлебозаготовки дали на 200 миллионов пудов меньше, чем планировалось. Это действительно снизило темп индустриализации, однако гораздо больший урожай 1926 года позволил восстановить прежний темп. Но в 1928 году аналогичные трудности с хлебозаготовками послужили поводом для введения «чрезвычайных мер» – пролога коллективизации.

Первый пятилетний план (на 1928/29–1932/33 годы) был принят в качестве закона V съездом Советов в мае 1929 года. Он не содержал идеи «сплошной коллективизации» (предполагалось, что к концу периода в колхозы добровольно объединятся 18–20% крестьян, это была «дань» идеологии). Продукция промышленности должна была вырасти в 2,8 раза, производство средств производства – в 3,3 раза, сельского хозяйства – в 1,5 раза, национальный доход – более чем вдвое. Был разработан отправной (минимальный) план и оптимальный, отличавшийся от отправного примерно на 20%. Согласно оптимальному плану, производство чугуна предполагалось довести до 10 млн тонн, электроэнергии – до 22 млрд кВтч. Производительность труда в промышленности предполагалось поднять в 2,1 раза, реальную зарплату – в 1,7 раза, доходы кре-

стьян – в 1,6 раза. Накопления, необходимые для этого очень быстрого развития экономики, предполагалось получить на основе подъема сельского хозяйства. Посевные площади должны были увеличиться на 22%, урожайность – на 35% (29–31).

Это был очень быстрый рост экономики. Реально ли было этот план выполнить? В очень взвешенно написанном современном учебнике для студентов-историков говорится: «При оценке первого пятилетнего плана историки единодушно отмечают взвешенность его заданий, которые, несмотря на их масштабность, были вполне реальны для выполнения» (31). Другое дело, что при этом ведущую роль играли бы экономисты типа Кондратьева и Чаянова, громадный массив выросших еще до революции экономистов и те коммунисты, которые были готовы учиться экономике, вникать в тонкости экономики и рынка. Но не у дел оставалась бы масса коммунистов, еще живших идеологией эпохи «военного коммунизма», жизненная установка которых сводилась к тому, чтобы «раздеть кулака».

Возникает и другой вопрос: достаточны ли были темпы развития экономики, установленные первым пятилетним планом, чтобы к началу войны обеспечить хотя бы тот уровень промышленности (в частности, военной), который мы реально имели? Дело в том, что вскоре после принятия первого пятилетнего плана его задания стали пересматриваться – в сторону резкого увеличения. (Наиболее известное действие – лозунг «Пятилетку – в четыре года», выдвинутый Сталиным в декабре 1929 года.) Поэтому может сложиться впечатление, что экономика развивалась значительно быстрее, чем предполагалось в первом пятилетнем плане. В том же учебнике (31) читаем: «Запланированные задания «первой пятилетки», по существу, были сорваны,

и реальные результаты далеко отставали не только от контрольных цифр завышенного, но и первоначального «оптимального» плана». Например, было решено в 2 раза увеличить задание по выпуску цветных и черных металлов, автомобилей, сельскохозяйственных машин и т. д. (29). Запланированные мощности Кузнецка и Магнитогорска повышались в 4 раза. Эти планы оказались нереальными. Более того, попытки их осуществления нарушили баланс частей экономики. Скорость роста индустрии упала с 23,7% в 1928–1929 годах до 5% в 1933 году. Были прекращены ассигнования на 613 из 1659 основных строящихся объектов тяжелой промышленности. Вместо предусмотренных пятилетним планом 60 доменных печей в строй вошли 32, из 57 прокатных станов, пуск которых был запланирован, в эксплуатацию ввели 13, из 70 мартеновских печей, которые предполагалось пустить, было пущено 38. Не были осуществлены не только гигантские планы, объявленные в порядке корректировки пятилетки, но и первоначальные задания первого пятилетнего плана. К концу пятилетки продукция выросла не в 2,8 раза, как планировалось сначала, а в 2,3 раза.

Задания второй пятилетки были уже скромнее: они предполагали увеличение продукции на 16,5% в год (вместо 30%, запланированных в первой пятилетке, реальность – около 20%). По скорости роста легкая промышленность должна была опережать тяжелую. Развитие шло очень неравномерно. В 1933 году производство выросло лишь на 5%, 1934–1936 годы дали около 20% в год, 1937–1938-е – 11–12%.

В 1939 году был принят третий пятилетний план (1938–1942 годы). Работа по нему шла тоже очень неровно. Так, в справке, представленной М. Сабуровым в Госплан в апреле 1941 года, говорится, что срыв в

течение первых двух лет пятилетки выполнения плана черной металлургией и топливной промышленностью стал причиной «невыполнения плана по машиностроению, в значительной мере по капитальному строительству и производству металлических изделий широкого потребления» (31).

В качестве конкретного примера (29): по оптимальному варианту первого пятилетнего плана предполагалось довести выплавку чугуна до 10 млн тонн. В январе 1930 года было решено повысить эту цифру до 17 млн тонн. В результате в 1932 году было выплавлено лишь 6,2 млн тонн, то есть не было выполнено не только задание оптимального варианта (10 млн тонн), но и минимального (8 млн тонн). А заказанная цифра в 17 млн тонн не была достигнута и к войне. В 1937 году выплавка чугуна увеличилась на 0,6%, в 1938-м – на 1%, а в 1939-м – уменьшилась на 0,1%.

Это отнюдь не значит, что в стране ничего не строилось. Жизнь всегда сильнее любых внешних вторжений в нее. Так жило крестьянство при крепостном праве, обороняло страну, заселяло все новые области. В этом объяснение и той загадки, что сейчас наша страна существует, несмотря на весь разгром. С самого начала XX века в России ощущался громадный прилив энергии во всех областях жизни – от крестьянской кооперации до классического балета. Для его реализации не была нужна военизированно-лагерная организация жизни. Он даже помог пережить ее калечащее воздействие. Так и в 1930-е годы: строилось много, и пафос строительства захватывал участвовавших в нем людей. Но ниоткуда не следует, что большего нельзя было достигнуть, развивая экономику в направлении, намеченном первым пятилетним планом, не ломая хребет крестьянству, опираясь на кооперацию и стра-

тегию, предложенную Чаяновым. Раскрестьянивание было необходимо – но не для индустриализации, а чтобы следовать идеологии «военного коммунизма», «Коммунистического манифеста» и всего марксизма-ленинизма, для воспитанной в этом духе части партии, уверовавшей, что «насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым». Конечно, для создания оборонно-промышленного потенциала нужна перестройка экономики, но ведь смогла же Германия с 1932 по 1940 год увеличить свой военно-промышленный потенциал в 22 раза (как об этом пишет маршал Жуков), не уничтожая своего крестьянства. В духовном отношении политика 1930-х годов привела народ к войне глубоко расколотым. Из кого состояла армия, вступившая в бой в 1941 году? Во-первых, из крестьян, прошедших насильственную коллективизацию, аресты, высылку в Сибирь, голод и опять аресты, возвратившихся с севера «кулаков и уголовников». Во-вторых, из рабочих, то есть в основном из тех же крестьян, не выдержавших обрушившихся на них гонений и завербовавшихся по набору или просто бежавших из деревни на новостройки. Надо очень сильно абстрагироваться от действительности, чтобы представить себе, что у этих людей не было тогда иных чувств, кроме порыва отдать жизнь за партию и товарища Сталина. Более правдоподобно, что народное сознание находилось под мучительным воздействием диаметрально противоположных сил.

В беседе с писателем Ф. Чуевым уже отставной Молотов сказал: «Мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны». Дело, конечно, не в 1937 годе (опять он выпячивается на незаслуженное место), а во всей политике 1930-х годов. Увы, она принесла плоды гораздо худшие, чем «пятая

колонна». Трудно не связать с ней необычайно большое количество сдавшихся в плен в первые месяцы войны. О них можно судить по общим цифрам советских военнопленных: 4059 тысяч – по советским данным, 5200–5750 тысяч – по немецким (32); основная их масса относится на первый период войны (июль 1941 – ноябрь 1942). В книге (33), использующей немецкие источники, приводится цифра в 3,8 миллиона военнопленных до конца 1941 года. В советских официальных данных говорится о 939 тысячах военнослужащих, числившихся пропавшими без вести и вторично мобилизованных на освобожденных территориях. Очевидно, это солдаты, разошедшиеся во время отступления по деревням, работавшие там во время оккупации и не обнаруженные немцами. (Что касается «пятой колонны», то очень трудно представить себе Гитлера, сотрудничающего с Пятаковым или Бухариным. Парадоксально, но он высказывал мысль, что после победы над Советским Союзом доверит управление им Сталину, так как тот «знает, как обращаться с русскими».)

Но болезненнее всего в нашей исторической памяти останется, наверное, то, что около 1 миллиона граждан СССР участвовало в войне на стороне врага. Такого не было ни в войну 1914 года, ни в Отечественную войну 1812 года! Ведь в 1812 году крепостные крестьяне могли бы воспользоваться вторжением Наполеона, чтобы поднять вторую пугачевщину. А они вместо этого ловили отступавших французских солдат! Очень глубок должен был быть раскол в народе России, чтобы появилось такое нетипичное для русских явление, как «власовское движение» (применяя этот термин условно, как название всех соединений советских подданных, участвовавших в войне на стороне немцев). Но основная масса народа не пошла по власовско-ленинскому

пути – встала на защиту своей страны независимо от отношения к тогдашнему режиму. (При всем различии ситуаций позиция Ленина в Первую мировую и позиция Власова в Великую Отечественную войну основывались на общем принципе: отношение к общественному строю важнее отношения к стране.) Такова была и позиция крепостных крестьян в 1812 году. В этом, мне кажется, и состоит великий подвиг народа.

Если сравнивать дальше положительное и отрицательное влияние изменений в жизни, происшедших в 1930-е годы, на ход войны, то нельзя обойти сложившийся общий стиль руководства. Диктаторские приемы, приказы чуть ли не под угрозой расстрела («положить партбилет» – практически было равнозначно аресту). Все это стало стилем сначала в довоенной жизни, а потом – стилем ведения военных операций и персонально стилем Сталина. В воспоминаниях маршала Жукова не раз рассказывается, как и он, и другие военачальники ставили свою подпись под планами операций, бесперспективность которых они ясно понимали, – ибо таков был приказ Верховного главнокомандующего. Об этом много печальных историй рассказывает маршал Жуков – как в воспоминаниях, так и в докладе, подготовленном (но не произнесенном) для пленума ЦК в мае 1956 года (34). Например, как Сталин под угрозами расстрела послал его отбивать деревню Дедово, оторвав от командования фронтом под Москвой в самый опасный момент. «Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?» – спрашивает Жуков. И отвечает: «К сожалению, был», перечисляя ряд неудачных операций, каждая из которых стоила десятков тысяч жизней. И ведь дело здесь не в Сталине, а в общем стиле руководства, который культивировался. Лично Сталин умел учиться и начиная с

середины войны ограничивал свое вмешательство в области военного руководства, где были явно лучшие специалисты. Но ниже его шел целый слой военачальников, часто сознательно, а иногда подсознательно ему подражавших.

Сильно дезорганизовали армию аресты офицеров, когда из армии выбыло более 36 тысяч человек, арестованных или исключенных из партии за «связь с заговорщиками». Жуков пишет: «Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием».

Часто возражают, что арестованы были военные, имевшие лишь опыт Гражданской войны да жестокого подавления крестьянских восстаний, – вроде Тухачевского и Якира. Но ведь других-то военных не было! И Жуков служил в Красной Армии под началом Тухачевского при подавлении антоновского восстания, а Шапошников был тогда у Тухачевского за начальника штаба. Дело было в том, кого кем заменять. После расстрела группы руководящих военных в 1938 году для руководства армией был создан Главный военный совет Красной Армии. Вот его состав: Блюхер, Буденный, Ворошилов, Мехлис, Сталин, Шапошников, Щаденко. Из них Блюхер был в том же году расстрелян, а всех остальных, кроме Шапошникова, Сталин вынужден был к середине войны отстранить от руководства военными операциями просто из инстинкта самосохранения, чтобы не проиграть войну. Именно этим своим политическим сподвижникам (некоторых он знал еще с Гражданской войны) Сталин больше доверял. А ведь Кулик, например, был перед войной ответственен за вооружение армии и воспрепятствовал вооружению ее автоматами, считая их «оружием полицейских». Люди типа Кулика и Мехлиса – это были злые гении армии:

они пытались заменить полководческую бесталанность щедростью пролития солдатской крови.

Учитывая все сказанное, трудно согласиться, что уничтожение крестьянства и последующая политика 1930-х годов были необходимы для победы в войне. Наоборот, победа была достигнута *вопреки им.* Ведь если бы коллективизация была проведена лишь как мера подготовки к войне, то, когда война была выиграна, ее можно было бы отменить. Этого тогда в народе и ждали: «После конца войны колхозы распустят» – это явно была мечта народа.

А вместо этого после окончания войны был издан ряд постановлений, ужесточающих колхозный строй, – например, введена уголовная ответственность за невыработанные трудодни – как на барщине.

Война-то, конечно, была выиграна – война с экономически более сильным и в военном отношении более опытным противником, – в этом нет сомнения. Вопрос в том, кто ее выиграл. Предположим, что экономика планировалась бы более рационально и к войне достигла бы более высокого уровня; нашим авиаконструкторам не мешали бы создавать новые самолеты и к войне наши самолеты превосходили бы немецкие, армия была бы широко вооружена «катюшами»; к началу войны авиация была бы своевременно поднята в воздух, войска мобилизованы, немцам нанесли бы сокрушительный удар и к зиме наши войска были бы в Берлине. Тогда, хотя бы отчасти, это была бы победа «коммунистической партии и лично товарища Сталина», как тогда писали.

Но события развивались по-другому. Война все-таки была выиграна, но это была победа народа, его жертвенности и героизма. И именно все те сложные и трагические условия, в которых победа добывалась, освещают масштабы народного подвига.

«Национал-большевизм»

Война, конечно, многое изменила в стране. И не только война, но и период, когда она надвигалась. Я имею в виду появление в политике некоторых «державных» элементов, иногда заимствованных из державного опыта дореволюционной истории. Эти изменения породили точку зрения, согласно которой советская власть перестала быть марксистско-коммунистической, она «переродилась», как французская революция переродилась в империю Наполеона. А иногда даже говорят о «контрреволюции», о «реставрации» дореволюционной России. Большевизм, согласно этой точке зрения, превратился в национал-большевизм, то есть коммунистическая идея слилась с национальной. Здесь возникает важнейший вопрос для понимания нашей истории последних десятилетий.

Прежде всего отметим то, что само собой очевидно. Любая, самая революционная партия, захватив власть, как-то изменится, вынуждена будет использовать некоторые «державные» механизмы. Она не станет сама себя свергать и будет защищаться. Когда Ленин сказал от имени большевиков: «Мы отвоевали Россию (...). Мы должны теперь Россией управлять», – из этого уже вытекало, что они будут стремиться не дать завоевать ее кому-либо другому. Более того, они получили в руки одно из самых мощных орудий, тысячелетиями создававшееся человечеством, – государство. Как было не использовать его для достижения своих целей? Прежде всего – армию. После недолгих колебаний идея добровольческой Красной гвардии, партизанская война были отвергнуты и верх взял трезвый здравый смысл. Армия в Советской России была

создана в общем на тех же основах, что и в других странах. Мы видели, что возникла даже идеология превращения армии в орудие мировой революции. Три года понадобилось для того, чтобы принять такое же решение по поводу другого важнейшего элемента жизни – денег. Есть много аналогичных примеров.

Тогда же, как реакция на эти явления, возникла и концепция «перерождения коммунистической власти». Возникла она в эмиграции – это было течение «сменовеховцев». Сталин на XIV съезде так сформулировал их взгляды: «Коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас. МЫ, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помощью какого-нибудь цезаря, который выдвинется не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики». Это несколько утрированное изложение. Сменовеховцы верили, что советская власть перестает быть разрушительно-революционной, решает национальные задачи, восстановила единую и неделимую Россию. Эта идеология допускалась в СССР, существовал даже журнал такого направления – «Новая Россия»: видимо, считалось, что она ослабляет сопротивление некоторых кругов большевистскому режиму. Но сменовеховство, как всякая эмигрантская концепция, основывалось больше на желаниях, чем на знании жизни. Движение оказалось под влиянием организации «Трест», созданной ОГПУ.

В «перерождении» большевистскую партию обвинял и Троцкий, а после высылки из СССР – в «термидорианстве» и «контрреволюции». Это же утверждали и многие другие. Жизнь показала, что все они

серьезно ошибались. Партия осталась достаточно революционной, чтобы совершить «вторую революцию» – коллективизацию, гораздо более радикальную, чем первая. Тривиальная схема: раз пришли к власти, значит, перестали быть революционерами – оказалась неверной. Государство стало как раз главным орудием для осуществления второй революции. Такую же вторую революцию («культурную революцию») пережил в свое время Китай.

Но начиная с 1930-х годов вопрос приобрел несколько иной оттенок. С приходом Гитлера к власти в Германии слишком очевидным стал национальный аспект мировой политики. Выше я привел соображения, аргументирующие тот взгляд, что эта ситуация слишком противоречила идеологии правящего слоя и поэтому хоть им и учитывалась, но лишь частично, с каким-то двойственным отношением. Были осуществлены действительно некоторые меры, тогда казавшиеся очень необычными.

До того политика партии имела явно антирусский характер. В документах, переданных XII съезду, Ленин настаивал, что русские должны «возмещать» неравенство, которое якобы раньше существовало. Сталин, выступая как признанный знаток национального вопроса, на X, XII, XIV, XVI съездах заявлял, что в области национальных отношений главная опасность – «русский великодержавный шовинизм» (хотя что это значило – в те годы?). С точки зрения стратегии партии такая позиция объяснима. Ленин не раз сравнивал установление большевистской власти в России с завоеванием. Что же теперь представляет наибольшую опасность? Ясно, что сопротивление основного из завоеванных народов – русского. И политически логично опираться на антирусские тенденции, возбуждая их в других народах.

Например, в 1918 году было опубликовано подписанное Лениным и Сталиным обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Мыслимо ли было тогда такое обращение «к трудящимся православным»? В обращении к мусульманам говорилось, что их «мечети и молельни разрушались, верования и обычаи попирались царями и угнетателями России», хотя, например, исламское духовенство получало до революции материальную поддержку от русского правительства.

Я цитировал выше высокую оценку наркомнацем борьбы чеченцев и ингушей с «реакционным казачеством». В обращении Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» несколько раз повторяется призыв «не копировать нашу практику», «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к местной буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянам». Аналогичное постановление ЦК, подписанное Сталиным в связи с коллективизацией, было приведено выше. Та же идеология господствовала в исторических исследованиях и в преподавании русской истории. Это была концепция «проклятого прошлого». Руководящим историком России был Покровский. Он был так влиятелен, что его имя было присвоено Московскому университету (я сам поступил в «университет им. Покровского», но кончил «университет им. Ломоносова»). Книги его были полны какой-то иррациональной злобы против России, даже вступавшей в противоречие с марксистскими взглядами. Например, для него Петр I был не личностью, а выразителем интересов «торгового капитала». Но он же, захлебываясь, утверждал, что Петр был и сифилитиком, и гомосексуалистом. Какие же интересы торгового капитала он таким странным

образом отстаивал? Конечно, подобное же направление имела и официальная литература.

Начиная с середины 1930-х годов эта тенденция стала приглушаться указаниями сверху. Наоборот, были предприняты некоторые действия, имеющие целью стимулировать русские национальные чувства иди подчеркнуть преемственность с исторической Россией. Собственно, действий таких было немного, и я попробую их перечислить. При этом я упоминаю об изменениях, происшедших в жизни до войны, во время войны и после нее (может быть, какие-то я забыл, но это – основная их часть):

– указание прекратить очернение русской истории, осуждение «школы Покровского»;

– фильмы и книги исторического содержания о героических периодах русской истории;

– твердая «реабилитация» классической русской литературы – например, торжества по поводу 100-летия со дня смерти Пушкина;

– слово «родина» стало вполне безопасно произносить, оно приобрело положительный смысл;

– ослабление гонений на Православную Церковь, разрешение ей в 1943 г. (в ограниченных размерах) восстановить свою деятельность;

– восстановление прежних воинских званий, мундиров, погон. Восстановление похожей на дореволюционную школьной формы, раздельное, как до революции, обучение мальчиков и девочек;

– речи Сталина во время войны, где употреблялось слово «родина» (правда, обычно с прилагательным «социалистическая»), «наши великие предки – Суворов и Кутузов, Дмитрий Донской и Александр Невский»;

– тост Сталина «за здоровье русского народа»;

– выговор Демьяну Бедному за поставленную по его тексту оперетку «Богатыри», где он издевался над богатырями и князем Владимиром.

Этот список не включает каких-либо действий, связанных с основными факторами жизни, в основном эти изменения касались *внешности* в чистом виде (форма военных или школьников), иногда изменений языка официальных речей и статей (введение новых слов: «родина», «генерал», «патриот»). Иногда они притормаживали, смягчали ставшие вредными идеологические тенденции (например, в преподавании русской истории и литературы). Несомненно, все они несли «идеологическую нагрузку», были некоторыми «знаками». Вопрос заключается в том, свидетельствуют ли они о принципиальном изменении советского общества или касаются только некоторых внешних его сторон.

Самым принципиальным было изменение отношения к Православной Церкви, особенно если сопоставить его с иррациональной ненавистью, которая до того определяла политику власти в этой области (например, была объявлена «безбожная пятилетка» 1932–1937 годов и предполагалось, что к 1937 году «имя Бога не будет произноситься в нашей стране», а в реальности с 1935 по 1938 год число действующих православных храмов сократилось с 25 000 до 1277). Новые меры были предприняты лишь начиная с 1943 года и диктовались условиями войны. На оккупированной немцами территории были сняты ограничения с церковной жизни (Гитлер считал желательным распространение среди русских «любых суеверий»). Там было открыто около 10 тысяч храмов, ряд монастырей, крестились в большом числе взрослые, которых не крестили при рождении. При наступлении наших войск такая картина могла вызвать нежелательные настроения. Кроме того, в результате беспрерывных

гонений Церковь была совершенно обескровлена и ни тени опасности для власти не представляла. Некоторое смягчение политики в отношении Церкви способствовало росту симпатий к СССР на Западе, представительная деятельность Церкви за рубежом была целиком поставлена на службу официальной политике.

Впрочем, и позже были аресты священников, хотя и в меньших размерах. После открытия нескольких тысяч храмов, нескольких семинарий и духовных академий число их постепенно стали сокращать. Согласно докладу, представленному Сталину Советом по делам Русской православной церкви, к 1 октября 1949 года «изъято 1150 молитвенных зданий» (на бывшей оккупированной немцами территории). В 1948 году министр МГБ Абакумов подал Сталину докладную записку, в которой сообщается, что «церковники и сектанты значительно активизировали работу по охвату населения религиозным и враждебным влиянием». «В результате работы органов МГБ по выявлению и аресту антисоветского элемента среди церковников и сектантов за время с 1 января 1947 года по 1 июня 1948 года по Советскому Союзу за активную подрывную деятельность арестовано 1968 человек, из них православных церковников – 679 человек» (25).

Изменение отношения к русской истории и литературе было декларировано, но провести его в жизнь было труднее. Слой людей, писавших учебники и осуществлявших их издание, остался прежним, и их психология осталась той же. И до, и после войны учились по учебникам, где русская история состояла лишь из восстаний, вызванных бесчеловечным угнетением масс. Уже после войны я попытался представить себе впечатления ребенка, впервые знакомящегося с литературой в школе, а не дома. Первое стихотворение Пушкина,

которое он узнает, – «Узник», Лермонтова – «Прощай, немытая Россия...», первое произведение Толстого – «После бала». То есть из первых (значит, самых сильных) впечатлений складывается облик России: тюрьма, страна рабов, порка солдат. Конечно, учитель не был обязан точно следовать учебнику, и многие преподавали историю и литературу иначе. Это и была половинчатость, характерная для той эпохи.

Самым ранним в этой цепи действий было письмо Сталина Демьяну Бедному (еще в 1930 году). Он упрекает Демьяна за то, что тот изображает прошлое России как «сосуд мерзости и запустения», в то время как «революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира». Письмо интересно тем, что очень точно следует духу статьи Ленина «О национальной гордости великороссов», которая и цитируется. Предметом же «гордости» оказываются лишь люди и течения, способствовавшие разрушению российской государственности, – от Радищева до террористов 1870-х годов.

Мне не раз приходилось встречать как доказательство радикального изменения взглядов самого Сталина указание на то, что он много раз смотрел во МХАТе пьесу Булгакова «Дни Турбиных», где на сцене белые офицеры в золотых погонах изображаются вполне человечными. Тогда (до войны) эта пьеса была популярна (вероятно, по этой самой причине), и я ее видел. Я помню свое тогдашнее впечатление – тяжелое, горькое. С одной стороны, Турбины вызывали симпатию, несомненно, были людьми, любившими Россию, воевавшими за «единую неделимую». А с другой – они были так раздавлены совершившимся ее крушением, что готовы были прибиться к любой власти – хоть к гетману, хоть к большевикам. Я подумал тогда, что

старому большевику вроде Сталина могло быть приятно видеть раздавленными и поверженными своих противников времен Гражданской войны. И вот оказывается, в письме к писателю Билль-Белоцерковскому Сталин выразил именно это отношение: «Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, – значит, большевики непобедимы». То есть привлекала не традиция русской армии, погоны и мундиры, а то, что было показано поражение белых!

Достаточно, не поддаваясь воздействию пропаганды (а она, как будет показано ниже, обрушивалась на нас со всех сторон), реально вспомнить, о каких действиях шла речь, чтобы убедиться, что производились второстепенные, почти косметические изменения, никак не затрагивавшие основы уже сложившегося тогда коммунистического строя. Это были скорее символические уступки русскому национальному чувству, необходимые, чтобы использовать его в войне (а после войны – в расчете на будущую войну).

Нет оснований представлять тогдашнюю политику как попытку какого-то руководящего слоя (или лично Сталина) хитро обмануть русских. Подъем жертвенного русского патриотизма постепенно становился силой, определяющей ход войны. Он оказывал давление на руководство, и оно, очень дозированно и осторожно, в чем-то ему уступало. То, как эта осторожная линия уступок определялась, видно по речам Сталина во время войны. Первая речь, по радио 3 июля 1941 года, выдержана строго в духе коммунистических стандартов, почти эпохи Гражданской войны. Враг «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма». В духе строгого интернационализма

упоминается угроза культуре и государственности народов, которых перечисляется двенадцать, и дальше еще стоит: «...и других».

Уже 6 ноября 1941 года появляется новый мотив: «Эти люди имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского» (впервые особо выделены русские). На параде 7 ноября 1941 года: «Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского и Дмитрия Донского» – имена уж совсем не из коммунистического ряда (князья, Александр Невский – святой Православной Церкви). Однако потом: «Под знаменем Ленина – вперед, к победе». Все время сохраняются и прежние лозунги. Апелляция к «великому Ленину» – в приказах от 23.02.1942, 1.05.1942, 23.02.1943, 1.05.1943, 23.02.1945, к «большевистской партии» – 7.11.1942, 23.02.1943, 1.05.1943, 7.11.1943, 23.02.1944, 1.05.1944, 7.11.1944, 23.02.1945, 1.05.1945.

Наиболее ярким было выступление Сталина в связи с концом войны, 9 мая 1945 года: сжатое, лишенное штампов партийного языка. Говорится: «наша Родина» (без обычной прибавки «социалистическая»), «неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны». Наконец, 24 мая 1945 года на приеме в Кремле Сталин провозгласил тост «за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа». Там русский народ был назван «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Собственно, это очень естественно, когда во время войны (или вообще в трудный момент) правительство апеллирует к патриотическим чувствам народа. Мы это видим и в наши дни: такие жесты, как праздник «Виват, Россия!» или открытие какого-нибудь мону-

мента, очень дешево стоят: в буквальном смысле – стоят очень малых денег. А дать могут много. И такая мысль не была чужда большевистской традиции. К русскому патриотизму не раз апеллировали еще в трудные моменты Гражданской войны. Много фактов подобного рода приведено в книге М. Агурского (35). Например, в 1920 году во время польского наступления Стеклов (Нахамкес) писал в «Известиях»: «Народ, на который напали, начинает защищаться. Когда посягают на его святая святых, он начинает чувствовать, что в нем просыпается национальное сознание». Радек (Собельзон) считал одной из величайших заслуг Троцкого (Бронштейна), что «он сумел людям, пришедшим к нам из вражеского лагеря, внушить убеждение, что советское правительство борется за благо русского народа». Во времена советско-польской войны было опубликовано «обращение Брусилова», призывавшее бывших царских военных поддержать большевистскую власть ради блага России. Луначарский писал: «Сейчас сменовеховцы убедились, что советская конституция не противоречит “великодержавности”. Троцкий в 1921 году: «Сменовеховцы пришли к выводу, что никто не может защитить единство русского народа и его независимость от внешнего насилия в данных исторических условиях, кроме советской власти»; «Особенно важно питать этими идеями военных». Виден несерьезный, внешний характер этих пропагандистских приемов. И люди-то как на подбор не русские (я нарочно указал их настоящие фамилии), и говорят откровенно, что лишь стараются «внушить убеждение», будто борются «за благо русского народа». Развиваясь, эта традиция немного отшлифовала свой язык.

Как только война кончилась, даже и это, очень осторожное, попущение национальных русских чувств

стало тормозиться. В 1945 году был основан влиятельный журнал «Вопросы истории», и передовая статья в его первом номере предостерегала против «искажений в наших исторических исследованиях», и в частности: «наклонности к великодержавному шовинизму», «положительной оценки политики царизма», «идеализации представителей правящих классов», «буржуазных взглядов на рост и распространение русского государства», «отказа от классового анализа исторических явлений». В другой статье в том же журнале продолжается список «искажений»: «Академик Тарле повторил ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны»; «попытка оправдать войны Екатерины II тем, что Россия якобы стремилась к своим естественным границам... требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России и о царской России как тюрьме народов... Понадобилось прямое вмешательство Центрального Комитета нашей партии, созыв им специального совещания историков, чтобы дать отпор этим ревизионистским идеям».

Единственная попытка хоть как-то претворить в жизнь декларации военного времени – хотя бы знаменитый сталинский тост и другие символические действия, – попытка, предпринятая целиком в рамках коммунистических структур и идеологии, закончилась арестами и расстрелами. Я имею в виду известное «ленинградское дело» 1949 года. Речь и шла-то всего о таких робких планах, как, например, план создать Российскую коммунистическую партию со своим ЦК в Ленинграде и перевести Совет Министров РСФСР в Ленинград. Но этим планам предшествовали некоторые действия ленинградских властей – такие, как возвращение многим улицам и площадям их старых названий (а иначе так и оставался бы Невский проспект проспектом

25 Октября, Литейный – проспектом имени Володарского, а Владимирский – имени Нахимсона). Результатом было постановление Политбюро об «антипартийных действиях Кузнецова, Родионова и Попкова». (Вся эта драматическая история ярко изложена в работе С. С. Куняева. См.: «Наш современник». 1995, № 10.)

Аресты и расстрелы по «ленинградскому делу» параллельны таким же репрессиям по делу Еврейского антифашистского комитета. Последнее часто приводится как несомненное доказательство и самое яркое проявление сталинского антисемитизма. С тем же основанием «ленинградское дело» можно было бы считать примером сталинской русофобии. На самом деле в обоих случаях национальные чувства, использованные во время войны, должны были быть заторможены, когда война окончилась.

Весь этот сдвиг идеологии был не органическим изменением, а тактической мерой коммунистического строя, вынужденной Великой Отечественной войной. Такой же, как в свое время нэп, – это был «идеологический нэп». Действительно, я сам помню, как сначала резали слух эти слова: «офицер», «генерал», «Родина», как удивляли погоны и мундиры. Но, вероятно, не меньше в свое время при нэпе резали слух «акционерные общества», «тресты», «концессии». Ведь тогда была волна самоубийств среди коммунистов на почве «отхода от идеалов революции». На самом деле «идеологический нэп» оказался гораздо менее радикальным, чем «экономический нэп», – он всерьез не затронул ни одну из существенных сторон строя.

Концепция, что «со Сталина СССР стал возвращаться к националистической политике дореволюционной России», – по существу, западного происхождения. Ее, правда, высказывал раньше Троцкий (оказавшись

тоже на Западе), но он был явно слишком пристрастен. Стандартной она стала в работах западных советологов. Это была идейная основа их понимания советской истории.

Я помню, что в 1970-е годы западные корреспонденты в Москве были этой идеей, как сейчас говорят, «зомбированы». Их главный вопрос обычно был: «Согласны ли вы, что Советский Союз есть повторение дореволюционной России в другом облике?» И никакие попытки пробиться к фактическому обсуждению вопроса не помогали. Я обычно предлагал: «Давайте выясним, какую сторону жизни вы имеете в виду: государственное устройство, экономику деревни, экономику промышленности, положение религии, прессу и печать?» В ответ пожимали плечами и говорили: «Да, внешне, конечно, общего мало. Но (с надеждой) по существу?» И дальше сдвинуться было нельзя. Видимо, в самой простоте этой идеи («внешне все другое, а по существу – то же самое») есть нечто привлекательное и сопротивляющееся фактам. (Ну а кроме того, раскулачивание и Беломорканал как-то списываются на русскую национальную традицию – и это тоже привлекательно.)

Зачем нам сейчас об этом думать?

В нашем катастрофическом положении – когда реальным является гибель народа – стоит ли тратить силы на размышления об истории, о том, что все равно уже в прошлом? Мне кажется это необходимым, причем по нескольким причинам. Одна из них заключается в том, что из образов прошлого, из исторического материала создаются идеологические концепции, являющиеся орудиями современной идеологической борьбы и влияющие на наше будущее. Например, если внушить, что «рус-

ская душа – вечная раба», что Россия ничего не внесла в мировую цивилизацию, что у нее не было ни истории, ни литературы, что русские вечно угнетали другие народы, – одним словом, концепцию «проклятого прошлого» или «империи зла», то откуда возьмутся силы для защиты такой страны? Наоборот, ее разрушение покажется благим делом для всего человечества. Другой пример – течение, стремящееся стереть из народной памяти победу в Великой Отечественной войне и, если удастся, превратить ее в поражение.

Вот пример, более близкий к теме этой работы. В последнее время заметен резкий взлет интереса к личности Сталина. О нем вышло много книг, напечатана масса статей, на демонстрациях видно много его портретов. Например, стала выходить серия «Русские судьбы», запланированная в тридцати томах. И первый том – это политическая биография Сталина, а том о Пушкине – где-то заметно позже. Причем этот новый прилив интереса к Сталину носит особую окраску. Сталин воспринимается не как коммунист, продолжатель идей Маркса и Ленина. Например, я не видел ни на одной демонстрации портрета Маркса, зато много портретов Сталина. В этом течении мысли Сталин воспринимается как русский патриот, продолжатель русской державной традиции. Мы имеем дело уже с некоторым явлением современности, отражающим какие-то современные социальные явления.

Из того, что изложено выше, казалось бы, видно, что восприятие Сталина как государственного деятеля русского патриотического направления никак не согласуется с фактами. Даже «национал-большевизмом» проводившуюся им политику нельзя назвать. Сталин мыслил и действовал строго в рамках марксистского коммунистического мировоззрения, усвоенного им в

молодости. Совершенно оправдан был лозунг: «Сталин – это Ленин сегодня». Положение, что Сталин резко отошел от дореволюционного и непосредственно послереволюционного курса Ленина, столь же не обосновано фактически, как и многочисленные попытки доказать, что Ленин «извратил» или «исказил» Маркса, был скорее последователем Нечаева или Ткачева. Этот последний вопрос выходит за рамки настоящей работы, но можно привести множество аргументов, показывающих, что Ленин воспринял именно *центральное* ядро идеологии Маркса и сделал его своим орудием, при помощи которого «перевернул мир».

Как для Ленина не было более убедительного аргумента, чем цитата из Маркса, так и Сталин постоянно повторял, что он – «верный ученик великого Ленина» – и до войны, и во время войны, и после. Конечно, он руководствовался идеями Ленина в меняющихся условиях (как и Ленин – идеями Маркса). После войны широко был распространен слух, что следующая война будет лет через десять-пятнадцать. Джилас в своих воспоминаниях утверждает, что слышал это от самого Сталина. Я слышал это от многих, имевших связи в высоких сферах (физиков-атомщиков, ракетчиков). Видимо, этот слух шел сверху. В случае успеха такая война вряд ли могла принести мировое господство, но обеспечивала бы господство над Европой. Так как тогда казалось, что Китай прочно включен в единый «социалистический лагерь», то вырисовывалась возможность создания единого коммунистического общества в размерах Евразии – наибольшее реально мыслимое приближение к идеалу мировой революции. На большее не мог рассчитывать и Ленин в период самых радужных революционных надежд 1919–1920 годов. Вероятно, это была мечта Сталина последних лет его жизни.

Да ведь Сталин оставил исчерпывающее свидетельство своей идеологии – последнее свое произведение, можно сказать, завещание: «Экономические проблемы социализма в СССР», написанное в год его смерти. Книга ясно характеризует идеологию и тип мышления Сталина. В ней – длиннейшие цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина (одна цитата из Маркса длиной в две страницы). И не упоминается *ни один* другой экономист, хотя бы столь тогда знаменитый Кейнс (одно исключение – возражение давно забытому А. Богданову). Такое впечатление, что автор вообще не держал в руках работ экономистов, кроме «классиков». Зато марксизм молчаливо принимается как абсолютная истина: «мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения...», «немарксистский – следовательно, глубоко ошибочный» и т. д.

Последовательно придерживаясь этих принципов, Сталин указывает на противоречие, существующее в современном ему социалистическом обществе СССР: это наличие денег и товарного производства. Он предвидел переход к «прямому продуктообмену». Какая странная картина! Выросла сложнейшая экономика, сам Сталин ежегодно утверждал бюджет, а в то же время планировал старое марксистское «отмирание денег». То есть он никогда не забывал идеологию своей молодости и «военного коммунизма». Даже колхозы, с его точки зрения, нарушали чистоту принципов социализма, «так как труд в колхозах, как и семена, – свой собственный».

> *«Когда вместо двух основных производственных секторов – государственного и колхозного – появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжаться всей потребительской продукцией страны,*

товарное обращение с его "денежным хозяйством" исчезнет как ненужный элемент народного хозяйства».

Совершенно так, как писали в 1920 году: «Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории».

Этой марксистской идеологии Сталин и придерживался всю жизнь, лишь приспосабливаясь к новым фактам жизни (например, к войне). Был ли случай, когда Сталин поступил исходя из интересов русского народа, если его не заставляли это делать другие обстоятельства? Я таких случаев привести не могу. Но зато часто он поступался интересами русских. Например, во время войны в немецкой армии каждый солдат периодически получал отпуск – как откровенно признавал Гитлер, чтобы немецкий народ не сокращался. Сталин не мог не знать мер, принимаемых противоположной стороной, в других случаях их перенимал – но не в этом. (В начале войны это еще можно было объяснить отчаянным положением, но с 1943 года было ясно, что война выиграна, Сталин сам это говорил Жукову.) А в результате русские перенесли такой демографический удар, что в начале 1980-х годов в школах РСФСР училось приблизительно столько же детей, как и до войны. А в республиках Средней Азии – в 3–4 раза больше. И понятно: убиты во время войны были 1 русский из 16 и, например, 1 узбек из 36. Русские составляли около половины населения и 66% среди убитых (32). Но со своей точки зрения Сталин был прав: после войны при коммунистическом строе стало жить гораздо большее число людей, чем до нее.

Примеров подобного рода много. Так, в 1936 году в связи с принятием новой конституции СССР и уже

при полном всевластии Сталина была создана Казахская ССР, которой передали многие коренные русские земли и несколько миллионов русских жителей. Теперь их там жестоко притесняют. В 1945 году для поддержки коммунистического правительства Польши ей была передана большая территория в районе Белостока – Хелма, которую населяли два миллиона белорусов и украинцев (37). Теперь они подвергаются там свирепому ополячиванию и окатоличиванию. Сталин передал Порт-Артур Китаю и т. д.

Оценить роль государственного деятеля во время его жизни или вскоре после смерти – очень трудно. Здесь слишком влияют личные чувства (иногда субъективно совершенно оправданные). Объективной оценке роли Сталина очень помешал распространившийся было взгляд на него как на «мясника», «кровавого дебила». Конечно, Сталин был выдающимся политиком – об этом говорит хотя бы то, как он победил всех своих конкурентов в партии, а во время и после войны на новом для него дипломатическом поприще – западных политиков, даже таких выдающихся, как Рузвельт и Черчилль. Он умел ставить далекие цели, планировать их достижение и с колоссальными упорством и волей добивался успеха. Он хорошо знал людей (по крайней мере, некоторые их стороны), умел учиться (экономике, руководству войной). Он обладал колоссальной памятью и трудоспособностью. Черчилль писал, что среди современных ему политиков такой работоспособностью обладали только трое: он сам, Сталин и Гитлер.

Но вот и Гитлер был, конечно, выдающимся политиком (что признавал и Сталин). Главное для нас, не политиков, а обычных людей, – какие цели ставит себе политический деятель. Сталин же был политиком выдающимся, но не нашим, не русским (я здесь

совсем не имею в виду его национальность). Целью его жизни было создание все большего социалистического государства на основах все более социалистических. Для этого он, вероятно, сделал больше, чем кто-либо другой. А русский народ использовался при этом как средство.

Откуда же возник образ Сталина – русского патриотического вождя, столь мало согласующийся с его действиями? Из всех публикаций чувствуется, что он обращен не к прошлому, а к будущему. Это образ того вождя, о явлении которого мечтают. Пишут: «Новый Сталин нужен России», «Сталин грядет»...

Драматизм ситуации заключается не в том, что был создан образ Сталина, не соответствующий истории: какой-то искусственно созданный образ мог бы играть мобилизующую роль. Гораздо важнее, что появление такого деятеля, которого ждут и рисуют в образе Сталина, сейчас совершенно невозможно. Сталин мог проявить себя, только опираясь на партию того времени, поняв лучше других ее стимулы и возможности. Это были сотни тысяч отчаянных, волевых, диктаторски настроенных людей, готовых на жертвы и объединенных общим мировоззрением. Это были те, про кого Сталин говорил, что у 99 из 100 одна программа: «Бить кулака!»

Вот их дух (речь Рыкова на XV съезде):

> *«Товарищи! Товарищ Каменев окончил свою речь тем, что он не отделяет себя от тех оппозиционеров, которые сидят теперь в тюрьме. Я должен начать свою речь с того, что не отделяю себя от тех революционеров, которые некоторых оппозиционеров за их антипартийные и антисоветские действия посадили в тюрьму». (Бурные продолжительные аплодисменты. Крики «ура!». Делегаты встают.)*

Ободренный Рыков накаляет тон:

> *«...по “обстановке”, которую оппозиция пыталась создать, сидят очень мало. Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем [не] придется в ближайшее время несколько увеличить».*

Это, в свою очередь, приводит зал в еще больший восторг: бурные и продолжительные аплодисменты, крики «ура!», делегаты стоя приветствуют Рыкова, поют «Интернационал». Нам уже этих людей не понять: уж песни-то зачем петь по поводу того, что кого-то собираются посадить в тюрьму? Теперь такого слоя нет. Есть безжалостные и отчаянные люди – уголовники. Но их как слой в принципе объединить невозможно – они никогда не вылезут из своих «разборок». А без такого слоя никакой новый Сталин невозможен – он и был лишь продуктом их коллективной воли.

Часто обсуждают вопрос: был ли Сталин жесток, любил ли своих детей? Сталин, видимо, не присутствовал при казнях и пытках, как, например, Петр I. Но если верен рассказ о том, что Паукер, чтобы потешить Сталина, изображал перед ним, как Зиновьева вели на расстрел, то это свидетельствует об очень своеобразной психике. Да разве от этого что-то зависит? Гитлер был вегетарианцем, не пил алкоголя и любил свою собаку – многое ли это меняет? (Впрочем, не могу удержаться от одного замечания по этому, хотя и второстепенному, вопросу. Тонкое наблюдение принадлежит В. В. Кожинову: что русские иначе оценивают свою историю, чем Запад. Мы чувствительнее к совершенным у нас жестокостям. Например, русские в основном относятся к своей революции как к страшному, братоубийственному кровопролитию, а французы празднуют юбилей

своей, устраивают парады и приемы. Иван Грозный был современником Генриха VIII, казнившего не меньше людей. Но в английской истории Генрих VIII остался «колоритной личностью», а в русской Иван Грозный – злодеем. Однако мы ведь русскими так до сих пор и остались. Может быть, в английской истории Сталин сохранился бы как «колоритная личность», а в русской памяти, думаю, останется злодеем.)

Весь новейший всплеск симпатий к Сталину имеет еще один печальный аспект. Это ожидание сурового, даже жестокого вождя, который нас спасет от надвигающейся гибели. При этом наши собственные усилия становятся излишними, ненужными. Одна статья так описывает роль Сталина: «Он “выдирал” русский народ из гнилого, омерзительного бытия, как выдергивают из болота тонущего – за волосы. Тот, кого спасают, кричит, захлебывается, проклинает спасителя». Тем самым нам внушается психология пассивности, устранения от простых собственных решений – от того, что сейчас нужнее всего. (Сам собой при этом возникает и взгляд на русскую историю как на «омерзительное бытие».) Глубокий характер этого явления подтверждается тем, что мечты о появлении такого вождя не обязательно связываются с коммунистическими симпатиями. А ведь кандидатов на роль вождя-спасителя, «сильных личностей» (оплачиваемых банкирами) – широкий выбор. Сейчас их время.

Кризис, переживаемый нашим народом, не может не порождать болезненных духовных явлений. Таковы, например, в нашем глубоком падении мечтания о том, что наша экономика сама собой «оздоровится», что нам помогут западные инвестиции или Международный валютный фонд... В том же ряду и мечты о вожде, который нас спасет одной своей волей и муд-

ростью, без наших усилий. Это единая тенденция: в момент смертельной опасности вместо того, чтобы собрать последние силы для борьбы с ней, отдаться успокаивающей, расслабляющей мечте. Конечно, в каждом движении вождь нужен, но он порождается самим движением. Возникнет активный, жертвенный, борющийся за Россию слой, тогда-то и появится его вождь. Но не в обратном порядке!..

И по другой, даже более важной, причине обращение к истории актуально и злободневно. Ведь попрежнему и коммунистическая, и русская национальная идея действуют в нашей жизни. Лозунги коммунизма сейчас привлекательны, как давно не были, благодаря тому падению всей жизни, которое совершилось после разрушения коммунистического строя, то есть стараниями не столько современных коммунистов, сколько их противников. Все то, что было достигнуто: бесплатное образование, бесплатная медицина, дешевые квартиры и лекарства, издания Пушкина миллионными тиражами (и по доступным всем ценам), а под конец даже и Достоевского – все это представляется сейчас каким-то сказочным идеалом. И кажется естественным связывать это с осуществлением или, по крайней мере, с влиянием коммунистических принципов.

«После этого “не значит” вследствие этого», – говорит латинская пословица. Но, может быть, здесь мы имеем исключение – наш развал жизни является именно следствием того, что распался коммунистический строй, а не того, какие силы и как это осуществили? В такой мысли укрепляют и представители правящего сейчас слоя – средства информации, политики и оплачивающие их банкиры, постоянно заявляя, что именно коммунисты являются их главными противниками. Не приемлющие совершившегося распада жизни, естественно,

отшатываются от его «архитекторов» к тем, кто представляется их противоположностью. И логика эта не связана лишь с озлобленными стариками, не умеющими «играть по новым правилам», как стараются представить это средства информации. Она будет действовать и дальше, захватывая новые поколения. Поэтому то, как будут сочетаться симпатии к коммунизму с национальным русским сознанием, – вопрос не только настоящего, но и нашего будущего.

Этот вопрос представляется мне следующим образом. Человеческое общество существует лишь благодаря тому, что оно создало язык. Но язык состоит не только из отдельных слов: иногда целые идеологические системы, научные теории, художественные произведения играют роль «слов» – имеют целью передать одно определенное чувство, одну мысль. И когда люди голосуют за коммунистическую партию, ходят на коммунистические демонстрации, употребляют термины или символы из эпохи коммунистического строя – это тоже язык, который следует понять. То есть надо понять, что они этим хотят выразить.

Мне кажется, что для большинства из 30 миллионов, голосующих за коммунистов или участвующих в коммунистических демонстрациях, это наиболее привычный для них способ выразить свою верность стране, народу, исторической традиции России и неприятие происшедшего развала.

Для них красный флаг совсем не символ мировой революции, а знамя, под которым их отцы или они сами воевали. Ленин для них символизирует не идею диктатуры пролетариата – а государство, в котором они прожили всю жизнь. Сталин – не коллективизацию, а выигранную войну. То есть это как раз большая часть тех, кто отказывается принять то «главное, на чем стоит

режим» (как это приведено в начале данной работы в формулировке С. Г. Кара-Мурзы): «Жить малыми радостями, когда народ умирает».

Но тогда возникает вопрос: почему же этот большой слой, группирующийся вокруг организованной партии, имеет такое слабое влияние на реальную жизнь? Неужели противники настолько умнее? Мне кажется, ответ в том, что, кроме того понимания нынешнего «коммунистического языка», которое было выше приведено, существует еще и другое – и это «разночтение» лишает силы все движение. О какомто не выговоренном разногласии свидетельствует хотя бы такая деталь: в программе КПРФ утверждается, что партия основывается на «идеологии марксизма-ленинизма», – а портретов Маркса на коммунистических демонстрациях нет, как ветром сдуло. Не думаю, что большинство демонстрантов знает о странной, нутряной ненависти Маркса к русским (например: «...не в суровом героизме норманнской эпохи, а в кровавой трясине монгольского рабства зародилась Москва, и современная Россия является не чем иным, как преобразованной Московией»), – видимо, просто ощущается какая-то несовместимость.

В чем «идея» организации современных коммунистов – КПРФ? Что они хотят «загнать страну в концлагерь» – это неумная «пугалка». «Концлагерем» страна не была и при Брежневе. А современную КПРФ можно скорее обвинить в том, что она слишком комфортно чувствует себя в нынешней демократии, переходит на роль второй партии режима. (Сколько было их голосами утверждено премьеров и бюджетов, приведших к теперешнему обнищанию!) Уж в прошлое-то они стремятся не больше Гайдара. Вполне вызывает доверие как искреннее выражение своей позиции формулировка

Г. А. Зюганова на уже упоминавшемся «круглом столе» («Наш современник». 1997. № 11):

> *«КПСС погубили три фактора: монополия на собственность, монополия на власть, монополия на истину».*

Но не случайно здесь отсутствует еще один, как мне кажется, самый важный фактор: ненациональность, то есть, конкретно, «нерусскость» (в делах, а не на словах). Это погубило КПСС, губит и нынешнюю КПРФ и все примыкающее к ней движение. С течением времени партия, конечно, менялась. Особенно во время войны в нее вступали люди, привлекаемые совсем не традиционной марксистско-ленинской идеологией. Но сохранился – особенно в руководящем слое – как «генетическая память» исконный коммунистический «интернационализм». То есть интерес участвовать в какой-то мировой игре, где русские – только средство. Это передалось и верхушке современной КПРФ.

Типичным примером того, как коммунистические, уже послесталинские вожди откровенно пренебрегли интересами русского народа, была передача Украине Крыма в 1954 году. Это же сказалось и в экономической политике: вся страна (кроме богатого нефтью Азербайджана) дотировалась за счет РСФСР. В тяжелейшие годы войны были созданы Академии наук Казахстана, Узбекистана, Армении, Азербайджана, Татарский, Киргизский, Карело-Финский филиалы Академии наук СССР. В российских институтах готовилась национальная интеллигенция теперешних стран СНГ или республик Российской Федерации, которая сейчас часто с такой враждебностью относится к России. В РСФСР около 15% мест в крупнейших вузах отдавалось поступавшим вне конкурса учащимся других

республик. В 1973 году на 100 научных работников имелось аспирантов: среди русских – 9,7 человека, белорусов – 13,4, туркмен – 26,2, киргизов – 23,8. Русские и белорусы имели самый низкий процент лиц, обладающих ученой степенью. Таков же был и уровень жизни: в 1950-е годы доходы колхозников Узбекистана были в 9 раз выше, чем в РСФСР.

В идеологии постановление XXIV съезда КПСС (1971 год) декларировало: «Полное торжество социализма во всем мире неизбежно, и за это торжество мы будем бороться, не жалея сил» (чьих?). Тогда же «Правда» писала: «Да, Ленин родился в России, но российскую революцию он никогда не представлял себе иначе как составную часть и фактор мировой революции». Дух интернационализма был жив! Да и в речах тогдашних вождей ясной была полная отрешенность от исторической России, о «нашей стране» они говорили, только подразумевая: после 1917 года. Последнее такое заявление я помню от Горбачева. Еще будучи вторым человеком в партии (первым был Черненко), он поехал с визитом в Англию и на каком-то банкете напомнил, что «дипломатические отношения между нашими странами имеют долгую историю – они установились в 1924 году». Ну просто не мог он всерьез считать, что до революции у России и Англии не было дипломатических отношений! Очевидно, такова была сила идеологической традиции. (Впрочем, он-то легко выучивал новые слова и уже через несколько лет лепетал о «тысячелетней традиции» нашей страны.)

Было очевидно, что всякое соприкосновение с русской исторической традицией, попытка восстановления исторической памяти – болезненна для режима и вызывает ответный удар, обвинения в «патриархальщине», «антисоветизме», «идеализации старины», «отступ-

лении от классовых критериев». Такие удары в свое время обрушились на В. В. Кожинова (за статью, где упоминалось «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского), Ю. И. Селезнева (за книгу о Достоевском), Ю. М. Лощица (за книгу о Гончарове), М. П. Лобанова (за книгу об Островском), В. П. Астафьева и многих других. Удар начинался со статьи в «Коммунисте» или «Литературной газете» и реализовывался в запрете на публикацию, часто на многие годы.

С начала 1970-х годов тяга к национальным корням, к русской традиции стала пробивать себе дорогу и в официальных публикациях. Появился целый слой писателей, литературоведов, публицистов, пытавшихся осуществить эту тенденцию, не уходя в «подполье» или эмиграцию. После нападок на более низком уровне решительный удар со стороны партийного руководства был нанесен тогдашним руководителем Агитпропа А. Н. Яковлевым в статье «Против антиисторизма» («Литературная газета». 15 ноября 1972 г.). Автора беспокоило то, что, хотя Ленин уже предупреждал по поводу «патриархальщины», появились какие-то «проповедники теории “истоков”, причем они ищут эти истоки «именно в деревне»... Если говорить точнее, то речь идет даже не о старой деревне, а о «справном мужике»... И с вершин Агитпропа напоминается: «...то, что его жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла или невежества, а сознательно». «А “справного мужика” надо было порушить. Такая уж она неуемная сила, революция». Но ведь статья на самом деле ставит принципиальный вопрос! Она предлагает всем критикуемым авторам открыто ответить на главный вопрос: надо ли было «порушить справного мужика»? Конечно, тогда это был скользкий прием: от-

крыто заявить о своем сочувствии раскулаченным мужикам оппонентам Яковлева было слишком опасно.

Но вопрос не потерял актуальности и до сих пор (и, может быть, долго не потеряет). Теперь-то каждый может на него ответить. Если признать, что раскрестьянивание было необходимо – хотя бы, предположим, чтобы выиграть войну или построить мощную державу, создать паритет в гонке вооружений, – то прав оказывается Яковлев: «справный мужик» и должен был быть «порушен». Тогда надо извиниться перед ним за то, что его статья во всех русских кругах 27 лет считалась эталоном антипатриотизма. Или надо признать, что путь, предполагающий уничтожение сословия, которое составляет $^{4}/_{5}$ населения, недопустим, его нельзя и обсуждать (как не обсуждаем мы, например, экономических преимуществ умерщвления всех стариков старше 60 лет), а необходимо сосредоточить все силы на поиске другого пути. Ведь если признать, что «исторически целесообразно» было уничтожить русское крестьянство, то почему не может оказаться, что «целесообразно» уничтожить и весь русский народ? (Разумеется, речь идет об уничтожении крестьянства *как сословия* земледельцев, свободно распоряжающихся своим трудом. Физически было уничтожено лишь несколько миллионов их. Но ведь так и Гитлер планировал поступить с русским народом.)

Было и другое направление русской литературы и публицистики, игнорировавшее партийную цензуру. За это расплачивались жестче: в лагерь пошли В. Н. Осипов, Л. И. Бородин... И так до самого конца: в записке, поданной Андроповым в ЦК КПСС в 1981 году, говорилось: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интелли-

генции, именующей себя «русистами». Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения так называемые "правозащитники". Изучение обстановки среди "русистов" показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму. В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанные враждебные проявления...» (37)

Вот это равнодушие к судьбе русских, холодную настороженность к попыткам отстоять их интересы и унаследовала современная коммунистическая элита. Конечно, не на словах – сейчас уже все поняли, что патриотические слова прибавляют голоса на выборах, поэтому на словах все патриоты. Но как на деле? Вспомним начало войны в Чечне. Пресса коммунистической ориентации, сама КПРФ заняла в точности ленинско-власовскую позицию: «Мы ненавидим этот режим и будем бороться против войны, которую он ведет». А ведь в тот момент в Чечне уже три года шла чудовищная этническая чистка: сгон русского населения, грабежи, изнасилования, массовые убийства. Военные действия могли бы ее остановить, да хоть освободить русских рабов! Но какова была реакция прокоммунистической прессы? Одна газета напечатала статью самого Дудаева, другая – карикатуру, где неуклюжий, громадный русский солдат наступает на маленького чеченца и тащит за собой царя. Съезд КПРФ потребовал «немедленного прекращения военных действий». И сейчас все обвинения в адрес Ельцина – не в допущенном сгоне практически всего русского населения (полмиллиона!), не в том, что оказались напрасными все

принесенные жертвы, – а в «войне». Надо было «не воевать»! (Правда, через некоторое время это пораженческое настроение сошло на нет: слишком зазорно было разделять позицию течения, возглавляемого Ковалевым.)

Дума – а решают коммунистические голоса – объявляет недействительными Беловежские соглашения. Но всем ясно, что это ее решение есть просто декларация. А вот ратификация договора России с Украиной, легализующего границы, созданные этими соглашениями, – всецело в компетенции Думы. Тут она голосует «за». И решение опять зависит от коммунистических голосов, приходится даже С. Н. Бабурина, зам. председателя Думы, курирующего отношения со странами СНГ, заменить членом фракции КПРФ: Бабурин слишком громко возражал против договора. Уверяют, что это делается ради «дружбы с Украиной». Но голоса народа мы не слышим, а хочет ли теперешнее правительство Украины с нами «дружить»? Оно ничем этого не проявило. Сейчас их президент участвует в праздновании 50-летия НАТО, они проводят совместные маневры с НАТО. Да и договор снимает последние препятствия к вступлению Украины в НАТО (у нее теперь нет территориальных споров с другими государствами). Может быть, речь идет о «дружбе» компартий РФ и Украины? А ради этого окончательно отдаются Крым и Севастополь, рушится вся оборона России на Юге. Да наконец, в Крыму живут два миллиона русских, отчаянно борющихся за свое единство с Россией. Кто дал право распоряжаться их судьбами, будто это чьи-то крепостные? Эта вторая «передача Крыма» куда вредоноснее, чем первая, хрущевская: тогда «передача» была в пределах одного государства, а сейчас – другой, очень мало дружественной стране. И, кроме того, речь идет не только о жителях Крыма, но и о 12 миллионах русских,

живущих на Украине: в Донбассе, Причерноморье... Их судьбу договор ничем не облегчает. Если уж такой акт, предающий русские интересы, стал возможен, то чего же ждать в будущем?

Поговорим и о будущем. Антирусские силы клеймят любое проявление русских национальных чувств «фашизмом» либо «антисемитизмом». И постоянно требуют принятия закона против «фашизма» – «антисемитизма», который, вне всякого сомнения, будут использовать как оружие против отстаивания любых русских интересов. Естественно было бы, предвидя это, внести (а если удастся, то и принять) закон «против русофобии» или «против оскорбления русского народа». Но тут левая часть Думы молчит. И понятно: ее верхний слой уже вошел в мировую элиту, ездит в Страсбург заседать в Совете Европы – а там на это посмотрят неодобрительно. Картина яростного противоборства, когда одни требуют запрета противной партии, а другие грозятся «вывести народ на улицу», выгодна обеим сторонам, но надо признать, что партии или движения, принципиально противостоящих установившемуся режиму, сейчас нет.

В современной коммунистической прессе можно встретить восторги по поводу вступления России в Совет Европы и речь лидера КПРФ о том, что это событие «пойдет нашей стране на пользу, поднимет ее авторитет в мире». И описание сотрудничества Ленина с таким гуманным бизнесменом – Хаммером. Или статью, где обсуждается возможность избрать президентом России Басаева: «Тебя, Шамиль, готового за свой народ на все», так как-де у нас во власти есть субъекты и похуже (повторяя старую пораженческую большевистскую позицию!). Или празднование 100-летия замечательного революционного поэта Багрицкого. Ведь самое его

страшное стихотворение «Февраль» никак не сводится к тому, что еврей-революционер изнасиловал русскую: это его гордое понимание смысла революции (см. об этом в статьях К. Г. Мяло). Или статьи против владыки Иоанна Санкт-Петербургского с оправданием гонений на священников и верующих. Когда после этого в коммунистической газете встречаешь заявление, что коммунист сейчас – это, собственно говоря, синоним патриота, то остается только развести руками.

Конечно, в наше время любая оппозиция, даже дышащая марксистским духом, все равно чем-то полезна. Она что-то затормозила, процесс распада шел чуть-чуть медленнее. Но не ей под силу титаническая задача поднять Россию на ноги.

Как мне кажется, произойдет одно из двух: либо «язык» коммунистических понятий и символов будет заменен и осознан как требование социальной справедливости, стремление возродить великую страну, а марксистская «нерусскость» – как тенденция слоя, чуждого основной части народа (ничем не лучшего в этом смысле, чем «новые русские»), – это и был бы конец эпохи революции и Гражданской войны, тогда можно будет сказать, что «Россия переварила коммунизм» (по выражению В. Г. Распутина); либо русские надолго останутся расколотыми, большая их часть останется в стороне от борьбы за Россию.

Конечно, надежду сулит только первый выход. Россия находится в худшем положении, чем просто страна, потерпевшая поражение. Штамп «мессианства», гордыни избранничества, который любят клеить России, начисто выдуман. Но Россия всю свою историю опиралась на чувство, что она «сама по себе», не является ничьей копией, идет своим путем. То, что такие страны существуют (на единственность Россия никогда не пре-

тендовала), – надежда для мира. У человечества всегда должно быть несколько запасных вариантов. Истребительная и непонятная народу война 1914 года, революция, Гражданская война, коллективизация, раскулачивание, раскрестьянивание – не дали реализоваться тому собственному пути, который вырабатывался Россией. Сейчас происходит лишь юридическое оформление этой потери независимости.

Но путь Запада – тупиковый, это сейчас многие видят. Он основан на принципиальном отрицании того, что человек – часть Природы. Он строит жизнь на принципах техники, отличных и даже враждебных основным принципам Природы. Природа гибнет, и рано или поздно дело дойдет и до человека – ее неотделимой части. Человечество должно создать образ жизни в единстве с космосом, а не в противостоянии ему. Органически близкая к космосу часть человечества – это крестьянство. Поэтому, вероятно, будущее зависит от способности людей восстановить тип жизни, в котором крестьянство играло бы достойную роль: «аграрно-индустриальный», как говорил Кондратьев. Россия имеет колоссальный и уникальный опыт именно в этом направлении. Существовавшие некогда возможности были упущены – до революции, в 1920-е годы. Теперь мы должны решать ту же задачу в неизмеримо более сложных условиях. Но зато у нас есть опыт и целый океан выработанных идей. Конечно, в буквальном смысле концепцию Чаянова не применить: страна совершенно другая, чем та, где $^{4}/_{5}$ населения были крестьяне. Но такие колоссальные концепции, как и рукописи, «не горят» – они дают парадигму своего индивидуального жизненного пути. Ведь мы – тот же самый народ, который выработал этот совершенно своеобразный, уникальный путь развития, пригодный для большой части

человечества. В нас течет та же самая кровь (или, более по-ученому, у нас те же гены), сохранились культурные, духовные традиции. Из моря идей, созданных в России от Менделеева до Чаянова, мы можем черпать и сейчас. Почему же нам не удастся в теперешних условиях разработать план этого «третьего пути», которого все сейчас ждут? А сейчас, непосредственно, дело даже не за ним, но за первыми мерами, которые позволили бы народу хоть подняться на ноги.

А они более-менее ясны всем. Кто сомневается в том, что необходимо прекратить воровство в общенациональном масштабе и судить главных воров; что нужно остановить выкачку последних ценностей из разграбленной страны; что нужно всеми оставшимися силами противостоять хищнику, пытающемуся поработить весь мир? Нужна власть, которая на деле показала бы, что она народу – *не враг,* что ее главный интерес – не снабжение Запада дешевым газом и нефтью, не тщательная охрана американского посольства в Москве, не заседания в Совете Европы, не квартиры в Москве и особняки под Москвой – а обеспечение народу хоть самого скромного прожиточного уровня и *надежды* на устойчивую жизнь. И для *этого* сейчас никаких открытий не нужно. Нужны самая обычная честность и (это, вероятно, нужнее всего) *политическая воля.* Она же дается широкой народной поддержкой, доверием. Мы видим это на примере президента Лукашенко, который твердо держится вопреки всем политическим расчетам: против него и правительства Запада, и Международный валютный фонд, и СМИ всего мира... А чтобы была народная поддержка, нужен народ, ощущающий себя единым организмом.

Тут моя работа возвращается к своему началу (точнее, к главе «Нация»). «Национальная идея» одна

только и может стать главной движущей силой жизни. Рискну выговорить и самое крамольное слово: речь идет *о русской* национальной идее. Все народы России, только сплотившись вокруг русского народа, имеют шанс выжить, иначе – кто разделит судьбу банановых (теперь, скорее, кокаиновых) республик Латинской Америки, кто отойдет к Турции (на положении курдов), кто – к Китаю (на положении Тибета) – и уж без всяких парламентов, без интеллигенции, обучающейся в институтах Москвы. Сила национального единения и есть тот единственный ресурс, способный дать энергию для рывка, который положит конец нашему «смутному времени». Да, сейчас нет политической силы, способной реализовать русскую национальную идею, есть только попытки на ней спекулировать. Но так и каждый человек решает стоящую перед ним задачу – многими попытками, отбрасывая негодные варианты. У нас ушло мучительно много времени на эти поиски – но ведь и задача-то грандиозная: в ней скрестились противоречия, которыми уже веками болеет человечество.

СОЦИАЛИЗМ ИЛИ КАПИТАЛИЗМ?

Сейчас мне кажется гораздо более очевидным тот вывод, который я формулировал два года назад: противопоставление капитализма и социализма как альтернативных путей развития России – нежизненно, абстрактно. Это не противоположности, а две формы единой технологической цивилизации. И не случайно пятиконечная звезда использовалась как символ коммунизма и одновременно начертана на государствен-

ном флаге США. Обе формы связаны с массовым уничтожением и ограблением деревни, колоссальной концентрацией людей в городах, вытеснением человека техникой во все большем числе областей жизни и губительным экологическим кризисом. Оба понятия очень расплывчаты и имеют много сильно различающихся вариантов: коммунистический советский социализм, немецкий национал-социализм, камбоджийский, югославский социализм... С другой стороны – капитализм США, Южной Африки, Латинской Америки... А Швецию – вообще куда отнести?

Концепция капитализма и социализма как двух «общественных формаций», из которых вторая уничтожает и сменяет первую, – марксистская догма, не выдержавшая сравнения с действительностью, подобно всем таким догмам. По «Коммунистическому манифесту», капитализм создает необходимые предпосылки социализма, «производит своих собственных могильщиков» – пролетариат. Тот совершает революцию и «при помощи деспотического вмешательства в право собственности» устанавливает социалистический строй. В нашей стране, по крайней мере, все было наоборот. Социализм истреблял те жизненные силы, которые способствовали сохранению традиционного уклада жизни, мешали полному ее подчинению капиталистическому духу: крестьянское хозяйство и деревенскую жизнь, религию, чувство русского патриотизма. Социализм породил и «своих собственных могильщиков» – криминализированную партийную номенклатуру, она совершила революцию и теперь «при помощи деспотического вмешательства в право собственности» строит новую формацию, полностью подчиненную духу капитализма.

Конечно, во множестве вариантов социалистических государств, существующих сейчас или существо-

вавших ранее, есть нечто общее, некая «квинтэссенция социализма». Именно она проявлялась некогда в мечтах о всемирной пролетарской революции, идее диктатуры пролетариата. Тогда это была мощная движущая сила жизни. Но у нас-то сейчас об этом уже все позабыли. Пытаясь примерить концепции капитализма и социализма к нашей реальности, мы видим, что они не помогают ориентироваться в жизни. Например, сейчас в пору обсуждать введение карточек на многие продукты. Но какая это была бы мера: капиталистическая или социалистическая? Ведь во время войны карточки были и в СССР, и в Англии! Реальное, глубинное разделение нашего общества проходит по совершенно другой линии: по отношению к России, ее индивидуальному лицу, исторической традиции. Являются ли они первичными ценностями, за которые прежде всего надо бороться, или могут быть объектом экономических и политических экспериментов, даже с риском летального исхода? А здесь противопоставление капитализма социализму никак не помогает: Россию одинаково приносили в жертву как интересам мировой революции, так и интересам «мирового экономического сообщества».

Но вот парадокс! Это, казалось, бы схоластическое противопоставление капитализма социализму вызывает колоссальный накал страстей.

Так, один автор пишет: «Все сторонники капитализма в России (...) предатели и враги простого русского советского человека» («Правда», 22 декабря 1993 г.). Итак, в патриотическом движении появились уже свои «враги народа» и разыскивающий их НКВД. Другой же автор по поводу публикаций первого говорит: «Все это, в сущности, одна шайка, грызущаяся внутри себя за власть, но всегда готовая объединиться против того, кто посягнет на их общую основу – советчину». И до-

бавляет: «Ни в одной своей статье, ни единым словом не одобрил я Совдепию» («Наша страна», 23 октября и 20 ноября 1993 г.). Хотя, например, весь мир, кроме автора, «одобрял Совдепию» за превосходную систему образования.

Видимо, проблема выбора между социализмом и капитализмом, нежизненная и надуманная в области реальной политики, вызывает очень реальные и острые переживания в области идеологии.

Как мне кажется, причина этого болезненного раскола в том, что термины вроде «капитализм», «социализм», «социалистический выбор и свобода» не определены хоть сколько-нибудь четко, не очерчен круг выражаемых ими понятий и эмоций. Это знаки, символы – целый язык, воспринятый неосознанно. Часто легче пересмотреть серьезную идеологическую концепцию, чем отучиться от такого «языка». А «язык» стал уже не соответствовать описываемым им сущностям. Мы сталкиваемся почти с недоразумением, но имеющим глубокие исторические корни и очень болезненным.

Я буду говорить здесь о тех, для кого основной болью сейчас является вопрос о судьбе России – быть ей или не быть? Это те, кто в общественной жизни составляет «патриотическое движение». И попытаюсь реконструировать, что же выражают входящие в него «коммунисты» и «антикоммунисты» своими лозунгами.

Для «коммуниста» слова «социалистический выбор» сегодня отнюдь не означают диктатуру пролетариата, «нарастание классовой борьбы» или стремление к мировой революции. Он выражает ими идею социальной справедливости, минимальной социальной защищенности для всех, провозглашение справедливости хотя бы как идеала, который если и не достигается в жизни, то хоть не попирается слишком нагло. Если он

несет на демонстрации портрет Ленина, то из этого не следует, что он Ленина хоть когда-то читал и с ним согласен. Это символ. Ленин для него – основатель государства, в котором он прожил всю свою жизнь, вне которого не мыслил своего существования и из которого оказался вышвырнутым. Поэтому любые нападки на Ленина ранят его. Многое, что творилось под властью Ленина, претит его душе, но, защищая свой символ, он старается свалить это на Троцкого и «троцкизм». Красный флаг напоминает ему не баррикады революции, а жертвы войны. А еще все эти символы выражают его протест против улюлюканья и гоготанья средств массовой информации, пытающихся изобразить всю ту жизнь, которую прожил он (а может быть, и его родители), как скотское состояние, лишенное человеческих признаков. (Да еще когда проповедники этих концепций – сплошь штатные пропагандисты той эпохи.)

Для «антикоммуниста» же социалистическая терминология ассоциируется с предательством в Первой мировой войне (ставка на поражение своего правительства, деньги от немцев), с уничтожением свободного русского крестьянства – ядра русской нации, предательством своих военнопленных во Второй мировой войне («У нас нет военнопленных, есть только предатели»), лагерями за колоски с уже убранного поля, запустением русской деревни, с 1970-х годов – талонами на продукты, автобусами из подмосковных городов за продуктами в Москву, быстрым ростом детской смертности и алкоголизма, цензурой и постоянным притеснением Церкви.

У «коммуниста» мне хотелось бы узнать, что он конкретно понимает под социализмом? Включает ли это понятие единую, обязательную идеологию? Монополию государства как единого предпринимателя-собственника?

Связывается ли «коммунизм» с «марксизмом»? Например, программа крупнейшей коммунистической партии – КПРФ – содержит ссылку на «марксистско-ленинскую идеологию». Надо ли это понимать как принятие основных принципов марксизма? Каково отношение к основоположному документу марксизма «Коммунистическому манифесту» и одному из основных его заявлений: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»? Как это согласовать с тезисом о многоукладной экономике? Каково отношение к учению Маркса о диктатуре пролетариата (которое в известном письме к Ведемейеру он называл своим основным вкладом в теорию)? А если отбросить указанные элементы, то что останется от марксизма, кроме «гнилого реформизма», вызывавшего у Маркса столько презрения и злобы?

Для всех, кто готов сотрудничать с людьми коммунистических взглядов и с коммунистическими движениями, важно уяснить себе их отношение к ленинской тактике в вопросе такого сотрудничества. Например, к тезису «Независимость профсоюзов – контрреволюционная проделка» и к призыву «пойти на всякие уловки, хитрости, нелегальные приемы (?), умолчания, сокрытия правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы». Или: «Участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает возможности доказать остальным классам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчают успех их разгона». Как пример очень успешного применения этих принципов Ленин приводит «разгон Учредилки 5/1 1918». Ответить на эти и многие подобные вопросы необходимо самим сторонникам социалистических и коммунистических взглядов – это сделает их жизненную позицию более цельной и по-

следовательной. И задавать их следует не сверху вниз, посмеиваясь над противоречивостью их убеждений, а обращаясь к ним (имея в виду тех, кто принадлежит к патриотическому направлению) как к союзникам, которым хотелось бы помочь и чьи взгляды необходимо понимать, чтобы с ними сотрудничать.

В свою очередь, обращаясь к «антикоммунисту», я хотел бы спросить у него: какую цену он считает не слишком высокой за победу над коммунизмом? В конце концов, и Гитлер был последовательный антикоммунист – его победа привела бы к самому радикальному искоренению коммунизма. Антикоммунистом был и начальник штаба США генерал Тейлор, который, выйдя в отставку, заявил (в США крупным военным запрещено делать политические заявления, пока они находятся на действительной службе), что следует подвергнуть атомной бомбардировке районы, особенно густо заселенные русскими, тогда остальная страна развалится сама собой. После Второй мировой войны на Западе существовало течение яростной антикоммунистической эмиграции, обращавшееся к правительству США с призывом: «Атомной по Москве!» Но ведь то, что сейчас грозит России, по своим последствиям сопоставимо с планами Гитлера или генерала Тейлора. Когда на одну чашу весов положено уничтожение России, а на другую – полное и окончательное искоренение коммунизма, что для него («антикоммуниста») перевесит? Глядя с более высокой точки зрения: является ли коммунизм единственным проявлением зла на земле? И даже: является ли он сейчас самым крайним его проявлением?

Люди разных взглядов в любом случае могут сотрудничать в патриотическом движении: боролись же вместе католики, коммунисты и голлисты во французском движении Сопротивления. Но мне кажется, что от-

веты на вопросы, подобные сформулированным выше, очень очистили бы и прояснили атмосферу внутри патриотического движения. Это создало бы предпосылку для дружественного сотрудничества в основной стоящей перед нами задаче: спасти Россию от катастрофы, в которую она катится, и найти то сочетание элементов хозяйственной жизни, которое создаст уклад, соответствующий ее национальному духу и историческим традициям, обеспечит ее стабильное существование. Я уверен, что этот уклад будет включать широкую (хотя и не безграничную) свободу частной инициативы, уравновешенную политикой социальной справедливости, обеспеченной сильным государством.

1994.

БЫЛА ЛИ «ПЕРЕСТРОЙКА» АКЦИЕЙ ЦРУ?

Где искать причину катастрофы?

Падение России, распад Советского Союза и катастрофа, все сильнее сотрясающая страны-осколки, – экономическая, социальная, духовная, – за последние 10 лет мы были свидетелями драмы, равную которой трудно найти в истории. И нет оснований думать, что мы уже докатились до дна, – скорее всего нас и наших детей ждут еще новые и новые испытания. Понять причины и смысл того, что произошло с нашей страной, – это будет, вероятно, надолго центральным вопросом русской мысли. Более того, без осмысления произошедшей катастрофы мы, я думаю, не сможем отыскать и выхода из нее.

Трудность этого вопроса соизмерима с его важностью. Уже сейчас на него предложено много ответов, высказано множество соображений. Мне кажется, что такая степень понимания, которая будет способна дать точку опоры для мировоззрения будущих поколений, может быть достигнута прежде всего в результате каждодневного опыта всего народа и лишь в результате многочисленных исследований и трудов: политических, социологических, экономических, художественных, как охватывающих весь этот исторический переворот, так и рассматривающих отдельные его аспекты. Настоящая работа посвящена обсуждению одного частного вопроса – впрочем, такого, ответ на который определяет подход к рассмотрению проблемы в целом.

Речь идет об обсуждении концепции, схематичную формулировку которой я взял в качестве заглавия работы. Более подробно – это точка зрения, согласно которой акт разрушения России, часто называемый «перестройкой», был результатом тайного действия сил, внешних по отношению к нашей стране: разведок, иностранных правительственных структур, «миллиардов ЦРУ», может быть, даже Трехсторонней комиссии и т. д. А осуществлялось это действие по программам, разработанным «советологическими центрами» согласно стратегии «психологической войны», их засланными или завербованными «агентами влияния».

Здесь необходимо одно уточнение. То, что влияние разведок, агентов иностранных правительств, «советологических центров» и т. д. *имело место,* – вряд ли может вызвать сомнение. Конечно, ЦРУ, например, заранее разрабатывало планы на *случай* возникновения в СССР того или иного кризиса (как и КГБ, безусловно, имело планы на случай возникновения в США расовых беспорядков, глубокого экономического кризиса и

т. д.). Странно было бы, если бы западные разведки и правительства не пытались влиять на течение событий в нашей стране. Не раз убедительно указывались и конкретные лица, в которых можно увидеть западных «агентов влияния». Речь идет о том, были ли подобные внешние воздействия *основной причиной* произошедшего кризиса или они являлись *второстепенными* факторами, способствовавшими его углублению.

Идея о целенаправленном внешнем влиянии, об агентах, внедрявшихся в партийный аппарат, десятилетиями продвигавшихся вплоть до самых его верхов, а потом внезапно его разрушивших, очень соблазнительна. Она согласуется с катастрофическим, внезапным (в исторических масштабах) характером произошедшего переворота. Именно так проявился бы тщательно подготовленный заговор. Но ведь и лавина в горах обрушивается внезапно – а разве это результат заговора? С другой стороны, можно представить себе и существование заговора – в каком-то смысле этого слова, – но чисто внутреннего характера. Мне кажется, что предположение, будто какая-то интрига Запада явилась основной причиной российской катастрофы, противоречит слишком многим фактам и самой логике истории. Далее излагаются аргументы, подтверждающие эту точку зрения.

Несоответствие масштабов

Первый аргумент носит общий характер – он опирается не на конкретные факты, но апеллирует к логике исторического процесса. А именно: как мне кажется, существует разительное несоответствие в *масштабах* рассматриваемого явления и предлагаемого его объяснения. Разразившийся в нашей стране кризис разрушил

тысячу лет создававшуюся державу Россию – СССР и грозит существованию того осколка, который теперь называется Россией. В любом случае его последствия будут сказываться еще столетия. Он кардинально изменил ситуацию во всем мире. По всем признакам это крупнейшее *всемирно-историческое* событие, объяснить которое запланированными внешними воздействиями несоизмеримо мелко. Сторонники материалистического мировоззрения стремятся объяснить решающие повороты истории развитием производства, столкновением интересов сословий или классов. Другие историки видят причины духовного характера: религия, национальное самосознание народа. Но так или иначе, радикальные изменения в ходе истории объясняются действием фундаментальных исторических сил. А «агенты влияния» ЦРУ или госдепартамента такими силами не являются, хотя могут быть их инструментами.

Наши «агенты влияния» на Западе

Второй аргумент, наоборот, апеллирует к большому фактическому материалу (и поэтому его изложение займет гораздо больше места). Речь идет об очень простом логическом заключении: если мы считаем, что «агенты влияния» и другие внешние воздействия способны вызвать крушение великой державы – СССР и всего коммунистического мира, то надо признать, что такую же эффективность это оружие имело и в руках Советского Союза. Если же вспомнить известные по этому поводу факты, то будет ясно, что воздействие Советского Союза на западный мир было несравненно сильнее, чем обратное влияние, с Запада на Восток, – так что если бы судьба борьбы социалистического и капиталистического лагеря определялась

«агентами влияния» (даже в самом широком смысле) и техникой «психологической войны», то сейчас в развалинах должен был бы лежать не социалистический, а капиталистический мир. Некоторые из этих фактов стали известны сравнительно недавно благодаря распаду структур, охранявших государственные тайны в СССР. Но большая часть была хорошо известна и раньше, только драматические события последнего десятилетия вытеснили их из памяти.

Я просил бы читателя на время отвлечься от своих политических симпатий и антипатий, не исходить из того, действовали ли определенные личности и течения на пользу нашей страны или во вред ей. Мы пытаемся оценить эффективность некоторого особого оружия: «агентов влияния», «психологической войны» и т. д. Мы как бы присутствуем на всемирном полигоне, где это оружие испытывается. А эффективность оружия не зависит от того, какой стороной конфликта оно используется.

Я сознательно напомнил здесь лишь одну сторону ситуации, так как другая – агрессивное давление США и Запада на остальной мир – сейчас все время перед глазами и ее-то нет опасности забыть. США – страна, содержащая самую большую армию за своей границей (более полумиллиона), осуществившая с 1946 по 1975 год 215 военных вторжений, – конечно, использовали все свои возможности для борьбы с СССР и коммунистическим лагерем. Цель дальнейшего – напомнить, что этому давлению долго противостояло не меньшее и часто более успешное давление. Фактов, иллюстрирующих такую мысль, существует очень много – я приведу лишь несколько самых ярких.

В Англии в 1930-е годы среди молодежи были широко распространены левые настроения: враждеб-

ность к существовавшему в стране строю и симпатии к СССР. Особенно широко эти настроения были представлены среди студентов элитарных университетов: Оксфордского и Кембриджского. Члены коммунистических ячеек и «попутчики», сочувствующие коммунизму, легко входили в контакт с советской разведкой. Так, в 1930-е годы в Кембридже были завербованы Гарольд Рассел, Ким Филби, Дэвид Мак-Лейн, Гэй Берджес, Энтони Блент, Джон Кэйркросс. Впоследствии они заняли высокие посты в МИД, разведке и других правительственных органах. Они не только передавали ценную информацию НКВД, но и обрабатывали информацию, которая поступала в английские правительственные органы.

Так, во время войны правительство информировалось о том, что в Югославии борьбу с немцами ведут только партизаны Тито, в результате чего только им оказывалась помощь (Черчилль сказал: «Мне все равно, кому помогать, лишь бы они убивали немцев»). Мак-Лейн дослужился до поста первого секретаря английского посольства в США и имел доступ к секретной информации – не только английской, но и американской. В книге генерала НКВД Судоплатова (подробнее о нем будет сказано позже) сообщается, что именно от Мак-Лейна в 1941 году была получена первая информация об английском атомном проекте: это был документ на 60 страницах. Он же информировал позже советскую сторону о незначительном количестве атомных бомб, изготовленных в США к концу 1940-х годов, и о неспособности США начать тогда атомную войну. В 1952 году, опасаясь разоблачений перебежавшего на Запад сотрудника НКВД, Берджес и Мак-Лейн бежали в СССР. Другие члены той же группы сохраняли свое положение гораздо дольше. Так, Блент до

1972 года играл видную роль в организации охраны королевской семьи. В 1979 году он был разоблачен, но отделался тем, что был лишен рыцарского звания и уехал во Францию.

В США группа влиятельных советских агентов действовала в окружении президента Рузвельта, также начиная с 1930-х годов. Наиболее известны среди них Алджер Хисс и Декстер Уайт. Хисс играл ведущую роль в планировании экономики в начале президентства Рузвельта. В частности, им разработан «Акт об упорядочении земледелия», оказавший большое влияние на экономику США. Потом он перешел в госдепартамент и занял там высокое положение.

Ко времени конференции в Ялте он стал основным советником Рузвельта по внешнеполитическим вопросам. Через его руки шли все документы госдепартамента, направлявшиеся Рузвельту. Он неоднократно присутствовал при переговорах Рузвельта со Сталиным. Госсекретарь Стеттиниус пишет в своих дневниках, что Хисс «всегда был за спиной президента». Хисс играл ведущую роль в создании ООН: в частности, он председательствовал на конференции в Сан-Франциско по разработке устава этой организации. Согласно заявлению сенатской комиссии, «занимая обе должности – председателя оргкомитета и высшего лица в госдепартаменте по делам ООН, он имел широкие возможности формирования секретариата ООН». В книге Судоплатова цитируется справка, составленная в НКВД о Хиссе: «в высшей степени симпатизирующий СССР». Нет, однако, указаний, что Хисс являлся платным агентом.

Декстер Уайт был заместителем министра финансов при министре Моргентау, из ближайшего окружения Рузвельта. Он был также руководителем действий мини-

стерства финансов, связанных с внешней политикой. Уайт играл решающую роль в создании Международного валютного фонда и был его директором. Имя Уайта упоминается в связи с одним из важнейших эпизодов Второй мировой войны: нападением Японии и вступлением США в войну. Неоднократно высказывалось предположение, что нападение было спровоцировано Рузвельтом и его советниками, систематически подготовлявшими вступление США в войну против Германии. Решающую роль играла нота США от 26 ноября 1941 года, ультимативно требовавшая вывода японских войск из Китая и выхода Японии из союза с Германией и Италией. Она явно не оставляла Японии другого выхода, кроме войны. Более того, высказывалось предположение, что Рузвельт догадывался о том, куда Япония нанесет удар, и, желая сделать конфликт необратимым, сознательно ослабил оборонную готовность базы в Перл-Харборе. Например, содержание ноты и ответ Японии не были сообщены командованию базы. Автором ультиматума от 26 ноября 1941 года, как выяснилось позже, был Уайт. Недавно в «Правде» появились статьи писателя В. Карпова, автора произведений о Второй мировой войне, где опять упоминается об этом. В одной из них говорится о советском агенте генерал-лейтенанте В. Павлове: «Я располагаю американскими документами... Был такой г-н Байт (то есть Уайт! – *И. Ш.),* с которым наш разведчик Павлов работал. Он представил Рузвельту проект той ноты, фактически написанной по «конспекту», одобренному Сталиным. Комиссия (по антиамериканской деятельности) несколько раз допрашивала Байта, и он после одного из допросов умер, несчастный! Он много доброго для нас сделал». Действительно, нападение Японии на США не дало ей возможности начать войну против СССР.

В заявлении комиссии Конгресса США говорится: «Алджер Хисс, Декстер Уайт и их сообщники из коммунистического подполья в правительстве обладали властью оказывать решающее влияние на американскую государственную политику и политику международных организаций во время Второй мировой войны и в годы непосредственно после ее окончания. Они обладали властью оказывать решающее влияние на создание и деятельность Организации Объединенных Наций и подчиненных ей учреждений. Их власть не была ограничена официальными должностями. Она заключалась прежде всего в доступе к руководящим правительственным деятелям, а также в их возможностях представлять или скрывать информацию, на которой должны были основываться решения их начальников».

Хисс и Уайт были разоблачены американской коммунисткой Элизабет Бентли, служившей связной НКВД, а также работавшим на ГРУ Уиттекером Чемберсом. Хисса не могли осудить за шпионаж, так как истек срок давности, но он был осужден на 5 лет за лжесвидетельство, так как сначала отрицал обвинения. Он отсидел 3 года и 8 месяцев. Уайт также отрицал обвинения, но когда ему были предъявлены фотокопии его донесений, сделанные Чемберсом, сознался. После этого был отпущен домой и на другой день найден мертвым.

Судоплатов пишет, что Хисс и Уайт были источниками информации и входили в ячейку Натана Григория Сильвер-мастера, выходца из России. Кличка Хисса была Марс. В ту же ячейку входил и Лаухлин Кэри, советник Рузвельта по иностранным делам во время войны. В 1949 году он покинул США. Данные о Хиссе были позже подтверждены на основании досье венгерского агента Ноэля Фильда, работавшего с тем же офицером ГРУ, что и Хисс. Как пишет Судоплатов,

по данным офицеров ГРУ, Рузвельт создал для наиболее деликатных целей свою собственную разведывательную сеть, которой руководили Хисс, Гопкинс и Гарриман. Он считает, что против Хисса были еще более веские улики, но они были скрыты по соглашению с ФБР, чтобы не компрометировать Рузвельта и Трумэна.

Одновременно с Хисом, Уайтом и Кэри были разоблачены как советские агенты Натан Витт, секретарь Национального совета по трудовым соглашениям, Ли Прессман, юрисконсульт Конгресса производственных профсоюзов, Джон Абот, специальный помощник Генерального прокурора. Вообще, тогда в правительственном аппарате и печати влиянием пользовались люди «левых взглядов», с симпатией относившиеся к коммунизму и коммунистическим движениям – таким, как движения Кастро на Кубе или Мао в Китае, а с антипатией – к противостоящим им коррумпированным реакционным режимам.

Часто невозможно было определить, являлись ли они советскими «агентами влияния», орудиями «психологической войны» или просто «левыми». Так, полугосударственная организация – Институт тихоокеанских отношений – практически определяла американскую политику в Китае в течение пятнадцати лет. Это влияние значительно способствовало поражению Чан Кайши. Например, в правительственные круги передавалась информация, изображавшая китайских коммунистов как демократов и «сторонников земельной реформы». В результате Чан Кайши было предложено ввести в состав правительства коммунистов. Когда он отказался, полностью были прекращены поставки из США. Разработанная институтом финансовая политика вызвала колоссальную инфляцию в Китае и массовое недовольство населения режимом Чан Кайши. Эта

политика проводилась министерством финансов под руководством Уайта и представителя этого министерства в Китае, Соломона Адлера, также разоблаченного позже как коммунистического агента.

Точно так же от руководства госдепартамента и от общественности долго утаивалась информация о том, что Кастро является коммунистом и получает поддержку от Советского Союза. Такую информацию, в частности, тщательно заглушал начальник отдела Карибского района в госдепартаменте Вильям Виганд. Хотя Виганд был дипломатом в Боготе в 1948 году, когда Кастро возглавил восстание в Колумбии и через захваченную радиостанцию передавал обращения, начинавшиеся словами: «Говорит Фидель Кастро, говорит коммунистическая революция». Когда Кастро возглавил восстание на Кубе, Виганд провел эмбарго на поставки оружия тогдашнему правителю Батисте. Пресса называла Кастро «новым Авраамом Линкольном» («Нью-Йорк таймс»), по телевидению его интервьюировали: «Ведь вы не коммунист, Фидель? Вы ведь верующий католик, не правда ли?» Ведущий резюмировал: «Народ Соединенных Штатов глубоко уважает вас и ваших людей, потому что видит в них возрождение духа Джорджа Вашингтона».

Мировое коммунистическое движение было несравненно большей силой, чем засланные или закупленные «агенты влияния», техникой «психологической войны» оно владело несравненно лучше, чем Запад. Особенно в эпоху Сталина и Хрущева, когда оно еще твердо направлялось Москвой и не возникали разные вольности и уклонения типа «еврокоммунистов». Постоянно внушалась идея, что коммунисты должны ставить интересы Советского Союза выше интересов «своей» (как некогда писал Ленин, в кавычках) страны. Все время

повторялись лозунги: «Советский Союз – родина трудящихся (или коммунистов) всего мира». Когда было создано НАТО, в противовес была проведена удивительная акция. В одной стране за другой на трибуну парламента выходил представитель коммунистической фракции и произносил фразу (во всех случаях в точности одну и ту же): «Коммунисты не будут, никогда не будут воевать против Советского Союза». Именно это стереотипное воспроизведение с нелепым повторением («не будут, никогда не будут») придавало всей акции характер «запланированности», выполнения директивы. И можно представить себе, каким аргументом иногда была подобная декларация, повторяющаяся в десятках стран, когда в некоторых странах (Франция, Италия) коммунисты составляли крупнейшую партию.

Пример: утечка атомных секретов США

Один частный сюжет особенно ярко характеризует переплетение всех этих сил: прокоммунистических настроений интеллигенции, «агентов влияния» и действий советской разведки. Это американский «Атомный проект» (создание атомной бомбы) и то, как информация о нем поступала советской стороне. Рассказать об этом сейчас особенно интересно, так как появилась новая и сенсационная информация – книга генерала НКВД П. Судоплатова (написанная совместно с сыном А. Судоплатовым) «Особые задания». Книга вышла на английском языке. На эту книгу мы уже ссылались. Судоплатов является компетентным свидетелем, так как именно он курировал в НКВД получение информации об «Атомном проекте» – для этого был создан особый «Отдел С» (по его фамилии) под его руководством.

Связи советской разведки с западными атомщиками начались еще до войны. Судоплатов[1] рассказывает, что еще в 1930-е годы, работая в Италии, агент НКВД Григорий Хейфец обратил внимание на физиков Э. Ферми и Б. Понтекорво как на убежденных антифашистов и возможный источник информации.

Когда они эмигрировали в США, Хейфец связался через них с Оппенгеймером. В 1941 году Хейфец передал полученную от Оппенгеймера информацию о том, что ряд выдающихся физиков, включая Эйнштейна, участвуют в некоем тайном проекте и добились для него крупных ассигнований от правительства. Более тесную связь с Оппенгеймером установила агент НКВД Елизавета Зарубина. Хейфец познакомил ее с женой Оппенгеймера Екатериной, симпатизировавшей коммунистическим идеям и Советскому Союзу. Они вдвоем уговорили Оппенгеймера впредь воздерживаться от высказываний, отражающих коммунистические и вообще левые симпатии, а вместо этого делиться информацией с группой немецких антифашистов. Под их влиянием он привлек к работе в Лос-Аламосе Фукса, согласившегося работать с советской разведкой. В эту группу был включен и один из крупнейших физиков Сциллард. Характерной является позиция одного из курьеров, использовавшихся этой группой, – Мориса Коэна, завербованного НКВД, еще когда он добровольцем участвовал в гражданской войне в Испании. Коэн, в свою очередь, привлек к работе свою жену Лону. Первая ее реакция была – это предательство! Но муж убедил ее, что они борются за всеобщий мир и справедливость, а это в принципе не может быть предательством. В результате Лона стала очень эффективным курьером – впоследствии именно она передала чертежи атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

[1] *Судоплатов Павел.* Разведка и Кремль. М., 1996.

Судоплатов говорит, что с такими людьми, как Оппенгеймер, Ферми и Сциллард, нельзя было обращаться как с обычными агентами. Вместо денег или шантажа Хейфец использовал атмосферу общих интересов и идеализма. НКВД тщательно старалось обращаться с Оппенгеймером и другими как с друзьями, а не рядовыми агентами, играло на идее сохранения мира через равновесие сил. Использовались и другие аргументы. Судоплатов пишет: «В 1943 году всемирно знаменитый актер московского Еврейского театра Соломон Михоэлс вместе с известным еврейским поэтом Итциком Феффером совершил поездку по США как представитель Еврейского антифашистского комитета. Перед их отъездом Берия проинструктировал Михоэлса и Феффера подчеркивать большой вклад евреев в культуру и науку Советского Союза. Их цель была собрать деньги и убедить американское общественное мнение в том, что антисемитизм в СССР уничтожен в результате политики Сталина. Хейфец постарался, чтобы мысли, распространяемые ими, дошли до Оппенгеймера. Хейфец утверждал, что Оппенгеймер, сын еврейского эмигранта из Германии, был глубоко взволнован информацией о том, что положение евреев в Советском Союзе было прочным».

Оппенгеймер и Ферми имели клички *Звезда* и *Издатель,* иногда – для обоих – *Звезда.* Так, телеграмма из Нью-Йорка, передававшая дату первого атомного взрыва, шла как информация от Карла (Фукс), Млада (Понтекорво) и Звезды (Оппенгеймер и Ферми). Оппенгеймер, Ферми и Сциллард помогали НКВД внедрять своих «кротов» в основные атомные центры – Теннесси, Лос-Аламос и Чикаго – как ассистентов в этих лабораториях. Первое сообщение об удачной цепной реакции было получено от Понтекорво. Через несколько часов

после завершения эксперимента советский агент получил телеграмму с условным текстом: «Итальянский мореплаватель достиг Нового Света». К лету 1943 года НКВД получило 286 секретных документов. От одного только Оппенгеймера было получено 5 секретных документов, описывавших развитие «Атомного проекта». Полученные НКВД отчеты содержали фотографии установок в Окридже и 12-страничный отчет, содержавший описание бомбы, «тот отчет стал основой нашей программы на ближайшие 3–4 года», – пишет Судоплатов. НКВД был информирован не только о технических деталях проекта, но и о личных отношениях и трениях между сотрудниками. Совершенно особую роль играла информация, полученная от Фукса. «В 1944 году от Фукса мы знали график, объем и развитие Манхэттенского проекта. От него мы узнали принцип взрыва атомной бомбы и причину, почему именно этот метод был выбран. Он же сообщил сравнительный анализ действия реакторов с воздушным и водяным охлаждением. Планы завода по разделению изотопов урана, которые сильно сокращали объем, необходимого уранового сырья». В 1946 году Фукс переехал в Англию и был там связан с советским агентом, с которым встречался 6 раз, обычно каждые 3 или 4 месяца, в Лондоне. Фукс сообщил точное количество произведенного в США урана U_{235} и плутония. Отсюда следовало, что только к 1955 году запас бомб США и Англии будет достаточен для военного поражения СССР. Сталин мог быть уверен, что в 1940-е или в начале 1950-х годов Запад не пойдет на войну. Я помню выступление Хрущева, где он отдавал справедливость Сталину, что только благодаря его железной выдержке Советский Союз ни в чем не уступил Западу, когда тот обладал монополией на атомную бомбу. Теперь видно, что железная выдерж-

ка опиралась на прочное основание – донесения Фукса. Вообще, многое сейчас видится по-новому. Например, часто повторялся рассказ Трумэна, как он сообщил Сталину на Потсдамской конференции о создании нового сверхоружия – атомной бомбы и как на лице Сталина не дрогнул ни один мускул. Теперь мы знаем, что самообладание Сталина имело вескую основу: вероятно, о ряде этапов «Атомного проекта» он узнавал раньше Трумэна (как вице-президент, тот не был допущен ко многим секретам).

Наконец, нельзя не упомянуть о роли, которую во всей этой истории играл патриарх атомной физики – великий Нильс Бор. По словам Судоплатова, Бор не был советским агентом, но влиял на политические взгляды Оппенгеймера. Он уговаривал Рузвельта и Черчилля поделиться с Советским Союзом информацией об «Атомном проекте» и создать единый атомный центр. На более близкий контакт он пошел в 1945 году. Тогда в США был опубликован так называемый «Отчет Смита», содержавший много информации о производстве атомной бомбы. Официальная цель отчета – информировать общественное мнение. Но он имел и другую цель – дезинформировать советских физиков. Там было столько неверных утверждений, что Оппенгеймер отказался подписать его. Чтобы отсеять эту дезинформацию, была организована встреча с Бором. Организовать ее помог прогрессивный датский писатель и давний друг Советского Союза Андерсен Нексе. С советской стороны был направлен сотрудник НКВД Лев Василевский и физик Терлецкий (я довольно хорошо знал Терлецкого, но и не подозревал о его тайной деятельности!). Согласно отчету Василевского, когда они встретились с Бором, тот очень волновался, у него дрожали руки. Он, видимо, почувствовал разницу

между пропагандой идеи «партнерства с союзником» и встречей с агентом секретной службы. Поэтому на следующих встречах Василевский не присутствовал. Бор ответил на 22 вопроса Терлецкого. Отчет Терлецкого сейчас у нас опубликован.

Непосредственно созданием советской атомной бомбы руководил Курчатов. В письме Курчатова заместителю председателя Совета Министров Первухину, приведенном у Судоплатова, говорится: «Материалы, с которыми мы познакомились, дают возможность получить важнейшую ориентировку для наших исследований и узнать о новых научных и технических подходах к проблеме». Под давлением Сталина и Берии, требовавших скорейшего создания бомбы, Курчатов пошел по пути копирования американского образца. Так, согласно Судоплатову, возникла бомба, взорванная в 1949 году. Но параллельно шла работа и над более самостоятельным вариантом, который осуществился в бомбе, взорванной в 1951 году.

«Левые»

После рассмотрения этого примера вернемся к общей картине влияния со стороны Советского Союза и коммунистического мира на Запад. Гораздо шире, чем коммунистическое движение, во всем мире существовало «левое» движение, крайне враждебно относившееся к капиталистическому строю, особенно к США, и с очень большой симпатией – к коммунизму и Советскому Союзу. К этому течению принадлежали многие из духовных и интеллектуальных вождей Запада. Так, престарелый Бернард Шоу, посетив в 1931 году Советский Союз, сказал: «Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая

цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели». А когда его спросили о слухах по поводу голода, сопутствовавшего коллективизации, возразил: «Помилуйте, когда я приехал в Советский Союз, я съел самый сытный обед в моей жизни!» Шоу был одним из представителей очень влиятельного в Англии течения «фабианского социализма», к которому принадлежал ряд видных писателей, экономистов, министров и премьеров. Один из них, генеральный секретарь лейбористской партии Гарольд Ласки, писал, что критика Советского Союза может ослабить позиции социализма и лейбористской партии. Еще ярче высказался французский философ П. Сартр, когда, уже после войны, на Запад стали проникать слухи о концлагерях в Советском Союзе, – он призывал игнорировать эти слухи, «так как они могут вызвать отчаяние французского пролетариата». Частным, но ярким примером того, как тесно западная левая интеллигенция была связана с коммунизмом, служит история убийства Троцкого в Мексике. Так, вилла, на которой жил Троцкий, была предоставлена ему знаменитым мексиканским художником Риверой (коммунистом). С другой стороны, в первом (неудавшемся) покушении участвовал не менее знаменитый художник Сикейрос, а после второго (удавшегося) убийцу пытался спасти Пабло Неруда, служивший тогда в чилийском посольстве.

В послевоенное время возникла целая сеть международных организаций левого направления, враждебных западному и дружественных по отношению к социалистическому лагерю. Тут был Всемирный конгресс сторонников мира, Всемирный совет мира, Всемирный совет церквей и многие другие. Их деятельность сейчас

кажется (если ее вспомнить) даже прозрачнее, чем была тогда: мы видим, как действовали те механизмы, которые сейчас действуют в нашей стране, – только тогда они были направлены в обратную сторону.

Например, когда Советский Союз имел большое преимущество над Западом в численности армии и обычных вооружениях, а вся надежда Запада покоилась на преимуществе в атомном оружии, – Всемирный конгресс сторонников мира опубликовал «Стокгольмское воззвание», требовавшее абсолютного запрета атомного оружия. Его, как говорили, подписало по всему миру 500 млн человек, а в СССР – 115,5 млн («то есть все взрослое население», как говорится в Большой советской энциклопедии). Позже, когда был достигнут паритет в атомном оружии, требования его запрета утихли. (Так, в наши дни «демократы» и «правозащитники» яростно требуют запрета применения авиации в Чечне – ее нет у Дудаева, но ею обладают федеральные войска.)

Всемирный совет церквей почти на каждой сессии поднимал голос то против американских зверств во Вьетнаме, то против апартеида в ЮАР (что вполне было достойно осуждения). Но странным образом он хранил строгое молчание по поводу темы, которая, казалось бы, должна быть ему ближе всего: жестокого гонения на Русскую православную церковь (входившую в этот Совет), осуществленного Хрущевым, когда за два года было закрыто более половины действовавших тогда храмов, были произведены аресты священников и епископов. (Так в наше время «наше» телевидение, как только началась военная операция в Чечне, держало зрителей в постоянном шоке: экран не покидали картины разрушенных зданий, горы трупов, плачущие дети. И в то же время, в течение трех лет правления Дудаева, занавес полного молчания был

опущен на происходившую в Чечне трагедию, когда сотни тысяч русских были путем террора согнаны со своих земель, изгнаны из домов и бежали в Россию, многие тысячи были избиты, покалечены, изнасилованы, убиты. Жители казачьих станиц рассказывали, что посылали обращения, наполненные этими страшными фактами, и президенту, и в Думу, и на телевидение, и в газеты, но не получили ни от кого даже ответа!)

В послевоенные годы существовал обширный круг широко известных (или широко разрекламированных) односторонне ориентированных «левых». Это были известные философы, священники (даже настоятель Кентерберийского собора, то есть высший иерарх англиканской церкви), ученые, писатели, артисты, эстрадные певцы. Их приезды в Советский Союз сопровождались приемами и приветствиями (наших «демократов» встречают сейчас в США более скромно). Было создано несколько премий – Международная Сталинская (потом – Ленинская) премия «За укрепление мира между народами», Международная премия мира, – которыми они награждались. (Точно так же, как сейчас можно получить премию в США, если настойчиво добиваться поражения России в Чечне и натравливать Запад на Россию.)

«Новые левые»

Критического состояния положение в США достигло в 1970-е годы, когда проявились мощные антиправительственные силы, особенно в связи с войной во Вьетнаме. Протесты против этой войны возникли с начала 1970-х годов, а вскоре стало ясно, что по тем или иным причинам силы, контролирующие средства информации, заинтересованы в том, чтобы США про-

играли войну во Вьетнаме. Освещение этой войны носило утрированно односторонний характер, знакомый нам по освещению военных действий в Чечне нашими средствами информации. Сходство почти цитатное, например: «Даже испытывая симпатию к ребятам, летящим на американских самолетах, и к их семьям, приходится признать большее мужество северных вьетнамцев... избранный лидер западной демократической страны действует как обезумевший тиран... Посылая «В-52» против таких населенных районов, как Ханой или Хайфон, можно иметь лишь одну цель: террор. Это была реакция человека, охваченного сознанием своей недостаточности и неудачи, способного только бомбить, карать, разрушать».

Каждый день американцы видели на экранах своих телевизоров падающие бомбы, разрушения, невинные жертвы. Обозреватели интервьюировали отправляющихся во Вьетнам солдат, задавая им вопросы: «Вы понимаете, что может с вами случиться?», «Вы боитесь за свое будущее?», «Вы согласны, что дух вашего подразделения низкий?». Военные новости излагались в северовьетнамской редакции. Телекомпании передавали специально снятый северовьетнамский фильм и отказывались передавать фильм, приготовленный по заказу правительства США. Политики, корреспонденты, общественные деятели отправлялись в Северный Вьетнам, передачи велись прямо оттуда (как передачи из бункера Дудаева). При этом показывались разрушенные налетами школы и больницы, но не военные объекты.

Постепенно это настроение захватило и конгресс. После того как Киссинджер подписал Парижское перемирие с Северным Вьетнамом, означавшее американскую капитуляцию, постановления, которые принимал конгресс, стали носить гротесковый, издевательский

характер. Конгресс санкционировал, например, поставки оружия в Южный Вьетнам и Камбоджу, которые были обещаны, но отказал в поставках боеприпасов к нему. Вскоре пал не только Южный Вьетнам, но и Камбоджа и Лаос.

Когда после окончания войны в США стали прибывать беженцы из Юго-Восточной Азии и освобожденные американские военнопленные из Вьетнама, они оказались очень нежелательными гостями для средств информации. Соответственно их и встречали. Если, интервьюируя преступника в тюрьме, ему из деликатности закрывали лицо, то у беженцев спрашивали их имена и место их жительства, совершенно не заботясь о том, как это отзовется на их оставшихся родственниках. Пленных допрашивали – раскаиваются ли они, вспоминая о жертвах, вызванных их бомбами, и смущенно свертывали передачу, когда они пытались рассказать о притеснениях и пытках, перенесенных в плену. В результате вокруг них была создана такая атмосфера, что, как многие из них потом писали, они оказались изолированными в собственной стране и иногда даже в собственной семье.

Идейной основой всей кампании против вьетнамской войны служила концепция борьбы с «американской империалистической идеологией», которая должна была быть искоренена. Я помню, что очень часто слышал тогда эти слова от своих американских коллег, которые почти все были «левыми». И после этого для меня очень знакомо звучали призывы к «борьбе с имперским мышлением», раздавшиеся с началом «перестройки» в нашей стране. Примечательно, что теперь, когда США уже несомненно ведут чисто имперскую политику, причем в очень грубой форме, слов об опасности «американской империалистической идеологии»

в Америке не слышно – во всяком случае, из «левых» кругов и средств информации.

Отношение левых радикалов и средств информации к войне во Вьетнаме было лишь одним из проявлений глубинных духовных изменений в американском (а также и во всем западном) обществе. В нем распространилась враждебность ко всему господствовавшему тогда образу жизни. Так, специалист по средствам массовой информации (занимавший при президенте Никсоне пост представителя по связи со средствами информации) Брюс Гершензон в книге «Боги антенны» описывает дух, господствовавший в американском кино в начале 1970-х годов: «Взгляните на созданные в то время фильмы, высмеивавшие правительство. Их было много. А фильмы, хвалившие его? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, осмеивавшие полицию. Их было много. А фильмы, ее хвалившие? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, осуждавшие американское общество в целом. Их было много, а фильмы, изображающие его с симпатией? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, критиковавшие американскую политику во Вьетнаме. Их был много. А фильмы, ее оправдывающие? Их не было или было очень мало. Соединенные Штаты были искаженно представлены на экране». Видимо, не было у них только фильма «Так жить нельзя». Но как этот стиль отличается от современного американского кино, полного героями войны во Вьетнаме и доблестными полицейскими!

Волна негативных чувств, поднятая вьетнамской войной, после прекращения военных действий вылилась в Уотергейтском деле. В обычной грязи американской политической жизни Никсон вряд ли переступил какую-то новую границу (во всяком случае,

в цитированной выше книге Гершензон приводит ряд примеров аналогичных действий предшествовавших президентов). Но он имел репутацию «правого», например, в начале своей политической карьеры способствовал разоблачению Хисса, в то время как левые политические круги пытались заглушить возникший скандал. И он произнес крамольную фразу о «молчаливом большинстве», тем самым ставя под вопрос право средств массовой информации говорить «от имени народа». Вот как, например, торжествовало телевидение по поводу конца «дела Уотергейта»: «Речь идет о том, как избавиться от трупа. Президент как дохлая мышь на кухонном полу американского дома. Вопрос в том, кто возьмет ее за хвост и выбросит на помойку. Теперь не особенно важно, подаст ли он в отставку, тем самым отправив себя в гигиенический контейнер, или конгресс выкинет его при помощи мусорного совка. Но, исходя из срочных санитарных соображений, необходимо удалить этот разлагающийся политический труп из Белого дома. Действие должно быть быстрым и кратким. Цветов не присылать».

Согласно идеологии левого движения, зло современного западного общества заключалось не в господстве классовых интересов капиталистов, а в «структурах» и организациях, ловивших маленького человека в свои сети и превращавших его в механическое средство для достижения своих абсолютно бесчеловечных целей. Человек, вписывающийся в эту систему и пытающийся по ее правилам добиться своего маленького счастья, и представляет наибольшую опасность.

Такие люди включают газ в газовых камерах и сжигают напалмом деревни. Публицист, изучавший студенческие беспорядки той эпохи (о них будет сказано подробнее ниже), видит их основную причину во

«всеохватывающей ненависти к людям, представляющим власти или администрацию: правительству, полиции или администрации университета». Тон задавало убеждение, что «американское общество и правительство прогнило до предела, когда улучшение его невозможно, так что разрушение университета равносильно тому, чтобы отломить сук у безнадежно сгнившего дерева». В такой распространенной газете, как «Интернэшнл геральд трибюн», можно было встретить заявление: «Жизнь не может быть хуже и бесполезнее, чем в Америке сейчас». Декан известного учебного заведения – Иэйльской драматической школы – заявил, что поддержит любые произведения искусства, цель которых – разрушение общества.

Общество, согласно взглядам «левых», было основано на «буржуазных гражданских правах», которые устанавливали режим «репрессивной терпимости», на самом же деле было «тоталитарным, основанным на манипулировании, репрессивным и антидемократичным». Как говорилось в одной декларации: «Наше сопротивление лишило ореола законности и святости институты, потерявшие благодаря этому авторитет и уважение. Поскольку в наших глазах они нелегитимны, они не могут быть основой права». Институты и действия западного общества, как правило, характеризовались как «фашизм». Один из лидеров движения «новых левых» Том Хайден в публичной дискуссии на вопрос об их целях ответил: «А у нас их нет. Сначала мы совершим революцию, а потом выясним, зачем она была нужна».

Этот общий подъем агрессивности специфически выразился в молодежных (главным образом студенческих) волнениях, прокатившихся по всему западному миру, а в США – еще и в негритянских волнениях.

Студенческие волнения проявлялись в основном в оккупации университетских зданий (это называлось «освобождением университета»), а также в бойкоте занятий (и особенно экзаменов). Летом 1970 года волнениями были охвачены почти все 2500 высших учебных заведений США. В ответ на захваты университетов власти использовали полицию, дубинки, газ, аресты.

Арестованы были тысячи студентов (только в одном колледже в штате Огайо – 500). В Вашингтоне накануне общенациональной демонстрации кроме полиции в боевую готовность было приведено 5600 солдат регулярных войск. Такая же волна студенческих выступлений прокатилась по Франции, Германии и другим западным странам. Демонстрации собирали десятки тысяч человек. В Париже 13 мая студенты захватили Сорбонну, объявив Парижский университет «автономным народным университетом, постоянно открытым для трудящихся», и удерживали ее больше месяца.

Студенческие волнения концентрировались вокруг двух основных лозунгов. Прежде всего – это протест против войны во Вьетнаме. В США студенты, получавшие военные повестки, демонстративно жгли их. Как сообщила газета «Нью-Йорк таймс», из американской армии дезертировало 73 тысячи человек. Я хорошо помню один типичный пример борьбы с вьетнамской войной, так как этот эпизод возглавлял мой коллега, хорошо известный математик из университета Беркли. Протестующие пытались остановить поезда, везущие солдат для отправки во Вьетнам. Для этого они легли на рельсы. Ситуация очень красочно описана в студенческой газете: «Поезд мчался на нас. Негодяи, они не хотели остановиться! Убийцы!» Студенты, однако, как и планировалось, в последний момент отбежали. Но на следующий день мой коллега вскочил на под-

ножку и стоп-краном остановил поезд. Его осудили и приговорили к штрафу. Когда я его спросил, зачем он это сделал, он ответил, что это был самый дешевый способ добиться освещения его позиции большинством газет. Но война во Вьетнаме рассматривалась лишь как один из признаков вырождения системы и как повод, мобилизующий на борьбу с ней. Один из наиболее влиятельных идеологов «новых левых», Герберт Маркузе, писал: «Если в этом смысле Вьетнам может рассматриваться не просто в качестве очередного события международной политической жизни, а скорее как событие, связанное с сущностью системы, то, быть может, он знаменует и поворотный пункт в развитии системы, возможно – начало конца».

Другим лозунгом студенческого движения в США было равноправие негров. В этом оно сливалось с непосредственно негритянским движением и его наиболее радикальными течениями типа «черных пантер» и «черной власти». Они требовали правительственных капиталовложений для поднятия жизненного уровня негров, освобождения негров от военной службы (так как армия США используется для угнетения цветных народов), вооружения негров для защиты от зверств полиции и даже «проведения под наблюдением ООН плебисцита в черной колонии США, в котором примут участие только граждане этой черной колонии и в ходе которого будет выяснена воля черного народа относительно своей национальной судьбы» («черные пантеры»). Идея сепаратистского «суверенитета», победившая в Советском Союзе, созрела на 20 лет раньше в США! Белое американское общество обвинялось в заговоре с целью истребления негров. Негритянский писатель и общественный деятель Джеймс Болдуин предупреждал: «Белая Америка, по-видимому, всерьез рассматривает

вопрос о массовом уничтожении». Другой негритянский лидер Стокли Кармайкл говорил: «Многие из нас чувствуют – многие из нашего поколения чувствуют, – что они готовы начать геноцид против нас».

Степень агрессивного возбуждения, охватившего студентов, характеризует следующий, почти анекдотический случай. Профессор, читавший лекцию об истоках итальянского фашизма, привел цитату: «Теперешнее состояние непереносимо, истеблишмент удушает все живое, спонтанная ненависть молодых сил нации должна подняться, чтобы сокрушить дряхлую систему и освободить основные силы обновления и революции». Не успел он закончить цитату, как шквал рукоплесканий поднялся в аудитории. И в нем потонули заключительные слова лектора, что цитата – из Муссолини!

Агрессивность вела к прямому насилию и подталкивалась в эту сторону лидерами. Один из них провозгласил: «Как бы мы этого ни хотели, мы недостаточно сильны, чтобы разрушить Соединенные Штаты. Но мы достаточно сильны, чтобы разрушить Колумбийский университет!» Негритянский лидер Ф. Фанон призывал к «революционному насилию» и «революционной жестокости». Немецкий лидер левых Р. Дучке выдвинул лозунг: «Партизанская борьба в джунглях больших городов!» Сартр заявил, что время культуры ушло, наступило время революции. Действительно, эти было время подъема левого терроризма: «группа Баадер-Майнхоф» в Западной Германии, «красные бригады» в Италии... И виднейшие представители западной интеллигенции поддерживали, подстрекали и оправдывали их. Например, Г. Белль писал по поводу «группы Баадер-Майнхоф», на совести которой было много убийств, что «к ее боевикам следует приме-

нять те же нормы, что и к противоположной воюющей стороне в войне».

Революция

Все левые движения вдохновлялись образом революции. Предполагалось, что грядет неслыханная по радикальности революция, которая разрушит весь фундамент прежней жизни. В отличие от всех прежних революций, она будет направлена не на одну сторону жизни общества, а будет состоять из пяти революций: экономической, политической, национальной, сексуальной и «психоделической». Экономическая революция должна была разрушить капиталистическую систему и основанное на ней «общество потребления», политическая – «систему», превращающую человека в манипулируемый автомат. Национальная революция, предполагалось, освободит национальные меньшинства (прежде всего – цветных в США) от эксплуатации белого большинства и народы «третьего мира» – от эксплуатации Запада. Сексуальная революция должна была разрушить буржуазную, патриархальную, моногамную семью. И это была не чистая риторика. Создавалось впечатление, что на какое-то время западный мир помешался. Порнографическая литература и секс-клубы превратились в одну из самых доходных сфер бизнеса. Газеты пестрели объявлениями вроде такого: «Супружеская пара ищет другую пару для совместного проведения отпуска в групповом браке». Иногда к этому добавлялось слово «стерео» – означавшее, что в групповом браке будут участвовать и лица одного пола. Возникли целые коммуны, состоявшие в групповом браке, где не играл роли ни возраст, ни пол участников, – например, знаменитая «Коммуна № 2» в Запад-

ном Берлине. Наконец, «психоделическая революция» предполагала разрушение «буржуазной индивидуальности» посредством коллективного употребления наркотиков и рок-музыки, которая, как считалось, играет аналогичную роль. Новая «культура наркотиков» противопоставлялась старой культуре, в которой общение было связано с потреблением алкоголя. Ряд политических деятелей включали в свою программу требование свободной продажи некоторых наркотиков – особенно марихуаны. Один из вождей «новых левых», Джери Рубин, предлагал даже марихуану как проверку на «левизну». Профессор университета может и клеймить войну во Вьетнаме, и признать экзамены репрессивными действиями, но предложи ему на вечеринке сигарету с «травкой» – и он испугается. Значит – не наш.

Движение «новых левых» опиралось на философию, разработанную яркими и очень популярными тогда мыслителями: Сартром, Адорно, Маркузе. Основой этой философии была концепция «тоталитарности» и «репрессивности» западного общества. Как говорил Маркузе, «тоталитаризм есть не только террористическая организация общества, но и нетеррористическая, экономико-технологическая организация, действующая через манипуляцию создаваемыми потребностями... система производства и распределения, вполне совместимая с «плюрализмом» партий, газет и т. д.». «Массовое производство благ не порождает свободу, оно создает лишь эффективный контроль». «Массовое производство и массовое распределение тотально подчиняет себе всего индивидума». «Под властью репрессивного единства свобода может быть превращена в мощный инструмент контроля». Создается язык из терминов-штампов: «свобода», «равенство», «демократия», «мир», настойчиво внедряемый в сознание. «Эти ритуализированные кон-

цепции делаются иммунными по отношению к противоречиям, с которыми они сталкиваются». «Сама терпимость буржуазного общества является репрессивной терпимостью» – худший вариант тоталитаризма, опирающийся на внедрение репрессивных потребностей в самую структуру инстинктов человека. Человек настолько приспосабливается к этой репрессивности, что перестает ее ощущать, тем более – бороться против нее. Маркузе сравнивает граждан современного западного общества с прирученными домашними животными или подопытными кроликами.

В результате возникает существо, для которого Маркузе придумал термин «одномерный человек». Все «собственно человеческое» вытесняется из сознания и подчиняется целям производства. «Уничтожение «двумерной культуры» происходит не путем отрицания и отбрасывания «культурных ценностей», но через их полное включение в установленный порядок, через их массовое воспроизводство и распределение». Как писал Ионеско, «концлагеря (немецкие. – *И. Ш.)* были не исключительным, чудовищным явлением. Это была лишь квинтэссенция и образ того адского общества, в котором мы живем». В результате, как говорил Адорно, подлинная борьба за будущее начинается лишь тогда, когда придет сознание, что так жить просто невозможно, а свет надежды может только охладить пыл и решимость бойца.

Это мироощущение формулировалось в концепции «Великого Отказа» – тотального отрицания всего существующего общества, признания того, что в нем нет ничего позитивного. Этот отказ основывался на «негативной диалектике» – восприятии жизни как «негативной тотальности», в чем Маркузе считает себя продолжателем Маркса и Гегеля. Выход может быть в психологии

«перманентного вызова», «перманентного восстания» и бунта даже против «наиболее возвышенных проявлений традиционной культуры, против наиболее эффективных проявлений технического прогресса», воплощающих во всех случаях «социальную репрессивность».

Таким же духом было движимо и «левое искусство», и его идеологи. Адорно писал:

> *«Сейчас музыка души превращается в музыку рынка». Музыка «тем лучше, чем глубже может запечатлеть силу общественных противоречий и необходимость их преодоления, чем яснее она выражает в антиномиях собственного формального языка бедственное состояние общества».*

Преодоление противоречий подразумевает «увековечение страдания» и «трансценденцию отчаяния». Он вообще признавал возможность существования лишь культуры, выражающей невозможность ее в теперешнем виде. Андре Бретон призывал развивать «антикультуру». Г. М. Энценсберг писал:

> *«Культура – последний оплот буржуазии».*

Когда Сорбонна была оккупирована студентами в мае 1968 года, надписи на стенах гласили: «Культура – извращение», «Долой искусство – мы не хотим жрать труп!», а Сартр более конкретно заявлял:

> *«Что касается "Моны Лизы", то я дал бы ее сжечь и нисколько бы об этом не пожалел».*

Перед нами признаки тотального кризиса, охватившего тогда Запад, затронувшего самые основы об-

щества и грозившего его существованию. Налицо была идеология абсолютного неприятия сложившегося на Западе общественного уклада, ненависти и готовности к насилию и разрушению. Эта идеология опиралась на концепции, разработанные течением острых и широко мыслящих философов, во многих случаях очень тонко подметивших и проанализировавших коренные дефекты современного западного общества. Тогда не раз высказывалась мысль, что Запад повторяет русскую историю с опозданием на 100 лет: терроризм, полное отталкивание интеллигенции от власти, сочувствие террористам, всеобщее ожидание революции. Дословно повторяются те же самые идеи. Например, приведенное выше высказывание левого лидера Хайдена, что революция является самоцелью, надо сначала ее совершить, а потом решить, что делать дальше, повторяет неоднократно высказанную Бакуниным идею: «Так как нынешнее поколение само находится под влиянием этих гнуснейших условий жизни, которые оно теперь разрушает, созидание не должно быть его задачей, а задачей тех чистых сил, которые возникнут в дни обновления». Знаменательно, что среди надписей, оставленных на стенах Латинского квартала студентами за время его оккупации в мае 1968 года, встречалось гораздо больше цитат из Бакунина, чем из Маркса.

Внутренний кризис имел, конечно, и далекие геополитические последствия. Не только была проиграна вьетнамская война, но почти весь Индокитай: и Лаос, и Камбоджа попали под власть коммунистического режима. Многие африканские страны находились под влиянием Советского Союза или Китая – последней, по-видимому, была Ангола. Александрия стала базой советского военно-морского флота. Брюс Гершензон пишет: «Америка уступила свою позицию мировой

державы» (именно это сейчас можно сказать о России). В Лос-Анджелесе в 1961 году сенатор Додд сказал: «Выступая в декабре в Париже, я утверждал, что если пройдет еще 15 таких лет, как последние 15 лет, то свободный мир (термин, обозначавший США и их союзников. – *И. Ш.)* не будет более существовать. В свете того, что произошло за прошедшие 8 месяцев, я должен пересмотреть этот срок. Нам больше не осталось 15 лет». Выступая перед комиссией конгресса, генерал Ведемайер, возглавлявший стратегическое планирование штаба США во Второй мировой войне, на вопрос председателя, сколько времени осталось у Америки, чтобы попытаться предотвратить «коммунистическое господство», ответил: «Сэр, по моему скромному убеждению, сейчас уже слишком поздно».

Для обсуждаемой нами темы особенно важно, что все элементы кризиса, переживаемого после войны западным миром: студенческие волнения, терроризм, приход к власти коммунистических правительств в Китае, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, на Кубе и в Анголе, прокоммунистические настроения интеллигенции, – все это лица, пытавшиеся бороться с кризисом, как правило, объясняли «рукой Москвы», действиями «коммунистических агентов». Ключевыми словами, присутствовавшими почти во всех выступлениях, статьях и книгах представителей этого лагеря, были: «коммунистический заговор».

Каким образом Запад смог преодолеть этот кризис и выйти из него (хотя бы временно) в 1980-е годы – это вопрос, ответ на который очень существен для понимания хода истории в последние десятилетия. Но безусловным является глубокое ослабление и внутренний раскол Запада в течение 1950 – 1970-х годов. Мы обрисовали, и то лишь частично, мощное влияние

Советского Союза и коммунистического мира через «идеологическую войну», при помощи «агентов влияния» и спецслужб. Если бы этот фактор играл в жизни решающую роль, то бесспорно, что западный мир к настоящему времени был бы разрушен.

Сопоставление с Сербией

Наконец, в качестве еще одного аргумента мы применим обычный прием рассмотрения другой, аналогичной ситуации – то, что в естественных науках называют «контрольным экспериментом». Для России таким «контрольным экспериментом» может служить Югославия, которая приблизительно в то же самое время пережила столь же жестокое потрясение. Югославия тоже распалась – но на этом аналогия заканчивается. Сербы не сдались, их правительство не заняло униженно-угодливую позицию по отношению к силам Запада, сербы в Боснии и Крайне борются за свое существование. И, как это ни странно, при вопиющем неравенстве сил, кажется, сербы начинают выигрывать, несмотря на временные отступления. Сам дух народа заметно отличается от того, что можно наблюдать у нас. При блокаде (санкциях ООН) и войне им не легче, чем нам, но общее ощущение гораздо увереннее. Как правило, они говорят: «Мы готовы воевать сколько угодно, мы завещаем эту войну нашим детям, но восстановим Великую Сербию».

А ведь то же самое оружие: «агенты влияния», «психологическая война», – да еще подкрепленное войсками НАТО, действует и в отношении Югославии. Ярким примером «агента влияния» был Милан Панич, американский гражданин, с ошибками говоривший по-сербски, приехавший в Югославию в 1992 году, получив на это

специальное разрешение госдепартамента США. Он был назначен премьер-министром; казалось бы, над страной был окончательно установлен контроль. Но через полгода, в декабре 1992 года, он попытался баллотироваться в президенты, полностью провалился и исчез с политической сцены. Значит, различие ситуации в Югославии и России определяется какими-то внутренними причинами, по-разному проявляющимися в наших странах.

Так почему же тогда распался Советский Союз, разрушена и продолжает разрушаться наша экономика, седьмая часть русского народа находится на положении неполноправных граждан других государств, а сепаратизм грозит целостности оставшейся России? На этот вопрос моя статья не претендовала предложить ответ. Я хотел только аргументировать вывод, что основная, определяющая причина лежит не в каких-то внешних воздействиях Запада, а во внутренних процессах, происходивших в стране. Мне кажется, что этот вывод – оптимистический (насколько может быть оптимистичным что-то в нынешнем состоянии катастрофы).

Неверно, что «Запад победил Советский Союз в «холодной войне». Победа предполагает большую силу духа и жертвенность, а Запад слаб так же, как и прежде. Военные силы 24 стран победили Ирак, уничтожив 150 000 иракцев. Но как нервно реагировало тогда американское общественное мнение! Жертвы американцев измерялись десятками. Но, как писали газеты, если бы их были сотни, то карьера президента Буша была бы кончена (впрочем, она закончилась и так). Даже Сомали изгнало американцев со своей территории! Кризис Запада не осознан и не изжит, а только загнан внутрь. Не даны сколько-нибудь вразумительные ответы на вопросы, поднятые критиками западного общества из числа философов течения «новых левых».

Теперешнее полное изменение соотношения сил в мире – это не следствие усиления Запада, не действия каких-то неподконтрольных нам сил, а результат внутренних событий, произошедших в нашей стране, то есть в конце концов результат определенных действий (или бездействия, когда нужно было действовать) определенных лиц в нашем обществе или в нашей истории. А значит, такими же действиями положение может быть изменено. Мы еще имеем шанс – а если не мы, то наши потомки.

1995.

КАК УМИРАЮТ НАРОДЫ

Мы вымираем?

Состояние русского народа в последние годы трудно характеризовать иначе как *катастрофа.* Его численность сокращается приблизительно на миллион человек в год – вот уже в течение трех лет. Если так будет продолжаться, то к середине следующего (XXI в. – *Ред.)* русских будет около 50 миллионов человек.

И как раз за это время, вероятно, подавляющая часть земель России станет гораздо более ценной: согласно анализу многих экологов, промышленная деятельность ведет к усиленному выделению в атмосферу таких газов, как метан и углекислый газ, создающих так называемый «парниковый эффект», и, как следствие, приведет к повышению температуры к 2030 году примерно на 2,5˚С, а в северных районах – до 8˚С. Это сделает многие южные земли засушливыми и неплодородными, другие будут затоплены океаном, уровень которого поднимется в ре-

зультате таяния полярных льдов. Но как раз необъятные области нашего Севера станут плодородными, и условия жизни в них станут гораздо легче. Население Юга, где ухудшение климатических условий совпадает с центром самого быстрого роста населения, будет стремиться заселять плодородные и удобные для обитания земли России. Да уже и сейчас мы испытываем давление громадной человеческой массы Китая.

Резко сократившееся население не будет в состоянии ни освоить, ни защитить наши громадные земли от давления Востока и Юга. Какая у нас будет армия через 20 лет, предопределено уже сейчас, здесь ничего никакими мерами изменить нельзя – эти мальчики уже родились. Вот подсчеты одного демографа. Оптимальная численность армии, необходимой для России, – 1,5 млн. человек и 500 тысяч человек войск МВД, что, при двухгодичной службе по призыву, требует призыва 700 тысяч человек. В 1993-м и 1994 годах родилось по 600 тысяч русских мальчиков, число которых ко времени их призыва из-за бытовых смертей сократится до 500–520 тысяч человек, а после медицинской выбраковки и вследствие уклонения от службы даст 100–150 тысяч русских призывников. Другие нации дадут не более 50 тысяч человек (2).

Падение рождаемости и вымирание сказались на русских гораздо сильнее, чем на других народах России. Показатель естественного прироста у русских в 4 раза ниже (3). Уже в 1989 году русские, составлявшие 82% жителей страны, дали примерно такой же абсолютный прирост, как и все остальные нации (4). Этот процесс приведет к резкому росту численности нерусских наций в республиках, входящих в Российскую Федерацию, и к еще большему усилению сепаратизма. А если не русские, то кто же сможет удержать Россию от распада?

Те же признаки катастрофического упадка мы видим и в других областях жизни. Производство упало в два раза, и российская продукция почти полностью исчезла с нашего рынка. Останавливаются уже не отдельные заводы – работа прекращается в целых городах. Зарплату выдают только перед президентскими выборами. Из родильных домов только $^1/_3$ детей выписывают здоровыми.

Весь развал жизни – от страны в целом до отдельного производства – глубоко потряс дух народа. Бешено растут наркомания и алкоголизм. За 1993 год число умерших от отравления суррогатами алкоголя увеличилось на 85%. Было совершено 40 тысяч убийств. 56 тысяч человек покончили жизнь самоубийством – это почти в 4 раза больше, чем число убитых за всю войну в Афганистане (5).

Так что же, нам, русским, приходит конец? Наши враги с восторгом кричат, что – да! да! так оно и есть, на иной выход нечего и надеяться! Было бы опасным самогипнозом с порога отбрасывать такую возможность. Закрывая глаза на опасность, мы заранее отказываемся с ней бороться. Как ни страшно об этом говорить, нам пора обдумать этот вопрос, не отдавая себя исключительно во власть эмоций.

Действительно, народ – это социологический организм, имеющий, как и биологические организмы, начало и конец. История полна примеров народов, сошедших с ее арены. Такова многоэтапная гибель античности: сначала упадок городов-государств материковой Греции, потом эллинистической цивилизации, наконец, гибель Римской империи. Еще один пример – гибель Византии. Некоторые народы существовали очень недолго, исчезая внезапно: вандалы, авары-обры («И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре»).

Жизнь других очень длительна – например, у китайцев. История дает богатый материал для сопоставлений. Используя его, можно попытаться почувствовать, переживаем ли мы сейчас конец существования нашего народа или можно надеяться, что мы являемся современниками лишь очень глубокого кризиса?

Конец античности — параллели

В истории упадка Римской империи проявляется ряд явлений, хорошо нам знакомых по нашей последней истории.

1. Появляется чувство, что империя своими размерами и своими завоеваниями взвалила слишком тяжелый груз на составляющие ее народы. Тацит сообщает, что еще Август оставил завещание, в котором советовал не увеличивать более размеры империи (6). Долгое время его наследники следовали этому совету – исключением было длившееся более сорока лет завоевание Британии. Последний взлет завоевательной активности был при Траяне в Дакии и Месопотамии (начало II века; все даты относятся ко времени после Рождества Христова). Но его наследник Адриан отказался от всех завоеваний Траяна в Месопотамии и перешел к оборонительной политике. Войны становятся все дороже. Ростовцев говорит: «Войны Траяна были бедствием для империи»; «Адриан понял, что у империи нет ресурсов для завоеваний» (7). Появляются оборонительные сооружения: Траянов вал в Восточной Европе, «стена Антонина» в Шотландии.

2. Уменьшается роль «государствообразующей» нации – в Римской империи – римлян и вообще жителей Италии. Уже Веспасиан (I в.) уменьшал число итальянских солдат в легионах, так как они вербовались из не-

довольной и возбужденной среды жителей итальянских городов. Он покровительствовал самому широкому предоставлению римского гражданства жителям городов западных провинций (8).

Большинство императоров первой половины II века, «золотого века Антонинов», происходили из провинций: Траян и Адриан – из Испании, Антонин Пий и Марк Аврелий – из Галлии.

Септимий Север (конец II – начало III века) упразднил преторианскую гвардию, вербовавшуюся из жителей Италии, и заменил ее солдатами, вербовавшимися из провинций – в основном с Дуная. Дион Кассий пишет: «Тем он совершенно погубил молодежь Италии, которая обратилась к разбою и профессии гладиаторов вместо военной службы»; «Он пополнил столицу толпой солдат, диких на вид, которых страшно было слушать» (видимо, большинство из них не говорило по-латыни) (9).

Во времена Северов (III в.) армия уже в основном состояла из жителей провинции. «Самыми боеспособными были легионы, набранные в Германии, Фракии и Иллирии – лишь недавно присоединенных к империи». «В III в. растет число наемников из числа наименее цивилизованных частей империи; арабов, мавров, фракийцев, бриттов, германцев, сарматов. Новая римская армия не была *римской* армией. Она была армией римского императора и государства, но не народа в самом широком смысле. Она не была частью населения и не представляла его интересов» (10).

Жители Италии официально утратили свое привилегированное положение в 212 году, когда эдиктом императора Каракаллы звание римского гражданина было присвоено всем свободным жителям империи. Экономически Адриан (II в.) еще пытался поддерживать Италию, но потом он отказался от надежды

сохранить ее экономическое превосходство и посвятил свои усилия провинциям. Септимий Север (III в.) порвал с политикой Антонинов и встал на путь полной варваризации империи (11).

3. Убыль населения. Ростовцев считает, что в эпоху Антонинов (II в.) она касалась лишь Италии и, может быть, Греции, но Зеек (12) полагает, что уже тогда она охватила всю империю. Во всяком случае ясно, что процесс обезлюдения начался с «центральных» областей империи – Италии. Еще Август издавал рескрипты, которые должны были способствовать прочности браков и рождению детей. Эдуард Мейер пишет: «Нерон и Траян учредили продовольственную помощь многодетным семьям, которую, в противоположность нашему обеспечению старости, можно назвать обеспечением юности. Была создана программа обеспечения и воспитания государством бедных детей путем ассигнования огромных капиталов, которые беспрестанно увеличивались в результате пожертвований». Но «несчастье бездетности и безбрачия остается неизменным» (13). (В то время применялся метод «планирования семьи», не менее эффективный, чем все, известные сейчас, – детоубийство.) По поводу III века Ростовцев пишет: «Теперь уже мало кто воспитывал детей – в любом сословии. Депопуляция стала центральным явлением империи. Можно было эвакуировать целую провинцию, как Дакия, и расселить ее население в других провинциях на Дунае. Это показывает, как мало было население в Дакии и на Дунае» (14).

Заметим, что еще Полибий, описывая упадок городов Греции, говорил: «В наше время бездетность и недостаток в людях сделались в Греции повсеместными, и благодаря этому города опустели и доходы уменьшились». «Люди не хотят воспитывать детей и обыкно-

венно воспитывают лишь одного или двух» (15). Комментируя это место, Эд. Мейер пишет: «Как и римские государственные люди, Полибий требует вмешательства власти». «Понятно, что все эти законы и премии за обилие детей оказались совершенно бессильными» (16).

4. Упадок деревни. Светоний писал, что еще во времена Августа бесплатные раздачи хлеба римскому пролетариату губили земледелие (17). В I веке Дион Хризостом рассказывает о местности, где $^{2}/_{3}$ земли в запустении. Богач предлагает землю даром, даже с денежной помощью. За обработку большого участка обещают права гражданства (18). Зеек пишет: «Еще во времена Гракхов и даже Цезаря законы, пытавшиеся возвратить население из города в деревню, встречали много желающих ими воспользоваться. После аграрного закона Тиберия Гракха нашлось 77 тысяч бедняков, готовых переселиться из Рима в деревню. Но со временем это прекратилось: население Рима все более забывало свое сельское происхождение» (19).

При Антонинах (II в.) упадок земледелия (особенно в Италии) пытались остановить власти. Нерва предлагал раздавать землю бедным гражданам. Траян заставлял сенаторов покупать землю на родине и помогал итальянским земледельцам – крупным и мелким, снабжая их дешевым кредитом (20).

5. Общий упадок экономики. Ростовцев видит в III веке «колоссальный упадок деловой активности». С этим связан гигантский рост цен. Так, цена на зерно в I и II веках была в основном постоянной. К концу II века она выросла в 2,5 раза, а к эпохе Диоклетиана (конец III в.) – в 15 000 раз! Современной инфляции соответствует уменьшение ценности денег: постепенное исчезновение золотых монет и уменьшение доли серебра в «серебряных». К концу III века доля серебра в монетах

уменьшилась до 5% (21). Цена динария с I до III века упала более чем в 30 раз (22).

6. Криминализация. Ростовцев пишет об эпохе Северов (начало III века): «Банды разбойников господствовали над империей. В Италии армия бандитов под командой Булла терроризировала страну многие годы». «Разбойники господствовали на земле и на море». «Господство пиратов, казалось, возродило давно забытые времена I века до Р. Х.» (23).

7. Сепаратизм. Области империи, уже несколько веков, казалось бы, органически сросшиеся с ней, объявляют о своей независимости, и их только с трудом удается вновь подчинить центральной власти. Так, в III веке отделяется Галлия, провозглашая Галльскую империю. Отделяется Пальмира при правительнице Зенобии и даже завладевает Египтом. После победы над Пальмирой происходит восстание в Александрии во главе с Фирмом. Таких вождей сепаратистских движений было несколько десятков – источник III века даже называет десятилетие с 260 по 270 год «эпохой тридцати тиранов».

Но поразительным образом и императоры проводили политику, способствовавшую разделению страны. Так, Диоклетиан в конце III века разделил власть с другим правителем. Каждый из них принял титул Августа, а потом взял в помощь еще одного соправителя с титулом Цезаря. Империя была разделена на четыре части, в каждой из которых один из соправителей имел суверенную власть. Потом такое разделение власти над частями империи применялось неоднократно.

Известен конец всей этой цепи явлений. Империя стала неспособной оборонять себя: войск не хватало, и желания бороться за ее сохранение не было. Соседние племена хлынули через границы: франки, аллеманы,

готы, персы. Рим перестал быть столицей уже при первом – Диоклетиановом – разделении империи на четыре части. Столицей той части империи, в которую входила Италия, был не Рим, а Милан. Позже, когда Константин Великий на время восстановил власть над большей частью империи, он перенес столицу в Византию (330 г.). Временем окончательного разделения империи на Западную и Восточную считается 395 год. В 410 году готы взяли Рим. Временем падения Западной Римской империи считается 476 год. Ее захлестнули потоки вторгшихся соседних народов, и она распалась на ряд государств.

Контраргументы

Из предшествующего изложения может сложиться впечатление, что существует некий предопределенный путь, которым идут народы, когда приближается конец их истории, и что русские сейчас точно повторяют все основные этапы этого пути, как по какому-то шаблону.

На самом деле положение, видимо, сложнее. Действительно, существуют черты, почти всегда сопровождающие гибель государства и конец истории создавших его народов. Это сокращение населения; упадок деревни; общее разрушение экономики, в частности рост цен и обесценение денег; падение роли «государствообразующей» нации и ослабление патриотического чувства (или «имперских амбиций», как говорят наши враги); наконец, рост сепаратизма и распад государства. И мы их ясно видим в нашей современной жизни.

Но упадок античности сопровождался и другими, не менее существенными чертами, для современной России нехарактерными. Прежде всего, это падение духа армии. Само существование Римской империи,

видимо, не воспринималось населявшими ее народами как ценность, за которую стоит идти на жертвы. С вторгшимися варварскими народами старались вступить в компромисс, им выделяли для расселения земли в опустевшей империи или пытались от них откупиться. Но мы-то всего лишь 50 лет назад одержали победу в одной из самых жестоких войн, пережитых человечеством, – и победа эта потребовала высочайшей жертвенности и напряжения всех сил народа. Трудно представить себе, что за 50 лет глубинная психология народа могла радикально измениться.

Да и сейчас в Чечне армия воюет, шельмуемая и поносимая средствами массовой информации, которые, особенно в начале кампании, неприкрыто выступали как средства пропаганды в пользу противника. Армия дважды довела операции до победного конца – и дважды после этого была остановлена приказом с самого верха, чтобы противник мог пополнить свои ряды и снаряжение и спокойно расстреливать и взрывать наших солдат и генералов. Армия воевала в условиях до предела некомпетентного планирования кампании, при недоедании и невыплате жалованья. И в то же время, когда я был в прошлом году в Чечне в составе небольшой делегации, многие военные нам рассказывали, что если за солдатом приезжала его мать, то начальство безоговорочно разрешало ему покинуть армию – но почти никто на это не соглашался. Имея позади себя, быть может, более опасных врагов, чем впереди, армия и могла-то воевать только из-за силы духа, неожиданно для всех в ней проявившегося.

Столь же принципиальным явлением, сопровождавшим конец античности, был глубокий духовный и интеллектуальный упадок. Например, Р. Ю. Виппер пишет, что императоры эпохи Антонинов (II в.) были

«окружены плеядой ученых, писателей, ораторов, которых используют на службе имперской администрации». Он перечисляет Плиния Младшего, Диона Хризостома, Арриана, Фронтона, Герода Аттика, Аппиана, Апулея, Лукиана, Авла Геллия. Он называет их время «последним веком процветания античной культуры» и пишет, что «у них нет продолжения, за ними следует быстрый, неудержимый упадок» (24). Но в наше время никак нельзя увидеть признаков духовного упадка. Сейчас в России работает множество ярких и глубоких писателей, композиторов, скульпторов, исполнителей, перечислять которых нет необходимости – они всем известны. Современная духовная культура на редкость разнообразна: в музыке, например, есть яркие представители как «модернистского» направления, так и композиторы, опирающиеся на народную традицию и на литургическую музыку.

Все собранные выше признаки, обычно сопутствующие гибели народа, в других случаях сопровождают глубокий кризис, все же преодолимый. История иногда совершает резкие, непредсказуемые повороты. Народ, казалось бы, обреченный на исчезновение, вдруг подымается и входит в новый период плодотворной жизни. Например, во время 4-го Крестового похода западные крестоносцы в 1203 году взяли штурмом и до конца разграбили Византию. Вместо Византийской империи возникла так называемая Латинская империя, большая часть земель в которой была поделена между крестоносцами (в основном – французами). Но в Малой Азии сохранилось небольшое государство – осколок Византийской империи, называвшееся Никейской империей. Оно было зажато между турками-сельджуками и латинянами, захватившими Византию. Да еще папский престол побуждал монголов к походу против него,

дабы окончательно искоренить остатки православной «схизмы». И тем не менее греки-византийцы выдержали, Латинская империя просуществовала всего 40 лет, и в 1261 году была восстановлена Византийская империя под властью новой династии Палеологов. Византии было суждено еще два века плодотворной жизни. В частности, в этот период возникла глубокая богословская система св. Григория Паламы и движение исихастов на Афоне. Оно оказало решающее влияние на духовную жизнь России, собиравшейся с силами для освобождения от монгольского ига. Последователями исихастов были св. Сергий Радонежский, а позже – св. Нил Сорский. Именно из Византии двух последних веков ее существования Россия получила второй (после крещения при св. Владимире) духовный импульс, определивший ее судьбу на следующие века (25).

Да и то, что французы, вдохновленные Жанной Д'Арк, смогли победить в Столетней войне и очистить от англичан свою землю, было совершенно непредсказуемо. Точно так же трудно объясним выход России из Смуты XVII века, когда в Москве сидел польский царь, Смоленск был взят поляками, Новгород – шведами, а представители лучших родов России собрались у Самозванца в Тушине. Наконец, как смотрели современники на будущее России после монгольского нашествия, показывает хотя бы появление такого произведения, как «Слово о погибели Русской земли». Вряд ли тогда могли подумать, что ярчайшие периоды русской истории еще впереди.

Я помню, что много спорил о характере законов истории с покойным Львом Николаевичем Гумилевым, считавшим, что в ней действуют закономерности, подобные естественно-научным, и что поэтому возможно (хоть в масштабах столетий) предсказание будущего

течения истории. Но он меня не убедил. Мне кажется, что и множество фактов, подобных приведенным выше, противоречит такому взгляду. А главное, история есть результат действий людей, каждый из которых обладает свободной волей, и вместе они способны, в принципе, повернуть свою жизнь вопреки всем расчетам и материальным силам. Собственно, это и утверждал св. Александр Невский словами: «Не в силе Бог, а в правде!»

Поэтому мне представляется, что указанные выше факты и параллели приводят к следующему выводу. Да, Россия находится в жесточайшем кризисе, может быть, самом жестоком в ее истории. Мы вымираем и отступаем. Мы уже занесли одну ногу над пропастью. Не видеть этого, закрывать глаза – значит наверняка в эту пропасть обрушиться. Наоборот, именно трезвое и ясное видение нависшей катастрофы может дать силы, чтобы найти из нее выход. И это даже в русском духе. Наш народ не раз собирал все свои силы именно тогда, когда гибель казалась неотвратимой, – когда была взята Москва или враг стоял на Волге.

Россия без русской силы

В чем же глубинная причина сегодняшнего кризиса России? Кажется, его общая схема ясна уже многим. Коммунистический режим вырастил хищную номенклатуру, с вожделением смотревшую на богатства страны, которыми она в каких-то пределах могла распоряжаться, но не могла превратить в свою частную собственность. В то же время выросла мощная криминальная экономика. Объединившись, они совершили переворот, который отдал им в руки большую часть богатств страны.

Но ведь при этом был разрушен старый аппарат власти, и каждый из нас получил большую свободу

действий. Почему же не сформировались силы, которые предотвратили бы развал? Конечно, переворот произошел в период, когда очень многие чувствовали, что страна переживает кризис – и экономический, и духовный. Широко распространилось чувство, что жизнь надо менять, – и на первых порах это способствовало перевороту. Но мы составляем неглупый и достаточно интеллигентный народ; почему же так долго можно было грабить и разваливать страну под видом реформ? Ведь весь этот «процесс» реформ-разграбления продолжается почти 10 лет – достаточно времени для его осознания. Мне кажется, что когда говорят, будто мы стали жертвой еще невиданного «информационного оружия», то это просто значит, что мы не отдаем себе отчет в том, что на самом деле произошло.

Чтобы это хоть немного прояснить, представим наше положение в виде очень грубой и приближенной схемы. В обществе действует нечто вроде «социальной механики»: одни силы уравновешивают другие; если некоторая сила ничем не уравновешивается, то она беспрепятственно движет страну в ту сторону, куда направлена. Одна сила сегодня очевидна – это интересы вновь образовавшегося слоя, захватившего в свои руки колоссальные богатства. Мне трудно привести другой пример из истории столь внезапного захвата таких ценностей. Этот слой обладает громадной мощью – деньгами, на которые приобрел и средства информации, и правительственный аппарат, и какие-то вооруженные силы. Недавним проявлением силы этого слоя было нашумевшее ультимативное «письмо финансистов». Тоном господина они требуют, чтобы разные партии, сохраняя, если хотят, внешние различия, заявили, что едины в главном – неприкосновенности банкирской власти и финансов, на которых она основывается.

Другая сила, действующая в том же направлении, – это люди, ненавидящие Россию, которым отвратительна ее обширность, глубина ее истории, национальный характер русского народа и тип русской цивилизации. Не буду на этом останавливаться, так как давно и подробно писал на эту тему в своей работе «Русофобия».

Наконец, еще одна сила, действующая так же, как и две предшествующие, – это финансисты и политики Запада. Прежде всего на Запад потекли из России грандиозные богатства. Новые богачи, унаследовавшие хищно-грабительскую психологию криминальной экономики, готовы довольствоваться небольшой частью захваченного, лишь бы она была реализована быстро. Благодаря этому Запад может перекачивать из России за полцены, а то и за бесценок ее природные богатства – как раз в то время, когда истощаются запасы в «третьем мире», откуда он их до сих пор брал. С другой стороны, Запад всегда ощущал Россию как своего исторического антагониста. Он готов был приветствовать Советский Союз, когда там уничтожалось крестьянство («отсталый, реакционный класс»), особенно когда Советский Союз воевал с Гитлером. Но все время оставалось чувство, что в глубине Советского Союза запрятана чуждая и непредсказуемая Россия. И вдруг СССР разрушается как по волшебству.

Но вот есть ли реальная сила, действующая в каком-то другом направлении? Ее не видно. Никакая оппозиционная партия такой силой не является. Даже если она приобретет большинство в парламенте, парламент можно разогнать, а то и расстрелять.

Но сейчас нет нужды даже в таких драматических действиях. Что может сделать любая партия, приди она сегодня к власти? Мы видим, что в Москве продаются предметы, почти исключительно привозимые из других

стран: еда, лекарства. Телевизор забит рекламой, но продукция России там фактически не рекламируется – кроме банков. Сейчас Запад может вызвать катастрофу – по крайней мере в Москве, – не прибегая ни к интервенции, ни к бомбардировкам. Только совершенно экстраординарные меры способны дать России возможность вырваться из накинутой на нее петли. Вероятно, что-то вроде введения карточек, отказа платить долги, согласия затянуть туже пояс и пойти на еще большее ухудшение жизни в течение нескольких лет, чтобы потом добиться достойного существования. Но партии, готовой к этому, нет (включая и коммунистов): ведь к такому повороту всей жизни надо упорно готовить своих единомышленников, а сейчас об этом никто не смеет заговорить. Да еще теперешняя чудовищная преступность, не отграниченная четко от всей экономической и политической жизни. Лишь самые жесткие меры дадут шанс с нею справиться, но кто способен на них пойти?

Однако может ли хоть в принципе существовать сила, которая бы уравновесила те, которые движут Россию к полному развалу? Мне кажется, что может, и притом только одна. Ведь каждое государство связано с каким-то народом: либо (что бывает редко) оно только из этого народа состоит, либо этот народ составляет в нем большинство и исполняет «государствостроительную» функцию. Поэтому существование государства невозможно без существования этого народа. Народ же есть не просто совокупность людей, близких по крови: они должны быть объединены чувством общей судьбы, готовностью бороться за свое место под солнцем, за свою страну. Вот это и есть единственная сила, способная удержать страну на краю пропасти, спасти в момент, казалось бы, неизбежной гибели. В нашей стране это – сила русского национального

самосознания. Да, именно она всегда и спасала страну: от Куликова поля до Сталинграда. Ее-то сейчас в сколько-нибудь организованном виде нет: русское патриотическое движение до сих пор политической силой не стало. И в этом основная причина того, что мы не способны выбраться из катастрофы.

Казалось бы, наоборот, сейчас все патриоты. Но уже то, что этот облик принимают самые противоположные течения, внушает сомнение в их искренности. Как можно разобраться в этом маскараде патриотических масок? Способ самый простой: обратить внимание на конкретные, часто мучительные вопросы, стоящие перед русским народом.

Прежде всего с положением 25 миллионов русских, оказавшихся за пределами России. Более или менее внятно о них упоминают все. Но какое политическое течение формулирует конкретные требования? В первую очередь, права русского народа на воссоединение. Так, Западная Германия не признала де-юре разделения страны, обязалась бороться за ее воссоединение – и добилась своего! Кроме того, следовало бы добиваться статуса русского как второго официального языка, автономии районов, где русские составляют большинство, второго гражданства, того, что имеют десятки наций в России. А в Прибалтике – элементарного равноправия (в Латвии для неграждан – в основном это русские – существует 68 запретов на профессию, они живут как евреи по нюрнбергским законам в первые годы гитлеровского режима). Кто требует, чтобы экономические отношения со странами, где живет много русских, учитывали их положение? Из сколько-нибудь влиятельных партий – ни одна. (За исключением разве Жириновского, – но его декларации уже мало кто, кажется, принимает всерьез.)

Или такой, казалось бы, специальный, но болезненный именно для русского патриотического сознания вопрос, как положение Севастополя. Севастополь – это Черноморский флот, оборона всего русского Юга. Это, кроме того, чисто русский город, украинский язык там слышен только по радио. Но сверх всего этого он весь наполнен великими историческими воспоминаниями о Крымской войне, Великой Отечественной; там каждый камень пропитан русской кровью. Севастополь – одна из национальных святынь России. Такие святыни поддерживают и скрепляют народ, как знамя – армию. Их сдача символизирует капитуляцию. Да и чисто юридически Севастополь – город России: после войны он был выведен из состава Крымской области и сделан городом республиканского подчинения РСФСР, так что хрущевская передача Крыма Украине, сама по себе незаконная, на Севастополь не распространялась. Отношение современных политических течений? В 1993 году Верховный Совет принял постановление, подтверждающее российский статус Севастополя. Президент тогда сказал, что ему за это постановление стыдно. Украина подала жалобу в Совет Безопасности, и произошло почти беспрецедентное: представитель России присоединился к этой жалобе на свой Верховный Совет! Но и КПРФ не высказала четкого отношения к вопросу о российском статусе Севастополя. Ведь за Севастополем стоит Крым, а Коммунистическая партия Украины голосует за то, что Крым – неотъемлемая часть Украины. Не слыхали мы и того, какова точка зрения нашего президента на статус Севастополя и Крыма. Да и есть ли такая точка зрения?

Наконец, самый больной на сегодняшний момент вопрос – о Чечне. Кроме влияния на судьбу российской государственности, на дальнейший распад России, си-

туация в Чечне имеет сугубо русский национальный аспект. Во время трехлетнего правления Дудаева русское население Чечни подверглось свирепому террору: убийствам, пыткам, избиениям, изнасилованиям, цель которых была – сгон этого населения с их земли, захват домов и земель. Были убиты десятки тысяч русских, сотни тысяч превратились в нищих беженцев. Произошла крупнейшая в нашей стране после конца войны этническая чистка. И, несмотря на весь накал, с которым обсуждается положение в Чечне, именно этот вопрос, касающийся сотен тысяч русских, никого не волнует (исключение составляют лишь думская комиссия Говорухина и несколько общественных деятелей). В Чечне проводятся выборы – как будто не изгнана значительная часть русских избирателей. Собираются совещания по Чечне, в которых участвуют представители чеченских боевиков, старейшины тейпов, мусульманское духовенство, – но никогда представители изгнанных русских. Еще дальше вглубь идет вопрос о землях, веками раньше заселенных русскими и по хрущевскому произволу переданных Чечено-Ингушетии, – Наурском и Шелковском районах на левом берегу Терека. По какому праву эти казачьи земли остаются в Чечне, их поливают русской кровью и сгоняют с них коренное казачье население? Об этом хранит полное молчание весь спектр политиков – от президента до КПРФ.

Президент уже не первый раз объявляет о конце военных действий в Чечне, хотя противоположная сторона их не думает прекращать. Но ненамного отличается и политика КПРФ, требующей «немедленно остановить военные действия» (26). Собственно, здесь проявилось полное единство – президент так и поступил, за что и расплачиваются русские солдаты, кото-

рых расстреливают каждый день, эшелоны с которыми пускают под откос. Требование немедленно остановить военные действия – чем же отличается оно от позиции Ковалева или Юшенкова?

Корреспондент из Грозного пишет мне: «Со времени моего детства и вплоть до предвоенных месяцев типичной была уличная сценка: на одного или группу русских мальчиков нападает ватага чеченят, бьют даже не жестоко, а так, чтобы сильнее унизить, и все это под одобрительные молчаливые взгляды взрослых».

Другие рассказывают о массовых насилиях над русскими женщинами, русскими мальчиками. По рассказам, в Чечне множество русских рабов, рабов продают и дарят, при попытке к бегству – убивают. На стене в Грозном – надпись: «Русские, не уходите, нам нужны рабы».

Но всего этого как бы нет для «партийной» России – от президента и всей партии власти, от Ковалева и Явлинского до КПРФ (особенно же для более ортодоксальных коммунистических партий).

Таким образом, если судить не по общим декларациям или символическим действиям, а по конкретным требованиям и обязательствам (тем более – делам), то не оказывается ни одного политически весомого движения, которое исходило бы из русских национальных интересов.

Русское патриотическое движение как политическая сила – до сих пор не состоялось. Это не есть смертельный диагноз – может быть, народ очень медленно приходит в себя в новой ситуации развала и упадка и постепенно собирает свои силы. Но на данный момент положение таково, на него нельзя закрывать глаза, и, только учитывая этот тяжелый факт, можно постараться оценить перспективы на будущее.

Опять выборы без выбора

Из нашей страны на Запад хлещет сейчас золотой поток – десятки миллиардов долларов в год. Изрядная часть этого богатства оседает в карманах новых богачей в России, основная часть – питает Запад. Тем создается сильнейшее поле интересов, порождающее те мощные социальные силы, о которых было сказано выше. Им же у нас никакая равномощная реальная сила не противостоит. Ведь надо отдать себе отчет, что спор идет, ни много ни мало, о господстве над Россией – самой богатой и самой большой страной мира. Это такие богатства, за которые ведут мировые войны.

Чтобы представить себе масштаб явления, удобно рассмотреть какую-нибудь параллель. Например, во второй половине XVIII века во Франции и Англии бурно развивался капитализм, и они были конкурентами за ведущее место в мире в этом развитии (Франция была тогда «мировым банкиром», как позже – Англия, потом США). Успех зависел от владения обширными заморскими рынками (Индия, Северная Америка) и особенно землями, пригодными для захвата и заселения частью населения, не находящей себе приложения дома, – таким был громадный богатый материк Северной Америки. За это между Францией и Англией шла война с 1755 по 1763 год, закончившаяся победой Англии и установлением ее господства в Индии и Северной Америке. В результате последующее развитие капитализма в Англии происходило без общенационального кризиса, а во Франции оно привело к тяжелейшему потрясению – Французской революции и ряду следующих кризисов, растянувшихся почти на целый век.

Не меньшего масштаба события разыгрываются сейчас в связи с Россией. Решается судьба России, а это в значительной мере определяет судьбу мира. Никак не меньшие ценности поставлены на карту, не меньшие силы приведены в действие.

Распространено почти поголовно убеждение, что мы можем решить вопрос нашего будущего путем голосования – выборами. Нереальность этой надежды кажется очевидной. Вопросы такого масштаба, что ради них ведут войны, организуют интервенции, совершают революции, не могут быть решены выборами. Слишком это легковесный путь для столь весомых проблем. Выборы эффективны, если от их исхода не слишком сильно зависит баланс реальных интересов, да еще если в стране укоренилось многовековое доверие к системе выборов. Неужели истинные распорядители «рычагов власти» – и у нас, и особенно во всем мире, – те, кого И. Ильин называл «мировой закулисой», согласятся, чтобы судьбы мира сложились не по их желаниям лишь потому, что мы так или иначе проголосовали? Ведь даже если исключить все виды обмана при выборах – водопад лживых обещаний, нечестный подсчет голосов, – мы возвращаемся все к тому же: нет физической силы, которая могла бы заставить считаться с результатами голосования или гарантировать добросовестный подсчет голосов.

Партия власти может надеяться на самостоятельную победу, опираясь на средства информации и все те рычаги влияния, которые есть в руках власти. Но она может не понадеяться на победу и предложить сговориться своим противникам: видимо, именно этот вариант сквозит в «письме финансистов», его огласил недавно и Жириновский, всегда приходящий на помощь власти в трудный для нее момент. Наконец, может произойти

множество инцидентов: захваты заложников, террористические акты, атомные катастрофы и т. д., которые потребуют введения чрезвычайного положения и сделают невозможными выборы на ближайшее время.

Но наша партия власти – лишь небольшая подчиненная часть «мировой закулисы», и вес их несоизмерим. Может быть, будет решено, что теперешняя партия власти слишком испортила свой облик и должна быть смещена – тогда ей придется уступить свое место, как ей это ни неприятно делать. На смену ей могут прийти коммунисты. Однако это будет допущено при одном обязательном условии: если будут даны железные гарантии того, что при смене власти положение в стране в принципе никак не изменится. Такой прецедент уже был: в Польше. Там был недавно сменен президент – не бывший член ЦК и секретарь обкома, а подлинный вождь антикоммунистического движения, сидевший в тюрьме при коммунистах. Вместо него был избран коммунист – а большинство в сейме и все экономические министерские портфели коммунисты получили еще года три тому назад. (Партия поменяла название, но это та же структура, тот же аппарат.) И при этой смене ничего не изменилось. Приватизация пошла даже круче. Экономика вся контролируется Западом. Колоссально высок уровень безработицы.

Похоже, что попытки предложить такие гарантии были и у нас. Например, руководители КПРФ присутствовали в Давосе, когда Россия получала 10-миллиардный займ от Международного валютного фонда, обставленный такими условиями (отмена пошлин на вывоз нефти), при которых мы теряем то, что получаем. Они присутствовали и при вступлении России в Европейский Совет. Совершенно непонятно, зачем нам надо было вступать в эту организацию, соз-

данную Западной Европой для себя, по своей мерке, не подогнанной под нас, где мы всегда будем на положении двоечника в классе, да еще будем платить за это удовольствие 22 млн долларов каждый год. Но верхушке партии, может быть, важно таким путем войти в мировую элиту, чтобы завоевать доверие «мировой закулисы». К этой же области относятся заявления руководителей КПРФ об их приверженности «многоукладной экономике» и выпады коммунистической печати против «великодержавного шовинизма» (примеры будут приведены ниже). Это и есть те два пункта, которые больше всего беспокоят Запад в связи с будущим России: что прервется «золотая река», текущая из России, и что оформится русское национальное самосознание (одно с другим тесно связано).

Но вполне вероятно, что все эти авансы покажутся недостаточными: коммунисты не будут для «мировой закулисы» в достаточной степени «своими». Тогда тем или другим способом они к реальной власти допущены не будут (максимум – в коалиционное правительство, на проверку). Им будет предоставлен дальнейший срок для доказательства своей лояльности, главным образом, вероятно, в кадровом вопросе, чтобы они стали более верны своей «интернационалистской» традиции.

Мы приходим к печальному выводу, что сейчас выборы состоятся лишь в том случае, если заранее гарантирован нужный их результат – то есть реально выбора не будет. Мы столько раз видели выборы без выбора, с единственным кандидатом. Сейчас мы имеем опять выборы без выбора, но с множеством кандидатов, и их ожесточенная борьба увлекает зрителей и заставляет забыть, что речь-то идет о продолжении и усилении одной, определенной линии развития. Конечно, для непосредственных участников состязания,

например для кандидатов в президенты, исход выборов далеко не безразличен – и это придает искренность и драматизм их борьбе. Но это далеко не редкий случай в истории, когда некоторые социальные силы стремятся претворить в жизнь вполне определенную программу и ищут вождя или группу лиц, которые наиболее эффективно это сделают. Отбор кандидата происходит в форме борьбы – якобы из-за идейных разногласий, на самом деле за право эту программу осуществлять, – борьбы часто со смертельным исходом для проигравших. Такими братьями-антагонистами полна история: от Помпея и Цезаря до Троцкого и Сталина. Да и Горбачев с Ельциным укладываются в эту линию.

Рано или поздно мы должны осознать, что эта система выборов, основанная на пропаганде партий и на партиях, строящихся сверху (а не снизу – от деятелей районов, областей), предполагающая прямое голосование, никак не учитывающее разнообразие нашего народа, – это игра, в правилах которой наш выигрыш просто не предусмотрен. Ведь нечего греха таить – мы выбрали в президенты Ельцина и тем самым запустили губящую нас до сих пор систему «реформ». Пусть за Ельцина проголосовало меньше половины имевших право голосовать – но ведь другого, близкого к нему по числу голосов кандидата не было, так что, по сути, выбрали его мы. Так будет, боюсь, и с предстоящими выборами – они не дадут того результата, которого большинство народа от них ждет. Они – не путь для реализации воли народа. Поэтому я, в частности, считаю удобным время для этой статьи: написана до выборов, но будет опубликована после выборов. Чтобы она никаким боком в выборной пропаганде не участвовала: ни в предвыборной агитации, ни в послевыборных эмоциях.

Что же дальше?

Вернемся еще раз к сопоставлению нашей действительности с периодом упадка античной цивилизации. Вывод мы уже сделали. Нам реально угрожает тот же путь: дальнейшее вымирание, экономический упадок, распад страны и захват больших частей другими народами. Но такой исход не предопределен железно. Что с нами случится – зависит от нас, особенно от следующих поколений. Должны же они когда-то осознать, что в подавляющей части народа каждый стоит перед проблемой, которую ему одному решить нельзя. Можно пойти торговать в лавку, ездить «челноком» или работать в банке – но это выход для немногих, и выход неверный. Для большинства народа все слабеет вера, что в следующем поколении будет возможность создавать нормальные, многодетные семьи, дать детям образование, да даже гарантировать сытую жизнь. Это все яснее превращается в глобальную задачу, которую может решить только народ в целом, осознав себя единым народом и спасение страны – общенародной задачей. Как, очевидно, нельзя одному выиграть войну или одному отстоять от огня свой дом в охваченной пожаром деревне.

Все шире распространяется чувство, что жизнь движется в каком-то гибельном направлении. Сейчас те, кто эту тенденцию осознал и душой ее не приемлет, в основном объединяются, видимо, вокруг коммунистов: хотя и не входят в ту или иную коммунистическую партию, но ходят на созываемые ими демонстрации, составляют, как любят сейчас учено выражаться, их электорат. Это, как мне кажется, сейчас наиболее социально, государственно мыслящая, может быть,

правильнее было бы сказать – чувствующая часть народа. Собственно коммунистами, в сколько-нибудь точном смысле этого термина, они не являются. Жизнь показала им, что народ в целом опускается все ниже, на самое дно бесправия и нищеты. Тут их учителями скорее были демократы, гайдаровские «реформы», чем коммунисты. Коммунистическими являются символы, термины и лозунги, которые их объединяют. Но они интерпретируют их совсем по-другому: не как символы коммунизма, то есть марксизма-ленинизма, мировой пролетарской революции или хотя бы государственной монополии в идеологической или экономической области. Они являются символами протеста против глумления и оплевывания страны, ее трагической истории, в частности, последней войны, – глумления, в котором главными улюлюкающими свистунами выступают как раз те, кто недавно лакейски служил строю, который они сейчас так бесстрашно и лихо разоблачают.

Как мне кажется, было бы несомненным благом для страны, если бы этот слой людей четко сформулировал свои цели и смог бы добиться их осуществления – на кого же и рассчитывать, как не на них или тех, кто в будущем продолжит их тенденцию?

А коммунистическая терминология отсеялась бы от реальных жизненных проблем в несколько лет, как уже отсеялся портрет Маркса.

Но беда в том, что в теперешней организационной форме – под руководством коммунистической партии – свои цели этот слой реализовать в принципе не в состоянии. Ведь для него речь идет не просто о смене верхушки власти, но о принципиальном изменении основного направления течения жизни. Такой переворот можно осуществить лишь при крайнем напряжении всех сил и объединенной воле наро-

да. А это возможно лишь на основе ясной, в глубине своей последовательной идеологии. Например, народ Ирана в основной массе сопротивлялся политике модернизации, ориентации на США, которую проводил в 1970-е годы шах. В Тегеране начались демонстрации, их разгоняли и расстреливали, но они снова собирались. Всего при борьбе с демонстрациями было убито около 50 тысяч человек только в Тегеране, население которого 4 миллиона. По существу, это значит, что вышел на улицу весь народ. Такого народного подъема не может выдержать никакая власть – в 1979 году шах бежал, и власть перешла к аятолле Хомейни. Но весь этот всплеск народной энергии был возможен лишь на базе идеологии исламского фундаментализма. Как бы к этому фундаментализму ни относиться, он оказался рычагом, который сдвинул страну.

Но у нас-то, при попытке объединить народное патриотическое движение вокруг коммунистического ядра, возникает эклектичный, внутренне противоречивый набор тезисов, которые не складываются ни в какую идеологию. Например, ключевым тезисом, постоянно повторяющимся, является «духовность». Он развивается вплоть до того, что верующий может быть членом КПРФ. Но, с другой стороны, это марксистская партия (27). А сила, обеспечившая такой всемирный успех марксизму в течение целого столетия, – цельность его идеологии. Это был единый взгляд на мир, претендовавший на объяснение всего сущего – от движения атомов до революций. В этом смысле претендовавший на то, чтобы занять место религии. И основные его концепции: материализм, диалектический материализм, материалистический взгляд на историю...

Где же здесь место для верующего? Как он впишется в учение, принципиальные положения которо-

го – что религия «это опиум для народа», «род духовной сивухи», даже «трупоположество»? Да этот дух и сейчас прорывается в коммунистической прессе. Например, утверждается, что в годы советской власти... «священников арестовывали и сажали не за то, что они несли в народ слово божье, а за то, что они возбуждали верующих против советской власти и даже брались за оружие» (28). Как это легко пишется сейчас! За что же был расстрелян митрополит Вениамин и еще трое духовных деятелей в Петрограде в 1922 году – «возбуждали верующих» или «брались за оружие»? Из фактов, которые удалось восстановить: между 1918 и 1937 годом было совершено 223 ареста епископов, многих арестовывали неоднократно (например, епископ Афанасий (Сахаров) арестовывался 14 раз). Да вот в 1937 году был расстрелян удивительно разносторонний, глубокий мыслитель, священник Павел Флоренский. Почему бы автору не потрудиться объяснить нам, как он «возбуждал верующих» и «брался за оружие»?

Термин «патриотизм», кажется, чаще всего встречается в материалах КПРФ. Что значит это для марксиста? В основном программном документе марксизма – «Манифесте Коммунистической партии» – читаем: «Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять того, чего у них нет» (29). Или это – ревизия марксизма? Но Ленин очень часто цитируется как высший авторитет (в Программе КПРФ даже прокламируется цель – «добиваться... прекращения очернения памяти В. И. Ленина»). А Ленин писал: «За ревизию марксизма один ответ – в морду». Во время кровопролитной войны, где русские потеряли несколько миллионов человек, Ленин призывал работать на поражение своего правительства, говорил, что «не-

посредственный враг – больше всего великодержавный шовинизм», и пояснял, что его единомышленникам мало усвоить это как абстрактную идею, но необходимо воплотить в конкретные дела – дела, «несовместимые с законами о государственной измене» (30). Вообще Ленина очень трудно заподозрить не только в русском патриотизме, но хотя бы в нейтральном отношении к русскому человеку – об этом говорят его многочисленные злые или презрительные характеристики. Он писал, например: «Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови» (31).

И такие ленинские по духу мотивы действительно появляются сейчас в коммунистической печати. Например, когда произошло настоящее чудо: раздался голос владыки Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского, приобщавшего нас к самым глубоким – православным – корням русского патриотизма, тут «Советская Россия» сочла своевременным обрушиться на него с грубыми и злобными нападками (как раз незадолго до его кончины). Или более поздняя статья в той же газете, посвященная Чечне, где, со ссылками на Маркса и Ленина, прокламируется право наций на самоопределение, вплоть до отделения, борьба за это право («как подчеркивал В. И. Ленин») объявляется «обязанностью нашей партии». Чем же это отличается от призыва: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите»? Но дальше мы доходим в той же статье и до опасности «великодержавного шовинизма» и обсуждения «разделения (России) на разные национальные государства» – в виде цитат из Ленина. Напоминаются слова Ленина, что «у нас... совершают бесконечное число насилий и оскорблений» – конечно, по отношению к нерусским нациям, а «обиженные националы» к этому очень чутки. Поэтому им «нужно возместить нанесенные обиды». Точку зрения, что вы-

вод войск из Чечни поведет к росту национализма, автор называет держимордовской. Тут нет кавычек, но это – «скрытая цитата» из Ленина, писавшего о русской нации, «называемой великой (хотя великой только своими насилиями, великой так, как велик держиморда)» (32).

Да и разговоры о «многоукладной экономике» не согласуются с положением «Коммунистического манифеста»: «...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Маркс и Ленин, несомненно, назвали бы проекты «многоукладной экономики» «соглашательством», а их авторов – «лакеями буржуазии».

Мы видим здесь не цельное мировоззрение или хоть политическую программу, а осколки нескольких идейных линий, перемешанные между собой. Может быть, такая смесь способна на время быть полезной руководству партии, чтобы собрать голоса людей самых разных убеждений, но она даже не похожа на ту цельную идеологию, которая может сплотить народ для единого порыва.

Народ наш столько вытерпел, что естественно родится мечта о какой-то силе, которая сама, без наших усилий вытащит нас из разверзающейся перед нами пропасти. Сначала для многих это была мечта о неясной, но спасительной «рыночной экономике», «вхождении в мировое экономическое сообщество». Теперь, когда та мечта обернулась кошмаром, это надежда на выборы. Но это слишком легкий выход, чтобы быть действенным. Это соблазн ухода от реальной борьбы. История жестока, в ней за все надо платить. Вспомним, сколькими миллионами жизней мы заплатили за победу в Великой Отечественной войне! Фантастично предполагать, что такого же масштаба переворот произойдет из-за того, что мы зайдем в кабины и совершим там нужные действия. Он может быть осуществлен лишь

тяжелыми и длительными усилиями, жертвами – возможно, кровью, человеческими жизнями.

Это жестокая правда. Для пенсионера, которому не хватает его пенсии на квартплату и лекарства, призыв к длительной борьбе означает, что скорее всего он-то облегчения в этой жизни не увидит. Но массовая иллюзия еще опаснее, так как за ней следуют горькое разочарование и апатия.

То, что реальные изменения могут произойти только в результате сплоченного сопротивления, упорной борьбы, хорошо чувствуют те, кто этих изменений боится. Они используют весь аппарат пропаганды, находящийся у них в руках, чтобы привить нам психологию поражения и капитуляции. Они внушают, что нет никакой идеи, из-за которой можно было бы жертвовать человеческой жизнью. Они представляют насильниками и грабителями солдат, готовых на такую жертву. Или – вот парадокс! – основные средства информации сейчас принадлежат тем, кто разбогател на развале России. Этого и не скрывают – говорят, например, каким банкам принадлежит какой канал телевидения. Но тогда они должны были бы стараться поддерживать сегодняшнее состояние страны: доказывать, что положение не такое страшное, скоро все будет хорошо. На самом деле средства информации очень любят пугать уже наступившими или скоро грядущими ужасами, они даже сгущают краски. Например, в конце 1994 года газета «Известия» опубликовала прогнозы двух групп экспертов. «Оптимистический» прогноз предсказывал 40% безработных в следующем году, пессимистический – 60%. Разумеется, ничего подобного в 1995 году не произошло. Зачем же было нагнетать эти страхи? Приходит в голову только одно объяснение: чтобы создать атмосферу безысходности, отчаяния. Чтобы и не зарождалась мысль

о сопротивлении, объединении – каждый существовал бы робкой надеждой выжить самому да накормить детишек. Русский народ не раз терпел поражения, но именно тогда находил силы для сопротивления и отпора. Вот в эту самую важную точку и направляется удар: чтобы вытравить мысль о сопротивлении.

Сопротивление – это упорные усилия и жертвы. Причем усилия, не направляемые сверху, а начинающиеся вокруг нас – в своей деревне, своем заводе, районе. Какие конкретно действия сейчас нужны? На это я, пожалуй, ответить не могу и предполагаю, что и вообще конкретный путь сопротивления нельзя выдумать – он «родится» сам.

А впрочем, одно – и, может быть, самое важное – действие, доступное каждому взрослому и не слишком старому мужчине и женщине, кажется очевидным. Родить больше детей! Ведь если мы будем вымирать так же быстро, как в последние годы, то исторически совершенно безразлично, какая у нас будет власть. Тогда совершенно бесполезно создавать партии, ходить на демонстрации, голосовать на выборах или писать статьи.

Но мне возразят – а как сейчас прокормить хоть одного-то ребенка? Могу ответить, лишь процитировав выступление В. И. Белова на одном многолюдном вечере. Он сказал: «Мы вымираем и сами на это соглашаемся. Женщины! Почему вы не родите? Вы скажете, что трудно воспитать детей. А моей матери было легче, когда она воспитала нас шестерых в военное время и после войны? В детстве я не помню себя сытым. Помню первое ощущение сытости, когда я уже уехал в город. Но она все же нас вырастила». И действительно, сейчас у русских рождаемость ниже, чем во время Великой Отечественной войны, чем на оккупированной немцами территории, даже чем в областях, которые во время дли-

тельных боев много раз переходили из рук в руки. Это не спишешь только на тяжелые условия жизни. Конечно, просто из чувства патриотизма много детей не родишь. Сейчас действительно большинству людей трудно воспитать и одного ребенка. Но это потому, например, что детей все считают нужным одевать как каких-то средневековых пажей или принцев: в яркие, пестрые одежды. А иначе над ними в школе могут посмеяться. Вот когда будет плохим тоном слишком нарядно одевать детей, а хорошим тоном будут считаться заштопанные рукава и заплатанные штаны, положение изменится. То есть речь идет о духовных изменениях – об изменении отношения к детям, семье, к жизни вообще.

Сила, способная поднять на сопротивление и вырвать Россию из уже накинутой на нее петли, – та же, которая всякий раз спасала нашу страну. Как пишет Ильин: «Национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертве, а народ – к духовному расцвету» (33). Он формулирует идею, которая «должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь. Это есть идея воспитания в русском народе национального духовного характера. Это – главное. Это – творческое. Это – на века. Без этого России не быть. Отсюда придет ее возрождение. Отсюда ее величие воссияет в невиданных размерах. Этим Россия строилась и творилась в прошлом. Это было упущено и растеряно в XIX веке. Россия рухнула в революцию от недостатка духовного характера в интеллигенции и в массах. Россия встанет во весь свой рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера». «Враги России были как бы призваны, чтобы духовно пробудить нас», – говорит Ильин (34).

И надо сказать, что признаки такого пробуждения ясно видны. Об этом говорит хотя бы то, как все по-

литики сейчас толпой повалили в патриоты. Ведь это люди, тонко, профессионально чувствующие колебания настроений широких слоев народа. Они понимают, к каким эмоциям надо апеллировать, чтобы иметь успех. Не так давно слово «патриот» они писали только в кавычках – сейчас кавычки исчезли. Пропал и термин «красно-коричневые». Изменилось отношение политиков и средств информации к войне в Чечне. Сначала ее дружно изображали разбойничьей карательной акцией против свободолюбивого народа. Теперь отношение к армии стало менее враждебным, таких плевков в нее, как в начале прошлого года, себе не разрешают. Да и Басаева уже не рискуют называть «Робин Гудом». Почти совсем исчезла фигура Ковалева – видимо, стало ясно, что он не прибавляет популярности их лагерю. В одном анализе результатов выборов 1995 года приводится интересное замечание. Ряд блоков самой разной политической ориентации не смог преодолеть пятипроцентный барьер: «Женщины России», «Выбор России», «Демократический выбор России», «Трудовая Россия», «Конгресс русских общин». Что же у них у всех общего? Автор приходит к выводу: только «капитулянтская», «антигосударственная» позиция в отношении войны в Чечне. По-видимому, в отношении к войне в Чечне народ не поддался обработке средств массовой информации (35).

Это значит, что надежда есть, в народе пробуждаются национальные чувства, крепнет его национальный характер, о котором писал Ильин. Но одновременно Россия распадается: геополитически, экономически, духовно – и идет страшный процесс вымирания русских. Мы живем в состоянии гонки: какой процесс будет интенсивнее? И ярко проявляются те симптомы национальной гибели, о которых сказано в начале работы.

История России развивается сейчас под надвинувшейся тенью ее смерти. Многие великие народы ушли из истории. Ведь даже концепция инока Филофея о Москве – Третьем Риме, которую так часто интерпретируют в духе «русского мессианизма», исходит из факта падения Первого Рима и Второго Рима (Константинополя). Причем она отнюдь не утверждает «вечности» Третьего Рима (Москвы) и даже сурово предупреждает против соблазнов, которых надо избежать, чтобы он устоял. Утверждается только, что «Четвертому Риму не быть». Но не закрывается и возможность иного исхода:

И Третий Рим лежит во прахе, а уж Четвертому не быть.

Решение же – в той мере, в какой оно зависит от сил человеческих, – находится в наших слабых руках, зависит от нашей веры в Россию, готовности на жертву ради нее.

1996.

ПОЧЕМУ РУССКИЕ ТЕРПЯТ?

Это явление – терпение русских – в наше время, пожалуй, проявляется поразительнее, чем когда-либо. Но сам вопрос очень старый. Еще Некрасов упрекал русский народ:

Чем был бы хуже твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Тут сразу вспоминается и предисловие А. К. Толстого к его повести «Князь Серебряный». Он говорит:

«Он (автор) сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».

Даже эпиграф он берет из «Анналов» Тацита: «И я не стал бы просить у читателей в свое оправдание ничего другого, кроме позволения не ненавидеть (! – *И. Ш.*) людей, так равнодушно погибающих». Поражает слепота Толстого по отношению к мировоззрению эпохи, быт и нравы которой он так тонко воссоздал. Он, видимо, желал бы, чтобы бояре времени Грозного создали какие-то масонские кружки вроде наших декабристов, составили бы заговор, свергли бы царя и провозгласили конституцию или, на худой конец, Великую хартию вольностей! Нам, конечно, легче судить: мы видели, как нашими отцами и дедами все это было проделано. Хотя масштабы претензий к тому царю были несопоставимы с эпохой Грозного, заговор был составлен, царь свергнут и расстрелян, но лучше от этого не стало никому, включая самих заговорщиков. Хотя Толстой и не мог задуматься над результатом этого исторического эксперимента, но он, несомненно, читал Карамзина, который, как бы обращаясь к будущему, писал об этой же эпохе:

«В смирении великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как греки в Термопилах, за отечество, за веру и верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иоаннову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею: сии заговоры существовали единственно в смутном уме царя, по всем свидетельствам наших летописей и бумаг государственных. Духовенство, бояре, граждане

знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа слободы Александровской, если бы замышляли измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровию агнцев – и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умилительного воспоминания от современников и потомства!»

Да и трудно согласиться с Толстым, что тогдашнее общество смотрело на Иоанна «без негодования». В разгар опричного террора митрополит Филипп в храме не допустил царя ко кресту. Князь Репнин, князь Оболенский-Овчина в лицо высказывали свое мнение Иоанну и его приспешникам. Все они за это поплатились жизнью. И ведь это только самые известные, так сказать, хрестоматийные примеры. Нет, видимо, «русское терпение» не сводится просто к пассивности, оно сплетается с жертвой, вообще – это более глубокое явление.

Недавно появилось исследование, в котором рассматривается это явление – русское терпение: книга К. Касьяновой «О русском национальном характере». При помощи тестов, привлекая литературу и фольклор, автор стремится выделить основные национальные черты русских. Она приходит к выводу: «Терпение – это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера». Из 30 тысяч пословиц, входящих в сборник Даля «Пословицы русского народа», больше всего как положительное качество оценивают «спасение» (часто под этим понимают монашескую жизнь). Но уже на втором месте стоит терпение, причем они иногда соединяются: «Без терпенья нет спасенья». Или терпение поддерживается божественным авторитетом: «Бог терпел и нам велел». Терпение автор понимает как фундаментальную жизненную установку,

при которой во взаимодействии человека с окружающей его средой – обществом и природой – центр тяжести переносится не на преобразование среды, а на сотрудничество с ней.

С этой точки зрения терпение – это стратегия неагрессивного взаимодействия с миром, решения жизненных проблем не за счет насилия над миром и потребления его ресурсов, а в основном за счет внутренних, духовных усилий. И это особенно важно сейчас, когда так ясно, что ресурсы природы, которые человек может эксплуатировать, ограниченны, в то время как о границах духовных сил человека нам ничего не известно. Именно идеология, противоположная «терпению», – «фаустовский дух», а точнее взгляд на мир как на бездушный материал для деятельности человека, сформулированный в призыве к «покорению природы», – создала тот экологический кризис, который сейчас угрожает существованию человечества и всего живого на земле.

Есть и другой источник «русского терпения». Вся история русского народа переплетена с созданием большого, многонационального государства. Характер русского народа и способствовал этому процессу, и складывался под его влиянием. В результате русские – народ государственный. Они с трудом идут на конфликт, который может потрясти государство. Самый яркий пример в истории, вероятно, – наше время. Английские докеры или горняки тщательно выбирают время, когда запасов угля меньше всего, и тогда объявляют забастовку, чтобы она больнее всего ударила по стране и шансы на победу были бы выше. А у нас появилась совершенно новая форма социального протеста: шахтеры голодают. Голодают и учителя, и врачи. Один академик голодал, другой – застрелился. Все они

подобны тем боярам эпохи Грозного, которые предпочитали смерть смуте. Да страна сейчас и существует только за счет того, что большая часть ее населения работает фактически бесплатно: за плату, на которую ни они, ни их семьи существовать не могут.

Но если у русских возникает сомнение в том, что государство исполняет свою охраняющую и скрепляющую роль, если кажется, что оно – «ложное», то протест обращается не против частных форм эксплуатации, не против отдельных институтов, а против самого государства в принципе. Оно признается недостойным существования, приговаривается к уничтожению. Тогда и возникает «бунт – бессмысленный и беспощадный». Так, ряд историков (в частности Ключевский) считают, что основной причиной восстания Пугачева были вовсе не тяжелые условия жизни тогдашнего населения Поволжья. Главным толчком было провозглашение «дворянских вольностей». После того как дворяне были освобождены от своих обязанностей перед государством, крестьяне стали ждать отмены крепостного права, когда же она не произошла, местное возмущение разгорелось в восстание. С этой же стороной русского характера связано и провозглашение Пугачевым себя Петром III, да и вообще частое появление самозванцев в России – это знак того, что движение протеста не направлено против основы государства.

Терпение в русской психологии тесно связано с жертвой – терпят, жертвуя чем-то, и часто трудно различить, является ли жертва необходимым признаком терпения или самоцелью. Жертва сама по себе обладает святостью. Любимыми русскими святыми (первыми канонизированными) были Борис и Глеб, весь подвиг которых состоял в том, что они принесли себя в жертву, приняли смерть «в подражание жертве Христовой».

Сама жертва ценится выше победы. Один мой знакомый немец, долго живший в России и, казалось бы, хорошо ее понимавший, со смехом мне рассказывал, что видел в Севастополе памятник двум сражениям, проигранным русскими! Между тем для русского сознания это вполне естественно: памятник стоит не выигранному сражению, а жертве, принесенной ради России. Как и терпение, жертва не есть пассивное подчинение роковым обстоятельствам. Она дает силы народу в целом. И когда Александр Невский готовился к битве на Неве, один из его воинов видел ночью, как на ладье плыли святые Борис и Глеб, и слышал, как Борис говорил: «Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику нашему Александру».

В трудных ситуациях русские реагируют обычно, накапливая внешние раздражения, а потом отвечают взрывом энергии. Взрыв может быть направлен как на защиту государства, так и на его разрушение. Реакция первого типа имела место в Великую Отечественную войну или в конце Смутного времени, второго – в начале смуты и в 1917 году. Сейчас народ накапливает внешние импульсы и терпит – пока.

Русское терпение имеет и еще один аспект, связанный с особенностями нашего времени. Могу здесь сослаться на свои впечатления. Несколько лет назад я был в Якутии. Сразу же я столкнулся с новым для меня словом – «якутизация». Так называют процесс постепенного вытеснения русских со всех руководящих постов. Русский язык все больше заменяется якутским. Ответственные совещания, важные репортажи по радио и телевидению ведутся по-якутски. Районы переименованы в улусы, деревни – в наслеги. И это при том, что русские составляют $^{2}/_{3}$ населения Якутии. Какова же реакция русских? Я слышал только

об одной: русские уезжают. За один год из того района, где я был, уехало 10% жителей.

Через год я был в Чечне. Там для меня ошеломляющей новостью оказались рассказы о том, что пережило русское население в трехлетие правления Дудаева. Массовые убийства, похищения с целью получить выкуп, грабежи, изнасилования, русские рабы в зажиточных чеченских семьях. Я уж не говорю, что в Москве все это было полностью замолчано. Но в Чечне мне не удалось узнать ни про одну хотя бы попытку самозащиты русских. Единственная реакция – бегство. Бежало несколько сот тысяч человек, большая часть русского населения Чечни.

Еще через год я был в Риге. Положение русских там можно сравнить разве что с положением негров в Южной Африке, да не с теперешним, а каким оно было десять лет назад. И ни о каких серьезных попытках борьбы я не слышал. А ведь русские составляют 40% населения и подавляющую часть работников предприятий, от которых зависит жизнь страны: электростанций, порта. Да более того, подсчеты показывают, что, когда проходил «референдум о независимости Латвии», большая часть русских голосовала за независимость.

Поражает и то, как слаб интерес в России к судьбе русских, оказавшихся вне ее. Солженицын пишет: «Я на эту тему уже несколько раз по телевидению говорил. Во всех областях, где я был, почти везде о ней говорил, потому что болит сердце. Но поразительно, насколько другие темы нашей жизни вызывали сочувствие аудитории, отзыв мгновенный, а вот эта тема оставляла равнодушными слушателей. Это ужасно. То есть мы потеряли ощущение нации, потеряли ощущение наших соотечественников, нам это не важно». Могу подтвердить своими впечатлениями. Как-то я выступал на радиока-

нале, где был телефон для звонков слушателей. Телефон звонил постоянно, так что получался очень интересный диалог. Но после меня выступал казачий есаул, рассказывавший о положении русских в Казахстане, где они вытесняются из всех верхних сфер жизни, лишены права на второе (русское) гражданство, автономию – того, что имеет множество народов в России. Как жестоко подавляются их попытки объединиться. При том что в Казахстане русских больше, чем казахов, и живут они на своих коренных землях. И во время его выступления телефон не зазвонил ни разу!

Это уже не то упругое терпение, которое только увеличивает силы. Здесь ощущается слабость, потеря воли к самозащите. Как говорит Солженицын, потеря чувства нации. Такое ослабление национального самосознания совершенно естественно, хотя от этого не менее опасно. Много десятилетий подавлялись основные силы, формирующие русское чувство нации: православная вера, традиционная культура, крестьянский образ жизни, чувство значительности национальной истории. И в предшествующее десятилетие поток глумления обрушился на русскую историю и сам духовный тип русского человека. А в самые последние годы произошла трансформация, может быть, самая разрушительная для национального самосознания русских: большая часть прессы и фактически все политические деятели, от верных слуг Международного валютного фонда до марксистов-ленинистов, объявили себя рьяными русскими патриотами. Хотя в конкретных вопросах (Чечня, Севастополь...) их позиции тоже сходятся, но уже на решениях, противоположных интересам русского народа и государственности.

В такой период ослабления национального сознания процесс накопления раздражения, предшествующий

взрыву, растягивается. Но вряд ли можно сомневаться, что взрыв произойдет. Трудно себе представить, чтобы его можно было предотвратить. А от наших усилий может зависеть только то, как он будет направлен: на разрушение государства, окончательно воспринятого народом как «ложное», изменившее своей цели, или – на его воссоздание и укрепление.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Доклад на конференции «Ложи, лобби, секты». Милан. 15 мая 1999 г.

Вопрос о масонстве – деликатный. С одной стороны, клятвы, шпаги, черепа и т. д. вызывают некоторый *сенсационный* интерес. С другой – члены организации очень неохотно рассказывают о деталях своей деятельности (да их к этому обязывает и клятва). В результате возникает множество слухов и часто необоснованных догадок. А это, в свою очередь, вызывает нападки на любые исследования деятельности масонов, эти исследования часто выставляются в комичном виде, как глупые выдумки и фантазии. Таким образом, литература здесь большая, но выделить в ней достоверную часть трудно.

Сейчас в России тема масонства модная. Написано множество книг, изобилующих подробностями, списками масонов – теперешних или бывших. Однако достоверность сообщаемых фактов, как правило, с трудом поддается проверке. Тем самым важная тема компрометируется в общественном сознании.

Конечно, отбор «заслуживающих доверия» источников – вопрос субъективный. В дальнейшем я буду

опираться лишь на факты, подтвержденные несколькими свидетельствами одновременно или опубликованные в масонских источниках.

Напомню, что революция 1917 года в России началась в начале года – в феврале – народными волнениями в столице (Петрограде) и через несколько дней привела к крушению монархии. А в конце года – в октябре – власть в Петрограде захватили большевики. Эти два этапа революции во многих отношениях очень различны. Достаточно достоверные сведения об участии масонов имеются лишь по поводу первого (Февральская революция). О нем в основном я и хочу рассказать.

Как часто бывает в истории масонов, об участии их в каком-то событии становится известно лишь несколько десятилетий спустя. И в нашем случае лишь после конца Второй мировой войны стали появляться достаточно убедительные источники. Например, в фонде Гувера в США хранились интервью ряда видных масонов, эмигрировавших из России, которые можно было опубликовать лишь после их смерти. Теперь эти фонды открыты и свидетельства опубликованы. Вопрос стал «респектабельным» и рассматривается в ряде исторических книг и журналов.

В XIX веке в России были запрещены политические партии и тайные общества – включая и масонские. Ряд русских участвовали, будучи за границей, в работе иностранных лож, но в России лож, по-видимому, не было. В 1905 году Россия стала конституционной монархией и была разрешена свобода партий и ассоциаций граждан. Можно считать, что с 1906 года начинается новый период истории масонства в России. (Мы исключаем XVIII и начало XIX века, когда масонство тоже играло видную роль.)

Инициатива принадлежала известному историку и социологу Максиму Ковалевскому (его учеником и секретарем до последних дней его жизни был знаменитый социолог Питирим Сорокин, после революции эмигрировавший в США и основавший свою школу в Гарварде, из которой вышли многие политические деятели США, включая президента Кеннеди). Из-за своих либеральных взглядов Ковалевский 18 лет прожил за границей, а в 1905 году вернулся в Россию. В том же году он встретился с наиболее известным представителем леволиберального течения в России П. Милюковым и посоветовал ему не упускать возможности воспользоваться многовековым организационным опытом масонства и заручиться таким образом поддержкой Запада для русского «освободительного» (то есть антимонархического) движения. Милюков отказался присоединиться к масонству, но с другими Ковалевский имел успех. К этому времени Ковалевский принадлежал к французскому масонству и в 1906 году запросил у совета «Великого Востока» Франции разрешение на открытие ложи в России (факсимиле этого письма воспроизведено в журнале «The Slavonic Review», 1966, July, XXXIV). Разрешение было дано, и в 1906 году в Москве была открыта ложа «Возрождение», работавшая по французскому ритуалу. Другая ложа, «Полярная звезда», была вскоре основана в Санкт-Петербурге.

1906–1908 годы – это период становления русского масонства. Ряд лиц были приняты в масонство, учреждено несколько новых лож. Они учреждались как «Великим Востоком», так и «Великой ложей» Франции. Вся работа происходила в тесном сотрудничестве с французским масонством. Направлялись «братские» миссии из России во Францию и из Франции в Россию. Всего было открыто 9 лож в городах и велись переговоры об откры-

тии новых лож. В 1908 году состоялся съезд (конвент), сформировавший Верховный совет русского масонства. Масонство в России не было легализовано и в сношениях с масонами других стран пользовалось «рекомендательными письмами» «Великого Востока» Франции. Представители русского масонства посетили ряд стран и, как сообщают, «установили нужные отношения».

Особенно обстоятельные переговоры велись с турецким масонством, где русские представители ознакомились с системой масонской пропаганды в армии. В Турции незадолго до того (в 1908 г.) произошла революция, лидеры которой – младотурки – в основном принадлежали к масонству. Состоялись встречи с их лидерами – Энвер-пашой и Талаат-пашой. По иронии судьбы связь с турецкими масонами обеспечил русский масон армянской национальности через живших в Турции армян, а вскоре именно младотурки-масоны стали инициаторами армянской резни в Турции (за что, в частности, Талаат-паша в 1918 году был убит армянским студентом).

Близость с французскими и турецкими масонами, очень политически активными, стимулировала политическую активность и русского масонства. В это время масонством заинтересовалась и полиция. Даже царь Николай II запросил главу департамента полиции: существует ли в России масонство, стремящееся к свержению монархии и уничтожению религии? К тому моменту у полиции никаких данных не оказалось. Но постепенно несколько агентов полиции были внедрены в ложи. В свою очередь, об этом стало известно Верховному совету. Тогда масонство прибегло к испытанному приему: все ложи были «усыплены», то есть было объявлено о прекращении их деятельности. В 1910–1911 годах формируются новые ложи с более

строгим отбором членов. В целом можно сказать, что масонство «переиграло» полицию – к моменту революции в руках у полиции оказалось чрезвычайно мало сведений о деятельности и членстве лож.

Вновь организованное масонство начинает свою деятельность с 1912 года. Некоторые авторы (в том числе и некоторые масоны) склонны преувеличивать его размеры. В одном масонском свидетельстве говорится, что «сетью лож была покрыта вся Россия». Но более правдоподобны другие свидетельства, согласно которым в России было 40–50 лож. В столице к масонству принадлежало 95 человек, во всей России – 350–400. Предпочитали, чтобы в ложу не входило более семи человек (тогда их встречи труднее было установить полиции), но в случае необходимости создавались и большие ложи.

При такой малочисленности масонство было элитарным. В него в основном входили влиятельные лица – или такие, которые смогут стать влиятельными (что вполне оправдалось после революции). Особенно много масонов было в парламенте (Думе) – «Думская ложа», или «ложа Розы». Существовала «военная ложа» из числа влиятельных военных, «литературная ложа» – из влиятельных писателей и журналистов, большое число масонов было в адвокатуре, общественных организациях, философских и религиозных кружках, стремившихся к «независимому» или «современному» пониманию христианства, в профессуре.

Организация масонства была окончательно утверждена на конвенте 1912 года. Впервые было заявлено, что теперь русское масонство не является ответвлением французского. Был создан «Великий Восток народов России». (Название было принято после долгих дебатов: первоначально предлагавшееся «Великий Совет

России» не удовлетворяло тем, что «Россия» занимала в нем слишком видное место.) Реальным главой всего масонства был секретарь Верховного совета (состав его был известен лишь трем счетчикам) – он сносился с отдельными ложами.

Цели масонства формулировались так: «защита прав человека и гражданина», «борьба за политическое освобождение России», «принципы французской революции 1789 года в их наиболее первобытном – неискаженном – виде», «объединение всех прогрессивных элементов», «создание братской общности и моральное усовершенствование».

Один влиятельный масон (одно время – секретарь Верховного совета) сформулировал цель организации как согласование «действий разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия». Другой, социал-демократ, получил приглашение от своего партийного товарища вступить в ложу с такой формулировкой: «Эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, она стремится к насильственному перевороту, она представляет собой значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах». В одном свидетельстве говорится: «Очень характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху лично – за то, что он ведет страну к гибели».

Вместе эти формулировки достаточно ясно характеризуют политическое масонство. Это была тайная организация для изменения существовавшего тогда строя в либерально-демократическом духе. Причем ее характер давал возможность объединить представителей разных слоев общества (аристократов, политических деятелей, журналистов, миллионеров, даже террористов) и

членов разных левых партий, которые иначе не могли бы вступить в контакт.

Слова о «братском общении» тоже не были лишь маскировкой. Это была специфическая техника общения людей очень разного типа, не позволявшая тем не менее организации распасться. Видимо, здесь сказался многовековой опыт масонства. Заседания лож состояли из обмена информацией и «дебатов». «Дебаты» предполагали обсуждение насущных вопросов, в основном политических. Они могли способствовать выработке единства взглядов. Если же они принимали слишком острый характер, то председательствующий их немедленно прекращал. Разумеется, Верховный совет имел возможность оказывать давление на отдельных членов (например, обеспечивая успех их карьеры) и таким способом пытался добиться единства взглядов. «Братство» обязывало также к взаимной поддержке в любой сфере деятельности (вплоть до аплодисментов брату при его выступлении) и тем тоже способствовало сплоченности организации.

Вся деятельность лож была тщательно засекречена. Не велось протоколов заседаний, вообще не осталось почти никаких документов, отражающих их существование. В результате несколько десятилетий не появлялось никаких сообщений о деятельности масонства. Эта секретность имела важный смысл. Некоторая группа (фракция в парламенте, философское общество и т. д.) могла иметь в своей среде сплоченную масонскую группу и не догадываться об этом. В результате иногда принимались решения, казавшиеся непосвященным членам группы непонятными и только много лет спустя разъяснявшиеся как результат влияния масонского ядра.

Ядром масонства был Верховный совет. Он являлся идеологическим центром движения. Нет, однако,

никаких убедительных оснований считать его «штабом» всего существовавшего тогда леволиберального направления, враждебного тогдашнему строю. Но существование такого центра, сплоченного и располагающего большими возможностями для влияния на общественное мнение, нельзя недооценивать.

Лишь учитывая этот фактор, можно объяснить то загадочное явление, что «общественное мнение» тогда оказывалось подчиненным четким концепциям, лозунгам, «мифам» – и это без радио и телевидения. Например, господствовало убеждение, что тогда (во время начавшейся уже войны) правительство и двор ведут тайные переговоры с врагом, готовят сепаратный мир. Особую роль играло здесь немецкое происхождение царицы. После революции была создана особая комиссия для расследования действий дореволюционной власти – и никаких следов таких тенденций не нашли (а начисто выдумывать еще не научились). Второй миф – о всевластии Распутина, приближенного к царице крестьянина, претендовавшего на особые духовные данные, и особенно о его эротических связях с царицей. Первое утверждение оказалось чудовищно преувеличенным, второе – не имеющим вообще никаких оснований. В этом вопросе удалось даже конкретно проследить масонское влияние. Противники Распутина (в частности, тогдашний премьер Столыпин) пытались настроить царя против него, уверяя, что он принадлежит к одной распространенной секте (хлыстов). Тогда через масонские связи удалось привлечь одного большевика, знавшего сектантов, так как он вел среди них революционную работу. Он убедительно доказал, что Распутин к этой секте не принадлежит, эту статью напечатали в распространенной газете и довели до сведения царя.

Наконец, третий миф заключался в том, что недостаток земли, на который жаловались крестьяне, может быть компенсирован разделом крупных поместий. На деле помещикам принадлежало немного более 10% пригодной к обработке земли, и когда крестьяне после революции поделили всю землю, то через десять лет размер пашни на одно хозяйство стал меньше, чем до революции. А требование «отчуждения помещичьих земель» стояло в программах всех левых партий.

В масонском Верховном совете существовало два взгляда на пути изменения существовавшего тогда строя. Одна группа исходила из метода политической агитации и эволюционного изменения. Так были ориентированы и постановления Верховного совета. Но была влиятельная группа, пропагандировавшая насильственный путь смены власти. Ее влияние росло с неудачами России в войне. (Сейчас видно, что неудачи эти были очень преувеличены антиправительственной агитацией: немцам удалось захватить только некоторые западные провинции России. Например, положение Франции было гораздо более угрожающим, во французской армии происходили крупные бунты.) Но оба течения сходились на том, что категорически были против революции типа народного восстания. Они называли ее «неуправляемым хаосом» и считали, что именно их действия могут ее предупредить.

Поэтому и сторонники насильственной смены власти планировали «революцию сверху», то есть заговор, который должен был обеспечить смену монарха и либеральную конституцию английского типа. В последний год перед революцией (1916) сложилось даже два таких заговорщицких центра. Один складывался вокруг руководителя Союза организаций местного самоуправления князя Г. Е. Львова – этот союз играл во время войны

значительную экономическую роль и имел вполне определенную леволиберальную политическую ориентацию. Предполагался арест царя, замена его другим членом царской семьи, провозглашение либеральной конституции и формирование правительства с главой заговора в качестве премьер-министра. Другой заговор был более детально продуман. Его составляли видные военные и лица, близкие к военной среде. Возглавлял его будущий военный министр Временного правительства А. И. Гучков. Предполагалось, что царский поезд будет остановлен на пути из столицы в Ставку (куда царь часто ездил как Верховный главнокомандующий), его заставят отречься в пользу сына с приемлемым для заговорщиков регентом и опять с изменением конституции. Оба заговора зрели медленно, участников выбирали осторожно. В обоих случаях сам переворот планировался на конец 1917 года. Что касается руководителей обоих заговоров, то по поводу их принадлежности к масонству есть свидетельства и мнения противоположного характера – и «за», и «против». Но окружение их, судя по имеющимся теперь сведениям, было полностью масонским. Так что в литературе их часто оправданно называют «масонскими заговорами». Оба заговора формировались очень медленно, и за развитием событий не поспели. Революция произошла в начале 1917 года (в конце февраля). Переворот был совершен массовым выступлением рабочих петроградских заводов и воинских частей, расположенных в Петрограде. Это был отнюдь не «бунт бедноты». Речь шла о рабочих крупных военных заводов. Они были освобождены от мобилизации и получали оплату значительно выше средней. Присоединившиеся к ним войска не были воевавшими частями. Их только готовили к отправке на фронт, и многие из них этого не хотели. Как стало возможным это массовое выступление, которое

смело власть, фактически неизвестно. Лучший историк этого периода Г. Катков пишет: «Когда мы говорим, что Февральская революция произошла стихийно, мы фактически говорим, что не знаем, как она произошла». Перед этим массовым выступлением власть капитулировала без борьбы. Царь отрекся в пользу брата, который сразу же тоже отрекся. Министры были арестованы какими-то энергичными людьми из толпы. На улицах стали убивать полицейских, избивать офицеров.

Здесь совершился перелом в истории России, во многом предопределивший ее дальнейшее течение. И по поводу этого события имеется множество свидетельств, указывающих на масонское влияние, а в некоторых случаях – на решающую роль масонства.

Само центральное событие – выступление в Петербурге больших масс рабочих и солдат – было совершенно противоположно масонской идеологии. Но то, что это массовое выступление не встретило практически никакого сопротивления, что власть мгновенно рассыпалась, является результатом подготовительной работы, в которой роль масонства была очень велика. Многие руководящие военные и политики были вовлечены в упомянутые выше «масонские заговоры» или знали о них и сочувствовали им. Поэтому вести о произошедшем в Петербурге воспринимались как осуществление неизвестной дотоле детали заговора и не вызывали никакой попытки сопротивления. Даже отречение царя произошло в точности по сценарию одного из заговоров, и принял его как раз руководитель этого заговора.

После распада власти образовались одновременно два органа, претендовавшие на власть в России, в какой-то мере взаимодействовавшие; эта эпоха и называется иногда двоевластием. Одним центром было правительство, сформированное влиятельными члена-

ми парламента (Думы). Оно называлось Временным правительством. Другим – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительный комитет, претендовавший на то, чтобы представлять «народ». В обоих случаях масонское влияние сейчас может быть отчетливо выявлено.

В период между Февральской и Октябрьской революциями состав Временного правительства несколько раз менялся. Но всегда в нем сохранялось большое и влиятельное масонское ядро. Например, первый состав Временного правительства – 11 человек – содержал 5 очень влиятельных и активных масонов. Но *весьма вероятно,* что масонами были и некоторые другие члены. Большинство исследователей считают, в частности, что видным масоном был премьер-министр князь Львов. Он возглавлял правительство до июля 1917 года. Премьер-министр Временного правительства *следующих составов* А. Ф. Керенский был не только масоном, но одно время – секретарем масонского Верховного совета, то есть главой русского масонства. Формирование Временного правительства происходило под явным масонским влиянием. Впоследствии некоторые политики рассказывали, как они были поражены тем, что видные посты занимали до того совершенно неизвестные люди – например, министр финансов Терещенко. Теперь известно, что он был влиятельным масоном и входил в «масонский центр» в ряде составов Временного правительства.

Из воспоминаний известно, например, что в 1916 году дома у одного политического деятеля (масона) собрались те, что потом назывались «представители разных партий», и составили список будущего правительства России. В этот список вошли почти все имена, составившие год спустя Временное правитель-

ство. Трудно представить себе, как могли собраться вместе члены столь разных партий иначе, как на масонской основе. С другой стороны, в советском журнале «Красный архив» был опубликован загадочный документ, датированный 1915 годом.

Он называется «Диспозиция № 1» и подписан: «Комитет народного спасения». В нем излагается довольно точно программа леволиберальной оппозиции (соответствовавшая идеологии масонского Верховного совета). Но, что наиболее интересно, сообщается, что для выполнения программы будет создан «штаб». Создание его поручается «основной ячейке» из трех лиц. Вот объединение этих трех лиц вместе казалось бы просто нелепым в 1915 году, но в 1917-м они оказались министрами и даже ядром Временного правительства (включая премьера). Некоторые исследователи приписывают этому документу масонское происхождение.

Второй центр власти – Совет рабочих депутатов – создавался в основном самоназначением и кооптацией. Первый шаг был сделан, как только стало известно о волнениях и крушении власти. На квартире социал-демократа по фамилии Гиммер собралось несколько политиков разных партий социалистического направления. Они-то и создали первый состав Исполнительного комитета Петроградского Совета. Но как они собрались? В своих воспоминаниях Гиммер (Суханов) рассказывает, будто некоторые зашли узнать новости, другим позвонили по телефону. Но современные издатели этих воспоминаний утверждают, что собрание было созвано по масонской инициативе. Первый председатель Петроградского Совета был масон. Среди его заместителей – еще два масона. Другой видный масон, поддерживавший связь масонского Верховного совета с Петроградским Советом рабочих депутатов, вспоми-

нает, что разговаривать с его председателем было весьма просто. В случае необходимости он говорил ему: «Чего ты кочевряжишься, ведь все *наши* так решили, надо исправить ваше решение и сделать по-нашему». Правительство в согласии с Петроградским Советом создавало новую администрацию, которой могло доверять: комиссаров в армии или в других областях. Эти назначения в значительной мере происходили по линии «братских связей».

Ни Временное правительство, ни Петроградский Совет рабочих депутатов почти никакой реальной властью не обладали – все больше господствовала анархия. Но эти два центра видимой власти больше всего опасались «реакции» и главную опасность видели в армии. Поэтому первые месяцы после Февральской революции значительные усилия были направлены на ослабление армии, создание и там того же уровня анархии, который господствовал в столице. Первым (и имевшим громадные последствия) действием был так называемый «Приказ № 1». В нем предписывалось каждой воинской части подчиняться выбранному ею комитету. Оружие предписывалось отдать под контроль этих комитетов и не выдавать его офицерам «даже по их требованию». «Приказ» означал конец всякой дисциплины. Он был санкционирован Временным правительством и Петроградским Советом, где руководящую роль играли масоны. Но и непосредственно текст его был написан видным масоном Соколовым. Разрушение армии происходило все время: например, верховному командованию было предписано произвести чистку генералитета и уволить несколько сот генералов «консервативных взглядов». В результате ряда подобных действий армия стала небоеспособной. К тому же ухудшилось продовольственное положение, из-за забастовок падало производство.

Во второй половине 1917 года стало очевидным, что страна воевать не способна. Выход ее из войны был очень нежелателен западным союзникам России. В Россию была направлена французская делегация во главе с Альбером Тома, министром вооружений и масоном. В нее входил и Марсель Кашен, также масон, в будущем один из основателей французской компартии. Поскольку глава Временного правительства также был масоном, на него могло быть оказано влияние по «братской» линии. Многие исследователи видят в этом одну из причин того, что Россия не прекратила «на разумных условиях» безнадежную войну. В эмиграции, однако, русские масоны горячо доказывали, что русское масонство не было подчинено французскому.

В результате правительство утратило практически контроль над страной, и в октябре 1917 года большевики захватили власть с ничтожными силами, не встретив никакого сопротивления.

Таким образом, эпоху между Февральской и Октябрьской революциями можно считать периодом наибольшего влияния масонства в России. За это время произошло полное уничтожение государственной власти. С самых первых дней толпа убивала полицейских, жгла полицейские участки, горели дела преступников. Потом рядом целенаправленных мер разрушалась армия. Приходил в упадок транспорт. Либеральная агитация, которая велась и до того, точно так же разрушала духовные связи, соединявшие народ, – монархические и религиозные чувства. Все эти действия можно сравнить с введением в организм яда, который его парализует. Народ и оказался парализованным, люди перестали чувствовать себя единым народом. В таком парализованном состоянии власть могло захватить любое реши-

тельное меньшинство. Больше шансов было у тех, кто был готов идти на более радикальные меры.

Строй, установленный большевиками, они назвали «диктатурой пролетариата». Этому термину Ленин дал следующее определение: «Власть, осуществляемая партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами». Его близкий соратник Пятаков разъяснил, что главное – в *«несвязанности никакими законами».* Он пишет: «Все, на чем лежит печать человеческой воли, не должно, не может считаться неприкосновенным, связанным с какими-то непреодолимыми законами»; «тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Это и есть та идеология, в которой политический террор был лишь одной из деталей.

Я хотел бы указать на параллель с Великой французской революцией. Там тоже различаются два периода. Первый – это 1788–1790 годы: агитация за созыв Генеральных штатов, их конфликт с королем, взятие Бастилии, «поход на Версаль», водворение короля в Париж и власть жирондистов. Второй период – якобинский террор. В первый период почти все основные деятели принадлежат масонству. Цель – разрушение аппарата государства. Во второй период как раз все масонские лидеры гибнут на гильотине. Глава французского масонства герцог Филипп Орлеанский сначала распускает ложи, но потом все равно не избегает казни.

В продолжение этой аналогии можно указать, что не известно какого-либо заметного масонского влияния среди большевиков. После революции немногочисленные оставшиеся ложи, даже чисто мистические, преследуются. На IV конгрессе Коминтерна принимается даже резолюция о несовместимости принадлеж-

ности к масонству и к компартии. (Правда, я не могу объяснить, каким образом масонский символ – пентаграмма – стал официальным символом большевистской власти.)

Я далек от мысли, что описанная мною ситуация типична для всех проявлений масонства в истории. Видимо, масонство выработало две стратегии. Первая – чисто разрушительная. Это борьба с традицией, со скрепляющими народ связями – монархическими чувствами, традиционной религией, укоренившимися нравственными устоями, патриотизмом. В результате разрушается государство и в конце концов гибнут или вынуждены бежать и сами деятели этого направления. Их судьбу можно сравнить с судьбой раковых клеток, убивающих организм и гибнущих вместе с ним. В этом процессе масоны, конечно, не единственная действующая сила. Речь идет о разрушении того, что Макс Вебер называет «традиционным обществом», и замене его чисто городским, техническим, искусственным обществом, лишенным национальной и религиозной традиции. Здесь действует либерализм во множестве организационных форм, одной из которых является масонство. Один из наиболее глубоких исследователей аналогичных процессов во время Великой французской революции – Огюстен Кашен – замечает, что и тогда со «старым порядком» боролся целый слой людей, объединившихся в академии, клубы, секции, ложи. Он охватывает их единым понятием «малый народ» – как противостоящий всему «большому народу».

Но история Запада в XIX и XX веках указывает и на другую роль масонства в обществе, где уже победили либерально-демократические принципы: это управление через политические партии, средства информации, манипулирование сознанием.

В своем докладе я ставил себе цель иллюстрировать только первую из этих двух стратегий на примере одного периода истории своей страны.

Конечно, привлекательно было бы не оставаться только в прошлом, а попытаться узнать нечто о масонском влияний в *современной* России. К сожалению, об участии масонов в каком-либо событии обычно становится известно лет через тридцать или пятьдесят после этого события.

Тем не менее сообщения об открытии лож в современной России имеются. Например, французский журнал «Экспресс» уже в 1992 году опубликовал статью «Масоны завоевывают Восток», где сообщается об открытии многих лож в странах Восточной Европы, и в частности в России. Как пишет журнал, в обстановке абсолютной секретности и тщательного отбора были открыты ложи «Северная звезда» (от «Великого Востока» Франции), «Новиков» (от «Великой ложи» Франции), «Гармония» (от «Великой национальной ложи» Франции). На фотографии представлены члены ложи «Новиков» – участники путча 1991 года, приведшего Ельцина к власти. Журнал сообщает, что запланировано открытие еще одной ложи – «Свободная Россия». Предвидится создание независимого «Великого Востока России». В той же статье – жалобы на появление в России большого числа книг о масонстве, цитируются некоторые их названия, например: «Террористы из П2 возвращаются».

Еще раньше масонская пропаганда стала предметом передач радио «Свобода». Эта радиостанция, финансируемая конгрессом США и созданная как орудие «холодной войны», вещает на всю территорию бывшего СССР в течение 24 часов в сутки, и передачи ее имеют очень агрессивный антирусский характер.

Передача обрисовала масонство в самых теплых тонах и сообщила, что «Россия более других стран нуждается в масонстве».

К сожалению, все подобные факты не дают представления ни о размере масонского влияния в современной России, ни – что было бы важнее всего знать – о его характере. Впрочем, здесь все же вскрывается одна деталь. Радиостанция «Свобода» сообщает, что в Париже уже создана ложа, чтобы «способствовать распространению масонства в России». Ее адрес: рю Пито, 8 (8, ru Puteau). По-видимому, это здание традиционно принадлежало масонству, так как оно упоминается в одном старом документе еще 1924 года, на который обратил внимание М. В. Назаров. Это письмо одного эмигранта – масона невысокого градуса, находившееся у историка Николаевского, переданное им в фонд Гувера и опубликованное только в 1990 году. Автор сообщает, что побывал как раз на рю Пито, 8 и был очень смущен, когда оказался на празднестве, посвященном чествованию дьявола. Там читался акафист, восславлявший самого «героя дня», прерывавшийся возгласами «О, Сатана, брат Человека!» (O, Satan Frere des Hommes!). (NB. «Братьями» масоны называют друг друга.)

Впрочем, по таким совпадениям нельзя, конечно, делать выводы о характере современной масонской «работы» в России. Тот, кто проживет еще лет пятьдесят, узнает, возможно, нечто более конкретное.

1999.

Часть II

РУСОФОБИЯ У ВЛАСТИ

РАЗГОВОР НА ЗАПРЕТНУЮ ТЕМУ

– Написав «Русофобию», Вы как бы перешли запретную черту. У нас ведь можно спокойно обсуждать представителей всех национальностей. Но стоит приблизиться к евреям, как начинается вселенский шум: «антисемитизм», «черносотенство», «фашизм» и так далее. Как Вы отважились?

– После выхода «Русофобии» я пробовал собирать отклики. Потом бросил. К сожалению, девять десятых – не о том. Ведь работа-то называется «Русофобия». Она относится к России. Здесь народ стоит на грани: будет он или не будет... Но подавляющая часть отзывов – о другом. О том, что была затронута тема русско-еврейских отношений. Да, образовался какой-то невысказанный, но твердо всеми усвоенный запрет. И чем свободней себя считает общество, тем запрет жестче. Больше всего в Америке. Там я про себя такое читал – диву давался, что такое может быть в стране, которая называет себя цивилизованной.

– *Вы знали, на что шли.*

– Мне кажется, тут нужно рассматривать вопрос с разных точек зрения. Возьмем ученого. Предположим, он увидел, что в какой-то переломный момент в какой-то стране в революцию большую роль играет какая-то группа чем-то особых людей. Например, людей, которые выросли в семье без отца, или людей, которые в детстве переболели какой-то болезнью. Конечно, он бы заинтересовался: а в чем же связь?

Но здесь такой естественный вопрос оказывается запретным. Вопрос взаимоотношений двух наций, скажем ирландцев и англичан, можно обсуждать. А здесь – не важно, прав или неправ. Возмутительно, что это обсуждается.

– *Хотя, в сущности, что же здесь такого особенного?*

– Прежде всего, поразительность ситуации в том, что книга моя, по-моему, не антиеврейская. Я там не вижу – и никто мне не указал на это – ни одной мысли, которая бы была направлена против евреев как нации. Речь идет об определенном течении среди евреев. Еврейский народ очень динамичный, обладает большой силой – это видно из того, что он существует почти три тысячи лет. Большую часть своей истории он живет в рассеянии и в то же время не растворился. Но в нем есть очень много течений. Существуют, например, те, кто хочет ехать в Израиль и строить там свое национальное государство. Существуют религиозные фундаменталисты, которые хотят уйти в религиозную традицию и с внешним миром иметь по возможности меньше контактов. Существуют евреи, которые считают себя принадлежащими к тому народу, среди которого они живут. И есть одно течение, которое я описал в «Русофобии». Вот против этого те-

чения я действительно борюсь, потому что вижу, какой вред оно принесло России. Это течение как бы не чисто национальное. К нему легко примыкают силы, которые враждебны любой национальной традиции и которые играют колоссальную роль, особенно в средствах массовой информации, по всему миру. Именно нарушение запрета обсуждать этот вопрос вызвало такую их реакцию. Если бы это было то, что называется «Бей жидов, спасай Россию!», оно бы приветствовалось: вот вы видите, к чему приводит русский национализм, они становятся погромщиками! А раздражает, я думаю, именно выделение этого течения. Идея заключалась в том, что это течение нужно было замаскировать. Замаскировать среди еврейского народа с его длинной историей. Всякое возражение против них преподносилось как расовая ненависть по отношению к еврею как таковому.

– *Выделение – это что-то вроде снятия маски?*

– Да. И потому оно столь болезненно воспринимается. Я абсолютно уверен, что эти люди – не еврейские патриоты.

Это можно доказать как математическую теорему. Например, в Молдавии были демонстрации (а там примитивные антиеврейские чувства очень развиты), так вот демонстранты несли такие лозунги: «Утопим русских в еврейской крови!» Может ли быть более жуткий призыв к погрому? Но нигде в нашей прессе я не слышал никаких возмущений. Ни телевидение, ни пресса, ни депутаты против этого не протестовали.

– *Любая кровь хороша, если в ней можно утопить русских...*

– Да. Я был в Приднестровье. Расспрашивал людей. И вот, говорят, был такой лозунг. И другой: «Евре-

ев – в Днестр, русских – за Днестр!» И об этом – полное молчание. Почему? Потому что в то время было важно, что русских – «вон» или «утопим». В чем угодно, хоть в еврейской крови. Важен был раскол, раздробление России. И они еще меня обвиняют в том, что я пишу ужасные вещи, которые вызовут погромы. Время, прошедшее с тех пор, показало, что кого только ни громили в нашей стране, к несчастью: и армян, и русских, и таджиков. Евреев никто не громил. И я глубоко уверен, что еврейских погромов в России быть не может.

– *Да, они и сами не особенно верят в то, о чем говорят.*

– Но предположим, что кто-то в это верит. Тогда нужно прежде всего обращаться к тем, кто пишет и публикует вещи, одна цитата из которых может привести к погрому. Я привожу в «Русофобии» несколько образцов, которые можно было бы объединить заголовком «Они о нас»: «Россией привнесено в мир больше зла, чем какой-нибудь другой страной», «Собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу», «Византийские и татарские недоделки» и т. д. А как же печатать всю вещь? Это значит печатать погромную литературу. И ничего. Полное молчание. Нет, это не еврейские патриоты.

– *Так кто же они тогда?*

– Как бы это сказать? В результате тяжелой истории евреев, в результате их изоляции от остального народа накопилось много разных сил. И вот болезненные силы выкристаллизировались и выплескиваются в этом вредоносном течении, которому любая национальность на самом деле антипатична. В России – русская, а где-нибудь во Франции – французская.

– Но на России они сконцентрировали внимание потому, что она представляет для них большую опасность?

– В данный момент – да. Пожалуйста, в России можно написать «Русофобию», а в другой стране нет. Во Франции, например, вышел перевод моей книги, так там и судом грозили, и газеты писали: как это возможно! А Россия этим силам еще не полностью подчинилась.

– Вы написали «Русофобию» в 1980-е, самые, в этом смысле, глухие времена. Жизнь подтвердила Ваши выводы полностью?

– Более чем подтвердила. Все элементы, которые были тогда, проявились и сейчас, но только как через какой-то репродуктор бесконечно усиленные. Тогда я, как археолог, по косточкам восстанавливал динозавра. А сейчас этот динозавр ходит живой. Мы его видим, он на нас охотится. Ничего восстанавливать не нужно. Тогда книги, цитаты из которых я приводил, печатались в самиздате или на Западе. Сейчас это печатается у нас массовыми тиражами, вдалбливается через телевидение. Происходят вещи, которые мне тогда при всей фантазии не приходили в голову. Например, по телевидению показывают такую сцену. Тазик. Выводят свинью. Ставят в этот тазик и начинают мыть. Говорят, показывая пальцем на свинью: «Это Россия». Потом на глазах у зрителей свинью убивают. Режут на куски. Льется кровь. Куски раздают веселым, смеющимся участникам...

– Неужели это возможно? Среди нормальных людей?

– Газета «День» подала тогда в суд на эту телепрограмму. Им ответили, что оснований для судебного разбирательства нет.

– А если бы в роли жертвоприносителей были русские, а свинья олицетворяла Израиль?

– Невозможно и представить... Я как-то попробовал такой эксперимент. У Гроссмана есть книга «Все течет», где о России – жуткие страницы. Дескать, вся ее история – это история рабства. И что какая же загадка может быть в душе раба и т. д. Я подумал: а что, если взять все обвинения, которые против евреев выдвигают их враги (что евреи – паразиты, что они ничего не создают сами, что они эксплуатируют другие народы), и написать такую вещь – «Что же за тайна в душе эксплуататоров?» Я начал писать. Написал две фразы. Дальше – рука не поворачивается. Мы привыкли, что писать такое невозможно по отношению ни к какому народу. Кроме русского.

– Мы все стерпим. Такие мы великодушные. А может, есть смысл кое-чему поучиться у евреев? Посмотрите, у них нередко одно упоминание фамилии со специфическим окончанием вызывает обвинения в разжигании национальной розни. Наверное, и нам надо быть более нетерпимыми к оскорблениям в свой адрес. (Вот сказала и чувствую, что, как пить дать, обвинят меня в разжигании этой самой розни. Или в великодержавном шовинизме, на худой конец.)

– Тут происходит подтасовка. Я уже говорил, что речь идет не о евреях вообще, а об определенном течении в еврействе. Но это полностью игнорируется. И нам говорят: смотрите, этот человек уверяет, что евреи – это то-то и то-то... И на этой базе происходят все дискуссии. Я представляю себе свою психологию – русского патриота. Есть в истории России, как и в истории каждого народа, эпизоды, которые мне неприятны. Я предпочел бы, чтобы этих эпизодов не было.

Но, во-первых, я признаю право каждого человека писать об этом. Например, поляков – о том, что Суворов брал Варшаву. А во-вторых, если бы появился какой-то писатель, который сказал: «Плохое относится не ко всем русским, у них было некоторое течение, им чуждое», – я бы как русский патриот за это ухватился. И здесь люди, если бы они были еврейскими патриотами, тоже должны были подчеркивать эту сторону. А они ее всячески замазывают. На Западе фактически известна не «Русофобия», а статьи о ней, в которых дается фальшивое ее изображение. Они трактуют дело так, как это должен был бы трактовать человек, враждебный евреям, а вовсе не такой, который исходит из соображений еврейского патриотизма.

– В России чуть ли не сразу после революции действовал закон об антисемитизме. Вы знаете его точную формулировку?

– Он опубликован в официальных изданиях. Там есть потрясающая мысль: ведущих антисемитскую агитацию надо ставить вне закона. Вдумайтесь: закон, который предлагает ставить вне закона... Это первый и в каком-то смысле главный закон ленинского правового мышления.

– Тут, наверно, не Ленин, а Троцкий, скорее всего, постарался.

– Троцкий в своих воспоминаниях пишет, что еще накануне октябрьского переворота подготовил закон против «погромщиков». Когда переворот произошел, он показал его Ленину. Владимир Ильич подумал и сказал: правильно. Творчество было совместное. Так что мы учили в школе про первые декреты советского правительства – «О мире», «О земле»... А оказывает-

ся, был еще более ранний, «минус первый» – «Против погромщиков».

– А никому не приходило в голову поспособствовать закону о русофобии?

– Собирались. Сейчас закона об антисемитизме нет. Есть статья о разжигании расовой ненависти. Вот заклание России в виде свиньи под это определение не подходит, а высказывания на еврейскую тему – часто несимпатичные мне по своей примитивности и грубости, – они, оказывается, подходят. Да вот еще пример. Идет по кинотеатрам фильм. Называется «Бакенбарды». Что же это за бакенбарды? А это пушкинские бакенбарды. В маленький городок приходит компания молодых людей, отрастивших бакенбарды, одевшихся по-пушкински. Они устанавливают там что-то вроде фашистского строя, все время декламируя стихи Пушкина. Стихи Пушкина – как признак русского фашизма! Как опознать русского фашиста? Это тот, кто любит стихи Пушкина. Фильм этот показывали и по телевидению. Может, и у вас в Омске он шел.

– В Омске сейчас идет в основном американская пошлятина. Но объясните мне, как это возможно: люди, выросшие на нашей земле, вскормленные молоком и хлебом, способны на подобное кощунство?

– Я бы не относил это так уж целиком к евреям. Сколько чисто русских людей стоит на такой же точке зрения. Это вот как раз тот слой людей, о котором я и писал. Достоевский приводит диалог с одним западником. По какому-то поводу было сказано: народ этого не допустит. «Так устранить народ», – сказал западник спокойно и величаво. Спустя пятьдесят лет это пример-

но и произошло. Народ не хотел отказываться от своих традиций, его и устраняли.

– *Но все-таки у русских не поднялась рука на Царя?*

– Тут есть объяснение. Моего отца во время гражданской войны водил расстреливать китаец. Отец передавал свои впечатления. Очень страшно было, потому что этого человека ничем не проймешь. Начнешь ему говорить: отпусти меня, у меня семья, родители – он тебя не поймет! Для него это какое-то бессмысленное лепетание. Чем человек ближе к стране, тем ему труднее поднять на нее руку. И наоборот. Чем дальше, изолированнее, тем легче. Поэтому среди евреев легче было вербовать этих людей. Хотя и в убийстве Царя участвовали русские. Подобная ситуация происходит в любой стране. Во время английской революции очень большую роль играли сектанты, которые понаехали из Голландии. Во Франции необыкновенно большую роль играли протестанты. Всегда такие изолированные меньшинства легче участвуют в разрушительных акциях. Хотя вот у Синявского поднялась на Россию рука, а он русский, никаких сомнений нет.

– *И чем же Вы это объясните?*

– Вся моя «Русофобия» – об этом. В истории много раз наблюдалось явление, когда то в одной стране, то в другой появляется слой, который этому народу противоположен. Но он хочет властвовать над этим народом, он хочет кроить его историю, как сам захочет. Поэтому ему нужно индивидуальность этого народа отрицать, подавлять любыми способами, рассматривать народ как просто материал, как бетон, например. И вдруг бетон начинает говорить: а у меня есть тысячелетние традиции, былины...

– *Не могу этого понять. Была же у Синявского русская мать и русская деревня или город, где он родился...*

– И у Бухарина русская мать была. Но он с детства начал мечтать о том, что, может, он – антихрист. Прочитал, что антихрист должен родиться от блудницы. Спрашивал мать: может, она блудница? И очень был огорчен, когда его разочаровали.

– *А как родился миф о рабской душе русского человека?*

– Это такой агитационный штамп, который мы сейчас часто видим: «красно-коричневые», «имперское сознание» и т. д. Он всегда отталкивается от чего-то реального. Его и используют как оружие против русских.

– *То есть нашу доброту, отзывчивость, терпимость, перевернув вверх тормашками, умудряются поставить нам в вину?*

– Есть социологические исследования, которые по пословицам пытаются выяснить, какие черты у нас чаще всего положительно характеризуются. На первом месте стоит спасение, на втором – терпение. А в некоторых пословицах терпение дает спасение. Это действительно необыкновенная особенность русского народа. Стремление решить проблему не за счет кого-то, а за счет своих внутренних сил. Любящий человек увидит это. Но с точки зрения врага из этого легко сделать облик раба. Вот представьте себе: русские – рабы. А попробовали у нас изменить способ креститься – и произошел страшный раскол: тысячи людей сожглись ради этого. Такова была реакция «рабов». А в Англии король Генрих VIII решил сменить религию. И что же? Я лично знаю про три восстания, потому что специально интересовался. Были они очень мелкие и не привели

ни к каким результатам. Позже его наследники вносили одни догматы, другие, так что через 50–70 лет в Англии никто точно не знал, во что он должен верить. В Германии, когда кончилась 30-летняя война, был подписан мир, в котором пришли к такому решению: чья власть, того и религия. Если какой-нибудь князек – протестант, то подданные все должны быть протестантами. А если в соседнем княжестве – католик, все – католики. Так манипулировать религиозными чувствами в России было абсолютно немыслимо.

– Нужно иметь в высшей степени непогрешимую репутацию, чтобы направо и налево бросать обвинения в рабской психологии. А что, если под таким углом зрения посмотреть на создателей этих штампов?

– Всю мою молодость я помню гвалт отвратительной, совершенно фальшивой пропаганды. Для меня было важно не то, согласен ли я с диктатурой пролетариата, уничтожением частной собственности и т. д., а то, что я чувствовал: пропаганда эта лживая, люди, которые пишут, сами в это не верят. Но ведь главными лицами в этой пропаганде были евреи. Заславский, теперь забытый Кольцов – настоящая фамилия у него какая-то другая. И тот же Гроссман, который где-то подпольно писал свои обличительные романы, во время войны писал о героизме народа, его «аввакумовском духе». Судя по всему, он не верил в то, что писал, не любил народ, про который позже писал, что это «народ рабов». Не может же в одной груди два сердца биться. Значит, он писал – на заказ. Разве это не рабская душа? Он подписал Сталину письмо с требованием самой суровой казни для «врачей-убийц», то есть своих же собратьев по крови. Чему он верил? Чему не верил?

– *Это не рабство, это, скорее, лицемерие.*

– Человек, который готов по заказу лицемерить и делать это еще своей профессией, – что же может быть более рабским поведением?

– *Почему такое ожесточенное сопротивление встречают любые попытки возрождения русского национального самосознания?*

– Россия оказалась жертвой эксперимента. Когда произошла революция, сторонники коммунизма говорили – и это звучало как величайший комплимент, – что в России проводится блистательный эксперимент. Академик Павлов, великий ученый, жуткие слова сказал в виде тоста на каком-то банкете: «Я сам экспериментатор, ценю смелые эксперименты и поздравляю наших руководителей с одним из самых смелых экспериментов, которые делались в истории». (Может быть, это была ирония?)

Мне всегда казалось, что гнусностью являются эксперименты Павлова над собакой. А он приветствовал эксперименты над русским народом. Это происходит до сих пор. И сейчас над нами ставят эксперимент. Можно привести слова Гайдара, Бурбулиса, многих других, когда они говорят: то, что мы делаем, – это смелый и решительный эксперимент. Как же можно проводить эксперимент над живым существом, которое имеет свои твердые взгляды, традиции? Оно не дастся. Чтобы провести эксперимент, нужно ввести наркотик, вшить какие-нибудь электроды. Чтобы он был покорным в этом эксперименте. Превращение России в такую покорную жертву эксперимента – это и есть уничтожение русского национального самосознания.

– *С «Россией-рабой» в качестве наркотика?*

– Достоевский больше ста лет тому назад говорил: они хотят заставить русского забыть о своей истории,

а что было, того заставить всю жизнь стыдиться. Вот это и есть наркотик. И все продолжается до наших дней. Недавно вышла книжка «Ледокол», где автор с большим хвастовством говорит: я – палач. Я хочу уничтожить единственную еще до сих пор не оплеванную святыню, которая есть у русского народа, – его роль в Великой Отечественной войне. По-моему, это чисто рыночная реклама: вот я еще такой плевок сделал в Россию, которого никто не делал. Покупайте.

Когда организм ослабевает, в нем начинают размножаться бактерии, бациллы какие-то. Мне часто говорят: это же, мол, оскорбительно по отношению к русским считать, что влияние различных меньшинств было сильно в революции. Но ведь от маленькой бациллы погибает большое животное, и никому не приходит в голову, оскорбительно это или нет. Тут противостояние совершенно на другом уровне. На чисто духовном. Когда численность дела не решает.

– Кстати, об участии евреев в революции. Об этом пишут мало и неохотно.

– Да нет. Сейчас много пишут. Иногда даже преувеличивая. Или пишут неаккуратно. Человеку хочется что-то такое высказать, и он хватает, не проверяя, любые факты.

– Но все-таки все сводят в основном к статистике: столько-то евреев было в правительстве, столько-то в ЧК. А глубокого анализа нет.

– Согласен. Мне кажется, когда дело касается такой великой трагедии в нашей истории (сколько людей пострадало в гражданскую войну, в коллективизацию, сколько погибло в лагерях!), недопустимо превращать ее в палку, чтобы бить друг друга в идеологической борьбе.

Надо как-то благоговейнее относиться к этому. Как средневековый монах, который писал летопись. Он постился перед этим, молился, затем приступал. Надо потратить на изучение этого большую часть своей жизни, а тогда сметь об этом говорить. А сейчас часто пишут о нашей истории в полемическом газетном стиле.

– Игорь Ростиславович, нам ведь помимо склонности к рабству приписывают еще одну специфическую черту – жестокость. Мы что, единственные злодеи во всей истории?

– К сожалению, история состоит из жестокостей, вплоть до наших дней. Сама Библия полна невероятных жестокостей. Царь Давид клал людей под пилы, под железные топоры, бросал в известковые печи. Истребляли целые города, все, что дышит.

– А что это за история, в которой фигурирует 75 тысяч жертв?

– Это книга Эсфири. В ней описано умерщвление евреями 75 тысяч своих врагов, включая женщин и детей. Теперь возражают, что в древние времена всегда преувеличивали. Но страшно не то, сколько было погибших, а то, как это воспринимается сейчас. До сих пор мрачное древнее событие отмечается как праздник. В Израиле по этому поводу ежегодно проходит веселый карнавал. Если бы Варфоломеевскую ночь католики до сих пор отмечали как праздник, каково было бы к этому отношение? А почему так много евреев оказалось в ЧК? Это поразительно! Читаешь совершенно неподобранную литературу и, где ни возьмешь следователей – в Киевской ЧК, Одесской, Туркестанской, – всюду встречаешь эти фамилии. А ведь процент евреев был очень небольшой. Это означает, что

жестокость не чужда каким-то слоям и течениям в еврейском народе.

– Мы все время говорим о русском национализме. О латышском, казахском. А еврейский национализм существует?

– Конечно. Я бы даже сказал, есть несколько типов еврейского национализма. Есть еврейские националисты, которые стремятся в Израиль, чтобы строить там свое чисто национальное государство. А есть такие, которые свою принадлежность к еврейству воспринимают как возможность увеличить свое влияние во всем мире. Между ними существуют трения. Думаю, реальной силой для мира являются евреи, не прикрепленные к своей национальной земле, рассеянные по всему миру, но и не желающие раствориться, перестать себя чувствовать евреями. И в то же время не желающие, чтобы это было видно. Когда подлинное их лицо каким-то образом проясняется, это вызывает взрывы крайнего раздражения.

– Так что же все-таки это такое – антисемитизм?

– Для меня это вопрос не новый. И обвинение знакомо. Двадцать лет назад меня обвиняли в том, что я – антисоветчик. По своей логической структуре это одно и то же. Термин, который выдумали для того, чтобы создать, как говорят, образ врага. Он нарочно неопределенный. Когда говорили – антисоветчик, я спрашивал: объясните мне по-человечески, что это значит? Вы считаете, что я продаю какие-то государственные секреты, что я враг своего государства? Или когда я говорю, что здоровых людей по политическим причинам сажают в психиатрическую больницу, то об этом говорить не следует? Нужно их сажать? Сказанное всегда отметалось

с большим раздражением. Сам мой вопрос и был «антисоветским». Здесь – то же самое. Антисемитизм – это такой глобальный термин, который должен вызвать какие-то смутные эмоции. Такой прием управления массовым сознанием. Я задавал вопрос, который Вы задали мне. Сколько я получил возражений на свою статью! И никто не удосужился сказать, что это такое. Вот вы антисемит. Это ясно. А что такое антисемит – непонятно. Это значит, что я враг еврея как такового? Его типичных внешних черт? Черт психологии каждого еврея? Или я призываю вытеснить евреев из школ, ограничить как-то их возможности? Или я хочу уничтожить евреев, как, скажем, в гитлеровской Германии? Никто никогда на этот вопрос ответа не дает. Вот есть такой Янов – он человек простодушный – сказал: в лагере врагов национализма обвинение в антисемитизме это есть атомная бомба. Правильно. Это такая атомная бомба, которую можно сбросить – и все испугаются. И возмутятся одновременно.

– *Формулировке не поддается?*

– Это то, что какому-то еврейскому течению неприятно. Это способ заткнуть оппоненту глотку: молчи, а то тебе будет плохо.

– *Как же спастись от этого напора? Что противопоставить?*

– Я думаю, свою национально думающую интеллигенцию, для которой идеалом является Россия. Которая любит русскую традицию, дух русской истории, русской литературы. И исходя из этого, искать путь, как нам выйти из кризиса. И отстоять право обсуждать любые свои проблемы, независимо от того, нравится это кому-то или нет.

1998.

Беседу вела Г. Кускова.

КТО ПРАВИТ РОССИЕЙ

Зима 1998/99 года оказалась крутой не только из-за холодов, но и по накалу политических страстей. Сначала бывший вице-премьер Российского правительства Альфред Кох произнес гнусные слова о России из Америки, следом (в связи с ответными высказываниями генерала Макашова) была развернута истерическая кампания о мифической угрозе «государственного антисемитизма» в России, которая докатилась до Израиля и принятия соответствующей резолюции Европарламентом. Этому и был посвящен разговор главного редактора журнала «Русский дом» Александра Николаевича Крутова с академиком, автором книги «Русофобия» Игорем Ростиславовичем Шафаревичем.

– Игорь Ростиславович, на Ваш взгляд, что происходит с Россией, обществом, почему такая неадекватная реакция, такая истерия по поводу высказываний, пусть достаточно жестких, генерала Макашова?

– У меня впечатление, что это отчасти организованная кампания, некий залп по общественному сознанию. Но, мне кажется, последствия будут совершенно не те, которые организаторы планировали, потому что проблема выдвинута очень существенная для нашего общества. Прежде всего по поводу самих высказываний. Отреагировали на них действительно с размахом, прямо как во времена процессов над «врагами народа», все выразили «гнев и ненависть»: президент собрал министров-силовиков, точно война начинается, возмутился Совет Исламского духовенства, и мэр Москвы, и несостоявшийся президент Руцкой, и Кириенко, благодетель народа. Израильский посол сделал внушение Зюганову.

Наконец, Березовский потребовал запретить КПРФ. Наверное, надо тогда уж запретить или упразднить и 30 миллионов, которые за нее голосовали? *Поразительно, что телевизионный экран дрожит от воплей, но никто не говорит, в чем, с его точки зрения, криминал в высказываниях генерала.*

Вспомним, что же он сказал. Что если придут по его душу, то он с собой унесет 10 человек. Подумал и добавил: жидов. Употребил слово, которое в современном русском языке, несомненно, имеет бранный характер. Когда-то, например в пушкинские времена, это было обычное название евреев. В близких нам по языку Украине и Польше евреи и сейчас так называются, а в Германии они называются близким словом «юде». Немного изменившись, слово перешло к нам. Уж не важно в конце концов, по чьей вине оно сделалось бранным и обидным. Но адекватна ли обида, особенно если сравнить с тем, что нынче говорят и пишут по поводу России и русских? Ведь это несопоставимо, как мышь и гора. Например, такой персонаж, как Новодворская, специализируется на эпатаже такого рода, можно сказать, играет штатную роль шута, рыжего на ковре. Но дело не в самом клоуне, а в том, кто содержит цирк. Она говорит, что 400 лет русские находятся в состоянии маниакально-депрессивного психоза, когда больной «делает» под себя, что они рабы, что русским место у параши. И эта дама не сходит с экранов, участвует в дискуссиях, ее приглашают в «герои дня». Идешь в университет – большая афиша: встреча студентов с Новодворской.

Или приведу запомнившиеся названия, высказывания из статей. «Русский вызов и комплекс неполноценности». Совет русским наконец стать приличными людьми, которых уважают. Или статья «Отцеубийство как

русский вопрос». Или еще одна, где разъясняется, что Россия – это расплывшаяся баба, которую муж, он же сын – русский народ – не может сексуально удовлетворить. Причем все это в заборных, грязных выражениях. Или что Россия – это паноптикум наций, связанных искусственно созданными бедствиями. Или что русские не люди, но и не звери, а что-то промежуточное между человеком и фауной, что Россия опасна для человечества, как атомная бомба. Или по телевизору показывают свинью и говорят, что это Россия с ее отсталостью и комплексами, которые исправить нельзя. Свинью сначала моют в тазике, потом режут на куски и раздают улыбающимся участникам действа. Или, например, фотография, недавно обошедшая ряд изданий (прямо как директивный документ), я ее видел в журнале «Итоги»; там изображена корова, человек заглядывает ей под хвост, и подпись: «Путешествие в глубь России».

Ну разве вся эта вакханалия сопоставима с одним бранным словом по отношению к евреям? Ведь генерал не приписал евреям принципиально порочную наследственность, не обличил сомнительную историческую роль, как это много раз делали в отношении русских. Новодворскую как-то пытались судить, но такой крик поднялся! *Те, кто тогда защищал Новодворскую, ее право оскорблять целый народ, теперь с яростью нападают за гораздо менее оскорбительные суждения на Макашова. То есть двойной стандарт: эти правила для вас, а эти – для нас.*

Второе криминальное высказывание генерала – чтобы в органах государственной власти было пропорциональное представительство по национальному признаку. Конечно, практически это нереально, это эмоциональное суждение, скорее, крик души. Но проблема пропорционального представительства существует. Поразительно,

что все выступают против Макашова и никто не говорит, как он сам-то относится к этой проблеме. Один мог сказать: я не согласен с Макашовым, евреи представлены пропорционально. Другой мог бы сказать, что правильно, пусть их будет в 10, в 100 раз больше, это естественно, потому что они талантливей, способней, разумней ведут политику. В любом случае какая-то точка зрения. Однако никто ничего не говорит, происходит некое внушение, что говорить на эту тему нельзя, вводится табу.

Между тем вопрос национального представительства возникает в разных ситуациях в мире. Только что НАТО под прицелом ракет заставило Сербию подписать соглашение, по которому в Косово милиция организуется на принципах пропорционального национального представительства. Или в американских университетах существует программа, которая должна обеспечить, чтобы различные национальные меньшинства и представители слоев населения и районов в университете были представлены равномерно. Конечно, в Соединенных Штатах имеются в виду цветные, а если бы этот принцип попытались применить к евреям, такой университет, наверное, сразу бы перестал существовать. Но там, например, есть постановление правительства: если на предприятии процент цветных рабочих существенно меньше, чем процент цветных в штате, то предприятие лишается права на государственный заказ.

То есть существует принцип, остается рассуждать, разумный он или не разумный. Но нас от этого уводят. И абсолютно непонятно, что вызывает такой ужас? Я, по крайней мере, не понимаю, действительно все они испытывают ужас или это хорошие актеры, которые изображают ужас, – те, кто по телевидению нам говорит о Макашове. А о том, что действительно вызывает ужас, сообщается спокойно, без эмоций: что в Третья-

ковке регулярно подбирают школьников, упавших от голода в обморок во время экскурсии, что население сокращается на миллион в год, что страна начинает голодать и вымерзать, голод и холод уже охватили Север и через несколько лет это ждет и нас. Не стоит об этом говорить, важно говорить только о том, что Макашов произнес слово «жид».

И если бы это было впервые! То, что происходит сейчас, кажется иллюстрацией к письму, которое Куприн написал девяносто лет назад, в 1909 г.: «Где-нибудь в плодородной Самарской губернии жрут глину или лебеду – и ведь из года в год! – но мы, русские писатели... испускаем вопли о том, что ограничен прием учеников зубоврачебных школ». И еще: «Ужасно то, что все мы сознаем это, но во сто раз ужасней то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно иносказательно обругать Царя и даже Бога, а попробуй-ка еврея! Ого-го!» А ведь вся эта ситуация сказалась вскоре в революции, гражданской войне, она готовила «чекистов в пыльных шлемах».

Вспомните, лет 8–9 назад был всплеск такой же истерики, залп обвинений обрушился тогда на общество «Память». Пресса кричала криком, и наша, и западная, даже европейский парламент постановление принял, требующее запретить это общество. А поводом был знаменитый инцидент в Доме литераторов – интересно, помнит ли кто-нибудь, что там произошло. Группа литераторов крайне демократического направления хотела организовать вечер, а туда проникли представители этого самого общества «Память» с лозунгом: «Сионисты, уезжайте в Израиль». Их стали выталкивать, в потасовке разбили чьи-то очки. И тогда был залп обвинений: «Фашизм, нам грозят погромы», был

целый ряд статей, где указывался точный день погрома – почему-то день святого Георгия. И действительно, погромы вскоре начались: били и избивали кого угодно, только не евреев. В Алма-Ате, Сумгаите, Фергане и так далее. И вот тогда в американской эмигрантской газете «Новое русское слово» была умная статья Говорухина: что же делается, в Туве и Душанбе сжигают людей, сдирают кожу, а пресса талдычит об инциденте в ЦДЛ. Нормальный читатель, говорил Говорухин, почешет в затылке и скажет: «А может, правы те, кто утверждает, что евреи захватили прессу, радио, телеграф?»

И это действительно так: сейчас происходит муссирование, выпестование антиеврейских настроений в обществе. Проблема выходит за пределы одной страны. Тогда, 8–9 лет назад, тоже происходила демонизация России в мировом общественном мнении: дескать, это страна с антисемитским потенциалом, где верховодят погромщики. Одна из статей в американской газете так и называлась: «Возвращение русского кошмара». Второй раз на наших глазах происходит интеллектуальный расстрел русского национального сознания. Конечно, тут же выстраивается линия: национализм – фашизм – антисемитизм. Якобы все это отрицательные последствия русского национального самосознания. Долго ли народ может выдержать такие психические атаки?.. В 1938 г. был арестован Туполев, а он был очень волевой, физически крепкий человек и не хотел подписывать на себя всякую напраслину. Так его четыре раза водили на расстрел и расстреливали холостыми зарядами. Вот Россия раз за разом претерпевает такую экзекуцию.

Самое главное, что за эмоциональными высказываниями генерала Макашова стоит реальная проблема, которую люди все больше осознают. Это проблема русско-еврейских отношений, вопрос о влиянии еврей-

ского меньшинства на решение русских дел. На этот счет есть целый ряд высказываний людей, которых никак не заподозришь в том, что они агенты «Памяти», антисемиты, фашисты. Например, Леонид Радзиховский, известный у нас публицист, напечатал в той же американской русскоязычной газете «Новое русское слово» года три назад статью под названием «Еврейское счастье». Там он говорит, что почти все крупнейшие банки Москвы возглавляют евреи, и перечисляет, кто каким банком руководит. Евреи, говорит он, сегодня составляют огромную часть российской элиты – и политической, и коммерческой. Или вот коллективное интервью пяти виднейших московских банкиров, приехавших в Израиль. Эта пленка ходит по рукам, я ее тоже просматривал. Они говорят, например, что более половины финансового капитала России находится в руках еврейского бизнеса, о своем влиянии на правительственные назначения, о финансовой поддержке президентской избирательной кампании. Или совсем недавнее сенсационное письмо в газете «Аргументы и факты» еврейского писателя Тополя к Березовскому «Возлюбите Россию, Борис Абрамович». Автор говорит: «Впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране». Он использует такой образ: есть программа «Куклы», и там куклы: Ельцин, Черномырдин, Лужков, Лебедь, но руководит ими кукловод, фамилия которого Шендерович. Вот и в нашей политической жизни те же куклы, а у кукловода, как он говорит, длинная фамилия Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский. И цитирует Березовского: «Мы, конечно, видим, что финансовая власть находится в еврейских руках». Я не обсуждаю главную часть этой статьи, а только эту, так сказать, констатацию. Не «Память», не фашисты, не антисемиты указывают на это явление, и надо его осознать.

Явление заключается в том, что в течение XX в. Россия дважды переживала кризис и оказывалась на грани своего существования. Первый раз – после 1917 г., а второй – сейчас. И в обоих случаях в России громадную, абсолютно непропорциональную роль играло еврейское меньшинство. Оба раза страна была разделена, и оба раза активное еврейское меньшинство оказывалось целиком в одном из лагерей. После революций 1917 г. и гражданской войны группа еврейских авторов издала в Берлине книгу именно об этом («Россия и евреи»). Они характеризуют еврейское участие в революции как «факт безусловный, который надлежит объяснить, но который бессмысленно и бесцельно отрицать». Думаю, это полностью относится к сегодняшнему дню. Мне кажется, что это касается и русского, и еврейского народа и должно быть осознано в той мере, в какой каждый из этих народов способен осознать свою историю.

Радзиховский в статье «Еврейское счастье» подсчитывает, что «в еврейской сфере» с полукровками, с женами евреев и так далее находится три миллиона человек. И мне кажется, что вся эта кампания, вся эта телевизионная истерика совершенно не соответствует интересам этих трех миллионов. Посол Израиля встречается с нашими политическими деятелями, оказывает на них давление в связи со словами Макашова, а в Прибалтике в это время маршируют тамошние части ветеранов СС под своими знаменами, в своих мундирах. Их не обвиняют в том, что они участвовали в истреблении евреев, и посол Израиля никакого беспокойства не выражает. Если речь идет о нанесении ущерба России, то еврейскими интересами можно пожертвовать. Иными словами, вся эта кампания – акция всполошившегося меньшинства, но она дает повод задуматься о существенных событиях уходящего века.

Я имею полное право исходить из интересов своего народа, считаю, что для нас действительно сложилась драматическая ситуация. Возможно ли это – целому народу осознать свой исторический опыт? Иногда такое происходит. Например, спустя несколько столетий после татаро-монгольского разгрома дух политической жизни обновился: «распри князей» сменились сплочением, объединением вокруг одного центра. Русский опыт XX в. невозможно сформулировать «из головы», но первый шаг кажется очевидным: мы должны отстоять свое право обсуждать и обдумывать собственные проблемы. Сознание народа находится под колоссальным давлением. Нам не разрешают обсуждать свои русские дела, тут же начинаются крики, вопли, истерика, угрозы суда. Хотят навязать нам некое табу, иррациональный запрет. Ну вот как у первобытных народов некоторые действия запрещены не потому, что приносят вред, а просто одна только мысль о них вызывает иррациональный ужас.

Мы должны завоевать право обсуждать и строить свои отношения с кем бы то ни было: с чеченцами, с евреями, с американцами – не извиняясь на каждом слове, не доказывая, что мы не фашисты. И вот это, по-моему, и есть наша задача сейчас, трудная, но реальная: «не шепотом в интимной обстановке», как писал Куприн, а вслух, спокойно, с достоинством говорить о своих русских проблемах, нравится это кому-то или нет. И в каком-то смысле, если бы этого удалось добиться, это была бы победа не только для русских, но и всемирно-историческая победа, потому что такой же запрет существует во всем мире. Если он преодолен где-то, он будет преодолен и в других местах. Такая же точно ситуация существует и в Соединенных Штатах, и в Англии, и во Франции, и в Германии, в некоторых

отношениях даже более жесткая, иногда просто судом грозят за обсуждение тех или иных вопросов истории своего народа.

Хочу подчеркнуть: это очень важный и существенный вопрос, но это еще не ключ к нашему будущему. Это все же некое внешнее воздействие на русский народ, на нас, на нашу историю. Ключ к будущему человека и народа – это его внутренняя ориентация, его внутренние ценности, которые определяют его развитие. И сколько раз так было: казалось, все уже ясно, зло сосредоточено в частной собственности, и очень неглупый человек Лев Толстой пишет Николаю II: отмените частную собственность на землю, и вы уничтожите главное зло. Вот его бы в 1930-е годы воскресить, дать ему посмотреть, как уничтожали частную собственность на землю и много ли счастья крестьянам выпало от этого. А сколько я видел людей, которые были твердо уверены, что коммунизм – вот главное зло, коммунистическая партия контролирует наше материальное положение, наше мышление, пронизывает и парализует всю жизнь. И что же? Компартии нет, коммунистический строй разрушился, а зло не исчезло, жизнь стала еще хуже. Горбачевское Политбюро состояло из чистых русаков, там даже, в отличие от брежневских времен, украинцев не было. Временное правительство тоже состояло из чисто русских людей. То есть мы сейчас говорим об очень важной проблеме, но было бы ошибкой принять ее за ключ, который откроет путь к решению всех остальных проблем.

– Игорь Ростиславович, Вы советуете легализовать и объективно рассмотреть русско-еврейский вопрос, обсудить его, как водится меж нормальными свободными людьми. Где, по-Вашему, это возможно сделать?

– Сейчас, конечно, таких мест мало, по пальцам перечесть, включая ваш «Русский Дом». Но надо добиваться, чтобы их стало больше. Например, парламентские слушания в Думе устроить, а может, заседание Думы. Это, конечно, утопия, но в принципе – почему нет? Это когда-нибудь станет возможно. Собрать перед экраном телевизора представителей разных точек зрения, каждому дать достаточное время и познакомить с этим слушателей. А слушатели уж сами пусть решают, без Киселева и Доренко, они сами разберутся. Надо только познакомить с разными точками зрения, фактами, аргументами, которые у людей есть. У одних одни, у других другие.

– Нам говорят: Россия страна многонациональная, нужно ли ставить такие вопросы – русско-еврейский, русско-тувинский, русско-татарский? Это взорвет Россию.

– Положение национальностей в нашей стране – тема одной из первых работ, которую я написал лет 20–25, наверное, назад, она называлась «Обособление или сближение». Тогда в СССР был абсолютный запрет на обсуждение национальных проблем. Варьировалась тема нерушимой дружбы и создание новой исторической общности – советского народа. Ну что ж, этот вариант отношения к жизни мы, можно сказать, проверили: проблемы подавлялись силой, а как только сила ослабла, все взорвалось, как паровой котел. Жить рядом легче, когда проблемы не подавляются, а дружески, не агрессивно, без злобы, обсуждаются. Если нам надо делить доходы от нефти, давайте обсудим, как сделать, чтобы мы все вместе меньше потеряли при дележе этих доходов. Если речь об образовании, и это можно обсудить. Опыт человечества не обнаружил другого способа решения проблем, кроме обсуждения.

– Сейчас русские отмечали 300-летие взятия Казани, где томились 100 тысяч русских пленников, а татары-националисты – трагедию завоевания столицы татарского ханства. Как в этой ситуации поступить? По разным улицам идти праздновать?

– Если говорить о конкретном случае, то это вообще какое-то недоразумение. Потому что Казань – это фактически смещенная на несколько верст столица Булгарского царства, которое было завоевано татарами на год раньше, чем Россия. И теперешние казанские татары – это потомки булгар, которые в каком-то смысле даже больше под пресс попали, чем русские, в конце концов приняли даже ислам. И разрушение Орды позволило им более свободно существовать в пределах России. И они сами это ощущали: уже столетие спустя во время Смутного времени, когда нужно было освобождать страну, татарские полки пришли на помощь русским. Практически, я думаю, русские не помнят татарского ига, не копят в себе этих воспоминаний, хотя оснований у них больше, чем у современных татар. Я думаю, что у татар проявляется идеология недавно возникшей национальной элиты, которая выигрывает от разделения по национальному признаку экономически, политически и социально.

– Вы ввели понятие «малого народа». Одна из его отличительных характеристик – русофобия. Казалось бы, после разрушения Советского Союза и прихода к власти демократов в 1991 г. русофобия должна исчезнуть, потому что признаки, по которым можно было не любить русских, ликвидированы. В то же время русофобия осталась сегодня в правительстве, во властных учреждениях.

– Когда я писал работу о русофобии, «малый народ» находился в подполье или эмиграции, только на-

чинал оформлять свою идеологию. «Перестройка», мне кажется, и была его победой, его революцией. Сейчас мы переживаем эпоху его власти, аналогичную правлению якобинцев во Франции или большевиков в России после 1917 г. Соответственно, *русофобия теперь стала государственной политикой и идеологией СМИ, захваченных «малым народом».* Это видно во всем: в отношении к вымиранию русских, к русским вне России, к Севастополю, к преподаванию русской истории...

– То есть Вы хотите сказать, что русофобия в центре государственной политики не только на Украине, а и в России?

– Меня всегда интересовала русофобия как чувство живущих в России людей. Русофобия, например, Гитлера – это совершенно другая история. А тут люди, которые говорят: «У нас в России», «Мы, русские», выступают от имени России, и в то же время видно их фундаментальное неприятие России.

– Во властные структуры, судя по Вашим словам, проходят именно русофобы.

– Мне кажется, этот феномен можно понять на фоне двух кризисов, пережитых Россией. Они похожи, потому что в обоих случаях меньшинство захватило власть над большой страной. Кто для меньшинства наиболее опасен? Конечно, большинство, народ. И тогда, после 1917 г., был принцип «ленинско-сталинской национальной политики» – поддержка нерусских национальных элит в качестве противовеса, потому что самая большая опасность – если русские решат, что у них есть собственные национальные цели, собственная традиция, и попытаются сами вершить свою судьбу. То же самое происходит сейчас: опора на национальные

элиты, поддержка сепаратизма началась с Горбачева, и в ельцинском правительстве эти элиты – главная опора против русских. Власть осуществляет свое господство путем подавления основного народа.

– У нас, куда ни ткни пальцем, везде свой президент. Что, если все эти президенты, республики, национальные меньшинства скажут: слушайте, а ведь мы теперь можем спокойно без «государствообразующего» старшего брата обойтись, зачем нам теперь русский народ?

– Я думаю, теоретически, так сказать, идейно, все задумано именно так. Препятствует этому суровая практика жизни, потому что без России и русских пока никому обойтись не удавалось. А в принципе, идеологически, работа ведется именно в этом направлении. И уравновешивается все инстинктивным пониманием, что эта новая идеология чревата очень быстрым концом, распадом и катастрофой для них самих.

– И все-таки скажите: почему во власть приходят русофобы, те, кто не любит Россию? Это видно по их поступкам, делам, которые словам не соответствуют.

– Мне не кажется, что это какое-то изначальное свойство власти в России. У России длинная история, начиная с Александра Невского и Дмитрия Донского. Это не свойство власти, а признак некоего антинародного переворота. Я говорю это не в ругательном смысле, чтобы хлестким словом заклеймить режим, а в буквальном смысле: меньшинство навязало свою волю большинству, народу, и проникло чувством, что народ – только материал для их творчества, для их действия, и попытка народа существовать, ощущать себя цельным организмом, имеющим свою жизнь, вызывает у власти негодование.

– Значит, они более активные, более способные, – мне интересен сам механизм: почему выбрасывает наверх именно таких людей в России? Неужели русский народ не может выработать своей национальной элиты, не может ее создать?

– Нет, русский народ веками создавал свою национальную элиту, и она ему служила, но в какой-то момент произошло ослабление, элита стала меньше ощущать свою кровную связь с судьбой народа и государства, стала менее государственной; это началось в предреволюционный период. И в несравненно большей степени – в коммунистический период. *Это совершенно уникальная особенность коммунистического строя, что он создал такую элиту, которая этот строй ненавидела.* Предреволюционная интеллигенция, дворянство относилось к государству скептически, не отождествляло себя полностью с ним, но двинулось на его защиту, когда увидело, что государство рушится. В кровопролитной гражданской войне участвовали миллионы людей, эмигрировало два миллиона. А в 1991 г. какие-то люди бежали защищать «Белый дом», но на поддержку ГКЧП ни один человек не вышел, они не смогли призвать народ на свою защиту, их номенклатурная идеология просто не содержала таких слов, таких понятий, как обращение к народу. Они предпочли погибнуть, но не выпустить народ как движущую силу истории на историческую сцену. Это болезнь, которую пережила Россия, причем в этой болезни было два кризиса, и последний, конечно, более глубокий. А не то, что это какое-то свойство национальное, общеисторическое. В войну 1812 года ничего подобного не произошло, хотя многие дворяне были увлечены, заинтригованы идеями Французской революции: свободы, равенства, народоправства. Европа поддерживала

Наполеона – у нас ему дали отпор. Народ мог преспокойно ответить на вторжение Наполеона пугачевщиной. Ни те, ни другие на это не пошли. Тогда все оказались на государственнических позициях.

– Но через тринадцать лет было восстание декабристов.

– И тоже не встретило широкой поддержки. «Народ, чужаясь вероломства, поносит ваши имена, и ваша память для потомства, как труп в гробу, схоронена».

– Элита была далека от народа, это понятно. И всегда работала против государства. Николай II, помните, писал: кругом измена, трусость и обман. Ведь все генералы, которые говорили: да, вам нужно отречься – все они выступали за революционные изменения в России, все вышли из народа, бывшие дети крестьян, и все встали против Государя и государства.

– Мне кажется, тут видна некая механика распада, целый цикл ложных действий. К командующим фронтами, которые в своем большинстве отказались поддержать Николая, против всех правил обратился Алексеев, а Николай прислушался к их советам, советам Родзянко, Алексеева. Ему же было дано священное право решать как самодержцу, он от него отказался. То есть кризис произошел в самой сердцевине или даже на верху элиты. И это, мне кажется, некая история болезни русского народа, которая началась, может быть, еще во времена Радищева: маленькое повышение температуры, потом, при революционных демократах, уже сильная лихорадка, потом – террористы, а потом уже революция, раскулачивание, «перестройка» – и вот мы переживаем смертельный кризис.

– А сегодня, в таком мощном антирусском информационном поле, возможно ли воссоздать русскую национальную элиту?

– Безусловно. Вы это лучше меня видите и делаете, пользуясь теми возможностями, которые у Вас есть, пытаясь их расширить и увеличить. Это и есть путь – использовать все возможности телевидения, радио, прессы, которые есть. Конечно, сейчас наступает новая волна экономического кризиса и разрухи, может быть, через год все эти рассуждения станут беспредметными, придется вернуться к самиздату. Но покамест способы воздействия есть. Надо только решительно осознать, что мы должны внятно и в полный голос, без извинений и робости проводить свою национальную концепцию, она имеет стопроцентное право на существование. Так же, как народ наш имеет право на существование. Это проявление его права на жизнь, если угодно, с точки зрения Декларации прав человека.

– Вы говорите, что сегодняшнее время пострашнее гражданской войны, идет вымирание народа. Как Вы считаете, способен ли сегодня русский человек на жертвенность? Это свойство всегда отличало именно русского человека.

– Ответ становится известен, только когда приходит кризис, тогда это чувство или проявляется, или нет. До последнего момента остается, что называется, «проклятая неопределенность». Наша армия в Чечне была, безусловно, жертвенной. Она была зажата в клещи озлобленным, яростным, не признающим никаких моральных ограничений врагом и столь же злобными, не признающими никаких моральных ограничений средствами массовой информации. Меж двух огней эти ребята с удивительным мужеством выполняли свой долг.

– *Задумывались ли Вы о том, каким будет для нас 1999 год?*

– Одно можно сказать наверняка: что это будет роковой год и он, безусловно, войдет в русскую историю. Даже если Россия просто его переживет, это будет существенным фактором русской истории, даже на это заранее рассчитывать нельзя. Посмотрите на средства массовой информации: одним каналом на телевидении владеет один банкир, другим – другой, один одну газету издает, другой – две, финансовые силы определяют судьбу страны. Как они набросились сейчас на правительство (Примакова), которое уж никак не обвинишь в ультрапатриотизме, единственное, что оно пытается сделать, это хоть как-то задержать падение государства. Одно это вызывает ярость, смешанную со страхом, вот именно фобию. И если тем не менее русским удастся этот год пережить, это будет залогом, появится надежда.

– *Что бы Вы могли пожелать читателям «Русского Дома»?*

– Пережить 99-й год.

– *Пережить можно по-разному: пересидеть, переждать...*

– Нет, если ориентироваться на то, чтобы пересидеть и переждать, то как раз не переживем. Вывезти может только активное участие в жизни, возрождение чувства, что без государства мы существовать не можем. Перед нами стоит проблема, которую один человек решить бессилен. Ну, как спасение тонущего судна или война... Вот такого масштаба явление сейчас происходит. Только осознание этого даст возможность дожить до двухтысячного года. Наше чувство самосохранения подвергалось разрушению и до сих пор подавляет-

ся, но оно живо. Страшные события, которые на нас надвигаются, несут угрозу, а с другой стороны, они это чувство могут мобилизовать. На это надежда, и в этом мое пожелание и заключается.

1999.

ПОЧЕМУ НЕВОЗМОЖЕН ФАШИЗМ В РОССИИ

Б. Ельцин сделал еще одно свое «историческое» заявление. На этот раз – об угрозе фашизма в России. День для такого заявления был выбран вовсе не случайный: 22 июня. Ровно 57 лет назад фашистская Германия напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. И вот теперь человек, именуемый президентом страны, которая сыграла решающую роль в победе над фашизмом, говорит о возрождении его именно в этой стране. Говорит о том, что «сегодня именно в России он поднимает голову», призывает «не дать возродиться чуме XX века», не позволить, «чтобы самая страшная идеология, которую знало человечество, пустила корни на нашей земле». Свое отношение к этому радиообращению Б. Ельцина высказывает И. Р. Шафаревич.

– Игорь Ростиславович, почему, на Ваш взгляд, появилось это заявление Ельцина о необходимости борьбы с фашизмом в России?

– Прежде всего надо разобраться в смысле этого заявления. Когда говорят о фашизме или опасности фашизма, то, мне кажется, необходимо честно указывать «национальный адрес» таких обвинении. Ведь фашизм – это идеология, апеллирующая к национальному чувству,

и возникает вопрос: к чьему национальному чувству? Либерализм и коммунизм могут (и согласно их идеологии должны) быть интернациональными, а национализм или фашизм могут быть только немецким, или итальянским, или румынским, или венгерским.

О чьем же фашизме идет речь теперь? Думаю, никто не затруднится с ответом. Конечно, имеется в виду не чеченский, или якутский, или хакасский фашизм. Подразумевается фашизм русский. При этом опасности фашизма (и значит, русского фашизма) посвящено пространное заявление в знаменательный день нашей истории. И в такое время, когда страна объята тяжелым кризисом – финансовым, экономическим, политическим, духовным. Но вот опасность фашизма, видимо, воспринимается как более страшная для нее. Иными словами, это – несколько завуалированное утверждение, что русский фашизм является сейчас главной опасностью, угрожающей стране. Что русский народ беременен фашизмом.

– И как Вы восприняли это? Как к этому относитесь?

– Такое заявление возмутительно и кощунственно. Именно русский народ, вместе с украинским и белорусским, спас мир от фашизма. И при этом понес такие потери, которые поставили его на грань несуществования. Долгое время об этом нельзя было открыто говорить, хотя многое можно было вычитать из фрагментов официальной статистики. Например, такой факт: к началу 1980-х годов в средних школах РСФСР училось примерно столько же детей, сколько до войны, а в республиках Средней Азии – в 3–4 раза больше. Обвинение именно этого народа в опасной склонности к фашизму воспринимается как пощечина.

Да кроме того, фашизм предполагает агрессивность, склонность к завоеваниям, к мировому господству. А русский народ сейчас в упадке, он катастрофически вымирает, сокращается со скоростью миллион человек в год. Его главная задача – выжить, не исчезнуть с исторической сцены. И такое его положение есть следствие той политики, которую проводит последние 6–7 лет автор этого самого заявления. Это как если бы умирающего от голода, обессиленного человека обвинили в наклонности к грабежам – и обвинял бы как раз тот, кто его голодом и заморил.

Зачем же понадобилось столь чудовищное заявление? Ведь те, кто его составил и таким способом озвучил, – люди рациональные и имеют вполне конкретную цель. Мне кажется, цель может быть одна: своей кричащей бестактностью заявление должно привлечь внимание к себе и отвлечь от каких-то других действий. То есть играть роль дымовой завесы или «ложных целей», подобных тем, которые разбрасывают самолеты при бомбежке. От чего именно отвлечь внимание? Тут возможно несколько вариантов:

1. От каких-то уж очень скандальных, недемократических действий, которые могут шокировать Запад. Чтобы можно было сказать: «Что поделаешь, пришлось пойти даже на это, чтобы предотвратить победу фашизма!»

2. От окончательного вытеснения русских из правящей верхушки. Чтобы можно было сказать: «Кто протестует (или хотя бы фиксирует на этом внимание), тот и есть фашист!»

В обоих случаях – по русской пословице: «Сам дерет, да сам и орет».

– *А как Вы определяете, что такое фашизм?*

– История фашизма развернулась при моей жизни. На моих глазах как бы из ничего возникло это чудовище,

подчинило себе полмира, а потом в несколько лет было разрушено. Конечно, я много думал над этим явлением, сыгравшим такую драматическую роль в истории, и у меня сложилась определенная точка зрения.

Мне кажется, фашизм стал фактором всемирной истории только потому, что победил в Германии. Если бы не было германского национал-социализма, то в истории осталось бы только упоминание, что в XX в. в некоторых странах Южной и Восточной Европы на время пришли к власти правые режимы. А вот в Германии национал-социализм оказался колоссальной силой. Это значит, что он объединил вокруг себя большую часть немецкого народа. Национал-социализм был мощным духовным движением, хотя эти духовные силы были направлены на покорение, насилие, смерть. Идеология СС – это была мистика смерти. Они считали, что имеют право быть господами других людей, потому что обрекли себя смерти, отказались от жизни ради служения «Рейху».

Национал-социалистическая идеология опиралась на глубинные пласты немецкой психологии. Кто читал немецкие сказки братьев Гримм (подлинные, а не пересказ), знает, сколько в них жестокости, описаний убийств, казней (хотя в них же есть и культ верности, мужества). Древний германский эпос поражает мрачностью и жестокостью. Там годы считаются не по летам, а по зимам, сутки – не по дням, а по ночам. В океане лежит мировой змей, в пещере связан злой бог-волк. Когда-то они появятся и пожрут людей и богов.

История германцев состоит из завоеваний, порабощения своих соседей. Уже после переселения народов германцы тысячу лет двигались на восток, подчиняя славян и балтов. Обычно верхушка племени уничтожалась, а остальная часть онемечивалась и превращалась в низ-

ший слой населения. Так земли поморян, лужичан (сорбов), пруссов превратились в современную Восточную Германию. Ярко сказал Вадим Валерианович Кожинов, что Германия – это не «тюрьма народов», как несправедливо ругали Россию, а «кладбище народов».

Мне кажется, что национал-социализм апеллировал к очень глубоким чертам германской психологии и именно благодаря этому он мобилизовал большие слои немецкого народа для напряжения всех сил и борьбы ради своих целей – не только чудовищных с точки зрения других народов, но и губительных для самого немецкого народа. Один немец сказал мне: «Национал-социализм был последним духовным движением Запада». Я думаю, это верно. К несчастью, духи бывают разные и духовные импульсы могут вести людей и народы к очень разным целям.

Этим я вовсе не хочу сказать, что немцы были обречены на фашизм. Конечно, многие его не приняли, некоторые даже с ним боролись. Но фашизм апеллировал к очень глубоким исконно-национальным чертам германского духа и истории. А какая часть немцев на этот призыв откликнулась и какая – нет или как они будут впредь относиться к подобным течениям – это вопрос их свободной воли.

Фашизм, как мне кажется, это был выплеск – в критической ситуации – некоторых энергий, исконно присущих германским народам. В нем проявились те качества, которые, будучи утрированы, придали ему античеловечный характер: воля к власти и подчинению других народов, жестокость и вера в исключительность (хотя и очень талантливого) немецкого народа. Но и те качества, которые обеспечили ему хоть и кратковременный, но необычайный успех: готовность к самопожертвованию, верность, мужество. И такое качество,

как национальная гордость, отказ мириться с унижением (тогда – Версальским миром).

Но особенно я уверен, что «восточная политика» – «Дранг нах Остен» – будет и дальше проявляться в теперь снова едином немецком государстве. И нам очень важно понять корни и характер этой тенденции, самым радикальным проявлением которой был германский фашизм.

– И как Вы считаете, может когда-то в России появиться «свой» фашизм?

– Я уже сформулировал мою точку зрения, что фашизм (национал-социализм) был совершенно уникальным, глубоко национально-германским явлением. Если это верно, то нигде, кроме германских народов, фашизм и невозможен. Даже уничтожение английскими переселенцами североамериканских индейцев, сгон евреями палестинцев с их земли – это другие явления. Национал-социализм эксплуатировал мистическую связь с почвой, где тысячу лет живет народ. А английские переселенцы в Америку именно бросали свою родину. В Израиле живет небольшая часть евреев мира – меньше, чем в одном районе Нью-Йорка. Израиль больше напоминает католический Ватикан. Может быть, в чем-то они и хуже фашизма, но отличаются от него. Назвав эти разные явления единым словом, мы не помогаем выявлению их сути. А после ужасов фашизма (германского) стало удобно использовать слово «фашизм» вообще как бранное. Это особенно ярко проявляется у нас, так как слово «фашист» ассоциируется с противником в Великой Отечественной войне. Поэтому такой полемический прием вдвойне эффективен и часто используется в чисто полемических целях, также, как «антисемит» или раньше «антисоветчик».

Что касается именно русского народа, то из всех больших народов он меньше всех обладает теми психологическими чертами, которые связаны с появлением фашизма. В течение всей своей истории русские доказывали свою способность жить вместе с другими народами, более слабыми, не посягая на их существование. Среди народов, упомянутых в «Повести временных лет», которые наряду со славянами платили дань Руси, упоминается ряд народов, являющихся сейчас «коренными нациями» автономных республик со своими парламентами и президентами. За XIX век население коренных народов Сибири увеличилось в 4 раза. Русским совершенно чуждо отношение к другим народам как к низшим. Ни восприятие их как «унтерменшей» («недочеловеков»), ни типичное для англичан (да и других европейцев) представление о «бремени белых», которые должны внедрить цивилизацию среди дикарей. У Киплинга есть поразительное стихотворение, где он говорит, что английские солдаты должны идти в Африку, держа в одной руке азбуку, в другой – винтовку. Но если «черная сволочь» не станет слушать, то их научит другой учитель – пулемет.

Ничего похожего в психологии русских нет! Очень ярким признаком того, что русские не считают себя выше других народов, служит то, как легко они вступают в смешанные браки. И ведь никогда не бывает, чтобы положение человека понизилось из-за того, что у него жена – татарка или грузинка. Вот в Прибалтике (по крайней мере, в Латвии и Эстонии) сейчас ведется постоянная борьба против смешанных браков: не только агитация против заключения таких браков, но и давление, чтобы добиться расторжения уже заключенных. Это лишнее доказательство – как легко русские в такие браки вступали.

– Но знаете, Игорь Ростиславович, телевидение и газеты определенного толка часто дают кадры и фотографии молодых людей в форме, очень похожей на фашистскую, выбрасывающих руку прямо-таки в гитлеровских приветствиях.

Может быть, подобные факты представляют все же не преувеличенную, а реальную опасность?

– Действительно, в качестве показателей «опасности фашизма» указывают обычно на небольшие группы, использующие символику, близкую к национал-социалистической или итальянско-фашистской. Но такие группы существуют почти во всех странах – и обычно более многочисленные и демонстративные, чем сейчас в России. Помню, как в Москву с визитом приехал из Израиля некогда эмигрировавший туда социолог Михаил Агурский (ныне покойный). Его пригласили выступить перед студентами в университете и, конечно, спросили, как он относится к «Памяти». На что он ответил, что такие «памяти» есть почти во всех странах: «Посмотрели бы вы на нашу, израильскую, “Память” – она вашей сто очков вперед даст!»

Фашизм эксплуатирует гипертрофированное, обостренное национальное чувство. Русские же сейчас страдают как раз от болезненного упадка этого чувства. Положение 25 миллионов русских, оторванных от России, вызывает очень мало интереса у населения России, политических партий, правительства. Была ли хоть какая-то реакция на русские погромы в Душанбе, на террор, которому подвергалось русское население Чечни при Дудаеве? По масштабу, по нарушению всех человеческих норм Буденновск, видимо, превзошел все террористические акты в истории. Захвачена была больница с родильным отделением, расстреляны лежавшие в больнице раненые, боевики отстреливались, прикры-

ваясь женщинами. И вся Россия молчала, не было никаких протестов. В нас исчезает чувство, объединяющее людей в один народ! Это, я думаю, и есть глубинная причина наших несчастий. Но обвинять такой народ в склонности к какому-то патологическому, обостренному проявлению национального чувства, каким является фашизм, можно, только желая над ним поглумиться.

Правда, если рассматривать этот ельцинский текст не как рациональное описание действительного положения в нашей стране, то он может иметь реальный смысл. Любая социальная группа или отдельная личность, чувствующая слабость своего положения в России, может надеяться получить усиленную поддержку на Западе, подчеркивая свою роль борца против этих «исконных», «врожденных» русских пороков.

Но это очень редкий случай, когда человек, занимающий пост главы государства, выступает с такими обвинениями в адрес народа, который составляет подавляющую часть населения страны. Тут уж читатель сам может судить, кто занимается «поиском врага» и кто действительно «бредит».

1998.

Беседу вел Виктор Кожемяко.

ГЕНОЦИД РУССКИХ В ЧЕЧНЕ

Хочу поделиться с читателями впечатлениями, вынесенными из поездки в Чечню и некоторые прилегающие районы как члена небольшой делегации. Состав делегации: депутаты Думы С. Бабурин и Н. Безбородов, «от общественности» – А. Казинцев, К. Мяло и я, кино-

режисер А. Васильев и оператор В. Камальдинов. Наши впечатления мы сообщили на пресс-конференции в Думе и в распространенном там заявлении.

Главное, самое сильное для меня впечатление – это страшная, трагическая картина массового изгнания русских из Чечни. По рассказам жителей, давление на русских началось еще с 1970-х годов. В заявлении казаков говорится: «В Чечне в основном уже завершено насильственное вытеснение русских людей со всех ключевых постов управления. Практически все руководители, работавшие в различных областях хозяйства, вынуждены были выехать из республики». А с конца 1991 г., как мы поняли, это давление приняло характер террора – массовых насилий и убийств. Ворвавшись в русский дом или квартиру, предлагали их «продать» по символической цене, добивались этого избиениями, убийством одного из членов семьи. Даже правительственная газета «Ичкерия» не скрывала таких фактов. Например, рассказывала, как для получения расписки о продаже квартиры хозяин был избит, связан, ему несколько раз надевали на голову целлофановый пакет. Русские казаки – жители станицы Ассиновская – пишут: «Жители должны (вынуждены) за бесценок отдавать свои нажитые кровью и потом дома, не приобретая за эти гроши жилья, переезжают неизвестно куда. Некоторые, не выдержав этого, умирают, лишаются рассудка. В настоящее время идет планомерное притеснение по продаже домов». Далее приводится много конкретных случаев.

Нас буквально потрясло множество рассказов и показаний с указанием имен, дат, адресов. «Станица Дубовская: Латышев Александр Григорьевич, бывший председатель, украден сын 17 лет, отдал выкуп 20 млн руб. Станица Шелковская: Лысенко Евгений, зверски избит, умер. Орлянский Саша, дважды угоняли

машину, застрелен. Геврасевы – супруги и трехлетняя внучка – убиты в своем доме. Станица Старогладовская: Иничкин Николай Евгеньевич, застрелен в своем доме. Апаренко Зинаида, изнасилована, зверски замучена, надругались над телом».

Подобными сообщениями переполнено письмо атамана Кизлярского округа А. Эльзона – факты только по Шелковскому району за 1994 год.

«11 и 12 декабря я сама видела, как у женщины из нашего дома отбирали 3-летнего ребенка. Стала защищать, но ее и мальчика застрелили» (указаны фамилия и адрес). «По словам беженки из Грозного, в конце декабря в интернат, где она работала воспитателем, ворвалась группа чеченских боевиков. В интернате находились как русские, так и чеченские дети. Бандиты изнасиловали всех детей и весь персонал интерната, в том числе и рассказчицу»; «Убийства русских людей происходят каждые сутки. Морги в г. Грозном переполнены трупами, многие из которых обезображены. Опознанные трупы забирают родственники, если находятся. Остальных хоронят без гробов в общих траншеях» (из письма казаков).

Все это – лишь примеры громадного числа подобных сообщений. Число жертв среди русских (за три года правления Дудаева, до начала военных действий) оценивают по-разному. Наиболее убедительным показался мне ответ одного высокого должностного лица: убитых тысячи, но точное их число сейчас оценить невозможно.

Особенно поразили меня многочисленные рассказы, которые поначалу сознание отказывалось воспринимать: о русских рабах. Большинство из тех, с кем мы об этом говорили, утверждали с полной уверенностью: в Ингушетии и Чечне есть множество русских рабов. Это бомжи или люди, оказавшиеся в тяжелом положении, просто загулявшие ребята. Их соблазняют сытной едой,

заработком. Потом заставляют работать в сельском хозяйстве или по дому. При попытке к бегству избивают и убивают. Рабов дарят и перепродают.

Жители станицы Ассиновская пишут: «Просим обратить внимание на то, что в течение нескольких лет очень много привезено “бичей” из России (в основном это люди русской национальности). Их можно встретить во многих семьях. В каких условиях они живут, известно всем. В данное время эти люди – рабы, они лишены всего в жизни. Даже права на жизнь они не имеют!». Сергей Григорьевич Смирнов рассказал, что был в семье Супияна Джантаева. Он пас лошадей, при этом подвергался избиениям и угрозам убийства за непослушание. У Джантаева был еще один батрак по имени Юра. Этого Юру убили в районе Ачхой-Мартана за то, что он убежал от Джантаева. В середине лета 1994 г. парня поймали и разрезали от горла до промежности, повесили на кустах у дороги.

Рассказывавшие уверяли, что это широко известно, почти в каждом богатом доме есть раб. Какой страшный символ нашего существования в недалеком будущем! Сейчас опубликованы рассказы некоторых рабов, освобожденных войсками. Рассказы подробны и конкретны. На мой взгляд, ситуация эта должна быть компетентно и досконально расследована!

Конечно, от террора и беззакония в период правления Дудаева страдали не только русские, но и чеченцы. Так, Саламбек Хаджиев пишет: «Когда 4 июня 1993 года из дудаевских пушек была расстреляна мирная демонстрация в Грозном и погибло 58 человек, мы обращались за помощью ко многим, в том числе и к Ковалеву. Когда в августе 1994 г. боевики убили около 260 человек в Улус-Мартане, мы тоже взывали к Москве и к Сергею Адамовичу. Он не слышал».

Но в большинстве случаев чеченцы были все-таки защищены поддержкой своего тейпа, угрозой кровной мести. Русские же были беззащитны. К тому же режим Дудаева систематически натравливал чеченцев на русских.

В дудаевских СМИ рекой текла яростная антирусская пропаганда. Из газет 1991–1994 гг.: «Россия действительно в негативном смысле является Грозой Света, за которым стоит апокалипсический хаос» («Ичкерия»). «На протяжении 300 лет Россия создавала Великую колониальную империю. Этот период рабства и бесправия не имеет аналогов в истории» («Свобода»). Или такой текст под названием «Завещание»: «Завещаем перенести страх и муки в логово зверя и насилия над народами – Москву путем привлечения к высшей мере ответственности тех, от кого исходят зло и насилие: воздействуя на источник ядерной опасности...» («Кавказ»). Подписи: президент Чеченской республики, парламент Чеченской республики. И все это – в ответ всего лишь на попытку ввести в 1991 г. чрезвычайное положение в Чечне.

По антирусскому озлоблению дудаевские газеты 1991–1994 гг. вполне догнали немецкие времен Великой Отечественной войны. На этом фоне особенно выделялось молчание СМИ России о судьбе русских в Чечне. К сожалению, и тех газет, которые мы привыкли считать патриотическими. Насколько это молчание было упорным, говорит такой пример. В виде исключения один журналист публиковал время от времени сообщения о том, что творилось в Чечне, – грозненский корреспондент газеты «Экспресс-Хроника» Дмитрий Крикорьянц. Он был убит в ночь с 14 на 15 апреля 1993 г. Его застрелили, а потом отрезали голову. Однако СМИ, обычно чутко реагирующие на судьбу своих работников, на этот раз промолчали.

Напрасно писали казаки из Чечни: «Мы просим телевидение России передать наш крик!» Молчали не только СМИ. Те же казаки пишут: «Борис Николаевич! Мы доверили вам наши судьбы и жизнь, а что же сейчас происходит с русскими?» Молчали президент, Верховный Совет, Дума, уполномоченный по правам человека. Более того. Русский национальный собор (генерал Стерлигов), Дворянское собрание, казачье войско Донское заключали соглашения с Дудаевым, где говорилось о «межгосударственных отношениях России и чеченской республики Ичкерия», о недопущении «деятельности организаций или отдельных лиц, имеющих целью свержение государственного строя другой договаривающейся стороны». С горечью говорили нам многие беженцы и еще оставшиеся в Чечне русские, что Россия их предала.

Результатом дудаевского террора был массовый исход русских из Чечни. К началу «перестройки» в Чечено-Ингушетии жило около 500 000 русских. А в 1994 г. дудаевская газета «Солдатское слово» писала о Чечне: «Это небольшая страна на южной границе России, где еще живет около ста тысяч русских». Позже многие из них в связи с военными действиями и усилившимся террором боевиков Дудаева тоже бежали из Чечни.

Совершенная таким образом в Чечне грандиозная этническая чистка по своему масштабу вполне сопоставима со сталинской депортацией чеченцев и ингушей в 1944 г. Есть, конечно, различие в стиле. Акция 1944 г. была организованным зверством, народ в 24 часа был погружен в составы и вывезен. Акция 1991–1994 гг. растянулась на три года, сопровождалась волной грабежей, изнасилований, убийств. Но суть – одна и та же. *И русские беженцы из Чечни, по моему глубокому убеждению, имеют право на такое же отношение,*

как ранее депортированные народы. Их права должны быть восстановлены.

Но с самого начала операции в Чечне она подверглась яростным атакам антирусских СМИ. Можно было отчетливо увидеть уже знакомый сценарий. Армия должна была быть забросана грязью, представлена скопищем бандитов и насильников, к тому же трусов, и воевать-то не умеющих. Войска должны были быть отозваны, начались бы переговоры на высшем уровне с Дудаевым, чем его правление было бы легализовано. Было бы доказано бессилие России, «побежденной маленьким, но гордым народом». Это открыло бы дорогу сепаратистским страстям в других районах и начался бы распад России. То есть повторилось бы то, что произошло с СССР.

Однако уж слишком ясно было, что такой сценарий означал бы политическую смерть президентской команды. Как в случае с Советским Союзом после его развала Горбачев был убран, так и после развала России на каких-то ее обломках утвердилась бы новая команда. Думаю, именно поэтому, то есть из соображений самосохранения, власти вынуждены были пойти на меры, объективно препятствующие распаду России. Видно было, с какой мукой на лице примчался Ковалев в Москву из дудаевского бункера, когда стало ясно, что до взятия Грозного остались считанные дни и сорвать его не удается. Этот сценарий не удался, он наткнулся на те же душевные качества русского солдата, которые всегда оказывались так неожиданны для всех врагов России. Сейчас военные действия близятся, видимо, к завершению. Однако при наметившихся тенденциях может оказаться, что цель, которую преследовал режим Дудаева, окажется достигнутой, несмотря на военную победу федеральных войск русское население будет изгнано. Беженцы говорили нам, что при существующем

положении они опасаются возвращаться. Даже оставшиеся в Грозном русские, казалось бы, пережившие самое страшное, говорили: «Надо уезжать». Оставшееся в казачьих станицах русское население подумывает о том, чтобы выселяться станицами.

Такое положение будет трагичным для всей Чечни: на русских держались все более современные части ее экономики, русская община была мощным стабилизирующим фактором. Ведь даже в дудаевской газете «Ичкерия» в 1993 г. была опубликована статья М. Шамаева «Как нам спастись от экономического голода», где я прочитал: «Для этого нам надо, во-первых, на всех ключевых постах властных структур всех уровней иметь честных и порядочных работников, профессионалов в своем деле. Но история с новой властью доказывает, что среди чеченцев почти нет таких работников, которые могли бы ставить государственные интересы выше личных и проявлять заботу о народе. Поэтому и начинать самоочистку надо именно с властных структур, наполняя их честными, порядочными работниками, в том числе и из представителей других национальностей, особенно русскими».

И тем не менее Чечня может превратиться в мононациональное государство, которое гораздо труднее будет удержать в России. Это легитимируется действиями властей – например, идеей проведения референдума о пребывании Чечни в России, противоречащего Конституции. Возникает парадоксальное положение, когда чеченская кампания будет выиграна, а Чечня проиграна как часть России. За что же тогда погибли рязанские и псковские пареньки?

К несчастью, мы имеем здесь дело, на мой взгляд, с частным случаем более общего явления: правительство России не отстаивает интересов русского народа.

Другой пример – недавний визит высокой правительственной делегации в Киев и подписание выгодных для Украины экономических соглашений как раз в тот момент, когда киевские власти совершили агрессивные, враждебные действия по отношению к Крыму. Во время визита вопрос о Крыме не поднимался. Конечно, это был удар в спину народа Крыма – той части русского народа, которая сейчас наиболее способна отстаивать свою национальную идентичность. Нам объясняли, что сделано это в обмен на то, что правительство Украины согласилось признать положение в Чечне внутренним делом России. Но никакой симметрии здесь нет: в Крыму живет 2 миллиона русских, а в Чечне украинцев нет (кроме разве наемников у Дудаева). Променяли Крым на Чечню, а русских сдали и там, и там. Тут, думаю, открывается главная язва нашей жизни, в которой причина всех остальных бед.

1998.

РАССТРЕЛ 1993 ГОДА[1]

Каждое явление постигается сопоставлением с прецедентами. Последним бессудным расстрелом при коммунистическом режиме был расстрел в Новочеркасске. В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын оценивает число жертв расстрела – человек в 70–80. Солженицын был диссидент, оппозиционер, при оценке числа жертв расстрела 1993 г. корректно сопоставлять его цифры тоже с цифрами оппозиции. Самые осторожные взвешенные цифры, которые я встречал, – это человек 500. Вот как далеко мы шагнули. Солженицын пишет о Новочеркас-

[1] Ответ на анкету «Независимой газеты».

ске: «Не преувеличим, сказав, что тут завязался важный узел новейшей русской истории». Во сколько же раз это верно в применении к расстрелам 3–4 октября 1993 г.! Не преувеличим, сказав, что тут был не новый узел, а катастрофа страны.

Каждое убийство – это провал общества на тысячелетия назад к догосударственному существованию, морали кровной мести. Но бессудный расстрел, совершаемый государственной властью, – это подрыв нравственных корней народа. Как у Пушкина – «Убийцу с палачом избрали мы в цари». А здесь впервые в истории такой расстрел был превращен в телешоу и показан на всех экранах. После такой демонстрации многое в жизни нашей страны потеряло смысл. Новая Конституция была принята фигурально под грохот выстрелов танков 1993 г., и такая ей цена в глазах многих и до сих пор. Бессмысленными стали президентские выборы 1996 г., когда у одного из претендентов за пазухой оставался «вариант 1993 г.». Это и есть самая страшная криминализация страны: не то, что внизу много преступников, и даже не то, что власть с ними слабо борется, а то, что сама власть усваивает принципы преступного мира. Катастрофой было не то, что нарушалась Конституция. Ведь изнасилование не сводится к нарушению Уголовного кодекса. Катастрофично разрушение доверия к категориям, на которых основано общество и которые оно вырабатывало тысячелетиями: право, власть закона, суд. Доверие разрушено, и это будет долго душить жизнь страны. Единственный способ побороть зло – открыто на государственном уровне признать совершенное преступление. Именно как преступление против страны и народа. Не столь важно даже наказание преступников, сколь публичное отречение от сотворенного греха и возврат к принципам закона.

А было ли это путем к демократии? Математики часто говорят, что об определениях не спорят. Возможно и такое определение демократии, что ответ будет положительным. Тогда демократия означает власть богатств, нажитых разграблением страны, и власть, опирающуюся на легкую готовность лить кровь народа для своей защиты. Боюсь, что такое определение в нашем мире окажется применимым к очень многим ситуациям.

1998.

«НАДЕЮСЬ НА ЧУДО»

– Как Вы воспитывались в Вашей семье, была ли она религиозной? Какими Вам помнятся первые побуждения к вере?.. Словом, Ваши самые ранние впечатления религиозного характера.

– Мои родители не были религиозными. Хотя отец был в детстве и в молодости очень религиозным, собирался даже идти в монахи и выбрал себе имя, которое он примет при пострижении. А потом мне говорил, что после того, что он пережил в революцию и гражданскую войну, больше в Бога верить не может. Я, говорит, могу верить в какого-нибудь безличного Бога, в разум Вселенной, для которого судьбы человека и муравья совершенно одинаковы, не более того. Мать тоже не проявляла каких-то признаков религиозности, разве что, когда я был маленький, на ночь обычно крестила меня. А водила меня в церковь бабушка. Как-то раз я и причащался. Так что, строго говоря, семья не была религиозной по-настоящему.

К тому же жизнь вокруг двигалась в прямо противоположном направлении. Яркое детское воспоминание: я учился в школе, до которой нужно было проехать две

остановки на трамвае, и во всех трамваях висел небольшой такой плакат, на котором было написано: «Наука и техника доказали, что бога нет». Меня это очень заинтересовало, я был еще не в старших классах и потому эту сентенцию очень буквально понял. То есть я решил, что где-то, в каком-то месте, был поставлен какой-то эксперимент, и вот приставал к взрослым: «Как это доказали?» Они мне говорили что-то невнятное: «Это надо в широком смысле понимать, буквально нельзя».

В школу поступил я сразу во второй класс, потому что уже умел писать, и вот на первом же уроке велели в тетрадке записать лозунг: «Хлеба дал нам не Христос, а машина и колхоз». Для той эпохи характерен и слог какой-то варварский: «Хлеба дал нам...», не «Хлеб дал нам», а то было бы похоже на «хлеб наш насущный». Как-то не по-русски. Нужно было разноцветными карандашами эти слова обвести рамкой. И, конечно, это было сильное влияние, выталкивающее из тебя всякое религиозное чувство. Но мне кажется, как я вспоминаю то время, более того – вся жизнь была такая, сам характер жизни таков, что он для чего-либо потустороннего, высшего не оставлял никакого места. Напряженная гонка все время: «Быстрей! больше!». Ударники, про которых все время в газетах писали, в школах на линейках говорили и в пионеротрядах рассказывали, что они в 20 или 100 раз нормы превышали. Какое-то стремление всегда больше сделать, иметь перед собой цель – месячный план, годовой план, пятилетний план перевыполнить. Все было заполнено лозунгами: выполним к такому-то числу годовой план и к такому-то году пятилетний план.

– *Словом, «время, вперед!»*

– Да, будто машина какая-то грандиозная работала, в которой человек чувствовал себя винтиком. Ста-

лин, я помню, и тост произнес: «За таких винтиков, которых не ценят, а они очень важны». И такое чувство было, что можно войти в ритм этой машины и вращаться в том же направлении, в котором она запрограммирована. Либо же ты попробуешь вертеться в другую сторону и будешь сразу сломан.

За этой машиной жизни стояла еще машина истории. Для людей, у которых было желание осмыслить все в мире, имелась и машина истории человечества с ее непреложными законами, которые обнаружили Маркс и Энгельс и сделали вывод, что они, собственно, ничем не отличаются от естественнонаучных законов: все движется, работает по непреложным законам. В такой истории нет места для свободы воли. А еще шире: вся природа, весь космос устроены по таким же законам; и приспособленность мира, и его совершенство – все это объясняется неким таким механизмом.

У Грэма Грина есть роман, который для меня както выделяется из всех его романов, мне кажется, он гораздо глубже и ярче всех остальных – «Сила и слава». Сам Грин, далекий от трагедий, сотрясавших XX век, встретился однажды с настоящей трагедией, с колоссальным преследованием католической религии в Мексике (он принял католицизм и был направлен туда Ватиканом, чтобы ознакомиться с происходящим). Он увидел страшные гонения, вполне сопоставимые с нашими религиозными гонениями XX века, но абсолютно замолчанные. Грин описывает психологию одного лейтенанта, который охотится за одним скрывающимся священником, истребляет все проявления религии, выкорчевывает ее из жизни крестьян. И Грин пишет, что лейтенант был мистик, «мистик мертвого мира», то есть перед нами какая-то мистика грандиозной холодной машины.

– *Не зря говорят: атеизм – это тоже религия, но со знаком минус.*

– Нам, детям, подросткам, внушалась такая точка зрения, что в наше время люди уже просто не могут верить в Бога. И я помню, уже будучи подростком, задумался: а что же такое мы в наше время знаем, что нас так отличает от наших предков 500-летней давности или хотя бы 100-летней давности, что они могли верить в Бога, а мы не можем? И я начал перебирать в уме и увидел, что никаких таких особенных знаний нет. Ну, мы знаем, как взорвать атомную бомбу, но это ведь ни в ту, ни в другую сторону не определяет нашего отношения к Богу.

Потом начал читать Ньютона, самое главное его сочинение – «Основы натуральной философии», где он пишет: да, действительно, моя теория объясняет, почему планеты обращаются вокруг Солнца так, как они обращаются, но она не объясняет, почему они именно так расположены, почему все планеты, орбиты их расположены практически в одной плоскости, почему все они вращаются в одну и ту же сторону и почему орбиты их спутников тоже расположены в той же плоскости, тоже вращаются в одну сторону? Он приводит целый ряд удивительных свойств Солнечной системы и комет. И Ньютон кончает тем, что это «изящнейшее расположение комет, планет и Солнца показывает, что в мире господствует разум, который правит миром как Бог Пантократор». Но хочу сказать, что первый шаг такого даже не то чтобы религиозного, а скорее колеблющего атеизм духа, он, по-моему, сам собой вытекает из логики даже тех наук, к которым апеллируют обычно для доказательства того, что в мире нет места ни для каких потусторонних принципов. Он сам вытекает. То есть появляется убеждение, что, безусловно, мир построен разумно и сам собой разумно устроиться бы никак не

мог. Тот же Ньютон говорил, у него осталась неизданная записка «Почему атеизм является бессмысленным учением и никогда долго умами не владеет». Когда я читал ее тогда, то подумал: вот тут-то он ошибся, эта идея завладела у нас умами надолго. Но вот теперь видно, что Ньютон все же весьма прозорлив.

– Действительно, как это произошло? Ведь сколько было сил затрачено на борьбу с «религиозными предрассудками», и казалось, атеизм победил окончательно. В 1950–1960-е годы религия воспринималась как что-то ужасно архаическое, смешное даже. И вдруг постепенно, я помню, когда я училась, в 1970-е годы, это не только стало не смешно – быть верующим, ходить в церковь, – а это стало какой-то доблестью... Отчего это?

– Я думаю, что переломным моментом была война. Война, когда церкви, как Вы знаете, были заполнены людьми. Ведь все время, кроме войны, с самыми простыми проявлениями религиозности велась борьба, так что, например, на Пасху в церковь не пускали. Говорили: это для стариков. Но где это установлено, каким законом, что для стариков, а молодым нельзя? А когда собиралась толпа у церкви, какие-то активисты начинали гонять вокруг на мотоциклетке, выключив глушитель, со страшным грохотом. А во время войны это все куда-то исчезло и люди благоговейно входили в храм. У каждого кто-то близкий был, за кого он молился, верил, свечку приходил поставить. Потом, когда война кончилась, это религиозное рвение ослабло, но я думаю, что перелом все же начался с войны.

– Но ведь потом были хрущевские гонения...

– Ну, как всегда, такой процесс не идет монотонно в одну только сторону. Был рецидив. Хрущев гово-

рил, что он восстанавливает «ленинские нормы», потому что Сталин их нарушил. И в отношении к Церкви он тоже пытался восстановить «ленинские нормы». И действительно, несколько лет длилось жестокое гонение, было закрыто около 10 тысяч церквей, разрушено. Закрывались причем варварским способом, по одному как бы ритуалу: входили в храм, добывали вино, приготовленное для причастия, выпивали его, потом начинали разбивать иконы, утварь, чтобы церковью уже было нельзя пользоваться. Сценарий разгрома по всем описаниям был один и тот же, в самых разных местах это происходило. Но это была государственная политика, а вот отношение людей, молодежи, мне кажется, начало постепенно с войны с колебаниями, но меняться.

– А мне кажется, что позднее. Потому что даже в 1960-е годы, если взять тех же шестидесятников, они же в основном, кроме немногих, были людьми очень далекими от религии.

– Видите ли, дело в том, в чьих руках средства информации, все от этого зависит. Шестидесятники были очень разными. Одни сидели в лагерях – именно потому, что протестовали против закрытия храмов, ходили к начальству, доказывали, что эти закрытия незаконны. В конце концов их сажали в лагерь, а то и психбольницу, и если ты был старик, то быстро там помирал. Я знал такие истории. А были и другие. И по Би-Би-Си, и по «Голосу Америки», и по радио «Свобода» рассказывали в основном о других шестидесятниках. Если сейчас посмотреть по нашим средствам информации, то тоже получится, что позиция интеллигенции вроде бы очень односторонняя, приспособительная.

– Игорь Ростиславович, у Вас в роду были люди, связанные непосредственно с Церковью, священнослужители?

– Были. И я это знал с детства. Знал, что я из «поповского рода» со стороны отца. Бабушка очень гордилась, что она из знатного священнического рода.

– Теперь общеизвестно выражение Тертуллиана, что душа человека по природе своей христианка. Но вот Пушкин записал когда-то в дневнике, после разговора с Пестелем, замечание своего собеседника, которое его, видимо, поразило: «Сердцем я материалист, но мой разум этому противится». Обычно люди говорят наоборот: «Сердцем я верю, а вот умом, когда начну думать...» То есть Пестель как бы спорит с Тертуллианом: материализм, безверие исходят из души, от сердца, а разум ищет доводы в пользу веры...

– Я могу сказать, что с точки зрения культуры, науки довольно явно проявляется какое-то наличие разумного начала в мире. Я уже говорил вначале об этом документе Ньютона, который, не знаю, опубликован ли где у нас. Я его читал как фрагмент из неопубликованных работ Ньютона. Он говорит, почему атеизм является бессмысленным мировоззрением и долго никогда не владеет умами. Ньютон приводит ряд примеров: у большинства животных два глаза, нос находится под глазами, а рот находится под носом и так далее. То есть он говорит, что мы созданы по какому-то единому плану. Точно так же, как план просматривается в устройстве планетной системы, и это сейчас всем более-менее ясно. Солнечная система поразительно устойчива, она существует по крайней мере миллиарды лет, а может быть, и всегда будет существовать в таком же состоянии, и это связано именно с ее уникальным расположением.

– Но что-то все же крутится и в обратную сторону?

– Есть такой маленький спутник у Юпитера, который крутится по отличающейся орбите, но он как раз настолько мал, что его можно как бы допустить, он не влияет на устойчивость Солнечной системы и как бы, в этом смысле, является дополнительным доказательством общей целесообразности. Но из всего этого вытекает лишь представление о каком-то разуме Вселенной, и оно в общем-то еще далеко от истинно религиозных представлений о Боге. От того христианского, православного, благого Бога, к Которому люди могут обращаться, зная, что они связаны с Ним узами любви и Который им сделает жизнь легче.

– Обычно в таких случаях люди говорят: «Я верю в высшее существо, в целесообразность, что-то есть в мире, какое-то разумное начало»...

– В основе же религиозных переживаний, как правило, лежит представление о Боге-личности, Который создал человека по Своему образу и подобию. Это значит, что человек-личность в чем-то похож на личность Бога и между ними возможен какой-то личностный контакт, который, например, между человеком и муравьем невозможен.

– Мне просто интересно выяснить для себя: вот человек, он понимает, что Бог есть. Но ведь сказано: «И беси веруют и трепещут...» То есть признают существование Бога, но боятся Его и не любят, – в этом их «вера». А как же человек верующий? Он не только придерживается определенного символа веры, он должен стараться жить по вере. Как это у Вас произошло? Вы православный человек, но это у Вас просто

от традиции семейной, или у Вас был какой-то осознанный выбор?

– Нет, как раз традиции в нашем семействе не было, точнее, традиция была, но очень странная, прерванная. Был крещен в Православной Церкви – вот почти и все, что касается традиции. Этот разрыв затронул целое поколение. Я видел, например, подборки из дореволюционного министерства внутренних дел, они в епархиях брали сведения, которые сообщали местные деревенские батюшки. Так вот, они писали, что крестьяне меньше ходят на службы, реже причащаются. Думаю, упадок религиозного сознания перед революцией был повсеместным, не только среди интеллигенции, с представителями которой я мог разговаривать.

– То есть и у Вас было время внутренней смуты? Но как человек определяет для себя, когда он уже поверил в Бога?

– Мне кажется, что нужно попытаться занять такую позицию, которая была бы непротиворечива. Не так, что одной стороной существа я делаю что-то, следую определенным взглядам, а другая – то, что совершенно с ней не согласуется. У меня такое чувство, что, будучи русским, веря в Бога, я не могу иначе это свое состояние реализовать, как быть православным. Я думаю, если бы я был французом, то у меня было бы такое же отношение к католицизму.

– А как Вы себя чувствуете в храме? С какого примерно времени Вы стали ходить в церковь? В юности – нет?

– Нет. Вы знаете, трудно вспомнить, как-то это постепенно происходило, трудно даже определенное время назвать. Это был процесс гораздо более естественный.

Он произошел как бы сам собой, даже в памяти не отразился. В памяти гораздо больше отразились первые этапы преодоления этого ужасного чувства: что мир есть мертвая машина и что в этом мертвом порядке вещей есть какая-то своя красота, ну вот как Грин говорит – «мистика мертвого мира». И это преодоление требовало напряженной мысли, каких-то резких столкновений друг с другом противоречащих чувств, и я отчетливо помню, как приходил к той или иной мысли, вновь и вновь ставил тот или иной вопрос, который меня беспокоил, чувствовал, что надо в конце концов дать ответ или согласиться на это бессмысленное существование... Православная Церковь, православная служба – это естественно воспринимается как нечто свое. И причем чем больше с ней соприкасаешься, тем больше получаешь.

Это очень вышло у нас по-русски, что приняли именно Православие. Вспомните спор о верах в «Повести временных лет». Когда к князю Владимиру пришли иудеи и он спросил их: «А где ваше государство?» – оно, отвечают, разрушено. Ну вот, он сказал, вы своего не удержали, а ко мне приходите. Потом пришли мусульмане и заявили, что по их вере нельзя пить вина. А он ответил, что «веселие Руси есть пити». Как покойный Лев Николаевич Гумилев мне говорил, это признание Владимира вовсе не имеет того комического смысла, что, мол, выпивохи были русские. Нет, это был древний воинский обряд, ритуал совместного питья вина с дружиной, который их объединял, давал им чувство такого единства, от которого Владимир не мог отказаться. А христианская вера? Он отправил своих посланников исследовать ее. И когда они вернулись, то сказали, что были в Италии и хорошо там было, но когда пришли в Святую Софию, в Константинополь, то там на службе была такая красота, что «мы не знали, на земле мы или на небе».

Вот этот элемент очень у нас важен – соединение эстетического, красоты, с духовным. Красота – тоже какое-то загадочное понятие, какой-то странный язык, неизвестно, кто его создал и почему он так много нам говорит. Это великая загадка, как то, почему люди, к примеру, пишут стихами, а не прозой. Почему так много передается этим языком такого, чего иначе не ухватишь? И вот это чувство красоты, которая по сути своей просто христианская благодать (благодать в значительной мере как некоторая красота воспринимается), я думаю, это связано с тем, что Православие к нам пришло из Греции. У греков давно сформировалось представление о совершенстве как о красоте. Они мыслили себе Космос как совершенство и красоту. А слово «космос» происходит от того же корня, что и косметика, то есть «красотища», так сказать. (Один современный философ предлагает переводить «космос» как «лепота».)

– Мы знаем, многие великие ученые были верующими людьми. А как сейчас? Много ли верующих среди наших ученых?

– Мне кажется, что тут вряд ли произошли какие-либо принципиальные изменения. В любом случае, начиная где-то с XVII в. действительно весь дух науки стал противоположен духу религиозного чувства или даже интуитивного, внутреннего духовного восприятия жизни. В начале XVII в. Галилей сказал: «Цель моя – измерить все, что измеримо, и сделать измеримым все, что неизмеримо». А все чувства наши – они неизмеримы, как то: милосердие, гнев или любовь, любое из них возьмите. Все перевести в числа, объяснить, что весь Космос – это есть некоторая совокупность процессов, которые в принципе вычислимы, предсказуемы и управляемы, – такое направление господствует в науке. Это материалистическое

объяснение мира, «редукционизм», то есть стремление все разложить на мелкие части и из этих простых мелких объяснить все сложные процессы. Но потом, когда стали эту чисто умозрительную идею наполнять содержанием, то выяснилось, что эти мелкие-то части – электроны, молекулы, они подчиняются гораздо более сложным законам, чем газ или твердые тела, видимые нами.

Лет двадцать назад был международный симпозиум, в котором участвовали светила современной мысли, лауреаты Нобелевской премии, знаменитые ученые, в том числе в гуманитарной области и в биологии. Ученые, знаменитые как раз тем, что интересуются общими познавательными процессами. Симпозиум назывался «По ту сторону редукционизма» – то есть они исходили из того, что редукционизм – это уже преодоленное недоразумение и что нужно сказать что-то новое после его преодоления. Так что в этом смысле наука, конечно, поначалу заметно влияла в пользу внедрения материалистического мировоззрения, а потом сама же дала аргументы против него. Но все равно наука останавливается на таком, так сказать, пантеистическом или очень абстрактном деистическом уровне, и это максимум, что можно, мне кажется, извлечь из данных науки. Дальше она все равно не идет. А вопрос о личном Боге для личного человека – это совершенно из другой области, этого наука вообще не затрагивает.

– А Вас не смущают такие обиходные религиозные представления, например, как ад, рай... Ведь некоторые смеются: «Что это у вас Бог Саваоф на облаках сидит», все это, мол, такое устаревшее... Как Вы смотрите на такие вещи? Как Вы, человек науки, все-таки прежде всего привыкший к рациональным фактам, все это «сказочное» начало религии воспринимаете?

– Мне кажется, что религию можно воспринимать в бесконечном спектре разных возможностей. И одним ближе одно, другим – другое. Одному уровню воспитания – один стиль, другому – другой стиль. Один, может быть, христианство будет через Флоренского принимать, а другой просто оттого, что в церкви службу отстоит. Это просто разные пути.

– Вот Вы сейчас упомянули отца Павла Флоренского... Может быть, Вам ближе такого типа литература? Или творения Святых Отцов?

– Да, вот, пожалуй, из Григория Паламы я больше извлек. Но даже и такой «ересиарх», как Розанов, такой уже кощунник, и у него интересные и важные мысли находятся. А уж тем более у отца Сергия Булгакова или у Павла Флоренского. Но я бы скорее сказал, что они для меня относятся к какой-то другой области, скорее к интеллектуальной, а не к области религии.

– А как Вы оцениваете опасность увлечения всякими сектами?

– Я не могу вполне оценить, насколько это захватило людей. С одной стороны, мне кажется, что вряд ли в России может прижиться что-то другое, кроме Православия. Скорее даже антирелигиозной какой-то будет опять Россия, крушить церкви будет. Либо она будет православной. Трудно себе представить Россию какой-нибудь другой.

– Баптистской?..

– Баптистской, например. Это настолько чуждо русскому духу. Но, конечно, то, что они пользуются какими-то отлаженными методами, то, что они при этом имеют колоссальные средства, пользуются при

этом громадной поддержкой, конечно, это влияет на многих, и влияет не в лучшую сторону.

– Не могу не спросить Вас и о том, что касается современного состояния нашей Церкви. На Ваш взгляд, что здесь самое тревожное, самое неблагополучное?

– О самом неприятном всегда тяжело говорить. Самое тяжелое – это наше внутреннее состояние. С тем, что движется на нас со стороны, мы всегда легче справляемся, чем с тем, что происходит внутри нас. (Это, мне кажется, общий принцип.) А здесь, что касается Церкви – это единственная область, в которой, как мне кажется, не обязательное благо до конца выговорить и высказать все, что у тебя есть. Но вот я помню времена, когда Сталин сначала преследовал Церковь, так что практически оказалось, что почти все храмы закрыты, а потом сменил это на принцип эксплуатации Церкви, допустив ее в очень ограниченных размерах, но поставив под свой контроль и даже как элемент своей отчасти внутренней, а отчасти внешней политики. Внутренней – потому что началось время войны и на оккупированных немцами территориях запрет был снят, пошла большая волна возвращения в Церковь, крещений, венчаний, – чтобы вернуть то, что раньше было невозможно. А внешней – потому что в результате Церковь вела большую представительную деятельность, которая смягчала чувства, вызванные во всем мире гонениями. И благодаря этому и возникали такие мучительные ситуации, когда высшие иерархи Церкви уже во время хрущевского гонения за границей его оправдывали. И когда им говорили о закрытии церквей, то они отвечали: помилуйте, ничего этого не происходит. А в это время их прихожане, отстаивая свои церквушки, шли в лагеря, а они говорили: просто

люди мало ходят в церковь; экономически невыгодно содержать много церквей, часть из них приходится сокращать. Вот это было очень страшно. Говорили это люди очень высокого уровня в церковной иерархии. И я тогда уже выработал для себя такую точку зрения (т. е. это даже не мое мнение, мне один человек помог сформулировать): если тебе говорят про такого-то высокого иерарха, что он не то говорит, и если ты считаешь, что это грех, то это его грех. А тебе нужно о своих думать. И вносить сюда такой светский принцип, который, так сказать, в партийном уставе существует, что вождь должен открыто подвергаться всякой критике, – это вещь очень опасная. Требует, по крайней мере, большого такта, осторожности и чистой веры.

– *Сейчас вот часто упрекают Православную Церковь наши же православные люди за ее позицию нейтральную, вялую, за невмешательство в общественную жизнь. За приспособленчество даже...*

– Конечно, это страшное несчастье, что Церковь не является руководящей силой народа в его борьбе за выживание. Но что же этому удивляться. Из всех ударов, которые пришлись на народ, может, самый тяжелый обрушен был на Церковь. Церковь все-таки не от мира сего, но в мире сем. И поэтому она подвержена ударам. То есть каким-то образом из этого унизительного положения подниматься надо вместе. Но в конце концов, по большому счету, каковы прихожане, такова и Церковь будет. Очень, очень жалко, что это так, до боли жалко, и очень хотелось бы, чтобы у нас сейчас был свой Гермоген, который подвигнет народ преодолеть нашу смуту. Но то, что его нету, это какое-то отражение не столько личных качеств тех или иных иерархов, а скорее отражение нашего общего состояния.

– Вот мы сейчас наблюдаем, что много церквей открывается, некоторое время тому назад заговорили даже о духовном, религиозном возрождении. Но сегодня мы видим, что тот огромный поток, который вначале вроде бы хлынул (относительно, конечно, огромный) в храмы, он почти весь и отхлынул...

– Вот в этом смысле мне очень интересно было бы узнать цифры, как оно на самом деле, но общей картины я не представляю себе, к сожалению. Церкви-то открываются все-таки, все время открываются, и совсем пустых-то церквей не видно. Но, по-видимому, человек есть человек. В молодости у него больше сил, самоуверенности, он меньше несчастий встретил. Мне один священник рассказывал про женщину, которая сейчас зачастила к нему в церковь ходить. Ее муж бросил и ребенок болен. И он говорит: что же, я не в обиде, человек приходит к Богу, когда ему плохо.

– В общем-то да. Это – вечное. «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные»... Не зря критики религии всегда говорили, что религия – это для убогих, для несчастных.

– Ну, это так и есть, конечно.

– Но они не понимали самого главного: что такое вообще несчастье, отчего оно происходит, для чего оно человеку дается.

– Да, конечно, не понимали того, что они и сами «несчастные».

– Сам принцип был извращенный: стыдно быть несчастным, стыдно быть обездоленным, стыдно показать, что у тебя горе, стыдно показать, что ты ждешь чудесного избавления... А вот скажите, пожалуйста,

Вам не приходилось если не самому быть свидетелем, то слышать достоверно о каком-либо свершившемся в наши дни чудесном событии?

– Ну, а падение коммунистического режима разве не настоящее чудо? Что значит «чудо»? Чудо – это то, что абсолютно непредсказуемо. То, что не определяется никакими учитываемыми закономерностями. В хорошую или в дурную сторону – на беду, на горе или к счастью это произошло, другой вопрос. То же самое – победа в войне: когда немцы стояли под Москвой. Как они вдруг покатились на нас с совершенно невероятной скоростью – сначала Минск, потом Киев! Казалось, все, уже конец! И вдруг произошло что-то совершенно особенное, под Москвой. Конечно, это воспринималось как чудо. И не просто воспринималось. Это было чудо.

– Да, это и было чудо!

– Мы с одним моим старым приятелем, тоже старым человеком, как-то недавно разговаривали и пришли к такому выводу, что с точки зрения логики никаких надежд на то, что Россия выживет, нет. Конечно, если бы это было про чужой народ, который не так жалко, – ну, я бы спокойно сказал: это все типичная картина умирающего народа. Но ведь бывает же чудо. Вот на него и надо надеяться. Ведь какие чудеса уже бывали, почему же здесь его не будет? По благодати, по милости к нам.

– Я помню, в 1986 г. мы ходили с дочкой в музеи Кремля, и она спрашивает: а когда была последняя служба в Успенском соборе? Если бы мне кто-то сказал тогда, что через три года я здесь буду стоять на службе!.. Мне это казалось совершенно невероятным, фантастическим...

– Да, это единственная надежда, конечно. Надежда на чудо. Несправедливо представление о том, что исто-

рия как-то может быть предсказана, хотя бы в общих чертах. История это не физика. У каждого человека есть свободная воля, которая может обернуться совершенно непредсказуемым образом. Так же и у народа. И история может быть повернута.

– *У Вас есть свой любимый святой, любимые святые, которые Вам особенно дороги?*

– Да. Это Александр Невский. Он как раз жил в период, который наиболее соответствует тому, что мы сейчас переживаем. Он стал моим любимым святым в последние годы. Часто я к нему возвращаюсь, перечитываю, переживаю его житие. И действительно, тот период наиболее близкий к тому, что сейчас у нас. Россия разгромлена, побеждена. Какие-то совершенно чужие люди, инопланетяне, командуют... И тут еще наносят по нему удар немцы с запада. Когда он собрал свою рать, его спросили: а какая же у него надежда в таком положении победить? А он сказал: «Не в силе Бог, а в правде». Это, конечно, поразительной глубины мысль, это какая-то, с одной стороны, чисто мистическая, конечно, апелляция к божественной воле. А с другой стороны, что-то есть рациональное, чисто материальный какой-то аспект, ведь он предполагал выиграть вполне конкретную битву. Думаю, что он апеллировал к представлению о том, что выигрывает в войне не тот, кто сильнее, у кого больше войска, у кого лучше оружие, а тот, кто способен на большую жертву. Ощущение своей правды дает людям силу идти на жертву, на которую противник не идет. Он как бы планку жертвы поднимает выше. А противник не может на эти жертвы пойти. Так же, я думаю, и последняя война была выиграна, потому что русские принесли гораздо больше жертв и на это немцы просто не были способны. Если бы они были

готовы на такие же большие жертвы, я думаю, они могли бы и Москву взять, в конце концов.

– Но ведь считается, что раньше все-таки мы побеждали в основном не числом, а умением? Духом. И даже часто бывало так, что нас было меньше, чем противника, но мы побеждали. А вот за прошедшую войну как раз многие нас и обвиняют, что мы, мол, «задавили пушечным мясом».

– Нет, я не принимаю эту точку зрения. И на Куликовом поле, где погибла половина сражавшихся, – значит, тоже «задавили мясом»? Понимаете, может быть, нас было и тогда меньше, но бились так, что готовы были все полечь – за правду, в которой Бог. А когда (я говорю условно) татары увидели, что половина их уже полегла, они решили, что пора спасать свои шкуры. А русские были готовы и дальше стоять. Так что дело не в количестве, а в способности к святой жертве. Мне кажется, что это и есть секрет победы в истории в конце концов.

1997.

Беседу вела Наталья Ярцева.

«ЧТОБЫ ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДА НЕ ОБОРВАЛАСЬ...»

– Игорь Ростиславович, Ваше давнее и мужественное неприятие и коммунистической, и западной идеологий достойно искреннего уважения. Это было редкое явление в диссидентских кругах, да еще столь высокого, академического ранга. За Вашими выступлениями я следил с 1970-х годов, в публикации некоторых работ дове-

лось и самому участвовать в эмиграции; там, в Германии, состоялась и наша первая встреча...

Но вот коммунистического режима в России больше нет. Тем не менее, признаюсь, основным адресатом Вашей главной работы в данной книге я вижу наших «красных патриотов»: они уважают Вас за неприятие ельцинской власти, и из других уст они, может быть, и не пожелали бы выслушать того, что говорите Вы, например, о Сталине... Однако есть в Вашей книге ряд тем, которые, если позволите, мне хотелось бы как издателю уточнить в заключительной беседе.

– Конечно, мне самому очень интересно обсудить с Вами эти мои работы, написанные за последние пять лет. И какие драматические пять лет!

Но сначала позвольте и мне уточнить одно место в Вашем вступлении – о том, кого я мыслю как главного адресата книги. Безусловно – всех, с кем могу найти общий язык. А это определяется скорее по принципу «сытый голодного не разумеет» – в расширительном, разумеется, смысле. Я не хочу сказать, что голоден и что меня поймут только голодающие. Но вымирает мой народ и распадается государство. Даже совсем для меня наглядно – распалась та научная школа, на создание которой я потратил несколько десятилетий: все разъезжаются, кто куда может. И это судьба всей науки, да, пожалуй, и всего, что создавалось в нашей стране. Вот кто при этом потирает руки и сумел обернуть произошедшее себе на пользу – с теми я общего языка не найду. Но у кого от этого щемит сердце – те и являются адресатами книги. А ходят ли они на демонстрации под красными или монархическими флагами – мне кажется, сейчас уж и не так существенно. А больше всего мне хотелось бы, чтобы книга дошла и до следующих поколений, где теперешние разделения вообще потеряют смысл.

– Хотя в своей работе о коммунизме Вы как раз показываете двусмысленность и неуместность красной оппозиции в качестве патриотической, она лишь вносит раскол в народ – на руку нашим врагам...

– Действительно, сейчас, кажется, можно подвести печальный итог. За более чем десять лет попыток не возникла принципиальная оппозиция совершившемуся перевороту. Оппозиция обездоленных, лишенных своего отечества, смысла жизни, а часто и средств к существованию. А выступающая под лозунгами оппозиции структура превратилась во «вторую партию режима». Но приговор, что она «лишь вносит раскол в народ – на руку нашим врагам», кажется мне несправедливым. Именно в слове «лишь». Не забудем все же, что благодаря этим неудачным попыткам создания оппозиции и в Верховном Совете, и в Думе процесс развала страны был сильно приторможен. Сколько еще сотен миллиардов долларов иначе ушло бы за границу, сколько губительных для страны решений было бы утверждено. Хотя, конечно, все это сопровождалось множеством уступок, ползучей капитуляцией.

– Но давайте начнем с причин революции. В интервью с А. Н. Крутовым Вы верно отметили, что ее причиной был кризис в ведущем слое русского народа. Точны были слова Государя: «Кругом измена, и трусость, и обман»... Но можно ли тогда упрекать Царя за «отказ от священного права решать» – если его решения в условиях всеобщего предательства никем не выполнялись? Состояние русского общества – включая даже верхи Церкви! – было таким, что революцию уже невозможно было предотвратить царскими решениями или физическими средствами (учтем также, что против русской монархии объединились все ее враги

в мировом масштабе). Государь это почувствовал, как и то, что оказался не нужен своему народу в качестве Помазанника Божия, но не считал возможным принудить к этому свой народ силой – тем самым монархия лишилась бы своего духовного смысла. Вот в чем главная причина его отречения... То есть не Царь предал свой народ, как все еще кто-то считает, а сам оказался предан, и поэтому его действия все же нельзя считать причиной революции и ставить в один ряд с разрушительной активностью интеллигенции...

– На этот вопрос, конечно, коротко не ответишь. Вопрос о том, кто виновник революции, вероятно, будет еще долго задаваться. Но «вина» предполагает преступление, а мне такие разрушительные процессы, как «великая революция», кажутся более похожими на болезнь.

– Вина может быть и за болезнь или за ее летальный исход...

– Конечно, всегда имеются люди, которые эту болезнь искусственно обостряют и таким способом добиваются власти, денег. Но это уже точка зрения бацилл на историю болезни – как организм Россия и русский народ переживали кризис и болезнь. Причем ведь нельзя сказать, например, что инфаркт – это только болезнь сердечной мышцы, а весь организм ни при чем. Мне кажется, что и революция была болезнью всего народа, но проявлялась ярче в тех слоях, от чьих решений жизнь больше всего зависела. И особенно в личности Царя. Ведь он не принял ни одного цельного решения, чтобы остановить революцию. Еще вечером 1 марта 1917 года он сказал генералу Рузскому: «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится». Это и есть позиция Самодержца, исходя из которой его и судит история. Вы говорите, что его решения никем не

выполнялись. Разве это так? Он приказал сформировать корпус генерала Иванова для подавления беспорядков – и Алексеев этот корпус сформировал. Но Царь отправил его не в Петроград, где решалась судьба страны, а в Царское Село, для защиты своей семьи. И слушался советов Родзянко, Алексеева, Рузского. А Самодержец, сердце которого «в руках Божьих», должен исходя из этого и решать. Сила концепции монархии и заключается в том, что монарх способен увидеть недоступное другим гражданам и своим волевым решением повернуть судьбу страны. Тогда в России этого не произошло. Своим отречением Царь лишил точки опоры все монархические силы России, решил этот вопрос за них. Я вижу в этом проявление той же болезни и кризиса всего народа. Для монархической страны не может быть случайностью, какой монарх родился и взошел на престол, это все моменты жизни монархического организма, ведь Царь и народ должны быть единым организмом.

Но хочу добавить, что вполне понимаю тех, кто добивается канонизации Царя Николая II. Ведь он был расстрелян не за политические ошибки своего правления, а как русский Царь, символ России. Его гибель стоит в одном ряду с гибелью других святых мучеников, таких, как Борис и Глеб, почитаемых не за совершенные дела, а за принесенную ими жертву, в подражание жертве Христа. И мне кажется мудрым решением, что Церковь не торопит вопроса о канонизации, чтобы две стороны: пагубные политические решения и мученическая смерть как символ России – имели время разделиться в нашем сознании.

– Мне этот вопрос видится несколько иначе. Ведь и Христос мог «проявить власть» и избежать распятия... Но пойдем дальше. Описывая первые десятилетия

советской власти, Вы сравниваете индустриализацию за счет уничтожения крестьянства с аналогичным процессом, происходившим в свое время на Западе. А далее Вы справедливо отмечаете, что коммунисты видели в крестьянстве главного внутреннего врага своей интернационалистической власти – уже в силу того, что крестьянство составляло традиционный народный фундамент русской цивилизации, которую надлежало сломить. Отсюда и такая жестокость коллективизации с искусственным голодом, бессмысленная с экономической точки зрения. Отсюда и на первый взгляд «бессмысленный» террор – в основном против старших поколений как носителей памяти о дореволюционной России. Отсюда же и «безбожная пятилетка»... В этом все-таки было существенное отличие от западного чисто экономического ограбления крестьянства. То есть марксизм не руководствовался западными рациональными установками в категориях прибыли. Он содержал в себе и некую иррациональную, «духовную» цель, которая не считалась с экономическими потерями и определила характер режима как наиболее антихристианского, причем в самой христианской стране...

– Как я понимаю, Вы хотите сопоставить «раскрестьянивание» на Западе в XVI–XIX вв. и в России XX в., и хотя не формулируете результат сравнения, но, как мне представляется, видите вариант, реализовавшийся в России, более жестоким, иррациональным. Если мое толкование Вашей мысли правильно, то я не совсем с Вами согласен. Хотя коммунистическое «раскрестьянивание» было для меня реальностью, знакомой с детства. Я помню и рассказы о голоде, людоедстве, и колонны заключенных, строивших канал «Москва–Волга». Но когда я позже стал знакомиться с литературой, скажем, об Англии XVI–XVII вв., то был поражен тем, какие

знакомые черты встречал. Крестьян сгоняли с земли, а потом, как бродяг, клеймили раскаленным железом, казнили, заключали в работные дома, где условия мало отличались от лагерей нашего ГУЛАГа. А закон, по которому предписывалось вешать ребенка за кражу булки, пожалуй, не уступит нашему закону от 7 августа 1932 г. И мне незачем Вам напоминать, что этот террор на Западе тоже имел «духовную» основу: кальвинизм. Согласно вере пуритан-кальвинистов, бедность была знаком греха. Бедные – это те люди, которых еще до сотворения мира «Бог лишил милости своей и предопределил к гневу за грехи их, во славу своей вечной справедливости», как говорится в их «Исповедании». Но «раскрестьянивание», продлившееся на Западе века, произошло у нас в несколько лет. Поэтому весь процесс был у нас драматичнее. Здесь я с Вами согласен.

– У кальвинизма исходной целью, в отличие от марксизма, все-таки была не духовная, а экономическая, под нее «подгоняли» религию... Вот что я имею в виду. А вот интересным духовным явлением на Западе стал фашизм как попытка противодействия демократическому разложению. Вы применяете этот термин в основном к гитлеровской Германии согласно традиции, устоявшейся в СССР. Отчасти это верно, ибо в Германии имелись основные черты фашистской идеологии: корпоративная структура государства, понятие ведущего слоя и его орденская дисциплина служения нации, конечно, и превознесение нации над Богом... Однако гитлеровский режим называл себя не фашистским, а национал-социалистическим, и в нем была гордыня «высшей расы», отсутствовавшая в фашизме, – как в Италии, где он зародился, так и в Испании при Франко, и в Португалии при Салазаре. Все эти страны провозгла-

сили борьбу и против коммунизма, и против еврейско-масонской «мировой закулисы». Не следует ли нам точнее пользоваться терминами, отличая нацизм от фашизма, а в самом фашизме видеть разные составляющие?..

– Разумеется, применение слова «фашизм» у нас неточно. Но ведь если хочешь быть понятым, то приходится использовать слово так, как оно укоренилось. В общем сознании «фашист» – это тот, с кем воевали в Великую Отечественную войну. И когда кого-то называют (в прессе, на телевидении) «фашистом», то именно стараются вызвать к нему те же чувства, как к «фашисту» во время войны.

А история, конечно, отделит немецкий национал-социализм от итальянского фашизма и близких ему европейских режимов. Ведь нельзя забывать, что политика Гитлера была в германской истории не изолированным эпизодом, а частью тысячелетнего «Дранг нах Остен». В частности, гитлеровский план «Ост» был близок плану Гельфанда-Парвуса, принятого германским правительством в Первую мировую войну. И почти тысячу лет германцы двигались на восток от Эльбы, уничтожая славянские и балтийские племена…

О других же авторитарно-национальных режимах XX в. я очень мало знаю. Но, например, не могу понять, зачем Муссолини было нападать на Грецию (и быть ею с позором побитым), на уже разгромленную Гитлером Францию. И, наконец, посылать войска в Россию. Ведь заставить его Гитлер не мог. Значит, был какой-то дефект в миропонимании.

– Итальянский фашизм участвовал в политике Гитлера по созданию «Новой Европы», поскольку тоже ставил себе всемирную задачу искоренения еврейско-масонского засилья и видел в большевизме инструмент

«жидомасонства». Но дефект, конечно, и в итальянском фашизме был очень существенный и гибельный: язычество «ветхого Рима», антихристианская гордыня силы. А вот в Испании, Португалии, Австрии (до «аншлюса») этого порока не было: там возник своего рода «христианский фашизм». И именно Гитлер со всей германской мощью увел это европейское национальное сопротивление «мировой закулисе» на ложный путь. Есть данные, что для этой роли он был сознательно избран банкирами Уолл-стрита: чтобы подавить нарастивший во всей Европе фашизм, им была нужна война и «полезный идиот» – агрессор, да еще такой, чтобы расправиться с ним чужими руками – славянскими... Так что нынешний «Праздник победы над фашизмом» 9 мая в его буквальном и всемирном значении – это победа «мировой закулисы» над ее главным тогда противником в Европе за счет русской крови...

Мне кажется, этот всемирный масштаб тоже следует учитывать, не ограничиваясь рамками Отечественной войны. В частности, чтобы понять побуждения тех русских людей, которые были не меньшими патриотами России, но волею судьбы действовали по другую сторону линии фронта, надеясь на создание русской силы, независимой от Сталина, Гитлера и «мировой закулисы»... Их надежды оказались иллюзорны, а судьбы трагичны... Но уместно ли их осуждать как предателей своего народа? По-моему, они старались отстаивать интересы России в тех условиях, в которых оказались, пусть и не всегда делали это правильно. Весь XX век в России шла сначала открытая, а потом подспудно тлеющая гражданская война между властью и национально мыслящей, православной частью народа. И мне кажется, что главным критерием в оценке действий разных русских людей в этой войне должно быть – не кто как

относился к власти и даже к родной земле (в христианстве это не самая высшая ценность), а кто как относился к замысленному Богом должному образу России. И тогда мы увидим, что русские герои были по обе стороны линии фронта и в советско-германской войне.

– Мне кажется, одно и то же событие может представляться очень по-разному в зависимости от того, с чьей точки зрения на него смотреть. И победа 1945 г. с русской точки зрения останется в веках памятником колоссальной жертвы, принесенной народом, чтобы отстоять свою страну. Даже шире – на тот момент это было спасение всего славянства от германского порабощения. Ведь немецкий «Дранг нах Остен» продолжался около тысячи лет, а всем видам фашизма к моменту начала войны было меньше двадцати лет от роду. Это явления совершенно разного масштаба. Это чувство захлестнуло и такого марксиста-интернационалиста, как Сталин. В выступлении по радио по случаю окончания войны он сказал: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией». (К сожалению, не закончилась.) Но с другой стороны, когда Л. Фейхтвангер в 1937 г. приезжал в СССР и написал книгу «Москва. 1937», то его главной целью, вероятно, было решить: удастся ли этих Иванов натравить на Германию, чтобы отомстить за пережитое там унижение? После войны ее смысл так оценивали, вероятно, Трумэн или Черчилль: за счет русских удалось победить Гитлера.

Самый болезненный из поднятых Вами вопросов – о русских, воевавших на стороне немцев. Болезненный хотя бы потому, что такого не бывало в русской истории со времен Смутного времени. Вспоминаю такой рассказ. Одна наша часть отбила тяжелую немецкую

атаку. В бою один солдат бросился со связкой гранат под немецкий танк, подорвал его и погиб сам. А после боя на командный пункт привели взятого в плен власовца. Командир, даже не взглянув на него, приказал: «Вывести и расстрелять». Позже, конечно, можно было разобрать, что были среди них и несчастные люди, с трагически исковерканной судьбой. Особенно среди молодых, не подготовленных к катастрофе, в которую попали, воспитанных на победных песнях и маршах, на образе войны, где будем бить врага на его территории и союзником нам будет пролетариат всего мира. А вместо того попавших в немецкие концлагеря, где их умышленно морили голодом и опухших, потерявших человеческий облик снимали для кинохроники, чтобы показать немцам «истинный облик русского унтерменша». Да еще после этого с торжеством тыкали им в нос заявление Молотова, что советских военнопленных нет, есть только предатели Родины, и услуги Международного Красного Креста советская сторона отклоняет...

Но вот слово «герой» мне по отношению к ним даже и выговорить трудно. Ведь если под словом «герой» понимать не официально присуждаемую награду, а образ, создаваемый народом, то в этот образ непременно входит подвиг за правое дело. А народ, всем своим бытием, признал тогда правым делом – защиту страны. Так что героев по ту сторону фронта, мне кажется, в принципе быть не могло. А как воплощался замысел Божий о России – это нам рассудить трудно, это раскрывается веками...

– Да, это трудная тема. Но одно дело, как воплощается Божий замысел в реальной истории, порою и через Божие попущение силам зла научать нас истине «от обратного»; другое дело – что все-таки этот Божий замысел ощущался большой частью нашего

народа как верность Православию... Врагов же у православной России тогда было два: и коммунисты с их зверствами «безбожной пятилетки», и колонизаторы-гитлеровцы – при которых, заметим, все же стали массово открываться храмы. Проблема заключалась в том – кто был меньшим злом?.. А решение ее зависело от многих личных критериев. Ведь и в СССР, как Вы сами пишете, поначалу для большинства народа немецкая угроза выглядела «весьма абстрактной» в сравнении с коммунистическим террором...

– Попробую пояснить свое понимание еще одним примером. В 1980-е годы в Западной Германии издавался (и, кажется, выходит до сих пор) хороший патриотический журнал «Вече». Издавал его ныне покойный О. А. Красовский на свои личные деньги, своими трудами. А потом я узнал, что он – из власовцев, и мне очень интересно было понять психологию вот такого «самого положительного власовца». Под конец жизни Красовский стал публиковать в своем журнале воспоминания – и я надеялся найти там ответ на свой вопрос. Но он все рассказывал о своей жизни после конца войны. И только один раз обмолвился, что его опыт привел его к выводу, что «против Сталина он пойдет хоть с чертом». Но ведь «идти с чертом» на традиционном языке значит – «продать душу дьяволу». Так можно ли продавать душу дьяволу ради борьбы со Сталиным (или с чем бы то ни было)? Вот это, мне кажется, и есть проблема «лучших власовцев» и шире – «лучших антикоммунистов». А руководители движения несут гораздо большую ответственность, они ведь несомненно знали о том, что писали Гитлер и Розенберг о политике в отношении славян, знали о плане «Ост».

Если признать существование «героев по ту сторону фронта», то надо отказаться и от претензий к по-

зиции Ленина и его группы во время войны. Ведь они, по крайней мере, не стреляли в русских солдат, а только способствовали развалу армии и страны на деньги, полученные от немцев. Почему сомневаться, что Ленин считал тогдашний строй в России чудовищным, что был искренним, призывая «положить конец с ужасом – ужасу без конца»? Ведь с начала XX в. русская деревня кипела бунтами (с 1902 г.). А при усмирениях шли в ход и порка, и расстрелы. Как разошлось восприятие жизни народа и образованного слоя, показало то, что в 1918 г. в одну ночь соседними крестьянами были сожжены Михайловское, Тригорское и Покровское (имение Ганнибалов). Жгли с плясками, песнями, как праздник – не ради грабежа. То есть две части русского народа перестали понимать друг друга. Можно было искренне считать, что для искоренения накопившегося зла стоит расплатиться и целостью страны.

Не может ли быть верной точкой опоры во всех вопросах старый английский принцип: «right or wrong – my country» (хороша она или плоха – но это моя страна)? Ведь если существует хоть какой-то замысел Божий о России, то для исполнения его она должна существовать. Значит, первая задача – отстоять ее, а только потом имеет смысл гадать о том, в чем этот замысел состоит.

– С последним согласен. Но в самой Германии были разные силы, в том числе и не разделявшие антиславянскую политику Гитлера, – с ними и пытался сотрудничать Власов вместе со многими эмигрантами. Две его дивизии, как Вы знаете, были созданы лишь в 1945 г. и приняли скорее пропагандное участие в одном-двух боях на Одере, а потом освободили от немцев Прагу. Вы же под «власовцами» имеете в виду всех тех разрозненных советских «добровольцев», около миллиона, которые

изначально воевали в немецких частях, – но они не имели отношения к Власову и его планам. Тут не о них речь. И вообще, по ту сторону фронта оказались не только военные, но миллионы гражданских русских людей. Были такие, кто стремился не к «союзу с немцами», а к созданию «третьей силы» на оккупированных территориях – «против Сталина и Гитлера». С этой целью в Россию направились и эмигранты (только из организации НТС в гитлеровских лагерях погибли десятки таких энтузиастов). Были эмигрантские юноши, бросавшие учебу и шедшие в Югославии в ряды Русского корпуса, готовые умереть за православную Россию – для них это было продолжением гражданской войны против Интернационала, так они были воспитаны отцами... Были священники, окормлявшие их и потом спасавшие от выдач на расправу СМЕРШу.

И разве не было среди них героев? Неужели можно их считать «изменниками Родине»? Ведь они советской (в их терминологии – «жидо-большевицкой») власти не присягали, а изначально боролись с ней как с оккупационной. Да и многие из советских граждан помнили свою присягу царской власти, считали большевицкий режим **незаконным и антирусским,** *лишь тактически-обманно принявшим патриотическую личину (как и Вы пишете)... Поэтому сравнение с пораженцем Лениным, боровшимся против* **законной русской власти,** *мне кажется неточным, тем более что цели у Ленина и у русских антикоммунистов относительно России были прямо противоположными. Русские эмигранты никогда не призывали к борьбе против «великорусской клерикально-черносотенной культуры» и к «развалу своей державы». Крестьянские дореволюционные бунты тоже не оправдывают пораженчества революционеров, к тому же если учесть, сколько сил*

было приложено для обманной пропаганды среди крестьян («Грабь награбленное!» и т. п.)... Не следует ли исходить из того, что решающей в нравственной оценке тех или иных сил должна быть все-таки их цель?

Я не оспариваю, что у советских защитников родной земли была своя оправданная цель, своя несомненная правота, и уважаю их героизм. Но убежден, что эта сложная проблема требует все же комплексного и духовного (а не только политического) рассмотрения в более широком масштабе всех сил, действовавших в мире...

– Как же это так: «русские эмигранты никогда не призывали к развалу своей державы»? Призывали кое к чему и похуже! Было течение в эмиграции, обвинявшее США в измене христианской цивилизации за то, что те не начинают превентивную атомную войну против СССР. Их лозунг был – «Атомкой по Москве!». Вы забыли, что сами мне рассказывали о подобных высказываниях одного очень яркого эмигрантского публициста. Ведь к подобному и большевики не призывали.

– Вы имеете в виду И. Л. Солоневича. Он действительно нечто подобное по сути писал в «Нашей стране», хотя и не в «атомных» выражениях. Это было нервным срывом той (впрочем, далеко не самой мудрой) части эмиграции, которая считала новую войну неизбежной, полагая, что ее начнет Сталин, чтобы сделать весь мир коммунистическим...

– Если признавать пораженчество вообще допустимым в принципе, то мне непонятно Ваше утверждение, что «дореволюционные бунты не оправдывают пораженчество». Почему? Ведь речь, конечно, идет не о бунтах, а о том, что их вызвало, – голод как следствие безземелья. Короленко описывает свои впечатления от голода 1891 г.: распухшие дети, еле движущиеся взрослые. Болезни

косили истощенное население. Конечно, этот голод не сравнить с голодом 1921 или 1933 годов. Тот же Короленко рассказывает о громадной помощи – и государственной, и общественной. О голоде писали Толстой, Короленко и многие другие. Но ведь каждую эпоху можно судить только ее мерками. Если же судить о действиях по их цели, то и это не облегчит: «будущее счастье человечества» – разве не соблазнительная цель?

– Тут все-таки нужен абсолютный критерий цели... Перейдем к нашему смутному времени. В статье «Была ли перестройка акцией ЦРУ?» Вы сравниваете успехи разведок США и СССР и делаете правильный вывод, что основная причина краха СССР «лежит не в каких-то внешних воздействиях Запада, а во внутренних процессах, происходивших в стране». Мне кажется, учитывая «красный» контингент наших читателей, было бы важно подчеркнуть, что главная причина краха – общий ложный дух коммунизма. В его утопическую идеологию перестали верить сами коммунистические вожди. А наши «красные патриоты» упорно не хотят осознать, что в этом состояла главная причина внутренней слабости мощного СССР, чем и воспользовался Запад, навязав свою красиво упакованную либеральную идеологию в качестве единственной альтернативы...

– Сейчас нам очень важно и очень трудно осознать истинные причины того, что с нами произошло. Это может совершаться далеко не сразу – каждый должен делать свой шаг в понимании случившегося и только в конце придет осознание в национальном масштабе. Поэтому я не имею в виду какой-то особый контингент читателей. А вдруг книга окажется полезной через несколько лет молодому человеку, которого в теперешнее разделение общества на разные толки никак и не включишь?

По существу Вашего вопроса: а разве «общий дух» современного капитализма не является ложным? Почему же тогда распался социалистический, а не капиталистический лагерь?

То понимание этого вопроса, до которого я до сих пор дошел, я излагаю в работе «Русский народ в эпоху коммунизма». Кратко оно заключается в следующем. Социализм и развившийся на Западе капитализм – не антитезы друг другу. Это лишь два пути – причем к цели, гибельной для всего человечества. Правда, сколько бы ни было сказано горьких слов по поводу пути развития Запада, начиная с Ренессанса, им были созданы ценности, начисто отрицать которые очень трудно. Это итальянская живопись и немецкая музыка, Шекспир и Ньютон. Но и более материальные достижения – хотя бы сведение к минимуму детской смертности. Ведь еще в прошлом веке каждый должен был пережить трагедию смерти своего ребенка. И в письмах Достоевского говорится, как он мучился, когда умерла его дочка, и Толстой говорит о смерти сына, и о. Сергий Булгаков рассказывает, как переживал смерть своего ребенка... А теперь это – исключение. В своем развитии Запад создал и более сомнительные плоды – например, все более разрушительные виды оружия. Но очень трудно все это отбросить – хотя бы потому, что иначе не защититься от того же Запада, нетерпимого и агрессивного. Но, конечно, далеко не только по этой причине.

Последние века Россия многое восприняла от Запада, но постоянно борясь за то, чтобы при этом не утратить своего национального лица. Первая попытка, кульминацией которой были реформы Петра, была успешной лишь частично. Многое из того, что было создано, останется как наши вечные ценности, но много благоприятных возможностей было упущено.

При быстром росте населения крестьянам не хватало земли и они беднели, а стремление обеспеченных слоев к сладким плодам западной цивилизации росло. Кризиса избежать не удалось, и произошел тот раскол страны, символом которого является крестьянский разгром Михайловского. Совершилась катастрофа революции, гражданской войны и крестьянских восстаний.

Вторая попытка в том же направлении, основанная на коллективизации и индустриализации, имела гораздо более кратковременный успех. Плоды ее неудачи мы сейчас и переживаем. А главный дефект был в том, что это была попытка в принципе повторить, скопировать западный путь – индустриализации за счет деревни, построения чисто городского, основанного на технике общества. Россия не могла использовать свою главную силу – созданную за тысячелетие (и даже тысячелетия) собственную цивилизацию. В этом и причина проигрыша Западу – мы стали играть по его правилам. Но есть и утешение в нашем проигрыше: мы лишь проиграли в борьбе за место лидера в гонке в никуда.

Если такой взгляд верен, то из него можно сделать ряд выводов. Надо оторваться от схемы – «выбирать между социализмом и капитализмом». Не следует частную собственность немедленно связывать с капитализмом, а человеческую солидарность – с социализмом. Оба явления несравненно древнее, столь же древние, как и человеческое общество. Замечательное исследование провел этнограф В. Шмидт в книге «Древнейшие формы собственности». Он исследовал наиболее примитивные из существующих обществ (хотя что теперь значит «примитивные»? – он имел в виду низкий уровень технического развития): готтентотов, бушменов и т. д. И обнаружил у них очень ярко выраженное представление о частной собственности. Но оно компенсировалось столь же силь-

ным императивом взаимной поддержки. После удачной охоты охотник мог и не поделиться добычей с соседями. Но тогда его могли не выбрать предводителем охоты, вообще не пригласить на охоту, не помочь в постройке новой лодки и т. д. А без всего этого он не мог выжить. Опираясь на эти вечно присущие человечеству тенденции, наши потомки сумеют, надо надеяться, построить общество, соединяющее деревенский индивидуально-семейный труд с высокой техникой, лучшие плоды западной цивилизации – с русской цивилизацией.

– Разумеется, путь западной демократии тоже ложный. Как раз начиная с Ренессанса он и стал проявляться все отчетливее: материальные ценности стали явно доминировать над духовными целями жизни. Религиозное оправдание этому дала Реформация, снизившая планку христианских требований к экономической деятельности и породившая капитализм (поэтому не могу считать ее примером правильного народного выбора, как Вы пишете в одном месте). Все это, помимо материального прогресса, позволило владельцам денег стать подлинными правителями западного мира, поощряя эгоистичные интересы индивидуума, разлагая национальные традиции, свергая монархии и атомизируя общество в демократии.

Такой метод достижения мирового господства в опоре на греховную природу человека оказался более реален, чем коммунистический с его утопической ставкой на насильственный атеизм и тотальную дисциплину. В сущности, коммунизм и был призван лишь разрушить главного соперника западных демократий – православную Россию, а не созидать нечто отличное от западной материалистической цивилизации. На Западе же все достигается «свободно» и «естественно» – с помо-

щью денег в опоре на свободу человеческих пороков. Это гораздо проще и соблазнительнее, вот почему Запад и одержал политическую победу в холодной войне с вышедшим из-под его контроля коммунизмом. Вот почему и сейчас нам так трудно противодействовать разлагающей идеологии, навязываемой народу: «жить малыми радостями, даже если народ в целом умирает»...

– Я полностью с Вами согласен, что Реформация произвела радикальное и очень зловещее изменение («мутацию») в душе западных народов. Но я и не назвал ее правильным народным выбором. Слово «правильный» встречается в моей статье в другом месте – в связи с взглядом Толстого, как народ выбрал «правильного вождя» в Отечественную войну 1812 года. Реформацию же я назвал (пожалуй, слишком абстрактно) «решением жизненной проблемы». Скорее, здесь применим термин «проект», вошедший в обиход в середине XX в.: планомерное достижение определенной цели. Подобно тому как человек планирует свои действия, только здесь речь идет не о человеке, а о народе (или группе народов, как в случае Реформации). Как и в случае человека, действия могут иметь самые разные цели, в любом случае решается некоторая задача. Так, внешний наблюдатель мог бы установить, что человек обладает разумом, на примере как планирования какой-нибудь благотворительной акции, так и ограбления банка.

Согласен с Вами в том, что роль коммунизма в России, в принципе, оказалась разрушительной (хотя, казалось бы, было много построено). Разрушение семейного трудового крестьянского хозяйства было «расчисткой площадки» для капиталистической экономики западного типа и для западного образа жизни. Действительно, что делать с примерно шестнадцатью миллионами крестьянских хозяйств? Капиталистическому хозяйству их

не переварить. А вот если половину сгрудить в города и новостройки, а оставшихся закрепить в колхозы и совхозы – то можно и начать приватизировать. Это тоже был своего рода «проект», осуществлявшийся почти целый век и до сих пор (к счастью) еще полностью не осуществленный.

– В связи с предложенным выше пониманием демократии как власти денег, поскольку деньги издавна находятся в еврейских руках, позвольте теперь затронуть самое важное – еврейский вопрос. В интервью «Разговор на запретную тему» Вы говорите, что в определенном течении еврейского народа «каким-то образом выкристаллизировались и выплескиваются болезненные силы». Однако Вы, по-моему, еще нигде не ставили себе целью объяснить причину этой консолидации – почему именно в еврейском народе? С моей точки зрения, исчерпывающее объяснение этому дается только в православной историософии, в частности, я его подробно излагаю в книге «Тайна Россия». Это тема расистско-материалистического грехопадения богоизбранного народа в результате его отвержения Христа и ожидания своего «земного царя» – антихриста. Только на таком мистическом уровне понятна судьба еврейства, его материальные успехи, его нерастворимость и его нынешняя разрушительность в глобальном нахрапе материалистической цивилизации. Что Вы можете об этом сказать?

– Еврейский вопрос Вы, вероятно, назвали «самым важным» несколько иронично? Когда-то по поводу этого же вопроса Толстой сказал, что для него он стоит на 81-м месте. В том смысле, что у нас есть 80 более важных вопросов, а когда мы их разрешим, то займемся и 81-м. Это, конечно, был парадокс – и тогда еврейский вопрос

стоял для России на более высоком месте, а с тех пор его «рейтинг» очень повысился. Но все же я считаю, что самым важным вопросом для нас останется всегда русский вопрос, а остальное – это лишь его аспекты.

Это я и хочу подчеркнуть, отвечая на Ваш вопрос. Действительно, я писал о том, что, по крайней мере, дважды в глубоком кризисе, пережитом Россией, активную и разрушительную роль играло определенное течение еврейского народа. И я не ставил себе целью это явление объяснить. Причем совершенно сознательно. Иначе надо было бы попытаться понять явление «изнутри» – представить себе душевные переживания составляющих его людей. А мне так неприятно было читать развязные суждения некоторых еврейских авторов о русских: что «у них рабская душа» или что (снисходительно) «они еще не стали взрослыми» и т. д. Что же, мне тоже пускаться в рассуждения о «еврейской душе»? Зачем же повторять чужую бестактность и нахальство? Тем более что действительно чужая душа – потемки. И я предпочитал рассматривать все явления в духе того, что физики называют «черным ящиком»: когда мы можем описать входящие и исходящие импульсы, но не задаемся целью понять, что происходит внутри. Мне кажется, если бы было достигнуто понимание и было бы выработано наше отношение хотя бы на таком уровне – уже и это было бы очень важно. Конечно, более глубокое понимание дало бы и более верные ответы на все эти вопросы. Но Достоевский писал: «...не настали еще все времена и сроки, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди». Время, отделяющее нас от Достоевского, неизмеримо мало сравнительно с «сорока веками», поэтому его суждение, весьма вероятно, справедливо и в наше время.

– Все же со времен Достоевского евреи очень сильно изменили облик мира путем двух мировых войн – сначала разрушили православную Россию, затем создали свое государство Израиль, установили мировую гегемонию своего доллара (который печатается еврейскими банками независимо от правительства США). И этот вопрос о сути еврейской разрушительности я задаю еще и потому, что только с православной точки зрения становится понятен и главный исток руфособии, то есть: почему ненависть «малого народа» направлена именно против православной России – как Удерживающего мир от победы сил зла, от воцарения еврейского земного царя, антихриста. Тогда и сам «третий путь» России между социализмом и капитализмом на самом деле должен нами видеться как возвращение на **первый***, исконный путь православного служения Божьему замыслу...*

– Это очень точная формулировка вопроса: о ненависти «малого народа». Кажется, именно я ввел этот термин – «малый народ» – в русскую публицистику (хотя принадлежит он одному французскому историку). Но это ни в коем случае не было попыткой замаскировать вопрос о еврейском влиянии (вроде терминов «космополиты» или «сионисты»). Мне такие двусмысленные выражения очень несимпатичны, и когда я хотел высказаться о евреях, то это слово и употреблял. Но речь действительно идет о гораздо более широком явлении – как в нашей стране, так и вообще в истории.

Вот, например, Французская революция, никак не менее разрушительная, чем наша. Ни о каком еврейском влиянии в ней не известно (а есть историки, которые, несомненно, были бы рады его обнаружить). Скажу конкретнее: известен в точности один еврей, принимавший в ней активное участие. Это Мозес Добрушка из Галиции (его подробная биография составлена исто-

риком Гершоном Шолемом). Добрушка принадлежал к иудейской секте франкистов, крестился (франкисты исповедовали ложное крещение), получил титул барона фон Шенфельда, переехал во Францию под именем Юниуса Фрея, примкнул к окружению Дантона и был вместе с ним гильотинирован. Но он играл второстепенную роль, и это был *единственный* известный случай. А ведь в других отношениях духовная атмосфера до и во время Французской революции была очень похожа на нашу: издевательства над своей историей и народом, осмеяние религии, монархии, патриотизма – и под конец свирепый террор и гонение на Церковь. Так что здесь я не могу согласиться с Вами, что главную роль играла «еврейская разрушительность». Явление более широкое, хотя именно в XX в. в России влияние некоторого еврейского течения дало ему мощный и роковой для России импульс (и не один раз).

– Разумеется, разрушительные процессы протекали и в европейских народах, и в русском – но все же они и намеренно поощрялись. Причем роль еврейства следует искать не в количестве евреев среди революционеров (во Французской революции и др.), а в финансировании антимонархических революций и идеологическом влиянии через масонство – по признанию масонских источников, оно тут сыграло огромную роль. То же было и в нашей Февральской революции: формально ни одного еврея в масонском Временном правительстве, но их огромное влияние через деньги, прессу, закулисную масонскую дипломатию и координацию всех революционных сил... Показательно, что одним из первых декретов Временное правительство даровало равноправие иудеям. Примерно то же мы видим сегодня в демократических странах, где еврейство добивается своих целей посредством де-

нег и СМИ – не возглавляя правительств, но «избирая» их и делая зависимыми; даже о. Сергий Булгаков писал, что антихристианское еврейство стало «лабораторией всех ядов и пороков, разлагающих человечество»...

– Тут Вы затрагиваете мой конек: Французская революция, так загадочно напоминающая русскую, всю жизнь интересовала меня. Именно в свете этого параллелизма возникло предположение и о еврейском влиянии во Французской революции, как в России. Но никаких заслуживающих доверия свидетельств такого влияния я не обнаружил. Ведь в случае России проблемы нет: всякий, кто не подчинен определенному табу, вообще запрещающему эту тему, даст ответ сразу. И начнет, конечно, с личностей: Троцкий, Свердлов, Зиновьев и т. д. Вы приводите очень интересный пример Временного правительства, чисто русского (в этом оно аналогично горбачевскому Политбюро). Но ведь оно и не было правительством, у него не было власти. А в Петроградском Совете – тут картина была совсем другая. Так, может, мы во Франции обнаружим еврейское влияние не в правительстве, а в Конвенте, Коммуне или Клубе якобинцев? Но никаких следов влияния нет. Вы напоминаете о том, что одним из первых своих декретов Временное правительство провозгласило равноправие евреев. (Таков, конечно, был смысл, хотя формально провозгласили всеобщее равенство.) А вот во Франции этот вопрос дебатировали долгие годы и Учредительное, и Национальное собрание, начиная с 1789 г. Против выступали депутаты Эльзаса и Лотарингии, где жила подавляющая часть французских евреев. И только в сентябре 1791 г. декрет о равноправии был принят.

Вы указываете на финансирование – вопрос очень интересный, – но никаких сведений о финансировании Французской революции какими-либо еврейскими кру-

гами я не встречал, как наиболее мощный финансовый источник упоминается герцог Орлеанский, второй по богатству человек во Франции, глава французского масонства. Наконец, влияние через масонство? Действительно, почти все деятели Французской революции были масонами. Но не известно ничего (мне, по крайней мере) о еврейском влиянии в тогдашнем масонстве. В то время в некоторые ложи даже специально был запрещен доступ евреям.

Таким образом, здесь видно (как мне кажется) существенное отличие Французской революции от русской. И значит, те черты, которые у обеих революций общие, и в русской революции нельзя отнести за счет еврейского влияния. Боюсь, что тема «великих революций» в истории не закончена, и желающим понять это явление очень полезно сравнить их сходство и различия, тщательно отсеивая достоверное от навеянного слухами.

– Как бы то ни было, я убежден, что все сложные вопросы современности, в том числе еврейский, имеют простое объяснение и разрешение именно с точки зрения Православия. Например, проблема зла в мире, на которой, как Вы сказали в одном из интервью, когда-то споткнулся Ваш отец, – она объясняется не «холодностью» Бога, а Его предельным уважением свободы человека, который призван именно свободно и добровольно избрать путь служения Истине – но способен также творить зло. Господь мог бы принудить людей к добру – но в чем тогда была бы наша заслуга? И будет ли это добром? Земная история – это драма борьбы сил добра и зла ради Царствия Божия, в которой мы призваны свободно определить свое место и свою посмертную судьбу. В этом смысл истории. И православные патриоты мыслят так не только из-за верности предкам и русской

культурной традиции, а потому, что только Православие дает объяснение смысла истории и смысла жизни отдельного человека. Поэтому, замечу, православными иногда становятся и инославные, «изменяя» своей национальной традиции католичества, протестантства и т. п. – как, например, американец о. Серафим Роуз, поскольку для них служение Истине важнее служения своей стране по принципу англичан, который Вы упомянули: мол, «права она или нет – это моя страна»...

– Признаться, мне трудно поверить, что на вечные вопросы человечества существуют простые ответы. Вы излагаете здесь основные положения своей книги «Тайна России», которую я с громадным интересом прочел. Мне кажется, что в ее название замечательным образом включено слово «тайна». Это подчеркивает принципиальное отличие истории от физических, химических и биологических процессов. В истории есть место тайне, а в естественнонаучном трактате это слово было бы не к месту. Но ведь «тайна» в собственном смысле слова и предполагает, что здесь не может быть ответа, тем более простого. Иначе это называлось бы по-другому: «проблема», «вопрос». Тайна не может быть «объяснена». Она постигается опытом жизни, общением с мудростью многих поколений (например, Отцов Церкви). Но скорее всего, это будет касаться лишь разных ее аспектов, а не «сердцевины». Достоевский говорит о судьбах человеческих, «которые в руках Божиих и в которых человек почти ничего угадать не может, хотя и может предчувствовать». Это относится и к другим вопросам, о которых сказано: «...и ропщет мыслящий тростник»...

В какой-то степени примером может служить та проблема зла в мире, о которую, как Вы формулируете, «споткнулся мой отец». В интервью, которое Вы имеете в виду, я привел самый личный, поразивший меня при-

мер. Но это касается не только моего отца, но и всего поколения, предшествовавшего моему. Например, мой учитель математики однажды мне сказал: «Знаете, меня часто тянет к молитве, хоть я понимаю, что это бессмысленно». Это было поколение воцерковленных, искренне православных молодых людей, но оказавшихся совсем не готовыми к той реальности, совершенно для них непредставимой, с которой их столкнула жизнь. То, чему их учили на уроках Закона Божия – что «зло есть всего лишь недостаток добра» и т. д., – не дало им основы, которая укрепила бы их души.

А те же таинственные вопросы возникают и в нашей жизни. Согласитесь, это непросто: понять, что за последние годы вымерло целое поколение стариков, которые не могли купить пищи или лекарств, что массами родятся больные, дефективные дети – ради того, чтобы Гайдар и Чубайс сохраняли свободу воли и добровольно могли избрать путь служения Истине?.. Да что тут подробно объяснять – ведь об этом и написана «Легенда о Великом Инквизиторе». И Достоевский отнюдь не изображал Ивана Карамазова ограниченным или необразованным человеком. Наоборот, есть ряд указаний на то, что в его образе он выразил какую-то часть своих мучительных размышлений.

Сейчас мы видим в России широкое влечение людей к вере, Церкви. Это часто можно наблюдать своими глазами. Часто можно встретить в храме молодых людей, не знающих, как креститься, что такое Причастие и т. д. То есть их ведут в Церковь не старшие, не традиция, а внутреннее влечение. Здесь светит надежда, что это поможет им найти силы и разум, чтобы начать восстанавливать то, что было разрушено в России предшествующими поколениями. Но очень сомневаюсь, что они найдут простые ответы на вопросы, вечно стоявшие

перед человечеством. И если предупредить их, что простых ответов нет, то это, может быть, когда-то поможет им избежать разочарования.

– Тут я позволю себе не согласиться с Вами. Все-таки Православие, будучи откровением Божиим, четко объясняет «тайну истории» **именно в ее сердцевине.** *Трудностью является лишь приложение этого откровения к конкретным аспектам нашей личной и общественной жизни для ее точного понимания и предвидения – тайна на этом уровне сохраняется в том смысле, в каком Вы привели слова Достоевского. Впрочем, он не был богословом, а писал об этом интуитивно и не всегда точно. Художественный жанр ведь и не призван разъяснять тайну, ему достаточно волнительно интриговать читателя ею – иначе бы роман превратился в «обычную проповедь»...*

Проблема зла в Православии тоже трактуется достаточно четко. Зло, конечно, не есть «всего лишь отсутствие добра» – так упрощенно полагали только либеральные умы. В Законе Божием прямо говорится о личных носителях зла: о сатане и бесах, которые из гордости злоупотребили своей свободой для борьбы против Божия замысла и отвоевывают у Него человека. Для понимания этого и для самозащиты Бог и дал нам Свое откровение, но попускает зло действовать в мире через наши грехи – для вразумления грешников этим последним средством. В конце истории зло лишь ненадолго одерживает победу в земном мире, но гибнет вместе с ним, тогда как добро в виде спасшейся части человечества продолжает жизнь в новом послеисторическом измерении – в Царствии Божием. Нам не раскрываются лишь сроки исполнения этого – они не детерминированы именно в силу свободы челове-

ка, которому дана возможность влиять на эти сроки (но не на смысл истории), продолжать сопротивление антихристу или сдаться. Сопротивляющиеся как раз и спасутся – именно благодаря им и для них, а не для Гайдара с Чубайсом, Господь продлевает сроки.

Земной мир, испорченный грехопадением твари, уже не может стать совершенным, дьявол всегда будет находить в нем гайдаров, чубайсов и прочих мучителей – но наше отношение должно быть к ним соответствующим. Жизнь – это испытание для духовного созревания. Подлинный же смысл попущения Богом **невинных** *человеческих страданий известен только Ему Самому, а Он справедлив и не может оставить такие страдания бессмысленными. В этом одна из главных сторон христианского учения, непонятная атеистическому уму, но явленная нам Самим Христом: крестный подвиг как победа над злом через страдание и даже смерть* **– ради воскресения.** *То есть невинные страдания и смерть – это не печальный, незаслуженный итог и конец, а заслуженные врата в вечную жизнь. Убежден, что в этом масштабе следует рассматривать и жертвенный отказ Николая II от власти, поскольку тогда уже ничто не могло остановить революцию, и для нашего народа не оставалось уже иного пути возвращения к истине, как лишь через осознание истины от обратного, на пути страданий... В этом и состоит «тайна России», которая в XX в. в лучшей части своего народа уподобилась Христу. Эти святые жертвы не могут быть бессмысленными. Они и в земном мире способны изменить, оздоровить мироощущение нашего народа, если он осознает случившееся. Но, к сожалению, этот процесс осознания идет медленно...*

– Мне трудно здесь следовать за Вами. Вот Вы говорите, что Достоевский рассуждал не всегда точно и

не был богословом. Но и я ведь тем более не претендую быть богословом. И рассуждать точнее его я не берусь – наоборот, то, что он писал, мне всю мою жизнь казалось пределом ясного, далеко опережающего современников понимания самых глубоких тайн человека и мира.

Скажу то немногое, что мне кажется, в этих вопросах понятным. Что зло есть отсутствие добра – это совсем не то, что полагали либеральные умы, как Вы формулируете; в том или ином виде эту мысль высказывали почти все Отцы Церкви. Например: «Не злы по природе и души человеческие, ибо в них зло есть отсутствие, неполнота блага» (св. Дионисий Ареопагит). «Зло не существует само по себе, а является смещением добра» (св. Григорий Нисский). «Зло же в материи есть только по недостатку добра» (св. Максим Исповедник). «Ибо зло и не есть (что-либо) другое, кроме лишения блага, подобно тому, как и тьма – лишение света» (св. Иоанн Дамаскин).

И я эту мысль не думаю оспаривать. Мне кажется только, что такие вечные истины в каждый век приобретают свою конкретизацию. А если их только благостно повторять, то они перестают восприниматься, а через некоторое время начинают раздражать как «духовное красноречие». Это, как мне кажется, и произошло в России, начиная еще с прошлого века. А без напряженного ощущения всех этих основных вопросов жизни (ощущения, конечно, далеко не обязательно рационалистического) ни человек, ни народ свой жизненный путь выбрать не могут. Именно поэтому, вероятно, Достоевский реализовал великие вопросы зла, добра, свободы совести – в современном ему мире, городке Скотопригоньевске, в трактире или на суде присяжных (а не потому, что писал в жанре, где «достаточно волнительно интриговать», – этого, извините, я никак не могу понять). Видение Достоевского – это, как мне кажется, и был один из данных

России шансов, держась за который она могла бы миновать главные будущие катастрофы.

– Помимо Достоевского и других частных мнений есть и учение Церкви, которое следовало бы учесть... Но, к сожалению, сейчас у нас нет места для продолжения этой богословской дискуссии. Давайте вернемся к Вашей книге. Насчет осознания случившегося с нашим народом скажу еще: эмиграция – это не всегда «страшная вещь» и «ядовитая почва», как Вы пишете. Эмиграция была очень разная, но именно в ее среде, на опыте революции и познания разных политических систем, было вновь осознано православное призвание России в человеческой истории и причина революции как отход от этого призвания. В этом и была миссия русской эмиграции, даже если ее выразила **очень малая** *часть зарубежья. И очень жаль, что ее опыт все еще остается невостребованным в политической жизни России. Вот и Вы в своей большой работе почему-то не приводите эмигрантских источников, хотя именно в духовном анализе коммунизма у эмигрантских авторов есть очень много ценного, например, у архимандрита Константина (Зайцева)...*

– Тут, конечно, Вам виднее – Вы в эмиграции жили, а я имел с ней только «интеллектуальное» соприкосновение. Но пока я могу основываться только на своем собственном опыте, поэтому скажу о нем. Долгое время о духовной жизни эмиграции не было известно абсолютно ничего (исключение составляла отчасти музыка). Тем с большим интересом воспринималось то, что постепенно стало нас достигать. Я помню, с какой жадностью впитывалось все, доходившее до нас из этой совершенно неизвестной «второй» русской жизни. Это состояние ожидания чего-то необыкновенного продолжалось довольно долго, пока я не осознал, что

необыкновенного не будет, и даже ничего просто значительного я не узнал. Вероятно, я и до сих пор нахожусь под впечатлением этого разочарования и, может быть, поэтому несправедлив к эмиграции. Но я видел, как началась новая эмиграция отсюда и как блекли и огрублялись уезжавшие таланты. У меня сложилось под конец впечатление, что все созданное в эмиграции отравлено каким-то ядовитым элементом, растворенным в тамошней атмосфере. Отравлено в очень разных пропорциях. И проявляется – от страшной злобы к «бывшей своей» стране до какой-то глухости, невосприимчивости к тому, что в ней происходит. Невозможна здоровая духовная жизнь в отрыве от своего народа. Это, конечно, не относится к отдельным людям, часто оказавшимся в эмиграции не по своей воле и иногда проявившим там самые высокие стороны своей души.

– В заключение не соглашусь с Вами в самом главном для меня: что «на единственность Россия никогда не претендовала», что «штамп мессианства начисто выдуман», его ей только «клеили»... Мессия значит – Помазанник, по-гречески – Христос; и, соответственно, мессианство в его главном смысле означает христианство, следование учению Христа. Уникальное призвание России в человеческой истории, то есть замысел Божий о ней, заключается в создании наиболее совершенной христианской государственности. В силу этого России было суждено стать тем Удерживающим мир от разгула сил зла, о котором сказал апостол Павел. Только с этой точки зрения становятся понятны и русофобия глобальных антихристианских сил, и подлинный смысл коммунизма как их инструмента. Поскольку Россия была уникальным духовным образованием, против нее, в отличие от Запада, понадобился и специ-

альный, почти что апокалипсический инструмент тотального уничтожения православной цивилизации. По замыслу наших врагов, это должно было совершенно уничтожить ее, но по промыслу Божию дало и некую спасительную «прививку» для части народа, опыт познания апокалипсической раскладки сил в мире.

Так в нашей двухэтапной революции, от Февраля к Октябрю, с одной стороны, проявился общемировой духовный процесс деградации, апостасии (отхода от Бога). Но, с другой стороны, этим России был дан Богом и последний шанс преодолеть свое падение через осознание происшедшего, вынеся уроки из своих страданий и явив всему миру Истину для последнего выбора. Для этого осознания и был «нужен» нашему народу кровавый коммунизм, предохранивший Россию от присоединения к западному пути свободной деградации... За это осознание сейчас, по большому счету, и идет борьба в России – иначе наступит конец истории. И лишь поскольку должных уроков на государственном уровне из этого нами не вынесено – страдания продолжаются, чтобы изжить от обратного уже и соблазн демократии...

Прошу прощения, что в нашей беседе я все время пытался привлечь этот религиозный уровень анализа, – но только потому, что без него, я уверен, ничего по-настоящему не объяснимо. И тогда Вы правы: остается только «тайна» и «черный ящик» вместо исследования его устройства. Цель же моей книжной серии как раз учиться понимать и объяснять тайну, насколько это возможно. Даже если Вы со мной не во всем согласны – благодарю Вас за предоставленную возможность и мне, хотя бы кратко, затронуть эти вопросы в Вашей книге.

– Вы изложили взгляды, развернутые в Вашей книге, уже не раз нами упоминавшейся. Но поскольку, как Вы сами напоминаете, эта беседа заключает мою книгу, то

разрешите мне вернуться к ней и моему основному чувству, которое стимулировало собранные в ней работы.

Наш народ пережил колоссальное крушение, собственно, и сейчас его переживает. В облаках пыли и дыма трудно различать окружающие обломки. Такое крушение естественно порождает ощущение неуверенности во всем и одновременно готовность поверить во что угодно: смуту в умах и душах. Мы и видим разлив нового суеверия: от экстрасенсов по телевидению и рекламы «верного приворота» до предсказаний конца света. Патриарх недавно сказал, что нам важнее думать о неизбежном и скором «конце света», ожидающем каждого из нас: нашей смерти. Мне кажется, это образец христианской трезвенности. Тем более что нам важно думать и еще об одном «конце света» – вполне возможном в ближайшем будущем конце истории русского народа. Но зато мы видим свою историю с совершенно новых точек зрения, да и совсем конкретно – в свете публикаций массы новых фактов. И мы можем начать трезвенно и неангажированно осознавать то, что с нашим народом произошло, без чего и выход найти безнадежно. Это, вероятно, единственное, что мы сейчас реально можем сделать для наших детей, наших потомков. И для того, чтобы история русского народа не оборвалась в наступающем веке.

1997.

Беседу вел М. Н. Назаров.

ПРИМЕЧАНИЕ

РОССИЙСКИЙ КРИЗИС

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Феникс, 1994. С. 231–410.

Свойство хорошей книги – будить мысль человека

Впервые опубликовано в газете «Книжное обозрение», 1989, 25 августа.

Феномен эмиграции

Впервые опубликовано в газете «Литературная Россия», 1989, 8 сентября.

Шестая монархия

Впервые напечатано в журнале «Наш современник», № 8, 1990 г.

Можно ли еще спасти Россию?

Впервые опубликовано в газете «Комсомольская правда», 18 октября, 1990 г.

Ответы на вопросы

(Встреча редакции и авторского коллектива журнала «Слово» с читателями в феврале 1990 г.)

Впервые напечатано в журнале «Слово», № 7, 1990 г.

История повторятся дважды?

Впервые напечатано в газете «Политика», № 3, апрель 1991 г.

Написано осенью 1989 г. под впечатлением I Съезда Народных депутатов СССР.

Удар милосердия

Впервые напечатано в газете «Политика», № 8, июль, 1991 г.

В нас – дух славянофилов

Напечатано в «Смене» 13 марта 1991 г.

Россия наедине с собой

Впервые напечатано в журнале «Наш современник», № 1, 1992 г.

Пятидесятилетие начала войны

Впервые напечатано: Независимый русский альманах «Вече», № 42, 1991 г., Мюнхен.

Пути, которые мы можем избрать

Выступление на Радио 13 января 1992 г.

Лицом к лицу

Впервые опубликовано в газете «Литературная Россия», № 9, март 1992 г.

Правда оказалась нужнее хлеба

Впервые опубликовано в газете «Литературная Россия», № 27, июль 1992 г.

Третья Отечественная война

Впервые напечатано в газете «Московский литератор», № 22, июнь 1992 г.

Судьба России зависит от индивидуальных усилий каждого из нас

Опубликовано в газете «Омское время», июнь 1992 г.

Реформа или катастрофа?

Впервые напечатано в газете «Путь», № 7, 1992 г.

Жизнь – это и есть умение сохранить память

Впервые опубликовано в еженедельнике «Москвичка», № 3, 4, февраль 1992 г.

«Или предательство, или равнодушие...»

Впервые опубликовано в еженедельнике «Литературная Россия», № 23, июнь 1992 г.

РУССКИЙ НАРОД НА ПЕРЕЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Бег наперегонки со смертью

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000.

Стараюсь понять, что с нами происходит

Опубликовано в газете «Московский железнодорожник», 1997, № 26, 6 июня.

Третья Отечественная

Напечатано в журнале «Наш современник», 1994, № 9.

Часть I
РЕВОЛЮЦИЯ И ЭПОХА КОММУНИЗМА

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2007.

На русском языке опубликовано: «Московский журнал», 1999, № 10.

Русские в эпоху коммунизма

Опубликовано в журнале «Москва», 1999, № 10, 11.

1. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV.
3. *Тухачевский М. И.* Война классов. М., 1921.
4. *Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения. М., 1993.
5. *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. М., 1993. Т. 1.
6. Документы свидетельствуют: Сборник документов. М., 1989.
7. Советская деревня глазами ВЧК – ОПТУ – НКВД: Сборник документов. М., 1998. Т. 1.
8. *Миронов Филипп.* Сборник документов. М., 1997.
9. Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1919–1921 гг.: Сборник документов. Тамбов, 1994.
10. *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
11. *Козлов А. И.* Расказачивание // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
12. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1959.

13. *Преображенский Е. А.* Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926.

14. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Сборник документов. М., 1999. Т. 1.

16. *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

17. *Redfield R.* Peasant society and culture. Chicago, 1956.

18. Великий незнакомец: Сборник статей. М., 1992.

19. *Бухарин В. И.* Вопросы теории и практики социализма. М., 1989.

20. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.

21. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991.

22. *Чаянов А. В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Ч. 1. М., 1920.

23. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995.

24. *Выцлан М. А.* Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

25. *Иеромонах Дамаскин.* Гонения на Русскую православную церковь в советский период // Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Т. 3.

26. Трагические судьбы. М.: «Наука», 1995.

27. *Глушко В. П.* Из истории начального этапа развития ракетно-космической техники в СССР// Начало. 1992. № 18.

28. *Белоконь В. А.* // Начало. 1992. № 17.

29. *Данилов В. П.* Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5.

30. Пятилетний план народнохозяйственного развития СССР. Т. 1–4.

31. Новейшая история отечества. XX век. М., 1998. Т. 2.

32. Гриф секретности снят. М., 1993.

33. *Hoffann J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984.

34. Источник. 1995. № 2.

35. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

36. *Karpinski* /Poland since 1944. Boulder-Oxford, 1995.

37. Источник. 1994. № 6.

38. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Январь. Февраль. Март – апрель. М., 1996.

39. *Карпович Б. Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия (1917–1920). М., 1920.

40. *Репко С. И.* Война и пропаганда. М.: Новости, 1999.

Социализм или капитализм?

Напечатано в газете «Литературная Россия», 1994, № 24.

Была ли «перестройка» акцией ЦРУ?

Опубликовано в журнале «Наш современник», 1995, № 7.

John A. Stormer. None Dare Call if Treason. Liberty Bell Press, 1964.

Bruce Hershenson. The Gods of Antenna. Arlington House Publishers, 1976.

Gerberding Smith. The Radical Left. Houghton Mifflin Company, 1970.

Баталов Э. Я. Философия бунта. М.: Политиздат, 1973.

Бела Кепеци. Идеология «новых левых». Левое студенческое движение в странах капитала. М.: Прогресс, 1977.

Pavel Sudoplatov and Anatoli Sudoplatov. Special Tasks. Little Brown and C^{O}, 1994.

Допрос Нильса Бора // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 117–122.

Паризе Г. Беседа // Иностранная литература. 1969. № 9.

Как умирают народы

Опубликовано в журнале «Наш современник», 1996, № 7.

1. См., напр.: *Pointing C.* The Green History of the World. 1991. P. 387–392.

2. *Козлов В. И.* Вымирание русских: историко-демографический кризис или катастрофа? // Вестник Российской Академии наук. 1995. № 9. С. 771.

3. Там же.

4. Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 181–185.

5. *Козлов В. И.* Указ. соч. С. 775.

6. *Тацит Корнелий.* Анналы. Кн. I. С. 11.

7. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 311, 315.

8. Ibid. P. 103.

9. Ibid. P. 124.

10. Ibid. P. 351, 414.

11. Ibid. P. 318, 352.

12. *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der Antiken Welt. Bd. I. Berlin, 1910.

13. *Мейер Э.* Экономическое развитие древнего мира. 1910. С. 81.

14. *Rostovtzeff M.* Указ. соч. С. 424.

15. *Полибий.* Всеобщая история. Кн. 37. С. 9.

16. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 67.

17. *Транквилл Гай Светоний.* Жизнеописание двенадцати цезарей. Август. С. 42.

18. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 83, 85.

19. *Seeck* O. Op. cit. P. 358.

20. *Rostovtzeff M.* Op. cit. P. 311, 313.

21. *Ковалев С. И.* История античного общества. Эллинизм. Рим, 1936. С. 260.

22. *Rostovtzeff M.* Op. cit. P. 417, 419, 421.

23. Ibid. P. 362, 380.

24. *Виппер Р. Ю.* Рим и раннее христианство. 1954. С. 212.

25. См. об этом статью Прохорова Г. М. в Трудах Отдела русской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. 1979. Т. 34. С. 3–17.

26. Постановление III съезда КПРФ // Правда, 1995. 3 марта.

27. См.: Тезисы к разработке Программы Коммунистической партии РФ. Приняты Пленумом ЦК КПРФ 15 марта 1994 // Правда России. 1994. 24 марта.

28. Странное покаяние // Советская Россия. 1995. 26 декабря.

29. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. С. 444.

30. *Ленин В. И.* Сочинения. Изд. 5-е. Т. 26. С. 10, 304.

31. *Горький М.* Владимир Ленин (некролог) // Русский современник. Л.–М., 1924. № 1. С. 241.

32. Девятый вариант, или Некоторые советы В. И. Ленина Б. Н. Ельцину и В. С. Черномырдину по поводу Чечни // Советская Россия, 1996, 13 февраля.

33. *Ильин И.* Наши задачи. М., 1992. С. 282.

34. Творческая идея нашего будущего. Новосибирск, 1991. С. 9.

35. *Вабиков Г. В.* Еще раз об итогах выборов 1995 года (рукопись).

Почему русские терпят?

Статья написана по предложению журнала «Российская провинция», но не была опубликована.

Политическое масонство в русской революции

На русском языке опубликовано: «Московский журнал», 1999, № 10.

Часть II
РУСОФОБИЯ У ВЛАСТИ

Публикуется по*: Шафаревич И. Р.* Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000.

Разговор на запретную тему

Опубликовано в газете «Омское время», 1998, 20–26 ноября.

Кто правит Россией

Опубликовано в журнале «Русский Дом», 1999, № 1.

Почему невозможен фашизм в России

Опубликовано в газете «Правда», 1998, 11–12 августа.

Геноцид русских в Чечне

Отрывок из статьи, опубликованной в газете «Правда», 1998, 13 марта.

Расстрел 1993 года

Опубликовано в приложении к «Независимой газете», 1998, № 16(18), октябрь.

«Надеюсь на чудо»

Опубликовано в журнале «Образ», 1997, № 1 (8).

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКИЙ КРИЗИС 3
Свойство хорошей книги – будить мысль человека 5
Феномен эмиграции 25
Шестая монархия.....38
Можно ли еще спасти Россию? 81
Ответы на вопросы.....91
История повторятся дважды?..... 97
Удар милосердия.....108
В нас – дух славянофилов..... 114
Россия наедине с собой.....134
1. Распад страны 135
2. Народ оказался среди побежденных 137
3. Правители все те же 140
4. Единая, неделимая?.. 143
5. Русская политика.....147
Выступление в передаче «Добрый вечер, Москва»....152
Пятидесятилетие начала войны.....156
Пути, которые мы можем избрать 167
Лицом к лицу 186
Правда оказалась нужнее хлеба.....188
Третья Отечественная война.....191
Судьба России Зависит от индивидуальных
усилий каждого из нас 198

Реформа или катастрофа? 213
Жизнь – это и есть умение сохранить память..... 219
«Или предательство, или равнодушие…» 236
Телеинтервью 252

РУССКИЙ НАРОД НА ПЕРЕЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. *Бег наперегонки со смертью* 259
Стараюсь понять, что с нами происходит 261
Третья Отечественная 270

Часть I. **Революция и эпоха коммунизма** 286
Русские в эпоху коммунизма 286
Три идеи 286
Нация 293
Коммунизм 298
Революция и гражданская война 305
Крестьянская война 314
Сталин и оппозиция 342
Великий перелом 359
Упущенная возможность: концепция Чаянова 377
Тридцать седьмой год 400
Война 413
«Национал-большевизм» 431
Зачем нам сейчас об этом думать? 444
Социализм или капитализм? 466
Была ли «перестройка» акцией ЦРУ? 473
Где искать причину катастрофы? 473
Несоответствие масштабов 475
Наши «агенты влияния» на Западе 476
Пример: утечка атомных секретов США 484
«Левые» 489
«Новые левые» 492
Революция 501

Сопоставление с Сербией 507
Как умирают народы 509
Мы вымираем? 509
Конец античности – параллели 512
Контраргументы 517
Россия без русской силы 521
Опять выборы без выбора 529
Что же дальше? 534
Почему русские терпят? 544
Политическое масонство в русской революции 552

Часть II. **Русофобия у власти** 571
Разговор на запретную тему 571
Кто правит Россией 587
Почему невозможен фашизм в России 605
Геноцид русских в Чечне 613
Расстрел 1993 года 621
«Надеюсь на чудо» 623
«Чтобы история русского народа не оборвалась...» 641

Примечание 676

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 20.03.2014 г. Формат 84 х 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 27,4 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».